

Alev Alatlı

Aydınlanma Deęil, Merhamet!
(Gogol'un İzinde 1)

EVEREST YAYINLARI
İSTANBUL

Алев Алатлы

ПО СЛЕДАМ ГОГОЛЯ

Книга 1

НЕ ПРОСВЕЩЕНИЕМ, НО СЕРДЦЕМ

Киев
«Четверта хвиля»
2010

УДК 821.512.161-312.1=161.1

ББК 84(5Тур)-44

А 45

Алатлы, Алев.

А 45 По следам Гоголя. Кн. 1. Не просвещением, но сердцем / Алев Алатлы ; пер. с турецк. И. Дриги. – К. : Четверта хвиля, 2010. – 522 с.

ISBN 978-966-529-217-3

Первая книга романа-тетралогии «По следам Гоголя» современной писательницы Алев Алатлы является одним из наиболее читаемых произведений художественной литературы в Турции на протяжении последних десяти лет. Автор пытается выстроить связь между образом Гоголя и героем романа Алексием. В каком-то смысле Алексий как бы современный Гоголь. События происходят в момент болезненного превращения Советского Союза в современную Россию. Поиск нею своего настоящего “я” происходит на глазах турецкой девушки, сознательно приехавшей в Россию. В романе причудливо сплетаются реальные события русской и турецкой истории; произведения российских классиков Гоголя, Достоевского, Набокова, Солженицына вместе с публицистикой современников стоят неразрывной частью литературного полотна писательницы. Борьба идей все время ведет к раздвоению России на Россию европеизированную и Русь исконную. Перед нашими глазами проходят язычники и староверы, масоны и коммунисты, диссиденты и новые русские, простые русские люди из глубинки и потомственные аристократы, интеллектуалы и политики. Вся эта сложная, многоликая Россия представлена нам глазами иностранки-мусульманки, остро ощущающей ту же проблему: где есть современная Турция? В исламском прошлом или европейском настоящем? Вывод однозначен: величие исконной Руси и Турции надо искать не в достижениях рассудочного европейского прогресса с его культом потребления, а в духовных началах их культуры, в их сердце, а не в голове.

ББК 84(5Тур)-44

Издательский грант предоставлен проектом ТЕДА
Министерства культуры и туризма Турецкой Республики

Перевод с турецкого Ирины Дриги

ISBN 978-966-529-217-3

© Алев Алатлы, 2010

© Ирина Дрига, перевод, 2010

© «Четверта хвиля», 2010

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

Доц. Др. Ахмет Туран АЛКАН: Тексты, написанные Алев Алатлы, являющиеся чем-то большим, нежели исключительно любовь к писательству и претензия изменить с помощью пера мир, ... выстроенный один за другим богатый и поразительный материал, вдобавок – его поражающе насыщенная расстановка – должно быть, все это служит цели устранить и избавиться от привитого рядовому турецкому читателю невежества в отношении России... я вижу в нем великую пользу для реабилитации нашего этноцентрического сознания, трагически зацикленного исключительно на нас самих, – начиная с познания нашего ближайшего соседа...

Айтунч АЛТЫНДАЛ: Я поздравляю Алатлы с тем, что она очистила турецкую литературу от царящей в ней дотоле деревенщины и “патетического романтизма” и написала наконец настоящий роман.

Хюлья АРСЛАН: если кто-то из писателей в нашей стране и мог свести лицом к лицу в одном абзаце Гоголя, Солженицына и Набокова, то это произведение доказало: сделать это могла только Алев Алатлы. Очень впечатляет то, как правильно она восприняла русскую культуру, а также ее наблюдения, переданные в реально-исторических умозаключениях. Некогда недостижимая за “железным занавесом” Россия во многих отношениях сегодня наполняет болью душу многих из нас – так же, как заставила страдать душу Алев Алатлы.

Арслан БУЛУТ: В плане отражения процесса формирования русской культуры Алатлы потрудилась с усердием, способным бросить вызов самим русским мастерам пера... да так, что притом, что притом многим русским писателям сложный стилистический рисунок отразился местами в авторском стиле Алатлы...

Проф. Др. Озер ЭРГУНА: Произведение, с тщательностью представляющее материал, способный расширить наши горизонты для того, чтоб смочь понять новосоздаваемый миропорядок и обнаружить собственное простодушие в нем... читая его, вы погружаетесь в богатое море философии и в переживаемых противоречиях находите самих себя.

Проф. Др. Зейнеп ГЮНАЛ: Роман ...чрезвычайно насыщен и адресован интеллектуальным кругам... думаю, сами русские, прочтя его, поразятся существованию – И притом где? В Турции! – писателя, столь глубоко знающего их самих...

Ирфан КОЧ: Должно быть, по причине милосердия к нам, читателям, роман “По следам Гоголя-1” не оставил ни малейшего шанса нам, читателям, обойти вниманием либо сокрыть это истинное и печальное жизнеописание многострадального народа в самом сердце евразийской территории, породившей в своих глубинах потрясающую по силе культуру и цивилизацию.

Синан ОГАН, директор Центра стратегических исследований Турции: Алев Алатлы, которую я считаю хранительницей интеллектуальной памяти Турции, впервые взвалила на себя столь тяжкое бремя и выдала произведение, прочитанное мною с таким наслаждением. Как человек, проработавший долгие годы в России, могу сказать, что данный труд является лучшим в Турции и выдающимся произведением, которое мне приходилось читать о России...

Проф. Др. Серпиль ОПЕРМАН: Очень успешный роман в рамках реалистической традиции, быть может, эпического формата.

Проф. Др. Сюлейман Сейфи ОГЮН: Помимо общепринятого выхода из понятия “мы”, роман... вытягивает из рутины индивидуализма и придает ему диалектический характер. Здесь мы встречаемся с феноменом столкновения лица к лицу... который обращается во все вновь и вновь являющуюся картину встречи “русской души” в ее православных и еретических проявлениях – и “тюркской души” в опять-таки традиционалистской и неканонической типизациях... и сказанное “русской душой” и исповедь перед собою находит отражение в тюркской душе...

Проф. ДР. Али Яшар САРЫБАЙ: Книга, основным стержнем которой являются трансформации в России начиная с 1980-х годов, и порождающая свободные ассоциации с Турцией. Перед нами – вид *политического романа*, прочесть который пришло время и необходимо турецкому обществу, которое не может выказать в обсуждении собственных ценностей толерантность и восприимчивое терпение во время ожидания от Евросоюза даты обсуждения...

Тыназ ТИТИЗ: Помимо прекрасного описания обыденного, книга представляет собой экономический анализ положения нашего ближайшего соседа, о котором турецкое общество обладает таким минимумом знаний, – но насколько опозитизированный анализ! Поэтому не будет преувеличением предположить, что она содержит в себе потенциал, способный создать поворотную точку в развитии двусторонних отношений между нашими странами.

www.alevalatli.com

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Роман-тетралогия “По следам Гоголя” современной турецкой писательницы, философа и психолингвиста Алев Алатлы стал одним из наиболее читаемых произведений художественной литературы в Турции на протяжении последних десяти лет. До выхода этого романа писательница прославилась благодаря другим произведениям как художественного, так и общегуманитарно-философского характера, оказавшим значительное влияние на формирование модернистского гуманитарного мировоззрения турецкой интеллигенции 1990-2010-х годов. Тексты А. Алатлы сегодня признаны Министерством культуры и туризма Турции одним из лучших произведений современной турецкой литературы, достойных быть представленными в зарубежных переводах и представлять ее литературную традицию. Анализ творчества А. Алатлы вошел в пятитомную фундаментальную “Историю турецкой литературы” профессора Ахмеда Кабаклы, издания Турецкого литературного фонда как пример одного из наиболее успешных турецких авторов XX ст. За роман “По следам Гоголя” в 2007 году А. Алатлы была награждена литературной премией и медалью имени М. Шолохова за лучшую литературную разработку шолоховских тем в мировой литературе. Таким образом, тексты А. Алатлы можно считать показательными для понимания современной турецкой языковой и литературно-концептуальной картины мира, и поэтому нам показалось невозможным осознание современных литературных творческих горизонтов Турции без ознакомления рус-

скоязычного читателя с этими романами нашей турецкой современницы.

Наше знакомство с писательницей произошло вполне понятным и типичным для XXI века образом – в Интернете, во время нашей работы в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: автор появилась буквально из ниоткуда и, обратив внимание на наше украинское происхождение, предложила ознакомиться с гоголевской темой в турецкой литературе. Мы так до сих пор и не знаем, откуда, как и что привело Алев Алатлы к Ирине Дриге, но бередившее душу всякого украинца имя Н.В. Гоголя не оставляло шансов на раздумья либо сопротивление: Гоголь и пиетет перед ним у турецкого читателя – вот то, что бесконечно укрепит мосты украинско-турецко-русской дружбы и сотрудничества в области литературы. Вы заметите из последующей записки – обращения писательницы к русскоязычному читателю, с каким волнением и преклонением перед великой культурой создавала автор свой труд. Заметим, что мечтой Алев Алатлы было преподнести русский перевод романа одному из прототипов героев романа – писателю А. Солженицыну, как дань за героическую нонконформистскую жизненную позицию последнего. К сожалению, смерть А. Солженицына и объективные причины, по которым русский перевод романа увидел свет лишь годы спустя, не позволили сбыться данной надежде. Надеемся, идеи романа найдут отклик в душах тех, кому были созвучны мысли и идеи российского писателя.

Все более и более сближаясь и стараясь понять автора в процессе наших бесед и работы над текстом, мы, как специалист по тюркобалканистике, обнаруживали множество неслучайных случайностей встречи автора и переводчика: старое балканское, точнее, косоварское происхождение рода А. Алатлы; ее неслучайный интерес к древнему христианству сердца Малой Азии – Каппадокии и, более того, прямо-таки подвижническое участие в развитии культуры и образования Каппадокийского региона; воссоздание в кругу своего общения старого, вытесненного из исторического центра волнами переселенцев в стам-

бульское предместье традиционно-интеллектуального и космополитичного “прежнего” Стамбула со вкусом забытых османских блюд и чрезвычайной открытостью ко впитыванию новых сюжетов, новой информации, открытию новых регионов...

Работа над переводом, “угадывание” нашей действительности сквозь призму взгляда турецкого интеллектуала породила, безусловно, ряд возможных погрешностей, за которые переводчик заранее просит прощения перед читателем и возлагает всю вину на себя. Зачастую они сводились буквально к вынужденно двойному переводу – что касалось перифраза явно русских же речей А. Солженицына, Тулеева, Набокова и иже с ними. Остановимся кратко на особенностях перевода интертекстуальных моментов романа. У автора встречаются также легко узнаваемые русскоязычным читателем цитаты из Библии, произведений классической русской художественной литературы, летописей, а также прецедентных для истории русской культуры текстов средств массовой информации и т. д. Перед переводчиком встал вопрос: разыскивать ли основной текст цитаты и подавать его в виде, до боли известном русскому читателю, или задать ему загадку, которую он с удовольствием разгадывал бы сам, и, кроме того, предложить видение данного интертекста (не всегда стопроцентно точное!) турецкого мастера слова? Мы решили остановиться на втором варианте и донести видение этих текстов автором, для произведений классической русской литературы предлагая текст оригинала в сносках. Оставляем читателю смотреть, искать и сравнивать. Мы со своей стороны старались сгладить коннотативные различия в тех или иных словоупотреблениях, о которых автор просто не могла знать, а также погрешности в транслитерации некоторых реалий, географических названий и личных имен (например, гималайские-амурские тигры). Вместе с тем, мы сочли, что не вправе “раскрывать” авторские криптограммы явно узнаваемых российских и украинских фамилий, отдавая должное претензии на “фантастический” характер сюжетного повествования.

Особую сложность составила попытка оставить русскоязычному читателю “загадку” российских же, в турецком оригинале

ставших экзотизмами, реалий. Здесь следует объяснить присутствующие в русском тексте слова на турецком языке, русский перевод которых дан в сносках внизу страницы. Автор объясняет или переводит турецкому читателю смысл русских реалий и оставляет оригинал слова на русском. Это привлекает внимание читателя, выделяет коннотацию слова в окружении турецкого предложения. Нам показалось, что оставленное в русском переводе слово на русском языке теряет свою коннотативную нагрузку. Посоветовавшись с автором, мы решили рискнуть сыграть с русским читателем в ту же игру и дать эти реалии “в турецком исполнении”. Получилось ли привлечь Ваше внимание к маркерам нашей собственной культуры – судите сами.

Следует упомянуть и о понятии Русь и Россия, применяемом автором и используемом в переводе. Дело в том, что Алев Алатлы говорит о Руси и русском мире в том понимании, в котором ее привыкли рассматривать “дальние русской культуре” иноземцы (в данном случае современные турки) – без разделения на русских, украинцев и пр. Поэтому, прекрасно осознавая, что искусственно подменять этноним будет неверным, мы в языке перевода старались по возможности ограничить политическим дискурсом употребление термина Россия, в немаркированных же политическим контекстом случаях мы старались передать истинную мысль автора, говорящего о Руси в целом, словом Русь. Можно сказать, что автор создала себе свою вожденную, “мечтательную” Русь – и Русь эта понимается в рамках старой, киево-русской ойкумены, в которой выросли мы с вами все, и большая часть населения, слава Богу, еще растит так своих детей. Это – ойкумена и творческое пространство Гоголя, и поэтому мы считали святым долгом переводчика – чтоб книга Алев Алатлы была издана в Украине, дав нашему читателю почувствовать, что в Руси любит турок-интеллектуал, что будет давать гордость всему славянству.

В заключение скажем несколько слов о стилистическом мастерстве писательницы. Алев Алатлы можно, безусловно, назвать мастером слова. Богатство турецкого языка в романе, необычайная креативность в словотворении подкреплена у турецкой писатель-

ницы еще и мастерским владением использованным в романе материалом. Можно поэтому, на наш взгляд, говорить о появлении еще одного способного зарубежного, на этот раз турецкого, русиста. Насколько она конкурентноспособна – судить Вам, уважаемый читатель, однако не стоит забывать, что предлагаемый Вашему вниманию текст – не исследовательский труд по России, но художественная книга – фантастика, почти утопия.

Итак, текст Алев Алатлы предоставляет возможность знакомому с классической и современной русской действительностью читателю взглянуть на себя иными глазами и со стороны – увидеть созданный для иностранца русский карнавал – и с удивлением обнаружить в нем зазеркалье – экзотический карнавал турецкий, ставший благодаря неожиданно найденным русским параллелям до того близким, знакомым и родным, моментами банальным, что “чужесть”, “инакость” турецкой литературы вдруг как бы растворяется, исчезает. А на ее месте возникает также вдруг глубокое, уважительное понимание близкой, соседней, идущей на протяжении многих лет истории плечом к плечу культуры.

Ирина Дрига

ОТ АВТОРА

В нашем романе-тетралогии “По следам Гоголя” мы постарались выстроить связь между образом Гоголя и русским героем романов Алексием. В каком-то смысле Алексей – это как бы современный Гоголь. Это персонаж, который постоянно вопрошает себя и мир, в котором он живет, и подвергает оценке тот вклад, который он сам и его род сделали в образование этого мира.

Род Алексея корнями уходит к семье Столыпиных, сам Столыпин приходится старшим дядюшкой его матери, к его же роду относятся также и Софья Перовская, первая в России женщина из народников 1872 года, казненная за покушение на Александра II.

Отсюда берет начало и получает продолжение история Софьи, а затем и Алексея – представителей русской интеллигенции. Матерью Алексея является госпожа Зеленская – научный работник и эзотерик, отцом – пресловуто известный биолог Лысенко, положивший начало истории осушения Аральского моря.

Основной принцип писательской работы Алев Алатлы – строишь идеал, фантазию, и по этому идеалу стараешься обустроить мир. Роман, в котором причудливо сплетаются реальные события русской и турецкой истории, построенный на профессионально изученных доктором философии университета Калифорния, психолингвистом Алев Алатлы произведениях и публицистике таких классиков русской литературы, как Достоевский, Гоголь, Солженицын, Набоков ...

В основе романа лежит идея-ирония невозможности жертвенности, которую вы не можете оказать для мира, который человек созидал со столь великой верой и идеализмом. Вы отва-

живаешься на какое-то дело. Это дело не находит соответствия в том мире, в котором оно было сделано. То же, что миру соответствует, – и делом-то называться не достойно! И это открытие – в то же время есть открытие Эйнштейна. Математика, когда она берется толковать мир, – не точна и относительна. Когда же она точна – она не истолковывает мир! Это понятие Эйнштейна – собственно, понятие, полагающее начало квантовой физике. Об этом идет речь в прежних двух романах писательницы, объединенных названием “Кот Шредингера”.

Мать главного героя Зеленского – это женщина, бросившая Лысенко во время беременности его ребенком. Ребенка воспитывает другой отец, потому-то ему и дана фамилия Зеленский. Он никогда не знал родного отца. События в романе строятся вокруг Зеленского и старой Московской городской интеллигенции, круг которой достаточно широк. С одной стороны, это старые коммунисты, какими являются “старый порох в пороховницах” Галина и ее муж; с другой – такая аналитического склада ума женщина и в то же время врач – специалист по психокинезу, как мать Зеленского...

Продолжая перечислять круг героев романа, следует назвать двоюродного брата Алексея – православного священника; господина Рабиновича, работающего под началом одного из богатейших людей России 90-х годов, еврея ультралиберальных взглядов. Упомянем также подругу Зеленского Терезу, которая влилась в ряды армии хлынувших сразу после перестройки в Россию из Америки ученых, Терезу и людей ее круга, прибывших из лучших и наиболее известных американских университетов, большинство из которых составляли дети эмигрантов из России во втором поколении.

Кроме того, среди них всех выделяются также, как алые пробы, и американские краснокожие со своими детьми. Все они – люди, которые приехали после перестройки в Россию посмотреть, что же с нею произошло, и обладающие каждый своим взглядом на происходящее. История каждого из этих героев привносит в роман новое истолкование социо-политической жизни России. Как видно из романа, Алексей находит-

ся среди всех этих людей, они знают его как инженера по вопросам противопожарной безопасности. Его история, как и истории каждого из героев, – аутентичны (основаны на реальных жизнеописаниях) и пребывают в тесной связи одна с другой и с историческими событиями, происходившими в последние сто пятьдесят лет в России. Все истории, рассказанные Галиной и ее супругом – полковником-артиллеристом в отставке – не вымышленные, а реальные истории жизни.

Метафора уподобления Алексея Гоголю, соединившему в себе рускость и украинство, заложена в развертывании характеров этих двух очень различных героев – интеллигентов, живших “на Руси великой” с промежутком в 150 лет. Собственно, они похожи совершенным ими вкладом в жизнь общества. Это герои, вопрошающие о себе и своей ответственности за то современное состояние общества, в котором оно очутилось, душа которых не позволяет им отойти и отказаться от дела их жизни. Гоголь совершил самоубийство, Алексей вошел в огонь. Собственно, все четыре тома романа – это история удивительной этической борьбы. В русле этой этической борьбы на арену событий выходит, с одной стороны, русское масонство от Радищева и до Набокова, с другой стороны, старoverы. Герой романа Перовский – специалист по русской архитектуре – прилагает усилия к возрождению исконной веры Киевской Руси – язычества, обращаясь к истокам русского pagанизма, перуническому культу. Все эти герои выстраиваются перед нами, чтоб тем или иным образом представить соответственно основной цели романа исконно русскую душу.

Центральным женским персонажем тетралогии является турчанка Гюльоя Гюрелли (в имени – игра слов, апеллирующая к старинной тюркской песне и традиционному виду резьбы по дереву в виде цветка. – *Примеч. пер.*). Она – биолог-ботаник и эколог, считает себя плохой и грешной мусульманкой. Верит в то, что мусульманство является религией, которая, как завещает Коран, несет на себе груз ответственности за все живое на Земле. Прежде всего, в силу того, что человек есть венец творения Божьего и, следовательно, ответственен за все в этом мире. Она

верит, что планета вскоре не выдержит этой гонки потребления и производства. Это тип героя, который заявляет о том, что если эта непрерывная цепь потреблять – производить – потреблять – производить... будет продолжаться и далее, мир за тысячу лет под влиянием сероводорода уничтожит сам себя, и причиной этого самоубийства станет венец всего сущего – человек.

Что касается личной линии повествования, то, как можно увидеть, героиня Гюльоя влюблена со школьных времен в турецкого архитектора по имени Айтунч, который поистине гениален как архитектор, получивший авторский патент на строительство уникальных, устойчивых к самым сильным землетрясениям зданий в самых сложных районах. Однако в момент нашего знакомства с романом Айтунч обладает непомерно большим капиталом, за который и продает себя этически и морально. Поклонившись ценностным ориентирам и суждениям расхожего мейнстрима, Айтунч вместе с тем приходит к стадии разрыва с Гюльоей. Причина разрыва – Гюльоя в этом отношении несет скорее философию староверов. С Айтунчем же со временем становится понятно, что он прочно усвоил взгляд на жизнь и образ жизни “новых русских” – капитал и этические жертвы во имя капитала... Последним подтверждением духовной деградации Айтунча в глазах Гюльои становится его вполне по-турецки традиционный брак с подходящей ему во всех отношениях, безмолвной и безропотной девушкой – ревностной мусульманкой, которая сидит дома и окружает мужа самым что ни есть традиционным и патриархальным укладом. С этого переломного момента передовой интеллигент Айтунч деградирует, начинает совершать совершенно противоположные, консервативные и даже ренегатские поступки.

Гюльоя вдруг, в один момент, обнаруживает, что она попра-на, низведена и дезавуирована как личность и человек. Она чувствует себя, будто никогда не было ни одной из определяющих ее жизнь ценностей и идеалов, будто она вовсе никогда и не жила. Цивилизация, верования, ценности, – все будто разом взяло и исчезло. Как же могут выживать люди перед угрозой

такого тотального попрания и уничтожения? – этот вопрос остается единственным, который занимает все сознание Гюльои. В подобном положении в мире очутились две страны. Одна из них – Палестина, другая – Россия. В Палестине люди умирают, чтоб выжить, а женщины непрестанно рожают, находясь будто в единственном усилии своим собственным способом воскресить собственные гены: “мать рождает шестерых: двоих – чтоб быть раздавленными танком, двоих – чтоб добывали пропитание, достаточное только, чтоб не умереть с голоду, и еще двоих – про запас”... Вторая страна – Россия: по иронии судьбы Гюльоя наблюдает, как в Стамбуле выпускницы факультетов атомной физики – россиянки вынуждены зарабатывать на миску супа самым святым и первобытным, что есть у человека, – телом, и понимает, что это тоже – генетическое, первобытное стремление народа выжить. Русские женщины продолжают цепляться за жизнь, будто специально для того, чтоб не дать погибнуть генам. Эти женщины также попораны и низведены, их человеческая суть уничтожена: в один момент исчезли оконченные ими университеты, очарование и жертвенность святых минут в жизни, величие жизненных испытаний. Все заключено в куске хлеба, за который эти красавицы продают свое самое первобытное сокровище – свои тела.

Гюльоя старается понять: что же это за мир такой? Поскольку в начале 90-х годов она не может получить разрешение на въезд в Палестину, то с легкостью получает русскую визу, и, собственно, приезжает в Россию, чтоб в ней затеряться и потерять себя. Приезжает в Россию, чтоб затеряться и исчезнуть совсем.

По странной случайности в московском самолете она оказывается рядом с американкой и говорящей на английском болгаркой, занимающейся челночной торговлей в районе Лалели в Стамбуле. Американка летит в Россию на день рождения своего русского бойфренда. В руках у женщины – книга Гоголя “Вечера на хуторе близ Диканьки”... они выходят из аэропорта, наша героиня останавливается в отеле “Россия” – в других просто не было места. И в тот же вечер с мужского балета начинается цепь преследующих ее случайных совпадений и странностей:

Совершенно неожиданно оказывается, что день рождения Алексея отмечают именно в том же отеле. Женщины из самолета встречаются вновь – прием по случаю дня рождения дает та самая американка. Все вышеупомянутые герои в тот вечер один за другим появляются на приеме.

Наша героиня вдруг обнаруживает себя в окружении избранной интеллигенции города. Собственно, все четыре тома рассказывают затем о том, как героиня воспринимает социально-политические направления и взгляды, которые представляют эти люди. Результат и мысль, к которой она приходит, – выражение Тютчева 1850-х годов: умом Россию не объять, в Россию можно только верить. Она понимает это сравнительно за короткое время, и с этим начинается самая великая в ее жизни любовь – любовь к русскому народу.

Добро и зло, нищета и роскошь – сражаются и неотступно присутствуют в романе. Что еще более странно, – действующая двойка героев – Алексей символизирует силу умственных построений и прозрений в духе Достоевского, Гюльоя же – личность – маргинальную европейскую представительницу традиционалистской мусульманской страны; и в то же время – своим практицизмом напоминающая китайку. Эта странная комбинация двух главных героев заново открывает не только духовную суть православия, но и, через связь между ними, собственную идентичность и корни. Героиня строит свой собственный образ России, и в этом образе – держава, включающая в себя русских писателей начиная с 1700-х годов, и комбинация русской политической мысли особенно после 50-х годов XX века.

Все эти события едва помещаются в 4 томах романа. 2000 страниц, разделенных на 4 книги, описывают события, начинающиеся в наши дни и flash back-образом отбрасывающие читателя все глубже и глубже в историю.

Собственно, самое главное, что постаралась сказать в своем романе писательница, – это поклон и глубочайшее уважение перед русской интеллигенцией, которую она всегда полагала чрезвычайно высокой и самой достойной.

Этот роман – дань почету, восхищению и поклонению.

Автор встает и склоняется в поклоне...

И уж, совсем по-турецки, – “представляете, и этому суждено пройти...”...

Аннотация составлена автором совместно с переводчиком на русский язык и главой Фонда турецкой демократии господином Муратом Шенгюль.

Правда является более удивительной, нежели фантазия, ибо фантазии должно наблюдать за тем, что может возникнуть, – у правды же подобного принуждения нет.

Марк Твен

Если бы пришлось мне выразить одним словом явление, называемое мною “высокомерие превращения в интеллигента”, – это было бы слово “низвести, или пофрать, или дезавуировать”. Дезавуировать людей, все, что люди пережили, их идеалы, все накопленные знания и верования, нивелировать и разрушить до основания всё, инспирированное верховенством технологий, многознание и велемудрость, приблизительность, поверхностность и легкомысленность.

Алев Алатлы

ЯЗЫКИ АЛОГО ПЛАМЕНИ

– Николай Гоголь, наиболее странный писатель и художник слова, которого когда-либо взращивала Россия, скончался в Москве, утром в четверг четвертого дня месяца марта году 1852-го, за несколько минут до того, как часы пробили восемь, в возрасте без малого сорока трех лет. Возраст сорока трех лет, если сравнить его с совсем недлинным веком, отведенным на долю иных великих русских писателей – представителей пре-

красного, современного Гоголю, поколения – должно бы полагать достаточным сроком кончины жизненного пути. Его болезненная меланхолия, сердцем устремясь к Иблису¹, ввергла его в голодовку и вызванное нею физическое истощение; это донельзя обескровило мозг Гоголя и только ускорило смерть организма, который и без того ослабили в смертельных масштабах малярия и нездоровое питание. Двое вдохновленных дьявольской энергией врачей настаивали на лечении Гоголя как обыкновенного умалишенного и дружно взялись лечить его сумасшествие, вместо того чтобы усиливать и поддерживать последние проблески здоровья в теле писателя. Впрочем, и лечение, которое около 15 лет тому назад эти люди применяли к Пушкину, которому пуля разорвала внутренности, было всего лишь лечением, способным излечить ребенка от кишечного расстройства. В то время не существовало еще великолепной научной школы русских врачей, и все было отдано в руки второразрядным немецким и французским лекарям.

Дмитрий Владимирович Набоков остановился, оглянулся вокруг, будто бы говоря: вот так-то! – и продолжал:

– Вместе с тем, когда Мольер посреди многолюдной сцены вдруг начал харкать кровью и распростерся наземь, эти окружившие мнимого больного доктора с огромными брюхами и своей дилетантской латынью оказались горше, нежели в смешном положении!

И увидев, что нам сложно уследить за цепью его размышлений, пояснил:

– Его настоящее имя – Жан-Батист Поклен. Во время исполнения последней своей пьесы “Мнимый больной” он начал на сцене харкать кровью, упал и тою же ночью в десять часов скончался. 17 февраля 1673 года. Поскольку, когда он умирал, рядом с ним не оказалось священника, то церковь отказала ему в церковном обряде погребения!

Он усмехнулся, нет, скорее ослабился.

Да, ослабился!

¹ Ангел смерти у мусульман. – *Примеч. пер.*

Он ослабился, и мне показалось, что это именно я схлопотала пощечину! Жгучий, как лава, гнев вырвался откуда-то из глубин моего нутра, распух, увеличился и схватил меня за горло! Я, видимо, задрожала; и даже страшно подумать, каким в этот момент было у меня выражение лица.

– Какая чушь!

Это был звук, средний меж стоном и шипеньем, так что я сама себя не узнала. Это было чувство глубокой безысходности перед лицом грубой, кричащей несправедливости.

“Даже соотечественники не почтят его своим присутствием! Они никогда не поймут, что он умер, дабы оградить их самих!” – Я вскользь взглянула на Солженицына, в надежде, что тот вмешается, но поймала его убегающий взгляд.

Солженицын был практически единственным авторитетным интеллигентом, продолжавшим защищать культурные ценности своей страны в постсоветской России, в которую он вернулся спустя двадцать лет после ссылки. Я была уверена, что у него было что сказать сыну автора “Лолиты”, однако казалось, что ему более по душе наблюдать за последними лучами майского солнца. Этого семидесятилетнего претендента на трон, тело которого светилось здоровьем, – тот бахвалился, что может по утрам и вечерам играть в теннис, – он никогда бы не взял в собеседники!

У избранников России есть такой взгляд, которым стремятся они подавить свое нетерпение, когда приходится им обращаться к крестьянам, которые не способны составить сколь-либо логического умозаключения. Вот и Набоков-младший, заметив, что я еще жду помощи от Солженицына, вооружившись таким взглядом, заметил с несколько преувеличенной снисходительностью:

– Обращаю Ваше внимание на схожесть меж др. Шарко в пьесе Мольера и врачами, пользовавшими Гоголя. В самом деле ужасно читать, что в то время, как несчастному хотелось лишь, чтоб его оставили в покое, тело его подвергалось истязаниям! Кто бы там ни был – Др. Увер, либо др. Говард, – они погружали Гоголя в горячую воду в манере, сильно напоминавшей методы др. Шарко, а когда тело его содрогалось от обжигающей воды,

голову его пользовали холодной водой. Когда он терял сознание, его клали на постель, и уже в этот раз ставили ему на нос поддюжины пиявок. Пиявок, представляете? Когда же несчастный приходил в себя, то издавал вопли и стоны! Бедное тело – он был так худ, что, прикоснувшись к его животу, рука ощущала позвоночник...

Он пальпирующим движением погрузил пальцы в живот:

– Вот так... и даже в таком состоянии Гоголь, когда тащили его к деревянной ванной, упирался и пробовал сопротивляться! После обжигающей ванны его, совершенно нагого, клали на постель, а он дрожал от холода. Пиявки, свисающие с его носа, набивались ему в рот. “Уберите эту гадость!” – умолял он. Он вовсю мотал голову, стремясь освободиться от пиявок, но Увертовы, или Говертовы, как их там? – держиморды-помощники были тут как тут и привязывали его руки к кровати.

Дмитрий Владимирович Набоков читал главы из биографии “Николай Гоголь” своего известного отца. Читал из принципа. И я не выдержала:

– Неполноценные людишки!

Я полагала, что слова вылетели из моих уст, словно плевков – в лицо не Уверу либо Говарду, а в лица их самих, друзей-фрейдистов Алексия, но они, и прежде всего Набоков-сын, были не оттуда.

– Безвкусная сцена, – продолжил он. – Безвкусная, однако, я должен признать, что в ней есть некая человечность.

– Человечность?! – я было попыталась иронизировать. Да что вы!

– И все же, дабы акцентировать странность физиологии гения Гоголя, я расскажу вам еще нечто. Смотрите, “пуп” в рассказах Гоголя представляется красивой девушкой, “нос” же – собственнo парень. Выходит, что желудок, “наиболее знатный орган” нашего героя, практически полностью сведен на нет, и с носа его свисают черти. В месяцы, предшествующие его смерти, он так изводил себя голодом, что объем его огромного желудка, о котором он некогда думал как о благодеянии, – нет иного такого, кто

бы, будучи столь худым, как Гоголь, поглощал такое количество макарон и клубничного торта! – катастрофически сократился.

Он взглянул как-то очень осведомленно.

– А это напоминает мне его повесть “Ревизор”. В этой повести он счел нужным наделить хилых Добчинского и Бобчинского “маленькими пухлыми животиками”. Его собственный нос был так велик, остер, долгов и подвижен, что, можете себе представить, в молодости он мог нижнею губой коснуться кончика носа! Следует полагать, что этот нос был наиважнейшим и почетнейшим наружным органом тела нашего героя. Он был так остер и так долгов, что мог без помощи рук проникнуть в табакерку с нюхательным табаком. Именно он и стал лейтмотивом его рассказов “с носом”. Трудно найти иного писателя, который бы так, как Гоголь, смог описать все запахи, чиханья и похрапывания!

Он услышал слабое хихиканье слушателей, и рассмеялся:

– Его герои входят в рассказы с носом, насилу умещающимся в бочку. Например, когда Чичиков в “Мертвых душах” сморкается в носовой платок, он издает трубный звук, схожий со звуком фанфар! Носы чешутся, из носов течет, за нос из любви либо по грубости щипают. Есть даже сцена, в которой один пьяница старается отрезать другому его нос пилою. Сумасшедший в “Записках сумасшедшего” находит, что на луне живут человеческие Носы. И наконец, эта страсть к носу увенчивается написанием рассказа “Нос”. Фрейдисты, должно быть станут отстаивать ту точку зрения, что в гоголевском мире “вверх тормашками” все люди ходят вниз головой, и функция носа там передана иному органу! Однако в 1841 году Гоголь сам объявил, что лекари в Париже установили, что желудок в организме расположен наоборот, то есть там, где положено быть верху, находится низ, а внизу – верх. Сейчас конечно можно сколько угодно задавать вопрос, нос ли породил фантазии, либо фантазии породили нос, однако, по-моему, это не столь важно. Мне кажется, что гораздо лучше было бы забыть о том, что это чрезмерное увлечение Гоголя носами происходило от ненормальной величины его собственного носа, и увидеть в восприимчивости писателя к запа-

хам – и даже в его носу! – литературный прием подражания карнавалам и типично русскому юмору.

Он обернулся ко мне и продолжал пояснять:

– Та известная сцена из “Сирано де Бержерака” кажется ничем в сравнении с сотнями русских пословиц и поговорок на тему носа. Мы в России можем нос повесить, им крутить, держать по ветру и совать. Большие носы становятся мостами через Волгу. Нос, в котором чешется, является предвестником благой вести, чирей на носу приносит весть злую. Стоит кому-нибудь внести нечто новое в описание носа, как он тут же становится известен в России как писатель-юморист! Вот и Гоголь в молодости пошел по этому несложному пути, однако позже он добавил в мотив носа свой собственный и странный гений. Поэтому следует понимать, что с самого начала, как добрая половина всех русских, Гоголь думал о носе как о чем-то смешном: ну вот как, к примеру, о чем-то, в наглую выпирающем наружу...

Рукой он схватил себя за нос и потянул вперед:

– ...Нос, как что-то, не принадлежащее его хозяину! Здесь мы вынуждены отдать должное фрейдистам, поскольку нос это действительно смешной и явно имеющий отношение к мужскому достоинству орган.

– Нос! – переспросила я.

– Нос, – ответил он.

Нос и болезненная меланхолия! Неужто это все, что осталось от Алексея? “Нос” Гоголя и болезненная меланхолия?!

В это казалось настолько невозможно поверить, что я захотела удостовериться, что возможность – довольно высокая возможность! – всего того, о чем шла речь, и что я услышала, впоследствии не покажется мне моими же собственными выдумками.

– Гений, как и прежде, повторил Дмитрий Владимирович Набоков, – Алеша был гением!

Хоть сколько бы душа моя ни кипела от гнева на то, что он обращался к Алексею в фамильярно-уменьшительном тоне, Алеша! – но он прибавил:

– Но свершившимся фактом является то, что длинный чувствительный нос Гоголя в литературе открыл новые неведомые

запахи. В России мы говорим: у кого нос длиннее, тот и прозорливее. Гоголь – это человек, видящий вместо глаз ноздрями носа. В начале его писательской карьеры этот орган чувствования был карнавальным костюмом, что был им куплен в одной из дешевых народных лавок готовой конфекции. Впоследствии, в расцвете его таланта, нос стал первейшим его союзником. Как только же он своими руками убивает собственный гений, вознамерившись стать монахом, – он теряет свой нос, – так же, как в рассказе “Нос” свой нос утратил Ковалев.

Я в тон ему повторила:

– “Как только он своими руками убивает собственный гений, вознамерившись стать монахом...”. Вы полагаете, что князь Алексей убил свой “гений” посредством того, что постригся в монахи, не так ли?

Набоков пожал плечами:

– Вроде того... Только подумайте о той горькой сцене, когда несчастный пытался на смертном одре спастись от препротивнейших существ, намертво присосавшихся к кончику его носа и пьющих из него кровь! Вы поймете, что чувствовал он тогда, если вспомните, что на протяжении всей своей жизни он питал стойкое отвращение к скользким, страшно изворотливым и коварным тварям! Можно также утверждать, что в основе категорического неприятия Гоголем пиявок лежало религиозное чувство.

– А вот это верно, – подхватила я. Верно то, что Алексей “питал стойкое отвращение к скользким, страшно изворотливым и коварным тварям!”... Он говорил: “Да не оскверните вы себя ни одним из влачащихся на собственном брюхе, передвигающимся на четырех ногах и многоногими!”

Я сделала паузу и подчеркнула:

– Из Святого Евангелия.

Но мой собеседник будто не слышал и продолжал:

– Сейчас, конечно, нет еще научной точно установленной карты географических свойств дьявола. По крайней мере, насколько нам известно, нет. Но я могу вам сказать, что дьявол в Гоголе несет все особенности типично русского черта. То есть, это слабосильный чужак – злобный и отвратительный дух –

коротышка, тонконогий, как немцы, поляки либо французы, хилый рахитик с трясущейся душонкой и зеленой кровью в жилах. Неописуемо отвратительный, мошенник и подлец – “подленький”! Одержать верх над чертом, с одной стороны, дает огромное удовольствие, с другой – вызывает тошноту. Он настолько склизок, что никакая сила не заставит вас давить его рукой! Даже если вы отважитесь давить его лопатой, то и тогда мерзость его электрическим током пронизает лопату и, пройдя сквозь нее, зацепит и ваше тело. – Он сделал паузу и оглянулся.

– Где у вас самовар?

В России не принято класть в чай молоко, но принято класть в маленькую розетку и есть крошечной ложечкой вприкуску с чаем фруктовую смесь под названием “варенье”. Набоков же пил чай по-английски, с молоком. Самовар, который он искал, был тибетским самоваром, стоящим чуть поодаль на обеденном столе. Я вспомнила, что точно такой же самовар, такие же орнаменты, тот же размер, такие же стеклянные стаканы с металлическими подстаканниками я видывала у товарища по ссылке дядюшки Алексея по матери – Тулеева – в его доме в Воркуте. Глазами я поискала не старого в общем-то старика, который не оставлял Алексея на похоронах и которого тот называл “подарком на память от батюшки Гринго”. Бывшего узника Воркутлага я нашла сидящим с чайным стаканом в руке, опершись на древнее совершенно неудобное кресло по левую руку от стола со снедью и тибетским самоваром. Преодолев три тысячи с гаком километров, с дрожащими руками и опирающийся на трость, Тулеев приехал в Москву, которую он не видал вот уже пятьдесят лет. Пока я думала о том, что никогда в жизни не забуду, как он плакал, говоря: “Уж хотя б местечко-то известно будет”, как порывался целовать мне руки за то, что мы не оставили не погребенным тело дорогого князя, я обнаружила, как лицо Тулеева, на котором сибирские бураны оставили глубокие отметины, смягчилось каким-то детским восторгом, и как-то вдруг придя в себя, он вернулся в свое прежнее состояние. Он совершенно очевидно обеспокоился тем, что Набоков клал молоко в чай. Я вспомнила, как много лет тому назад он рассказывал, как у них не было термометра, а сколько

градусов мороза было на дворе, они определяли по густоте молочного тумана. Я поняла, что мутный от молока чай с тех пор напоминает старому заключенному то смертельное явление природы – молочный туман Воркуты.

Когда родственники тех солдат, которым по той или иной причине помогал мой отец, приходили к нам с визитом признательности, они садились в гостевой комнате моей матери, что находилась в то время по делу в Стамбуле, точно так же, как сидел в кресле-бержерке Солженицына Тулеев: глаза к полу, колени вместе, стыдливы так, как стыдлив послушник-дервиш, впервые представший пред своим шейхом, либо разбойник, которому позволил сесть его главарь. Но Тулеев был схож с ними только на первый взгляд: на самом деле он был как те прославленные русские куклы-матрешки, что по мере раскрытия появляются одна из другой. Я знала, как он держал голову Солженицына в то утро на Новодевичьем кладбище.

– Эй, Саша! – позвал он. – Ну и что, когда еще были закрыты все гулагы? Наш ведь президент собирался, когда придет к власти, вывести на чистую воду всех обманщиков, вернуть все награбленное ими советское имущество?! Лишить депутатов их депутатской неприкосновенности? Ну что, сможешь ты сейчас потребовать ответа за приватизацию? В Хабаровском крае горит семьдесят две тысячи гектаров тайги, а у нас нет специальной техники, чтоб погасить пожар!

Опершись на могилу Гоголя, он спрашивал за все с Солженицына за то, что тот в свое время поддержал Путина. Услышав, что к нему обращаются, Солженицын остановился и поискал глазами того, кто к нему обращался.

– Мой друг, авария на подводной лодке² показала, что президент не очень-то и открыт для критики. Поживем – увидим.

– Говорят, вчера он принял участие в чествовании памяти Дзержинского, как тебе это?!

² Авария на подлодке “Курск”, когда Путин вел себя как типичный лидер СССР, раздраженно умалчивая о трагедии. – *Примеч. лит. ред.*

– Да, вчера он чествовал память Дзержинского³, позавчера встречался с редактором газеты “Завтра”⁴, еще день тому назад устроил первый в истории Кремля кошерный прием в честь Моше Кацава⁵, а сегодня вечером он у нас, – отвечал Солженицын, покачивая головою так, будто и сам не мог понять происходящего.

– Володя⁶ держит свои карты на груди так, что я не могу увидеть его руку!

Об этом писали в *Moscow Times*, передавали по телевидению, поэтому ни от кого не осталось тайной, что Путин с супругой посетят сегодня вечером Солженицыных в их загородном деревянном доме под Москвой. Это были дни, в которые много говорилось о том, что Путин прилагал усилия к тому, чтоб не отталкивать ни одного из политических либо общественных “актеров”, и эти же дни повергли в разочарование тех любителей окрестить Солженицына как раз одним из таких “актеров”, и зложелателей, полагававших, что писатель, жизнь которого прошла в пытках КГБ, “в конце-концов, был приручен” бывшим главой разведки.

– Если ты хочешь услышать мое мнение, то Путин в момент принятия решения даже не так смел, как Ельцин, – категорически заявил Тулеев. – Он рассыпает звезды всем и каждому. Должно быть оттого, что предполагает, что если укрепить поддерживающие его силы, то оппозиция ожесточится. Наверное, готовится взять узду в свои руки, а?

Тулеев поддевал Солженицына, прекрасно зная, что тому нечего будет на это ответить. На помощь писателю пришла Галина Алексеевна:

– Друг мой и товарищ, разве до сих пор еще не погашен тот пожар в Хабаровске?!

– Новые очаги возгорания возникли еще в ста пятидесяти трех местах, – ответил Тулеев. Материальные возможности пожарных

³ Феликс Дзержинский – основатель советских карательных органов. – *Примеч. пер.*

⁴ “Завтра” – крайне левая газета антисемитской направленности. – *Примеч. пер.*

⁵ Моше Кацав – президент Израиля. – *Примеч. пер.*

⁶ Володя – сокращенное имя Владимира Путина. – *Примеч. пер.*

слишком ограничены, чтобы успеть повсюду. Пожар почти достиг нефтепровода Сахалин – Комсомольск (-на-Амуре. – *Примеч. пер.*). Горят корабельные леса! Те места населены тиграми, там горят амурские⁷ тигры!

– Господи Иисусе! – Галина Алексеевна перекрестилась⁸. – Иисус Спаситель явился предать Россию огню. Сам Святой Дух, оседлав пламя, спускается на землю!

Эти слова Галины заставили Тулеева умолкнуть. Он также быстро перекрестился, позволив Солженицыну уйти с кладбища. И все же из его уважительных речей после тех тяжелых моментов, которые мы делили с его сыном Женей в Воркуте, я знала, что он был очень счастлив личному знакомству с Солженицыным.

И все же, это был человек, который не бросил читать Солженицына. И ведь литература в России – это не просто некое “излишество”, как у нас, “аксессуар”, сопровождающий основную, жизненно важную деятельность человека, – нет, это образ жизни и способ воспитания русских, к которому привержены они с глубокой страстью. Их отношения с поэзией либо с прозой можно назвать платонической любовью, в основе которой лежит преисполненное кротости уважение, которое чувствуют они ко всякого рода совершенству. У них есть выражение о том, что настоящие творцы – будь то писатель или поэт, музыкант, певец либо мыслитель, сторонник либо противник порядка, приживу либо уж в иных мирах – все они были “созданы из звездной пыли” где-то на небесах. Как Вы знаете, что когда главный редактор известного литературного журнала “Новый мир” Александр Твардовский в полночную пору 1961 года приступил к чтению еще не опубликованного тогда романа Солженицына “Один день из жизни Ивана Денисовича”, и этот роман произвел на него неизгладимое впечатление, он вскочил, надел костюмную пару и повязал галстук, ибо “неуважением было бы читать подобную эпикку в пижамах”!

⁷ В оригинале – “гималайские тигры”, присутствие которых на Амуре весьма сомнительно. – *Примеч. пер.*

⁸ В оригинале – вынула крест. Но русские в подобных случаях в пользовании крестом не нуждаются. – *Примеч. пер.*

Я понимала: то, что мы предали князя Алексея земле на Новодевичьем кладбище, спровоцировало нападение Тулеева на Солженицына. Еще более его ранило то, что на погребении присутствовал мэр Лужков, поэтому он отказался даже возвращаться с нами в дом покойного. Он только промолвил шепотом:

– Пойду я, покуда не заметила меня милиция.

В ответ на что я взмолилась:

– Да ты что, не оставляй меня одну с ними всеми!

Он не смог мне отказать, однако задержался всего на несколько часов. И уходя из моей жизни, чтобы больше никогда в ней не появиться, он заметил:

– Увидеть Москву было все равно, что родиться заново. Тебе покажется ужасным, но я хочу вернуться назад в Воркуту. Теоретически, я должен быть счастлив, что после пятидесяти лет вновь нахожусь здесь, но здесь уже – не мой мир! Мой мир – там, в Гулаге. С самого первого дня, что я приехал в Москву, каждое утро просыпаюсь с мыслью: “Господи, что я здесь делаю!”. Мне нужно вернуться туда, где я свой. Здесь никто не понимает того, о чем я говорю. Здесь все чужое. И, к тому же, я состарился. Когда я покидал эти места, я был школьником. Сейчас же я пожилой человек, и мне следует ему соответствовать, но я не только этого, но и как мне говорить, либо как мне одеваться-то, толком и не знаю. Ты знаешь, даже когда я сам, я стараюсь есть ножом и вилкой, чтоб не потерять цивилизации. Иначе человек начинает себя чувствовать пещерным питекантропом, дикарем. Мои московские друзья встречали меня цветами. Они сделали все, чтобы меня привлечь. Но я все равно не смог приспособиться к своему новому положению. Я сбежал, когда они потащили меня в кафе есть мороженое. Потому что я не знал, как едят в кафе мороженое!

– Дедушка⁹, ради Бога, ну что ты такое говоришь. Ну, подумаешь, мороженое, обычная еда! Можешь есть, можешь не есть, вот и все!

– Не-ет, – отвечивал он. – Есть мороженое – не такое-то и легкое дело, как тебе кажется! Я знаю, что в день, когда я смогу

⁹ В оригинале – русский дедушка. – *Примеч. пер.*

съесть мороженого, ты будешь счастлива, полагая, что все наконец становится на круги своя, вот, мол, и Тулеев вернулся. Но есть много того, чего я не нашел сил тебе рассказать. Того, от чего ты бы, если бы мог рассказать я тебе, упала и потеряла бы сознание! Но это все – часть моей повседневной жизни, того, что обычные люди, подобно тебе, никогда узнать не смогут. Когда я освобождался из лагеря, мне попытались всучить на подпись документ о неразглашении событий в зоне. Сначала было я отказался, заявив, что не собираюсь молчать и подписывать, расскажу всем обо всем, и если это вас не устраивает, то можете меня не освобождать, вот и все! Но знаешь ли, оказалось, что упорствовал я впустую! Ибо все, что было, даже при желании ты рассказать уже не можешь! И не от страха. Люди поражены так, будто я несу совершеннейшую ложь! Ну да ладно, оставим, моя константинопольская принцесса¹⁰! Ложь и насилие царят повсюду. Что ни скажешь – то ложь! Но сердцу обывателя не вынести этой страшной правды, они чувствуют потребность утешить себя, говоря: “Да уж наверняка все не так-то и было плохо”. Но я уже – дедушка. И у меня нет сил ни позабыть, ни прощать. Говорят, что можно найти документы на осужденных в лагерях, хорошо, но дети? Кто подсчитывал убитых, замученных детей? Говорят, что в архивах содержатся документы на четырехлетних детей. Если так, то может ли когда-нибудь измениться система, ведущая отчетность пыток, применяемых к четырехлетним детям? А если изменится, то когда? Скажите мне, что есть такая возможность, то, не говоря уж о том, чтобы увидеть самому эти изменения, хватит ли моей жизни просто на надежду? Оставьте меня, судари, в покое, пускай уж жизнь моя будет такой, какой она есть. Как бы то ни было, она не первая, и не последняя!

– Дай же мне хотя бы надежду! – взмолилась я.

– К сожалению, не могу вас ничем утешить, – отвечал он. – Возвращайся в свою страну! Мы слышали, что Анатолия в этом отношении – медовые реки, кисельные берега. Может, и вправду!

¹⁰ В оригинале султан. Поскольку в турецком языке нет различия в роде, мы были вынуждены изменить в эквиваленте перевода слово м.р. – *Примеч. пер.*

– Это ты, наверное, Палестину имеешь в виду, Борис. И та песня – ‘sweeter than wine’! – так это же из мелодий Голливуда!

– Да уж, ничего хорошего. А так хотелось бы, чтобы это было правдой!

Существует старая русская традиция, по которой, отправляясь в дорогу путник, не выходя за дверь, помолчит сколь-нибудь немного, ожидая, пока душа его, мятущаяся по оставляемому дому, вновь соединится с телом. Вот и Тулеев поступил также, помолчав на дорожку пару минут, а уж потом потянулся к своему потертому пальто. После вышел, словно просочился сквозь дверь, и исчез.

На заднем плане послышался американский голос Набокова:

– Спина тощей черной сгорбленной кошки, либо артерия на шее безобидного пресмыкающегося, или кривые глаза гадалки на костях вызывали у Гоголя ассоциацию с дьяволом. Только... только говорить, что черт Гоголя был чертом русских пропойц, – значит преуменьшать тот духовный опыт, которым обладал он сам и желал передать нам. До Гоголя никак не доходило, что в мире существует множество божеств, столь же безвредных, как и странных по виду, чье тело покрыто чешуей, и даже обладающих копытами.

Стало слышно, как недовольно замычал Красный Уинклер:

– Это еще что такое?

– Еще ребенком он сначала придушил, а потом закопал пугливого голодного кота, – пояснил Набоков. – И не потому, что ему по нраву была жестокость, а оттого, что его потасканное тело подстрекало к неумемному желанию бороться с дьяволом! Однажды вечером он сказал Пушкину, что наиболее ироничным смыслом из всего, что он видал в жизни, обладает кот, гуляющий по раскаленной крыше горящего дома. Точь-в-точь дьявол, пляшущий на руинах человеческих надежд! Должно быть, это показалось слишком нашему приятелю, так боящемуся адского пламени! Также однажды, когда он собирал розы в доме Аксакова, руки его коснулась черная гусеница, и хладное тело животины стало причиной того, что он бежал в дом, оглашая окрестность истошными воплями. После, бывало, он проводил день, убивая

попадавшихся ему выбравшихся погреться на солнечные горные тропы в Швейцарии ящериц. Трость с рукояткой слоновой кости, что он для этого использовал, можно увидеть на моментальном фото, сделанном в 1845 году в Риме. Это действительно была роскошная трость! Он держал ее в правой руке так, как держал и перо. Длинные волосы его были зачесаны набок. Над уродливыми его губами топорщились тоненькие усики, и в соответствии с грубыми чертами лица – большой и острый нос. И темные круги под глазами, напоминающие фотографии бывших кинозвезд, создающие ощущение привидения...

Игнат, сын Александра Солженицына, привязался к этому предложению. Вечером его мать, Дмитриевна, готовящаяся встречать в гостях чету Путиных, послала его встретить отца. Солженицын-младший – известный пианист. В то время он руководил в Америке камерным концертным оркестром солистов Филадельфии. Я заметила, что, как только он показался в дверях, Набоков, который прежде того посылал мне знаки, что хочет со мною говорить, точнее, подавал невербальные сигналы, как будто хочет спорить со мною, тут же отворотил голову, чтобы не встречаться с ним лицом к лицу, и повернулся к Рабиновичу. Он указывал на дверь, в которую вышел Тулеев:

– О чем ты там говорил?

– Я не стал спорить со стариком, однако я говорил о том, что у меня есть плохие новости для противников вечного капитализма, – отвечал Рабинович. – Со времен Путина как в экономической, так и в законодательной атмосфере в России произошли значительные изменения в лучшую сторону. Мы находимся в гуще событий, поэтому в курсе дела.

Он повысил голос, словно хотел, чтобы его услышал Солженицын:

– Вы только не верьте наивно тем толстоносим ученым, утверждающим, что это временное облегчение, наступившее вследствие роста цен на бензин. Если им верить, то Россия никогда не обгонит даже Португалию. Но ведь это не так. Дума в свое время связала Ельцина по рукам и ногам, но она молится на

Путина! Сегодня уже ни в одной промышленно развитой стране мира нет таких законов, направленных на улучшение экономики как в Российской Федерации. Таких законов нет даже в Америке! Член Конгресса от Техаса Дик Арми, несмотря на его многолетние старания, так и не смог упростить систему налогового законодательства в США. Почему? Ибо ему противостоят адвокаты и бухгалтеры, набивающие себе карманы на запутанном налоговом законодательстве Америки. Что же сделал Путин? Путин заморозил налог на прибыль на 13 процентах и таким образом решил проблему. Конечно, сейчас никто не хочет быть обвиненным в доверии цифрам, предоставляемым правительством, однако благодаря этому произошел достойный упоминания спад количества уклоняющихся от налогов. Налог для предприятий составлял тридцать пять процентов, он был уменьшен до двадцати четырех, был отменен явный маразм под названием “социальный налог”. И все это увеличило наше доверие к нашему президенту.

– И чье это “наше” доверие?

– Наше – деловых кругов Москвы, – ответил Рабинович. – Эти реформы продемонстрировали, что первой целью Путина является упорядочение экономики страны. Он изменил торговое законодательство. Если раньше экспортеры были вынуждены семьдесят процентов полученной выручки в валюте конвертировать в рубли, то теперь они конвертируют лишь пятьдесят процентов, а вскоре и эту цифру уменьшат до тридцати процентов. В 2007 же году и вовсе, говорят, отпадет надобность конвертировать валюту в рубли.

– И что, по-вашему, Путин столько продержится?

– Мы надеемся, что продержится. Будут произведены изменения в конституции, что вступят в силу в 2004 году, и четырехлетний срок президентского правления будет увеличен до семи лет. Если это произойдет, то глава государства, вооруженный новыми полномочиями, останется на посту до 2011 года. В 2011 году ему будет всего лишь пятьдесят восемь лет. Тогда вступит в силу новая конституция, гарантирующая третий срок подряд президентского правления. И это отсылает нас уже к году 2018... Что, не нравится?!

– Если сопоставить все ваши слова, то получается, что в историю может никогда не войти лидер государства, укрепляющий демократию.

Рабинович пожал плечами:

– Какая в этом разница, покуда его поддерживает народ? Русские всегда хотели, чтоб страной правила сильная рука владельца. Хороша или плоха эта идея – это предмет отдельной дискуссии. В России до сих пор есть такая традиция, и она до сих пор господствует. С тем, что я вам говорю, согласится и Солженицын.

Он повернулся в сторону писателя:

– Не так ли, Саша? Если Путин сможет соединить потребности свободной рыночной экономики с реалиями России, разве не войдет он в историю как великий вождь?

Покуда Солженицын не ответил, вмешался Красный Уинклер:

– Даже если он раздарит все резервы алюминия в стране своим приспешникам?

– Видите ли, вы, иностранцы, которые обвиняете президента в том, что он потворствует махинациям, не понимаете одной вещи. Россия не уйдет далеко, покуда будет она душить своих бизнесменов-меркантилистов! Невозможно достичь построения правового государства, приведения законодательной базы в дееспособное состояние, построения прозрачной рыночной экономики и реализации ценностей демократии без принятия во внимания реалий России. Однако вы, иностранцы...

– Давид, неужели вам так сложно хотя бы здесь не разглагольствовать на подобные темы? Как вы сами говорили, я иностранка, возвращающаяся по прошествии трех дней в свою страну. И... и я бы хотела отдать должное моей личной скорби.

Набоков зааплодировал:

– Bravo!

Сын автора известного романа под названием “Лолита” Владимира Набокова, проживающий в Милане и рожденный в 1934 году, деятель оперы Дмитрий Владимирович. Причиной его нахождения в то время в Москве стало то, что в России вот-

вот должен был выйти из печати на русском языке последний роман, “Подарок”, его отца, скончавшегося в 1976 году. Говорили, что он исполнял последнюю волю своей матушки, которую он потерял в 1991 году, и это был поступок, который в нормальных условиях я бы встретила с великим почитанием. Однако меня раздражало все в этом человеке, начиная с того, что имя его матери было Вера – оно напоминало мне Назыма Хикмета¹¹ – и заканчивая тем, что женщина эта была русской еврейкой.

О Vere Набоковой говорили, что это была женщина, “сделавшая Набокова Набоковым”. Говорят, она обладала неординарным интеллектом, позволившим ей еще в трехлетнем возрасте научиться читать газеты, и поэтому стала для писателя равно как его зубастым критиком, так и тою тихою гаванью, за которой он мог укрыться.

По словам Дмитрия, его отец говаривал матери: “Ты моя маска”. Она вышла замуж за Набокова в Берлине в 1925 году. По мере усиления позиций Гитлера они вместе уехали во Францию, а затем оттуда в Америку. Кроме русского, женщина эта, как родным языком, владела и переводила также с французского и английского. Однако наибольшей ее заботой стало отпечатывание на машинке книг ее мужа и редактирование рукописей. Когда Набоков заболел, она заменяла его на лекциях в университете, и даже, поскольку он был чрезвычайно рассеян, готовила за него его лекции. Она же представляла его интересы в отношениях с издательствами и прессой и продолжала заниматься тем же после кончины супруга. Для того чтоб быть поближе к Дмитрию, уехавшему получать образование в 1961 году в Милан, супруги перебрались в Швейцарию. Вера за год до смерти еще жила в Швейцарии в отеле под названием “Дворец Монтрё”.

¹¹ Назым Хикмет (1901, Салоники – 1963, Москва) – писатель-коммунист, получивший образование в КУТВ в Москве, получивший в Турции несколько сроков за политические убеждения (последний раз – на 15 и 30 лет). В 1950-е годы эмигрировал из Турции и до конца жизни прожил в Софии, Варшаве и Москве. Автор многочисленных книг стихов, пьес, романов (“Кровь не говорит”, “Собаки лают, караван идет”). Наибольшее издание – 1980 г. в 8 томах. Последняя жена Хикмета Вера Тулякова написала воспоминания “Разговор с Назымом”. – *Примеч. пер.*

Набоков сделал себе имя как писатель, наилучшим образом пользующийся русским языком, однако, как мне кажется, он даже не был русским. Аристократ по имени Владимир Дмитриевич Набоков – уроженец Санкт-Петербурга, не посещавший ни одной из русских школ, однако получивший дома частное воспитание у английских и французских учителей. После печальных событий 17-го года семейство Набоковых выбирается из Севастополя и через Стамбул бежит в Лондон. Владимир изучает русский и французский языки в прославленном Тринити колледже при Кембриджском университете в 1919-м. В 1920 году они переезжают в Берлин, и Набоков-старший начинает издавать там газету на русском языке, в газете – первые литературные пробы и переводы своего сына. Критики говорят, что после случайной смерти отца, случившейся во время террористического акта против политика Милюкова, сын исключил из своего словаря слово “Господь”.

Один из критиков, господин Морис Кутюрье, известный как специалист-набоковед и автор трех книг о Набокове, профессор английской и американской литературы в университете Ниццы, говорит следующее: “Лолита”, может быть, один из наиболее расстраивающих нервы романов столетия. Это изначально аморальный рассказ о мужчине средних лет, безумно влюбленном в двенадцатилетнюю девочку, которую он называет “нимфеткой”, и два года находящемся с нею в половых отношениях. Когда же девочка убегает от него к другому, еще более извращенному мужчине, он пускается за ними в погоню, выясняет, кто это, и исполняет приговор. Лолита же в конце концов выходит замуж за обычного мужчину, уезжает с ним на Аляску и там умирает во время родов. Но что особенно заставляет ваши нервы трепетать – это поистине высокопоэтическое воспевание полового извращения Гумберта и то, что одаренный извращенец-рассказчик излагает события в книге, обернувшись сначала и до конца в защитную личину добродетели”.

Набоков прежде пишет роман в 1939 году в Париже как небольшой рассказ под названием “Волшебник”. Эта дата – одна из тех ассоциаций, какие вызывает у меня смазливое пренепри-

ятнейшее лицо его сына. 1939-й. В 1939-м Париж охватывает великий экономический кризис, гражданская война в Испании и Вторая мировая война. Но пусть себе Гитлер сколько ему угодно унижает Австрию – наш автор пишет себе “Лолиту”. Вена на расстоянии рукой подать до Парижа. Пускай себе Гитлер захватывает Польшу, от Варшавы также рукой подать до Парижа. Их называли “Einsatzgruppen” – мобильные единицы смерти, они были совсем рядом. И пускай себе Гитлер как раз в то время убивает в передвижных газовых камерах более чем миллион триста тысяч польских евреев, – наш герой пишет “Лолиту”. В январе Барселона попадает в руки фашистов Франко, в феврале – Каталония, в марте – Валенсия, затем – Мадрид, – писатель все пишет и пишет “Лолиту”. Сто тысяч испанцев просят убежища во Франции – он пишет “Лолиту”. Муссолини оккупирует Албанию, он пишет “Лолиту”. Французская печать в 1997 году документирует в “Черной книге коммунизма” около ста миллионов людей, убитых коммунистическими режимами России, Азии, Средней Европы и третьего мира, – а он пишет “Лолиту”. Почему же пишет писатель, которому и дела нет до целого мира?

В тот день, слушая его сына в том доме с покойником на Фрунзенской набережной, я была Набоковым, находящимся на палубе трансатлантического судна, отправляющегося в Нью-Йорк из Франции. На голове у меня была фетровая дымчато-серая шляпа, как в фильме “Касабланка” Хампри Богарта, шпионское пальто с пелериной, и, чтоб зажечь сигарету (бьюсь об заклад, Голуаз), мне следовало повернуться спиной к холодному ветру. Спички – типичные незажигающиеся спички периода экономического кризиса – зажглись только с пятой попытки. Я направлялась к щебечущим детским садам Нового Мира, прорвав кольцо крови и боли в Европе. После этого я собиралась стать американским писателем. Быть писателем американским – значит быть свободным. Быть писателем американским – означает избавить себя от всех обязанностей по отношению к традиционным законам общества. Быть американским писателем – означает оставить издателю манипулировать законами по своему усмотрению.

Однако так и получилось. Набоков, не смогший найти в Америке издателя – получивший отказ ровно в тридцати издательствах! – Париж ведь известен публикацией порнографических книг, среди которых были напечатаны и такие книги, как “Тропик рака”, “Улисс”, “Его повесть”, – отправился в издательство “Олимпия” и там напечатал свою “Лолиту”. Все остальное было делом рекламы. И когда Грехем Грин, сам известный писатель, сказал: “Это наиболее грязная книга, которую я когда-либо читал, как издателя, так и продавца следует сажать в тюрьму”, – начался период, поставивший “Лолиту” в положение *cause célèbre*¹². Министр внутренних дел, прислушивавшийся к мнению Грехема Грина, запретил книгу в Англии, а вернувшись на родину, министр культуры Франции призвал своего коллегу сделать то же самое.

1956-й – год, в который Англия с Францией достигли соглашения в отношении Суэцкого канала, поэтому министр Букановски никак не мог обидеть своего английского коллегу, поэтому он вдруг взял и запретил одним махом двадцать пять книг, в число которых входила и “Лолита” издательского дома “Олимпия”. Издательство “Олимпия”, начавшее испытывать значительные материальные трудности, обратилось во Французский суд, защищая, однако, не Набокова, а “свободу мысли”: “порнография есть результат цензуры, если отменить цензуру, то исчезнет и порнография”. Адвокат, ссылаясь на то, что Франция является светской республикой, в которой церковь отделена от государства, утверждал, что “Лолита” неприемлема для ее противников, ибо она имеет “религиозный подтекст”, и не ссылаясь ни на какие научные данные, продолжал защиту:

– Неоспоримо то, что необходимо охранять нравы детей и молодежи. Однако давайте не будем забывать, что аппетит вызывает именно спрятанная под замок, а не открытая банка варенья. Собственно, главное, что охранит наших детей и молодежь, – это достойное образование, которое даст им общество, понимание, что есть что в этом исполненном зла мире. Там, где

¹² Причина популярности. – *Примеч. лит. ред.*

вступают в действие моральные ценности, законы неуместны. И также неуместно слепо за них держаться!

В последнем своем предложении он словно хотел сказать: “Оставьте их, пусть делают что знают”, так, что это прозвучало как типично ультралиберальное высказывание. Таким образом, “Лолита” перестала быть предметом дискуссии о нравах, а вошла в классификацию “преступлений разума”, отмененных Французским Просветительством, и таким образом ее оправдание было гарантировано. Книга открыла путь в Голливуд, позволив Стенли Кубрику заработать миллионы долларов.

Набоков же продолжал:

– А его детство? Детство его совсем неинтересно. Краснуха, ветрянка, свинка. Гоголь, худощавый мальчонка, похожий на дрожащую мышку. С грязными ногтями, сальными волосами и текущими ушами. Давясь, запихивающийся сладостями. Друзья по школе брезгают прикасаться к его книгам. Когда он, окончив гимназию в Нежине, отправился на поиски работы в Санкт-Петербург, он перенес страшную простуду. Из-за того, что у него окоченел нос, он не чувствовал даже текущих из носу соплей. Он истратил около трехсот рублей, о чем можно узнать из его покаянных писем матери, и купил себе новое платье. Когда он постучал в двери Пушкина, его слуга сообщил, что тот еще не проснулся. “Значит, работал всю ночь!” – заключил Гоголь. “Где там! Резался в карты!” – последовало в ответ. Здесь я полагаю нужным сказать несколько слов о его матери. Даже при том, что меня ввергают в болезненное состояние биографии, преуменьшающие влияние матерей на форму произведений их сыновей, не следует, однако, преувеличивать важность того, как матушка Мария Гоголь, эта фантазерка, суеверная и сверхмнительная истеричка, но опять-таки своего рода любимица писателя, привила ему никогда не покидающий его до самой смерти ужас ада. Ибо, собственно говоря, характеры матушки и сына были достойны один другого! Эта “причинная” провинциалка рассказывала, что целый ряд изобретений, начиная от паровых машин до локомотивов, принадлежит ее сыну. Затем она начала

объявлять всем, что какой бы ни попался ей на глаза низкого пошиба роман, все это также написал ее сын. Она была столь безвкусна и даже отвратительна, что Николай, время от времени еще спрашивавший у нее о старинных обычаях провинциальной Украины, и вовсе перестал к ней обращаться, и более ни слова не рассказывал ей о своих произведениях. В годы, когда рос его гений, он практически вовсе не видел матушки. Спустя некоторое время он начал ненавидеть все с нею связанное – отсутствие у нее интеллекта, изменчивость, помещичий образ ведения дел. Но, опять-таки, не разорвал вовсе с нею отношений, ибо был человеком полурелигиозных взглядов и себялюбив...

Он сидел за столом мадам Зеленской и “решал” отношения отсутствующей ныне хозяйки дома с ее сыном самым грубым, неотесанным и безжалостным образом, к тому же, опираясь на отношения парочки Николая – Марии Гоголь! Исходя из того, что Оксана Дмитриевна приобрела широкую славу “ворожей”, он строил параллели с Марией Гоголь, которую он называл “причинной”, и, фрейдист, очистив от моральных целей тот образ воспитания, окончившийся дорогой Алексия в ад, он устанавливал научные этому обоснования: “удручающее самоубийство, причиной которому стало маниакально-депрессивное состояние организма, спровоцированное гормональной недостаточностью, основанной на образе воспитания!...”

– Будь любезен, прекрати, Дмитрий Владимирович! Прекрати уж! Что это за бесконечная месть! Уж и Алексей помер, однако, гляди-ка, муза батюшки еще жива! И совершенно здорова, дьяволица! И стоит вам захотеть, вы снова можете заказать ей новую “Лолиту”!

От боли и ненависти я не знала, что и как мне сказать. Но, конечно, передо мною был не сам Набоков, а лишь его прозападный сыночек, гонящийся за авторскими правами своего отца. Разве понял бы он меня, даже объясни я ему, что под местью подразумевала я месть гордого Французского Просвещения? И насколько бы понял? Действительно, кроме Александра Солженицына, включая и двоюродного брата Алексия батюшку Андрея Дмитриевича, никто из присутствующих в доме покой-

ного не оказал ни малейшего сопротивления. Единственно только неопределенный проблеск промелькнул в глазах Александра Солженицына, но другие этого блеска не заметили. Однако у меня словно тормоза отказали.

– Не смей! – вырвалось у меня, – Алексей умер благородной смертью дворянина! Я запрещаю тебе так говорить о нем! И не смотри так на меня! Я вас вывела на чистую воду! На меня не действует ваша пышная риторика! Ни риторика “Островов”, ни “Лолиты”, ни сегодняшние речи! Так же, как и не вызывает восторга ваш интеллект!

Увы! Как толпа находит правых и неправых! Душивший меня гнев мешал мне подбирать точные определения, и было неизбежно, что мою выходку воспримут как грубость в суждениях.

Никто не понял, что, говоря “Вы”, я говорила о прозападных “институтчиках”, завоевавших душу России в послегорбачевские времена. Если бы кто-нибудь понял, что я говорила о разрушительной роли власти типажа “новых интеллигентов”, “страшно далеко” находящихся от российских проблем и поэтому от политики, всюю и нарочито старающихся сделать свою жизнь, как по содержанию, так и по образу существования отличной от жизни простых русских людей, то уж по крайней-то мере не одна Галина Алексеевна стала бы на мою сторону! Они не могли не осознавать не хуже меня, куда заведет Россию типаж тех, кто большее, чем по праву заслуженное, значение придает правилам вежливости, искусным речам, в отличие от своих дедов-большевиков, которые накрепко усвоили удаленное от всех роскошеств житье в монашеской простоте; тех, кто раскрывает двери перед дамами, подает им пальто, целует им ручки и вместо “Приветствую, товарищ!” произносит: “Enchanté, Madame!”. Также невозможно было, чтобы они не понимали степени влияния наших местных эквивалентов “усатых иностранцев” типа Рабиновича, которые, чтоб спастись от давления идеологии господствующего режима, удалились в “нейтральные” области типа антропологии, археологии и истории Византии и остались незамеченными современностью.

С другой стороны, я полагаю, что не только Алексей, но даже спустись с небес сам Иисус Христос, на этой трагической ступени в истории этой великой нации доля его так и валялась бы скрючившейся в углу мощеных московских мостовых; замерзшее же его тело заняло бы место среди иных безвестных трупов, которые собирают на грузовик рабочие Лужкова¹³. Несмотря на это, я не сдержалась:

– Покарай вас Господь!

Мой голос прозвучал громче ожидаемого, и все взглянули на меня. Дмитрий Владимирович, в превосходном настроении, а по-моему препостыдно, рассмеялся:

– Вы слышали, не так ли, принцесса Гюльоя¹⁴ из Константинополя вывела нас на чистую воду!

И стараясь, чтоб было похоже на восточный манер, прогнувшись в поклоне:

– Просим вас, ваше сиятельство! Сгораем от нетерпения услышать, что же вы выяснили!

И натянутая на тетиве стрела вылетела из лука!

– Вы дезавуировали Алексея, используя Гоголя, а Гоголя – используя мотив “носа”, – начала я. – Ваш отец, говоря о том, что нос Гоголя является карнавальным костюмом, купленным на блошином “народном” рынке, не понимал, что он тем самым раскрыл свое нутро, потому что всегда преуменьшал интеллект своего читателя. И правда, рассказывая о “болезненной меланхолии” Гоголя, он признает тем самым, что сам является неизлечимым психопатом. Да, дорогие мои, “великий”

¹³ Коммунальные службы Москвы, подбирающие замерзших бомжей. – *Примеч. лит. ред.*

¹⁴ Гюльоя (тур. Gül oya) – в имени героини заложен целый ассоциативный ряд – турецкому читателю оно напоминает о мотиве напева Кемаля Низама Бигалы, а также исполняемой Халюком Левентом мелодии одноименного чрезвычайно любимого в народе сериала Кагана Ырмака “Роза вышита на шали”, повествующего о тревожных событиях в Турции в 1970-х годах: Роза вышита на шали, не нарадовалась я вдоволь, и состарюсь я в несчастьях, все считая мои дни. Возьми ж меня, жалко мне тебя. Я была алой розой, но завяла, стала белой розе в назиданье, все противясь и противясь осталась тосковать по твоему лицу. Возьми же меня, жалко мне тебя. Буду ждать в глубине двора, жаль всех моих трудов, как устали мои кисти от биенья в барабан. Возьми же меня, пожалей же меня. – *Примеч. пер.*

писатель Владимир Набоков на самом деле был патологическим любителем маленьких детей! И точно так же как его предшественники – такие великие порнографы, как Стерн, Лоуренс, он также применял изощренные стратегии разума, чтоб построить расстояние меж собою и своими писаниями. Он был вынужден так поступать, ибо для писателя изъяснить существование у него низменных желаний равносильно признать свои собственные грехи. Но его благодетель не может позволить себе утратить читателя. Ваш отец предпочел сам унижить своего читателя, унижением его же читателем самое себя. Поэтические заигрывания, напряжение, эротические сцены как раз и возбуждали читателя. Его целью было сделать так, чтобы читатель, ощутив, что он возбудился, сам устыдился себя, почувствовал за собою вину.

И это у него получилось! Притом что его собственные отвратительные желания скрывались под поэтической вуалью, порочность читателя выливалась во всей своей наготы. Если “нос” стал первоочередным помощником Гоголя, то поэтичность стала первоочередным помощником вашего отца! И не только помощником, но и основой существования! Читатель доверился риторике. Он, пусть и на какое-то время, согласился удалиться от моральных ценностей и насладиться искусно выстроенными красивыми словами. Владимир Набоков использовал даже научную фантастику и передовые технологии. Разве могли бы вы нажиться на инцесте Ады и Вана, если бы не было научной фантастики? Ваш папочка определил порнографию вне нашего мира, чтоб не быть пойманным. Однако, Алексей...

Наш дорогой Алексей никогда не унижался до подобных дешевых трюков! Алексей никогда не писал, чтоб развлекать, а чтобы предостерегать своего читателя. Он был князем, постигшим, что родовитость может быть целью!

И он даже глубоко из-под земли будет продолжать клеймить таких, как ваш отец! Он всегда был бóльшим человеком, чем такие, как ваш отец! Не более “великим” писателем, а более “великим” человеком! Но на самом деле, то, чем стал в литерату-

ре Гоголь, в живописи – Иванов¹⁵, в философии – Киреевский¹⁶, в развитии передовой мысли России – Новиков¹⁷, в человечности таким был Алексей Христофорович Зеленский!

Такие люди, как Алексей, долго не живут! И смерть таких людей, как Алексей, не может наступить в результате несчастного случая. Их смерть невозможно также объяснить ни гормональной недостаточностью, ни радиоактивными излучениями, ни скудным питанием. Причина, по которой они отправляются в могилу смолоду, иная. Как жизнь их не принадлежит им самим, так же и смерть их имперсональна. Такие сильные и альтруистичные души, какою обладал Алексей, разрушаются под гнетом гадостей! Ваших, России и всего человечества!

Я осознала, что строчу, как пулемет, разбрасываясь словами. И я вовсе не была уверена в том, достигла ли своей цели. Не хватало еще... Не хватало еще, чтобы они подсмеивались: “Что она, ну право, несерьезно! Держится обеими руками за несуществующий мир!” Ведь мы переживали период, когда даже шесть–семь лет тому назад представляемый как “наиболее великий пророк – деятель России” Солженицын был таким образом обещен как “выпавшее из Библии видение”. Были и такие, которые пошли дальше, называя его “Русским Аятоллой¹⁸, самодержавным ретроградом” и даже обвиняя его в антисемитизме. Поскольку Солженицын призывал “осознать духовные ценности, сделавшие Россию Россией”, он настроил против себя интеллигенцию у себя на родине, а словами “общество, поставившее на чашу весов единственно букву секулярных законов, недостойно человеческого существования!” – и западную интеллигенцию, и прессу! Я вспомнила, что одна из его последних книг, “Россия в упадке”, была напечатана в количестве около пяти тысяч экземпляров, которое такая страна и особенно писатель

¹⁵ Русский художник-неоклассик XIX в., автор “Явление Христа народу”. – *Примеч. лит. ред.*

¹⁶ Русский философ-славянофил XIX в. – *Примеч. лит. ред.*

¹⁷ Русский вольнодумец, масон, журналист конца XVIII в. – *Примеч. лит. ред.*

¹⁸ Аятолла Хомейни – лидер исламской революции в Иране выступал за отказ от прогресса, за возвращение к средневековым традициям, чистым от грехов современности. – *Примеч. пер.*

его уровня счел бы полным крахом. Даже его соотечественники перестали с ним считаться. Ему было восемьдесят лет, но он никак не сдавался и писал, писал, писал.

Он говорил ранее: “Я знаю, что как писатель, исполняю свой долг под действием обстоятельств и условий. Я достигну большего успеха, лежа в могиле, чем был при жизни, потому что никто не может воспрепятствовать на праведном пути. И я на этом пути – один из тех, кто предусмотрел смерть”.

С тех пор, как он к нам пришел, он не двинулся со своего места, и даже, по-моему, наблюдал, но не видел парка Горького. Должно быть, почувствовав настойчиво направленный на него взгляд, он повернул голову, и наши взгляды встретились. Я обнаружила, что шепчу: “Мне очень жаль”.

– Мне очень, поверьте, очень жаль!

Я и не надеялась, что он ответит, полагая, что он ушел в собственные мысли, и совершенно не слушает того, что ему говорили, – однако Солженицын произнес “*Evil*,” что на английском означало даже не “плохо”, это было более чем плохо, это означало “отвратительно”:

– Покуда человек в сущности своей добродетелен, покуда в мире царит вера в то, что в основе его творения нет зла, до тех пор неизбежно свобода будет покоряться злу. По мере того как на правила всем будет наплевать, и будут шириться секты, будут возрастать и возможности для превозношения до небес тех, кто плюет на эти правила, и даже их совершенной безнаказанности. Против тех же правительств, что отважатся защищать правила, восстанут тысячи адвокатов, обвиняющих их в “попрании прав человека”.

У него затрезвонил телефон, он прервал слова, ответил и усмехнулся сыну Игнату, сообщая, что звонила супруга: “Дмитриевна спрашивает, куда мы делись”. И продолжал:

– Такие “адвокаты”, как Путин, из кожи вон лезут, чтоб придумать оправдание, как бы ободрать Россию. Однако как мораль, так и политика, и искусство должны быть выше законов.

– Сердце мое, сердце мое разрывается, Саша!

Саша – короткое имя от Александр, так же, как Эртугрула мы называем Эрто, а Фирюзана – Фирюз. Алексей обращался к

Солженицыну “Саша!”, моей же смелости хватило лишь на то, чтобы только один – и последний! – раз так к нему обратиться, в тот день, когда мы предавали князя земле. Солженицын остался для меня пророком с репутацией, какую наградили его в дни, когда западная интеллигенция еще к нему не охладела.

– Сердце мое, сердце мое разрывается, Саша!

Он задержался, собираясь встать, протянул руку и коснулся моей руки.

– Бог – это огонь, а человек – железо. Великомученик Иисус – это закалка огнем железа. И душу князя Алексея Христофоровича Зеленского принял огонь и вселил его пламень в тело принцессы Гюльоя. Так же, как передает железу жар.

Я запнулась! У меня комок застрял в горле!

– Вы правда так думаете?

Это была ни с чем не сравнимая хвала, потому что огонь символизировал в русской культуре всенепременное очищение и спасение, более чистое, чем вода. В этой стране боги спускаются на землю, оседлав “языки алого пламени”. И купола русских церквей своею формою уподоблены огню. Их называют “староверами”, тех, кто верит в крещение Иисусом Христом земли огнем. Пред огнем следует появляться после принятия омовения. Огонь зажигают, преисполненными почтения, и также преисполненными почтения его гасят. Возжечь огонь в монастырях представляет собою ритуал, и право это принадлежит исключительно святому иноку-огненосцу¹⁹. Все гении России, сделавшие Россию Россией, начиная от “Хованщины” Мусоргского до “Огненной птицы” Стравинского, от Бакунина до Римского-Корсакова были вдохновлены образом огня. И Солженицын, говоря о том, что дух Алексея передал пламень моему телу, разумел, что в меня вселился дух России, и такое данное им определение для меня означало оправдание небесполезности всей моей жизни.

– Огонь – это глава русского дома, семейного очага. Несгибаемый, непреклонный, дающий тепло. Дающий свет. Но для

¹⁹ Сакристан – в церковной иерархии отсутствует. – *Примеч. пер.*

появления огня необходимо обрести свою среду. И, как всякий мужчина, тогда он переживает обновление, становится сильнее. И освящает своим присутствием все, чего коснется, возвеличивая до седьмых небес.

– Я так вам признательна, сударь, – произнося это, я вдруг начала запинаться. Тут же ощущаемая мною признательность сделала меня ему обязанною, то, что Солженицын знал, что я понимаю, что он хотел сказать, приобрело значение мировой важности; я услышала, как с моих губ сорвались слова: “К Богу идут не со светом, а с теплом”. Я повторяла все, чему научилась у Алексия.

– Не просвещение, но милость! Заслуженный гнев богов – огонь. Он бросает нам в лицо наши же гордыню и обидчивую ранимость.

Я начала плакать:

– Мне его так не хватает, Саша!

Наблюдающий за нами Набоков более не выдержал, точнее, пал жертвой своей гордыни:

– Ой, ой, ой, – провозгласил он, так что все находящиеся в комнате могли его слышать и, прервав разговор, обратили к нам свои взоры:

– Новая Мария Магдалена!

Мать Алексия также называла меня Марией Магдаленой наших дней... И я выкрикнула Набокову то, чего не могла сказать мадам Зеленской:

– Для меня честь быть новой Марией Магдаленой!

Мария Магдалена, одна из последовательниц Иисуса Христа. Согласно Священной Библии, она была подле Иисуса, когда тот провозглашал благую весть. Она также была подле него, когда того распяли. Так же, она была первой, кто обнаружил, что могила его пуста, она также стала первой, кто увидел его после воскресения, и провозгласила верующим, что он взшел на небеса. Есть еще одно обстоятельство, говорящее, что она была женщиной из ближайшего окружения Христа, указывающее на то, что женщина может непосредственно и независимо ни от

кого обращаться к Господу, и в результате которого в наши дни прежде всего католички-феминистки смогли обосновать свои принципы. Однако Магдалена занимает также совершенно особенное место в пантеоне Русской православной церкви. Скажем, царь Александр Третий в 1888 году приказал возвести в честь святой в Святой Земле на горе Олив одну из наиболее прекрасных церквей святого града. Святая Земля в то время все еще находится под властью Османской империи, и разрешение на строительство не преминуло поступить от всего честного мира, верующего в святые книги, включая и Абдулхамида Второго, и армян-католиков. Царь приказывает возвести церковь невиданной красоты, о семи куполах-луковках, точнее, языках пламени. Присутствующая на обряде освящения сестра его жены Елизавета Федоровна Дюшес говорит о том, что желала бы быть здесь погребенной; и ее завещание исполняют после убийства ее вместе с последними Романовыми в Екатеринбурге; мало того, Русская православная церковь провозглашает ее *святой*. Причиной такого особого обхождения является то, что она приходится внучкой английской королевы Виктории; после вхождения в династию Романовых она сменила веру.

Когда Набоков-сын назвал меня Марией Магдаленой, я повзрослела до того в России, чтобы понять: он подчеркивал, что я обладаю оставшейся со средневековья анахронистической натурой, либо напоминал об очевидном. Его главной целью, несомненно, был Алексей, о котором он говорил, что тот уничтожил свой гений, стараясь выказаться попом, то есть, понапрасну тратя время на пустые доктрины. Однако, сделав меня Марией Магдаленой, он, с одной стороны, низводил Алексея до умалишенного, полагающего себя пророком, а с другой – провозглашал меня выпавшей из Евангелия ретроградкой, неотступно следующей за призраком.

То, что он был *фундаменталистом*, неизбежно было такой же исторической ошибкой, каким было маргинальное соглашение мусульманки и православного, выказывавшегося попом! И смехотворность того, что это соглашение могло быть ратифицировано русским Аятоллой.

Я осмелилась озвучить свое ранящее собеседника, как жало, суждение о “Лолите”, суждение о морально-религиозных ценностях, что в России наших дней было интеллектуальным преступлением, более страшным, нежели воспевать хвалу коммунизму. Прежде всего, это причина того, почему снова становится актуальным понятие *добродетели*. И этого достижения достаточно, чтоб с болью и насмешкой восстали дети миллионов партизан, *впустую* пожертвовавших собственной жизнью во имя того, чтоб остаться добродетельными. Это же – то, что ввел в научный обиход Фрейд. Психоанализ в этой стране, что живет литературой и платонической любовью, возникает как нечто иное, нежели один из эффективных способов низвести таких писателей, как Солженицын, что возвеличивали добродетель. И с Солженицыным поступают так, как Набоков-отец поступил с Гоголем.

Например, есть такой критик, Д.М. Томас. Он спускается в детский возраст Солженицына и утверждает, что тот, возможно, был одержим гордыней, итак, как будто бы в дни, когда тот заболел и не ходил в школу, он переживал оттого, что его одноклассники будут лишены его присутствия! Томас на протяжении всей книги называет Солженицына даже не *Саша*, – нет, *Саня*, – что похоже, например, на то, как если бы Джемил Мерич был назван *Джемош*²⁰ – и говорит, что из-за самовлюбленности Солженицын не принадлежал ни к какой группе, а был заскорузлым оппозиционером. Он идет и далее, относя его к группе *имеющих анальную природу*, которых Фрейд определяет как *тип, отрицающий и подавляющий всевозможные удовольствия*. Он говорит об отсутствии “радости жизни”, именуемой иначе *joie de vivre*. Когда вы посмотрите в лицо этого пожилого человека, никогда не смеющегося и повесившего нос, на язык просится сказать, что он недополучил своей доли удовольствий. Правда и то, что в суждениях своих он тверд и строг, но *анальная природа?* Когда подумать о том, какую жизнь прожил Солженицын, когда подумать о событиях, свидетелем которых

²⁰ Джемил Мерич – выдающийся современный турецкий историк и философ, выступающий за социо-культурное единение всех тюркских народов. – *Примеч. пер.*

он был, о роли, которую сыграл единственно он в самые смутные годы недавних времен, то у кого вообще после всего этого осталась бы *joie de vivre*, не говоря о нем?

Еще одна причина его пристрастия к Фрейдю – это *усталость от* самопожертвования. Путь избежать кого-либо, кто, как Солженицын, требует от соотечественников в плане самокритики битвы за веру, учтивости и даже покаяния, требует обратиться лицом к своему империалистическому прошлому и с потрясающей риторикой даже предлагает просить прощения за совершенные проступки перед нацией, – это намекнуть, что он *ненормален*. К тому же, у русских осталась привычка еще от большевистских времен объявлять противников режима психиатрическими больными и отправлять их на лечение.

Когда шла речь о Солженицыне либо Алексии, ни Набоков, ни иже с ним зайти так далеко не могли. Однако было успокоительно объяснять добродетели психически мотивированными склонностями либо дефектным химическим составом секретов организма, так как это освобождало их самих от самоотверженности, необходимой для того, чтобы показать себя добродетельными. Например, они пришли к решению, что насколько огонь пробуждает в русской душе богобоязнь, настолько гормон серотонина, в момент, когда происходит его выброс, соединяется с привлекательностью огня, с оговоркой лишь, что это сеющая ужас, но восполняющая его часть. В подтверждение своих заключений они напоминали, что Алексей был первым и единственным ученым, написавшим в России диссертацию по противопожарной инженерии. Они разглагольствовали о его волнении, когда он моделировал пожар у себя за компьютером. Они отстаивали мысль, что он позволил этой громадной силе очаровать себя, решая проблемы банка данных пожарной охраны либо проблемы широкомасштабных пожаров.

Я помню, как говорила, делая ударение на каждом слове:

– Для меня честь быть новой Марией Магдаленой. Недаром говорят, что место Иисуса, который не может создать своих апостолов в Турции, – не в истории, а в психиатрической лечебнице. Первое из чудес Пророка Мухаммада – Хатиджет'юль-

Кубра²¹. Да, я хотела бы быть чудом Алексия. Он был князь, испытывающий стыд за муки своих сограждан. Если и была у него ошибка, то это отказ от воцарствления, должно быть, чтоб спастись от уничтожения. Он бежал от власти так же, как спасался от дьявола. И когда задумаюсь я о вашей истории, то не могу сказать, что нельзя признать его правым.

– Уничтожение! – рассмеялся Набоков. – А ты никогда не задумывалась, что *кротость*, *возвышенность*, возможно, пустопорожние слова? Возможно, главное – это свет и тень, отражающиеся на живом теле? Сиюминутная, ежесекундная неповторимая игра света и тени? Неподражаемая, неповторимая гармония незначительных подробностей?

– Света и теней на теле девственниц, предпочтительно в возрасте девяти–четырнадцати лет? Почему бы и нет, не так ли? Ушлый Гумберт сделает свое предложение, а девственницы девяти–четырнадцати лет вольны его принять либо не принять?!

Я говорила, что батюшка его в одном месте “Лолиты” жаловался на то, что девочки в этом возрасте, демонстрируя свою дьяволическую сущность, сводили с ума взрослых мужчин вдвое, а то и втрое их старше, – и он, хвалебствуя до неприличия, рассказывал о том, как они их сводили, – то это было банальным трюком. Кроме того, ничего такого в этом не было, если подумать, что со времен Торы до наших дней женщинам приписывалось кокетство.

– Но стратегия жалобы более успешна, нежели добродетель, потому что жалоба есть путь завоевания рейтинга, выпячивая перед невинными обывателями уродства, которые они бы не повстречали и в жизни. Писатель либо исполнитель преподносит себя таким образом, что остается как бы вне игры, и вот уже сам оказывается якобы зрителем со стороны!

Но у меня не вышло поколебать его спокойствие. Он подтвердил вполне серьёзно:

– Да! Свет и тень, отражающиеся на живом теле!

²¹ Супруга Пророка Мухаммада, Святая Хатидже. Ее называют так за ее высокоморальность и благородство. – *Примеч. авт.*

Он смотрел, будто проклиная, и я почувствовала, что вижу в его глазах самоуверенность дьявола, у которого дела идут прекрасно.

– Я знаю, что вы воспринимаете мораль тела, попавшего в опасность, как желчь, – прямо-таки зашипела я. Я свидетель того, что жить, как труп, как неживой прут железа, также может считаться жизнью. Я могу также понять тоску узника Воркутлага, – я указывала на дверь, в которую вышел Тулеев, – по тому, чтобы отдаться всем сердцем живому телу, поклоняться ему, как животные. Но ваш отец не был узником Воркутлага. Ваш отец был, был ультралибералом, он мог продать даже и дохлую ворону! *Bedavaci*²²!

Я сказала “ультралиберал”, и все, кто уловил отзвук хулы, содрогнулись. Они уловили мой намек: Совок!²³ То есть узколобый, двуличный, лицемерящий государству проходимец. Я назвала его *Bedavaci*, что по-русски означало “халявщик”, – и таким образом я незаслуженно обвинила американца в том, что он замешан в одном из наиболее подлых в истории России случаев махинаций – деле МММ. Сказав “Ты не узник Воркутлага”, я не преследовала никакой другой цели, как объявить всем известное положение Набокова, но оказалась в ситуации, будто отрицаю, что в семьях без исключения всех тех, кто в тот день собрался в той комнате помянуть Алексея, как минимум один человек пропал по ГУЛАГам. Однако совсем не значит, что городская интеллигенция России – это дети лояльных к режиму семей. Наоборот, практически все они – это люди, утомленные принесением в жертву режиму своих отцов, у которых не осталось иного выхода, как держаться подальше от дел государственных.

Однако как жаль! Мне не следовало поддаваться возбуждению и ни при каких условиях не следовало спорить об Алексее с этим человеком! Так же, как сегодня, и в тот день я знала, что у нас нет времени на то, чтоб разглагольствовать о предпосылках озвучиваемых нами решений. Ни на одной стадии нашей жизни

²² Халявщиком! (тур.). – *Примеч. пер.*

²³ Арготизм, употребляемый после перестройки в значении “советский” либо “коммунистический”. – *Примеч. авт.*

времени недостаточно! В этом мире времени нет никогда. Мечтой останется поделиться роящимися у нас в мозгу ассоциациями, и судьбою predeterminedено нам понимать друг друга без слов, так чтобы все то, что мы произносим, состояло лишь из сжатого концентрированного резюме всего того, что проносится у нас в мозгу. К тому же, Александр Солженицын был там! Александр Солженицын, человек, который страх абсурда считал сильнее страха смерти. *Пророк*, который не воротил нос перед традицией эвтаназии, нашедшей в Николае Гоголе выражение великой русской интеллигенции.

Я впервые было услышала его титул пророк /государственный деятель из одного старого письма, написанного Жаннин Вид, консультантом по делам прессы профессора Гарвардского университета Джеффри Сакса, главного консультанта Бориса Ельцина, которого “Нью-Йорк Таймс” провозгласила самым важным экономистом планеты, и адресованного профессору Терезе Д. Корнблатт, подруге Алексея. Когда писалось это письмо, Солженицын еще был в изгнании в США. Алексей захотел тогда, чтоб я прочла, как рассматривали в те годы Солженицына западные интеллигенты.

Письмо госпожи Вид начиналось следующим образом: “В National Review от 23 сентября 1991 года опубликована статья Солженицына. Я копирую его, поскольку полагаю, что тебя должен заинтересовать, прежде всего, этот абзац. *...сила либо бессилие любого народа более чем от уровня промышленного развития, зависит от уровня развития духовного. Конечная цель человеческого существования не предполагает ни свободной рыночной экономики, ни повышения общего уровня благосостояния. Пускай будет реализована хоть самая совершенная управленческая система, пускай будет осуществлено промышленное развитие, но ежели в народе иссякла духовная энергия, спасти его от упадка невозможно...* Как видно, в основе тезиса Солженицына лежит духовная мобилизация России. Писатель понимает, что маленькая группа интеллигентов, которые в западной прессе поданы как *реформаторы*, не идет далее злоупотребления популярной антикоммунистической враждой, они не

предлагают – даже в общих чертах – никакой программы, которая могла бы быть принята и воплощена русским народом. Приведенная здесь оценка свидетельствует, что двоякое поведение Ельцина, открытое отступничество в основных вопросах завершится потерей статуса *национального героя*, которым наслаждается он в наши дни. В этом случае будет необходимой активизация новой живой силы. Предполагается, что верх разочарований наступит весной либо летом 1991 года; и осень кажется наиболее подходящим временем для возвращения Солженицына. Он сам с энтузиазмом воспринимает отделение неславянских республик от Союза. Название нового народа будет *Союз Евразийских русских республик*. Он говорит о необходимости для России вновь вернуть к жизни в России традиционные аграрные общины. Он не защищает демократии. Сильны лишь те, кто исходит от прогрессивного центризма. Он полагает, что новую республику необходимо строить на традиционных христианских ценностях, таких как мораль, всепрощение, кротость. Добродетелях, к которым русские питают уважение. Ему семьдесят два года. Никто не ждет, что он бросится в политику, однако он пережил двадцатилетнее изгнание и возвращается в Россию со своей программой политических реформ. У него существует четкое видение будущего своей страны, пускай и спорное; а это не часто встречается на российской политической арене. Мы знаем, что он знает и знаком с Россией лучше большинства демократов, все еще ищущих реформ. Он может оказать неоценимое влияние на любую из сторон российской жизни – идеологическую, духовную либо политическую. Он станет самым большим пророком – государственным деятелем России”.

Это были дни, когда я до глубины души разобиделась на жителей Запада за то, что они утратили веру в Россию, и особенно за то, что строили хладнокровные прогнозы ее будущего. Я произнесла: “So!”, непроизвольно подражая стилю речи Терезы:

– Ну и почему они впоследствии рассердились?

– Западная интеллигенция не может выносить мысли о том, что могут существовать права и свободы, не проистекающие из Просвещения. То, что они охладели к Саше, совпадает с перио-

дом, когда он начал отстаивать традиционные русские ценности; ценности, зиждящиеся на Боге, православии, духовности, извечных столпах русского народа. Западный интеллигент не хочет и представить себе, что у политической свободы может существовать духовная основа.

– Значит, забыли!

– Что?

– Понятие Liberty under God! Свобода предначертана Богом! То положение, что права человека являются его естественными правами, проистекающими из того, что человек является венцом всего созданного. Именно это было первейшим и традиционным смыслом прав человека на Западе, не так ли?

Когда Алексей кивал мне головой в знак согласия, его волосы в какой-то момент просияли в свете голой лампочки под потолком. Я помню, что с удивлением заметила, что они были прекрасного цвета темного золота.

– Так было, – сказал он. – На Западе вместе с Богом позабыли и источник прав человека. Распространилась мысль, что права человека являются не изначально предначертанными, но умозаключительными. Разум говорит, что недостаточно вменить лишь Господу охрану прав человека.

– Недостаточно пожелания: Да обретут они награду от Господа! – нужны традиционные карающие законы?!

Я только-только начинала проникать в трагедию России, несмотря на это я не принадлежала к числу тех, кто верил, что разум в одиночку может разрешить все вопросы касаясь человека. Я помню, что кто-то отвлек мое внимание. Алексей говорил с лицом, ничего не выражающим, точнее так, будто и сам взвешивал свой намек на все им сказанное.

– Необходимо признать, что на Западе идеально исполнили полагаемое в силу разума. После Просвещения все было устроено образом, наиболее соответствующим мировым воззрениям, законы были вменены к обязательному исполнению. Таким образом, на Западе распространилась система, в которой государство не могло требовать от граждан точного исполнения буквы закона. Там ни от кого невозможно требовать отречься от

собственных законных прав во имя Господа либо блага общества, либо просить о самоотверженности.

– И примером тому Зудин, этот дурак?

Вначале он промолвил: “Да!” И тут же воскликнул:

– So! Так ты и о Зудине знаешь!

– Этому я обязана Галине.

Зудин, герой повести “Шоколад” – одного из первых примеров литературы, преследующей целью так выстроить психологию и познание рабочего класса, чтобы он заново реорганизовал весь мир и создал коммунистическое общество. По мнению Галины Алексеевны, это символ того, откуда и куда следует Россия. Галина Алексеевна Иванова, учитель английского языка Алексия в средней школе и женщина, возложившая на себя роль моего проводника в русской литературе.

Она была членом Общества истинных друзей советской литературы. Общество, основанное в 1991 году в ходе наблюдений над тем, как деградируют реформы Горбачева, с целью возродить к жизни русскую литературу, считалось продолжением Платформы Октябрьского Искусства, основателем и главой которого был Тарасов-Родионов, автор “Шоколада” и “старый штык”²⁴ из командиров Красной Армии 1917 года.

“Шоколад” рассказывал об обвинении во взяточничестве, спекуляциях и связи с контрреволюционно настроенной балериной и последующем расстреле Зудина, главы местного Чека или “Чрезвычайного Комитета по борьбе с контрреволюцией, саботажем, бандитизмом и детским беспризорничеством”. Повод к рассказу – взятка, не что иное, как плитка английского шоколада марки Cailler, преподнесенная лицом по имени Эдвард Хаки семнадцатилетней балерине, которую Зудин спас от стези проститутки и взял под свое покровительство. Зудин, собственно, невиновен, что и установила следственная комиссия. Несмотря на это, он подлежит уничтожению *в назидание и пример массам*:

“Зудина следует расстрелять для достижения цели. Когда вбивать Революцию, словно заточенный стальной гвоздь, она

²⁴ Употребляется в значении “бывший”, или “старый, большевик” в период непа. – *Примеч. авт.*

создаст грандиозное давление. Это давление время от времени становится причиной откалывания частичек стали в микромасштабах. Однако освободившееся место занимает другой такой же рядовой человек, и гвоздь продолжает свой путь. Именно таким должен быть случай с Зудиным”.

О решении сообщили Зудину. Первой его реакцией было расстройство из-за детей, которые на протяжении всей своей жизни будут стыдиться отца. Но после он вспоминает, что единственно важной есть революция, и на пути к достижению цели у него нет иного выхода, кроме как опорочить собственное имя. Нельзя отказываться от цели какой бы то ни было ценой в кратчайший срок дать счастье людям. Путем казни можно составить назидание нерешительным и колеблющимся товарищам, а когда красть хлеб у рабочего класса, сосать шоколад и волочиться за балеринами, то это может способствовать их предательству дела революции. Последние слова повести таковы:

“Пускай рядовое и мизерное имя Зудина отпечатается в вашем мозгу, и пускай отныне этот недостойный поступок будет символом низости, зла и предательства на продвижении по пути окончательной и бесконечной революции, наиболее чистой и искренней целью которой является счастье бесправных! Коммунизм существует только для будущего и только для счастья угнетенных! Эта цель достойна того, чтоб во имя ее жить и умереть!”

– Yes! – сказала я, не стараясь скрыть огорчения.

– Yes! – еще раз добавила я. – На Западе появление Зудина невозможно. Окончательным там есть верховенство традиционного права. Ни от кого невозможно требовать отречься от собственных законных прав во имя Господа либо блага общества, либо просить о самоотверженности... Куда гляди, недолгое время потребуется для того, чтобы граждане развили в себе привычку манипулировать законами.

– На Западе законы применяют в возможно полном объеме, и также живут на возможно крайних удаленных остриях от буквы закона. Например, когда нефтяные компании принимают себя уничтожать, купив новый, более дешевый вид энергии, они не могут быть обвинены в том, что они не заботятся о процветании

общества, хотя и существует совершенно ясный закон, который они нарушают. Когда производители пищевой продукции добавляют различные ядовитые добавки в свою продукцию, чтобы продлить ее срок хранения, хотя и не сообщают об этом сверху на упаковке, они не могут быть обвинены в том, что подрывают человеческое здоровье. Есть такое право не покупать, кто хочет – покупает, кто не хочет – не покупает, однако... однако не всякое законное право допустимо моралью.

Я помню, как он ошарашено смотрел мне в лицо.

– Да, – сказала я. – Да, не всякое законное право допустимо моралью. Так же, как не всякое моральное право допустимо законом. Смотрите: шоколад. Ну да что уж... Солженицын, по-моему, говоря, что конечной целью человеческого существования является не создание свободной рыночной экономики и не поднятие общего уровня жизни, говорит именно об этом. Я истолковываю это так. И думаю, что это потрясающее открытие! Находка, проливающая свет не только на духовную муть России, но и моей страны! Находясь в Турции где-то посреди между законами и совестью, мы прекрасно знаем, что такое быть отягощенным беспокойством.

После непродолжительного молчания, взглянув на сапожки Терезы при входе в дом, Алексей пробурчал:

– Сигареты вредны для здоровья. Несмотря на это, не может быть и речи о том, чтоб компании-производители сигарет добровольно отказались их производить.

– Чтобы требовать от сигаретных компаний, Набоковых либо Зудиных самопожертвования во имя пользы общества, необходимо наличие общих ценностей, верований и идеалов. Если же таковых нет или они утрачены, нет иного способа, кроме как очень строго определять границы прав и свобод законами традиционного права. Что бы ни говорила *совесть*, иного способа нет.

Я не знаю, сказала ли я тогда что-то новое, либо кого удивила, но я припоминаю, что он помолчал, а потом сказал:

– Саша ставит добродетель выше не только законов, но и идеологий. Он отстаивает необходимость поставить до некоторой меры выше законов и мораль.

– Мне так тоже кажется. Только подумать, каким бы прекрасным было общество, в котором бы не болел палец, отрезанный по закону традиционного права! Общество, в котором будут действовать законы, не вступающие в конфликт с совестью! Конечной целью представителя рода человеческого должно быть построение именно такого общества. Иначе невозможно, приняв неолиберализм, не остаться где-то посреди между законами и совестью. И уж не в таких, как наши с вами, обществах, где либо традиционное право проигрывает борьбу с совестью, либо, наоборот, проигрывает совесть. При обстоятельствах, когда по равным правилам обвиняют и судят одного голодного, укравшего буханку хлеба, и стащившего миллионы долларов вора... – Я продолжала бы и дальше, но Алексей еще раз повторил:

– *Не всякое законное право допустимо моралью, не всякое моральное право допустимо законом.* Тебе нужно познакомиться с Сашей. Ты хочешь познакомиться с Александром Солженицыным?

И в тот день у меня сердце забилось, подступив, казалось, к самому горлу, я начала заикаться.

– Захочет ли он тратить на меня время?

– Он найдет в тебе отличного союзника. Ты отличная представительница культуры до Просвещения! ...

... Я оставила слезы литься беспрепятственно.

– Говорят, что Иисус Христос выгнал из души Марии Магдалены семеро чертей. Должно быть, это правда, князь Алексей тоже изгнал из моей души достаточно чертей. И самый страшный из них – это страх смерти. Только этого достаточно, чтобы свести на нет все ваши усилия нас унижить.

Говорят, что в Киевской Руси верили в необходимость кормить души умерших и носили на кладбище еду в камышовых плетеных корзинках с ручкой. В наши дни на девятый, двенадцатый и сороковой день после погребения для оставшихся в живых устраивают поминки. Мы не смогли устроить таковых, ибо решением Русской православной церкви от 17 августа 2000 года самоубийство, являющаяся как убийством, так и самоубийством

эвтаназия, аборт, гомосексуализм, искусственное оплодотворение, суррогатное материнство и генная инженерия были в очередной раз названы грехом. Это сообщение, расцененное как пробный камень в постсоциалистической общественной доктрине, подняло на ноги всю либеральную интеллигенцию во главе с западной прессой. Газета “Таймс” опубликовала насмешливую статью, в которой писала: “Священная Книга и Церковь неоспоримым образом осудила однополые союзы как противоестественную склонность человеческой природы, данной ему от Бога. Епископы требуют, чтобы Gay и Lezbiyen²⁵ не допускали к преподаванию и командованию в войсках. Они проклинают также и однополые браки”.

Сразу вслед за статьей в “Таймс” Кен Шварц, уполномоченный адвокат по правам человека Всемирного Конгресса Церквей в Москве, обвинил Русскую православную церковь в том, что она избегает налаживания отношений и участия в диалоге с неправославными организациями, в том числе с Всемирным Конгрессом Церквей.

Александр Солженицын написал в “Русскую Мысль” статью, выражающую его опасения по поводу ужесточения Церкви: “Западные миссионеры оккупировали нашу страну. Они создают общества взаимопомощи, стараются заполучить радио, телевидение. И все это происходит под именем “равных возможностей”. Однако у Русской православной церкви нет таких денег, чтобы с ними бороться. И все это со временем сделает Русь страной уже не православной”.

Сын дядюшки Алексея по матери, отец Андрей Михайлович впервые аплодировал Александру Солженицыну, о котором говорил: “Он вышел из Гулага истым христианином, но или слишком уж преувеличивает свою религиозность или преуменьшает сакральную сущность христианства”, – но, несмотря на все упорство писателя, отказался предать земле сына своей тетушки.

Журналист Андрей Золотов повторил стих из Николая Огарева: “Человека, совершившего попытку самоубийства, попы-

²⁵ Голубых и лесбиянок. – *Примеч. пер.*

тавшись перерезать себе горло, вначале вылечили, а потом повесили. Повесили, потому что он покушался на свою жизнь. Врачи говорили, что рана несчастного еще достаточно не зажила, в случае попытки повешения веревка нарушит целостность раны и таким образом он не погибнет, наполняя воздухом легкие через образовавшееся в ране отверстие, – однако их не послушали. Когда несчастный был повешен, его шея переломилась, оказавшаяся под узлом рана разошлась, воздух наполнил легкие, и он продолжал дышать. Весть об этом долетела до начальства. Собрали совет старейшин. Подумали, подумали и решили провести узел под раной на шее, закрепить его так и снова повесить. Ой, ой, ой! Ой, милостивая Дева Мария! Что за идиотское общество, что за гадкая цивилизация!”

Похороны, которые превратились в международную проблему, в конце концов при посредничестве американского еврея Кена Шварца взяла на себя московская Американская православная церковь. Его похоронили на старом, как стены Кремля, Новодевичьем кладбище, где были похоронены избранные выдающиеся аристократы, чьи имена вошли в политическую историю, от преемницы Петра Великого Софии до Гоголя, Чехова, Булгакова, Маяковского, Станиславского, Шостаковича, Эйнштейна и единственного советского лидера, не похороненного подле мавзолея Ленина, Хрущева.

Я не знаю, как уговорили мэра Москвы Юрия Лужкова вновь открыть для погребения существующее еще с 1524 года Новодевичье. Я знаю только, что, должно быть, антипарламентарист Лужков, не скрывающий того, что ищет Руси нового царя, в те дни дал ослепительный прием в мэрии в честь юноши по имени князь Георгий, связывающего свое происхождение с Романовыми. Согласно одному из мнений, открывая Новодевичье кладбище для князя Алексия, он хотел лишний раз засвидетельствовать свое почтение Романовым. Наверное, это было похоже на правду, поскольку и сам он появился на похоронах. Он приехал, приказал распустить свой флаг-флюгер – новый дизайн, разработанный для Москвы – на красном фоне святой Георгий, убивающий змея; и, прежде чем оставить на могиле Алексия

необычно большой венок, конечно, не преминул с энтузиазмом трижды облобызать Александра Солженицына.

Алексий напрямую с Романовыми не связан. Однако известный премьер-министр государя императора в 1906–1911 годах Петр Столыпин приходился дядей матери Алексия, вышедшей на пенсию профессорше Московского государственного университета Оксане Дмитриевне Зеленской.

Герой книги “Октябрь 1916”, в которой Солженицын рассказывает о невозможности проводить умеренную политику в эпоху резких идеологий. Человек, говоривший: “Использовать демагогию, свары, тюрьмы и оружие, как делают находящиеся на радикально разных концах политической арены – это удел не сторонников умеренной политики. Средний путь требует идеального самоконтроля, отменной храбрости, бесконечного постоянства, безошибочного расчета и знаний”.

Петр Столыпин отважился на реформу, предполагающую впервые в русской истории сделать крестьян законными хозяевами земли путем выдачи крепостных актов на наделы, которые они обрабатывали. Этим он вызвал ярость не только революционно настроенных левых радикалов, но и правых сторонников царя, и в 1911 году стал жертвой покушения, в котором, как утверждают, был замешан Григорий Распутин. Григорий Распутин – известный чародей и лекарь Романовых.

Др. Оксана Дмитриевна Зеленская, высказавшаяся против погребения ее сына по православному обряду, была женщиной около семидесяти лет, очаровывавшей всех вокруг своей любезностью. Несмотря на то, что она практически вовсе не показывалась в людных собраниях, не было в Москве того, с кем бы она не была знакома, или происшествия, о котором она не была осведомлена. Она жила в забитой антикварными вещами квартире на Фрунзенской набережной, где выстроились здания, в которых проживали лидеры Коммунистической партии, – что было чрезвычайно редко случающимся обстоятельством, ибо те, кто уверовал в необходимость построения пролетарской культуры, в домах своих мебели не держат. Госпожа Зеленская, не сумев воспрепятствовать преданию Алексия земли москов-

ской Американской православной церковью, не пошла и на Новодевичье. Не было ее и на поминках. После мы слышали, что она вместе с приемной дочерью и студенткой Ханей Ложко²⁶ устраивали альтернативный обряд. В дни, когда шли переговоры с Американской православной церковью, она позвонила и спросила, не нанесу ли я ей визит, и я пошла. Она была дома сама и встретила меня с ангельским выражением, украсившем ее всегдaшнее прекраснейшее обхождение.

Так как самое любимое кресло Солженицына находилось у окна гостиной, из которого было видно парк Горького и Москву-реку, она попросила меня присесть на старинную бержерку, связанную с его именем. Наливая мне чаю собственными руками, она посмотрела мне в глаза.

– Скажите мне, милая барышня, какие чувства пробуждает в вас слово “похороны”? Бедствие? Страх? Шок?

– Уж и не знаю, сударыня, – пробормотала я. – Уж, пожалуй, все сразу.

– Видишь ли, *kızım*²⁷, похороны, как бы то ни было, есть выражения боли и ухода, это верно. Но они проходят в ситуации уж чересчур протокольной, ведь так, не правда ли? Они не только мешают нам общению с умершим, но и не создают атмосферы, в которой мы могли бы вполне разделить горечь утраты. Наоборот, они будто устроены для того, чтоб усилить нашу боль. Я знаю, что Алеша не оставил ничего, рассказывающего, как он желал бы начать *Последнее великое приключение*. Может, он хотел лежать не на общественном кладбище, а в объятиях природы. Совсем не думаю, чтобы он желал гроб. Вы знаете, даже в зеленых гробах используют PVC, землю поливают диоксином. Кроме того, сделать и доставить гроб, это ведь трата энергии. Мы знаем, что это значит. Вместе с тем, нет нужды даже в одежде, можно бы похоронить голым или завернуть в саван. Можно положить прямо в землю. Затем, необязательно и засыпать тело землей. Некоторые из нас могут пожелать, прежде чем тело будет засыпано землей,

²⁶ Криптоним автора. Ханя Ложко – один из лидеров возрождения славянского язычества, украинка Галина Лозко. – *Примеч. лит. ред.*

²⁷ Доченька (тур.). – *Примеч. пер.*

немного остаться с умершим один на один. Вы знаете, что наша культура не позволяет нам быть погребенными в том уголке Матери-Земли, в котором мы захотим, так ведь? Надеюсь, знаете. Вы знаете, что мертвая душа не является чашей с заразными инфекциями. Мертвые души ни земли, ни воды не загрязняют. Земля и существа в ней преспокойно и в чистоте растащат мертвое тело по частичкам.

– Госпожа Зеленская, я вас понимаю. Но Алексей не был шаманом.

Она не возразила, не вспыхнула, только отвела глаза.

– Не был, не правда ли?

– Не был, дорогая. Он всем сердцем боготворил Мессию Иисуса. Боготворил, не как часть Бога либо самого Его, но как пример того, каким может быть человечество, как Повелителя, как божественную эманацию.

Она взглянула мне в лицо, словно вопрошая.

Я была вынуждена продолжить:

– Он верил в то, что в каждом из нас есть божественная искра, которую он называл Познанием Христа, что в случае возгорания этой искры она может обернуться в пламя, способное сравниться с жаром Христа.

– Как его дядюшка, – пробормотала госпожа Зеленская. Я не знала, было ли ей известно о том, что я посвящена в тайну ее пропавшего старшего брата, батюшки Михаила Дмитриевича Гринько, поэтому предпочла смолчать.

Отец Михаил Дмитриевич Гринько, отец батюшки Андрея Михайловича, отказавшего предать Алексея земле. Автор той безбожной рукописи, которую обнаружили в Государственном архиве Российской Федерации около двух лет тому назад. По мнению некоторых – святой, по мнению иных – достойный ада. По одному из слухов, рукопись, поднявшая на ноги Русскую православную церковь, и была причиной того, что отец Андрей Михайлович отказался предать Алексея земле; таким образом он надеялся испкупить поступок своего отступника-отца.

– Алексей и православным-то не был, – сказала Оксана Дмитриевна, снова как бы спрашивая.

– Нет, профессор, не был.

– So! – воскликнула она. – Почему же вы прилагаете усилия к тому, чтоб похороны взяли на себя православные?

У меня было готово сорваться с языка: “Да берут-то ведь на себя не православные, а американцы!”

Но вместо этого я сказала:

– Потому что, несмотря ни на что, они почтили Христа. Потому что мы не думаем, что Алексей хотел бы быть погребенным похоронным обрядом, где не упоминают имени Христа.

– Понимаю. Но их Христос – это не Христос Алексия!

– Нет, не Христос Алексия.

– Христос Алексия – это Христос батюшки Михаила Дмитриевича? Христос – ученик Будды?

– По-моему, профессор, Христос Алексия намного старше Будды.

На это она не ответила.

– Расскажи мне о человеке по имени Кен Шварц. Кто он? Где вы его нашли?

– Канадец, адвокат по правам человека. Работает на Всемирный Конгресс Церквей при ООН. Его привез Андрей Золотов. Поскольку цель основания Всемирного Конгресса Церквей была объявлена как “развивать диалог меж различными верованиями в рамках идеала нового миропорядка, создать духовные основы всемирного государства, создание которого предопределено”, – полагали, что это поможет убедить Русскую православную церковь.

– Золотов, этот журналист, любовник Наташи Ивановой, дочери Галины?

– Да.

– У адвоката прекрасный русский.

– Он из украинской семьи, – объяснила я. – Во время Великой Отечественной войны они иммигрировали в Канаду. Сейчас он работает в Москве.

Я увидела, что в глазах у нее пробежал туман.

– Нет, не из тех украинцев, кто присоединился к немецким фашистам, – добавила я. – Он не имеет к ним никакого отношения.

– Все так говорят. Я знаю Всемирный Конгресс Церквей. В 1943 году мой старший брат Михаил Дмитриевич, усевшись вот в это кресло, в котором сидишь ты, говаривал: “Всемирный Конгресс Церквей – явление, которое не нужно обуздывать”. Но он боялся, что когда они заполучат в свое лоно Русскую православную церковь, это будет указывать на начало нового периода, в котором за правило будет взята фальсификация. “Обманулся даже Ватикан, – сказал он. – Он считает свежим началом в отношениях православных и католиков визит Никодима в Рим, однако сеть фальсификаций, сотканная еще Сталиным, все еще дает плоды”. Мой брат оказался прав. Московская патриархия десять лет наслаждалась независимостью, но духовный лидер русского общества не предпринял в этом направлении ни одного шага. Он ограничился тем, что завуалировал государственную политику религиозным муаром. Я еще плакала тогда: “Тебя после этого даже Карпов²⁸ не спасет”.

Она покачала головой, словно стремясь отогнать воспоминанья.

– Ты понимаешь, не так ли, что никто не мог помочь русским православным, поскольку они поддерживали Всемирный Конгресс Церквей, и никто не помогал русским руководителям государства, поскольку они поддержали русских православных. Единственным доказательством добродетели на Руси, где находиться при жизни означает где-нибудь, когда-нибудь, каким-нибудь образом, но обязательно кого-нибудь вознаградить, – является смерть. Михаил Дмитриевич попрощался с нами, собрался с духом, вышел в эти двери и исчез. После этого о нем никто ничего не слышал.

– Госпожа Зеленская, я знаю, что ваш племянник, отец Андрей Михайлович был против Всемирного Конгресса Церквей. Что это были за *фальсификации*, которых боялся ваш брат?

– Ах, оставьте Андрея, – отвечала пожилая женщина. Поскольку Михаил Дмитриевич подталкивал, то Андрей Михайлович жал на тормоза. Будь то царь, большевик либо демократы, но русское государство всегда двучино относилось по отноше-

²⁸ Карпов – коммунистический чиновник, длительное время отвечавший за деятельность Русской православной церкви в СССР. – *Примеч. лит. ред.*

нии к церкви, используя ее в угоду собственной политике. Мой старший брат знал, что ни одно из религиозных течений, поддерживаемых державой, не означало благоденствия.

– Значит, большевики поддержали Всемирный Конгресс Церквей?

– Конечно, поддержали! Решение об участии Русской православной церкви в третьем общем собрании Всемирного Конгресса Церквей в 1961 году принимал Сталин. Ехать должен был митрополит Николай. Его принудили к отставке, и вместо него отправили некоего Никодима. Николай же был найден мертвым в собственном доме через неделю после общего собрания. So! Расскажи мне об этом Кене Шварце. Какой он человек?

– Дитя перезрелого цветка, – отвечала я. – Да, пожалуй, его можно так характеризовать. Росток поколения 68-го. Либерал в англосаксонском смысле, даже, опять-таки в том же смысле, модернист-еврей. Впечатление, которое у меня от него осталось – если есть хотя бы наименьшая вероятность успешного образования нового миропорядка под названием всемирная религия, это тот человек, который сможет превратить эту идею в реальность. Я думаю, что это сюртук, скроенный под исполнительские функции межрелигиозной толерантности.

Прежде всего, его длинные волосы до плеч цвета пшеницы и голубые глаза убеждали в его северном происхождении, что шведы на Руси пользуются особым почтением. Рост его был более 1,90 м, несмотря на тело Шварценеггера, он демонстрировал исключительно мягкие, даже доброжелательные невербальные жесты; он не только никогда не забывал об улыбке на лице, но и никогда не знал спешки; говорил он тихим голосом, будто ленился, и время от времени запинался. Еще более важно, что он не только не обнаруживал никаких ни особых симпатий, ни антипатий, ни к одной из религий, но и прилагал все усилия к тому, чтобы не обнаруживать пристрастий и в верованиях. Так, будто в глазах Кена Шварца у религиозных верований не было иного смысла, кроме того, что они являются человеческими слабостями, и, однако, как все человеческое, религиозные верования также должны были получить должное от толерантности.

Когда его привез Андрей Золотов, рядом со Шварцем находился его девятилетний сын, которого он боготворил. Первым его сообщением было, поглаживая голову ребенка, сказать, что сын приехал из Торонто, чтобы провести пасхальные каникулы.

– Утром мы вместе посетили Американскую православную церковь св. Екатерины. Боба очень впечатлила ее архитектура, не так ли, Боб? По всему кажется, что неопределенность в вере сына, наконец, обретет конец! Что скажешь, чадо, хочешь ли ты, раз уж приехал в Москву, заодно и окреститься?

Ребенок тогда пожал плечами.

– Если придет и мамочка!

Таким образом, мы узнали, что господин Шварц до приезда в Москву жил в Торонто. Из-за того, что я почувствовала, что причиной его указания на неопределенность его сына в вере есть его желание перейти к главной теме разговора, я решила не упускать возможности и спросила, является ли он евреем, как на то указывает его фамилия.

– Как можно уразуметь из неопределенности моего сына в вере, я женился на иноверке, – отвечал он. Моя жена – спокойно относящаяся к религии католичка, американская итальянка. Но у нее, как и у меня, бывают периоды, когда ее религиозные чувства воспаляются.

Брак еврея и католички был не часто встречающимся соединением судеб, однако проблем не вызвал.

– Правдой является то, что гораздо более функциональны семьи, разделяющие одинаковые религиозные воззрения и традиции, однако вера не единственный фундамент семьи. Я знаю множество семей, где цементирующей основой являлась музыка или искусство, знаю и семьи, где основным звеном является вера. О себе могу сказать: чем теснее религиозные узы, тем больше я задыхаюсь! У меня головокружение от нехватки воздуха!

– Занятно, – сказала я тогда, потому что не знала, что сказать. Он же продолжал рассказывать о себе.

– Я прожил большую часть взрослой жизни так, как мне самому хотелось, а не так, как хотела бы моя семья или мой род. Еще в ранние годы, я продвигался в непроницаемых рамках системы

морали и ответственности, так, как научили меня люди, опычнее меня. Не только синагога, но и общество, в котором я жил, еврейская школа, которую я посещал, были частью этой системы. Но со временем уменьшилась как моя вера в ценности этой системы, так и вера в ценности семьи. Их место заняли ценности господствующей культуры, и я сам стал на страже своей морали!

Он покачал головой, будто сам удивлялся, как подобное могло произойти.

– Я поддался во власть самонадеянной мысли, что я знаю все лучше моих дедов!

Я поинтересовалась, что же произошло, что он изменился.

– Благодаря моему сыну! – сказал он. – Благодаря этому молодому человеку! Сейчас на севере Торонто есть пекарня под названием Багель Уорлд. По утрам в субботу я хожу и покупаю у них хлеб. Знаете ли, я люблю старосветскую атмосферу лавочки. Я люблю не очень-то и вежливые шуточки работающих там булочников. Я люблю вывеску над дверью. Но больше всего я люблю по утрам в субботу есть за завтраком багель. Багель, круглый хлеб, праздничная еда, иногда еще и свечи... собственно, это все из религиозного ритуала иудеев, что я исполняю. Вот уже какое-то время как Боб взял за привычку вставать пораньше и ходить со мной в Багель Уорлд. Не так ли, Боб?

В то субботнее утро, в которое мы вышли вместе с ним, вот-вот выходя на окраину, я почему-то раздумал и вышел на проспект Бесарст. Бесарст выходит на хасидский квартал Торонто. Вы знаете хасидов, они настоящие евреи. Неизменные ни при каких условиях мужчины, идущие в синагогу в черных сюртуках. Бывало, что я видел их ранее торгующими на задних улочках Восточного Нью-Йорка, но после того, как задний план Торонто превратился в шикарный торговый центр, они стали казаться ходячей историей. Я глянул на Боба, тот сидел в машине, прижавшись лицом к стеклу, и внимательно наблюдал за ними. Мне было любопытно, что же привлекло его внимание? Большие круглые меховые шляпы на головах пожилых мужчин? Черные с козырьками головные уборы детей? Свисающие с висков кудрявые пейсы? Вы знаете, хасиды висков не бреют. А может, думаю я, как

ко мне от отца перешел вкус к еврейской кухне, так и багели перешли к Бобу, и по счастливой случайности, несмотря на то, что он еврей-полукровка, он чувствует каким-то образом свою родственность с этими странного вида хасидами.

– А мое внимание привлек способ, которым маленький мальчик держал за руку своего отца. Крепко-крепко. После я снова увидел этот же способ держать за руку. Увидел еще раз. Так, будто все отцы в черных сюртуках и их дети были одни и те же. Я наблюдал снова и снова и видел, что этот способ держать за руку показывает самоотдачу, неразрывную связь между отцом и сыном. Более того, шагающий впереди отца и сына дед есть доказательством того, что эта патриархальная картина продолжается как минимум в трех поколениях. Я вспомнил деда Боба, своего отца, который лежал растянувшись под солнцем Флориды и которого я сам видел один раз в год. Стоило мне подумать об очевидной здесь семейной связи и, в противоположность ей, разорванной связи между отцом и мною, мной и сыном, как мою душу охватила грусть и стыд. Несомненно, что то, что я увидел, увидел и Боб. Но даже если я и вознамерюсь отвести его в синагогу, я никогда не отважусь вести его туда, не получив его доброй воли на вопрос: “Не думаешь ли ты сегодня сходить в синагогу, Боб?”

– Так, как вы сделали немного раньше, спрашивая: “Не хочешь ли ты окреститься, Боб?”

– Точь-в-точь так. Понятное дело, по его лицу было видно, что он думает, что в жизни существуют более веселые вещи, кроме походов в синагогу, но, чтобы не расстраивать меня, он откладывал его со словами: “Может, в другой раз, папа”. И я не наседаю, ибо провести четыре часа в синагоге субботним утром не улыбалось и мне. Христианство, по крайней мере, отвлекает человека не более чем на час, у вас, мусульман, полагаю, те же соображения?

– С одной стороны, я думала об этом, а с другой – старалась разгадать, что представляет собой тот, кто заставляет меня задуматься обо всем этом. В наши дни есть так много идолов, которым молятся наши дети! Идолы развлечений, спорта, ком-

пьютеров и интерактивного мира... они заманивают наших детей, как волшебная дудочка Нильса – крыс, они отдаляют их от нас. Но Бог синагоги – это Бог, налагающий на детей моральное иго их отцов. Поэтому я подумал, что несколько доз религиозного образования моему сыну будут даже весьма кстати. Все хорошо, но которому из богов я молился в последний раз?

Я тогда не выдержала.

– Ничего себе! Неужели все так плохо?

– Да уж, все было так плохо. Вы понимаете, не так ли, я был нерешителен внутри себя. Покуда человек не примет внутри себя решения, он не может быть авторитарным. Решительность была свойственна вот тем людям с улицы, которых мы видели с Бобом. В отличие от больших мужских рук, в которых тонут крошечные детские ручонки, – мои управляющие рулем, сменяющие коробку передач руки и ручки моего ставящего в магнитофон кассету сына! Хасиды поставлены в положение, когда они вынуждены накрепко держаться вместе, чтобы дать продолжение доставшемуся им в наследство миру; тогда же как наши дети должны отрываться от нас, чтобы смочь жить в этом нашем мире. Давайте не будем обманывать самих себя, идолы современного мира не менее завистливы, чем боги хасидов! Захочет ли Боб уже год спустя, чтобы его увидели идущим по улице рядом со мной? Не думаю! Наша культура построена на необходимости вытолкнуть моего сына из моей жизни, построена на том, что мне не должно нравиться жить с собственным сыном бок-о-бок. Желая поднять сына на ноги, я тем самым желаю, чтобы он сам разорвал связывающую нас нить. Я хочу, чтобы так же, как я оторвался от моего отца, мой сын оторвался бы от меня, чтобы всю жизнь, скупая по мне, он плакал под музыку жалостливых фильмов.

– Таков воистину западный образ жизни, – сказала я. – Вот и мы уже выталкиваем наших детей из семейного гнезда. Как минимум, так делает большинство у нас.

– Столкнувшись в то утро с правдой о хасидах, я начал задавать себе целый ряд основополагающих, но столько же и беспокоящих вопросов: был ли я доволен моей жизнью, в которой господствовал релятивизм, или же я завидовал хасидам, чья

духовная жизнь вовсе не была монотонно однообразной? Завидовал ли я категоричности их верований? Завидовал ли я их плодovitости? Завидовал ли полнейшему и беспрекословному поклонению и подчинению их детей? Эти вопросы требовали ответа, и ответ был очевиден: да, тогда я хасидам позавидовал.

Хорошо, но является ли выходом отпустить бороду, надеть черный сюртук и поменяться с ними местами? Очевидно, нет, я бы предпочел быть меннонитом.

– А что такое меннонит? – спросила тогда я. Выяснилось, что это было протестантско-христианское течение, основанное в Европе в начале шестнадцатого века человеком по имени Симон Менно. Меннониты жили и одевались просто, отказываясь служить в армии и крестить своих детей.

– Но почему не проповедником Священного Евангелия, а меннонитом?

– Евангелисты слишком уж активны, – сказал он тогда. Вы знаете, что они исходили каждый дом в Торонто? Меннониты же задаются, как и староверы, основополагающими, фундаментальными вопросами, как-то: Почему мы живем? Каков смысл нашей жизни? Я подумал, что мне следует найти ответы на эти вопросы. Пускай я не буду так решителен, как хасиды, но мне следовало бы найти ответы на эти вопросы, чтобы заслужить уверенность в самом себе хотя бы как мужчина и как отец.

– Я никогда не думала об этом в таком плане. Мне никогда не приходило в голову, что мужчина, для того чтобы обрести самоуважение, может почувствовать потребность в вере.

– Когда я начал искать ответы на вопросы, – продолжал он, – я не смог найти достаточно твердой почвы, на которую мог бы опереться. Кем я был? Адвокатом? Писателем? Отцом? Русским евреем? Канадцем? Американцем? Или никем из них всех? Либо, как говорили нью-эйджеры, моя жизнь состоит из усилий найти, кем же я являюсь? С какой-то стороны, я думал, насколько же я несчастен по сравнению с теми, кто совершенно не чувствует необходимости в подобных вопрошаниях! В тот момент я почувствовал себя провинциальным врачом – рентгенологом, отслеживающим по снимкам настоящую жизнь *других* людей, как

чувствовал я себя во времена, когда находился в командировках в других странах.

– Мы, североамериканцы, свободные люди, но как и стремясь к чему, мы используем эти свободы? Не делает ли евреев-хасидов свободнее нас их ограниченный образ жизни и стремление ответить на вопросы, касающиеся их бытия? Разве не есть наибольшая свобода не стыдиться своей самоидентичности? Если человек может идентифицировать себя с определенной группой, народом, половым предпочтением либо половой принадлежностью, кто может быть его счастливее? Моя проблема состоит в том, что, хотя я и соглашаюсь с тем, что я – еврей, я не желаю быть идентифицированным как еврей безоговорочно, например, как хасиды.

– Когда я подумаю, то вижу, что это негативное видение, ненависть к самому себе происходит во мне от мамочки. Моя мама относилась к типу женщин, избравших для себя в качестве модели для подражания экзотических, светских женщин Голливуда типа Греты Гарбо, Ингрид Бергман. Она вовсе не подходила к определению страдальцы – *еврейской мамочки*. Так как я хотел завоевать ее любовь, я отрицал все, что отрицала она. Результатом этого стала утрата сплоченности. В эти годы я сочинил себе построенную на сорока прорехах идентичность. Идентичность, похожую на рецепт еврейского торта – немножко того, немножко сего, подвергшаяся и не подвергшаяся ассимиляции господствующей культуры. Что, конечно, понравилось далеко не всем.

– Скотт Фитцджеральд в романе “Великий Гетсби” говорит о том, что американская культура позволяет человеку стать таким, каким ему хочется выглядеть. В Новом мире возможно примерить новую идентичность так, будто примеряешь новое платье. Но новообразованный продукт, то есть в данном случае герой романа Джей Гетсби, выходит пустой и скользкой персонной. Его жизнь и семья – как декорация в кино, дверь на улицу выходит в никуда. Поэтому, чтобы удержать свое богатство в руках, он нуждается в евреях, знающих ему цену. Сам он никогда не пойдет дальше того, чтобы быть новым богачом, сколько ни

старается, не станет родовитым и не перейдет из одного социального класса в другой. Люди, не успев взглянуть на него, понимают его фальшивость, поэтому он не появляется на людях при свете солнца, не высовывается и напускает таинственного мороку.

– Думая обо всем этом, старая рана вновь начала кровоточить.

Я был на третьем курсе Нью-Гемпширского колледжа Дартмут. Вдруг меня охватило желание, во что бы то ни стало занять собственный дом вне стен университетского кампуса. Я не смог найти подходящего жилища, но у моих трех друзей было место в большом доме, который они снимали. Я спросил у ребят, могу ли я с ними поселиться. Прошла неделя, и, позвонив, они сказали мне нет. Сначала у меня не возникло никаких сомнений, в житейских вопросах я не был достаточно искушен. В Дартмуте не было никого, кто бы не знал, что я еврей, однако я все время цеплялся в хвост ребятам из WASP²⁹.

– Вы же из детей цветов, не так ли? Ваши ребята в те годы спускались до самой Алабамы и работали с неграми. Поколение Мартина Лютера Кинга, Джона Беза?

– Боб Дилан, Пит Сигер, да, да, – ответил он. – В атмосфере шестидесятых мы полагали, что может быть возможно что-то типа *североамериканского равенства*. Я осуждал людей за то, как они загоняли себя в рамки собственных определений, потому что мир казался мне огромным пространством. По той же причине я по-дурацки отвергал моего отца, о котором думал в то время, что он загоняет себя в рамки еврейства. И в конце концов до меня дошло, что причиной отказа, полученного мной от ребят, было то, что я еврей. Они говорили: *мы твои друзья, но эта дружба заканчивается на пороге нашего дома*. Это был классный урок! Классный урок, как в эмоциональном отношении, так и для ума! Когда я об этом вспоминаю, не могу сказать, что у меня не болит душа, но и не могу удержаться от смеха над своей наивностью!

– Я не знаю, каково было быть евреем двадцатого столетия, но история переменяла и культуру, и религию. Геноцид был всегда,

²⁹ Настоящий американец, от английского сокращения White Anglo-Saxon Pro-Testant – белый протестант англосаксонского происхождения. – *Примеч. лит. ред.*

но своего отвратительного пика он достиг пятьдесят лет тому назад. Многие, такие как я, евреи, подходят к этой исторической трагедии со смешанными чувствами. С одной стороны, быть евреем имеет уважительную сторону, наш род хотели стереть с лица земли, но каким-то образом он умудрился выжить; с другой стороны, еврейство продолжало оставаться источником чего-то постыдного. Мысль о том, что мы *народ избранный*, в лучшем смысле иронична, в худшем – фальшивка, особенно же для таких, как моя мамочка, отвергнувших оказавшегося перед лицом геноцида Господа и ставших атеистами. Быть евреем означало унижаться, быть неспособным охранить свою семью, быть натолканным в вагоны и лагеря, травимым газом, измученным голодом, сжигаемым и захороненным заживо. И, кроме того, оказаться в положении спасаемого народом, большинство которого составляют христиане, то есть гои. Когда в пятидесятые годы появились фотографии и фильмы, показывающие спасение евреев, я устыдился своего еврейства и принял решение усвоить культуры не немцев, но тех народов, которые возвеличивали равенство, и в которых отсутствовало понятие *чужого*.

– Вы хотите сказать, культуры *гоев*?

– В каком-то смысле, так.

– И достаточно просто решения, чтоб сменить *культуру*?

– Настолько, насколько это возможно, – сказал он тогда, – насколько это возможно. Смотрите, место, откуда я пришел, то есть мир моего отца и покойного деда, был миром, настолько же восторженным, живым и любопытным, насколько и узким, патриархальным, взирающим на других с сомнением, не переваривающим женщин и гомосексуалистов. Связь его с этим миром была связью, которая не шла далее наносимых время от времени визитов. Их мир был одним из этнических миров, упрямо продолжающих существование в Северной Америке, и был единственным миром, из колыбели которого я мог выйти и быть принятым таким, каким я есть. В мире, который я избрал для жизни, я толерантно принят, но не любим.

– Чтобы продемонстрировать людям, что я отвечаю взаимностью их толерантности, я стал даже петь рождественские

колядки! Но толерантность, один из главных идеалов миграционных сообществ, не мешает мне быть *чужим*. Традиционно еврей должен в один прекрасный момент исполнить предписания его веры. В них, от омовения рук до одевания, должно быть, существует либо специальная молитва для каждого проявления жизни, либо одобрение Богом договора, который заключает Он с избранными рабами Его. Одно из самых важных из них – это молитва, в которой стар или млад, все клянутся в верности Господу, молитва, гласящая: Возлюбите Вы Господа своего, возлюбите Вашего Владыку, ложась в постель и вставая на ноги. Возрастание количества таких, как я, в отличие от фанатичных хасидов, покинувших даже внешние проявления веры и заключивших брак с христианками, – это выражение, с одной стороны, смешанной природы североамериканской культуры, а с другой – стыда, который мы чувствуем из-за своей инакости.

– Так вот, иду я, углубившись в собственные мысли, и сразу не услышал, как Боб кричит мне: Папа! Папа! Он хотел, чтоб я назвал ему пять команд, носящих красную униформу. “Ты ни о чем, кроме бейсбола, не думаешь?” – “Но я обожаю спорт! – ответил он. – И потом, ты сам говорил, что спорт – это жизнь!”. Хасиды впечатлили меня, но это ничего не говорило Бобу. Мой стыд на него не распространился. Хочу я этого или нет, но уж мой-то сын на свою идентичность не жаловался!

Вдруг я почувствовал, как соскучился по отчужденному дому! До меня со всей четкостью, как никогда до того, дошло, что я живу в двух различных мирах, и хочу я того или нет, пускай и вынужденно, но полностью никогда не буду принадлежать ни одному, ни другому. И мой сын, так же как и я, будет распевать рождественские гимны, жить с людьми другой веры, но ему будет спокойнее, чем мне. Потом я задумался снова, неужели это действительно так плохо?

Я не дала ответа. Он же не настаивал.

– Он будет продолжать отдаляться от меня, но никогда не станет расистом и гомофобом, – продолжал он. – Он будет уважать эту планету, называемую Земля. Я думаю, что уж этому-то я его научил. В Боснии, в Индонезии или здесь, глядя на

—•••••—

этнические конфликты тут, в России, я вижу, что могу не чувствовать своей ущербоности как отец, что я научил моего сына достаточно чему. Если эта новая культура предотвратит трагедии, если вдруг меня свалит болезнь, если вдруг утрачу контроль над собственным ребенком, что из этого получится?

Я приветствую либеральные ценности, не отвергающие человека. Даже если это будет не более чем неосуществимая мечта, я приветствую идею вселенского братства и любви. Я хочу, чтобы этот мой сон не кончался. Поскольку я сталкиваюсь с жизнью лицом, я готов принять все ее противоречия и иронии. Оставьте, пускай жители этой планеты посмотрят на меня, услышат мой голос и подумают: “Вот вам и еще один еврей!”. Что делать, пусть будет так!

Он обнял сына.

– Что ты скажешь, Боб?

– Да мне все равно, – сказал ребенок.

Адвокат по правам человека завершил свой рассказ и, будто говоря “Вот так-то!”, поглядывал то на меня, то на сына.

– So! Этот Шварц сказал, как ему удалось убедить американцев?

– Сказал, госпожа Зеленская, но боюсь, не тем образом, который удовлетворил бы самого Алексея.

– Что вы хотите сказать?

– Князь Алексей вошел в геенну с утра 24 мая...

– Ну?

– Двадцать четвертое мая – дата, когда русские православные празднуют Вознесение Иисуса Христа на небеса...

“Да преисполнятся сердца наши радости Вознесению сына Иисуса Христа. Воспоследуем и мы Ему в нашем Новом Рождении, ибо Вознесение Его есть наша гордость и наша надежда... так?”

– То есть князь Зеленский не совершал самоубийства, а предпочел вознестись на небеса! Не самоубийца, но жертва. Современный старовер! *Святой*. Вы уже мне простите, Оксана Дмитриевна, я должна была вам сказать.

Мадам Зеленская какое-то время хранила молчание.

– Отче наш, иже еси на Небеси, да Святится Имя Твое. Да придет Царствие Твое. Да буде Воля Твоя яко на Небеси, тако и на Земли, – начала она. – Хлеб наш насущный даждь нам днесь. И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Яко Твоя есть сила и слава и царствие небесное ныне, и присно, и вовеки веков.

Это была молитва, о которой я знала, что ее читают на православных похоронах; когда она закончила, я промолвила: “Аминь”, – и приготовилась встретить неизбежный взрыв эмоций. Госпожа профессор взорвалась, но взорвалась, лопнув от смеха. Она хохотала и хохотала до слез, заливаясь тонким смехом, которого я от нее вовсе не ожидала.

– Вы видите, до какой меры щедры русские православные в раздаче рангов святого, не так ли? Вы знаете святого Ахмеда?

– Да уж, знаю.

Я знала об этом из короткой речи Алексия, которую тот произнес, чтобы почтить меня в первый же день моего приезда на Русь Великую, пришедшегося, между прочим, на его день рождения.

– Триста пятьдесят лет тому назад Русская православная церковь преподобилась еще одного святого. Этот святой был из Константинополя. Он был известным мастером искусств, творившим в Османских землях, каллиграфом. Этот человек, религией которого всецело был Ислам, пал жертвою Божественной Любви русинки-наложницы, которую он взял себе в гарем. Разве не была юная наложница красива? Да, и еще как! Стоило юному каллиграфу приблизиться к ней, как он был опьянен красотой ее лица, а прекрасный запах тела молодой женщины вызывал у него головокружение слаще аромата самых изысканных парфюмов. Но не телесная красота бауан³⁰ настолько пьянила мастера. Пьянил его сладчайший аромат ее дыхания, несмотря на то, что не употребляла в пищу ничего, кроме воды и просфоры, взятой ею из Великой Церкви в Константинополе.

Она обернулась ко мне.

³⁰ Госпожи (тур.). – *Примеч. пер.*

– Должно быть, вы знаете Великую Церковь?

– Думаю, что знаю, – ответила я. Должно быть, это греческий патриархат в Фенере. Но я не знаю, что такое *просфора*!

Оказалось, что просфора – это освященный хлеб.

В Ахмеда вселилось любопытство. Он захотел узнать тайны церковного хлеба. Он облачился в христианские одежды и принял участие в *Аш'аираббани*³¹ в Великой Церкви. И там Господь, Повелитель всех Таин человеческой души, продемонстрировал еще одно чудо! Ахмед увидел, что ноги патриарха, вышедшего, чтоб благословить общину, из Царских Врат и идущего к амвону, не касаются земли! Сияющее дивным светом тело Патриарха двигалось на пядь выше земли! Ахмед остался стоять пораженный. Затем последовало еще одно чудо! Великий каллиграф уразумел, что когда струящиеся из пальцев батюшки, благословляющего благочестивую паству, пучки света прикасались к головам православных, некоторые словно бы избегали его. И понял он, что свет Божий направляется лишь к тем, кто воистину предан и родился заново вместе со Святым Крещением...

В конце концов Ахмед обратился в истинную веру, из-за этого был казнен через усечение головы, либо иным образом, и канонизирован Московской православной церковью святым.

Завершая свой рассказ, Алексей обернулся к друзьям:

– Так выпьем же за землячку стамбульского каллиграфа св. Ахмеда принцессу Гюльюя! Добро пожаловать на землю русскую!

Все подняли бокалы.

– В честь стамбульской принцессы Гюльюя!

Она увидела, что я знаю о св. Ахмеде; госпожа Зеленская продолжала смеяться, повторяя “*Вознесение Его есть наша гордость и наша надежда*”:

– Отец Андрей Михайлович воскресного дня сказал: *мы находимся сегодня в кротком предвкушении того, как Иисус Христос возносится на Небеса Рая, чтоб увенчаться короной одесную Господа. Воистину, сегодня мы погружаемся в осознание*

³¹ Обряд причащения хлебом и вином, комуньон. – *Примеч. авт.*

истины божественной сути Иисуса, о человеческой сути которого нам ведомо. Покуда мы тут пребываем в радостном волнении, Бог и человек в одном лице, Христос, надевает корону в рай. Мы помним о том, что Он победил смерть и сейчас новым его следом есть Владыка церкви. Его новое тело есть мы все. Иисус Христос продолжает вершить все то, начало чему положил он сам, через нас, верующих в него.... И все остальное. So! Что ты на это скажешь?

Я полагала, что изучила эту страну настолько хорошо, чтобы уже ничему в ней не удивляться, но опять-таки должна была признать, что такой реакции не ожидала. Поэтому мне было сложно что-либо говорить.

Я признаю, что это было исполнено потрясающе догадливо, но я совершенно не уверена, что Алексей хотел бы использовать вознесение Иисуса Христа на небеса, чтобы быть похороненным церковью!

– Значит, не уверена?

– Не уверена, мадам.

– Не может быть совпадением то, что Алеша избрал дату пути к геенне огненной 24 мая. Скажите, пожалуйста, что было ему делать в тот день в лесу?

– Мы поехали навестить Галину Алексеevну, – пробормотала я. – У нее был день рожденья. У Алексеevны есть изба в Архангельской области...

– Это ведь неподалеку от Котласа?

– Между Сыктывкаром и Архангельском, на реке Северная Двина. Точнее, в месте, где река Сухона делится на два русла – Северная Двина и Вычегда.

– Ну, это уж я знаю, – сказала она. – Там одно из наиболее энергетически сильных мест на Руси. Там можно восполнять энергию, конечно, если приближаться с уважением.

Психокинез, или ПсК, область специализации профессора Оксаны Дмитриевны, обозначает влияние человеческого познания на окружающие физические и биологические системы. Работая в Московском государственном университете, она совместно с врачами Российской академии медицинских наук рабо-

тала над управлением на расстоянии и методами альтернативного лечения, да и все еще продолжала над этим работать. Алексей не знал, по причине ли шаманских наклонностей матушка его включилась в исследования ПсК, либо в результате исследований ПсК она обрела свою шаманистическую сущность. Но у меня есть письмо госпожи Зеленской, заставляющее думать, что она ни в каком периоде жизни не была не то что православной, но и христианкой. Это письмо было адресовано Алексею, когда тот был еще девятилетним ребенком.

“Да нет ничего подобного, что там называют Богом, все так просто, – начиналось письмо. – Ты скажешь, а девяносто пять процентов населения на земном шаре полагают иначе? Девяносто пять процентов населения на земном шаре полагают так, потому что девяносто пять процентов населения земного шара трусы! Но не могут согласиться с тем, что когда с нами все кончено в этом мире, все кончено навечно! А ты не бери близко к сердцу, подними выше голову... потому что, собственно, мы и не способны узнать, что еще свалится нам на голову! С нами все будет кончено, и полный привет. Мир продолжит свой путь без нас, вот и вся дырка от бублика. Мир существует и без тебя, и без меня в нем.

Жизнь означает ожидание смерти, Алеша. Мы куча движущегося органического компоста, призванного удобрять окружающий мир. Там, где мы живем, от нас рассыпаются микрочастицы нашего тела, и микробы кормятся за счет нас. Как будто ты не знаешь всего этого, о чем я тебе говорю?! Почему, ты думаешь, израильтяне с мусульманами убивают друг друга? Или почему нападают на гинекологов противники аборт? Неужели, когда Бог дает нам пинка, ему нужны помощники? Все мы знаем глубоко внутри, что нет ада или рая, и карать лишь в наших руках. Жизнь – самый ценный из подарков, смерть – самая страшная кара.

При всем том, возможно, Бог существует. Существует, но есть ли ему хоть самое малое дело до всех нас? Ты когда-нибудь слышал о том, чтоб клопы плакались на то, что они смертны? Чтобы они искали защиты, когда заболевают, либо плакали от безысходности? Знаешь ли ты по имени клопа Володю, бегущего

по твоей подушке? Известно ли, когда у него день рожденья? Когда он женился? Когда родился маленький Володя? Ты знал, что он благодарил тебя? Когда умерла его жenuшка, он плакал каждую ночь: его слезы орошали твою подушку, он просил тебя позаботиться о нем, – услышал ли ты его? И его раздавили прежнего дня, представляешь?

Скажи мне, ты достиг скорости света? Когда ты достиг горизонта, разве не рассеялись твои атомы? Смотри-ка, разве выдерживает критику эта теория? Если выдержит, напиши тогда и ты мне такое письмо, чтобы я, глупая, знала. Природа состоит из испражнений Бога, Алеша, наша же реальность – вонь от них.

С другой стороны, возможно, Богу известно о нас. Может, он действительно создал рай, ад, ангелов, тебя и меня, все находящееся между нас. Может, он сам установил свои правила, что повсюду все изначально, и предопределено, и под недремлющим оком его. Если наш Отче – Он? Если так, то писания были вымараны, и выходит, что наш отец питает ненависть к нам.

Как я, спросишь ты, могу говорить такие плохие вещи? Разве Господь не привел на свет божий Гитлера? Разве не привел Он этого нахала, захватчика, вымогателя, насильника, убийцу и все те подлости, причиняющие пытки невинным людям, прекрасно зная, что, как, где и когда произойдет? Разве нет? Говоришь, это проделки дьявола?

Бог, создающий дьявола оттуда, где он находился сам, знал, что тот будет творить, когда падший ангел еще сам того не знал. Непосредственно либо опосредованно, но он – создатель всего, ему ведомо, как завершится все в этом мире, включая и твоё вчерашнее почесывание задницы. Если ты не то чтобы христианин или православный, но “плохой”, то есть атеист, агностик, драный гомик, краснокожий, индуист или мусульманин, – маршируй в ад.

Как тебе чувство того, что твой отец создал тебя для того, чтоб ты до бесконечности испытывал боль? Ты был нежеланным ребенком с того момента, когда зародился в матке, – о том, что было до и после того, я не говорю, – ты нежеланный ребенок. Если бы я была дьяволом, то уже давным-давно бы ушла в

отставку. Потому что мне победить невозможно. Ты знаешь, что победить невозможно, не так ли?

Если бы дьявол совершил самоубийство, то куда было ему идти? Домой? Если ты спросишь моего мнения, то мы оказываем ему слишком большое почитание. Будь я дьявол, я бы плюнула на все. Как, по-твоему, дьявол может подать в отставку? Но дьявол не человек. Кукла, созданная для исполнения определенной роли. Ад – собственное имущество Бога, и Бог – распорядитель ночи. Он выстроил несколько парадных с видом на ад и назначил дьявола там сторожем. Тот же, как охранник в баре, торчит в дверях и проверяет, кто входит, кто выходит. Удерживающий нас в бесконечных пытках не дьявол, нет, Бог. Дьявол там находится лишь для того, чтобы ты своевременно платил за аренду.

Бог не может тебя ненавидеть? Это не может быть правдой? Если так, то в дни зарождения христианства кто-то солгал. Ты хочешь доказательств? Гильгамеш, результат разделения Вавилона после Ноева Потопа, был написан до рождения Ноя. Идея Адама была навеяна “первым человеком”, выращившим древо рода людского после того, как тот прожил тысячу пятьсот шестьдесят лет. Зерна же ада были брошены в Вавилоне. У иудеев родился Шеол, перешедший затем к христианам. Мои источники? А ты знаешь, что на темы веры источники не дают ничего? Если я укажу на источник, это окажется источник источника. Это, будто стоять меж двух параллельных одно другому зеркал.

Человек не досконален, говорят православные, но даже если часть знаний пришла из горящего кустарника либо с грозового облака Моисея, автором Евангелия есть человек. Книги, оскотленной тут и там, как будто редактор правил годами накопленные дурные предложения. Где все, написанное Андреем? Где информация о детстве Иисуса? Ничего этого нет в последней ее редакции, в том виде, в котором попала она в руки народа. Евангелие было изрезано в пух и прах, имея в виду материальные, политические и эротические выгоды католиков.

Знаешь ли ты, Алеша, что Папа выставлял на продажу свою корону? И притом сколько раз! Ах, но мы знаем, что записанное человеком не является сказанным Богом. Как по-твоему,

почему существуют войны за веру, с чего это на пути Господа убивают людей?

Если сломаешь человеку челюсть, он не сможет говорить. Крошечное отверстие потопляет лодку.

Что все это означает? Судя по всему, это значит, что у тебя должно быть сердце, и если Бог существует, он будет любить тебя, потому что создал тебя мастерским творением. В последнем исследовании Господь не таков, что способен сделать так много ошибок. Если бы он их допустил, он не был бы Богом. Вместе с тем, у нас не было с ним разговора при посредничестве природы. Я должна признать, что никогда не вступала в контакт человека с Богом.

И во что же я верю? То, во что верю я, не важно, но уж во всяком случае, этот вопрос появлялся у тебя в мозгу. Я верю в то, что вера и наука являют собой одно и то же общее целое. Говоришь, богохульство? Я на дороге в ад? Не мели понапрасну языком, ты знаешь, что я не верю в существование таких мест. Хоть ной, хоть плачь, своего мнения я изменить не смогу. А отважись меня ударить – я отведу твою руку, вот так и знай.

Помнишь, когда ты был еще совсем маленьким, мы купили с тобою на блошином рынке игру с бросанием кубиков, но в ней не было инструкции с правилами игры. Мы разложили игру, и еще спорили с тобой, как надо играть. Оставалось два варианта, либо отбросить все правила, либо напрячь голову и открыть их самому, помнишь? Православные играют в игру, отбросив все правила, наука же тратит все время на то, чтобы эти правила открыть. Она стремится не отвергать ни малейших подробностей, не насмеяться над своими предшественниками. Сказать, что наука стремится открыть правила, не значит сказать, что не писал Господь. Если наука и вера продолжат взаимные нападки, мы никогда не обретем покоя. Если и есть что-то типа дьявола, то силы его множатся как раз в таких местах.

Однажды мой отец, в ту пору, когда я была воинствующей атеисткой, сказал мне одну вещь. Ты знаешь, он сам был атеист. Доченька, ты можешь объяснить природу всего, ты можешь объяснить даже факт исчезновения при скорости света, но когда

на каком-то этапе не останется ничего, что бы можно было объяснять, ты будешь вынуждена признать существование чего-то иного. Моя последующая после этого остановка – агностицизм. Да, поистине существует дивная сила, которую не в силах постигнуть человеческий разум, но вера не дает на нее ответа. Тот, кто устрашает именем Бога, немилосердно мучит их души и покушается на жизнь угнетенных, в моих глазах есть просто-напросто злодей.

Скажем, Бог есть и может нас слышать, почему же он так мало занят миром? Отчего он тратит так много времени на превращение неорганического вещества в органическое? Ты скажешь, что я такое говорю? Что, что такое неорганическое вещество? Из чего, ты полагаешь, ты сделан? Ты был изготовлен из смеси находящихся в земле минералов с кислородом. Сверху это полили стаканом воды. Вот это – твое вещество. Молекулы, атомы, электроны, нейтроны, малюсенькие кварки и тому подобное. Ты живешь воедино со смешанным полем силы. Единственный выход, к которому я смогла прийти, единственный созданный мною сценарий – это сценарий, отбрасывающий меня на миллионы световых лет.

Человек с такими мозгами есть единственное животное, не подходящее для природного очищения. Как только наступают холода, мы одеваемся в меха. Когда на дом наш нападают тигры, мы даем им отпор с топором. Вот увидишь, обязательно найдут путь перебраться на соседние планеты. Обязательно найдется и способ остановить этого недоноска под названием время, что бежит, не зная усталости и края. Ты разве не понимаешь, мы же из людей становимся чем-то другим. Сейчас уже то, что мы продолжаем жить, есть неотделимым от того, что продолжает жить Бог. Ты понимаешь, то, что мы едим на завтрак, интересует эту силу предначертания?

Однако у тебя есть своя вера, и все, что я говорю тебе, причиняет тебе беспокойство, и даже, наверное, разрушает твой мир. Ну же, встряхнись, приди в себя! Ибо твоя мать думает, что для православных есть место. Для развития общества необходимо существование “ада” или места, похожего на него. Если бы все

еще были в употреблении законы Моисея или Хаммурапи, где бы мы все были? Мы бы остались увязать в принципе: если убьешь ты мою собаку, то я убью твою. Людям гораздо лучше, обернув голову, видеть позади себя возвышающийся, словно гора, ад.

Очень хорошо, значит ты не получаешь удовольствия от традиционного христианства. Тебе не доставляет удовольствия также и все то, что я говорю, если так, во что же ты будешь верить?

Это хороший вопрос, потому что все мы нуждаемся в том, чтобы держаться за что-то, чтобы сделать выносимой мысль о смерти.

Как тебе теософия? Это идея человека, прошедшего несколько ступеней, прежде чем раствориться в Господе. Хорошо, что есть первая ступень? Жертва, не могущая примириться со своим концом, старается уцепиться за жизнь и конечно испытывает боль. Это то, что теософы понимали под понятием ада. Хорошо, но в самом худшем случае она завершается смертью, либо в ином случае “просветлением” души. Ты можешь создать желаемую реальность, стоит только применить силу мысли. Право слово, приятная идея.

Либо можешь встать на путь сатанистов. Я не говорю, чтоб ты уселся и стал перечитывать Евангелие навыворот. Это и слишком долгое, и достаточно скучное занятие. Ты можешь уверовать в то, что Иегова или Адонай, как там в наши дни не называют Бога, является предтечей зла в нашем мире. Ты можешь думать, что он удушает нас, запорошив нам глаза и принуждая боготворить его. Собственно, нельзя сказать, что в этом нет рационального зерна. Ибо дьявол – это бог лжи. Люди ведь почему верят в то, что Бог с ними говорит? Я об этом судить не могу. Если это верно, то дьявол – это Бог.

А как изволите смотреть на мысль, что мы являемся единичными образами многообразной, разорванной на части Божественной сущности, и в конце концов с ним вновь воссоединимся? По-моему, это совсем неплохая мысль для тех, кто ненавидит ошибаться.

Что, не вышло? А может, тебе поможет мысль, что “то место” – это здесь, и рай – это тоже здесь? По этой классификации все мы – ангелы, упавшие с небес, то есть черти, заключенные в

человеческом образе и подобию. Мы не рождены с этим знанием, ибо если бы это было так, наша оторванность от Бога была бы более выносимой. Смотри, может вот это где-то поможет найти объяснение миру?

Ты можешь отправиться в доисторические времена и рассматривать смерть как сумеречный потусторонний мир, бродить там, мечтая о живом мире. Мне кажется, потусторонний мир должен быть черно-белым. Если это так, значит, тебе скоро надоест.

Хорошо, как тебе окунуться в эволюционный календарь верований, углубиться в шаманизм? Ты знаешь, что это одна из ветвей анимизма. Если ты так поступишь, то точно будешь относиться более уважительно к природе. Или как тебе намного более простое мое предложение: ступай по пути, который подсказывает тебе твое сердце, и когда услышишь поповскую проповедь, не сильно-то прислушивайся к словам истерического уродца, кто бросается на фундамент церкви, как эпилептик.

Удачи тебе, Алеша. Да пребудет с тобой Господь в твоих поисках”.

Госпожа Зеленская сменила тему, и мягким и задумчивым голосом, как будто с глубоким почтением к своему сыну, спросила:

– А откуда вы знаете, что Алексей не наследовал во всем Иисуса Христа? Его верование гласит: *“Затаенная в сердцах святых доброта снова станет видна в воскресших телах, точь-в-точь как отдаленная ранее снегом, появляется листва на деревьях весной”*. Разве не может быть так, что мой сын вошел в геенну, чтобы снова воскресить доброту, которую утратила Русь?

– Может быть. Да и есть так!

– А если так, что же в предложении Шварца так вас беспокоило? То, что он еврей?

– Нет, мадам, не то, что он еврей. То, что он является адвокатом Всемирного Конгресса Церквей, о котором Алексей говорил, что они под маской отмены разделения между христианами служат Новому Мировпорядку. То, что он обвиняет Русскую православную церковь в том, что та разорвала отношения со Всемирным Конгрессом Церквей, и избегает налаживания диалога.

По мнению Алексия, эта *вина* была одним из нескольких добрых дел, способных заставить отпустить все грехи Русской православной церкви. Ибо Всемирный Конгресс Церквей совместно с Фондом Горбачева работает над проектом *вселенской религии*. Алексей никогда не верил в то, что какая бы то ни была вселенская религия, обустроенная под протекторатом ООН, сможет позиционировать человека как *падшее, однако могущее быть исправленным и имеющее бесконечную судьбу создания*.

– Это взгляд человека-христианина.

– Да, уважаемая. У князя Алексия не было никакого подозрения в том, что зло заложено в природе человека. Но он верил всем сердцем, что зло может быть повержено. *Даже если огонь Прометей зажегся от единственной искры, он все равно живет в душе человека. Все, что нужно сделать, чтобы снова возжечь его, это духовное очищение и решение загадок природы*. Он говорил именно так.

– Как Солженицын.

– Да, они сходились в этом с Солженицыным. Алексей видел, что новая вселенская религия, что будет создана под руководством Всемирного Конгресса Церквей, неизбежно разделится в плане понимания на современном Западе *антропоцентрического гуманизма*. Он видел, что происходит создание нового существа, которое не только не допускает в природе своей зла, не винит себя, а поэтому и не понимает своей доли в несчастьях Руси и всего мира, не стремится к улучшению, но и которому не знакомы такие понятия, как самокритика или покаяние. Происходила искусственная легализация совершенно бесстыдного потребителя, не отделимого от дикого капитализма, предопределенно несущего за собою конец планеты. Он видел, что в случае этого существа не может быть и речи о добровольном жертвовании во имя Господа Бога или человечества тем, что вбили ему в мозг как его *права*. Он говаривал: *покуда дьявола будут отрицать как реальность, пока будут говорить, что его не существует, до тех пор свободы неизбежно будут подчинены злу*. Именно поэтому я не могу уместить в голове то, чтобы Алексия хоронили при содействии таких адвокатов Всемирного

Конгресса Церквей, как Кен Шварц. Нельзя сказать, что я также не понимаю батюшку Андрея Михайловича, но понимание не спасает душу от боли.

– Ах, оставьте вы Андрея! – вновь повторила Оксана Дмитриевна. Мой племянник отец Андрей Михайлович полный дурак! Расскажите мне о Рабиновиче. Неужели фармазоны ничего не делают?

Человек, о котором она говорила, Давид Рабинович, брат-фармазон Алексия, директор рекламного агентства Greatis USA, новый русский бизнесмен – демократ-капиталист, московский представитель Александра Коненикина, создавшего, не достигнув еще и двадцати четырех лет от роду, империю банков и недвижимости.

Он же дальний родственник и близкий друг профессора Терезы Д. Корнблатт, американской приятельницы Алексия. Сразу впоследствии отхода Алексия в геенну огненную он рассказал мне, что в ранние века христианства церковь не только не запрещала самоубийства, но выражала толерантность и даже соболезнования, то есть соучастие в боли.

– Первые христиане воспринимали этот мир как ловушку, исполненную грехов, и вместо того, чтоб быть запятнанными бесчестием, влекущим за собою проклятие на века, они хотели как можно скорее воссоединиться с Господом. Десятки тысяч первых сторонников веры, таких как донатисты, совершали групповые самоубийства, прыгая со скал. Иисус сказал: “Воспротивься злу. Бьющему тебя в одну щеку подставь другую. Я хочу, чтобы возлюбил ты врагов своих и молился за угнетателей твоих”. Запрет шестой заповеди касается покушения на жизнь другого, не самоубийства. Тертуллиан, один из самых пламенных отцов-основателей Церкви, спросил: “Разве может быть правильным опоясаться мечом, когда наш Повелитель наказывал, что поднявший меч на другого сам да останется с мечом безответен”. Проклинаемы были война и убийство. Когда же Церковь заполучила Римскую империю, то самоубийство было провозглашено религиозным и светским грехом. Добронамеренное, человеколюбивое противодействие самоу-

бийству дегенерировало, самоубийцы были оговорены, их тело унижено, а семьи отвергнуты. Решение о невозможности погребения по христианскому обряду было принято в 533 году. В 693-м, без какой бы то ни было причины, даже попытка к самоубийству стала рассматриваться как повод для афороза³². За этим воспоследовали экспроприация имущества самоубийц, выставление надетых на кол трупов несчастных на перекрестках дорог в назидание. Вот таким было милосердие христиан.

– Давайте совсем не будем говорить о Рабиновиче, мадам, – сказала я. Видите ли, я еще могу выдержать либерала-неодарвиниста, одного тридцати трех градусного фармазона, однако я не вынесу тридцати трех градусного либерала-неодарвиниста и к тому же фармазона. Он – фальсификатор. Если мне надо будет выбирать между вашим племянником батюшкой Андреем Михайловичем и ним, то я выберу Андрея. Ибо, несмотря ни на что, я не могу не испытывать жалости к Русской православной церкви.

Госпожа Зеленская такого не ожидала, но, по правде сказать, я тоже не ожидала, что она будет надеяться в таком вопросе на помощь Рабиновича.

– Дорогая деточка! – сказала она. – Дорогой турецкий ребенок, вы принимаете нашу русскость гораздо более всерьез, чем мы сами.

Об этом мне говорили и раньше. Как тогда, так и сегодня я думаю, что это несправедливо. Несправедливо не по отношению ко мне, по отношению ко всей Руси. Как там говорят, “*hayat uogunluđu*”, что означает “мировая скорбь”. Я полагала, что Оксана Дмитриевна подходила к шаманизму и избрала себе его как независимую религию, подобно даосизму или индуизму. Я не могла тогда подумать, что она утомилась быть русской. Когда же она встретила известие о том, что сын ее вошел в огонь, словами: “У скифов пассивно ожидаемая смерть считалась оскорблением жизни”, и вслед за этим добавила: “Скифы считали самоубийство человека, не способного снарядить кочевой караван, почетным поступком”, – то я поняла, что шаманизм госпожи

³² Афроз (греч.) – в христианской общине наказание изгнанием из общины. – *Примеч. пер.*

Зеленской есть протест не только против русского православия, но и против самого христианства. Кочевники и погонщики лошадей, скифы, жившие в седьмом веке до нашей эры в степях Азии, были шаманами, они считались предками в том числе и руссов.

Мне вспомнились один за другим Богиня-Мать и сопровождающий ее рогатый Бог, празднования Самхейн³³ в садах Кремля, все рассказанное ученицей ее Ханей Ложко, колдуны, молитвы и пророчества. Обращение госпожи Зеленской в шаманизм впервые приобрело совершенно иной смысл. Я подумала о том, что святое обугленное тело Алексия вот уже много дней как лежало в морге.

– Вы знаете, мадам Зеленская, этот процесс настолько затянулся, что я начала думать, что Перун предал Алексия. Думаю, что ему не следовало отдавать в руки людей свое прекрасное тело, а испепелив его, развеять по ветру.

Думаю, это был Илья Эренбург, который спросил: “Люди, живущие на земле, где в декабре раскрываются розы, которых обнимало небо, испокон веков и до конца дней нежное и шелковистое, как красивая женщина, – откуда знать им о тирании бурана, о вздымающихся гранитными глыбами гигантских волнах морей?”

Как будут мечтать, как задохнется в страшном сне смертной силы их тоска по весне? Или насколько бессильным остается слово *земхефи*³⁴, чтоб передать весь холод русской зимы? Или этой проклятой безнадеги кромешной тьмы? Ожидания, ожидания, ожидания и молитв, чтобы ледники уступили место жизни?

Согласиться с тем, что Бог может делать вид, что не слышит ваших молитв, хуже смерти. Если так, то испытываемые несчастья следует воспринимать как проявление кары божьей по Святому Евангелию. К тому же, это еще одна Господня милость – дать русским возможность покаяться, освежить свою веру. Тем самым указывает он на свою о них заботу, на то, что есть они избранными.

³³ По кельтской традиции Новый Год начинается 31 октября, он называется Самхейн – кельтский Праздник Мертвых, который отмечается в честь Повелителя Смерти Самана. – *Примеч. пер.*

³⁴ Период самой лютой стужи зимой (араб.). – *Примеч. пер.*

Чем сложнее наша повседневность, тем интенсивнее духовная жизнь. В тот час, как нещадно рвут наше тело снег, лед, буран, тьма и морозы, мы противопоставляем самым страшным нуждам и лишениям знание о том, что существует правда, высшая, нежели все пережитое. Эта высшая правда есть священный и бесконечный порядок Божий, *yüksek gerçeklik*³⁵. Апостол Павел говорит, что процветание происходит из соблюдения порядка. Апостол Павел говорит и о месте женщин в порядке Божьем:

“В церкви женщине должно находиться молча. Сидеть она должна позади всех, в незаметном глазу месте. Если захочет она что-либо узнать, должна придержать свой вопрос до дому и там спросить у мужа своего. Звучание женского голоса в церкви есть низким делом. Женщине также следует в церкви покрывать голову. Мужчине голову покрывать не нужно. Ибо мужчина – воплощение Господа, символизирующий Его великолепие. Женщина же отражает великолепие мужчины. Ибо не мужчина был создан из женщины, но женщина – из мужчины. Не мужчина создан для женщины, но женщина – для него. И покрытая ее голова есть символ покорности...”

Ортодоксальное *православие* по-русски означает “верность слову³⁶”. Православный не нуждается в толкованиях веры, он почитает за извращение ее реформы. А поэтому в свете учения Павла остается верен жизни без женщины. Мужчины, в незащищенных внутренних степях этого самого большого материка мира, в сумрачных северных лесах, на бескрайних и безлюдных равнинах, в монастырях и гарнизонах, проводя в одиночестве длинные зимние вечера, искали той высшей правды во всем, куда бы ни устремлялся их взор, во всем, чего бы ни касалась их рука. Этой страстью объясняется то, что в русских чрезвычайно развита эта сверхчувствительность к красоте. Русский, обративший свои взоры в бесконечность, видит красоту, стремится к красоте. Отсюда и пророчество князя Мышкина: “Красота спасет мир”, символизирующего Иисуса в “Идиоте” Достоевского.

³⁵ Высшая правда. – *Примеч. пер.*

³⁶ В оригинале – верный слову. – *Примеч. пер.*

Апостол Павел говорил: “Разум есть священный и бесконечный Господь”. Сыну человеческому остается разгадывать данное ему знание или не стараться объяснить тайны его, но, возблагодарив и вознеся молитву за оставленное наследие, обрести знания, пусть отрывочные и немногочисленные. По этой причине на Руси искусство создают не для того, чтоб развлекать людей, но чтобы подготовить их к Судному дню, привести к благоденствию, христианская же весть приходит в мир не посредством абстрактных идей, но конкретных творений.

В те времена, когда не было еще распространено умение читать и писать, люди научались Слову Божьему слушая, взирая и беря в назидание жизнь святых. Жизнь святых представлена в иконах, начертанных монахами. Но имена их не были занесены в анналы и сохранены. Каждая стадия написания иконы, от подготовки красок и до нанесения защитного лака, сопровождалась молитвами. Один из монахов писал фигуры, другой наносил определенные цвета краски, еще один добавлял других тонов, а последний наносил иссиня-белый.

Было установлено, что настоящая позолота присуща только Христу, и применялась она лишь в его изображениях. В свете зажженных верующими свечей Господь светился, словно солнце, освещая издалека путникам дорогу. Икона – солнце, солнце же – *Обличье и Глаза Господа*.

Арабский путешественник Аль Масуди говорил в 950-е годы о том, что восточные славяне поклонялись солнцу. У них также были храмы с открывающимся сводом. До сих пор сохранился обычай приветствовать солнце в полдень. Южные славяне клянутся на солнце. У Болгар солнце – священо. Я была свидетелем того, как в России, Украине и Белоруссии приветствуют восход солнца. Кроме того, я слышала, что в юго-восточной Германии, в Лужичах, по воскресеньям солнце приветствовали перед входом в церковь. У украинцев существует проклятие: “Хай тебе сонцем побие!”. Одна из молитв хорватских крестьян гласит: *“Пусть отмстит за меня Солнце!”*

Вот что хотел сказать Алексий, говоря: “К Богу приближаются не светом, но теплом”. “Не просветление – тепло души!”

Оттого что толкование было закрытым, иконы поведали нам о былом, а не преданиях. Люди рассказывали об увиденном, а не утопиях. Такая загадка, как Троица, к примеру, изображается в виде посещающих св. Ибрагима³⁷ и супругу его трех ангелов, но ангелы эти представлены в человеческих фигурах, не в символических образах.

Произнося молитвы, русские обращали свои взоры к иконе, потому что молитва содержала прочтение цветовой гаммы. И если монах продолжал чтение молитвы со всею душой и телом, он знал, что мог выйти из собственного тела и слиться с излучающим свет изображением с иконы. “Свет” и “святой” в русском языке имеют тот же корень. Монах, желающий излучать свет, должен был стать живой иконой. Когда достигал он этого ранга, обличье его менялось, он становился похож на преодолевшие телесность существа с икон, и в этом случае он сам обретал свойство лучащегося оазиса жизни в ледяной пустыне.

Оазисы – это в то же время места, где на землю спускаются с небес божественные существа. Монахи, упрятавшиеся в глубину русских земель перед захватчиками-монголами или армиями царя, были знакомы с богиней плодородия Мокошью. Мать Сыра Земля русских степей днем выпасала своих овец, а ночью пряла шерсть, занимаясь собственно плетением жизни и смерти. Эта зрелая, плодовитая женщина, готовящаяся принять во чрево семя своего мужчины, со временем вошла в образ девственницы Марии, и материнская роль святой оказалась таким образом важнее ее девственности. Русская глубинка порождает культ Богоматери, держа на груди Вознесение Богоматери, Успенский Собор, возвышающийся своими куполами. Купола Матери Сырой Земли смотрят свысока на чужие ей соборы Святой Софии Великого Киева и Новгорода, авторы которых черпали вдохновенье в Святой Софии Константинополя.

Цементом русской семьи является Матерь Божья. Тереза Д. Корнблатт давно еще привлекла мое внимание к тому, что и

³⁷ Мусульманское имя пророка Авраама. – *Примеч. лит. ред.*

правда великая русская литература не очень-то апеллирует к романтической любви или повествует об историях пар влюбленных. Все уважение и любовь сосредоточено на матери, не на возлюбленной. Если отец – гарнизонный командир, то мать – живущая как ангел-хранитель солдат икона, *святая*. Со временем и всю Русь Великую начинают воспринимать не просто как географическое или политическое образование, но как общую мать, *anneciğim*³⁸. Царь же считается батюшкой, *baba*³⁹. Роль матери впоследствии распространяется на весь честной мир, как говорят, “Мир божий для русских – это хтоническая женщина, а не небесное отражение бесконечной женственности”. “Земля – это мать, а не девственница. Земля плодородна, как мать, в ней нет прижимистости девственницы. И кроме того, Земля – черноземная почва, самая плодородная на Руси”.

Ранним августовским утром, на рассвете, принято выйти в поле с полной конопляного масла крынкой. При появлении первых лучей солнца произносят, обернувшись на восток:

– Мать Сыра Земля, останови все дурное и нечистое, чтоб не совершило оно надо мною злого чарования!

Обернувшись на запад, говорят:

– Мать Сыра Земля, брось злые силы в котлы кипящие, пламени палящие, чтоб меня они не коснулись!

Обернувшись на юг, молвят:

– Мать Сыра Земля, успокой южные ветры, угомони непогоды, останови зыбучие пески, чтоб водовороты не несли.

И, наконец, обративши лицо к северу, заклиняют:

– Мать Сыра Земля, не дай воли северным ветрам, вразуми мороз и снежные бури.

После каждого заклинания землю поливают конопляным маслом, а пустую крынку бросают оземь.

Увидеть, как подчеркивается бесплодие наивной невинности, приписываемое девственности, было, пожалуй, самым поражающим опытом, который я пережила в земле русской. Но, если

³⁸ Матушка (тур.). – *Примеч. пер.*

³⁹ Отец (тур.). – *Примеч. пер.*

подумать, если негодное к пахоте поле не есть нива, то почему бесплодную женщину нужно считать женщиной?

Тереза сказала когда-то, что у русских существует выражение в смысле: “*Если мужчина – голова, то женщина – это поворачивающая голову шея*”.

На Руси остовом семьи является женщина, но патриархальные принципы действительны так же. Русский мужик играет ведущую роль на войне и в управлении, но женщина – вот кто выносил и взваливает на свои плечи груз всего дома в тяжелые времена. Женщины, будто стремясь сгладить природную суровость своих мужчин, молчаливо заботятся о духовной традиции на Руси, возвышающей непротивление злу и добровольное участие в испытаниях. Сказки, пословицы, поговорки, обычаи передаются молодым поколениям через *nine*⁴⁰. Собственно, через них и была осуществлена последняя попытка – деспарадо оживить органически религиозную цивилизацию средневековой Руси. Вы же знаете, известное течение староверов семнадцатого века, *Eski İnananlar*.

Я действительно было отвыкла от этого определения: *органически религиозная цивилизация!* Но под органичным имелось в виду присущее природе, сути чего-либо качество. Иными словами, образованная из самих глубин Руси-матушки извечно-испоконная религия.

Киев стоит на берегу Днепра и распахнут навстречу Западной Европе, но источником вдохновения все же стала для него Византия, с греческим языком, но ориентальным великолепием. Христианизация Руси начинается с Киева. По легенде, в 987 году киевский князь Владимир собрал свою дружину и молвил:

– Послушайте-ка, други верные! Приходили ко мне булгары и хотели, чтоб принял я их веру. Вслед за ними были у меня немцы и расхваливали свою веру. После немцев пришли евреи, за евреями – греки, раскритиковали все религии, кроме их собственной. Говорили они, говорили, рассказали историю всего мира от сотворения до наших дней. Речи их были прекрасны и

⁴⁰ Бабушка (тур.). – *Примеч. пер.*

—•••••—

удивительны. Говорили они о существовании иного мира, чем тот, в котором мы живем. “Если кто-нибудь из пришедших в объятья нашей веры помрет, он воскреснет вновь, тот же, кто веры не примет, в загробном мире будет гореть в пламени”, – говорили они. Что вы на это скажете?

– То, что всяк сверчок хвалит свой шесток, ты, княже, знаешь лучше всех нас, – отвечали избранные – но если ты изволишь, то посылай дружины, пускай узнают они, как греки Богу поклоняются.

Так и сделали. Владимир выбрал десять самых умных да сметливых и послал их к булгарам⁴¹, немцам, а оттуда в Истанбул⁴². Предстали его люди перед государем императором, коим был базилевс, и поведали, откуда и с чем они пожаловали. Возрадовался император, послал за патриархом и устроил им пышное представление: звонят в колокола, кадят благовония, хоры поют песнопения. Даже базилевс надел самые свои прекрасные одежды, чтобы русы поняли, как великолепен греческий Бог. И впрямь, гости более чем впечатлены. И когда возвратились они в Киев, то предстали пред всем честным народом и поведали им следующее:

– Когда были мы у булгар, то увидели, что в храме, что называют они мечетью, молятся они, согнувшись в три погибели. Наклоняются, садятся и глядят туда-сюда булгары. Нет у них экстазу, полны они тоски и дурно пахнут. Не будет толку нам от их религии.

Затем отправились мы к немцам, видели обряды и в их храмах, но и там не было роскоши. Оттуда отправились в Грецию, и они повели нас в те здания, где молились. Нам, показалось, что вошли мы в рай! Нигде в мире нет ни такой красоты, ни великолепия! Это невозможно передать словами! Все, что можем мы сказать, это то, что Бог живет в тех зданиях вместе с людьми, и службы их гораздо более прекрасны, нежели служения всех других народностей! До сих пор не можем мы забыть той кра-

⁴¹ Волжская Булгария, современный Татарстан – первая мусульманская страна на землях Российской Федерации. – *Примеч. лит. ред.*

⁴² Сохранено в авторской интерпретации. – *Примеч. пер.*

соты! Подумай сам, если бы греческая вера была плоха, разве приняла бы ее твоя бабка, Ольга, что была мудрее всех мужчин?

Итак, следует понимать, что князь Владимир был вовсе не чужд христианству. Когда спросил он: “Хорошо, но что же делать? Окреститься ли всем нам вместе?”, то отвечали ему: “Ты сам лучше знаешь, княже”.

С тех пор прошел год. В 988 году собрал Владимир войска, и после мощной осады захватил греческий город под названием Херсон. *Херсоном* называли Севастополь, основанную в 421 году до Христа греческую колонию. Истинное его название – *Херсонес*, название же Севастополь, что с латыни переводится как “великолепный”, дали граду римляне. Звезда города воссияет в 1787 году во времена Екатерины II, по причине размещения здесь царицею черноморского флота. Екатерина поставит во главе реконструкции старого порта Суворова.

Итак, сел князь и написал послание из града Севастополя императору-басилевсу: “Пусть будет тебе известно, что завоевал я твой роскошный город. Но в то же время слышал я, что есть у тебя незамужняя сестра. Если не дашь мне ее в жены, то и с твоим городом сделаю то же, что и с Севастополем”.

И отвечал ему басилевс: “Негоже христианам сочетаться браком с язычниками. Но если обратишься ты в христианство, дам тебе и сестру мою в жены, и в наследство *царство Божье*, и стану тебе братом во Христе”.

Согласился Владимир, но с одним условием: чтобы попы, что будут его крестить, привели к ногам его и сестру басилевса Анну. Хотя Анна и сопротивлялась, мол, это плен! Но старший брат уговорил ее: “Через тебя на русскую землю придет покаяние, и ты спасешь Грецию от войны и разорения. Разве ты не видишь, какие беды причиняют русы нам, грекам? Если не поедешь, та же участь постигнет и нас”.

Ничего было Анне не поделать, отправилась она в Севастополь. Как раз в те времена Владимир был болен глазами. Принцесса молвила, что если он, не откладывая ни на минуту, тотчас же обратится в веру, то болезнь его пройдет. Владимир согласился, сказав: “Если то, что ты сказала, правда, это будет указа-

нием на силу греческого Бога”, и принял христианство. Не успел епископ, что привезла с собою Анна, наложить руку на голову князя, как тот прозрел и увидел свет Божий.

– Только сейчас принял я Истинного Господа!

Место, где проводился обряд крещения, – церковь Святого Василия, что стоит прямо в центре городской площади в Севастополе. После обряда Владимир собрал лучших священников Севастополя, взял между тем и мощи похороненного там одного из первых апостолов Св. Клементя и ученика его и вернулся обратно в Киев. Город же Севастополь в качестве подарка оставил своей супруге.

Говорят, что самым главным культурным достижением Византии является перенесение христианства в славянские государства. По моему разумению, когда Священная Земля, Северная Африка и наконец Анатолия оказалась в руках мусульман, Константинополь вынужден был обратить свое лицо на Север. Два македонских миссионера, братья Кирилл и Мефодий, составили для славянского языка алфавит – тот, который мы все еще называем кириллицей – и перевели фундаментальные тексты христианства. Таким образом, этот старославянский алфавит лег в основу одного из официальных письменных языков средневекового христианского мира, наряду с латынью и древнегреческим⁴³. Вслед за обращением Владимира византийские религиозные деятели стали передавать на Русь всевозможные знания и обряды. В том числе и названия Константинопольских церквей Святой Софии и Святого Георгия были позаимствованы при постройке киевских соборов. Начиная от искусства до философии, практически во всех сферах Киев безоговорочно признал верховенство Константинополя.

Проходили столетия за столетиями, в которые сакральные тексты переводились на старославянский, переписывались от руки и рассылались в разные концы мира. Что, однако, не мешало исказить текст переводов, допускать грубейшие ошибки. Так

⁴³ Тут, скорее всего описка автора: в оригинале – “слованского”, латыни и греческого. – *Примеч. пер.*

что к середине 1600-х годов церковь оказалась того и гляди на грани развала.

К какому бы народу ни принадлежали католики, но глаза и уши их всегда были обращены к Святому Папе Римскому, что происходил из духовных потомков Петра и поэтому слыл никогда не ошибающимся. До 1037 года Римская церковь считала себя продолжением Константинополя. В четырнадцатом веке на Руси появляется собственный патриарх. Однако Петр Первый упразднил Патриархат, а на его место поставил Священный Синод. Причиной того, что снова установили Патриархат в Церкви только большевики, было их желание сообразоваться с православными народами вне Российской империи. Несмотря ни на что, церкви православных сохраняют – пусть и частично – свой общенациональный статус, так же, как и патриархи, епископы и попы.

Общенациональный в данном случае означает отражение в богослужении самой природы сущностного различия народа. Что не мешает Московскому патриарху Никону прилагать усилия пред Римским папой и стремиться к введению единого вероучения, которое было бы справедливо для всех. Это вероучение было бы тем же, что с 1652 года использует греческая православная церковь. Скажем, после введения которого вся праведная паства, осеняясь крестом, будет употреблять не два, как в старину, а три перста, символизирующие Отца, Сына и Святаго Духа. Кроме того, в конце каждой молитвы трижды будут исполнять аллилуйя, а попы – одеваться как греческие и т. д.

И тогда разразится судный день! Верная традициям паства сочтет все это происками дьявола. Кто-то из них станет резать себе пальцы, чтоб избавить себя от правила креститься на греческий манер, кто-то бросит свое тело в огонь.

Алексий говорил когда-то: “Мы их называем староверами. Те, кто остался вне Русской православной церкви, *Староверы*”. Эти люди шли в огонь, чтобы опротестовать церковные реформы 1667 года. Знали ли вы, что музыкальная трагедия Мусоргского “*Хованщина*” заканчивается картиной, как староверы, закрывшись сами с малыми детьми в деревянных избах, предают себя огню? Когда представление играли в Большом, на сцене разжи-

гали настоящий огонь. В девятнадцатом столетии Михаил Бакунин настаивал на том, что старые боги, спустившись на *языках пламени*, должны были возжечь Европу? Потом он услышал, как Вагнер в Лейпциге дирижировал Девятую Симфонию. Он взбежал к маэстро и обрадовал его тем, что огонь не коснется того, кто так прекрасно интерпретировал Бетховена, однако когда сразу вслед за тем концертный зал возгорелся, Вагнер обвинил в поджоге Бакунина! Хорошо, но знали ли Вы, что Бакунина называли главным разжигателем революции?

Огонь – источник вдохновения гениев, сделавших Русь Русью. Известный балетный постановщик С. Дягилев был вдохновлен “Огненными стихами” Скрябина. Главным произведением И. Стравинского – ученика композитора Римского–Корсакова, о котором говорили как о духовном близнеце Александра Солженицына, – была сюита “Огненная птица”. Ее главной темой является образ алого петуха, возглавляющего русскую мифологию.

– Да что же это, вы что, проходите очищение в огне? – воскликнула я тогда.

Алексий не удивился.

– Огонь чище воды, – отвечал он. – Огонь символизирует непременное очищение и спасение. На Руси боги спускаются на землю, оседая языки пламени. Огненные купола русских церквей приняли свою форму от огня. Пред огнем предстают очищенным после купели. Его возжигают с уважением и с уважением гасят. Возжигать очаг в монастырях представляет собой ритуал, который может осуществить лишь церковный звонарь и никто больше. В дохристианской анимистической Руси сонм богов возглавлял повелитель молний и пожаров Перун.

Иисус Христос также крестил землю огнем.

– Это, должно быть, русский православный Иисус! – возразила тогда я. – Я никогда не слышала об Иисусе, крестящем землю огнем!

– Да уж, правда, – отвечал он, смеясь. – Владимир, вернувшись обратно в Киев, приказал привязать Перуна к хвосту коня и волочь в реку. Пока тащили Перуна, за ним бежала дюжина из

людей князя с дубинами в руках и била деревянного идола смертным боем. Не из-за того, что полагали они, что дерево будет чувствовать боль, а из-за того, что хотели покарать вселившегося в идола и хотевшего их обмануть дьявола. Сегодня они унижали того, перед кем вчера поклонялись. Когда гнали Перуна к Днепру, те, кто еще не крестился, бежали по берегу и плакали. Место, где бросали его в реку, и поныне называется Перунов берег. К твоему сведению, что же было потом? Потом все горожане купно вошли в реку и окрестились. На холме, на котором стоял Перун, Владимир возвел церковь и дал ей имя Святого Василия.⁴⁴

Перун, бог молний и грома, является русской разновидностью Тора, сына скандинавского божества Одина. Его название происходит от глагола *ударять*, *бить*. Изображался он с топором в руке. Священным его животным был бык, священным деревом – дуб. Христианство приходит на Русь, но Русь глубинная по-прежнему продолжает поклоняться Перуну. Традиционные боги и празднества становятся воедино с христианскими святыми и обрядами. Это называют *çift – iman*, двоеверием: Перун на грохочущей громах двухколесной колеснице, с луком – молнией становится Святым Ильей, а впоследствии – покровителем диких и домашних животных святым Георгием. Огонь, зажженный в честь Перуна, никогда не угасает. В московском гербе, возвращенном к жизни Лужковым в 1994 году, убиваемый Святым Георгием змей – поганый Волос. Записанные в Священном Писании слова Иисуса Христа: “*Я пришел в мир, чтобы принести огонь, и хочу, чтобы он с этого дня горел, не угасая*” – окончательно подтверждают связь между христианским пророком и Перуном. На Руси становится основополагающим принципом одно разъяснение византийского происхождения, касающееся того, каким должен быть истинный христианин: “*Всецело восплававшая пожаром душа закаляет тело, как настоящий огонь передает свой жар раскаленному железу*”.

⁴⁴ Василий – имя Владимира после крещения. На месте же Перуна была построена Десятинная церковь. – *Примеч. лит. ред.*

В большинстве оказались те, кто уверовал, что огонь, о котором говорил Иисус, был огнем любви и надежды. Чтобы защититься от борющегося с огнем Дьявола, по горло входили в воду и там проходили крещение. И огонь на Руси Перуна – щедрый *хозяин домашнего очага*, ожидающий с уважением дорогих гостей и согревающий их своим теплом и светом. Одно же из значений слова тепло – *багаття*, “богатство”. Когда на Руси возгоралась церковь или икона, то говорили, что она “вознеслась до седьмых небес”. Метафора же “*проникший в железо огонь*” употребляется для обозначения божественного огня, горящего в человеке – Иисусе.

Иисус – тот, кто *возжигает* руку, к нему прикоснувшуюся.

Я помню, как Алексей, рассказывая мне о родной русской цивилизации, определил ее как “*сильно горючая цивилизация*”, как если бы говорил о спирте или алкоголе: “В этих землях пожар – как неожиданный гость, когда он стучится в дверь, то напоминает, что существование цивилизации не имеет никакой гарантии”.

Я находилась вместе с Алексием Христофоровичем Зеленским, когда тот был назначен расследовать пожар на турбазе *Приют* на горе Эльбрус, что на Кавказе, в котором один французский альпинист погиб и двадцать получили серьезные ранения.

Трехэтажная турбаза альпинистов была деревянным зданием, снаружи крытым алюминием. Она была построена как своего рода убежище от ветров – настолько сильных, что подчас достигали сто сорока километров в час! – срывающих палатки альпинистов. Она имела два выхода прямо на улицу, один из которых находился на третьем этаже. Выход “в пустоту” с противоположной скалой соединяла, как мост, толстая доска, находящаяся на высоте около пяти метров над землей. Чтобы спастись от огня, люди были вынуждены переходить по этой доске, что было практически невозможно. Под ветром такой силы сооружение раскачивалось так, что альпинистам было необходимо привязываться из дому веревкой, даже чтобы отойти в находящийся в трех метрах туалет!

Там был один канадский альпинист по имени Барлесон, так он рассказывал, что когда ветер на Эльбрусе залетел ему под

альпинистские очки, он унес его контактные линзы. Пожар возник по вине перевернувшихся на втором этаже лагерных баллонов у русских, и в считанные минуты охватил все здание, поэтому отделаться в такой ситуации всего одним погибшим было просто чудом.

– Вы видите изображение вон того красного петуха над дверью сторожки? На самом деле этот рисунок – оберег; его изображают, чтоб задобрить пожар, уговорить его держаться подальше от дома. На Руси есть идиома, *пустить красного петуха*, что означает вызвать пожар, поджечь со всех сторон.

– Хорошо, скажите же мне, где вы проводите границу между использованием огня, чтоб очиститься и чтоб уничтожить?

– Самоубийство запрещено. Сознательно и по доброй воле умирать во имя веры – это другое дело. Разве, когда возненавидят тебя и отвергнут, и обвинят во всех смертных грехах, и очернят твое имя перед лицом человечества, не воспримешь ты это как то, что идешь к освящению? Возрадуйся же и будь счастлив, ибо награда твоя – на небеси; ибо разве не поступали так прежде тебя с пророками?

– Ты говоришь о свидетельстве?!

– Да, – сказал он тогда. – Свидетель, что по-гречески “*martir*”⁴⁵.

ЯЗЫЧНИЦА

Глаза мои наполнились слезами; но его глаза были выше моих. Слезы в моих глазах заметила Оксана Дмитриевна.

– Алексей говорил о вас, что вы – еще больший масон, чем я, – правда ли это?

– Да, меня прозвали масоном без фартука.

Она глубоко вздохнула.

– So! – вы тоже идете по следам *hakikat*⁴⁶?

⁴⁵ Убиенный. – *Примеч. пер.*

⁴⁶ Правды. – *Примеч. пер.*

Hakikat, о розысках которой говорила пожилая женщина, была правдой, феноменом, во имя которого отдали в жертву жизнь тысячи лучших людей на Руси. Я покачала головой.

– Мадам, я пытаюсь научиться соглашаться с бесполезностью. Я пытаюсь научиться не возжелать лишнего из того, что отведено мне в материальном и духовном мире, вот и все.

– Ну и как, есть успехи?

– Ну, я уже не та Гюльоя, какой была в день моего приезда в Россию. Не знаю, можно ли это назвать успехом, скорее, клонированием... это наверняка присутствует. Употребляемые в качестве символа плоти и крови Христовой хлеб с вином как обряд Святого причастия уже не кажутся мне, к примеру, такой полной несурзаицей, как когда я приехала в эту страну. Я начала понимать.

Я начала понимать, потому что когда Айтунч порезал палец, именно я сама ловила его и высасывала кровь. Потому что когда я пряталась за его самой прекрасной в мире спиной, покрытой мелкими капельками пота, на его потрясающей груди, именно я чувствовала свое единение со всем сущим в этом мире. Люди принимают в себя плоть и кровь Иисуса, чтоб очиститься от своих грехов и достичь бессмертия, и таким образом причащаются Его. Я так же горела, чтобы причаститься к Айтунчу. Это была тоска по любимому, которая не проходила, даже находясь рядом с ним, у его изголовья, и то, что я переживала, можно было приписать феномену сродни желанию войти в его плоть и кровь. Чтобы не смущать Алексея, ожидающего батюшку в соборе Святого Василия на коленях с открытым ртом, чтобы вкусить от плоти Христовой, мне, по правде, было нужно вспомнить, что я никогда не стирала сперму, которую оставлял во мне Айтунч. Правдой было и то, что та трепетность, с которой он относился к тряпице, которую утирал губы после причастия вином и хлебом, якобы на ней остались частицы тела Христова, напоминала мне мои порывы не разбрызгать ни капли спермы, не потерять ни слова Айтунча. Но вместе с тем я была человеком из день ото дня плодящейся страны, шаг за шагом утрачивающей свои святыни. Турция стала бесстыдной и грязной страной, в

которой не принимались всерьез ни одна из неосязаемых рукой, невидимых глазом и необратимых в деньги ценностей. В ней не осталось ни убиенных свидетелей, ни преподобных, чтобы брать их в пример.

Отец Андрей Михайлович, приступая к обряду причащения, начинает его словами: “Моя дражайшая братия, собравшаяся в этом священном храме, чтобы причаститься священным, вечным и незапятнанным таин Христовых, дарующих нам кротость. Послушайте же меня, смиренного и мизерного, ибо к вам обращаюсь не я, но сам священный и милостивый Дух Божий. Все, о чем я поведаю, не есть мои собственные соображения, но поучения из священных заповедей, от святых и апостолов, получивших наставления от Господа. Я – самый мизерный и ничтожный из людей, и не ведаю ничего ни из деяний, ни из потребностей ваших. То единое, что мне ведомо, – это страх Божий. Если есть между вас те, кто испытывает муки совести, либо совершившие прегрешения, пусть без искупления и не помышляют приблизиться к этому Священному Огню, в наглости своей над ним надругаться! Ибо Господь есть проклинаящий Огонь. Те же, кто приблизятся к Господу Богу и Судие нашему с верой, страхом божьим и любовью, увидят, что испепелит он грехи их и наполнит их души светом. Тогда как приблизившиеся к нему бесстыдники опалят и тела, и души их».

Алексий не боялся гнева Божьего, но не успевала еще плоть Иисуса растаять у него во рту, как он чувствовал в своем сердце боль тех бесстыдников, что переглядываются с беспокойно бегущими глазками и шушукаются на пути к алтарю. Механически произнесенная молитва, самообман тех, что не вкладывают в нее и частицы себя. Достойное жалости высокомерие тех, кому неведомо такое понятие, как безупречная мораль. Тогда как обладать безупречной моралью, самое большое из стоящих перед человеком проклятий, есть необходимая предпосылка достижения райских врат хоть в потустороннем, хоть в этом мире.

Традиционным примером, стоящим перед Алексием, был Иисус Христос. У меня не было такого снова и снова позиционируемого и возвеличиваемого мерил, но пылающий где-то там

адский огонь на меня тоже страху не нагонял. Причиной того, что я приняла как свой путь, окончившийся для Алексея вхождением в пламень, была познанная мною любовь.

Наивысшая привилегия, предоставляемая роду человеческому, – это любовь. И она требует восприимчивости. Существует один путь, чтобы заострить восприимчивость – это воздержание. Поэтому негоже приближаться к алтарю со стоящими там вином и хлебом на полный желудок, негоже садиться разговляться сытым; иначе это уже не будет разговением.

Если бы я была христианкой, разве по одному слову священника, как та женщина, о которой госпожа Зеленская сказала, что та тошнотворно противна, бросалась бы я к церквям и билась бы в падучей? Не думаю. Но я понимаю иудеев, постящихся в праздник Песах, и христиан, постящихся перед Рождеством. Если разлука для вас ассоциируется с постом, а встреча – с разговением, то и в Любви не будете вы язычниками, не сядете разговляться сытыми. Вы спасетесь от каторжных цепей этого преходящего мира и всецело отдадите себя на волю вашей любви. Вы не дадите никому попуску, но и сами не дадите себе поблажек в исполнении требований веры. Вера в то, что жизнь дана нам неслучайно, соблюдение законов свыше, уверенность в том, что мы находимся на пути к Господу, обетование, дисциплина, терпение, упорство, смелость, творчество... Любовь – это служение. Мы с Алексием были влюблены в Любовь, и никогда – ни он, ни я! – не садились сытыми за стол.

Мы оба были с ним из тех, кто не видели жизнь такую, что состоит из бессмыслий, которые должны были завершиться вместе с окончанием наших собственных жизней. Для нас податься чувству того, что мы схватили за хвост бессмертия, зависело от нашего умения поверить в то, что мы обладаем ценностями, способными оставаться таковыми до конца мира. Смерть в моих и Алексея глазах могла быть благодетельно спасительной и встреченной с энтузиазмом наряду с чувством той бесполезности, которое опускается на тебя вместе с обесмысливанием того, что ты делаешь. И все же те, кто вступил в договор со смертью, не знают, что страх бессмысленности страшнее страха

смерти! И должно быть, оттого что они этого не знали, они не смогли понять ухода Алексея в огонь и не смогли разделить с ним усилий по сохранению и продолжению тех ценностей, которые представлял мой дорогой друг.

Его американская подруга Тереза Д. Корнблатт говорила, что боль и смерть пробуждает в человеке одинаковое чувство, однако вместе с тем в различных культурах *бессмысленности* придают различное значение. Западная культура, к которой принадлежала она сама, избрала для себя признать смерть физическим образованием, начиная с Декарта, говорившего: *я мыслю, следовательно, я существую*.

Жизнь, в смысле западного взгляда на мир, гласящего: пока я мыслю, я существую, не мыслю – значит, меня нет, – завершилась с положением человека в могилу, и все, что касалось этого мира, включая все пережитое, утрачивало всякий смысл. В противоположность этому, принадлежащие к восточным культурам люди, как я и Алексей, настойчиво представляют себе свои культуры как единое целое, и сражаются за то, чтобы создать нечто, что будет жить в вечности. Мысль типа: клетки умрут, но организм продолжит жизнь, – решает вопрос смерти, и такие, как мы, становятся счастливы надеждой присоединиться к каравану бессмертных.

Тереза утверждала, что исконно русская культура отражает средневековое мировоззрение до Просвещения, все еще возвышающее превыше личности абстракцию, называемую *общество*. Одним из показателей того, что это так и есть, являлся тот факт, что в отличие от раскрепостившей своих земельных рабов еще в середине пятнадцатого века Европы, Россия пришла к этому лишь тремястами годами позднее. То, что вопрос прав человека в России не только не был решен, но и даже не мог быть как следует поставлен на повестку дня, связывали с тем, что русские ставят единство превыше частного. Тереза рассказывала, что русские люди не чувствовали своего права улучшения собственной частной жизни; в этой связи и Солженицын, старавшийся реанимировать романтический панславизм девятнадцатого века, настолько же, насколько и большевик Зудин, являлся продуктом

—•••••—

системы мышления, которую давно оставила позади развитая Европа.

Слушая Терезу, я подумала о том, что совершенно неизбежным для западного мировоззрения, не навязывающего широких взглядов не только на народ или общество, но и на Господа Бога, будет трактовать и любовь как ошибку в ощущениях, отнесенную к классу малоразвитости. И впрямь, это было так; Тереза с сожалением вынуждена была признать, что *любовь является анахронизмом*.

Обесмысливание, завершившееся тем, что Алексей в то теплое майское утро, когда лопается кора на березах, раскрыл свои объятия и с восторгом вошел в языки пламени, вздымающегося в лазурные небеса, стало сильным предприятием, показавшим, что в присутствии его подруги Русь вознамерилась наконец оставить позади и средневековье, и любовь. Она удивилась, что человек, которого она называла своим мужчиной, выбрал эвтаназию в традициях величественной русской интеллигенции, нашедшей некоторое выражение в Николае Гоголе, но не стала делать проблемы из того, что не может понять этого умом.

Алексий говорил когда-то:

— Любовь — награда, даруемая только и только для добродетельных людей. Быть способным жить и умереть во имя ее является целью. *Любимая*, ты это чувствуешь, не так ли? Или мы оживим в себе, назло монголам, тоску по высшей, нежели мы сами, истине, или превратимся в то безъязыкое приникшее к земле и устойчивое к морозам растение! Предпочтя соглашательству с бессмыслием дорогу в огонь: *“Пусть в новом тысячелетии имя низведенного, маловажного и бедного Зеленского отпечатается в постмодернистских мозгах, пусть будет упоминаться оно вместе с именем дьявола, низводящим любовь — самую высокоморальную цель нашего упрямого противостояния, нашей безраздельной и бесконечной оппозиции низости, злу и предательству”*.

Когда Алексей шел в огонь, там не было ни Оксаны Дмитриевны, ни Церкви. Как не было там Церкви, так не было и друзей. Они не могли видеть, как пламя подняло его на вершину

своих алых языков и доставило к Создателю. Несмотря на это, после моего дорогого друга не осталось ничего, что нельзя было бы отнести к простой гормональной недостаточности.

Что касается меня... Я осознаю, что мой рассказ о разбившейся вдребезги любви, завершившейся моим погружением в эту потрясающую авантюру под названием Россия, будет не легче, чем логично поведать, зачем Алексей вошел в огонь. Но все же, у нас есть одна общая черта: мы были обесмыслены.

Однажды утром вы просыпаетесь – и вас нет. Вы глядитесь в зеркало – то же лицо, те же руки. Вы проверяете тело – все на месте. Но вы были аннулированы, вас нет. Все, включая Божественное Писание, которому вы поклонялись, и все изменились, вы ничего не узнаете. Такое случилось с Россией и со мной. Айтунч в дворце бракосочетаний, избранные лица Коммунистической партии – *номенклатура* – в Российском Белом Доме, одним ударом подписи в один миг нас аннулировали.

Руина и хаос, которые произошли во мне вслед за тем, как Айтунч дал свое имя другой, совпали с реформами, которым в начале девяностых годов режим Ельцина и его российских и западных союзников подвергли народ и результаты которых для подавляющего большинства России были катастрофическими. Переданная в руки МВФ Россия потеряла шестьдесят процентов своего производства, что для патриотов своей страны было равносильно поражению в Великой Отечественной войне. Инфляция подскочила до тысячи трехсот пятидесяти процентов. Количество русских ученых, которое по подсчетам составляло в начале восьмидесятых годов двадцать процентов их числа во всем мире, упало с трех миллионов четырехсот тысяч до миллиона трехсот тысяч. Среднее число умирающих от голода в день начало исчисляться трехзначными числами.

Сила государства, утратившего конституцию и надежные устои, чрезвычайно изможденного, не только лишенного поддержки своего народа, но и не могущего найти человеческого ресурса, достаточного для комплектации рядов бюрократии... Государства, находящегося в интеллектуальной пустоте, бесильного от постоянного попрошайничества его представителей

за рубежом, при этом с такой слабой и дезорганизованной оппозицией... Порожденные шоковой терапией и приватизацией, не ставящие ни во что интересы державы типчики под названием новые русские... Народ, поделенный между информационными войнами, которые вели между собой Кремль и финансовые круги, контролирующие масс-медии... Избранные лица от экономики, торгующиеся с собственными правительствами так, как с чужой вражеской силой... Спикер Думы Геннадий Селезнев, когда говорил, что Россия стала бандитской страной. Один из отцов шоковой терапии Егор Гайдар, говоривший: “Героическая риторика, экономический авантюризм и широкомасштабное воровство станут долгосрочными константами русской действительности”. Так и вышло.

Быть страной третьего мира – это значит жить так, будто у человеческой жизни нет смысла выше удовлетворения ежедневных потребностей. Это значит воспринимать историю с фаталистической точки зрения, утвердиться в чувстве, что моральные, а поэтому и экономические улучшения невозможны, и вечно подчеркивать, что судьба является игрой необъяснимых и неконтролируемых исторических сил.

Россия, очень высокообразованная, первая в новой истории человечества высокотехнологическая империя, оставившая догнывать плоды своего многолетнего развития и оказавшаяся лицом к лицу с опасностью скатиться в ряд государств так называемого третьего мира. Попираемый под ногами потрясающего богатства архив, вопли о помощи которого были мне слышны даже отсюда. Богатейшее наследие, боль от низвержения которого я могла чувствовать с места, в котором живу. Это была та общая точка соприкосновения в моем видении русской истории, отождествленном с низвержением любви; в видении, которое мы годами, словно резцом по дереву, выводили с Айтунчем, видении, в котором были освящены наши тела, и, что более важно, не были попораны наши души.

Трагедия России почти в каждом своем изъявлении нашла отклик в моей душе. Выпускницы Московского Института физики, шлюхи, вкальывающие до седьмого пота под немцами, турка-

ми и американцами, платившими им, чтоб хватило на миску супа, стали для меня свидетельством бесполезности того высокого видения, называемого любовью, когда тела наши были священны, а души – не попораны. Наши вопли слились в один вой.

А потом... потом Айтунч дал свое имя другой, я покинула страну. Я отправилась в путь в Россию, желая, чтобы она научила меня тому, что я есть ничто, помогла мне примириться с моей попоранностью и низвержением. Я надеялась увидеть своими глазами убийство как факт, – то, на что я надеялась, – увидеть не убийство, а увидеть *своими глазами* убийство как *факт*, – что Россия даст мне умереть, не умирая.

Я собиралась испытать такую боль, стать свидетелем такого большого, всеобщего разочарования, чтобы мое сердце утомилось и отказалось с течением времени от протеста, а может, и смогло бы расценить то, что Айтунч выбросил меня из головы, как спасение. Спасение от чего? Спасение от веры, от идеала, от видения и поиска истины, высшей, чем жизнь, поиска *bakikat – правды*. Спасение от собственно совершенно безосновательных усилий для того, чтоб казнить и веру, и идеал, и видение. Довести до своего логичного завершения предрешенный факт духовного и морального попорания; пойти навстречу этому самому большому проклятию, опуститься на самое дно.

Я хотела пережить самое худшее из зол, самую черную черноту, самый холодный холод, самую необъятную широту, наивысшую высоту, самое неизбывное одиночество и безоглядно утраченную потерянность. Видеть все, все пережить, чтоб не осталось позади ни малейшей возможности сюрприза, ни надежды. Я хотела затеряться в беззащитных внутренних степях Евразии, темных лесах ближе к 60-й параллели на север, в безлюдных землях тайги, где рассыпаны низкорослые ели и сосны, в тишине, что привыкла к пятидесятиградусным морозам и где стоит солнцу сесть, как оно уже не встанет. Несомненно, что для такой недоброй попытки самым подходящим местом были русские земли на самом большом материке мира. Русь, но не Анатолия. В Анатолии надежда не угасает никогда. Я же не хотела больше задерживаться на надежде – уже не хотела.

Алексий сказал тогда: как русские крестьяне. Когда монголы разграбили Киев, русские крестьяне удалились на север, в леса. Там, утомившись, цивилизация впадает в спячку. Человек возвращается к истокам, превращаясь в приникшее к земле растение, безъязыкое и устойчивое к морозам. Снова появляется село, существующее испокон век и вовеки веков, то и дело охватываемое ураганами воинствующих империй, возникают нескончаемые крестьяне, творящие детей и хоронящие семя в мать сыру землю: полная живых существ бурлящая жизнью рукавичка, жизнь, варящаяся в собственном соку. Еды, чтоб только не умереть с голоду, экономия на мелочах, маловажные сбережения и бесконечное терпение...

Толпы, раздавленные каблуком сапога, но выжившие единицы заполняют с первобытной плодовитостью освободившееся после умерших место и продолжают терпеть боль...

Изречение *“Когда монголы разграбили Киев...”* стало немного спустя нашим с Алексием паролем. Я до сих пор не думаю, что есть какое-то другое выражение, лучше этого выражающее положение людей, не взалкавших больше им положенного. Одна душа, выскользнув из-под сапога, виднеется во всей своей наготе, другая готовится произвести на свет еще одну душу, чтоб и ту растоптали, а вот новая, еще чистая душа, что вот-вот и будет растоптана... Бытие. Нескончаемый человек Алексия, то есть человек, состоящий из единственной абстрактной мысли, то есть я понапрасну.

Русь и я, нам оставалось либо превратиться в безъязыкое приникшее к земле и устойчивое к морозам растение, либо сражаться, чтоб сохранить наше богатство; богатство, то есть наше видение, то есть нашу тоску по высшей истине, то есть нашу любовь.

Я с анатолийской изворотливостью и, если хотите, совершенством продолжила искать пути соглашательства с ничтожностью. Алексий же в традиции лучших русских людей, гласящей: люди достигают божественности только актом, подтверждающим их существование, отправился в огонь.

Айтунч до самой смерти не жаловался на то, что он разумом не может понять моего стремления покинуть Анатолию и рас-

твориться в России. Мою попытку искать будущее без любви в России он предпочитал относить на счет еще одного изъяснения моей маниакально-депрессивной натуры, что объяснялось его раздражением оттого, что в моих глазах он прекратил свое существование. Он был гением, желающим подписаться под созданным им полотном. Он хотел дать публике плод трудов, заставить ее при жизни признать его успех и насладиться его плодами. Он устал откладывать наслаждение на потом. И, в конце концов, что я поняла только сегодня, он избрал для себя Запад, а я – Восток.

Избрать для себя Восток на этой планете означало подвергнуть себя неустанному нападению реформ, принять как должное низвержение и попрание. И я на это пошла. Впрочем, недаром говорят: *Божье слово да спасется от тирании чистого знания и придет к отворившему воспринять его.*

Если посмотреть сегодня с того места, где я нахожусь, то я понимаю, что причиной моей русской авантюры, в которой я тогда не признавалась и сама себе, могло быть желание отбросить все и начать с нуля; спастись от ярма жизненного опыта, накопленного в той стране мира, где я родилась и выросла, мигрировать в страну, являющуюся для меня чудом за семью замками и открыть путь новым знаниям; полностью перестроиться, возможно, даже обратиться в новую Гюльюю.

Вместе с тем, на той стадии, где я, наконец, призналась себе, что у меня нет иного выхода, кроме как принять бесполезность и может даже научиться не придавать этому значения, я понимала, что существует две страны, в которые можно отправиться для получения образования. Одна из них – это Палестина, другая – Россия. Палестина – страна, обреченная быть раздавленной под колесами танков, добывать себе пропитание, чтоб не умереть с голоду, где женщины обречены рожать по шесть детей. Страна, упрямо размножающаяся, чтобы ее топтали, топтали и топтали, страна вечных и *нескончаемых – испокон век и вовеки веков!* – людей. Я знала, что если не покончу жизнь самоубийством, то смогу научиться у них, почему и как можно быть настолько увлеченно желающим заполнять освободившееся по-

сле умерших место и продолжать терпеть боль. Как минимум, непременным условием было попробовать этому у них научиться. К сожалению, это было невозможно на практике, потому что Палестина была под оккупацией, воинствующие империи в нее не пускали.

И Россия ... Русь, о которой Алексей говорил: “Это всегда была страна, влюбленная в любовь, но *мировая скорбь*... она, так же, как ты, устала от жизни”. Несмотря на проведенное мною в сталинские пятидесятые годы в Сарыкамшые детство на границе с Россией и пережитое в семидесятые – или может быть как раз от этого – Русь для меня всегда оставалась тайной за семью печатями. Я помню, как говорила себе: “О Русь, Русь! Ты, как шлем, который я хотела бы снять и сбросить с моей головы!”

Алексий понимал, что я была отягчена муками меж идеалом и истиной. Алексей, когда я говорила ему, что хочу научиться жить подобно приникшим к земле травам, будто нет иного смысла кроме насущных потребностей жизни, так и не поверил.

Так же не поверил он, когда говорила я, что хотела бы перервать свое низвержение, всем сердцем принять жизнь ради того, чтоб умирать, убивать и быть убитым, как тот нескончаемый крестнин, творящий детей и хоронящий семя в мать сыру землю.

Он сказал тогда:

– Практически вся та тысяча лет, в которую продолжалось в виде определенной культуры существование Руси, есть историей вечного столкновения силы и истины, подталкиваемого материальными выгодами размножения и спуска к глубинам души, инициируемого велением духовности. Наша история есть не эволюционное накопление выстроенных одно на другом достижений, но история неожиданных взрывов. Здесь, посреди неожиданных предательств, любовь, совершенство, мораль – как время от времени вспыхивающие в снежных пустынях громадные костры, любимая. Но когда мы будто начинаем чувствовать, что головой вот-вот достигнем неба, то в это время нас на Руси охватывает страх. Мы покидаем себя, чтоб упасть и низвергнуться, и становимся, будто вовсе и не возвышались. Итак, позади самых сокрушительных наших побед остаются руины,

ответственность за которые возлагаем мы на свою судьбу. Мы предпочитаем воспринимать наше низвержение как игру необъяснимых и неконтролируемых сил истории. Все пережитое, каким бы возвышенным оно ни было, рано или поздно будет пережито и закончится.

Я так ушла в свои мысли, что вздрогнула от вопроса госпожи Зеленской.

– Вы окрестились?

– Мадам?

Она спрашивала, не стала ли я христианкой, потому что я понимала, что такое обряд причащения. Как бы я ни возразила, но она продолжала полунасмешливым, полурасстроенным голосом:

– Ах, да, ну вы же масон без фартука! Вы не унижитесь до христианства!

– Госпожа Зеленская, прошу вас, не обращайтесь в ведьму!

Я знала, что она не обидится, потому что ведьмовство, или колдовство, было неотъемлемой частью славянского язычества, являвшегося окончательным выбором профессора Оксаны Дмитриевны. Она и впрямь усмехнулась, пожала плечами.

– Мы не должны забывать, что, как и отдельные индивидуумы, народы тоже являются результатом природы. Смешивание этнических культур, по последним исследованиям, завершается делением этносферы, являющейся результирующей силой биосферы земного шара. Мы должны научиться жить в единстве разнообразий, признать уникальность каждой этнической религии, положить конец запретам. Разве вы не так думаете?

– Не знаю, профессор. Жить в единстве разнообразий ласкает слух, но я вижу вместе с тем, что свободы могут быть покорены в угоду злу. Я вижу, что по мере того как правила смягчаются, множатся секты, возрастает число тех, кто эти правила нарушает. Кроме того, возрастает и возможность остаться безнаказанным.

– Вы говорите, как Солженицын!

– Может быть, – ответила я, – вы правы, может, я говорю, как Солженицын. Но посмотрите же, к чему мы пришли, мы не можем святого Алексия предать земле. И он нарушил правила,

нарушаем их и мы. Мы противопоставили Церкви, вознамерившейся следовать правилам, то, что права человека, которыми обладал Алексей, были нарушены. И вот вам результат. Победителем выйдет тот, кто будет лучше манипулировать законами, сдадимся или мы, или Церковь. Разве это не стоит того, чтобы задуматься?

Госпожа Зеленская на минуту остановилась.

– Мы можем его похоронить в любой момент, вы это, надеюсь, знаете?

Я и сегодня затрудняюсь поверить в то, что смогла так говорить с матерью о похоронах ее сына, но, оказывается, смогла.

– Как же я могу отдать вам Алексея, госпожа Зеленская? – прямо-таки простонала я. – Алексей подтвердил свое существование тем, что вошел в огонь. И что же, неужели мы низведем эту самую великую и самую последнюю победу моего единственного друга, неужели отнимем и ее? Нет уж, Оксана Дмитриевна, уж хотя бы смерти-то его погранной не быть.

Она остановилась, поразмыслила.

– Смерть, юная барышня, несмотря ни на что, горькая истина, с которой трудно примириться, но все же хорошо знать, что мы не будем терпеть пыток ада.

Она увидела, что я молчу, и продолжала:

– Знание о том, что смерть является иною формой жизни, внушает нам, эзотерикам, с достоинством склонить голову перед неизбежным. Но должна признать, что все же мы не испытываем особой радости от мысли, что нам предстоит смерть.

Она стояла там, застыв подле античного кресла перед выходящим на парк Горького окном, которое называли бержеркой Солженицына, и играла со своим янтарным колье, доходившим ей почти до пояса. Колье, которое она никогда не снимала со своей шеи, было изготовлено из желтых камней величиной с орех и указывало на то, что госпожа Зеленская – у меня не поворачивался язык назвать ее матушкой – была ведьмой в чине.

– Вы знаете, что мне известна смерть моего старшего брата батюшки Михаила Дмитриевича, не так ли?

– Нет, мадам, я не знала.

– Я знаю, и где его похоронили, – пробормотала она. – За ночь перед смертью Миши было полнолуние. Я вынудила Богиню-Мать спуститься вниз. Она спустилась и вошла в меня. Сказала, что умрет мой брат.

Она оставила в покое окно, отошла и стала напротив меня.

– Алексей был прав, и вы тоже правы. Мой старший брат по традиции староверов ускользнул в русскую глубинку. Там он естественной смертью и помер. Он знал день своей смерти. Он наказал своему причетнику выкопать могилу в лесу и утрамбовать землю. Когда причетник делал то, что от него требуется, он плакал. Как только он завершил свою работу, Миша улегся в утрамбованную землю. Он обратил свое лицо на восток, к солнцу. Закрыв глаза и уснул.

Она сделала паузу, будто желая прочесть мои мысли.

– Да, вы снова правы. Он, как Исса, лег на землю и обернулся лицом к солнцу.

Исса, либо Юз Асаф – прозвища Иисуса Христа, о котором отец Михаил Дмитриевич Гринько утверждал, что согласно его рукописи, находящейся в Государственном архиве Российской Федерации, тот не умер на кресте. По рукописи Гринько, поднявшему на ноги всю Русскую православную церковь, Иисус, спасшийся от креста, направился через Иран в Кашмир, а оттуда в Тибет, и продолжал под другими именами жить в странах этого региона и проповедовать. Поговаривали, что настоящая причина, по которой его сын, отец Андрей Михайлович Гринько, отказался предавать Алексея земле, больше, чем декларация Русской православной церкви 17 августа 2000 года, было его желание искупить отступничество его отца, этой своей рукописью подожившего динамит в сами основы православной доктрины.

Мне говорили, что Оксана Дмитриевна входит в психические трансы, но опять-таки оттого, что она знала место могилы своего брата, у меня стали волосы дыбом!

– Знал ли об этом Алексей, мадам? Вы говорили ему об этом раньше?

Рукой она сделала жест – какое это имеет значение?

– Не-е-ет! Какое это имеет значение, где и как он умер?! Андрей Михайлович лежит на груди леса, в том месте, к которому он принадлежит. Лес для русских все.

Эпиграфом славянских волхвов является выражение: лес для русских все. Мне случилось впервые его услышать от Хани Ложко, приемыша и ученицы госпожи Зеленской, когда после Новодевичьего они вместе устраивали альтернативный обряд погребения для Алексия.

– Лес для русских все. Он дает бревна для дома, свечи для освещения, подошвы для лаптей, мех для шуб, пух для подушек. Леса в Архангельске покрыты мхом северных оленей – ягелем, который вы называете первобытным, протягивающимся от стены до стены как цельный ковер. Мох ягель является идеальным изолятором тепла. Мы используем его и при кровле крыш наших изб, и вместо ковров. То есть в старину использовали.

Он серо-белого цвета высотой три–три с половиной сантиметра от земли, если посмотреть на него с высоты, можно подумать, что на него упал снег. Он настолько густой, что прогибается у вас под ногами, словно вы наступили на губку. Земля под ним. Вы закроете глаза и почувствуете, как под вашими ногами бьется сердце Матери Сырой Земли. И вы поймете, что там – ваш духовный центр. Русскую культуру вскормили девственные леса. Раньше верили, что во времена наших предков леса, возвышаясь с таким вот легким уклоном, достигали небес. Впоследствии мы начали воспринимать леса как стену, хоронящую Русь от Запада и Византии, как живую китайскую стену.

Какая прекрасная была мысль!

В лесу смертный и тонкий мир живут нераздельно. Мы прислушиваемся к мнению наших умерших, рассказываем им, как дела у их детей, которых они оставили на земле, и обсуждаем наше общее наследство. Самхейн – сезон, в котором едва слышны первые шаги зимы. Зима для пожилых и больных до сих пор означает смерть. Вместе со слабеющим солнцем кажется, что умирает и лес. Но у нас, у нас существует полная уверенность в том, что весна возвратится снова, и после солистки-зимы солнце вновь поднимется в небеса.

В ночь с 31 октября на 1 ноября отмечают Самхейн, Кельтский Новый Год, который русские и украинские эзотерики проводят вместе со своими умершими дедами и предками. Христиане провозгласили этот день как День Всех Святых, день поминовения усопших, его отмечают также как День Ведьм. Эзотерики не избегают посторонних, наоборот, эзотерики принимают их к себе, чтобы показать миру, что они не те люди, которых надобно бояться.

Приблизительно за шесть месяцев до того, как Алексей вошел в огонь, мы еще с сорока людьми приняли участие на празднованиях Самхейна в Александровском саду Кремля. Там же была группа американцев, которые говорили, что приехали из Вашингтона, чтобы отметить *День Сожжения* и солидаризироваться с эзотериками русскими. Они подразумевали под *Днем Сожжения* обряды сожжения живьем эзотериков, определяемых христианами как *ведьмы*. Они сказали, что наладили отношения также и с ведьмами, которых Церковь в День Мертвых убивала сожжением.

Они приветствовали друг друга выражением “Blessed Be!” – “С праздником!”. Все сели в круг. Посредине круга и по четырем его сторонам, указывающим на стороны света, – символ земли и силы север, огня и неизменности юг, воздуха и вдохновения восток и, наконец, воды и милосердия запад – были зажжены большие свечи. Стоящие на лестнице немного позади около дюжины барабанщиков потихоньку начали играть, а остальные подпевать им:

“Возносящиеся на небеса все мы происходим от Бога Солнца и так же, как искра, возвратимся к Нему обратно. Вливающиеся в Океан все мы происходим от Богини и так же, как дождевая капля, вернемся к Ней обратно”.

Потихоньку по одному все поднялись со своих мест, вошли в круг, выбрали себе по паре из сидящих и принялись кружиться, взяв их под руку. Когда усаживалась на свои места первая группа танцующих, поднялась вторая группа. Таким образом, все могли танцевать со всеми.

Пусть цепь разомкнется, но не разорвется,

Пусть ваши сердца присутствия Богини не лишатся,

С радостью соединитесь, с радостью разойдитесь, с радостью обретите.

Александровский сад избрали потому, что оттуда лучше всего в Москве было видно лунный свет, но было облачно. Когда под вечер около восьми часов тень от облаков упала в бассейн, одна из двух стоявших женщин спросила у другой:

– С какой стороны восток?

Одна из женщин была Оксана Дмитриевна Зеленская; другая – американка по имени Розмари Кули, к которой все обращались “уважаемая”. Как и у госпожи Зеленской, у нее на груди также было длинное янтарное кольцо.

– С какой стороны восток?

Американка показала пальцем.

– С этой стороны, леди, он всегда поднимается с этой стороны. Но я не знаю, сможем ли мы увидеть сегодня. Облачно.

Как только госпожа Зеленская снова сообщила: “Месяц взошел”, – Розмари Кули наказала:

– Почувствуйте, как укореняются ваши ноги. Почувствуйте, как корни проникают через расщелины и устремляются к Священной Матери-Земле. Станьте вкопанным в землю деревом, пусть ваша душа и ваша аура наполнятся Ее силой и любовью.

Затем снова – песня:

*Текущая в наших венах кровь – наших предков,
Оболочка уходит, колесо жизни продолжает вращаться.*

Песня длилась какое-то время. Затем сделали перерыв и начали перечислять имена тех покойных эзотериков, кого почитали за духовных вождей – Лиленд, Грейвс, Мюррей... Затем снова барабаны и танец по Священному Кругу, который я отождествила с шаманскими танцами.

После танца принялись беседовать. Один молодой человек, военный, имени которого я не помню, рассказал, что его главной целью является увидеть, как американская армия принимает эзотериков-священников.

– Мир не знает эзотериков. Нас считают дьяволопоклонниками, но ничего подобного! Они не понимают, что сатанисты – это тоже христиане. Ведь дьявол – это христианское божество.

И следующий разговор, который я смогла вспомнить очень частично:

– Вот говорят, ваша эзотерия стала новым открытием, – каким открытием? Может быть, я не могу принести в жертву белого буйвола, как это делал мой прадед, потому что в моих глазах сознание и бытие есть постоянство. Не может быть и речи о том, чтобы я убил животного или человека или зарезал жертву, но смотрите, я принес с собой рыбные крекеры.

Он указал на лежащий у него в ногах бумажный пакет.

– Я могу принести рыбам в жертву вместо рыбы рыбных крекеров.

– Иисус принес себя в жертву на кресте. Моя же жертвенность состоит в том, чтобы освящать мир, оживлять мир душой, прожить мою жизнь так, как хотели бы, чтобы я ее прожил, боги. Самопожертвование, которое я выказываю во имя моей религии, состоит в том, чтобы прожить жизнь в здоровье и целостно.

– У мира есть очень много смыслов и объяснений, поэтому в одно и то же время сосуществуют много богов и религий. Каждая из религий отражает правду в своем измерении. Богиня-Мать образуется из матери, девственницы и старухи; и символизирует собою три стороны луны: полную луну, новую луну и уменьшающуюся. Богиня-Мать, отзывающаяся также на имена Афродита, Артемида, Астрид, Афина, Бриджит, Серена, Кибелла, Диана, Деметра, Изиды, Иштар, Венера. Она вечна.

– Богиню-Мать сопровождает Рогатый Бог. Рогатый Бог рождается каждый год с Солнцем и с ним же умирает. Его называют также Адонисом, Амон-Ра, Дионисом, Паном, Тором.

– По-моему, боги и богини не что иное, как символы. У них нет иного смысла, кроме как быть обретшими телесную форму символами таких явлений вселенского масштаба, как смерть и рождение.

– Я верю, что боги и богини отражают, в юнгианском смысле, потенциал рода человеческого. Они являются выражением нашего коллективного подсознательного. Вы можете также воспринимать их как своего рода психологические этапы. Однако у всего есть своя жизнь, и оно может двигаться без человеческого участия.

– Семья чрезвычайно важна. Почти никто из нас не получил эзотерического воспитания. Но мы должны стать частью общества, подняться на ноги и занять свое место в строках переписи населения.

– Я верю в Одина и поклоняюсь нордическим богам. Как бы тебе ни казалось сложно, но ты должен использовать свои способности: вот как я понимаю самопожертвование. Но поскольку нордические боги воинственны, к ним особой любви не питают.

Говорящий это молодой человек не знал, что именно он ищет, однако пребывал в поиске. Однажды он очутился в Норвегии, где познакомился с нордическими легендами и стал эзотериком. Больше всего в своей религии он любил то, что в единизме не было такого понятия, как *зло*, и боги не причиняли человеку страданий.

– Нет такого понятия, как черт. Нет такого понятия, как ад. Нету ни безусловного добра, ни безусловного зла. Ты сам должен быть сильным. На добро ответишь добром, а на зло – злом.

Он был там вместе с супругой, с которой познакомился в чате по Интернету. Его супруга сообщила, что она является ученицей религии, которую называют эклектическое язычество и которая образована из древнеирландских, германских и индейских верований.

– Я родилась в маленьком местечке. Там и пошла в католическую школу. В школе был монах, преподающий сравнительную историю религий. Однажды он дал нам список религий и попросил каждого отметить, к какой вере кто принадлежит. В классе не отметила только я. После урока монах отозвал меня в сторону и спросил, почему я ничего не отметила. Я ответила, что моей религии в данном списке не было. – Какая же твоя религия? – спросил он. – Язычество, – сказала я. – Я принадлежу к эклектическому язычеству. На это учитель попросил меня рассказать на уроке о язычестве. То, что я эзотерик, я не говорила до самого замужества даже в семье. Кроме меня, в нашем местечке эзотериков не было. Я встретила первого эзотерика в университете. Когда я проходила мимо него, какая-то сила подтолкнула меня

сказать ему: “На встречу к счастью!”⁴⁷, он же отвечал: “Воистину!”⁴⁷, и я поняла, что он из наших.

Молодые супруги рассказали, как они неотрывно переписывались на протяжении семи дней, а на восьмой день, когда девушка сказала своему потенциальному мужу: “Мой бог – это ты!”, они приняли решение пожениться.

– Как только весь мир станет священен, станет священен и человек!

Парень сообщил о своем желании сочетаться браком своему наставнику, наставник же пожелал, чтобы тот поговорил с духовником Союза. При этом оказалось, что духовник Союза сам является католическим священником. Поэтому они заключили брак в доме бракосочетаний, а спустя двенадцать дней сыграли эзотерическую свадьбу.

У них не было единого бога, но это их не тревожило. Одна из женщин сказала, что все на планете является живущим, дышащим организмом. Все – леса, пустыни, реки, птицы, рыбы, амебы, люди – все является живой частичкой Живой Силы. И этот взгляд на мир был основой эзотеризма.

Еще одна из них рассказывала, что она принадлежит к эзотерикам, которые понимают смысл своих сновидений. Другая поведала о том, что родилась католичкой, но почувствовала недостаточность для нее христианства. Долгие годы она отрицала, что в ней присутствует определенное количество сокровенных, сакральных сил. Отец ее и мать были атеисты, и воспитывали ее, повторяя, что религия нужна для того, чтоб поработить народные массы, но она еще ребенком ощущала потребность в религии.

– Я рационалистка, но верю, что в мире существует какая-то сила. Бог и Богиня – телесное воплощение вселенской, неделимой и бесполой Живой Силы. Источник Живой Силы не познаваем и необъясним.

Через какое-то время начал идти дождь, но они не обратили на него внимания. Они устремились сплести цветные ленты,

⁴⁷ Merry Meet! – *Примеч. авт.*

свисающие с длинной жерди, называемой Майским деревом. Вместе с тем, это Майское дерево, судя по его названию, надо ставить на весенних празднествах, именуемых Beltane, до которого было еще шесть месяцев. После этого на лестнице, с которой ушли барабанщики, американские эзотерики расставили полные бидоны с едой для московских бездомных и нищих; воспитанница же Оксаны Дмитриевны Ханя Ложко принесла огромную охапку цветов, чтоб раздать их одиноким больным.

Хане Ложко было около тридцати лет, и она была, наверное, самой красивой женщиной, которую я когда-либо видела. Она обладала гладкой и сияющей, будто фарфор, цвета рассыпчатой розовой пудры кожей, которую невозможно встретить ни у одной из турчанок, и длинными волосами, напоминающими по цвету самый теплый тон свежесмолотого кофе. Я помню, что, глядя на нее с восхищением, я подумала, что к ней бы очень подошло слово “породистая лошадь” – эти тонкие, но сильные запястья, крепкая и лучающаяся здоровьем спина и мышцы живота.

Мне довелось впервые ее увидеть на дне рождения Алексея. Поскольку она появилась на обеде вместе с известным кинорежиссером Владимиром Хотиненко⁴⁸, то я и решила, что она – звезда экрана; однако она занималась компьютерной инженерией в Московском университете.

Говорили о Специальной награде Жюри, которую на кинофестивале в Монреале завоевал последний фильм режиссера, “Мусульманин”. Ханя тогда вмешалась в разговор со словами: “Фильм Хотиненко является прекрасным художественным выражением того, что в лесу не существует такого разделения на плохих и хороших людей. Он показывает, насколько в эти дни, когда мы собираемся войти в третье тысячелетие, здравому смыслу противоречит определение различных верований посредством слов “поганство” и “поганцы”. Работа просто выдающаяся”.

Она объяснила, что употребленные нею слова на украинском языке обозначают соответственно “плохое” и “плохие люди”.

⁴⁸ Криптограмма автора. Хотиненко. – *Примеч. лит. ред.*

– Матушка-Русь сейчас в самом критическом периоде ее истории, но непременно есть пути выхода из ситуации. Анимистические убеждения наших предков укажут нам на пути выхода из того духовного, политического и экономического кризиса, в котором мы находимся.

Вечером первого дня моего пребывания в России на дне рождения Алексея встретиться с кем-то, кто вел речь об анимистических убеждениях, было для меня удивительным, поэтому я переспросила:

– Вы сказали, анимистические убеждения, вы имеете в виду паганизм?!

Ханя Ложко тогда усмехнулась своею ангельской улыбкой, заставляющей предполагать ее неземное происхождение.

– Паганизм – это религия крестьян, мадам. На латыни *paganus* обозначает “крестьянин”. Вера крестьян от Новой Зеландии до Африки одинакова в любой точке земного шара.⁴⁹ Но мы не паганисты. Мы – наследники эзотерических убеждений Руси–Украины. Паганизм – это определение, присвоенное нам христианами священниками.

Еле заметным мановением руки она указала на бабушку Андрея Михайловича, сидящего за столом госпожи Зеленской.

– В отличие от них мы верим, что Природа Видимая и Невидимая является местом священным. Существование Святого Духа мы ощущаем не только в человеке, но и в природе. Истинная вера Руси–Украины, то есть запрещенная в 988 году дохристианская вера наших предков, – Право, то есть *Господний Мир и Божественный Закон*. Право заветствует нам оказывать уважение всему, что имеет душу, будь это человек, животное, растение или камень. Оно заставляет нас осознать, что каждое наше движение, мысль, каждое слово, сорвавшееся с наших уст, определенным образом изменяет Природу. Было физически доказано также влияние человеческого сознания на физические и

⁴⁹ В украинском языке сохранилось слово поганство, которое является синонимом язычества. Язычество же в церковнославянском языке имеет сходное значение: язык – народ, т.е. народная религия. – *Примеч. лит. ред.*

биологические системы в окружающем его мире. Вам может быть это известно как психокинез.

Мне не было ничего известно, кроме расплывчатого понятия биоэнергии. Я впервые в тот вечер услышала о том, что *дистанционное влияние и альтернативная медицина* признаны в России как область науки.

– У нас есть своя книга, Велесова. Есть свои местные боги, свои местные традиции и молитвы. Но на нас оказывается большое давление, потому что христианизация в этой стране является государственной политикой. Православные обманули нашего предка, используя Право, и обратили его в христианство. И сегодня правительство, Русская православная церковь и средства массовой информации образовали против нас единый союз.

Подруга Алексия Тереза как раз проходила мимо нас.

– Ты в курсе, что беседуешь с колдуньей, правда ведь? – спросила она.

Так как я была уверена, что она шутит, я тогда ответила ей в тон:

– Конечно, в курсе! Кем еще может быть такая красивая женщина?

– Но Ханя настоящая волшебница. Просто Wiccani⁵⁰. Спроси, пусть она тебе расскажет, как она заколдовывает на кухне!

Пока я продолжала полагать, что Тереза шутит, Ханя спросила:

– Тебе знакомо алоэ? – и продолжала. – Это очень лечебное дерево. Если выращивать его на кухне, то оно защищает человека от порезов и ожогов. Если капнуть немного масла алоэ на кастрюли, сковороды и стекла, то и с ними ничего на кухне не случится.

Я сказала, что слышала об алоэ, но как оно выглядит, не припомню. Ханя сказала, что совершенно уверена в том, что уж чеснок-то я знаю.

– У чеснока есть масса защитных свойств. Если вы между кухонными стеклами положите или подвесите головку чеснока,

⁵⁰ Ведьма. – *Примеч. лит. ред.*

она станет всасывать негативную энергию. Когда чеснок вот-вот засохнет, вам нужно будет закопать его, а на место засохшей головки положить новую. Ни в коем случае не ешьте ее. А когда будете закапывать, не забудьте поблагодарить чеснок и землю за оказанные вам услуги.

Я было подумала, что она рассуждает скорее о безвредных привычках, чем о волшебстве, когда она заговорила о *ведьминой бутылке*. Ведьмина бутылка якобы охраняла еду от подгорания и порчи. Стеклянную посуду следовало наполнить солью, в которую положить три швейных иголки, три булавки, три железных гвоздя, закрыть крышкой, сильно встряхнуть девять раз и на крышку накапать три капли красного воска. При изготовлении ведьминой бутылки думать надо было только о хорошем.

– Вы должны представить в своем воображении, что ваша кухня является местом спокойным и изобильным, где разливаются ароматы сдобы и блюд. Расположите бутылочку на полке повыше, чтобы ее не беспокоить.

Она почувствовала, что я остановилась, не зная, что сказать, и лицо ее еще раз осветилось той ангельской усмешкой.

– У волшебства нет ничего неприродного. Потому что не может быть того, что существует в природе, и вместе с тем не природно. Некоторые вещи были позабыты, вот и все. Травы, минералы, пища – все это дары Матери Сырой Земли. У них есть силы, свойственные только им. Немного знаний, немного практики – и мы можем напитаться этих сил. Матушка Алексия профессор Оксана Дмитриевна – первоклассная волшебница. Она переписывалась с Мабель Безан–Скотт. Вы знаете Анни Безан, известная теософ, это ее дочь. Жерар Гарднер встречался с Анни Безан.

Когда я сказала, что совершенно не знаю этих людей, Ханя рассказала, что Гарднер является выдающимся масоном из ложи Розенкрейцеров, познакомившим современный мир с волшебством, и госпожа Зеленская испытала на себе большое влияние Гарднера. Все, что осталось у меня из всего рассказанного ею, было слово масон.

Вот отрывок из разговора, с которым я при первой возможности, захватив в руку бутылку красного вина, оказалась у дверей Терезы:

– Вы просто должны рассказать мне об Оксане Дмитриевне! Говорят, что она ведьма, так расскажите же, какое оно, это *ведьмовство*?

– Описать верования ведьм в наши дни очень сложно, – отвечала она. Такие определения, как волшебник или маг, настолько широки и охватывают такой широкий спектр верований и практик, что провести более-менее достаточную дефиницию данного убеждения кажется как будто невозможным. Существуют миллионы людей, знающих заклинания или обожествляющих вещи, но они не ведьмы. Есть гадалки, чародеи, чертящие знаки на песке и пишущие заговоры колдуны, но они не ведьмы. Ведьмы, конечно, тоже умеют делать все это, но они, кроме того, занимаются такими вещами, как поклонение Матери-Сырой Земле.

– А кто такой Гарднер?

– Джералд Гарднер, – отвечала Тереза, – был масоном, Креста и Розы. Членом седьмой степени Ордо Темли Ориентис. Человек, в одиночку воскресивший либо изобретший современное волшебство. Англичанин и государственный служащий. Работал в Сейлане. Жил в Индии и на Среднем Востоке. Антрополог, археолог, религиовед. Принимал участие в раскопках храма Богини Иштар в Палестине. Вы знаете о Иштар?

– Нет.

– Богиня Луны, Плодородия и Телесной Любви.

– Я была на торжествах в садах Кремля.

– Госпожа Зеленская там была?

– Госпожа Зеленская, Ханя, кое-кто из Вашингтона.

– So! О чем мы говорили? Ах да, Гарднер. Гарднер после выхода на пенсию написал один роман, раскрывающий тайны ордена, членом которого он был: High Magic's Aid. В пятидесятые годы у него вышли еще три книги. В последней из них он рассказывает в подробностях о Религии Богини, которую он называет дохристианской религией, и о том, как он в нее уверовал. Но на самом деле религия, о которой он рассказывает, была

—•••••—

придумкой самого автора, а не древней религией. К Богине-Матери добавить доктрину реинкарнации – и вот тебе готовое современное волшебство.

– Князь Алексей знает, что матушка у него ведьма?

– Yes! – ответила она тогда. – Yes. Алеша вырос на книгах Гарднера и ему подобных. Профессор Зеленская могла часами сидеть и в беззвучной медитации воссоединяться с природой, со всем живым. Эти сеансы транса она называла “*стать единым в гармонии с целостностью бытия*”.

Если взять в счет возраст госпожи Зеленской, то, подумала я, подобное поведение в сталинские времена казалось практически невозможным.

– Оксана Дмитриевна была ужасной революционеркой, – сказала Тереза. – Но империализм, с которым она боролась, был *империализмом религиозным*. И Сталин на это не особо возражал. По мнению госпожи Зеленской, не существовало такого понятия, как вера плохая или хорошая. Кто хочет, тот тому и молится. Она рассказывала Алеше притчу о трех слепых, ощупывающих слона. Один из них ощупывал слону зубы, другой – хобот, третий – хвост. И все трое считали, что их рассказ о слоне самый правильный. Тогда как *правда* – больше, чем единична, и почти всегда противоречива. Лучше всего нам не ограничивать себя единственной религией или единственным человеком. Мир, в котором камни, деревья, горы, долины, снег, буран, – все живое. Она видит его таким образом.

– Разве защищать душу бактерий не противоречит использованию антибиотиков? Подопытные свинки также священны, и, по идее, их не должно быть возможно использовать для опытов. Мне интересно посмотреть, какая же госпожа Зеленская в таком случае врач.

– Не знаю, это уж спросите у нее самой, – ответила Тереза. – Все, что я знаю, это то, что она говорила, что между наукой и волшебством разница очень невелика. Она говорила: *если и есть между ними разница, то это то, что волшебство находится в одном шаге от науки*.

И ее старший брат отец Михаил Дмитриевич Гринько...

Когда Михаил Дмитриевич принимал участие в обряде рукоположения на престол патриарха Московского и Всея Руси митрополита Тихона в 1917 году, было ему всего одиннадцать лет. Он был одним из учеников, представлявших на празднованиях в Успенском Соборе религиозную секту бегунов. Оставшиеся с 1700 года без упраздненного Петром Первым собственного патриарха православные праздновали рукоположение в великой радости день и ночь на протяжении двух недель. Все церкви в городе звонили в колокола. Рядом с ними проходили празднования еще кое у кого: у безбожников. Шевкет Сюрей Айдемир⁵¹ рассказывает следующее: “Когда я приблизился к площади Пушкина, я увидел показавшуюся впереди огромную толпу. Посреди шума и крика продвигалась вперед совершенно разношерстная процессия. Казалось, что толпа не умещается на Тверской. Вскоре процессия заполнила всю площадь. Это было шествие атеистов. Все смешалось – колокольные звоны церквей, особенно с тяжелым перезвоном колоколов Страстного монастыря, выходящего на площадь Пушкина, а вокруг участников шествия – различные изображения и надписи, коими увешаны грузовики, звон колокольцев, подвешенных всадниками коней и верблюдов, крики, хохот, ругань... агрессивный молодой человек, облаченный в одежды беса, или Лукавого, шел впереди народа. Несколько парней, вострубив в находящиеся у них в руках трубы, возвещающие судьбину девятого ангела Исафила, приглашали окружающих присоединяться к процессии. Некоторые из них выстраивали немыслимую потеху булавами, палицами, звоночками, одновременно и веселя присутствующих, и расчищая дорогу процессии.

Практически вслед за ними двигался грузовик, со всех сторон увешанный чудными надписями и рисунками. Открытый кузов

⁵¹ Шевкет Сюрей Айдемир (1887–1976) – турецкий писатель, один из первых турецких марксистов, который посетил Советскую Россию сразу после революции и учился в Коммунистическом Университете трудящихся Востока, готовившем профессиональных революционеров для Коминтерна. Сидел за свои убеждения в турецкой тюрьме. По собственному выражению, отдавший силы в пользу революции. Постоянный писатель журнала “Йон”, сыгравшего значительную роль в становлении современной турецкой литературы. – *Примеч. пер.*

грузовика был превращен в открытую сцену. Один из актеров с бородой из невыделанной козьей шкуры, похожей на бороду деда Мороза, в шутовском колпаке и потешной мантии, свисающей со спины лохмотьями, был усажен в стоящую прямо посреди сцены винную бочку, якобы восседая на троне. В объятия к нему прижалась неряшливая женщина с одеждой нараспашку. А перед ними в калашу, будто в лодку, был усажен карлик с только-только начавшей виться светло-каштановой бородкой, который кивал туда-сюда головой. Время от времени он цеплялся за бороду сидящего впереди него шута и вытворял всякие безобразия. Однажды карлик так ухватился за шута, что его длинная борода из козьей шкуры оборвалась и упала. Хохот вокруг только усилился.

Я тут же узнал показавшуюся из-под бороды физиономию. Это был иранский студент из нашего университета (КУТВ, Коммунистический Университет Трудящихся Востока), старавшийся везде и всегда рассмешить всякого при первой возможности. Однажды на уроке нашего горбатого профессора он попытался доказать, что Аллаха не существует, рассказывая, как наживались ахунды в Иране и занимались торговлей девушками! Сейчас же он был в числе первых, кто поднял знамя борьбы против религии в исторической столице русского православия. Прицепив себе козью шкуру в виде бороды, он натянул на голову шутовской колпак и уселся на трон из винной бочки. То и дело наполняя находящийся в руке огромный, как ведро, бокал якобы вином, он выливал его себе на голову, или протягивал его ко рту повисшей у него на груди неряшливой женщины...

В идущих немного позади грузовиках все, перекирляющие патриархов, епископов, митрополитов, валялись растянувшись на полу якобы от опьянения. Над ними молодые дьячки с одна другой пьянее монашками все еще упивались вином, опустошая его ведрами. Те же, кто лежал на полу, стремились дотянуться до этого вина, толкаясь и переругиваясь, волочась по земле и вытирая собой полы. Впереди их церковный звонарь одною рукой размахивал кадиллом, а другой звонил в колокол у себя на шее.

И тогда молодые попы с попадьями с мест, где они валялись, пытались поливать народ водой, якобы пытаясь его окрестить, а когда на ухабах грузовик трясло и они наваливались в кучу один на другого, воздух сотрясали взрывы народного хохота.

На одном из грузовиков монгольские шаманы, в рассыпанных по колпакам и подолам звоночках, развевающихся по сторонам разноцветных лентях, свисающих амулетах, все время подпрыгивали, ударяя руками в свои длинные барабаны, которые висели у них на шеях. Посреди другого грузовика сидел еще один шут, усаженный туда в одиночку, но с раздутым, как барабан или бочка, пузом от чрезмерной пищи и питья, который представлял Далай Ламу. Напротив него в земном поклоне склонились рабы, худые от голода, как скелет. Одним словом, в этом шествии был закономерен всякий срам, который только мог прийти в голову.

Звонцы звенели во все звоны, перекрикивания, шум и гам постепенно нарастали. Шут с бородой из козьей шкуры без усталости опорожнял на народ свой бокал размером с ведро. Но среди всех этих воплей, суеты, звуков: “Да чтоб тебя! Будь ты проклят!” так же, не уставая, звонили колокола Страстного монастыря.

Звуки колоколов монастыря в один миг смешались с гамом гудков и бубенцов шествия и вмиг заполонили все пространство. Было не похоже, что купола Страстного умолкнут вскоре. Какое-то время показалось, что тяжелые, лишённые паники глухие удары колоколов вот-вот задавят наполнявшие площадь вопли зазывал. Но вот козлородый скоморох на переднем грузовике, усаженный на трон из винной бочки, отдал распоряжение своим чертям и бесам. И тогда они бросились к главным воротам монастыря, открывая проход в преграждающей им путь толпе. Но не успели они добраться ворот, как монахи с монахинями, навалившись сзади на ворота, затворили их на засов.

И вот теперь эти двери стали будто бы железным занавесом, разделявшим мир, внутри которого пред алтарем Христа склоняли голову те, кто пришли уповать на милость божию, и вне которого на них были направлены бубенцы и звонцы лукавого.

Желающие преодолеть этот занавес некоторое время потолклись перед дверьми и потолкали их, потопали ногами от ярос-

ти, грязно и оскорбительно ругаясь. Однако монастырь остался нерушим и неподвижен, как скала среди окружавших ее волн.

Стоящая посреди цветочной клумбы на каменном постаменте статуя Пушкина наблюдала за происходящим до самого конца со свойственным бронзе молчанием”⁵².

Для того чтобы, по запланированной Лениным бездуховной утопии, создать народ, очищенный от веры и национализма, он должен был устранить Русскую православную церковь. Большевики заключают Тихона под домашний арест в тот же день, когда он был избран. Патриарх в стенаниях обращается к Богу: “Господи, сыны России нарушили договор с Тобою, подожгли Твои алтари, расстреляли церкви и кремлевские святыни, перерезали горло твоим монахам”. За несколько последующих дней были расстреляны митрополит Санкт-Петербурга и трое его заместителей. Тысячи попов, монахов, монахинь и простых верующих были уничтожены либо сосланы.

Однако Революция требовала задействовать миллионы людей, не умеющих ни читать, ни писать. Коммунистическая партия, понимавшая, что невозможно заставить неграмотные массы читать Маркса хотя бы в хрестоматийном изложении, нашла выход в инициировании создания новой секты под названием *Живая Церковь*. Ее основатели, называвшие себя *обновленцами*, выпустили указ, который содержал формулировку, что *большевизм и октябрьская революция несли самые высокие идеалы, которые когда-либо существовали на земле*. Патриарх Тихон тотчас же обратился к верующим:

– Я наказываю верным чадам Христа, что веруют в православную церковь, никоим образом не вступать в отношения с этими людьми, коих отрицает сам род людской.

Собрав попов, он потребовал от них держать открытыми все моленные заведения.

– Тотчас же организуйте религиозные кружки и призывайте к участию в них верующих.

⁵² “Suyu arayan Adam». – Ищущий воду человек. – Шевкет Айдемир – *Примеч. авт.*

На одном из соборов, где показали себя обновленцы, Тихона свергли с патриаршества. С Донского Монастыря, где он находился под надзором, его переправили в тюрьму на Таганке. Как раз в это время умирает Ленин, и на смену ему приходит *еще больший варвар*, грузин Сосо Джугашвили. Псевдоним Сосо Джугашвили, *Сталин*, обозначает “стальной человек”.

Стальной Человек был ближе к народу, чем Ленин, и прекрасно знал, что церковь отражала самые глубины русского духа. После смерти Ленина он освободил патриарха Тихона, но только после того, как того заставили подписать пресловутую Декларацию о *признании советской власти*.

В ней Тихон провозглашал, что он сожалеет о своих антисоветских действиях и в дальнейшем прекращает все свои сношения с внешней и внутренней контрреволюцией:

– Мы хотим, оставаясь православными, признать в качестве нашего Отечества нашу заботу и гордость, Советский Союз.

Опираясь на данный документ, Сталин начал расправу с миллионами православных, спровоцировав очередное разделение Русской православной церкви. Но несмотря ни на что, Тихон все же не утратил почитания. Через несколько лет Тихон был по приказу Сталина отравлен и похоронен в зимнем покое Донского Монастыря.

Госпожа Зеленская говорила, что тогда ей было пять–шесть лет от роду, но похороны она запомнила. По ее рассказам, там были тысячи людей и пятьдесят восемь епископов:

– С того времени не было ни одной настолько большой демонстрации, доказывающей, насколько глубоко коренятся религиозные чувства на Руси.

Одним из тех, кто не склонился перед Сталиным, был митрополит Санкт-Петербурга, переименованного позже в Ленинград, Иосиф Петровик. Он стал инициатором безуспешного восстания.

Его арестовали и сослали в монастырь-тюрьму на Соловецких островах. В 1938 году его расстреляли, но еще до исполнения приговора был записан один текст, в котором была проклята

Декларация о признании Советской власти, подписанная Патриархом Тихоном.

Дядя Алексия отец Михаил Дмитриевич Гринько был одним из тех, кому удалось вынести запись этого текста из стен Соловецкого монастыря-тюрьмы.

Соловецкий монастырь-тюрьма был одним из первых гулагов, построенных на Соловецких островах на Белом море, на севере, о котором Кен Шварц говорил, что тот так *чарует* его. Начиная с 2001 года, это место стало объектом паломничества к убиенным, о которых было известно лишь, что они похоронены где-то здесь, а их могилы считались утерянными.

Одним из паломников был бывший глава КГБ, нынешний президент Путин. Кажется, это был август 2001 года; агентство “Франс Пресс” объявило, что президент посетил Соловецкий монастырь-тюрьму. При этом он не постеснялся помолиться за души погребенных там святых и заявить собравшимся там для паломничества православным, что “Россия является хранительницей христианства”:

– Нашу страну называют Святою Русью потому, что она играет особую роль хранительницы христианства. Без православия России нелегко было бы сохранить государственность.

Президент также подчеркнул, что в отличие от Римской католической церкви, православные веруют, что все едины перед Богом:

– Молитвы, что столетиями неустанно повторяли наши уста, научили нас уважению ко всем народам. И сегодня полезно напомнить об этом обстоятельстве.

По слухам, около четырех лет до этого визита спасший с горячей дачи двух своих маленьких дочерей Путин обрел истинный путь и обратился в православие.

Впоследствии в одном интервью на телевидении он говорил, что он больше никогда не расстается с найденным тогда пожарными на пожарище дачи крестом. Общее мнение состояло в том, что президент пытался заново оживить ценности русской истории, которые не смогла стереть с лица земли советская эпоха.

Георгий Григорьевич Карпов был другом батюшки Михаила Дмитриевича, о котором тот говорил: “После этого тебя даже

Карпов не спасет”; специалист из НКВД, который в 1943 году был назначен главой Комитета по делам Русской православной церкви, чтобы наладить отношения Русской православной церкви и государства. Когда Карпов нашел дядюшку Алексея в больнице Сыктывкара, куда того привезли в полуобмороженном состоянии, с одной отрезанной по причине гангрены ногой, а другую ему вот-вот должны были отрезать, отец Михаил Дмитриевич уже успел передать куда надо текст Иосифа Петровика.

Карпов спас Михаила Дмитриевича от смертной казни по обвинению как шпиона Ватикана. Он же был тем, благодаря кому осужденного на двадцать лет батюшку отправили в Воркутулаг. Алексей думал, что Карпову было известно о рукописи, он даже поговаривал, что практически уверен в том, что тот, кто обеспечил сохранность этой рукописи в Государственном архиве с тем, чтобы обнародовать в подходящий момент, и был лично сам специалист из НКВД:

– Целью Большого террора 1930-х годов было систематическое уничтожение Церкви. В 1917 году на землях Руси было пятьдесят четыре тысячи церквей, с приходом немцев их осталось только сотня. Из ста шестидесяти трех епископов при жизни остались только семеро. Из более чем тысячи монастырей не осталось ни одного. Монахи либо томились в гулагах, либо, лишенные всякой надежды, пытались выжить в самых безлюдных уголках Руси. Религиозные учебные заведения, церковно-приходские школы, церковные больницы, библиотеки были сровнены с землей, а книги и бесценные иконы сожжены в печках.

В первые годы Великой Отечественной войны невозможно было найти ни одного попа, чтоб похоронить убитых на фронте. Сталин принял решение укрепить дух не готового к войне народа. Отложив коммунистическую идеологию до лучших времен, он принялся взывать к священному чувству “русского духа”, святой Руси и ее вечным героям Александру Невскому, Суворову и Кутузову. Он позволил выйти из подполья религиозным организациям. В сентябре 1943 года вышел приказ об освобождении из гулагов священников, которые поклянутся в верности режиму советской власти. Священники, честь которых была восстановле-

на и которым было назначено жалование, принялись снова открывать к службе обращенные в руины церкви, продолжать служение Господу с того места, на котором оно было оборвано. Все это дало огромную моральную поддержку народу. Русская православная церковь оказала также неопределимую материальную помощь Красной Армии. Танковую колонну им. Св. Дмитрия Донского и эскадрилью Св. Александра Невского от военной формы до провианта профинансировала также Церковь. И впрямь, это было поворотной точкой войны, победа стала казаться более достижимой. В те дни Сталин вызвал к себе на дачу освобожденных из ГУЛАГов трех митрополитов и сказал им, что они могут избрать себе нового патриарха на место Тихона. На первый взгляд, он якобы вознаграждал митрополитов за оказанную ими преданность, однако основной его целью было обеспечить организацию религиозных формирований, способных оказать помощь в покорении новой православной паствы, которую должен был обрести Советский Союз после войны в Европе. Это должно было предупредить возможные протесты и выступления верующих Болгарии, Румынии, Сербии и даже Греции.

В результате была создана Московская патриархия, как одно из средств влияния советского Министерства иностранных дел. Из трех вызванных Сталиным митрополитов Сергей стал патриархом, а на митрополита Николая возложена обязанность *министра иностранных дел* Русской православной церкви. В качестве неопременного условия были поставлены поддержка и защита передовыми лидерами церкви интересов советской внешней и внутренней политики. Координацию между Коммунистической партией и Церковью осуществлял друг батюшки Михаила Дмитриевича Георгий Григорьевич Карпов, назначенный главой комитета по делам Русской православной церкви:

– Советское правительство стремилось к созданию церкви-призрака, у которой не было бы паствы в СССР, но которая бы использовала свои недюжинные международные связи с целью стратегической поддержки Советского Союза. Одним же из путей превращения Русской православной церкви в церковь-призрак была поддержка движения экуменизма.

Экуменизм, что в переводе обозначает “вселенскость”, был выражением движения, стремящегося собрать под одну крышей все церкви и даже религии мира. Следы его тянутся к Вавилонской Церкви, но христианский экуменизм был актуален еще во времена апостолов.

Апостол Павел, предупреждавший своих учеников, что наименьшие ошибки, прокравшиеся в Церковь, будут расти как снежный ком и со временем превратятся в лжерелигию, рассматривал одну-единственную возможность. Несмотря на это, возникли десятки христианских сект гностиков, обвиняемых в смешивании языческих верований с христианской доктриной.

Основы современного экуменизма были заложены в 1910 году, на собравшейся в Эдинбурге Всемирной Конференции Миссионеров. Принимавшие в ней участие рассмотрели вопрос единства в отношении статута, служения и учения. Когда они собрались вновь в 1925 году в Стокгольме под именем Вселенской Христианской Конференции, то на повестку дня были поставлены такие вопросы, как соответствие священных текстов индустриальным, социальным, политическим и международным условиям. Их лозунгом стало следующее положение: *служение объединяет, учение разъединяет.*

Первым человеком, озвучившим связь экуменизма с Новым Мировым Порядком, был сэр Френсис Янхасбэнд; он писал относительно собравшегося в 1930 году Всемирного Конгресса верований: “Непременным условием для Нового Мирового порядка является религиозная основа”. Некоторое время спустя еще один английский Sir, Юлиан Хаксли, получивший образование биолога/зоолога в Оксфордском университете, преподававший в Институте Райс в Техасе и ставший первым Генеральным Директором ЮНЕСКО (1946–1948), заявлял: “Понятия религиозных верований параллельно с прогрессом человечества обречены на постепенное исчезновение. Полу-чит развитие новая религия... самой важной отличительной чертой этой новой религии станет вселенскость... она объединит гуманистические учения великих религий Запада и Востока...”

Всемирный Конгресс Церквей, работодатель Кена Шварца, адвоката по правам человека и посредника в деле предания Алексия земле, был создан при Хаксли в 1948 году. Говорят, что он до сих пор представляет пятьсот миллионов христиан, относящихся к тремстам тридцати двум церквям и сектам из ста двадцати стран. Они утверждают, что их целью является не создать некую вселенскую суперцерковь либо стандартизировать службы, но оказывать поддержку движению экуменизма путем поощрения своих членов посвящать себя Слову *Единого в Трех Ипостасях* Господа, и таким образом сделать так, чтобы религиозные общины ощутили, что все они идут *по пути апостолов – единому, святому и всеобщему*. Я подумала тогда, что турецким переводом этого уклончивого предложения было бы *собственно несуществующая между нами разница*. Но, по мнению батюшки Андрея Дмитриевича, всеобщность была еретической потугой; ибо сразу за этим последовали такие слова Генерального Секретаря Конгресса Филиппа Поттера:

– Мы призываем все церкви обратить свои стопы к соответствующей уставу деятельности, направленной не только на такие традиционные мероприятия, как оказание помощи нуждающимся или пожертвования, но и на воспитание посредников, способных побуждать человечество к новым достойным и справедливым отношениям и коренной перестройке всего общества.

Что подразумевало выражение “новые достойные и справедливые отношения”, мы узнали из выпущенного в 1969 году Циркуляра Центрального Комитета Конгресса:

– ...Нам видятся насущными радикальные изменения не только в разумном трансфере ресурсов и технологий на планете, но также и в экономических, социальных и политических преобразованиях...

Вот она какова обратная сторона движения, которым Сталин надеялся уничтожить Русскую православную церковь. И точно, в 1961 году было окончательно принято решение об участии митрополита Николая, возглавившего отдел иностранных дел Русской православной церкви, в Третьем Всеобщем Собрании Всемирного Совета Церквей.

По неведомой причине Николай отзывает свое участие и посылает вместо себя главу департамента внешних связей митрополита Никодима. Николая же через неделю после Всеобщего Собрания нашли мертвым. В те же годы мы утратили всякий след и больше не получали никаких вестей от батюшки Михаила Дмитриевича. Когда в последний раз он навещал госпожу Зеленскую, то сидел в бержерке Солженицына:

– Давно было пора взнудать Всемирный Конгресс Церквей. Однако то, что они приняли в свои ряды Русскую православную церковь, будто бы указывает на *начало нового периода*. Никто не понимает, что в этом новом периоде мошенничество будет взято за правило. Зablуждению поддался даже Ватикан, считающий визиты Никодима в Рим новым свежим началом в отношениях православных и католиков. Однако мошенническая сеть Сталина, создавшего Конгресс, все еще приносит свои плоды. Московская Патриархия уж десять лет поживает на лаврах своей независимости, но не предприняла ни единого шага, чтобы стать духовным поводырем русского общества. Она ограничивается тем, что придает эдакий религиозный оттенок государственной политике.

Вот такой была история, почему госпожа Зеленская пролила слезы, причитая, что, мол, “Тебя после этого даже Карпов не спасет”. Она говорила:

– Он не мог быть другом тех, кто выступал против советской номенклатуры, поскольку они поддерживали русских православных, и другом русских православных, поскольку они поддерживали Всемирный Конгресс Церквей. Ибо единственным доказательством добродетели на Руси, где находиться при жизни означает где-нибудь, когда-нибудь, каким-нибудь образом, но обязательно кого-нибудь вознаграждать, – является смерть.

Алексий годами разыскивал рукопись, стоившую жизни Михаилу Дмитриевичу. Потом вечером, когда он, я и Тереза были вместе, к нам заехал Давид Рабинович. Он сообщил радостное известие о том, что старый заключенный Воркутлага Борис Тулеев, с которым вместе отец *Михаил* отбывал двадцатилетний срок, все еще жив и, как было установлено, живет в Воркуте.

Несмотря на очень почтенный возраст, с памятью у старого заключенного якобы было все в порядке, и он мог вспомнить об участии рукописи. Через несколько дней после посещения Рабиновича мы с Алексием отправились через Котлас в Сыктывкар, что в Автономной республике Коми, и переправившись оттуда в Воркуту, обнаружили Бориса Тулеева у себя дома.

МОЛОЧНЫЙ ТУМАН

Воркута – город на Северном Полюсе, возле которого находятся самые богатые месторождения каменного угля в Советском Союзе и концентрационные лагеря с самым жестоким режимом, известные под названием Воркутлаг. Северный угол треугольника, названного Александром Солженицыным полуостров Гулаг. Рассказывают, что охотник на оленей – это такой вид косуль, которого нет у нас, живущий в тайге, – по фамилии Попов в один из дней разжег на берегу реки Воркута костер. А чтобы костер не угас от ветра, он оградил его собранными в округе какими-то черными камнями. По мере того, как усиливался северо-западный ветер, камни загорались от костра и языки пламени всю освещали небо и землю. Год 1919-й. Попов набрал этих черных камней и повез их в Москву к Ленину. Ленин напоил охотника чаем, рассказал тому, что собой представляет уголь, и отправил домой. Важность открытия Попова была установлена только в результате геологических разведок Чернова в 1930 году.

Сразу же вслед за этим Народный Комиссариат внутренних дел, НКВД, начал пересылку заключенных из Ленинграда в Воркуту. До 1939 года туда не было железнодорожной ветки. Старые большевики во главе с интеллигенцией, включенные в Программу чистки кадров Сталина, политические заключенные и уголовники продвигались вперед, работая на шахтных рудниках и пройдя большую часть пути пешком.

Одним из таких заключенных, которых называли *двигателями ускоренного промышленного развития*, был получивший за ленинизм срок “*государственный преступник*” Борис Ту-

леев, другим же – “шпион Ватикана” отец Михаил Дмитриевич Гринько.

Старик Тулеев не позабыл батюшки. Он ничего не знал о рукописи. Однако он поведал вкратце историю жизни Михаила Дмитриевича, начав следующим образом: “Мы познакомились в товарном поезде”, и я услышала одну из самых печальных историй, которые мне когда-либо приходилось встречать в моей жизни – историю Кацо.

– Поскольку я был последним животным из набитых в товарняк, я упал подле бидона с водой. Бидон был без крышки, и когда вагон качало, вода расплескивалась на все четыре стороны так, что спастись от нее было невозможно, и я промок до нитки. Вонь мочи, исходившей от параши, присобаченной к стене вагона прямо рядом с бидоном, была невыносима. Я согнулся на полу и пытался, уткнувшись носом в скважину в дверях, вдыхать свежий воздух и не чувствовать воню. Тогда я и увидел возвышающуюся надо мной деревянную ногу, глянул – а ее хозяин и сам еле-еле держался на ногах. Ему, должно быть, было за шестьдесят. Значит, ногу ему отрезали еще в другом лагере. Да, должно быть так. Я помню, что наш лагерный столяр выстругивал ему новую ногу... отличная получилась нога! Он был деканом одного из соборов то ли в Вильнюсе, то ли в Каунасе. Он получал образование во Франции и в Италии. У него вышли книги по лингвистике и истории религий, правильно?

Алексий сказал, что дядя владел двенадцатью языками. А Тулеев – что отец Михаил Дмитриевич обучал его древнееврейскому языку, в ответ на что тот преподавал батюшке нюансы функционального анализа.

– Математика была моим любимым уроком, – пояснил он. Он потянулся к тибетскому самовару, такому же точно, какой я видала в доме госпожи Зеленской.

– Мне было восемнадцать лет, и я давно потерял надежду на что-либо. Вы понимаете меня, не так ли?

– Так вы говорите, что были в одном вагоне?

– Да. Отец сказал мне, чтобы мы несколько поменялись местами. Он указал на место в углу, где были навалены мешки: “Вы

проберитесь ненадолго на мое место, потом поменяемся снова...” У него был странный акцент. Я не хочу сказать, что он плохо знал русский, – нет, русский он знал прекрасно, но акцент его был странен. В углу, на который он указал, было много высоких людей. Эти люди оказались литовскими католиками. Они не согласились с тем, что отец поменялся со мною местами. Настояв, чтобы отец вернулся на свое место, они по очереди предоставляли мне на время свои места. Вот почему я подумал, что старик был католиком! Выходит, значит, что не был...

– Нет, не был.

– Выходит, что не был... после размещения в лагере я нашел его и поблагодарил. Мы начали разговаривать: история, языки, наука. Но о религии мы не говорили совершенно. Время от времени я было чувствовал, что ему хотелось пробить брешь в моем агностицизме. Также время от времени он старался поведать, что над всеми нами простерта рука Божья. Невозможно было не восхищаться его умом, но религиозная сторона его сдерживала. А потом – то утро. В то утро в месте, где должны были находиться прожектора, не было ничего, кроме желтых пятен, и я понял, что температура упала ниже сорока пяти градусов. Когда температура падала ниже сорока пяти градусов, выпадал молочный туман; вначале терялись из виду колючие проволоки, затем терялись и прожектора сторожевой башни. Это значило, что на рудники нас не повезут. У военных были двойные шинели из овечьих шкур длиной до пальцев ног, но опять-таки, они не выдерживали ожидать нас на открытом воздухе. Их опалил ветер, вы понимаете? Да, я хорошо помню, как в то утро получил свой дневной наряд и похлебку. Это была синяя баланда, в которой плавали несколько штук перловки. Питающиеся нею заключенные не умирали. Не могли ни умереть, ни остаться здоровыми. Сесть было негде, и я пошел к Михаилу Дмитриевичу, стоявшему прислонившись к стене. Он ел суп, наклонив голову к тарелке. Костыль его лежал на земле, возле деревянной ноги. Да, значит, ногу ему отрезали еще в прежнем лагере.

Он обернулся ко мне и промолвил:

– Вы знаете, меня осудили за ленинизм, – будто бы еще сам не веря. – У нас в школе был литературный клуб, в котором мы читали друг другу написанное и обсуждали его. Однажды учительница-наставник попросила нас, прежде чем мы станем давать читать тексты товарищам, отдавать их на прочтение ей. Мы, группа учеников, запротестовали, ибо посчитали это цензурой. Женщина продолжала настаивать, и мы решили продолжить наши занятия вне стен школы и вышли из клуба. Преподавательница доложила на Лубянку. Нас взяли под наблюдение, о чем мы не подозревали. Мы говорили о том, что все то, что нам преподавали, не совпадает с действительностью. Это не было социализмом. В мире существовало два империалиста, один были США, а другим – СССР. Не существовало диктатуры пролетариата, а была диктатура одной партии, которую мы называли *бонапартизм*.

Вдруг он остановился:

– Вы из представителей Запада, знающих о нас больше нас самих?

– Что вы хотите этим сказать? – спросила я, не зная вместе с тем, что хочу узнать. Потому что вот уже достаточно долгое время я ощущала, что все иностранцы в России разделяются на две группы. Первая группа – это любопытствующие ко всем рассказам такого плана, как жизнеописание Бориса Тулеева, оттого что они идентифицировали коммунизм со всякого рода жестокостью и притеснением; вторая группа – это те, кто старался не останавливаться особо на пережитом, поскольку они не могли не сожалеть об идеалах социализма.

То есть любители сказать: “Мы всегда знали, что так и будет!” и, в противовес им, говорящие: “Не кажется ли вам, что вы преувеличиваете?”. К первой группе относились либералы, идентифицирующие себя как демократы, поборники прав человека, защитники свободного рынка, вселенского объединения и миссионеры. Вторая группа была более стеснительна, все время находясь в обороне; они старались скрыть свой срам, выпячивая трагедию народных масс, которые были приведены в коллапс послегорбачевскими реформами. До меня все же доходило, что глубинные

русские, каковыми были далеко не все, не особо вступали в разглагольствования ни с теми, ни с другими из этих групп, что следовало из того, что они способны были почувствовать, что ни те, ни другие не способны передать их истинных переживаний.

Что касается меня, то причиной моей небольшой заинтересованности рассказами выживших узников исправительных трудовых лагерей, то есть гугагов, было то, что мне было стыдно за свет божий, но не потому, что я считала, что их слишком много, или они преувеличены.

– На мой счет не волнуйтесь, – сказала я. – Я не с Запада.

Когда выяснилось, что я турчанка, он прицепился ко мне с вопросом:

– Но и где же ваш ятаган? Я не вижу вашего ятагана!

Он так и произнес “ятаган” на тюркском языке, оказалось, что слово это пришло на Русь от татар, и тюркский ятаган был известен всем и каждому.

– Ни ятагана у меня нет, ни усов! – парировала я.

На этот раз Тулеев повернулся к Алексию:

– Мы были поколением, выросшем на революционной советской литературе тайных молодежных организаций, – похвалился он. – В литературе этой нас учили, что если где и есть какая-то несправедливость, то на нас ложится ответственность бороться за то, чтоб несправедливость эту ликвидировать. Если мы не будем сражаться с несправедливостью, то нас будут считать согласными с ней и такими же, как и другие, виновными в двурушничестве и лжи. И мы договорились заявить о себе во весь голос, вы понимаете? Мы знали, что существуют и другие организации, думающие так же, как и мы. Мы знали также, что рост сознательности в обществе потребует долгих лет. Но кто-то должен был первый сказать свое слово, не так ли? Кто-то должен был подняться и сказать: вам лгут! Рассказать людям, что мир, в котором они живут, является фальшивкой. Это был наш долг...

Он потянулся к самовару и добавил себе чаю:

– Мы стали разговаривать со своими ровесниками. Мы записали программу, разъясняющую наши принципы. Мы писали обращения и короткие статьи и их распространяли. Мы рас-

сказывали о том, что выборы не отражают наше волеизъявление, что попираются наши конституционные права. Мне было тринадцать лет, когда меня позвал отец и сказал, что я на ошибочном пути и того и накличу себе на голову неприятности. Я помню, что сказал тогда: “Я могу получить себе на голову неприятности, но так, как вы жили, я жить не буду”. Мы знали, что Комитет безопасности не проявит к нам снисхождения. Мы знали, что нас ожидает расстрел. Нас должны были также пытаться. Но мы чувствовали, что иного выхода у нас нет. Нам следовало либо продолжать жить так, как мы думали, либо стать сторонниками ненавистного нам режима. Понятно, что чуда не произошло. Когда нас арестовали, то нас не удивила манера их обхождения с нами. Как не удивил и товарный вагон.

– Вы говорили о похлебке, – напомнил Алексей с нетерпением, которого я от него не ожидала.

– Да, да, похлебка. Когда мы вышли из кухни, мороз усилился еще более. В нескольких шагах поодаль стояла деревянная конура с низким потолком. Там не отапливалось. Деревянная дверь ее была, кроме того, укреплена железной решеткой. Ее называли *кондлей*, тюрьма в тюрьме, *холодная клетка*. Затворенным в кондлее заключенным не давали ничего горячего. Но на этот раз один военный направлялся к кондлею с миской горячей похлебки в руках. “Ты смотри, миска чечевичной похлебки от начальника для Кацо!” – произнес Михаил Дмитриевич.

Кацо на грузинском языке обозначает чувак, или человек. Тулеев сказал, что настоящее имя человека, находящегося в холодной клетке, было ..., оканчивающимся на “швили”. Он якобы был грузинским печником, когда они познакомились, тот отматывал двадцать первый год тюрьмы.

– По мнению начальства лагеря, Кацо каждую неделю совершал какой-нибудь проступок. По воскресеньям он отказывался работать, вы понимаете? Целую неделю он работал на кладке печи и предпочитал проводить все понедельники в холодной, нежели взять по воскресеньям хотя бы один кирпич – а он выкладывал печь кирпичами – в руки. Тогда как другим было под силу сложить печь за тридцать часов, Кацо справ-

лялся за шесть. Это означало прибавку к грошовым зарплатам капитанов и лейтенантов, которые надзирали за заключенными. Если бы все дело было в них, они бы никогда не закрывали Кацо в холодной, но над ними было КГБ. Кацо же привлекал внимание КГБ еще и тем, что читал Евангелие. Более того, что он читал его при всех, ни от кого не скрываясь. Политрук лагеря говорил: “Все знают, что Бога нет!”, но этот его тезис не возымел никакого влияния на Кацо. Кацо был настоящим крепким орешком! Однажды из Иркутска, местного Союза воинствующих безбожников, в лагерь приехала группа пропагандистов. В те годы издавался антирелигиозный журнал “*Din karşıtı*”⁵³. Они привезли подшивку этого журнала и, кроме того, несколько номеров журнала “Атеист”. Когда в 1989 году были открыты архивы НКВД и я еще раз взглянул на “Безбожник”, я не поверил своим глазам. Я не обращал внимания на ругань, ее там всегда было полно. Я не поверил в статьи, научным образом доказывающие, что Иисус Христос являлся проходимцем и обманщиком – и это были статьи, написанные уважаемыми академическими учеными. Невиданное преступление! И вот эти люди часами говорили с Кацо, читали ему статьи. Но остались так же безуспешны. Кацо вновь и вновь закрывали в холодной. Каким-то невообразимым образом, но каждый раз ему удавалось раздобыть запрещенную книгу, и он снова принимался ее читать.

– *Хозяин кормит рабов, чтоб раб мог кормить хозяина.* Я помню, что Михаил Дмитриевич сказал так: – *Но этот Кацо необычайно бесстрашный раб.*

– Как по мне, то я думал, что то, как он себя вел, было глупо. Быть так наказанным просто тебе за здорово живешь – ради чего? Стоило ли идти на такое ради сборника заплесневелых легенд? Как раз в это время мы слышали, как где-то кричат. Несколько раз было повторено слово “строить”. “Построенными” на гулаговском жаргоне называли новоприбывших из других лагерей и тюрем. Это было значительным разнообразием в

⁵³ Безбожник. – *Примеч. пер.*

нашей однообразной лагерной жизни. Была возможность встретить среди них старых друзей, родственников, вы понимаете? Пусть даже не друзья, но среди них могли оказаться те, кто общих друзей знали. В гулагах, откуда они прибыли, могли знать тех, кто знал наших друзей.

Он поднялся и снова налил себе чаю, раз уж наш приезд к нему совпал с днями, когда врачи запретили ему употреблять спиртное, он, будто в отместку, остервенело опрокидывал в себя один за другим чай из маленьких стеклянных стаканчиков.

– В гулагах быстро темнеет. Высыпающиеся одна за другой на крытую досками поверхность плаца, который мы называли “проверочным”, ходячие тени тут же замирали, качаясь на ветру. Но им предстояло еще бежать и найти себе по вагонке, чтоб спать. *Вагонкой* мы называли двухместные деревянные нары. Опоздавший и не успевший занять вагонку все оставшееся время в лагере – пускай пять, десять или даже двадцать лет?! – таскался из барака в барак и пытался уснуть на освободившихся нарах ушедших на рудники. Мы, старые заключенные, поспешили на плац в надежде узнать что-то новое, но поскольку новоприбывшие уже разбежались по баракам, проверочный плац практически опустел. Мы уже собирались было вернуться на свои места, как снова услышали шум. Кто-то о чем-то умолял, а вертухаи отвечали ему матом. Вдруг открылись центральные входные двери лагеря, и в проходе показался человек в серой зековской фуфайке, валенках и странного вида домашней вязки шапке. Он хватался за край двери и упирался, чтобы не входить. Надзиратели же пинками и побоями загоняли заключенного внутрь. Он упирался изо всех сил. Наконец, когда с последним ударом он покатился на землю, дверь за его спиной тут же закрылась. Новоприбывший некоторое время оставался на земле, там, где и упал. Затем он стал на колени. Понемногу поднялся, выпрямился и, подошедши к стене дежурной будки, оперся на нее спиной. Лицо его было совершенно пожелтевшим. Когда он поднял руки, словно обнимая самого себя, наши с ним глаза встретились. Михаил Дмитриевич узнал этого мужчину!

– Боже мой, Господи, это Полковник! – воскликнул он. – Боже милосердный, вот ироды! Довели человека, конец ему тут, помрет ведь как пес какой!

Мужчина так и стоял, как будто приклеенный к стене сторожевой будки. Казалось, что он не в состоянии даже пошевелиться.

– Я не знал, почему его называли Полковником. Может, это было его воинское звание, а может, и прозвище, данное в лагере. В гугаге, из которого его перевели, он был объявлен вне закона. КГБ подсаживало в каждый лагерь профессиональных уголовников, вы понимаете, не так ли? Обязанностью этих профессиональных уголовников было издеваться над политическими, а при необходимости и убирать их. Выяснилось, что двое из таких уголовников спрятались в грузовике с углем, но когда они пытались бежать, Полковник их выдал. Они спрятались в грузовике, а их товарищи, чтобы отвлечь внимание охраны, затеяли ссору. Когда грузовик приблизился ко входу, Полковник закричал: “Гадюки проклятые, а ну-ка вылезайте из своей норы, вас все равно поймают, а из-за вас всему лагерю не поздоровится!”

Он был прав, но вместе с тем это обстоятельство закрепило за ним тавро предателя. Скорее всего, он умолял не переводить его в другой лагерь, потому что у него не было *чистого листа*. Осужденные, у которых не было *чистого листа*, могли встретить в лагере, куда их переводили, приятелей тех, кого они выдали на прежнем месте, и уж те их не оставляли в покое. В то же время, останься он в старом лагере, жизнь его оставалась бы в безопасности, так как стоило беглецам один раз быть раскрытыми, как они переставали представлять ценность для КГБ, это давало прореху в их защищенности. Беззащитные же шайки блатных опасными быть переставали. Полковник знал, что встретится здесь у нас со своими врагами, и старался поэтому не отходить от будки охраны. Но наступила темень. Когда спускается темень, молочный туман начинает есть поедом человека до селезенок. С каждым часом тело теряет какую-то часть тепла. Поскольку я был сравнительно новым в лагере, то с ужасом взирал на мужчину, который не мог устоять на своем месте.

Весь мир его был вот этим ледяным коридором, длиной в эти шесть шагов и шириной в шаг; за спиною у него была лишь бревенчатая стена сторожевой будки, замерзшая, как скала. Вне этого коридора его ждала ненависть, которая никогда не прощала. Мне казалось, что он уже давно искупил свою вину, разве не так? Михаил Дмитриевич сказал: “Никогда!” Затем произнес что-то из Евангелия об уничтожении тела во имя спасения души, так же наблюдая за мужчиной.

Он остановился и устремил свой взгляд на Алексия:

– До меня только много лет спустя дошло, что сказал в тот день отец, – сказал он, будто говоря сам с собой. – Это было из святого Петра. Вы знаете, лагерные ворота очень широки при входе, но очень узки на выходе. Молочный туман, казалось, вот-вот поглотит несчастного. Я дрожал.

Я спросил у Михаила Дмитриевича:

– ЧТО с ним сделают?

– Схватят, поднимут за руки, за ноги, придавят к земле, – отвечал он. – Есть мастера, переламинающие человеку хребет одним ударом.ломают ему позвоночник и поминай их как звали. Бросят его умирать. Никто и стакан воды не подаст.

Я, окаменев, слушала. Краем глаза взглянула на Алексия, на лице его не было и малейшего намека на то, что он ощущает. Пожилой Тулеев продолжал:

– Мы называли таких гаттаз, то есть стукач. Стукачей не жалел никто. Тех же, кто жалел стукачей, самих объявляли вне закона. Я помню, как сказал Михаилу Дмитриевичу: “Да тут никому ничего и делать не нужно. Мороз сам сделает свое дело. Этой ночью температура упадет до пятидесяти”. В ту ночь буран до самого утра заставлял дрожать стены барачков. Но утром Полковник еще жил. Он разорвал по прорехе для глаз в своей шерстяной шапке и надел ее как маску. С того места, где было положено быть рту, свисали ледяные сосульки. Время от времени он прислонялся к стене сторожевой будки, но мороз вынуждал его двигаться.

Часами он цеплялся за безлюдный мир. В какой-то момент двери сторожевой будки распахнулись, и на пороге в клубах валящего наружу, словно из локомотива, пара показался крас-

нощек молодой офицер, в руке у него была краюха хлеба, которую он жевал. Хлеб был черствый. Крошки упали ему на шинель, а оттуда на землю. Полковник бросился на колени и попытался собрать крошки. Но у него ничего не вышло, от мороза руки его задубели и перестали слушаться. Он растянулся на земле и стал собирать языком. Когда он поднялся, на губах у него я увидел кровь.

На вторую ночь стало еще холоднее. Я не смог заснуть, несмотря на то, что забрался клубком под лагерное одеяло, не снимая одежды. Но утром Полковник еще был на месте и еще ходил. Говорили, что дежурные позволили ему провести эту ночь в будке. Может быть, и так. К обеду он перестал ходить, прислонился к стене и стал покачиваться. То и дело он менял ногу, опираясь то на одну, то на другую.

– Вдруг двери сторожки отворились, из вырывающихся клубов пара вышли двое вертухаев и направились к холодной клетке. Железные двери отворились, это закончился срок наказания Кацо. Но Кацо уснул и не мог выйти наружу. Военные вошли внутрь, и через какое-то время Кацо показался промеж них. Ноги его не слушались. Сначала он держался на ногах при помощи охранников, затем те оставили его, и он самостоятельно сделал несколько шагов. Уже направляясь к бараку, он заметил Полковника. Запнувшись на какое-то время, он развернулся в сторону кухни. Там взял свою похлебку и несколько ложек овсяной каши. Поблагодарил тех, кто освободил ему место сесть, снова вышел во двор. Еле волоча за собой ноги и стараясь не расплескать варево, он прошел на проверочный плац и направился к Полковнику. Приблизив вплотную миску к отверстию со свисающими сосульками подле рта Полковника в надетой на лицо маске, он всучил в его превратившиеся в камень от мороза руки кашу.

– Кацо вернулся на кухню с пустыми мисками в руке, никто из нас не промолвил ему ни слова. Через час Полковник уехал. Начальник лагеря, сам недавно прибывший в Воркутлаг военный в отставке, отправил его в другое место. Но сейчас Кацо оказался вне закона; часы его были сочтены.

Когда я ходил наведываться к нему, он всегда сидел согнувшись в три погибели на своем месте, на верхнем этаже вагонки, пригнув голову, чтобы защититься от свисающих с почерневшего от сажи потолка барака сосулук, и читал Библию. Страницы книги, путешествующей из лагеря в лагерь, рассыпались, на место отсутствующих в нее были добавлены исписанные от руки мельчайшим почерком.

Прошел день, с Кацо ничего не случилось. Прошло два дня, а он по-прежнему был на месте. Поползли слухи, что уголовники Кацо не тронут. Наши беседы с Михаилом Дмитриевичем продолжались. Я по-прежнему восхищался его эрудицией и глубиной знания, но вынужден признать, что после случая с Полковником что-то будто сломалось. Батюшка как просвещенный интеллигент продолжал находить отклик в моем уме, но не в моем сердце. Это продолжалось какое-то время. Затем в какой-то день я обнаружил себя торчащим перед Кацо и просящим: Кацо, можно попросить у тебя книгу взаймы? На один-два дня? Хорошо?

Фраза Тулеева о батюшке Михаиле Дмитриевиче была точной квинтэссенцией моих ощущений по отношению к госпоже Зеленской. Матушка Алексия находила отклик в моем уме, но не в моем сердце. Я ее понимала, но она мне не нравилась.

– Я не могу согласиться с тем, чтобы люди недооценивали собственную жизнь, мадам. По-моему, уже путешествия Михаила Дмитриевича в Сыктывкар с Соловецких островов из-за послания Петровика достаточно, чтобы поставить ему памятник. Не говоря уже о том, что очень молодым он потерял ногу, уже обморожение само по себе является травмой. Я сама переживала такое, поэтому знаю.

Когда температура тела у вас падает ниже тридцати градусов, вы впадаете в кому. Сначала у вас поднимается давление, ускоряется метаболизм, вас начинает трясти; это значит, что ваша температура упала ниже тридцати шести. Стучащие от озноба зубы являются признаком падения температуры до тридцати пяти. У вас все болит, вы ощущаете ужасную усталость, у вас все валится из рук. При тридцати четырех градусах вам становится

трудно говорить. За этим следует потеря памяти. Вы не можете собраться с мыслями и становитесь неспособны думать. За этим идет потеря чувства пространства. Вы ощущаете холод в глубинах нутра и отключаетесь. Холод препятствует потреблению организмом кислорода, вы начинаете хватать воздух так, будто бы задыхаетесь, сердце ваше бьется, как будто вот-вот выскочит наружу. При тридцати трех градусах дрожание уменьшается, мышцы окаменевают и начинаются непроизвольные движения. Вы не можете удержаться на своем месте; ваши руки и ноги движутся независимо от вас. У вас происходит неосознанное мочеиспускание. На этой стадии начинаются также галлюцинации. Вы перестаете осознавать, кто вы. При тридцати двух градусах тело может потреблять только семьдесят процентов требуемого кислорода, что является причиной полного коллапса организма. Разум полностью утрачивает свои функции. Затем дрожание уменьшается. Когда оно прекратится полностью, ваши зрачки становятся в два раза больше обычного, кожа приобретает синюшный оттенок, и вы впадаете в сон. При тридцати одном градусе поджелудочная железа останавливает производство инсулина, происходит практически окончательная утрата сознания. Последним усилием вы стараетесь раздеться, сбросить с себя одежду. Но это очень кратковременное усилие, потому что объем потребления кислорода телом снижен наполовину. При тридцати градусах исчезают ваши рефлексы. Вы перестаете реагировать на чувство боли. Начинаются внутренние кровотечения. Кровообращение мозга уменьшается до одной трети, пульс и давление падает ниже половины обычного. Когда температура падает до двадцати трех градусов, вы впадаете в кому. Мозговые волны умолкают. Сердце ударяет в последний раз и останавливается. На этой стадии температура тела девять градусов.

До этой стадии я не доходила. Но галлюцинации видела. Я увидела, что нахожусь рядом с Айтунчем. Мы были в разогретой комнате, из окна которой виднелись бескрайние фракийские поля подсолнечника. На Айтунче было только нижнее белье. В двери будто стучали кулаками, выходило, что нас застала его жена. У меня звенело до боли в ушах, я чувствовала, как, оказав-

шись меж удушающим жаром комнаты и растекающимся по жилам холодным азотом, покрываюсь испариной тягучего страха, и мой пот в тот же миг превращается в мелкие льдинки. У меня бешено колотилось сердце, которое, как я понимала, находилось где-то в самой середине груди, в глазах чернело, и при всем этом я с какой-то стороны ощущала жгучую ненависть к Айтунчу, о котором я думала, что он находится в Измите, в безопасности со своей семьей. Так как я считала, что скучаю по нему, и думала, что это естественно посреди этого безлюдного пространства, мне и не могла прийти в голову гипотермия, я не могла представить себе, что галлюцинирую.

Забавно, что та ненависть не ушла с уходом галлюцинаций, когда я пришла в себя. Когда я увидела жизнь, уготованную людям русской глубиной, и чуть не сошла с ума, она, эта ненависть, только возросла. Подобное транжирство жизни, что сама по себе является чудом, такое пренебрежение нею заставило меня устыдиться того, что я называюсь человеком. Представьте себе, на протяжении веков, поколение за поколением люди вместе старались противостоять необъяснимым, аморальным, провинциальным и враждебным условиям всех этих длинных, темных и жестоких сибирских зим, на которые они были обречены; люди были бальзамом на раны друг другу. Но нет же, они употребляют силу своего разума на то, чтоб улучшить свои успехи в переламывании одним ударом хребта таким, как Полковник. И будто те, кто ответственен за все это, так же, как Айтунч, вошли в соглашательство со смертью, впитав в себя сознание своего *ничтожества*.

С одной стороны – мираж, с другой – самоотдача и *hakikat* – *правда*. Если Айтунч был *правдой*, то в бескрайних, безбрежных просторах того пространства, что называлось Колчедан, от него не осталось и следа! Так не осталось, что я обнаружила, что вся разница между ним и моей покойной мамой состояла в неясной и смутной надежде снова увидеть упомянутого первым. Здесь, в этой призрачной стране, я поняла, что Айтунч, за которого какое-то время я была готова отдать жизнь, состоял из желания, лишь только моего *желания*.

В отношении моего желания Айтунч мог быть таким же мертвым, как и моя мама, или как мама, живым, либо наоборот, моя покойная мама могла быть такой же живой, как Айтунч, или как он мертвой. Если посмотреть на это, то и я была такой же, в состоянии почти потери сознания от холода: мертва настолько, насколько они оба, и настолько, насколько оба, жива. Когда я смотрела на проблему с точки зрения Айтунча, то какая могла быть разница между моим пребыванием в России и пребыванием в мире потустороннем? Смерть – чужбина, чужбина – смерть.

Когда я смотрела на госпожу Зеленскую, то еще раз должна была признать, что во мне будили глубокое неприятие те люди, которые не видят никаких препятствий к тому, чтобы брать все причитающееся от жизни, не вступающие в противоречие с существованием.

Как мне пришло в голову, не знаю. В Новом Завете есть письмо, написанное апостолом Павлом к Коринфянам, Первое Письмо. Оно пришло мне в голову.

“Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я

познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше”⁵⁴.

– Ошибаетесь, Оксана Дмитриевна, – сказала я. – Очень большое значение имеет то, где и как умер Михаил Дмитриевич.

Я не повышала голоса, в голосе моем даже не было волнения, но это не смогло воспрепятствовать удивленному поднятию бровей госпожи Зеленской.

– Алексей говорил: “Наша история есть не упорядоченное эволюционное накопление одного на другое наших достижений, но история неожиданных взрывов. На Руси посреди неожиданных предательств любовь, совершенство, моральность – как время от времени вспыхивающие над снежными пустынями громадные костры. Но когда мы будто начинаем чувствовать, что головой вот-вот достигнем неба, то в это время нас на Руси охватывает страх. Мы покидаем себя, чтоб упасть и низвергнуться, и становимся, будто вовсе и не возвышались. Итак, позади самых сокрушительных наших побед остаются руины, ответственность за которые возлагаем мы на свою судьбу”... Отец Михаил Дмитриевич и есть один из тех костров, о которых Алексей говорил, что они полыхают над снежными пустынями. Может быть, он самый святой, потому что является человеком, что, как пророк, ценою жизни записал ту рукопись, способную изменить судьбу миллионов христиан. Я хотела бы, чтобы он не гнил в далеком лесном уголке, но пылал, как вулкан, в вечности. Я не могу смириться с его попранием.

Она плюхнулась в бержерку Солженицына, будто подкошенная.

– So! Значит, человек – пророк, способный изменить судьбы миллионов христиан! Милая барышня, да Миша даже не был христианином! Он не верил в то, что Иисус был единокровным сыном Господним! О чем Вы говорите?!

– Я говорю о рукописи. О рукописи Гринько.

⁵⁴ В переводе использован текст русского перевода главы 13 Нового Завета Первого послания к Коринфянам святого апостола Павла, http://www.days.ru/-bible/B_1_kor13.htm – *Примеч. пер.*

ПОСЛЕДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ КО ХРИСТУ

Я хочу предупредить читателя, готовящегося читать этот текст, что наш роман – не для ушей тех рядовых мусульман, центр существования которых зиждется на заботах насущных. Этот роман также не для ушей тех рядовых христиан, во главу существования которых поставлены ничем не замутненная вера в Иисуса Христа и его учение. Он не должен попасть в руки тех добронравных читателей, кому не принесет он пользы и для кого он не предназначен.

Особенно хочу заметить, что мной и подавно не владеет желание подобно тому, чтобы вмешиваться в духовные пути христиан, кто сам избрал путь к вечной жизни. У меня нет намерения оскорблять личность либо образ Иисуса, которого я также воспринимаю как Спасителя. У меня нет и не может быть намерения клеймить церковных деятелей русской православной, римо-католической либо какой-либо иной из христианских церквей.

Несмотря на ошибочность целого ряда догм, свойственных человеческой природе, христианству как институции, пусть и до какой-то меры, но удалось возвысить добродетели и образ Христа. Благодаря этому стало возможным продолжение духовной жизни миллионов людей, существование распространивших свое влияние на все стороны света христианских церквей, и, самое главное, живущий в сердцах верующих Иисус. Существование христианства как институции обеспечили верующие в Иисуса безусловной верою праведники. В прогресс человечества вложили свою неопределимую лепту бесчисленное множество тех малых и великих мужей церкви, кто своею жизнью отразил величие Иисуса Христа. Поэтому, если выглядит так, будто я этой рукописью набрасываюсь на христианство с русским топором, то делаю это лишь для свойственных человеческой природе догм, созданных с целью встретить и вместить бесчисленное множество древних религиозных движений, школ и сообществ, хранящих учение, известное только в первые пятьсот лет как христианская мистика и которое я назвал ба истинным христианством.

Ни одно из содержащихся в этой рукописи слов не записано против священных книг Христа либо истинных учений, содержащихся в других древнейших текстах. Если же я и предпочел почитать Иисуса не как Бога, но как Господа, показывающего человечеству пример, как божественную эманацию, то, надеюсь, за это покаран не буду. Самой главной темой этого текста является положение о том, что сын человеческий есть сознанием Христа и что это сознание, являющееся божественной искрой, которая может быть обращена в пламя, способное сравниться с горением Иисуса. Вместе с тем, эти и другие знания, касающиеся тайн зла, были в силу тех же свойственных человеческой природе догм сокрыты.

Я был рожден русским православным и хорошо помню, как особенно в двадцатые годы находил духовный восторг, который находил в церкви. Позднее, и прежде всего после тридцатых годов, я начал ощущать, что в христианстве, которому обучают в церкви, чего-то не хватает. Так я отправился на поиск вечных истин, имманентно содержащихся во всех других религиях, и обнаружил, что эти истины в то же время присутствуют в христианстве. Это были истины касаясь того, что, скажем, душа является изначально данной, возможно второе рождение после смерти, и не только Иисус, но и все мы по природе своей являемся потомством Божьим, и каждый из нас может стать таким, как Христос. Я увидел, что первые христианские мистики думали так же, однако их учения были провозглашены православной церковью как хула и придушены либо запрещены. До меня также дошло, что целый ряд фактов, касающихся жизни Христа, был сокрыт. И после десятилетних изучений и исследований я принял решение написать данный текст и изложить историю первых четырехсот лет христианства.

Если тот, кто найдет данный текст, окажется христианином, я не хотел бы, чтобы он отступал от веры или наоборот в нее обращался. Если он находит для себя достаточную духовную традицию христианства, в какие бы догмы он ни веровал, покуда будут у него истинными вера его и любовь ко Христу, дотоле я бы хотел, чтобы он знал, что истинной является и Христова к нему любовь.

Целью моей является не отвращать христиан от их веры, но показать, что избранная ими религия гораздо глубже, чем можно бы было предположить, и обладает гораздо большим ожидаемого количеством тайн и чудес. Кроме того, я придерживаюсь того взгляда, что отношения Учитель – ученик между христианином и Господом, а также их глубоко сердечная любовь есть связью священной и сокровенной и может длиться вечно даже без создания какой-либо стройной системы верований. Поэтому ежели в самой сути христианства лежит такая священная связь, то мои слова о пустых суеверных догмах касаясь природы человеческой, Господа и Христа не должны плохо повлиять на эту священную связь и на духовную жизнь верующих.

Однако если есть те, кто не стыдится искать той правды, что стоит за всеми догмами и доктринами, достигать неизведанных высот и раскрывать тайны Космоса, то непременно найдутся те другие христиане, что добром воспримут эту рукопись. Как и многие другие, я тоже не ушел дальше поверхностности. Однако несмотря на это заверяю вас, что несомненно стоит собирать тайны Сердца Христова, ибо именно там содержатся тайны бесконечной любви.

В таком случае в христианстве существуют позитивные положения, которые не в силах изменить все мною написанное: если любовь между Иисусом и его учениками не задохнется в волнительном избытке чувств, то в атмосфере радости сердца, – которое есть духовное средоточие любви в человеке, – она может расти и превратиться в божественную любовь. Иисус учил своих учеников: “Вы – светоч мира. Вы – соль его”. Соль мира рассыпана по всем сторонам его. Это дрожжи, на которых всходит самое лучшее в христианстве и иных религиях, и которые побеждают те ошибочные догмы, действия и тех, кто их производит, дабы совратить людей с праведного пути.

Я предлагаю вашему вниманию эту рукопись с чувством долга, обязывающего меня возблагодарить за то добро и свет в сердцах христиан во всем мире и христианских священников и пройти с ними сколько возможно этот путь. Когда же придем мы к пропасти, которую вместе не сможем преодолеть, то я скло-

нюсь пред Иисусом и Тем Святым, кто присутствует в их сердцах, и вознесу мои молитвы, дабы они обрели бесконечный Свет.

С любовью к Христу,
Священник Михаил Дмитриевич Гринько

Данная рукопись рассказывает в свете тибетских записей Николая Нотовича, а также индийских и мусульманских документов, поведавших в деталях о том, как Иисус гостил в этом бренном мире и как Он в зрелые годы посетил Кашмир; об утраченных годах Спасителя меж 13 и 30 годами, а также о Его путешествиях в Индию и Тибет и сокрытых от нас годах после Воскресения Господня. Она исследует источники, демонстрирующие, что он был специалистом в учениях, проповедуемых как индусами, так и другими народами, о том спорном вопросе, удалось ли Ему спастись с Крестного Распятия. Она устанавливает схожесть и связь между теми бесчисленными *сакральными текстами*, некоторые из которых были уничтожены, о некоторых предпочли забыть, не включенных в круг христианского богословия и древних религий, с указанием на существование в Новом Завете великого множества чудесных сил, которые могут быть истолкованы вне рамок, очерченных православием.

Она рассказывает о том, как истинному христианству, в сути своей разнообразному и сокровенному, придают иной дух и смысл посредством узко мыслимых доктрин, которые проповедует фанатичное якобы – духовенство. И если эта рукопись что-либо и разрушит, то разрушит она занявшую место в Четверокнижии легенду о том, что Иисус был Богом, о том, что Он умер за наши грехи, а тело Его воскресло в последний день. Все, что относилось к истинному христианству, было просеяно по своему усмотрению с целью ликвидировать свободу веры, сделать возможным воцарение религиозной власти в соединении с силой государства, и переписано в Четверокнижии заново.

Тот, кто обнаружит данную рукопись, поразится существованию такой вещи, как *христианский заговор*. Слово *заговор* я употребляю, обозначая – осознанные или неосознанные – кол-

лективные действия или поведение лиц, именуемых заговорщиками, с целью устранить или разрушить отличные от их собственных мнения.

Начиная с первого столетия православные, верившие, что именно они несут истинно правильные постулаты христианской веры, ощутили, что на них возложено бремя пересмотреть заново не гарантировавшие свободу мысли, и что еще более важно, не позволявшие человеку искать Господа ему ведомым путем доктрины наиболее старых христианских конфессий и сект и привести эти верования в систему. Лидеры православного христианства за короткое время стали контролировать и реформировать сознание. Исходя из положения, что они представляют чистый и незамутненный источник христианской веры, они со временем посредством огромных томов и церковных соборов развили псевдотеологию, занявшую место истинной веры. Вместе с тем, учения *утраченного христианства* являлись ключами к духовному развитию и новому расцвету человеческого племени; благодаря этим ключам человечество в равной мере могло бы разделить разум Иисуса. В то же время эти ключи являлись ключами к Божьему Царству; это были ключи сознания Иисуса, в котором находилось место всем – мужчинам, женщинам и детям.

Никто из тех, кто исповедовал эти учения, не мог быть подконтролен, никто не мог быть утрачен в массовом сознании, но каждый на Земном Шаре, каждый подобно Иисусу, шел по земле, умея отличить добро от зла, и получал ключи и право повелевать *адом и смертью*.

Как раз самое время спросить, зачем было кому-то останавливать это великолепное возрождение? Ответ на данный вопрос лежит в Спасительстве Иисуса и Творении Им добра. Его целью являлось спасти человечество от бремени чувства смертности и ограниченности, вытолкнуть его в новую жизнь, положить начало новому просвещению и эпохе мира. Иисус говорил, что Господь был Его отцом, что Он был всесилен на земле и на небе, а ученики Его будут наблюдать Его второе рождение. Этим своим поведением он вызвал гнев и ненависть Церкви и Государства. Его быстро осудили и казнили смертной казнью. По-

чему? Да потому, что Он составлял серьезную угрозу находящимся у власти. Они знали, что учения Иисуса отнимут у них власть из рук. Они знали, что окажутся бессильны. Иисус видел их насквозь и говорил: “Вы из отродия чертова”, и понимал, что в каждом народе, каждом человеческом племени найдутся змеи, угнетающие разум и душу человеческую.

Те, кто готовил догмы православия, были чрезвычайно внимательны к тому, чтобы лишить адептов веры знания о том, что в каждом человеке содержится искра Божия, каковая и делает его божественным. Они сокрыли также знание о зле и его причинах. Я надеюсь, что нашедшие эту рукопись христиане и последователи Иисуса в дальнейшем не позволят избранным власть предержащим церкви попрасть права своих сыновей и дочерей, сами станут разыскивать истинные и оригинальные тексты христианства и примутся сами изучать их с чистым разумом и сердцем.

Кроме текстов от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, есть еще сотни Евангелий, утерянных Евангелий, короткий список которых я и привожу в конце текста.

Я надеюсь, что, прочтя эту рукопись, адепты веры устремятся на поиски этих книг. Опять-таки, мы не пребываем в крошечной тьме незнания; в нашем распоряжении находится древняя тибетская буддистская рукопись, которую русский монах Николай Нотович нашел в Химисском монастыре в городе Ладакх в Тибете. В этой рукописи, которую Нотович перевел в 1894 году, рассказывается о том, как Иисус в годы, известные как *утраченные годы*, пришел в Индию и Пакистан. Есть еще два свидетеля, видевших рукопись: Свами Абеденанда и Николай Рерих. Они тоже клянутся, что рукопись истинная.

В Химисской рукописи Иисус упоминается как Исса. Когда ему было тринадцать лет, он тайно ушел из дому и, пристав к каравану, покинул Святую Землю. Намерением Его было отправиться на Восток с целью самосовершенствования в знании Священного Богословия, исследовать законы Великих Будд. Когда Он прошел район Синд на юго-востоке Пакистана, ему было четырнадцать лет. Там Его принимали ариане, живущие в долине Инда. Говорят, что ариане очень полюбили Иссу и про-

силы Его остаться с ними, однако Он отправился к монахам-брахманам в Юггернауте, пожелал прочесть и изучить веды. Монахи встретили Его с воодушевлением и обучили излечивать болезни и изгонять дьявола из душ человеческих.

Наш Господь оставался шесть лет в Юггернауте, Райягрихе, Бенаресе и других святых городах. Военная каста, известная как брамины и кшатрии, показывали Священные свитки касте Вайшья, состоявшей из помещиков и купцов, раз в году, касте же Шудра, которую образовывали крестьяне и чернорабочие, не показывали вовсе. Однако Иисус не послушал их и стал показывать Священные Тексты и нижним кастам. В своих проповедях Он говорил о том, что брахманы и кшатрии совершают грех, сокрывая правду от низших каст. На это монахи устроили западню, чтобы убить Его. Но Шудры, получившие известие о готовящемся убийстве, похитили в ту ночь Иисуса. Они переправили Его на юг Непала, в место, где у подножья Гималаев пятьсот лет тому назад родился вождь рода Шакья, которому впоследствии суждено было принять имя Гаутама и стать великим Буддой Шакьямуни.

Иисус также оставался там на протяжении шести лет. А после того, как Он стал *блестящим толкователем Священных скрижалей*, покинул Гималаи и отправился на Запад, в Палестину.

Иисус, описанный Химисским свитком, – это не Бог в человеческом обличье, но небытие в этом мире на стези Господа. Это понимание Иисуса в корне отлично от представленного нам православными. Те, кто записал это Послание, говорят, что Иисус в это время был Великим Буддой, обретшим телесное воплощение в новорожденном дитяти. В восточных религиях рождение Будды в новом теле не является невидалью. Так же, как это было в древние века, Он может возродиться и впредь. В таком случае, судя по этим надписям, об Иисусе следует думать не как о едином сыне Божьем, а как о едином в те годы Сыне и одном из звеньев божественных перерождений.

Как нам стало известно, Химисские свитки все еще пребывают в руках римо-католической церкви. В библиотеке Ватикана имеются шестьдесят три скрижали, написанные на различных восточных языках, причем некоторые из них неполные. Эти

тексты были привезены в Рим миссионерами, возвращавшимися из Индии, Китая, Египта и Аравии.

О жизни Иисуса известно Папе. Однако римо-католическая церковь не разделила эти знания со своей паствой и сторонниками церкви, которых она называла *чернь*. Во втором веке апологеты Церкви приняли решение о том, что ни одна из старых религий не произошла от Единого Господа; что религия, которую они называли христианской, и регламентацией которой и занимались, собственно не имела в своем прошлом никаких взаимосвязей со старыми верованиями, за исключением Ветхого Завета; что все основатели предшествующих христианству религий либо жестоко обманулись, либо стали жертвой дьявольской игры.

Хотя, согласно Тибетским свиткам, лично сам Христос изучил все индийские и иранские тексты, поселился среди бедных и заклеил духовенство, замкнувшееся в башне из слоновой кости. То самое духовенство, что положило начало догмам, именуемым православным христианством.

Причину, по которой римская церковь скрыла шестьдесят три свитка, рассказывающие о путешествии на Восток Христа, мы можем увидеть снова-таки в Тибетских текстах. Согласно их содержанию, цель Христа состояла в том, чтобы показать человечеству, что возможно слиться с Тем, Кто есть Свет, и достичь бесконечного блаженства; а также, высвобождая душу человека от праны, в которой она томится в этом брэнном мире, указать ей примером, как может Человек достичь безупречного духовного совершенства, необходимого для того, чтобы войти в Царство Божье, и это неподменное Царство Божье, есть царствием правителя Вечности.

Как поймет читатель этой рукописи, в Химисских свитках акцент сделан не на том, что Божественная сущность присуща исключительно Христу, а на том, что и человек обладает потенциалом святости.

Христос возвестил, что “Великий Творец в ответе за чудо сотворения Человека, в которого вдохнул Он часть Своего существа: “Часть души Всевышнего живет в Человеке. Человек не грешен по рождению, ибо несет Он искру Божью”.

Эй, мои братья, с которыми разделил я любовь Христову! Тексты, которые я видел своими глазами, доказывают, что на Востоке причинно-следственным отношениям, известным как кармические законы, обучал тот же Христос. Согласно двадцать третьему стиху пятой главы Химисских свитков, “Те, кто обрек братия свои быть лишенными блаженства, сами они этого блаженства лишатся. Касты брахманов и кшатрий станут шудрами, так бесконечно шудрами и останутся”.

Христос учил: “Вы достигнете вечного блаженства не только путем самоочищения, но и указывая другим путь, каким заново обретут они то совершенство, что заложено в их творении”. Христос говорил нам не о *первородном грехе*, как учили православные, а о *врожденном совершенстве*. Что же касается Иблиса⁵⁵, то “душа зла живет в сердцах тех, кто совращает на земле с праведного пути чад Божьих”.

Здесь нам известно, что эти слова Он произнес, обращаясь к Фарисеям, по возвращении из Палестины, говоря о монахах-огнепоклонниках. Таким образом Он предупреждал Иудеев против рукотворных кумиров.

“Войдите в святилище, что находится в Ваших собственных сердцах. Осветите Его прекрасными мыслями, долготерпением и непоколебимым доверием к Отцу Вашему. Ибо Господь сотворил Вас по образу и подобию Своему, невинными, с душами чистыми и сердцами, исполненными добродетели; сердца Ваши были созданы не для того, чтоб очистить их от скверны, но чтоб служить прибежищем любви и справедливости. Поэтому говорю Я вам, не позволяйте очернить Ваши сердца, ибо в них обитает Всевышний”.

Эй, те, кто читает эту рукопись, братия, с кем разделил я любовь ко Христу! Православные не поведали вам о том, что сердце Христа было обителью Всевышнего, не сказали об изначальном совершенстве человека. Вместе с тем, это – два важнейших постулата Утраченного христианства. И ежели эти тибетские свитки – это истинные тексты, оставленные учениками

⁵⁵ Дьявол в мусульманской религии. – *Примеч. лит. ред.*

Христа, то несложно понять, почему их скрывали. Ибо ни один из христиан, в чьем сердце живет Всевышний, никогда бы не передал своих полномочий духовенству, называющему человека грешником. Подумайте только: почему православная церковь закрывает глаза на слова Павла к Коринфянам: “Разве не знаете вы, что Вы есть святилищем Господа, и Дух Святой живет в вас самих?” Почему Моисей, обвиняя Иудеев в том, что они оставили свою истинную сущность, предупреждает: “Я говорил вам, что вы – Боги. И все вы есть дети Всевышнего. Однако вам суждено умереть, как людям, и быть низвергнутым, как князья”.

Эй, те, кто верует в Христа! Тибетские свитки содержат адресованное нам учение Христа, касающееся женщин. Это учение также было от нас сокрыто. В главе 12 написано, что Иисус говорил: “Оказывайте почитание женщине, потому что она есть мать всей вселенной, и истина божественного творения – в ней. Она – основа всего доброго и прекрасного, она же – засев жизни и смерти. Существование мужчины зависит от нее, в ней же – его физическая и моральная поддержка. Она рождает вас в муках. Растит, проливая семь потов, и до самой смерти вы причиняете ей самые тяжелые терзания. Боготворите же и молитесь на нее, ибо она – единственный ваш друг, и единственная ваша в этом мире опора. Почитайте же ее и возвышайте, – и так завоюете ее любовь, ее сердце. Так будет вам одобрение Господа, и будет прощено большинство грехов. Так же любите и уважайте жен ваших, ибо они завтра станут матерями и предводительницами рода. Будьте понимающими с женщинами, ибо их любовь облагораживает мужчину и превращает в смиренного агнца. Супруга и мать – вот неоценимые дары, данные вам Господом. Прекраснейшее украшение бытия – она рождает всех обитателей земли. Так же, как Господь Бог отделяет свет от тьмы, так же женщины обладают божественной способностью отделять добрые от злых намерений. Поэтому говорю я вам, что самыми добрыми вашими мыслями после Господа должны быть ваши мысли о женщинах и женах ваших, ибо женщина – святилище, в котором вы наиболее легко обретете божественную благодать. Так отдайтесь же всецело этой благодати, в которой позабудете

вы все ваши беды и неудачи, и заново обретете утраченную энергию, нужную, чтоб оказать помощь ближнему. Не позволяйте унижать ее. Если допустите это – унижитесь сами и утратите любовь, без которой в этом мире не сможете постичь ничего. Берегите вашу женщину, чтоб и она хранила вас и вашу семью. Все, что вы сделаете для вашей жены, вашей матери, любой женщины, будь то вдова или кто другой, вы сделаете во имя Господа”.

Иисус учил отождествлять женщин с Праматерью Вселенной и *давать им освобождение*. Учение Христа в этих текстах совершенно и полностью противоречит Отцам Церкви, кто, подобно Тертуллиану, Августину, Иерониму, Епифанию, полагал женщину от рождения вместилищем зла и порока. Согласно Химисским монастырским свиткам моего друга Свами Абедананды, в главе 4-й говорится: “Всевышний Отец всего сущего на земле в человеческом облике захотел указать на свое милосердие к грешникам. И это телесное воплощение было осуществлено в иной дух, нежели Дух Святой, Бескрайний и Вечный.

Цель явления Господа – показать, как этот дух может воссоединиться с Богом и достигать вечного блаженства”.

Эй, братья мои по вере, тибетские свитки гораздо более стары, нежели Новый Завет. Предназначением Христа было показать, как можно обрести Господа и достигнуть вечного блаженства. Не существует ничего подобного искуплению врожденного греха, как рассказывала нам православная церковь. Другой русский монах и художник Николай Рерих изучал предания о жизни Иисуса на Тибете. В них мы видим, что Иисусом было сказано: “я явился указать на то, что дано человеку. То, что сотворил я, может сотворить каждый смертный. Все люди могут быть тем же, кем есть я. Эти ангелы принадлежат всем народам и землям, ведь они – хлеб и соль жизни”.

В этих текстах, в которых сокрыта восточная мудрость жизни, совершенно ясно видна вселенская святость рода людского. Пускай даже если мы примем, что не все поведенное в тибетских свитках является совершенной истиной, мы все равно увидим, что

—•••••—

порядок, установленный православным христианством, переворачивает вверх тормашками все ценное из учения Христа.

Эй, братья, с которыми разделяю я любовь ко Христу! Вы, должно быть, знаете, что все, что касается жизни Иисуса после Его распятия в Четверокнижии выглядит скрытным и неясным. Евангелие от Матфея говорит, что некоторое время после Его смерти на кресте Он встречался на какой-то горе со своими апостолами и говорил им: “Я во все дни, до самого скончания света, пребуду с вами” – и текст как-то внезапно обрывается. Он больше не дает никакой информации о том, что же произошло с Иисусом и Его апостолами. Стихи, впоследствии добавленные в Евангелие Марка, заканчиваются так: “Так молвил им Господь наш Христос, и вознесся на небо, и сел одесную Господа Бога”⁵⁶. В некоторых текстах от Луки рассказывается, а в некоторых – не рассказывается о том, как после того как Иисус отвел апостолов в Вифинию, там высветил их и покинул. Евангелие же от Иоанна оставляет рассказ о Христе, когда Тот находился у моря Тивериадского.

Иоанн говорит: “есть еще много такого, что совершил Иисус; если записать все Его деяния по одному, то не хватит и целого мира” – и умолкает⁵⁷. Отцы православной церкви со временем эти сценарии обратили в догму, известную как Вознесение. По этой догме Иисус *телесно* возносится на небеса (в рай) и с того момента *телесно* же пребывает на небесах. Согласно христианской догме, в далеком будущем Он снова-таки *телесно* придет на землю и принесет с собою конец света.

Эй, братья мои по вере! Правда может быть совершенно иной. Книга Деяний Апостолов⁵⁸ полна деяниями, которые Иисус совершил после так называемого вознесения. Действительно ли пребывал Христос в раю? Или то, что называли раем, были Его добродетели на Земле? Было ли возвышением и исчезновением Его вознесение с Горы Маслин? Нельзя ли его объяснить как *плетворение*, позволяющее Ему продолжить Его миссию? Павел

⁵⁶ Библия, Евангелие от Марка, 16:20. – *Примеч. авт.*

⁵⁷ Библия, Евангелие от Иоанна, 21:25. – *Примеч. авт.*

⁵⁸ Новый Завет (Acts). – *Примеч. авт.*

в Первом письме к Коринфянам говорит, что после распятия Иисуса, кроме Его апостолов, видали еще ровно пятьсот братьев. Павел являлся очевидцем распятия Христа, Его погребения и воскрешения, но он не говорит о Вознесении. Те, кто обладают смелостью читать книги, проклятые основателями христианства, увидят, должно быть, что первые христиане рассказывали, что Христос продолжал их поучать даже через многие годы после воскрешения. Один из Отцов Церкви Иреней, создавший свои записи в 180 году, открыто заявлял, что Иисус прожил двадцать лет после распятия на кресте и до смерти продолжал учить. Иреней являлся уважаемым ученым, позднее оказавшим значительную помощь в образовании системы, известной как католическое христианство.

Эй, читающая эту рукопись братия моя, да будет вам известно, что путь похоронить в глубинах истории нежелаемое пролегает через то, чтобы посчитать его несуществующим либо же отрицать. Епископ Антиохии Игнатий в письме, которое он написал жителям Смирны, что в Малой Азии, в конце первого столетия, настаивает на том, что Иисус воскрес. “После воскрешения Он был жив и полон сил. И я верю, что таким Он является и поныне”, – писал он. Сокровенное Евангелие, *Pistis Sofia*, которое Отцы Церкви прятали до третьего столетия, а после того, как о нем стало известно, предпочли считать, что его не существует, начинается следующим образом: “Было позабыто, что Иисус после воскрешения еще одиннадцать лет пребывал вместе со своими апостолами и обучал их”, – и уже это предложение указывает на то, что общеизвестным было то, что Христос остался жив после креста. Были сокрыты даже эти сведения, но почему? Потому, что они не соответствовали целям обустройства православия. Слава Богу, что всех и всегда вы, господа, не обманете.

Точно известно то, что Иисус в 29 или 30 году был распят по приказу Понтия Пилата, а сколь стала понятна Его смерть, был погребен. Однако историки и специалисты по Библии с девятнадцатого столетия и по сегодняшний день не уставали повторять, что Он мог и не умереть на кресте. И впрямь, в своем путешествии на Восток Он усвоил все тонкости йоги. В этом случае

возможно повторное оживание тела Христа, которое считали умершим. То, что когда клали Его в могилу, раны Его кровоточили, доказывает, что Он не был мертв. Иосиф Аримафейский, Никодим и некоторые иудеи – последователи ессейской секты – вынули Его из могилы и излечили Его раны.

Эй, мои братья в любви к Христу! Ортодоксальное христианство построило все свое учение на том, что Иисус умер на кресте, дабы искупить наши с вами грехи. Когда же доказать, что Христос на кресте не умер, то можно только представить, что произойдет с установившимся христианством? Подумать только, разве может тот, кто знает, что *Воскресение и Жизнь – ЭТО Я!*, быть таким, кто вкусил якобы конечной смерти?

Нити, ведущие к пониманию распятия и воскресения Христа, могут быть обнаружены в судьбах как Солнечных Божеств, что со дня сотворения мира и по сей день разделили Его судьбу, так и в судьбах *Христу подобных*. Я видел, что речь может идти самое меньшее о двенадцати умерших на кресте и воскресших: Кришне, Уиттобе и Индре из Индии; Митре из Ирана; Осирисе, Асиде из Египта; Прометее, Дионисию, Гесе, Асклепии, Адо-нисе из Малой Азии и Аполлоне из Тьяны. Говорят о том, что некоторые из них были распяты в день весеннего равноденствия и третьего дня воскресли. О Кришне говорят, что он, сидя под деревом, был убит стрелой, а упавши в огонь, воскрес и вознесся на небо. У Уиттобы руки и ноги так и покрыты ранами, как были они пробиты насквозь гвоздями римского распятия. На теле Индры есть пять следов, указывающих, что он был распят на кресте. Прометей был распят и прикован цепями на вершине горной Кавказской гряды около Каспийского моря. Распятие, погребение и воскресение Прометея было афинской репетицией, устроенной за пятьсот лет до распятия Христа. Отмечание дня смерти Митры, основателя Ирана⁵⁹, приходится на день весеннего

⁵⁹ Культ богов Солнца, свидетельства которому можно найти в надписях на санскрите и иранской литературе на фарси 1400 лет прежде Христа, наблюдается также в 1 столетии н.э. в Риме. Митра, так же, как и Иисус, был рожден девственницей в хлеву, в день зимнего солнцестояния (25 декабря). Он также изображается с нимбом

равноденствия. Митра, так же, как и Христос, воскрес, и было сказано: “Не горюйте же, уверовавшие, ибо Ваш Господь вознесся выше смерти. Боль Его и муки будут вашим спасением”. Перед образом Митры повторяют слово в слово следующие слова: “Чтобы он со мною, а я с ним могли слиться в одно, не будет спасен тот, кто не вкусил от тела моего и не испил от крови моей”. Когда эту фразу увидел один из Отцов Церкви, Тертуллиан, он заявил, что это написал сам Иблис – Дьявол, не одно столетие назад предугадавший эти слова Христа и возжелавший посеять смуту.

Бог-спаситель древнего Египта Озирис был убит его подлым братом Сетом, а гроб его был брошен в Нил. Исида, воскресила Озириса, он опустился под землю и стал судьей умершим.

О сверстнике Христа Аполлоне Тьянийском рассказывают, что за участие в обряде инициации в Большой Пирамиде⁶⁰ тот был распят, погребен и воскрес на третий день.

Эй, братья мои по любви к Христу! Все это не может быть простым совпадением. Все, о чем я поведал, по всей вероятности, имеет общий источник происхождения. Практически все из этих личностей, обладающих свойством избавлять, – личности исторические. Неизбежно то, что среди них найдутся и легендарные персонажи, однако все они – это герои, символически или воочию познавшие смерть и воскресенье. В Греции, Иране, Египте, Индии и Сирии было известно, что человек проходит через

на голове, а ученики его рассказывают, что после последней его трапезы он вернулся к своему Отцу. Однако он не умер, а вознесся на небо. Его последователи верят, что он вновь вернется на землю, воскресит мертвых и после судебного дня отправит грешников в ад. Те же, кто обращаются в митраизм, после обращения обретают бессмертие. Один из последователей митраизма римский император Константин в 313 году провозгласил 25 декабря официальным днем рождения Митры, однако религию, в которую обратился, назвал христианством. Некоторые из схожих моментов в христианстве и митраизме – это провозглашение воскресенья святым днем по причине воскресения Христа, превращение со временем лидеров митраизма, которых их паства называла “папами”, в Папу в Ватикане, а также тот факт, что Ашаираббани, называемый Маздой, получил у католиков название “мессии”. – *Прим. пер.*

⁶⁰ Обряды инициации на пути усовершенствования, предпринимаемые масонами с целью очиститься от ограничений материального мира и его страстей, покинуть мир внешний и, “умерев”, воскреснуть вновь обновившимся и очистившимся. – *Прим. авт.*

целый ряд преображений для достижения духовного пробуждения. И на этапе перехода от одной ступени преображения к следующей всегда совершался обряд посвящения в степень. Последней же ступенью на этом пути, которую адепт называл “апофеозом”, было достижение святости. На этом этапе происходило воссоединение адепта с божественным началом, и он приобретал свойство богочеловека. Однако прежде этого адепту следовало познать смерть. Распятие на кресте и погребение как раз и было таким средством познания; воскресение же символизировало победу над смертью.

Эй, адепт, что осмелился прочесть тексты, поведавшие о таинственно – чудесных обрядах древних религий! У меня нет больше времени. Но если ты прочтешь написанное, то обнаружишь, что практически все из обрядов посвящения, описанных учеными от Плутарха до Филострата – факсимильная копия сценария распятия, погребения и воскресения Христа. Он полностью погрузился в опыт древних, тех, кто постиг вечность. Воскликание Давида в ту темную ночь “распятия души на кресте”:

– Господи, Господи, почему Ты оставил меня? Почему так далек Ты от моего спасения, моих стонов и слов моих?

О Господи! Призываю Тебя денно, но нет мне ответа; и ночью, но нет мне покоя. Ты же – Всевятой! Но я – червь земной, отверженный людьми и моим племенем... Я рассеян и повержен, все кости мои вышли из суставов; сердце мое тает, как воск, внутри меня... и положил Ты меня в смертную почву... Злодеи окружили меня, пробили насквозь руки и ноги мои. Могу я пересчитать все свои кости. А они смотрят на меня, устремив все взгляды свои; делят промеж собой одежды мои; бросают жребий на тогу мою⁶¹...” – это ведь восклицание распятого Иисуса! И это восклицание – вселенский вопль.

Душа Христа, покауда тело Его было на кресте, могла выйти из тела, пройти райскую обитель на небеси, вернуться к находящемуся в могиле телу и вновь войти в него. То, что было пережито Им, – смерть духовная, не физическая. Ортодоксальное христианство

⁶¹ Псалмы Давидовы 22. – *Примеч. пер.*

говорит о том, что на сороковой день после воскресения физического тела Христа Он вознесся в райскую обитель и с тех пор там и остается. Но мы обладаем другими фактами. Сокровенное Евангелие говорит нам, что через одиннадцать лет после того дня, когда, как нам говорили, Он вознесся на небо, Он вел беседу с апостолами на горе Маслин. Христос вознесся, однако в тот же день вернулся обратно. И Второе Его пришествие – не в таком необозримо далеком будущем, как учит православная традиция.

Эй, братья мои по любви к Христу! Вот уже 2000 лет как традиция православной церкви заставляет нас вперить очи в небо и, боясь пропустить, ожидать Второго Пришествия Христа на землю, – но при этом она не сказала, что следует делать адепту христианства под час этого ожидания. Если бы они не затеряли древних рукописей, то мы бы, беря Христа в пример, могли следовать по Его пути и достичь божественной правды о себе и о космосе. Духовная сущность рода людского позволяет ему достичь той ступени, на которой древнее христианство именовало человека *Антропос*, или *Божественный Человек*, которого апостол Петр называл *человеком сердца*, а Павел – *причастившимся Человеком*⁶².

К сожалению, ортодоксальное христианство на протяжении столетий придало вознесению Иисуса характер буквалистически-материальный. Искажать же суть Христа и откладывать Его никогда не осуществимый приход на неопределенное будущее, было для ортодоксального христианства смертельной ошибкой. Для восточной традиции важно полное растворение души в Господе и полное посвящение ему себя. Известно, что те, кому это удалось, были удостоены дара совершенно и полностью повелевать материей. И Иисус, прекрасно знавший буддийскую традицию махаяны, – один из таких.

Керстен говорит, что Иисус после воскресения жил в Сирии, и район, где Он жил, до сих пор называется Макам-ы Иса – место жительства Иисуса. Иранский ученый Каванд рассказывает о том, что Он перебрался из Сирии в Урфу и там излечил

⁶² Первое Письмо Петра, 3:4, Павел у Римлян 7: 22. – *Примеч. пер.*

Царя Нусайбина. Существуют также источники, утверждающие, что Его видели также в Причерноморье. Сам Петр говорит, что видел Его в Риме. Кроме Рима, на Аппийской дороге посетителям показывают следы ступней Христа. И на том маршруте, по которому Христос прошел из Ирана до Кашмира, десятки топонимов подтверждают нам присутствие там *Иссы*. Кроме того, у Майкла Берка⁶³ мы узнаем, что Он также встречался с дервишами в Афганистане. Мусульмане, живущие в Герате, что в западном Афганистане, рассуждают о *сыне Мерьем Иссе*. Судя по этим данным, Иисус, не будучи от рождения Богом, заслужил право называться Божьим сыном за свою добродетель и жертвенность. Именно это явилось причиной Его Божественной сущности. Пришедший вослед за Ним Иоанн также сподобился достичь наивысшей ступени своего времени, только Иоанн крестил водою, а Христос – огнем и святым духом. Первый мусульманский историк из Кашмира Молла Надири говорит о некоем Юз Асафе, пришедшем в долину Кашмира из Святых Земель во время правления Раджи Годадатты (49–109 гг. н. э.), – которым, собственно, и является Иисус, так как Он брал себе это имя везира Пророка Сулеймана.

Молла Надири говорит о том, что “видел, как в одной из индусских книг было написано, что этим визирем на самом деле был Иисус, то есть Святой Дух и Господь”. Преподобный Кашмири, Мир Мохд, пишет о том, что на страницах 120–135 книги по истории Ирана, Раусат-ус-Сафа, идет речь о приходе Иисуса в Нусайбин, и поскольку тот много путешествовал, Его якобы называли “Месих”. В девятом томе книги “Бхавишъят Маха – Пурана”, написанной в V столетии, говорится о том, что живущий в землях гуннов, в области Ладакх империи Кушанов царь Шаливахан во время своего путешествия в горы встречался с одетым в белые одеяния человеком и спросил у того, кто он. И Блаженный отвечал так: “Меня называют рожденным девой сыном Бога, искателем правды Иисой Месих”. На вопрос царя: “Какой же Ты веры?” Ответом Его был: “Пришел я из

⁶³ Mikhael Burke. Among the Dervishes. – *Примеч. пер.*

далекой страны, в которой больше не царит правда, а зло не знает границ. В мире безбожников я известен как Мессия. Но варварский демон Ихамаси встал на моем пути. Прислушайся же к моим словам, о могущественный царь: как очистят люди свои души и тела от скверны, то обретут путем справедливости, истины, добронамерения и целостности души сердцевину светоча – Иисуса Христа. И тогда возвышающийся Солнцу подобно Господь воссоединит их блуждающие души со Своею Душой. И Демон будет побежден. А обличье дарующего блаженство Христа поселится в сердцах людей, чтоб никогда их не покидать”.

Эй, братия моя, возвеличивающаяся в любви Христа! Целью Христа в христианстве было воссоединить человечество в Бозе. Конечной целью рода человеческого было обретение *сердцевины светоча* – Христа. Христос отождествлял себя с солнцем и нематериальной / духовной сердцевинной / сердцем сына Господня, что есть Солнце; настаивал на очищении, молитве и единении с Господом. Безбожники, о которых Он говорил, – вожди ортодоксального иудейства, фарисеи, Синедрион и Римская империя. Люди, о добре которых Он так пекся в Палестине, ничего не сделали ни для Его спасения, ни восприняли Его мессианство. Распятие церковью Христа руками государства есть доказательством того, что *зло не знает меж*.

Таким был край, который покинул Иисус Христос, чтобы отправиться в путь на поиски правды.

Эй, мои братия, читающие эту рукопись! Да будет вам известно, существует и нам ведомо бесконечное множество подтверждений тому, что Иисус последние годы своей жизни провел в Кашмире, там скончался и был похоронен, о чем идет речь в ста одном письменном свидетельстве. Усыпальница Его в Сринагаре, называемая усыпальницей Юз Асаф, по одному из носимых Им имен, до сих пор осаждается потоком паломников-мусульман, индуистов, буддистов и христиан, стремящихся посещением святого места причаститься Духа Исы. Дети древнего Израиля, все еще помнящие важность скромного погребения, называют его *усыпальницей Владыки Господа Иисуса*.

То, что усыпальницу Иисуса посещают мусульмане, индуисты, буддисты и христиане, свидетельствует о том, что Его учение на Востоке позволило во всех религиях считать Его Пророком и Учителем Вселенского масштаба. Оно также указывает, что верующие Востока видели в Иисусе не *божество* или самого Господа, однако человека, посланного Господом в этот мир с божественной миссией. И показывает также, что придуманные западным христианским миром догмы не имеют для верующих в Него никакой силы действия.

Рассказ о последних днях Юз Асафа / Иисуса можно найти на страницах 285–286 *Книги Балавхафа и Будасола*: “Одному из адептов своих по имени Абабид Он наказал вырыть для Него могилу; затем улегся в приготовленную для Него землю в направлении с севера на юг, обратился лицом на восток и переселился”.

И это переселение, известное на Востоке как *махасамадхи*, есть такое состояние *растворяемости* божественных, знаменующее собою совершенное прекращение всех земных чувств, которому на Западе было положено название *вознесения*. Я говорю, что переселение Христа в том виде, как я о нем вел речь, не менее духовно, нежели физическое вознесение Его телес, как внушало нам ортодоксальное христианство. Смысл же *Вознесения Христа*, будто был Он совершенно иным, чем те, служить которым Он пришел, и обладал неподобной божественной сущью, впоследствии был искажен и притянут к потребностям ортодоксальных догм.

Эй, братья мои, с которыми воссоединяюсь я в любви Христовой! Не позабудьте же, что я не пребываю в рвении вмешиваться в пути духовные тех христиан, что для себя избрали путь, ведущий к вечной жизни; не допускайте также, чтобы этот текст попал в руки тех, кому от него не станет пользы, и для кого он не предназначен. Не останавливайтесь перед тем, чтоб сообщать тем, кто утверждал, что, дескать, *Михаил Дмитриевич был обращен и с топором в руках нападает на христианство*, что отец Гринько нападал не на христианство, а на догмы – творенья рук людских. Не позабудьте, что христианство истинное сокрыто в древних текстах, очерненных как христианские апокрифы.

Никакой ценой не утратьте Вашу веру в то, что в сыне человеческом присутствует Знание Христово, и что божественная искра этого знания может быть превращена в пламень, способный силою сравниться с пламенем Христовым. Никогда не отрекайтесь от поиска иных знаний о таинствах зла. И пускай сердцевина светоча – Христос – будет Вам в подмогу.

С любовью, которой воспылал я ко Христу,
священник Михаил Дмитриевич Гринько.

МАСОН БЕЗ ФАРТУКА

О чем я говорю? Как рассказать госпоже Зеленской о том, что я вменяю в ответственность тем, кто представлял нам Иисуса Христа как *единственного богочеловека и сына Создателя*, процесс, обессиливший русский народ перед лицом зла, связавший его по рукам и ногам, и не могу помыслить об эпохе не-интерактивного пророчества.

Я думаю также, что покуда Иисус Мессия – богочеловек, сидящий одесную Господа Отца в царствии Божьем, будет представляем нам как божество или часть от Бога, Он не сможет стать примером для всех смертных, и нельзя будет ожидать от смертных состязания в стремлении сравниться с Христовой добродетелью. Я утверждаю также, что к представленному богочеловеком такому Христу возможно будет относиться лишь со страхом, захват же душ устрашением и овладение ими столь же низко, сколь и пустое занятие.

Как же рассказать, что я вижу, что причиной сегодняшней трагедии не только великой Руси, но и всего мира явились необоримая гордыня и фанатичная страсть к разрушительству философии Просвещения восемнадцатого века? Я также могу предвидеть, что если бы не было этого чуда – Венца Природы, то наша Земля претендовала бы на статус планеты-разбойницы во Вселенной. Мне хочется чихать от добронамеренного романтизма невинной русской интеллигенции, столь же выдающейся,

сколь и жертвенной, посвятившей от Петра Великого и до наших дней себя борьбе за *европеизацию* своей страны. Мне больно видеть, как, с одной стороны, они изо всех сил пытаются успеть за миром, которым по своему хотению заправляют европейцы, с другой же – до самой смерти бьются головой над разрешением смысла бытия. И меня оскорбляет, что в то время, когда христианский мир переживает современный Содом и Гоморру, состряпанные совершенно вразрез с учением Христа, русские православные пытаются себя им противопоставить.

Я не отношусь к числу тех, кто не знает, к каким результатам приводит падкость человеческая на разного рода придумки и городские мифы. Мне также ведомо, что очень немногие из нас выдержали бы мир, лишенный своей системы мифов, и прежде всех – Русь! Я вижу, что по количеству и распространенности суеверий очень немногие из народов могут сравниться с Русью! В начале третьего тысячелетия все так же по-прежнему миллионами исчисляется количество русских, кто не пожмет вам руки через порог, дескать, это к несчастью. Три раза постучать, чтоб не сглазить, непременно надобно по некрашеному дереву, а если такового не имеется, то следует трижды плюнуть через левое плечо. Случалось мне также видеть тех, кто жевал и проглатывал на счастье автобусные билетки, в шестизначных номерах которых сумма левых трех чисел равнялась сумме трех правых. Новорожденных до сорока дней не показывают посторонним, дарить платки и ножи – к несчастью, как, впрочем, и парное количество цветов. По пятницам не начинают новых дел, в доме не свистят, а сумочки не оставляют на полу, чтоб не налезло злых духов. Когда Ельцину сделали операцию на сердце, жена его Наина, чтоб дать знать, что здоровье ее супруга в порядке, отправилась к парикмахеру постричься, ибо “всем известно, что если есть больной в семье – бриться или стричься – к несчастью”.

Несмотря на все это, пусть и тяжело, но люди вырастают. И вы уже не можете так легко запугать оформившуюся личность полыхающим где-то на небесах огнем или чертями. Души же тех, кого вы сумеете запугать, утрачивают способность здраво видеть окружающее. Вы не можете ожидать от них жертвования

во благо окружающих. Кроме того, есть и те, кто вас не испугался. И тогда они либо становятся жрецами несуществующих Жертвенников человечества, либо, точно как стоящая напротив меня ангелоподобная Оксана Дмитриевна, отправляются в различные искания, – ибо невозможно уничтожить их предчувствие того, что они сами являются Творцами.

Но из головы у меня не выходила рукопись, и я сказала:

– Оксана Дмитриевна, я не согласна с вами и в том, что Михаил Дмитриевич не был христианином. Как раз напротив, он был благочестивым христианином, призывающим людей к истинному христианству. Также ни в чем из написанного им нет ни малейшего указания на то, что он не признавал в Иисусе Спасителя. Он не согласен с тем, что пути духовного очищения были захламлены, а добро вместе со Спасителем-Христом было заточено в раю, – и я перед ним за это преклоняюсь.

– Отец Михаил Дмитриевич доказав, что наш Мессия остался после распятия жив и оставшуюся часть жизни провел, указывая личным примером человечеству, как можно достичь безупречной морали, совершил самую великую услугу христианству. Говоря о том, что Иисуса Христа следует полагать не единственным сыном Божьим, но Его единственным сыном в те года и одну из звеньев длинной цепи божественных перерождений, и проповедуя: и вы все – дети Всевышнего. Но, как люди, вы умрете и, как князья, будете низвержены, – он говорил о том, что каждый в равной мере может разделить разум Христа, и являл собою такую христианскую сущность под стать Спасителю, что мне это кажется даже превышающим веру патриарха Тихона.

“Невыразимо прекрасно то, что он утверждал: в познании Христа все – мужчины, женщины и дети – равноправны. Прекрасно и сказанное им, что тех, кто это понимает, никогда не смогут удержать под контролем пустых мифов, что никогда не примут они и насилия под личиной слова Божьего. Прекрасно, что, по его словам, каждый человек на земном шаре может, как Христос, идти по жизни, отличая добро от зла. Все это – слова, присущие с древних времен посвященным”.

– Если вы спросите меня, то, мне кажется, для того, чтоб доказать, что человек может слиться воедино с божеством, ему не обязательно разделять Красное море либо полную луну надвое, либо совершать какое иное чудо, госпожа Зеленская. Так судачащие о Нем – лишь завистливая каста духовенства, ревнующая Его к ключам от рая. Называя его пророком, я веду речь не о ловких материальных трюках типа вокрешения из мертвых или прозрения слепых, что намекает на исключительность и бесподобность трюкача. Нет, я говорю о тех смельчаках, что вступают в беспощадный бой со злом, стоит только лишь ему проснуться в них самих, при малейшем подозрении о его появлении! И помогают и другим бороться с ним. В связи с этим, Кацо, давший сломать плечо лишь только, чтоб помочь выжить Полковнику, отец Михаил Дмитриевич, настроивший против себя номенклатуру Церкви и государства, говоря, что Иисус Христос был примером, указывающим, каким может быть человечество, – все это люди из того же теста, что и пророки.

– Не стоит удивляться тому, что Михаил Дмитриевич разделит ту же участь Христа. Цель обоих состояла в том, чтоб спасти человечество от груза чувства смертности и злонамеренности и положить начало новой эре просвещения. Оба они испытали на себе гнев церкви и государства. Та рукопись, написанная Вашим старшим братом, говорит мне о том, что священник был посвящен в Таину Обряда святого причастия и обрел *бесконечное знание*.

– So! Итак, переходим к апофеозу, – произнесла госпожа Зеленская. – Посмотрим, что вы еще скажете, милейшая стамбульская турчанка!

Как раз вот это слово, *апофеоз*, в старогреческом означает сравняться с Богом, поставить себя на место Господа, – что есть самый наитяжчайший грех и откровенное богохульство. Я понимала, что так как мать Алексия не ожидала от меня такой грубости, то она пребывала в потрясении. К тому же, такой заботы не могло быть в человеке, приближенном к суфийской традиции. В какой-то момент она, должно быть, посчитала, что я облагодетельствовала ее брата, подняв его до уровня своих шаманских молений.

– Но я также не ожидала от человека, способного произнести: “Я призвала к себе Мать Богиню Полную Луну. И спустилась Она, и вошла в меня”, что она будет преуменьшать стремление брата ее постичь Христа, которого почитал он за идеал! Я все еще была свидетелем одной из ситуаций, о которых Алексей говаривал: “Когда же нам покажется, что мы начинаем чувствовать, что главою вот-вот коснемся небес, тогда нас, русских, и охватывает страх. И мы бросаем себя на произвол падения и разрушенья вдребезги, как будто и не поднимались, – и позади всех наших самых величественных побед остается лишь руина, ответственность за которую мы вешаем на несудьбу”. Момент, в который воспитанные в христианской традиции люди ощущают, как главой они вот-вот достигнут неба, есть момент, когда *вместе с тем, что они ощущают присутствие зла в их душах, они чувствуют также, что это зло может быть повергнуто*. Это также тот момент, когда та божественная искра, что, по преданию, заложена в них от природы, должна быть вожена в пламя Познанием Христа. Но брать пример с Иисуса Мессии, вливаться в Его образ, достигать посредством Его божественности, *оправдывать свое существование* спасением от искушений, страстей, даже брэнного тела, так, как это делали не только донатисты, но и тысячи русских интеллигентов от Екатерины Великой до наших дней, – значит *совершать самоубийство*. И спасение из этой болезненной ситуации лежало если не в атеизме, то в том, чтобы, отбросив все основные принципы ортодоксальных убеждений, позволить пасть и вдребезги разбиться всем интеллектуальным достижениям и построениям.

Если атеизм означает отбрасывание всех основных принципов большевистских и ортодоксальных убеждений, то это путь масонов и посвященных в другие религии. Госпожа Зеленская предпочла верить, что мысль о том, что в природе человеческой лежит зло, является не знанием, а внушением, а ад – одной из основных слагающих отвратительной игры, устроенной поповской кликой с целью удержать под своей пятой. Она полагает, что, если в природе зла не существует, то откуда ему взяться в природе человеческой? Почему бы боже-

ственному явлению не быть самой природой, а превращаться в легендарного героя, который, как Иисус Христос, неизвестно, жил ли на земле, а если и жил, то как жил, непонятно! Для Оксаны Дмитриевны таким образом возможно соотнести самоубийство своего сына с неиспытываемыми силами судьбы и низвести его. Что за потеря!

– Я боюсь, что вы, русские, настолько скоро израсходуете воплощения идеала человеческого, что, мадам, становитесь неспособны оценить крестный путь, и так и не узнаете *вознесенья*. И так, как говорил Алексей, позади наших самых величественных побед остается руина, ответственность за которую мы вешаем на несудьбу.

На языке у меня уже вертелось: “*Совсем как Русь, руину которой вы сдали Западу*”. Но я сдержала себя.

– Вы меня ненавидите.

Я не ждала такого от всегда держащей себя под контролем и толерантной госпожи Зеленской, я действительно была поражена.

– *Etağfurullah*⁶⁴!

От волнения я воскликнула это на турецком.

– Да ну мне-то что!

Вот и ложь вдобавок.

– Я на вас даже не сержусь. Напротив, мой разум вам завидует. То, что вы восприняли как злость, – это глубокая грусть. Посмотрите, много лет тому назад я приехала в эту страну, чтобы она научила меня тому, что я – ничто. У меня была проблема, которую я назвала бы *бесполезностью*, и я чувствовала, что если с нею не примирюсь, то не смогу завершить своего естественного жизненного пути в этом мире.

Я приехала в эту страну выучиться тайнам выживания русских, и, если так было написано мне на роду, скорчившись, умереть под сенью одной из елей на этом самом удивительном материке Земного шара. Встретившийся мне на пути в первый же вечер моего приезда посвященный, ваш сын, Алексей Христович Зеленский, научил меня: “*Чем ты была все время, то*

⁶⁴ Ну, что Вы! Да Бог с Вами! – *Примеч. пер.*

ты и есть! Ни животное, ни дерево и ни камень! Ты – есть Ты. Человек! Гюльоя”.

– Жить в этом мире, думая, что не существует *злого и зла*, – не для меня, Оксана Дмитриевна. Не для меня – жить, как растение, и тянуть воду из земли. Алексей говорил: “Если бы люди немного меньше боялись смерти, они бы меньше впадали в суеверия; правда же найдет себе более человеколюбивых поборников, способных ее отстоять”. Алексей подтвердил оправдание своему существованию. Сейчас пришла моя очередь дать оправдание моему существованию. Так же, как он нашел и вытащил на божий свет рукопись Гринько ценою того, что имя его стали упоминать наряду с именем дьявола, так же, как не позволил попрасть доброе имя батюшки Михаила Дмитриевича, также и я никогда не позволю обесмысливать его упорное противостояние и борьбу со злом и предательством. С меня станется сделать все, что в моих силах, чтобы не предать традицию, начало которой было положено Зудиным, и вбить в постмодернистические мозги, считающие наивысшую цель человеческого бытия – любовь – анахронизмом, имя Алексея Христофоровича Зеленского.

Насколько важно, почему и как умерли как священник Гринько, так и Алексей, настолько же важно и то, где ему лежать после смерти. Уж если древний русский огонь оставил нам что-то из останков его дорогого тела, в таком случае мы похороним моего дорогого друга не в лесу, как какое-нибудь животное, а подле Гоголя, на Новодевичьем кладбище. И покуда он будет там лежать, великий русский народ не сможет остаться безучастным к социальным и политическим подлостям, не покорится смерти, передоверив свою борьбу сидящему в раю Господу.

Я начала плакать.

– Мадам Зеленская, мне его так не хватает!

Госпожа Зеленская смотрела, смотрела, да и повернулась ко мне спиной, произнеся: “Мария Магдалена!” Я подумала, что, судя по тому, что мы таким образом решили вопрос о вере, это и стало предпосылкой к прилипшему ко мне ярлыку “масон без фартука”.

– Дай вам Боже здоровья за вашу доброту, госпожа Зеленская, – сказала я. – Что еще сказать?

С САМОГО НАЧАЛА

Надо было мне начинать с самого начала, говорю я себе, но ведь нет ничего такого, как “самое начало”. В моей душе не возникли вдруг и из ничего ни Алексей, ни Русь, ни Айтунч. Но ради последовательности рассказа о моих приключениях, я начну с того, что мое кресло в самолете рейса ТК1413 находилось у прохода. Поэтому мне приходилось тянуться к окну самолета и наклоняться прямо к Терезе, чтобы увидеть, куда улетело пробегающее мимо облако.

– Я это к тому говорю, что, если мы определяем *дом*, как зрелость, искренность, доверие, свободу и покой, – а я именно так его определяю, – то *мой дом* был отрезком времени, которое я провела с ним, но не пространством. Пространством могло бы быть любое место. Любой автомобиль, номер в отеле, крона дерева, зал заседаний. Каждый миг, когда я могла видеть его глаза, я была дома. Четвертое измерение. Наш *дом* был в четвертом измерении.

– А потом?

– А потом... Потом он спустился на грешную землю, и не опуская предо мною глаз, ушел, женился на другой, перешел на другую половину Луны. *Хьюстон, Хьюстон, вы меня слышите? (Первый, первый, вы меня слышите? Прием!)* Не слышал. *End of communication! (Конец связи)!*

– I’m sorry! Но почему он совершил такое?

– Кто знает?! Возможно, потому что устал. Может, потому что не смог противостоять любви той женщины? Может, потому что доверял мне, знал, что смогу поднять груз оказаться без дома. Вот, и впрямь, я и уезжаю.

– Да, уезжаю! – повторила Тереза, предлагая и мне вынутые из сумочки влажные салфетки.

– Как бы то ни было, путешествие в сердечных вопросах всегда шло на пользу. Но почему Россия? Да и не самое лучшее время года, вы знаете, надеюсь?!

– Почему Россия, да почему Россия?! Вот вам вопрос на сто тысяч долларов. Попробую ответить... *Русь, Русь! Ты, словно тяжкий венец, увенчавший мою голову: хочу сбросить, но не могу!*

– Вы не обязаны пробовать, – вставила моя попутчица. – Если вам тяжело, можете не отвечать.

– Может, это будет для меня хорошей тренировкой, – отвечала я, указав в сторону, где, чувствовала, был север. – Кто знает, сколько народу там зададут мне этот вопрос!

– Да, очень возможно, что спросят.

– Я полагаю, потому что, бесае, Русь – это своего рода психоанализ. Да, именно так, средство психоанализа. Прочистка души. Тайные знаки: первое, бескрайние просторы равнин, от них я ожидаю излечения моей клаустрофобии. Второе, лед, темень, одиночество, страх, замерзшее оливковое масло. Когда оливковое масло замерзло, оно становилось похоже на халву; мы резали его ножом. Третье, пограничные заставы. Они похожи на морские маяки. И, потом, солдаты, насыпающие снег в казанок с сухой фасолью, и еще безусые лейтенанты.

– Не поняла?

– Ну, лейтенантов вы можете себе представить как английского офицера в фильме *“Ирландка”*, – продолжала было я. – Задумчивые бледные лица, время от времени дающие о себе знать военные раны, то там, то там – рассказ о разбитой любви, женщина, по которой смертельно скучают, Лара из *“Доктора Живаго”*. После Толстой, Пушкин, Гоголь. И конечно Пастернак.

...Как летом роем мошкара

Летит на пламя,

Слетались хлопья со двора

К оконной раме.

Метель лепила на стекле

Кружки и стрелы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

На озаренный потолок

Ложились тени,

Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка

Со стуком на пол.

И воск слезами с ночника

На платье капал.

И все терялось в снежной мгле

Седой и белой.

Свеча горела на столе,

Свеча горела...

– Да, да, да, доктор Живаго, – вторила мне Тереза, напевая музыку из известного фильма. – Я не думала, что может быть такая близость, то есть я хочу сказать, духовная близость, – между вами, турками, и нами, русскими.

– Это, наверное, оттого, что вы воспринимаете Турцию как средиземноморское государство. И, наверное, ассоциации с пустынной жарой и финиковыми пальмами, не правда ли?

– В прошлое лето мы вместе с Алексием были в Анталии, так там в тени было пятьдесят, – сказала она, ударяя на слове *пятьдесят*. – По Цельсию!

– Правда. Но в Турции, если вы хотите, то можете полностью спастись от жары, и даже полностью от нее отстраниться. Есть поговорка: *не пугайся гор, не беги степей*. Вот мое правило. По вашим меркам, это очень маленькая, но очень разнообразная по видам климата страна.

Тереза Д. Корнблатт, так ее звали.

– А к чему относится Д? – спросила тогда я, чтобы не молчать, потому что впереди у нас было три с половиной часа, которые мы должны были провести вместе.

– Дейч, – тогда отвечала она. – Я доцент русского языка и компаративных культурно-литературных исследований в университете Аризона.

Я спросила, есть ли у нее немецкие корни.

– Евреи, – сказала она. – Украинские евреи.

Тогда я представила себя.

– Гюльоя Гюрелли.

И вслед за тем последовал типичный разговор попутчиков:

– В России – мой мужчина. Сегодня у него день рождения, я устраиваю ему сюрприз.

– Поздравляю!

– Его зовут Алеша. Алексей Христофорович Зеленский. He is a prince.

Я подняла в руке пластиковый стаканчик с кофе и провозгласила: *Happy Birthday Prince!*, на тот раз посчитав, что она употребила слово “принц” под действием несущихся под нашим самолетом облаков, в качестве хвалы, подобно нашему “*паша*”⁶⁵. Позже я узнала, что он происходит из рода Петра Столыпина.

Должно быть, мы таки поднялись достаточно высоко, сияло солнце, атмосфера стала голубой, и Тереза тоже подняла стаканчик.

– *A very Happy Birthday indeed!*

Самолет делал посадку в Афинах. Она рассказала, что у авиакомпании “Олимпик” не было ежедневных рейсов на Москву, поэтому ей пришлось выбрать Турецкие авиалинии, но она этому даже рада, поскольку так у нее получалась возможность, пускай и совсем на чуть-чуть, увидеть еще раз столь любимый ею Стамбул.

– So! Так вы надеетесь, что Москва вас излечит?

– Я уж собиралась было возразить, что, дескать, *не Москва, а Россия, Русь*, то есть *Москва для меня – только одна из остановок на моем пути*, – уж совсем собиралась добавить я, но передумала, чтобы не оказаться в ситуации, когда придется объяснять, что я мечтаю побывать не только в России, но и увидеть земли Украины и Белоруссии. Я до сих пор, кажется, будто слышу свой голос; я не говорила *Белая Русь*, но *Белоруссия*, вытягивая “е” и слегка шипя на “с”. Получая удовольствие от названия *волшебного края*, который должен был принять меня в свои объятия, стать бальзамом на мои раны. *Beelorussia*.

⁶⁵ В современном турецком языке слово “паша” употребляется в значении “генерал”. – *Примеч. пер.*

Я пожала плечами.

– *C'est la vie!* Да и захотелось самой увидеть. Мое детство прошло рядом с русской границей. Вы знаете, восточная граница Турции.

– Да, конечно! – сказала тогда Тереза, будто поднося к глазам географическую карту. – Тогда русские оказали на вас большое влияние, не так ли?

– Самое непосредственное. Но я не знала ни одного русского. Помню только звуки танка, да русский сахар. Грязно-белого цвета, твердые, как камень, слитки, словно нарыв. Говорили, что русские били эти куски молотком и пили чай вприкуску – *кытлама*. Пить чай, положив кусок сахара в рот, называется у них кытлама. Главное не размешивать сахар в чае, а держать его во рту. То, чего у меня никогда не получалось.

Каждый раз, когда я пробовала это сделать, сахар в один миг растворялся у меня во рту, получалось ужасно. Но, конечно, я использовала рафинад турецких государственных сахарных заводов. Насколько я поняла, промышленный сахар для кытламы не годится. Там, где я выросла, и по нашу сторону границы народ любил пить чай вприкуску, и для кытламы предпочитали твердый русский сахар. Его перевозили через границу контрабандой.

Я не смогла сказать: русский сахар был дешевле, но у моей матери в доме его не водилось, дескать, грязный. Потому что его продавали на развес из мешков.

– Как интересно то, что Вы это поняли! Я хорошо помню, дедушка Израэль Вольфович, отец моей матери, пил чай именно так, как там его?

– Кытлама.

– Слово мне ничего не говорит, должно быть, из турецкого. Я помню, как он клал кусочек сахару меж зубов.

Я сказала, что корнем слова является *kiti*⁶⁶.

– Должно быть, это связано с экономией сахара.

⁶⁶ Нехватка, мало настолько, что не достает удовлетворить элементарных потребностей. Отсюда выражения в турецком языке *kiti kitiņa* – чтоб только-только хватило; *kit kapaat geçinmek* – жить, перебиваясь с хлеба на воду. – *Примеч. пер.*

– Бьюсь об заклад, что именно так оно и есть! – отвечала она смеясь. – Как вы понимаете, Израэль Вольфович был человеком, всей душой приветствовавшим пролетарские идеи.

– Даже так?

– И еще как! – ответила она с выражением человека, которому приятно неожиданно для себя обновить в памяти прежние воспоминания. – Типичный еврейский интеллигент, музыкант, восторгавшийся Маяковским и гордящийся дружбой с Шостаковичем.

Голос ее смягчился и стих.

– Он и моя бабушка – профессиональная актриса – были людьми, всею силою сердца уверовавшими в необходимость построения новой пролетарской культуры. Даже в своем собственном доме они вели образ жизни настоящих революционеров. Вы знаете, без мебели, кухонной утвари практически нет, жизнь, максимально удаленная от любых потребительских интересов, которые они полагали буржуазными. А что могло быть более буржуазное, чем сладости! Я уверена, их чаепития описанным вами образом объяснялись именно этим.

– Они жили в Москве?

– Евреям в Москве поселиться не позволяли, – отвечала Тереза вдруг изменившимся голосом. – Они жили в местечке Броды, что на Волини, на территории Дикого Поля⁶⁷. Принудительные поселения были отменены после большевистской революции.

Она сделала жест рукой, будто делая попытку закрыть тему.

– Когда они уезжали с Волини, они не взяли с собой ничего из вещей, считая переезд дурной буржуазной привычкой. Вместе с пожитками остались в прошлом и дни рождения, венчания, новогодние елки... Моя бабушка была профессиональной актрисой. Она работала у Мейерхольда в Революционном театре. Вы знаете, в одной пьесе Маяковского она сыграла продавщицу лифчиков на меховой подкладке!

– Лифчиков на меховой подкладке?!

⁶⁷ Автор имеет в виду Черту Оседлости. – *Примеч. лит. ред.*

– Какая дивная мысль, не правда ли?! Вы только подумайте, моя бабушка, ведущая актриса Революционного театра, продает на сцене лифчики на меховой подкладке, а дома у нее вместо стола – строительные неотесанные козлы, покрытые засаленной бумагой, выпрошенной из мясной лавки, на которой и ест вся семья! Поскольку она решила, что традиционная русская обувь, сапоги из войлока, которые мы называем валенки, – это тоже буржуазный пережиток, то купила детям тоненькие сапожки, и моя несчастная матушка говорила, что даже плакала от мороза. Они насмеялись над царским режимом, вы меня понимаете, не так ли?!

Я спросила, что она подразумевает под областью в Диком Поле, и она рассказала, что Диким Полем раньше называли область принудительного расселения евреев с 1762 до 1915 года по распоряжению пришедшей к власти Екатерины II. Дикое Поле включало двадцать пять губерний, состоявших из земель Украины, Литвы, Белоруссии, Крыма и Польши.

– Должно быть, именно этим объясняется то, что они с таким воодушевлением восприняли новую эпоху и искусство нового времени. После окончания Московской консерватории дедушка Израэль Вольфович стал членом Союза русских пролетарских музыкантов. Там на курсах он преподавал марксистскую политэкономю. Но все это не помешало обвинить старика в шпионаже и отправить его в гулаг.

– Но почему?

– Вся вина его состояла в том, что он поговорил с американским журналистом! Он смог вернуться домой только после смерти Сталина, но другому моему деду, Александру Корнблатту, не так повезло. Он был революционером, служившим в Коминтерне, у него даже был свой псевдоним: Дейч. Он был делегатом VII съезда партии 1935 года, но через год был арестован и пропал без вести. Впоследствии в один день во время заседания реабилитационной комиссии моя бабушка, мать отца, услышав по радио, как один из свидетелей завил: “Дейч пришел ко мне и сказал, что нам надобно убить товарища Сталина”, – упала в обморок. Так она узнала о смерти своего мужа.

Она остановилась.

– Я вас, наверное, огорчила, не так ли?

– Нет, напротив! Для меня большая честь об этом узнать! Как случилось так, что вы уехали в Штаты?

– Мой отец был первым в семье, кто спасся из лап легенды, именуемой Дети советов. Так же, как все мальчики, он любил разбирать и ремонтировать технику и электрические приборы. Однажды ему довелось отремонтировать поломанное радио и попасть на зарубежные волны. В Москве на зарубежные волны подвешивали акустических паразитов, и когда вы пытались что-либо услышать, доносились только звуки вууу, вуу, и понять, о чем идет речь, было практически невозможно. Но если выехать за город, действие паразитов ослаблялось. Поэтому мой отец при первой подвернувшейся возможности сбегал в избушку на Воляни и принимался слушать зарубежные волны. Несколько времени спустя он раздобыл где-то записывающее устройство – магнитофон марки “37 АЕГ”, – отремонтировал его и начал записывать с радио концерты Лондонского Филармонического Оркестра. Это было преступление, достаточное, чтоб попасть в КГБ! Держать дома записывающее устройство – большое преступление, записывать же зарубежные волны – смертная казнь! Мало того, он поделился своей тайной с моей матушкой, с которой они познакомились в школе. Он доверился ей, поскольку в девятом классе, когда они читали роман “Преступление и наказание”, он увидел в ее сердце достаточно храбрости, чтоб поднять руку и произнести: “А я полагала, что убивать человека – преступление”. Когда она сказала: “А я полагала, что самым дорогим на свете является человеческая жизнь”, в классе разразилась буря, и все, кроме моего отца, набросились на девочку. Преподаватель обвинил мою матушку в том, что она стоит на позициях абстрактного гуманизма. Ученики с криками: “А если убивают врага народа, это тоже преступление?” также напали на нее. И когда на этот раз уже мой отец высказался против понятия “враг народа”, дело зашло уж слишком далеко.

На следующий день родители, как отца, так и матери, уже были вызваны и стояли перед преподавателем. Начавшаяся

таким образом их дружба углубилась, как только обнаружилось, что их семьи – из одного круга. Например, семья Корнблатт прятельствовала с Надеждой Мандельштам⁶⁸ и прекрасно была знакома с Солженицыными.

У меня даже перехватило дыхание!

– Солженицын?! Сам Александр Солженицын?! Архипелаг ГУЛАГ! Он живет в Москве, не так ли?! Вы встречались?

– So! Вы любите Солженицына! Да, он живет в Москве! Это близкий друг Алеши. В Турции Солженицын – читаемый писатель, не так ли?

– Он известен, однако я не могу сказать, что его читают многие. У меня несколько личное отношение к Солженицыну. Вы рассказывали, как вы попали в Америку?

– Собственно, и рассказывать-то нечего, – сказала Тереза. И правда, когда я впоследствии задумалась обо всем том, что узнала, я подумала, что рассказанного было даже слишком много.

– Это люди, постоянно живущие на передовой оппозиции. Они проводят все дни в чтении и дискуссиях. Мой отец хотел стать дипломатом, но отказался от этой мысли, так как знал, что это означало непременно пройти вышкоч в КГБ. Он захотел было стать журналистом, но также увидел, что в России не может быть честных журналистов. Подходящей мыслью казалась ему также теоретическая физика, но и в этом случае непременно ему бы пришлось иметь дело с военной разведкой. Таким образом, оставались такие профессии, как швейцар или лифтер. Когда и это прошло, он нашел путь к отступлению в том, чтоб стать лингвистом и стал специалистом в монгольском и других среднеазиатских языках. Их называют эмигрантами Второй волны, присоединившимися к бежавшим из своих домов во время Второй мировой войны евреям, которые через Англию очутились в Штатах. Мой отец в мае 1948 года приступил к исполнению обязанностей в Русском исследовательском центре Гарварда.

Она сменила тему.

⁶⁸ Супруга известного поэта Осипа Мандельштама и близкий друг Анны Ахматовой. За произведение, критикующее Сталина, была расстреляна в 1938 году. – *Примеч. авт.*

– So! Значит, вы вовсе не знаете России, но она вас привлекает.

– Да, – отвечала я, – это так.

Тереза рассказала, что она то и дело приезжает в Россию, начиная с 1985 года, но со времен Горбачева и до наших дней страна изменилась радикальным образом.

– Даже улицы и проспекты, и те переживают метаморфозы. Старые известные нам революционные названия меняют на никому не известные еще более старые дореволюционные названия. Если вам не известно новое старое название улицы – вам не добраться до места. Таксисты начинают материться, не находя нужного адреса с измененным названием. На билбордах – радость стирки с Проктер энд Гембл и джинсы от Вранглер или Леви-Стросс...

Я помню, что остановилась на том, что первым выученным мною словом было искаженное английское *jean*, *джинсы*. Но конечно, русский звук *с* в латинском алфавите отражался как *zh*, а звук, передаваемый *у*, выглядел как длинный *и*. Я подумала, что, если бы я увидела этот *джин* рядом с Вранглером, я бы разобралась, в чем дело. Так же, как позже мне предстояло опознать Жириновского в турецком *Jirinovski*.

– Впритык к старинной православной церкви – МакДональдс, а напротив него – современный офисный центр, – посетовала она тогда. Неподходящие друг к другу, в большинстве случаев просто безвкусные здания. Немного из прошлого, немного из будущего.

Должна признать, помнится, я еще с того дня затаила злобу на позицию Терезы, потому что ее описания Москвы напомнили мне Стамбул. Кроме того, я не смогла выдержать ее порицающего Россию высокомерия. Естественно, что пробужденное нею во мне чувство было ей неведомо.

– Кроме супермодных ночных клубов – какие-то абсурдные павильоны, – продолжала она свой рассказ. – Новая Россия – это как лабиринт, в котором все, от киосков суши до собачьих парикмахерских, все слилось воедино, неразрешимо и даже как-то несоединимо.

С одной стороны – подделка, с другой – уникальный лабиринт. Новые телепрограммы, бульварная литература – выражение, ею

—•••••

употребленное, было pulp fiction, – и потом название широко известного фильма, – бойцовский клуб. Новая попкультура новообразующегося образа жизни. Да что там, увидите сами.

Мое внимание привлекло то, что она говорит о России как о новой нации, – и я спросила, что сама она делает в России.

– Исследование?

– Да, – отвечала она. – Группой ученых из разных университетов СНГ мы проводим исследование поп-культуры, секса и общества в постсоветской России. Не только в экономике и политике, но также и в культурной жизни после большевистской революции и по наше время происходят невиданные вещи. Поэтому мы задаем вопросы, которые необходимо задать, чтоб мочь правильно анализировать происходящие изменения.

– Ах, подумаешь, вопросы, которые им необходимо задать! Все то же высокомерие, ясно показывающее, о чем их самих спрашивает жизнь! Я поинтересовалась, сколько их человек, их оказалась группа из двадцати человек, включая Терезу, но, оказалось, в России работали сотни таких, как они, рабочих групп. Я не выдержала и произнесла:

– Да тут, получается, американские ученые откопали золотую жилу!

– Слушайте, вот это-то точно, – воскликнула со всей чистосердечностью Тереза. Тут правительство Штатов не скупится.

– Ну и, конечно, фонды...

– И фонды тоже не скупятся.

В последующие месяцы мне еще предстояло узнать, каким лакомым кусочком мог быть Союз Советских Социалистических Республик в его былые времена. Мне еще предстояло увидеть, как сотни всех этих Терез, Джимов, Джонов и Нэнси слетелись, как мухи на мед, и пьют эти гигантские соты, мне еще предстояло почувствовать затаенное на них зло. С удивлением! И когда я пыталась понять, почему же я злоблюсь, я предчувствовала – ревную! Я ревную Россию к европейцам! *Фесубханаллах!* – Досадно, ей-богу!

Я говорю: *Фесубханаллах!* – Досадно же, ей-ей! Но будто существует какая-то только моя Русь, которую я бы никогда не захотела поделиться с европейскими исследователями.

Немного подумав, я понимаю, что эта Русь – Русь Шевкета Сюрейи Айдемир, Назыма Хикмета, Вала Нуреттина⁶⁹, д-ра Назыма⁷⁰ и даже Энвера Паши⁷¹, но также сумевшего прорваться к вершинам высоких технологий спутникостроения Гагарина. Та Истинная Русь, что начинается, собственно, с русских полей.

– Первое, что пробуждает в душе русское поле, – чувство широты. Такой широты, что даже если вы затеряетесь в крохотном пространстве леса так, что из-за деревьев несколько сот метров впереди вас не будет видно даже на шаг вперед, – все равно вы будете чувствовать себя посреди бескрайней и бездонной степи, вмещающей в себя миллионы людей.

Эта широта рождает как чувство обилия, так и одиночества. Она даже вселяет вам в душу желание меланхолического освобождения. Желание полностью уйти от общества, пожизненно затеряться в лесной тиши, стать безвестным, и даже вовсе исчезнуть. Тяга к обязательному одиночеству, неприменной неприкаянности. Или же – полная противоположность этому: полная самоотдача обществу, растворение в людях. Мистическое чувство нахождения среди миллионов тебе подобных, бытия одним из них, но ощущения себя пустынным отшельником, страдающим во благо этих миллионов...

Одним словом, в каждом из чувств – экстремумы, пробуждаемые ощущением бесконечности. Или полный уход от себя, или же совершенное возвращение к себе. Вера и полнейшее безверие. Непременное не подлежащее обжалованию подчинение либо дикий бунт.

Именно поэтому у народа русского поля нет уравновешенности или взвешенности. Люди, общества и мысли в русской

⁶⁹ Литератор, политэмигрант учившийся в 1920-х годах в России вместе с Назымом Хикметом и Шевкетом Сюрейей Айдемиром. – *Примеч. лит. ред.*

⁷⁰ Политический деятель, член партии Иттихад ве террaки. По-видимому, как и все предыдущие, тоже длительное время проживал в России как политический эмигрант. – *Примеч. лит. ред.*

⁷¹ Энвер Паша (1881, Стамбул – 1922, Таджикистан) – один из лидеров Турции времен Первой мировой войны, после поражения бежал в охваченную гражданской войной Россию, где после попытки союза с Лениным погиб в боях с большевиками. – *Примеч. пер.*

истории всегда бросаются из крайности в крайность, всегда живут на противоположных полюсах.

Например, считая приход в жизнь самым несчастным явлением судьбы, и поэтому полагая рождение наибольшим грехом, на Руси родилась идея очищения от этого пятна самосожжением.

К тому же в огонь бросались всей семьей, с детьми и даже новорожденными невинными младенцами и всем земным скарбом. Воистину, эта вера могла родиться только на Руси и на Руси же выжить (Алексей Толстой⁷² в романе “*Петр Великий*” уделит значительное место описанию этой секты). И пусть себе государство сколько угодно преследует и карает, но преданные последователи этой секты, к тому же после всех страданий и мук, терпимых от греха рождения, когда приходило тому время и година, без промедления и колебания бросались сами и влекли родных в огонь.

Прежде всего, в разные периоды русской революции можно видеть духовные изъятия *самосожжения*, то есть бросания в огонь. (Этот вот кризис вины, наблюдаемый в русских политических судах и выявляющийся в надмерном самообвинении и даже более страшный, нежели обвинения прокурора, был всегда видным изъятием русской души.)

И снова-таки, в этой стране тысячи и тысячи людей на лобном месте по доброй воле отдали души в угоду вопросу, является ли священным воплощением в трех пальцах единства Бога— Отца, Сына и Святаго Духа (Троицы в христианстве), что есть раздельны и, в то же время, едины, или же достаточно только двух пальцев при положении креста во имя этой святости, ибо Бог-Отец сокрыт в Сыне. Да собственно третий палец полностью в крест-то и не складывался. Согнув его немного в месте, где бы кончик третьего пальца мог соприкоснуться с кончиками двух других, он едва касался середины. И когда осужденных за эту веру везли на смерть, множество выстроившихся вдоль дорог людей добровольно бросались в эти караваны смерти. Воздев два перста вместо положенных трех, либо делая крестоположение

⁷² В оригинале – Александр. Возможно, ошибка автора. – *Примеч. пер.*

слегка согнутым третьим пальцем, они отдавали жизнь на виселицах и на плахах. (Взгляды на революцию старых революционеров, осужденных на смертную казнь в революционных судах, в большинстве своем так же мало отличались от взглядов их соратников по революции, их же осудивших. С той только разницей, что этим, вторым, были прибавлены эпитеты *шпион*, *предатель родины*, *агент империализма* – с тем, чтобы через некоторое время после их гибели стереть эти обвинения из их личных дел.)

Самые удаленные места русской степи, леса или тундры преисполнены рассыпавшихся там по уголкам бесчисленных сектантов, что удалились, покинув все, что у них было, ради этого крошечного различия в богопоклонении. Эти беглецы были преследуемы всегда. Всегда ущемлены. Вплоть до того, что часть из них в угоду этому их убеждению (и это убеждение иногда было столь мало до незаметного) покидали даже родину и устремлялись в изгнание в Монголию, Канаду и Турцию. У тех из них, кто переселился в Канаду, обряд сожжения имущества до сих пор живет. С той только разницей, что духоборы сейчас бросаются в огонь не сами, а сжигают все свое имущество и свои дома. Вопросы сектантства также сыграли большую роль в переселении казаков в район озер Маньяс, Бейшехир в Турции⁷³.

Кризис вины и чувство ущемления плотью нигде не является таким искренним, как на Руси. В одной из своих книг Максим Горький рассказывает, как он наблюдал в давке на одном из пароходов по Волге, где на выходе и входе каждый давил себе подобных, одного из сирых, что, растянувшись на одной из ступенек палубы, умолял: “Раздавите меня, добрые христиане! Растопчите меня, грешного!” – и добрые христиане его действительно раздавят. Просимое им – не милостыня, а страданье. Собственно, греха-то он и не совершил...

Люди русского поля – или религиозны до смерти, или до смерти безбожники. Там нет среднего пути. В этом поле даже пьянь пьяна до смерти. Когда она пьет, она уходит в третье изме-

⁷³ Донские старообрядцы, казаки-некрасовцы, восставшие против Петра I и после поражения переселившиеся сначала на Дунай, а потом на озера в регионе Мраморного моря и Анатолии. – *Примеч. лит. ред.*

рение от толпы и ее преходящего маскарада. Или же пьет, как пьют чашу вина пред смертным боем. И тогда наибольшим счастьем в жизни для нее – более из этого опьянения не очнуться. И во множестве случаев люди действительно после того гибнут. Именно поэтому в старых русских городах в новогодние ночи на улицах выставляли похоронные телеги, чтоб собирать мертвечки пьяных и мертвых. И самый развеселый Новый год измерялся по числу окоченевших трупов алкашей на улицах. В некоторых городках это число превышало несколько сотен.

С любовью точно также. Только когда любящий совершает ради любимой невиданные в свете сумасшествия, он понимает, что любит. Для этого даже и совсем не необходимо быть любимым ответно. Или любовь иногда настолько мизерабельна, что это уже будто и не любовь вовсе, а что-то сродни животной страсти или полному унижению. Классическая русская литература полна подобных любовных историй. Эти экстремумы русского поля показательны и в политической жизни. Здесь каждый – либо со сверхзлой душой, либо же непомерный бунтарь и разбойник.

Нигилизм был рожден русским полем и русской душой. Это такой странный анархизм, который не имеет теоретического обоснования. У него нет также и цели либо выраженья. Но есть нигилисты, и множество благородных русских положили жизнь на этом бесцельном и безосновательном пути.

Вот эта русская степь и русское поле переживало свое наибольшее ущемление, когда нам случилось в них побывать. Превышающая сто пятьдесят миллионов людская масса приносилась в жертву непостижимого с первого взгляда опыта в руках кучки слепо преданных делу веры его последователей. Максим Горький отстаивал и защищал этот опыт, пусть бы и ценою жизни всего русского народа. На Волге, на Дону и в Украине тридцать миллионов человек вымирали от голода. Страны были преданы разрушенью и огню. От великой династии не осталось и одного человека. Все представители классов, на которых и удерживался трон, дворяне, духовенство, весь командный состав наибольшей в мире армии, сельскопомест-

ная аристократия, городская буржуазия, – все было уничтожено как класс. Каток репрессий безостановочно работал. Академии, университеты опустели. Очередь пришла к низшему классу. На всех постах появлялись все новые люди, и тут же эти люди непрерывно сменялись.

Этот горький опыт могла вынести на своих плечах только эта горемычная земля. И опыт этот был по плечу только строению души людей, живущих здесь: в момент пожертвовать всем на земле. Сделать мигом. И потом в мгновение ока все разрушить...

Русская душа была вселенною излишеств. А русское свержение режима – наибольшим излишеством за всю историю...

Это была Россия, увиденная в 1921 году Шевкетом Сюрейей Айдемир. Очень возможно, что издание 1965 года издательства Ремзи было одной из цементирующих основ, положенных в основу русской авантюры без моего ведома. Однако функция мозга действительно непознаваема. В тот день в том самолете обнаруженную с удивлением ревность я отнесла на счет совершенно иной книги: книги, которую держала в руках Тереза и которую купила, чтоб читать в пути, но которую совсем не открыла, поскольку предпочла говорить со мной – хотя бы на некоторое время.

Книга в позолоченном кожаном переплете цвета темного вина: *The Collected Short Stories of Nikolay Vasilyevich Gogol*. Книга, несущая вместе с собой массивные деревянные библиотечные полки западного мира, отполированные до зеркального блеска, уважительное безмолвие просторных читальных залов, ковры, в которых тонут ноги, и запах бронзовых остовов настольных ламп в зеленых шляпах – абажурах. Я помню, что, с одной стороны, я говорила с Терезой, а с другой – думала о том, что у нас не оказывают такого почтения даже при переплетении Священного Корана. Среди обстоятельств, отчего я так подумала, и возжегших мою ревность, была также та тщательность в изготовлении этой книги, лежащей на коленях у Терезы. И с такой же вероятностью очень возможно, что не только внешний вид, но и содержание книги, скажем, английский перевод, мог быть гораздо лучше перевода турецкого, ибо

европейцы обучаются иностранным языкам, включая и арабский, лучше нашего.

Должно быть, я не сводила взгляда с книги, потому что она в конце концов спросила: “Вы знаете Гоголя?” и, не дожидаясь моего ответа, добавила:

– Говорят, что без знания Гоголя невозможно понять русской души. Человек, спасший русскую литературу от пушкинского перфекционистского стиха и влияния Шекспира и обративший ее к Достоевскому, – это все Гоголь. Я не специалист в этом вопросе, но насколько я понимаю, Гоголь стал предтечей изболевшегося порыва у Достоевского, задал тон идеологическому и религиозному устремлению. Он был писателем, привнесшим в русскую литературу веру в то, что искусство существует не для того, чтоб развлекать соотечественников, но чтобы их спасти.

Она посмотрела на меня и, увидев, что я слушаю, затаив дыхание, объяснила: русские ждут от литературы не насыщения, но спасения. Они воспринимают литературу как пророчество. На Руси литература – тяжкий для писателей груз. И этот тяжкий груз их может раздавить.

Похожую установку я услышала также от канадского музыковеда Красного Уинклера, с которым познакомилась в тот вечер.

Тогда мое внимание привлекли следующие слова:

– Господствующие в американской культурной жизни тенденции к уравниванию и индивидуализму уничтожили различие между высокой и масс-культурой. Они уничтожили такие понятия, как мастерство и неординарность. В Штатах, особенно в гуманитарных науках, существует тенденция принимать равноценными все мысли и идеи. Американское общество обладает тенденцией агрессивным образом отрицать, что знания, умения, способность анализировать либо предвидеть одних может быть лучше других. Стало неприлично говорить, что что-то лучше, чем другое. Но в России ведь не так! В России вы можете увидеть уважение и преклонение пред совершенством, перед знающими лучше и глубже, пред тем, как сделать доскональнее.

Слова Терезы об изболевшемся порыве, идеологическом и религиозном устремлении в тот момент напомнили мне Мехмеда Акифа Эрсоя⁷⁴. Я подумала о том, как он, оставив классическую идеалистическую поэзию дивана, посвятил себя спасению империи. Как там,

....

Если не хочешь подохнуть, или – ты в намерении исчезнуть?
Не набрасывайся на Ислам со словами: – пусть его, это несчастное единобожие!

И даже если отдалиться ты от веры, не удаляйся от общины.
Услышь, – существует одно конечное повеление, места начинать заново не будет:

Отдалиться от общины – отдалиться от Аллаха.

...

Но если хочешь ты подохнуть – совсем другое дело! Но, боюсь, кранты!

Или ты, будучи обречен на здоровье, посчитал своим правом – смерть?

Смерть – последнее блаженство для осужденного на жизнь⁷⁵.

...

Что же касается влияния Шекспира на русскую литературу, то я удивилась, поскольку мне об этом не было ничего известно.

– Сколько же мне еще предстоит узнать, не правда ли?

– А кому из нас этого не предстоит?

Но в мире русской интеллектуальной мысли у Шекспира, как оказалось, была слава “освященного равной Евангелию приверженностью”. Еще в 1747 году, при царице Елизавете, был переведен “Гамлет”. Он занял место в школьных программах, к тому

⁷⁴ Мехмед Акиф Эрсой (1873–1936, Стамбул) – поэт, автор Национального гимна Турецкой Республики (1921). – *Примеч. пер.*

⁷⁵ Стих, идеализирующий смерть, преисполнен апелляциями к мусульманским достоинствам. М.А. Эрсой, сам ревностный мусульманин, говорит о том, что смерть есть заслуженным благом для правоверного, что одним из фарзов – долженствований мусульманина – есть служение своей общине, посредством коего правоверный приближается к Аллаху. – *Примеч. пер.*

же в ставшем тюрьмой для польских офицеров Калининграде⁷⁶. Русская аристократия среди великих миссий, налагаемых на их поэтические души, посчитала специальным и почитание Гамлета. На датских берегах пролива, открывающегося из моря Балтики в Атлантику, в Эльсиноре, крепость, известная как башня Гамлета, стала местом посещения русской интеллигенции, включая и Ленина. Они близко к сердцу приняли то известное вопрошание Гамлета: “Быть или не быть – вот в чем вопрос?”, и со временем тот жизненно важный вопрос, известный в истории русской мысли как *проклятый вопрос*, вопрос о том, *будет ли правильным человеку своими руками положить конец собственной жизни*, – стал именоваться Гамлетовским вопросом.

Мировая скорбь, *hayat yorgunluđı*, со времен царицы Екатерины и особенно во время Александра I, стала причиной самоубийств сотен аристократов-интеллектуалов.

“Человек может приблизиться к собственной божественности только одним деянием, оправдывающим его существование: и это деяние – самоубийство”, – эту мысль впервые мне пришлось услышать от Терезы.

– Я бы хотела думать, что существует и другой путь достижения божественности, – умереть, не умирая! – сказала тогда я и переменяла тему. – Могу я взглянуть?

Я указывала на книгу в ее руках.

– Конечно, пожалуйста, – ответила она и протянула мне книгу. Я провела пальцами по кожаному переплету.

– Такой хороший переплет!

– Если хотите, оставьте себе. У нас дома есть еще один экземпляр.

Я установила, что *домом* было то место жительства, которое она делила с Алексием в Москве, наверное, оттого, что посчитала, что увидела, как она делает знак головой, указывая куда-то на нос самолета.

The Calash by Nikolay Vasilievich Gogol, 1835.

⁷⁶ Автор имеет в виду Катюнь под Смоленском, где в 1940-м по приказу Сталина были расстреляны тысячи польских офицеров, весь цвет довоенной интеллигенции Польши. – *Примеч. лит. ред.*

Это был первый рассказ. “Коляска”. За ним следовали “Тарас Бульба”, “Вечер на кануне Ивана Купала”, “Портрет”, “Нос” и “Повесть о том как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. Тереза, должно быть, в данный момент читала “Коляску”, так как изысканная закладка лежала именно там.

“Провинция Б, с тех пор, как туда переехал кавалерийский полк, очень ожила. До тех пор в провинции царила мертвецкая скука. Ваше перо отказалось бы живописать все то, что доводилось вам чувствовать, проходя по центральным улицам и лицезрея маленькие кирпичные домики по обеим сторонам... давно прошло то время, когда, по традиции, очень часто встречающейся в маленьких южнорусских провинциях, начальник жандармерии приказал выкорчевать в садах все деревья, чтоб те не портили пейзажу... полным переполненные пылью и мягкие, как подушка. При наималейшем дождичке эта пыль превращалась в грязь и в такие времена улицы наполнялись свиньями...”⁷⁷

Я помню, как *в душе* сказала себе: не свиньями, а телятами.

Мне была известна та пыль, которую Гоголь называл *мягкой, как подушка*. Та пыль была пылью на ресницах моего отца. Когда я, услышав звук его джипа, выскакивала на порог, я не могла узнать ни его, ни его водителя дядю Салиха. Оба они были с головы до ног в пыли, словно на них сверху высыпали мешок цемента. Они возвращались с переговоров на русской границе. Верх джипа был открыт, переднее стекло опущено и сложено на капот двигателя. На капоте была звезда с полумесяцем, она

⁷⁷ В оригинале у Гоголя: “Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять *** кавалерийский полк. А до того времени было в нем страх скучно. Когда, бывало, проезжаешь его и взглянешь на низенькие мазаные домики, которые смотрят на улицу до невероятности кисло, то... невозможно выразить, что делается тогда на сердце: тоска такая, как будто бы или проигрался, или отпустил нехстати какую-нибудь глупость, – одним словом: нехорошо. Глина на них обвалилась от дождя, и стены вместо белых сделались пегими; крыши большею частию крыты тростником, как обыкновенно бывает в южных городах наших; садики, для лучшего вида, городничий давно приказал вырубить. На улицах ни души не встретишь, разве только петух перейдет чрез мостовую, мягкую, как подушка, от лежащей на четверть пыли, которая при малейшем дожде превращается в грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются теми дородными животными, которых тамошний городничий называет французами...” – *Примеч. пер.*

тоже была погребена под слоем пыли так, что ее невозможно было различить. Когда мой отец, прыгивая с джипа, дал мне знак не подходить близко, он как будто исчез в густом облаке. Форма его еще много дней висела на натянутой во дворе веревке. Мама то и дело колотила эту униформу отца палкой, чтоб выбить из нее пыль, но, странно, это не было похоже на выбивание ковров. Я помню, что ее так и не удалось ни выбить, ни вычистить, и пришлось выбросить. Кажется, в последней попытке кто-то попытался вычистить ее влажной тряпкой, но тут же превращающаяся в грязь пыль до того безвыходно въелась внутрь ткани, что пиджак стал похож на кол. Это была значительная потеря, потому что униформу выдавали раз в два года. Мой отец остался без формы. Мама говорила, что когда отец выезжал на вверенную территорию, и к тому же на открытом джипе, она не поняла, почему он не надел свою служебную фронттовую одежду, а штабную униформу; мой же отец никак не мог объяснить маме, что никак невозможно было показаться перед русскими на переговорах в старом костюме.

Должно быть, я усмехнулась, потому что услышала, как Тереза спросила:

– Вы нашли что-то понравившееся?

– Кавалерийский полк, – ответила я. – Мой свояк был кавалерийским офицером. Когда он служил *в нашей провинции Б*, – *с тою только поправкой, что наша Б была не Б, а С – то есть Сарыкамьш, значит*, – (я выделяю тут курсивом то, что подумала, но не произнесла вслух), – он набил соломой внутренности умершего коня и выставил перед комендатурой. Я была ребенком и до тех пор еще ничего подобного не видела; поэтому помню, что наблюдала как завороженная.

То же самое было и с местной публикой. Таксидермию не часто встретишь в Турции.

– So! Он был мастером!

– Даже если и так, то он не делал больше ничего, кроме как наполнял нутро мертвых животных. Может даже, он не делал сам, а покупал где-то, потому что я не видела его самого за работой. В зале его дома были чучела петухов, орлов и даже косули.

Нам не позволяли к ним дотрагиваться. Да я, собственно, и не пыталась. Они напоминали мне мумии, от которых волосы становились дыбом. Я это все к тому, что хорошо знаю, как изменяется с приходом военных частей жизнь сонных провинций, подобно Гоголевской провинции Б.

Вспоминаю, она взглянула на меня с новым интересом.

– То есть, что же происходит?

Я уж собиралась было сказать: возрастает потребление, в лавках рядом с бутылками с уксусом можно встретить, например, бутылочку французских духов “Ля Галльон” или косметики “Эйвон”, но вспомнила, как Тереза жаловалась на МакДональдс подле православной церкви, и вставила:

– Происходит все так, как у Гоголя.

Так или иначе, но с приходом кавалерийского полка менялось все. Улицы ожили и наполнились совершенно иным духом. Живущим в маленьких домишках предстояло с тех пор наблюдать, как перед их дверьми проходят хорошо сложенные и тщательно одетые офицеры по дороге в штаб, чтоб повидаться со своими товарищами по оружию, а может, и обсудить возможности из повышения в чине...

– Здесь идет речь о перьях на шляпах офицеров царского времени. У наших перьев не было, но были бронзовые листочки дуба на козырьках фуражек, блестящие золотом на солнце.

– А почему дуба?

– Откуда мне знать.

“...вдруг отделяющие дома друг от друга плетни наполнились вывешенными на солнце фуражками, а с карнизов дверей стали свисать серые шаячные шинели...”⁷⁸

Смех Терезы прервал мое чтение.

– Вши. Их вывешивали на солнце, чтоб повылазили вши. Автор пытается это дать понять.

– Да вы что?

⁷⁸ В оригинале: “Деревянный плетень между домами весь был усеян висевшими на солнце солдатскими фуражками; серая шинель торчала непременно где-нибудь на воротах”. – *Примеч. пер.*

– На самом деле. Вши и паразиты в общем смысле слова были неотъемлемой частью русской жизни. Если пользоваться современной военной терминологией, бедные русские вели со вшой войну подобно партизанской. Лес, вы понимаете, не так ли?

Ожидая, что Россию ждет очередное унижение, я воспротивилась.

– Я не могу одновременно представить себе вошь с лесом!

– Я понимаю, что вы хотите сказать, – рассмеялась она. – Дико представить рядом образ леса и вшивой заразы! Но русские, которых монголы вытеснили на север, вырубали в лесу просеку и на опушке строили дома. Эти деревянные избы становились убежищем не только для крестьян, но и для других крошечных существ, когда земля замерзала, они скрывались в человеческих убежищах. Следует понимать, люди подвергались нападению армии невидимых паразитов и грызунов; те питались их припасами и телами! В короткие летние месяцы комары, а, когда они надевали свои зимние меховые тулупы, – повсюду тут как тут вши! Эпидемии чумы в четырнадцатом и семнадцатом веках были, по всей вероятности, похуже, чем таковые в западной Европе. И с этой точки зрения я не думаю, что положение дел в удаленных селах в наши дни чем-то отличается от прежнего.

Она указала на книгу.

– Гоголь в “Ревизоре” уподобляет посланных царским правительством в сельскую местность чиновников и ревизоров армии этих паразитов и грызунов. Вы помните “Записки из подполья” Достоевского? Как много там тоже ссылок на насекомых! И потом, описание в произведении “Бес попутал”, мышшь, грызущая икону, описания превращения общества в стаю комаров!

Она поежилась, будто озябши.

– Бррр!

Я обрадовалась тому, что пришло время завтрака. Это позволяло прекратить беседу, не обижая собеседника. Мы опустили столики на спинках находящихся перед нами кресел почти с ритуальной торжественностью и встретили подаваемый обед с видом, будто помирали от голоду.

– Приятного аппетита!

– И вам также!

Конечно же, я гораздо раньше прочла и Гоголя, и Горького, Айдемира и Достоевского. Разве был кто-то из поколения 1968-го, кто не читал всего этого?! Но люди читают находящиеся у них в руках тексты на волне собственных ожиданий от них и целей, и слова вспыхивают поэтому искомым ими значением, более того, слова просто силой лезут вам в глаза. Читать похоже на ночное путешествие. Слова – как фосфоресцирующие знаки по обеим сторонам асфальта. Покуда их не коснулся свет ваших фар, они спокойно ожидают, но стоит только прикоснуться их светом – и ахх! – они вспыхивают сиянием. Они настолько живы, что когда вы, сидя в вашем авто, отпрянете назад и проедете, вам кажется, что они и позади вас продолжают распространять пучки света. Но это не так, они снова погребены в темноте, и до тех пор, пока их снова не возжег свет фар нового авто, они исчезают из виду. Я хочу сказать, что, как оказалось, я все время держала руль все в одном направлении и видела огоньки в глазах все той же кошки! Ибо между тем, что, как я думала, прочла из русской литературы в Стамбуле и тем, что выпало на мою долю впоследствии из нее же прочесть под руководством Галины Алексеевны в Москве, не было и капли подобного. Гоголь написал в свое время: “*Офицеры* привнесли в высшее общество Б. великое оживление”.

До тех пор высший свет состоял из судьбы, сожительствовавшего с супругою *дьякона*, и начальника жандармерии, который собственно был очень разумным человеком и поэтому спал с утра до вечера и с вечера до утра.

Что на это говорила церковь? В Сарыкамыше было заранее известно, что ожидает жену имама, отважившуюся изменить с судьей. Я отметила про себя, что мне необходимо изучить функционирование Русской православной церкви.

“Это всеобщее движение еще более возросло, когда в провинцию Б. перебрался дом командира дивизии. Живущие в окрестностях ее совершенно никому не известные господа стали навещаться в Б., чтобы посетить господ офицеров или чтобы сыграть в *банк* – карты, о которых они не очень-то знали, что это

такое, ибо в обычные дни были заняты полевыми работами, прихотями своих жен или охотой на зайцев”⁷⁹.

Те, кого он называл *господами*, – лица без профессии, живущие за счет земельных доходов, были для меня *ага*⁸⁰. В Сарыкамыше ага действительно приходили к офицерам с визитом, но я никогда не видела, чтобы они вместе играли. Я поставила *банк* на место игры в домино, *безик*, в которую играют деревянными брусочками, с помощью которых отмечают числа, называемые *маркоз*. Я вспомнила, что моя мать прекрасно играла в *безик*.

К тому же, мама прекрасно играла и в нарды. Она переигрывала и Бехчет Пашу, и Айдынальп Пашу, доводя их до бешенства. Наверное, поэтому она была гостьей, без которой невозможно было себе представить собрание в высшем офицерском обществе. Я так углубилась в воспоминания, что Гоголь писал: “Очень сожалею, поскольку не могу припомнить, по какой причине в тот прекрасный день генерал решил дать пышный обед...”, я же вмешивалась: “Стой, я помню: это были фазаны”.

Крестьяне в качестве благодарности Бехчету Паше принесли было дюжину фазанов, поскольку тот был бригадным лекарем и в свободное время после рабочего дня пользовал крестьян бесплатно. Родственники больных, знавшие о том, что он падок до фазаньих шеек, наловили фазанов и принесли ему, ровно двенадцать штук. Супруга же Паши бросилась к магнитному телефону и позвонила моей матери.

– Доченька, давай я тебе их отправлю, ты с ними что-нибудь сделай. А то снова меня ноги в могилу сводят!

У нее были опухшие от слоновьей болезни ноги.

“Приготовления были сделаны, как перед судным днем”...

⁷⁹ В оригинале: “Общество сделалось еще многолюднее и занимательнее, когда переведена была сюда квартира бригадного генерала. Окружные помещики, о которых существовании никто бы до того времени не догадался, начали приезжать почаще в уездный городок, чтобы видаться с господами офицерами, а иногда поиграть в банчик, который уже чрезвычайно темно грезился в голове их, захлопотанной посевами, жениными поручениями и зайцами”. – *Примеч. пер.*

⁸⁰ Ага – видный, влиятельный турок, крупный землевладелец в селе; ист. Титул, даваемый некоторым начальникам военных частей в Османской империи. – *Примеч. пер.*

И правда! Ощипать фазанов само по себе было проблемой. В них было полным полно пуха. Мать выбрала самый лучший пух, отложила его и потом сделала себе шляпу. Прекрасную шляпу, как раз для того, чтоб надеть на выход по случаю празднования 29 октября!⁸¹

“Звуки ножей, доносящиеся из кухни, слышались во всех дворах городка. Рынок будто был разграблен. Судья и супруга дьякона были вынуждены готовить в тот день пудинг и блины. Маленький двор дома, в котором проживал генерал, наполнился экипажами. Все гости были мужчины, офицеры и окрестные аги”⁸².

Ну, уж не настолько! Ни звуков ножей не доносилось на улицу, ни базара никто не грабил! Между прочим, *пудинг*, сладость консистенции халвы, изготавливаемая из молока, яиц и сахара, и *блины*, мучное изделие, которое я бы сравнила с нашими *лалянгой* или *крепом*. Тогда же мама сварила *тавук гёгсю*⁸³. Я полагала название так, как есть, и была удивлена, увидев, что это блюдо действительно готовят из куриных грудок. В стоящем на плите казане с молоком белое куриное мясо, начав кипеть после обеда, кипело, кипело, и к пяти часам слилось в одну массу и пожелтело. К тому же, повозки не занимали всего пространства перед домом, ибо офицерам было запрещено использовать служебные экипажи в личных целях, и они пришли пешком вместе со своими семьями. Не только ага, но даже гражданских не было никого.

Я не знаю, что там думали паши, но твердо знаю, что мой отец не выносил на дух ни губернатора, ни околийского начальника, потому что говорил, что в переговорах с русскими – которые были проведены на предмет повторной регистрации за Турцией

⁸¹ День Независимости Турции. – *Примеч. пер.*

⁸² В оригинале: “Стук поваренных ножей на генеральской кухне был слышен еще близ городской заставы. Весь рынок был забран совершенно для обеда, так что судья с своею диаконицею должен был есть одни только лепешки из гречневой муки да крахмальный кисель. Небольшой дворик генеральской квартиры был весь уставлен дрожками и колясками. Общество состояло из мужчин: офицеров и некоторых окружающих помещиков”. – *Примеч. пер.*

⁸³ Тут игра слов: букв. – куриные грудки. Вместе с тем, существует одноименная турецкая сладость типа молочного киселя, запеченного до румяной корочки в духовой печи. – *Примеч. пер.*

—•••••—

участка территории, который нашей стороной ранее не использовался и был как бы им оставлен, — они вели себя безответственно.

Например, у нашего губернатора не было даже своего переводчика, и ему приходилось просить о переводчике у русских, а те практически всегда были армяне.

“Около ста лет тому назад никто бы нашего села и не узнал; это и не село было вовсе, а лачуги; лачуги из самых беднейших. Около десяти полуразвалившихся хозяйств, с небелеными и погаными домами; — разбросанных то там, то сям меж посево́в. Там не было ничего, что бы можно было назвать двором или загоном, где бы могли укрыться скотина или повозки. И это был образ жизни богатых. А если же вы искали наших братьев, то есть бедных, — то вот вам, но́ра в земле, — но́ра, на самом деле бывшая избою. По сочащемуся из но́ры дыму вы бы понимали, что там живут творенья Господни — люди, и спросили бы: “Хорошо, но почему? Почему люди живут под землей?” Причиною была не только нищета; какое-то время практически каждый там казачествовал, и поэтому нагребил в чужих краях военной добычи, каковую считал принадлежающею ему по праву. Причина же их жизни под землей — они не видели необходимости возводить хорошие деревянные избы. Во всех концах страны крымчаки, поляки и литовцы продолжали мародерствовать! В любой момент было очень возможно, чтоб собственные сограждане устроили на соседей набег и грабеж всего, что только было. В то время все было возможно”.

На этот раз — у меня в голове разделы из какой-то книги:

“Зима 1944-го была необычно холодной. В Каракёсе снег был выше крыш. Насилу открыли деревянные двери изб и выкопали туннели. Туннели соединили с соседскими. Так поступили те, у кого двери были деревянные. Те же, у кого таковых не было, жили под землей. Те их убежища были более защищены от стужи: когда дым вырытых посреди избы печей стелился по земле и стенам и просачивался через отверстие маленькой трубы, они нагревались, и становилось

тепло-тепло. Запах сажи смешивался с запахом кизяков и оседал на коже людей...

В один февральский день нога одного из белых коней двадцать девятого кавалерийского полка провалилась в одно из таких убежищ. Покуда они пытались понять, в чем суть да дело, из-под земли появились люди. Они перекликались на языке, доводящем всадника до гнева. Один из солдат сказал: Курманджан, мой командир. Всадник отряхнулся, ногу лошади перебинтовали и двинулись своей дорогой. Вслед за ними из ямы с пробитой крышей донесся плач..."

Приехавший в область вместе с оккупационными казачьими формированиями в 1829 году Пушкин возненавидел Эрзурум⁸⁴, о котором говорил: *грязен, как свинья, и кишит болезнями*. Когда я подсчитала, что между написанием двух текстов прошло более ста пятидесяти лет, у меня больно сжалось сердце.

В годы, когда мой отец служил на *Восточной службе*, в области не было грабителей, и жизнь людей под землей была обусловлена, судя по всему, их нищетой. Во времена холодной войны Турция так и не смогла излечить ран, нанесенных Второй мировой. Правительство, с одной стороны, оказалось перед тяжелыми экономическими проблемами, а с другой – перед лицом угрозы Советского Союза. Сельскохозяйственное производство в 1945 г. по сравнению с 1939-м упало до одной трети, национальный доход на душу населения – до одной четверти, хлеб выдавали по карточкам. По официальным данным, инфляция составляла триста пятьдесят четыре процента, но на самом деле говорили, что она гораздо как более высока, потому что покупательная стоимость валюты упала по сравнению с 1939 годом до одной пятой. Сталин упрямо настаивал на необходимости передачи ему под контроль проливов Босфор и Дарданеллы, и, кроме того, он требовал, чтобы огромный участок территории, оторвав от северо-восточной Анатолии, передали в пользу Грузии. Именно в ту пору Турция обернулась лицом к Соединенным Штатам Америки. Оказание военной помощи было начато в

⁸⁴ Город на северо-востоке Турции, считается, что находится в регионе с самым студеным климатом. – *Примеч. пер.*

1947-м, а экономиче-ской – в 1948 году. Мой отец говорил, что он никогда не забудет тот первый день, когда увидел на патрон-ташах своих солдат тиснение U.S. Эти штампы тогда выглядели так, будто они были свидетельством того, что на самом деле война за Независимость была нами проиграна, и мой отец, здоровенный майор, тогда расплакался.

Вполглаза я взглянула на Терезу. Какое-то время она говорила по-русски с соседом по креслу по другую сторону. Заметив мой взгляд, она пригласила: “Познакомься с Шеннур!”

– Исключительно предприимчивая турчанка! Она очутилась в Москве еще ранее меня, и приезжает туда уже с 83-го! И очень любит русских!

Уроженка Пловдива турчанка Шеннур ханым выглядела не старше тридцати пяти. Когда я спросила, что ей было делать в России в такое время, как 1983, она сказала, что ездила в Москву в студенческий лагерь по путевке, организованной ее институ-том в Пловдиве. Там она влюбилась в одного из организато-ров лагеря, технолога стекольной промышленности по имени Андрей, и чуть было не осталась и не вышла за него замуж, но что-то не сложилось.

– Вы знаете, мы в Болгарии были под влиянием сохранения этнической чистоты в семье. Если бы я вышла замуж за русского, это бы ранило мою мать в самое сердце! Но любила я его страшно. В 1989 году мы уехали в Турцию. Когда в 1993-м я приехала по делам бизнеса в Москву и позвонила по прежнему телефону, трубку сняла его мать Лидия Георгиевна. Андрей оказался дома, она позвала его, мы поговорили и встретились. Он женился, после измены жены развелся. Он бросил свою работу на сте-кольной фабрике. Тоже ездил торговать в Турцию. Контрабанда сигарет. В тот вечер мы встретились у него в офисе под семью замками. Обнялись, расцеловались, выпили вина. Мы ж были влюблены друг в друга, того и гляди, бросимся в постель, и я бы не смогла сказать “нет”! Но Андрей так вот подтолкнул меня за плечи, и сказал: “Ты не позволила мне быть твоим первым, и я не позволю, чтоб ты была тысяча первой!”, и так со мной и не пере-спал! Вот такие вот люди эти русские!”

Она ехала на юг, на оружейный завод в Саратовской области менять по бартеру на турецкий текстиль накопившиеся на складе излишки сырья, которыми они располагали. Она рассказала также, что русские открыли эту область для доступа иностранцев совсем недавно, что она была первой иностранкой, которая туда приехала, и чтобы остановиться в отеле, должна была получить разрешение министерства внутренних дел.

Поскольку такого разрешения не оказалось, принимающая ее фирма вынуждена была поселить ее на квартире у какой-то бабушки. Было плохо, что идущие туда поезда очень медленны, при воспоминании о том, что от Москвы ей еще тридцать шесть часов езды, она уже чувствовала усталость.

– Разве нет самолета?

– Летают Антоновы, но чем в них садиться, я лучше на спине мула поеду, – рассмеялась она. Где те самолеты! Раньше мы и в Москву летали на Туполевых, Туполев 134, они не намного были лучше Антоновых, но что поделаешь!

Ночные поезда были и того хуже.

– В русских поездах нет отдельных женских купе. Вы знаете, один раз, отправляясь из Киева в Одессу, я открыла двери купе, а там – совершенно голый мужчина! Я тут же захлопнула дверь и бегом к проводнику: – там в купе голый мужчина, я не могу с ним ехать! Всучила ему в руку какие-то два-три доллара: – найдите мне другое место!

– Нет проблем! – сказал он и отвел меня в другое купе. Открыл дверь – а там накурено так, что света белого не видно, две русские тетки сидят напротив друг дружки и потягивают *кафу*⁸⁵, на столе разложена свиная колбаса и соленые огурцы. Резкий, бьющий в нос смрад лука, чеснока и уксуса першит носоглотку.

– Но я и здесь не выдержу, найдите мне другое место!

– А других мест нету!

– Ну, если других мест нет, то вы, пожалуй, ступайте, скажите тому мужчине, чтобы он пристойно оделся, тогда я пойду в то купе и уж переночую там. В ту ночь мы спали в одном купе с тем

⁸⁵ Кофе (балканизмы то и дело встречаются в разговорной речи уважаемой Шеннур ханым). – *Примеч. пер.*

мужчиной! Русские мужчины считают, что турчанки загадочны и преисполнены тайн. Они чрезвычайно осторожно общаются с нами. Тот мужчина за весь вечер со мной даже не заговорил. Я читала книгу, он выпивал. Я погрузилась в сон. В полшестого утра включили музыку. Таковую, как будто кто-то ветер пытается перекричать. Рассказ о несчастной любви, как наш плач “На Ардинских берегах⁸⁶”. Вы же знаете наши балканские тюркские *агыты*⁸⁷? Я еще сонная, думаю, все, в купе – люди в каракулевых папахах. Не могу слез сдерживать. А, оказывается, это музыку передавали! Ну да ладно.

Поезд прибыл на станцию с опережением на два часа. Мне надо было дождаться встречающих. Вы знаете, мужчина этот ко мне подошел и спрашивает:

– Вас будут встречать?

Видит, что я не местная, и очень уважительно.

Русские женщины, с которыми я работала, тоже говорили:

– Вы, турчанки, такие счастливые: в Стамбуле все сливки с пенкой первым вам подают, а здесь наши мужики, чтоб Россию не опозорить, вокруг мотылями вьются. Правду, значит, говорили. Тот мужик, пока за мной не приехали, от меня не отходил. Целую ночь мы промолчали, зато потом за два часа выговорили друг другу всю биографию! Но в путешествиях так и бывает, правда ведь? Смотрите, как я перед вами разговорилась!

Я не хотела, чтоб очередь рассказывать подошла ко мне. Немного от этого, а немного и оттого, что молодая женщина действительно заинтересовала меня, я спросила, как она занялась этим делом.

– После того, как мы эмигрировали из Болгарии, я начала работать секретарем на фирме в Каракёе, которая экспортировала моющие средства в Россию. Так как у меня прекрасный русский – я закончила русскую филологию в Пловдиве – я напрямую связывалась с клиентами. За несколько месяцев меня сделали кем-то вроде директора по продажам. Как раз в ту пору

⁸⁶ Река Арда течет на Балканах на территории Болгарии, в местах локального поселения тюркского населения. По имени реки назван город Ардино. – *Примеч. пер.*

⁸⁷ Плач. Типичный жанр устного народного творчества тюрков. – *Примеч. пер.*

моей матери поставили диагноз ЦР. Она и в Болгарии болела, но тогда не смогли поставить диагноз. Всю жизнь проработала на табаке, была совершенно здоровой женщиной, и вдруг – ни руки, ни ноги не держат. И там врачи из жалости сказали: дескать, она сознательно хочет умереть. Сказали, потому что я забеременела от врача-стажера в больнице, где лежала моя мать, понимаете? Он был болгарин. Его семья тоже меня не приняла, но мы все равно собирались пожениться. Впоследствии его мать очень сожалела, что разлучила нас. Она перед смертью позвонила мне из Стамбула и просила ее простить. Когда я ехала на праздник в Пловдив, я навестила ее, так она собрала мне узелок к приезду. В этом узелке были вещи – “приданое” Григория к свадьбе. Со словами: Это приданое – по праву твое, – она отдала мне их. Я взяла, привезла в Стамбул и положила в сундук с приданым Джанан. Пусть хотя бы она пользуется, ведь правда же? Джанан – это моя дочь. Ей еще шестнадцать, но годы, как птицы, летят. У меня еще есть трехлетний сын.

Я спросила, за кого она вышла.

– Естественно, за турка! – Неджип. Он работал на табачной фабрике, куда колхоз, где работала моя мама, сдавал продукцию. Я знала, что ему нравлюсь. Когда из Турции только появлялись кассеты типа Неше Карабёджек⁸⁸, он сразу приносил и дарил их мне, так сказать, в знак любви. И только лечащие врачи мамы со мной поговорили, я осознала свою миссию, вы понимаете? Прежде всего, я пошла и сделала аборт, через полчаса позвонила Григорию и сказала: “Мы эмигрируем в Турцию”. Потом позвонила Неджипу и сказала: “Мы эмигрируем в Турцию. Поедешь с нами?” Я также сказала, что уже не девственница. Ему было неприятно, но он все-таки на мне женился, ведь любил очень, понимаете? В Стамбуле мы оба устроились на работу. А примерно через пять–шесть месяцев маме поставили диагноз ЦР. Врачи сказали, что для лечения надо в год тридцать тысяч долларов! Если я найду тридцать тысяч, моя мама выздоровеет! И я взяла, попросила у мамы в долг тысячу долларов и

⁸⁸ Турецкая певица 1950-х годов. – *Примеч. пер.*

основала совместную фирму с еще одним партнером. Пятьдесят один процент акций – за мной, сорок пять – за ним, и еще четыре – за работавшей там девушкой. Я начала посылать на фирму товар с того места, где работала. И товар посылаю, и перенаправляю приезжающих к нам на фирму русских заказчиков! За короткий срок я сделала пятьдесят тысяч долларов! я думала, что спасла маму, но оказывается, лечения ЦР не существовало, можно было только замедлить развитие болезни,... а этого в Турции не делали. Таким траволечением занимаются русские врачи. Я вожу травяную смесь из России, такие можжевельные шишечки, Melissa, чертов рот, корень валерианы – они его так называют, как по-турецки, не знаю. И это все мы кипятим и поим ее, и помогает. Бизнес продвигался успешно, и я подумала, почему бы не продолжить. Взяла и открыла филиал в Ростове, начала поставки под кредит, так еще лучше пошло. Но потом я нехорошо поступила, позавидовала прибылям по тем четырем процентам, что получала девушка. В месяц она забирала моих три тысячи долларов, но она же и вела дела, вы понимаете?

Я взяла и выгнала ее с работы, а на ее место поставила исполняющего на пятьсот-шестьсот долларов зарплаты. И этот подлец меня ободрал! Оказывается, что я связалась с чеченской мафией, посреди зимы отправила двенадцать сорокатонных контейнеров, и в дороге товар раскис и сгнил!

– Что за товар?

– Краска для обуви. Краска для обуви не хранится зимой. При температуре ниже десяти градусов она раскисает и гниет. Наш Мехмет не застраховал груз, и тут вдруг как застрянут сто двадцать тонн груза в порту! Контейнеры надо разгрузить, опорожнить, а тамошние говорят, мы здесь не можем море загрязнять, везите куда хотите и там выбрасывайте. И кому разгружать, кроме мафии бывших русских офицеров, но и они не помогли, дескать, ты с чеченцами работаешь, твои товары разгрузить дорого обойдется.

– А куда опорожнять?

– Да уж где-нибудь посреди Черного моря, но ведь цену себе набивают, потому что у меня бизнес и с чеченцами. Я им говорю:

я бизнесвумен, и им, и вам поставляю товар на одних и тех же условиях, что вам еще надо? Русские вооружены до зубов. Чеченцы такие же. Те говорят: “Ты мусульманка, должна работать только с нами”. Чеченцы религиозны, у них нет такого, как у русских, водка там, всякое такое, но еду берут руками, когда едят мясо, жир так и каплет, а я вегетарианка, меня тошнит, не могу даже смотреть. Так они обижаются на меня за то, что я у русских останавливаюсь. Один раз спустили на меня ротвейлера, тот догнал и намертво вцепился мне в руку. А хозяин-чеченец вперился так в меня взглядом и не наказывает собаке, чтоб та руку мне отпустила, будто говорит: не будешь делать, что тебе говорят, – вот так будет! Я так испугалась, первое, что сделала, вернувшись в Стамбул, – это завела и себе ротвейлера, чтоб победить страх! Да что там, на том деле я потеряла ровно двести тысяч долларов! Для меня это большие деньги, накрылись все мои сбережения. Сейчас говорю себе, что это воздаяние за Алмилу, ту девушку, которую я выгнала, воздалось мне по заслугам за Алмилу! Прошло двадцать дней, мне пришлось там остаться.

Звонит Неджип, дескать, я с тобой развожусь. Звонит мать, типа от меня как от дочери откажется. Ребенок заболел. Русские ни в ус не дуют. Денег нет. Там через одну из рек, впадающих в Днестр, есть мост, мы как раз через него переезжали, я остановила машину, вышла. Гляжу, внизу речка льдом взялась. Что, если я туда брошусь с моста, что будет? Да ничего-о-о! Да ничего не будет. Я собственно сделала себе страхование жизни в пяти местах, от Япы Креди⁸⁹ до Швейцарских банков. Сделала из мысли, если свалюсь, как мать, кто обо мне позаботится? К тому же, никогда не забывала вкладывать в Баг – кур, кроме того, два страхования жизни, детям на жизнь хватит. Юра, парень во главе нашего представительства в Ростове, за рулем он был, подошел, обнял меня: “Расслабься, ты слишком устала. Давай тебе вечером *досуг* организуем, в себя придешь, восстановишься”. Я-то думаю, что *досуг* – это что-то типа прогулки по Днестру, вечера с ужином

⁸⁹ Считается одним из наиболее надежных банков Турции. – *Примеч. пер.*

в ресторане, потому что в газетах видела раньше объявления о *досуге*. Ну да ладно, наступил вечер, сижу дома, пью виски, позвонил Юра: “Как ты?” Я ему: “Юра, срочно хочу *досуг!*”. Юра так запнулся, потом: “Нет проблем, все устроим”. Положила трубку, через какое-то время – звонок в дверь, это жена Юры приехала и говорит: “Ты этот *досуг* не так поняла, то, что ты хотела, – это девочки по вызову, обслуживающие бизнесменов, но есть и мальчишки. Хочешь, я тебе устрою, подберу чистенького?” И подумайте, в каком я положении, а она говорит: “Смотри, сколько ты уже здесь, ты молодая женщина, твои потребности – это совершенно нормально”.

– Очень прошу прощения за то, что перебиваю, – Тереза указала на стюардессу. – Если вы хотите купить что-нибудь по свободной зоне, – это последняя возможность. Мы вот-вот садимся.

Шеннур ханым указала на турецких бизнесменов в самолете.

– Смотри, сейчас они своим любовницам в Москве духи покупать будут, духи и виски. А ты что-нибудь купишь?

– Нет, а вы?

– У меня-то в Москве любовника нет, – отвечала Шеннур ханым.

Тереза сказала, что купит Алексею лосьон после бритья.

– Ну-ка, есть ли “Хьюго Босс”? Алексей любит “Хьюго Босс”.

Указывая рукой на стюардессу, она добавила:

– Если ты пьешь спиртное, то советую и тебе купить – в Москве уже появилось все, но контрабандное. Страшно дорого.

– Могу себе представить.

– Мелкие подарочки всегда бывают полезны, – произнесла и Шеннур ханым. – Но даже и без таможенных пошлин, тут покупать очень дорого. Я с собой везу. Из Стамбула.

Я и раньше слышала, что пара чулок может открыть двери о семи печатях. Я взглянула ей в лицо, предупреждает, что ли, но она не подала и виду. Я же не могла представить себя покупающей подарки для будущих взяток. Точнее, я не могла увидеть себя в ситуациях, когда мне бы пришлось давать взятку или, скажем так, бакшиш. С Гоголем, которого я крепко-накрепко дер-

жала в охапку, в голове Сарыкамьш, я наблюдала за вдохновенно делающими покупки турками. Бизнесмены всех возрастов и групп достатка, и лезущее мне в голову предложение: *“В одну эпоху одним махом живут во все эпохи!”*. Практически вслед за этим – донесшийся из заднего кресла уверенный в себе турецкий голос, ясное дело, принадлежавший молодому человеку:

– Потребление на душу населения пива в России тридцать четыре литра, в Западной Европе – семьдесят восемь литров. Если принять во внимание разницу в доходах, весь потенциал – как на ладони.

– Рассматривайте Россию как пять регионов, – говорил он. – Северный регион, включая Санкт-Петербург, где потребление пива на душу населения самое высокое в России, достигает сорока восьми литров. Затем средний регион, включая Москву, – второй по потреблению пива в России регион, сорок пять литров. В южном регионе наиболее посещаемый туристами город Ростов. Восточный регион охватывает Урал и Западную Сибирь. Это регион, где на душу населения приходится самый высокий процент национального валового продукта, промышленный регион с богатыми нефтяными месторождениями. Но потребление пива сравнительно более низко. И не потому, что там меньше пьют, а потому, что по сравнению с европейской частью России там расположено меньшее число пивных заводов. Потом, дальневосточный регион с Владивостоком, где потребление ниже среднего. Снова-таки, не забывайте, что даже в самых бедных дальневосточных областях потребление пива на душу населения всего на десять процентов меньше среднестатистического уровня по стране.

Я не выдержала, обернулась посмотреть, кто же говорит. Это был красавец с Эгейского побережья в последней поре второго десятка лет жизни, и даже с места, на котором он сидел, было ясно, как он высок. Помню, что догадалась о его эгейском происхождении по его произношению и манере сидеть. Эта манера сидеть не была похожа на позу молодых сотрудников организаций, занимающихся банковской деятельностью или ценными бумагами, получивших образование в Штатах; получившие шанс

работы за границей разбрасывали ноги под другим углом. Поза же этого молодого человека была такой, в которой вы отдавали должное его воспитанности, но при этом в ней не было стыдливости, я подумала, что это был *турок, в деле достигший мировых стандартов*. Он мне понравился. Должно быть, я как-то выдала себя, ибо он ответил на мою улыбку ошарашенной, но улыбкой. Я могла заметить, как он думал, откуда мог меня знать.

– Мы не испытали на себе влияния последнего кризиса в России, – продолжал он. – Наоборот, общее возрастание потребления алкоголя отразилось и на пиве, и даже в более высоких процентах, потому что пиво дешевле других спиртных напитков. Наши продажи возросли на пятьсот пятьдесят четыре миллиона литров. Падение стоимости рубля имело еще одну выгоду – уменьшение импорта, и поэтому внутренний рынок пива заполнили мы. Русские – патриоты, и покуда качество отвечает мировым стандартам, будут предпочитать отечественное пиво. Это и стало причиной того, что мы, как ЕБИ, кроме собственной марки, выдвинули на рынок “Старый мельник”. В рекламной компании мы делали акцент на отечественном производстве и качестве. “Старый мельник”, что значит *ibtiyar deđirmenci*, – ностальгическое название, тепло воспринимаемое русскими. Она оказалась очень успешной. Сейчас, этим летом, мы повышаем производительность московской фабрики со ста пятидесяти литров до трехсот литров. По нашим прогнозам, с 2002 года потребление пива на душу населения в России возрастет до шестидесяти литров.

Я отложила себе где-то в голове название “Старый мельник”, и в последующие годы каждый раз, когда видела зеленую этикетку с изображением мельника, вспоминала блестящие черные глаза того красавца.

Тереза, окончившая шопинг, спрашивала у пловдивчанки, каково это быть мусульманке предпринимательницей. Я услышала, как молодая женщина сказала: “Мы мусульмане, но в Пловдиве убивали за то, что ты – турок, а не за то, что ты – мусульманин. Собственно, мы и Священного Корана-то не знали, начали изучать только в Турции”.

Я оставила их и вернулась к Гоголю. На этот раз другой дьякон рассказывал о дьяконе села Диканьки.

“I remember my old mother was alive then... Я помню, что пожилая моя мать тогда была еще жива, и долгими зимними ночами, когда на улице скрипел снег, мать моя крепко-накрепко прикрывала створки узких окошек нашей хижины, садилась за прялку; рукой она тянула длинную нить, ногой покачивала колыбель и напевала про себя песню, которая до сих пор звучит у меня в ушах. Дрожавшая, будто чего-то боится, лампа освещала нашу избу, трещало веретено; мы, дети, навалившись друг на дружку, слушали дедушку, который по причине почтенного возраста вот уже пять лет как не выходил из дому. Но его рассказы о казацких и польских набегах и выдающейся храбрости Подковы с полтавским каюком и Сагайдачного не занимали нас так, как история о старых временах, от которой волосы становились у нас на голове дыбом и дрожью пробирало до костей. Иногда нас *охватывал* такой ужас, что после пережитой ночи только один Господь Бог знал, каким прекрасным нам казалось все, что попало на глаза! И если в ту ночь нам и приходилось выйти из избы, то мы думали, что видим, как гость из потустороннего мира явился, развалился на нашей постели и спит там. Много раз бывало так, что я считал издали брошенную мною ж самим у изголовья постели одежду лежащим свернувшимся в клубок самим чертом”.

Наш дом в Сарыкамыше... Дом моей матери. Ни полоски из газет с клейстером, которыми забивали оконные проемы, ни навешенный на входные двери большой толстый ковер не уменьшали ни мороза, ни скрежета снегов, скрипевших так, будто по ним на улице проходила гигантская армия. Дрожащее пламя газовой лампы делало еще более достоверными истории “пусть будут в добром здравии” или “алкары”⁹⁰, от которых у нас, сбившихся в кучку и усевшихся на в то же время служившем постелью пружинного матраса детей, мурашки бежали по коже и волосы становились дыбом. Страх, поведенный Гоголем и испы-

⁹⁰ Алкары – ведьма, несущая опасность роженицам; то есть рассказы о нечистой силе. – *Примеч. пер.*

тываемый от возможных набегов запорожских казаков и ляхов, имел свою историческую параллель: тиранию набегов русских и армянских грабителей. Было правдой и то, что каждый темный силуэт материализовался, а мы теряли способность пошевелиться, выйти даже в туалет.

Может, джины, пери и злые духи находят только бедняков? – подумала я, глядя на домашнюю атмосферу в самолете. Потому что ни в отелях люкс, ни на виллах с бассейнами, ни в Кремле – нигде вы не услышите, чтобы о таких шла речь.

Объявили, что мы идем на посадку, и когда я взяла в руки книгу, чтоб закрыть откидной столик переднего кресла, на нее попал взгляд Шеннур ханым.

– О, Гоголь! Великолепно! Познав русскую литературу, не можешь уже читать турецкие романы, не правда ли? То есть, я хочу сказать, что после прочтения “Анны Карениной” Периде Джелаль⁹¹ как бы... ну, не знаю, наивная, что ли? Вас ведь не обидело, что я так говорю, правда? Потому что я училась на русской филологии...

– Нет, ну что вы, нисколько не обиделась. Мне любопытно, почему в такое время вам пришла в голову еще и Периде Джелаль. Мое колебание проистекает отсюда.

Мое впечатление от второго терминала аэропорта Шереметьево: голый бетон, слабое неоновое освещение, все тона от серого и светло-лилового до зеленоватого; кассета фильма прижимистого режиссера, ненавидящего цвет и спешку. Актеры со скорбными лицами и согбенными плечами. Черно-белые художественные фильмы средневропейской полосы семидесятых, атмосфера синематек. Пассажиры задерживающихся на восемь–десять часов самолетов, старающиеся уснуть на полу, привязав свой багаж к щиколоткам ног, тянущиеся очереди к паспортному контролю, беспрестанно трещащие объявления, иностранцы, жалующиеся на изъятие у них мобильных телефонов, утерянный багаж, наглость чиновников, неухоженность,

⁹¹ Периде Джелаль (род. 1916, Стамбул – 2008) – писательница, автор рассказов, репортажей и около двух десятков романов, наиболее известный из которых – “Трое суток” – удостоен премии фонда Седата Симави. – *Примеч. пер.*

потемки, бесконечные лестницы, которым и дела нет до эргономики человека, углы, коридоры, ямки, в которые проваливаются каблуки, туалеты с текущими кранами и залитыми полами, где из рук в руки переходит единственный рулон туалетной бумаги, не удосуживающиеся до разговора продавцы *duty free*. Состояние души – одно из разновидностей “*и чё вам там еще не хватает?*”, при котором одомашнивать и обустраивать созданное пространство считается необязательным, напомнило мне школы, больницы и прочие ведомственные здания цвета военных кораблей в моей стране.

Поэтому, кроме крытого жестянок потолка, – я не видела никогда в Турции, чтоб в качестве обивочного материала для потолков использовали жель, – мне не был привычен второй терминал, ни его плачевным состоянием, ни гробовой серостью бетона. На размышления меня наводило то, что я не заметила в огромном здании ни малейшего следа от веселеньких, будто набивные ткани фабрики Сюмербанка, поделок русских народных мастеров, тех греющих душу человеку деревянных кукол, *матрешек*, лакированных коробочек, пеноподобных оренбургских платков или цветастых шалей и соборов и дворцов, которые позднее я увидела своими глазами.

– Точно, как в постмодерной турецкой архитектуре, не оставившей и упоминания о плетеных кружевах, ткацких орнаментах и резьбе по дереву. Помню, что погрузилась и подумала, что все, что я увижу после этого, буду воспринимать, исходя из моих прежних знаний и опыта.

Если таков аэропорт, то какими же могут быть такси? Я знала, что таксистский бизнес был приватизирован, и это говорило мне о необходимости ожидать полумафиозной монополии в руках определенной группировки, так же, как извозный бизнес в Стамбуле. И плата, и сервис должны были быть соответственными, и за проезд около десяти километров мне предстояло, по всей вероятности, заплатить долларов сто. И действительно, так и произошло. С той только разницей, что такси оказалась машина практически не встречающейся в Стамбуле марки, средней между джипом и бобиком: УАЗ.

УАЗ, должно быть, был выше семидесяти сантиметров, потому что я насили туда запрыгнула. Нечто среднее между военным хаки и коричневым и, полагаю, покрашенный масляной краской, как мы ее называем, потому что никакого металлического блеска она не имела. Там, где находился руль, внутренняя панель управления была снята, и меж датчиками величиной со старый будильник свисали в полном беспорядке кабеля и трубки. Ножные коврики были из палаточного брезента и выглядели самодельными. Я вспомнила, как мои мама и отец мучились, покуда пошили чехлы на кресла своего “Фольксвагена”.

Водитель с типично монгольскими чертами лица, но волосами пепельного цвета и погасшими голубыми глазами объяснил: “Sliyk en’ seksī, nauntūn fifū madīl”, то есть я почувствовала, что причиной употребленного им американизма: “Sleek and sexy”, секси и как по маслу, было его желание предупредить всякую возможность насмешки над состоянием его машины и закрыть нам рот, и снова огорчилась. Пловдивчанка Шеннур ханым перелезла, что парень заявил:

– Самая любимая машина Монголии от Улан-Батора до Москвы! Этот джип символизирует добытые в постсоветскую эпоху демократические права, ибо показывает, что водители обладают правом ехать туда, куда они хотят, так, как они хотят!

– То есть?

– То есть, если вам не нравится дорога, вы можете проломить себе новую дорогу на этом джипе. Настолько сильный у него мотор!

Я забронировала себе место в стоящем на Москве-реке похуже на свадебный торт отеле “Украина”, который, как я узнала впоследствии, был одним из примеров сталинской архитектуры.

Шеннур ханым, предложившая вместе взять одну машину и разделить потом таксу, должна была завезти меня в отель и далее продолжать путь. И действительно хорошо, что мы так сделали, потому что, когда выяснилось, что резервацию перепутали, именно она нашла место в отеле “Россия” и поселила меня там. Иначе будь вы даже в районах, где сосредоточены сувенирные лавки, типа известной улицы Арбат или Измайловского, в те

дни в России встретить кого-нибудь знающего английский, включая и отели, было нелегко. В местах же, где говорили на английском, были такие прилипчивые зазывалы, не хуже чем на Капалы Чарши⁹², что когда они ко мне устремлялись, мне становилось неловко за мои западные костюмы и хотелось воскликнуть, что я не туристка!

– Зашел посмотреть, чем вы тут занимаетесь.

Не помню, от кого я это услышала, но совершенно ясно, что это был кто-то из иностранцев. Когда температура падала ниже минус десяти, у меня околевали ворсинки в носу и раздражались, будто бы в ноздри вставляли ершик для прочистки курительных трубок. Несмотря на то, что было двенадцатое февраля, в тот день снега не было и температура не опустилась ниже пяти мороза, но снег слоем в тридцать сантиметров мог ограничить свободу передвижения даже в таком городе, как Москва. Невзирая на то, что это был громадный мегаполис с населением в пятнадцать миллионов, это был город, удобство в использовании которого уменьшалось кольцами от центра к окраинам. Перевозящим в день девять миллионов пассажиров прославленным метро можно было добраться почти всюду. Пользующаяся у меня особой популярностью система трамваев также была предостаточной. Меня же более нечеловеческой ширины проспектов и площадей этого города ввергали в транс уничтожающие размеры его зданий.

Отель “Россия” был бетонно-арматурным двадцатишестиэтажным чудовищем на три тысячи сто пятьдесят номеров, до которого у меня так и не дошли мозги, зачем его сделали таким огромным. Открытое в 1973 году для посетителей здание имело четыре похожих на крепостные ворота входа, каждый из которых имел четыре башни, точнее, крепостные стены, большие настолько, что вмещали в себя вдобавок к гигантскому Октябрьскому концертному залу, где давал представления мужской балет, еще и три больших кинотеатра.

⁹² Крытый рынок, крупнейший исторический, ныне сувенирный рынок и неприменное место посещения иностранных туристов в Стамбуле. – *Примеч. пер.*

Здание занимало собой полностью остров между образующей центр города известной Красной Площадью, Kızıl Meydan, на востоке, на севере – проспектом Разина и на юге – Москвой-рекой. Москва могла похвалиться бесчисленными ресторанами русской и европейской кухни, а также рестораном Токио, о котором говорили, что это лучший в Москве ресторан японской кухни. Ресторан “Россия”, который выбрали друзья Алексея для празднования его дня рождения, находился на крыше и выходил окнами на Кремлевскую башню.

Царствование дня Божьего в февральский день в Москве длится не дольше девяти часов. В восемь утра начинает сереть, а вечером немного позже пяти солнце уже практически полностью садится. Загораются огни на кремлевских башнях!

Сколько же видывала я дворцов, от Версаля до Вестминстера, сколько соборов от Кельна до Будапешта, сколько замков в Шварцвальде на берегах Дуная и Рейна, отражающих великолепие их владельцев и гений их архитекторов! Но ни в одном из них я не встречала того духа места, который ведом Кремлевскому дворцу!

Каменная резьба, мостики и своды в некоторых строениях были более искусными, в некоторых – более богатыми, ухоженными или нет, но этот совершенно свободный и независимый замысел, не знающий никаких преград в игре с цветом, формой и пропорциями, не ведающий никаких авторитетов в эстетике, эта необузданная архитектура, эта совершенно иная пропорция!

Местами его будто вылепили из замешанного комка глины, надломив, вытянули в форме юлы, окрасили в Аваносскую⁹³ зелень, Каппадокийскую белизну⁹⁴ и драгоценное золото, взяли и поставили куполком! Местами – напекли в формочках бисквитных кексов и составили пирамидкой! А иногда – свернули

⁹³ Местность в центральной Анатолии, неподалеку от Каппадокии, известная своей салатной зеленью, приближенной к желтизне. – *Примеч. пер.*

⁹⁴ Всемирно известная своими выточными природой и ветрами причудливой формы белоскальными земляными пирамидами местность, считающаяся самой загадочной в Анатолии. – *Примеч. пер.*

сахарные колпачки-конвертики из медных пластинок и покрыли ими башни! В литейной мастерской выплавляли из бронзы, выдули стекла и, не отдавая в том отчета никому и ничему, кроме как физическим законам, все это соединили, наставив дворцов и соборов! Символ Москвы Собор Василия Блаженного был будто букетом, вышедшим из рук профессионально обученного искусству икебаны мастера-флориста. Напоминающие маковые головки крупные и мелкие, высокие и низкие, но будто вросшие один в другой самые разноцветные купола образовали творение, настолько великое, чтоб быть под стать богам, и настолько стройное, чтоб не давить на смертных. Вот этого я не видела нигде!

Кремль – *Kremlin* – означает “укрепление”. Кремлевская твердыня, укрепление треугольной формы, протянувшееся южным боком вдоль Москвы-реки, прямо напротив “России”, с усеченной на юго-запад макушкой. Весной – цвета пробивающейся из-под снега красной розы. На территории, окруженной стенами, способных сравниться с которыми ни по размерам, ни по отделке я никогда не встречала, были двенадцать дворцов с Большим Кремлевским во главе, пять соборов, мавзоль Ленина, оружейная палата, арсенал и более двадцати башен, через равные промежутки возвышающихся среди величественных Александровских садов, бесчисленных статуй, памятников и крепостных стен. Все тона земельно-серых, черепично-красных, степных желтых, вербно-зеленых и коричневых от каштанового до цвета мушмулы, и сиянье золота. Сиянье золота, которое встретишь не в котлах золотодобытчиков, но растворенное золото желтка запеченной яичницы с овощами!

Вот это – Кремль. Ни размеренное великолепие Тадж-Махала, ни Альгамбра, ни Сикстинская капелла Рима – ничто не смогло дотеле вызвать во мне такого отклика, так воцариться в моем сердце. Долго бродила я туристкой по европейским столицам, находила все красивым, но это – это было, словно родные

радостные дома Сафранболу⁹⁵, не знающие чувства отчуждения. Места, где, постучав в дверь в любое время дня и ночи и при любых условиях, вас не оставят у дверей, и никогда не останется у вас и тени наименьшего сомнения в том, что это исконно ваше.

Спасская башня, называемая *Halaskar*⁹⁶, башня с большими часами по левую сторону от входа, на верхушке свода которой находилась в то время Красная Звезда. Та красная звезда, призыванием которой было низвести внушаемую башнею надежду; помню, что подумала – она ей очень подходит, ведь Иисус, сняв ту звезду с небес, увенчал ею свою корону.

Ах, если бы случайно только мог видеть то, что видела я, Айтунч, как рассеялся и исчез бы весь его скепсис к жизни. Ах, если бы мог он испытать то, что существование Кремля возможно, – то сердце его не ускользнуло бы к другой, и он не согнул бы шею перед стеклобетонными конструкциями американских небоскребов.

Увы! Ищущий истину в глубинах веков архитектор и теософ, которому ой не надо было удовлетворяться решениями, где карнизы не окружают кружевным точением окошек, где не отражена наша тоска по красоте, высшей, чем функциональность!

Ближе к семи вечера зажглась прекрасная полная луна, но немногим позднее восьми совершенно невообразимым для меня образом она вдруг полностью исчезла! И, вместе с пропажей луны, произошло мое осознание того, что нахожусь я на восемнадцатом этаже хоть функционального, но маленького и не очень-то ухоженного номера отеля. У изголовья постели, в свете настольной лампы с изготовленным из белой бумаги пожелтевшим с годами абажуром, сияла позолоченная обложка полученной мной от Терезы книги. В какой-то миг мой глаз коснулся оконного карниза, в ушах пронеслось из Пастернака: “...На озаренный потолок ложились тени, скрещенья рук, скрещенья ног, судьбы скрещенья!”... Мне необходимо было обзавестись свечой! И она там была!

⁹⁵ Крошечный район на Черноморском побережье, примечательный исторической османской архитектурой жилых домов. – *Примеч. пер.*

⁹⁶ “Спаситель” Иисус Христос. – *Примеч. авт.*

Коробка спичек, самая красивая из виденных мной когда-нибудь дотоле, с изображением собаки мингрельской породы кисти известного художника Бориса Диодорова, и – свеча!

Я заколебалась между тем, чтоб остаться в номере и руководствоваться Гоголем, и выйти на разведку отеля. Принятое мною решение перенаправило мою российскую авантюру в направлении, о котором я не могла бы и мечтать, и я обнаружила себя в окружении городских российских интеллектуалов.

Алексий Христофорович Зеленский

Аплодисменты, свист и хохот доносились из толпы, переполнявшей Октябрьский Концертный Зал. Не аплодисменты и хохот, но свист всегда ассоциировались у меня с цинизмом. Оттого я и устремилась к балетным афишам по обе стороны южного входа в концертный зал. Когда же я увидела, что речь идет о гала-концерте Санкт-Петербургского мужского балета, мое удивление еще более возросло. Я никогда раньше бы не подумала, что классический балет может сопровождаться шумной сутолокой. Потом я увидела внизу афиш поясняющие фразы на английском: *“Первый мужской балет России! – было написано там. – Михайловский исполняет Лебедя! Восемь обнаженных мужчин, и ни одной женщины! В этом представлении танцуют только мальчики! Танец – дело мужское! Эсмеральду танцует мужчина! Номер ноги Жизель – сорок третий!”*

Я так и стояла перед афишами и изучала фотографии балетной труппы в телесного цвета пачках, как позади меня послышался женский голос:

– Неу, is it you?

Я обернулась и увидела Терезу Н. Корнблатт, мою американскую спутницу по самолету из Стамбула в Москву.

– Ты не сказала мне раньше, что остановишься здесь!

– Я сама не знала. В том другом отеле перепутали резервацию, и я приехала сюда.

– Познакомься с Алексием Христофоровичем Зеленским! Алеша, мой мужчина!

Я протянула руку.

– Гюльоя Гюрелли.

—•••••—

Алексий с великой изысканностью поцеловал руку.

— Мадам!

Я подумала, что меня нельзя было назвать докой в демонстрации вежливости иностранцами, но так использующего тело мужчину можно было встретить лишь в фильмах того времени. Он был одет в костюм темного цвета, полагаю, черного, так что белизна рубашки бросалась в глаза. Тереза в вечернем платье цвета цикламена была ослепительна так, как могут быть только американки.

— Это та леди из самолета, о которой я тебе говорила, — объяснила она Алексею. — Из Стамбула. У нее занятные ожидания от России.

Она обернулась ко мне и указала на афиши.

— В Новую Россию Международную!

Я силилась понять.

— Там Лебеда исполняет господин Валерий Михайловский. Он что, очень известен?

— Один из лучших! — отвечала Тереза. — Из Петербурга. Смотрите, что я вам скажу. Почему бы вам не присоединиться к нам? Сегодня у Алексея день рождения, и мы на крыше в бельэтаже с друзьями будем праздновать!

— Вы уверены, что я вам не помешаю?

— Нисколечко! Все только будут счастливы познакомиться с турчанкой! Ведь правда же, не так ли, Алеша?

— Почтем за честь, мадам, — подтвердил и Алексей. — Не откажите в любезности присоединиться к нам.

Перед лифтом, поднимающимся на крышу, виднелся длинный хвост очереди. Вы стали в край и принялись ждать. Тереза пояснила мне, что у русских существуют именины, и кроме того, дни рожденья, и сегодня у Алексея не именины, а как раз день рожденья.

— Именины важнее дня рожденья, потому что всех русских крестят именами православных святых. Алеша носит имя святого Александра Невского. 12 сентября в день святого Алексея, мы будем давать еще один званый прием. Мы обожаем принимать гостей в этой стране, не правда ли, любовь моя?

Алексий подтвердил с легкой усмешкой.

– Вы знаете Невского, не так ли? Сын основателя Руси, великого князя Владимира, святой Александр?

– К сожалению, нет.

– Князя Владимира вы можете себе представить как Вашего Османа. Русь выросла из княжения Владимира...

Я взглянула на Алексия:

– И это делает вас Орханом Гази?⁹⁷

– Pardon? – переспросила Тереза.

– Не важно, – поспешила заверить я, устыдившись, что опередила женщину, и, меняя тему, – примерно какие это годы?

Оказалось, 1236 год. Помню, что отметила, что следует принимать Киев за наш Сёгют⁹⁸. Но должна признать, что дотоле никогда не останавливалась на намеках на то, что русские разделили с монголами огромный период истории. Однако этот период называли *Татарщиной*, в смысле “монголо-татарского ига”. *Татарщина* продлилась ровно двести сорок лет до попадания под власть только поднимающейся Российской империи Казанского и Астраханского ханств, образовавшихся с распадом Государства Золотой Орды. На 1550-е годы приходится период, когда образующие некогда Казанское и Астраханское ханства народы рассеялись во все четыре стороны Руси. Как раз после тех лет слово “татар(ин)” стало отождествляться с “черноголовыми” или “бедняками”.

“Чуть русского отмой – и вылезет монгол”, – говорят в народе и повторяют слова, пришедшие в русский язык от татар: базар / pazar, магазин / dükkan, чердак / çardak, алтын / altın, сундук / sandık.

Что же касается разницы между монголами и татарами, то “русские называют *татарами* тюрков, или выходцев из Азии, либо мусульман, точнее, всех внуков кыпчакских и других тюрк-

⁹⁷ Орхан Гази (1280–1359) – второй правитель Османского государства, сын Османа, завоеватель Бурсы, распространивший османские владения на всю Мизию и Вифинию; во внутренней политике ввел четкую государственную организацию, провел реформу войска, внедрив пехотный янычарский корпус. – *Примеч. пер.*

⁹⁸ Сёгют – место рождения основателя державы Османа и образования первого османского бейлика. – *Примеч. пер.*

ских племен, откочевавших из Южной Сибири на Запад между десятым – тринадцатым веками”.

Племена эти в то же время были воинственными отрядами покорившего Русь государства Золотой Орды. Когда в последующие столетия кыпчаки способствовали растворению в своей среде других племен, они смешивались со славянами или другими этническими группами в других районах. Преобладающее большинство их – мусульмане, а небольшая часть, *Гёкогузы* – гагаузы – христиане.

Чингисхан – еще одна историческая личность, которую мы делим с Русью. Князь Владимир был тем, кто заручился помощью Великого Хакана Чингисхана, чтоб остановить монголов. Сыновья их – Александр и Батый – были по-братски близкими друзьями, оба – храбрые герои.

Еще в возрасте шестнадцати лет Александр, правитель Новгорода, одерживает большую победу над шведами в месте слияния Невы с речкой Ижорой. Отсюда и происходит его имя, обозначающее “*пришедший с Невы*”.

Александр Невский в известном *Ледовом побоище* побеждает немецких тевтонских рыцарей, пришедших с целью католицизировать балтийский регион, за ними ставит на колени Литву и финнов. Впрочем, Чингисхан не ладит со своим сыном, и только из-за того, что Александр – друг Батыея, после смерти князя Владимира он не дает позволения – *ярлыка*, указывающего, чтоб место покойного отца занял Александр, но на место его ставит младшего брата, Андрея. Александр Невский так и не смог занять престола до тех пор, пока не вырос и не вмешался в это дело сын Батыея Сартак.⁹⁹

О последующих временах рассказывают, что “раздробленные русские княжества походили на Балканы под властью Османской империи”.

“Опустошавшие и сломившие гордость Руси монгольские ханы не вмешивались напрямую в политическую систему. Они не

⁹⁹ Некоторые исторические неточности сознательно допущены автором, чтобы показать первое знакомство героини с Россией и видение ею славянско-тюркских связей. – *Примеч. лит. ред.*

старались превратить в татар другие народы и позволили княжествам сохранить собственные законы, суды и собственных лидеров. Русь продолжала владеть всеми землями, которые не привлекли обосновавшихся в южных и восточных степях захватчиков. Так же, как их греко-славянские сородичи на берегах Дуная, они превратились в своего рода неверных¹⁰⁰ подданных”.

С неверных взимали подушную подать деньгами или мехами, и, кроме того, кровную подать. Кровной податью называли избранные военные части, которые по приказу татар ссужали и финансировали русские князья.

Александр Невский был тем человеком, кто нашел пути разумения меж русскими и монголами. Настолько, что когда в Новгороде началось восстание против монголов, он принял не русскую сторону, но при этом не преминул отправиться в Сарай¹⁰¹ и предупредить возможное покарание восставших. Он даже строит планы захвата Ирана от монгольского имени. Из всего этого следует, что русские во время его правления переживали сравнительно спокойный период жизни. На первый взгляд его сотрудничество с монголами выглядело не очень хорошо, но альтернативой этому была раздробленность Руси на сотни мелких княжеств. И действительно, после его смерти так и происходит. В 1381 году Александра Невского возвышают до статуса местного святого. А в 1547 году Русская православная церковь официально провозглашает его святым.

– А сейчас послушайте следующее, – сказала Тереза. – В 1942 году, посреди войны, Сталин объявил Александра Невского национальным героем! И основал новый орден его имени! Орден Александра Невского!

Мне казалось, что я охвачена чувством, будто она рассказывает не о событиях тысячелетней давности, а об основании нового ордена имени ее молодого человека.

Я помню, что произнесла: “Чрезвычайно впечатляюще! – стараясь не смотреть в сторону Алексия. – Чрезвычайно впечатляюще, и какой огромный груз носить его имя!”

¹⁰⁰ Немусульман. – *Примеч. пер.*

¹⁰¹ Столица государства Золотая Орда. – *Примеч. авт.*

Тогда как Алексей обернулся ко мне с новым интересом, Тереза промолвила, как-то вдруг сменив серьезный тон:

– Да уж, это поистине был весьма впечатляющий фильм!

Настала очередь удивляться мне.

– Фильм?

– Ну да, у Сергея Эйнштейна есть фильм 1938 года, рассказывающий о жизни Александра Невского.

Я-то думала, что она рассказывает о настоящей истории, и помню, что расстроилась, как только она сказала, что речь шла о фильме. Что расстроилась, и это мое расстройство не ускользнуло от внимания Алексея. Однако мы уже были у дверей ресторана, люди внутри ждали их, поэтому не было времени спрашивать не только почему атеист Сталин, но почему даже Русская православная церковь провозгласила Александра Невского святым, и я умолкла. Но Алексей в душе не согласился оставить на полпути мое любопытство. Пойманная мною нить к личности моего дорогого друга привела к тому, что даже в том гаме он не погнушался объяснить мне: “Русская православная церковь обязана Александру Невскому тем, что смогла выстоять за двести лет монгольского нашествия. Невский сделал так, чтоб монголы освободили Русскую православную церковь от уплаты дани и ее охраняли. Он же был также тем, кто защитил Русскую православную церковь от нападок прибалтийских князей – католиков по приказу Папы”.

Это стало причиной, по которой ангел-хранитель имени Алексея был возвышен до ранга *святого*. Что же касалось еще более удивительного для меня – основания в Советском Союзе ордена имени такого просветленного – или следовало называть его святым? – как Невский, то он объяснил:

– Орден Александра Невского до Советов выпустила еще Екатерина, в 1725 году. В 1942 году Советам только оставалось его вернуть. Если вам любопытно узнать, как он выглядел, смотрите, он есть на груди у мужчины справа.

– Вы шутите!

– *Ньет*, мадам.

Мужчина справа, о котором он говорил, – полковник артиллерии в отставке Иван Петрович Иванов. Одним из множества

орденов у него на груди был орден Невского, с тонким профилем человека с тонкой бородкой, в остром шлеме, посреди выстроенных снизу вверх пяти звезд.

– Значит, святой Александр – этот мужчина!

Полковник Иванов только пожал плечами. “Кто знает?! Существуют и другие его портреты, на этот совершенно не похожие!”

Вспоминаю, что когда они сказали мне, что это был второй после ордена Ленина самый почетный орден, который давали героям Второй мировой войны, я посмотрела на Ивана Петровича еще и с завистью. Что он мог такого совершить, чтоб заслужить его?

Я могла поклясться, что по взгляду Алексия он понял, что пронеслось у меня в уме. Я почувствовала, что краснею.

– Thank you, sir!

– My pleasure! – отвечал он, и я еще раз отметила, насколько хорошо он владеет английским, как и все гости, занявшие свои места и усевшиеся за длинным столом, включая попа в черных одеяниях и камилавке.

Это был длинный стол на двадцать–двадцать пять человек. Он был украшен цветами и тем, что я назвала бы русскими закусками – соленьями, салатами, мясными и рыбными копчениями. В первый же момент мое внимание привлекла закуска “*баклажанная икра*”, нечто похожее на наш *közlenmiş patlıcan*, – и это посредине зимы и во время экономического кризиса в стране.

Вместе с нашим появлением в дверях все с грохотом поднялись на ноги. Они с энтузиазмом обнимались с Терезой и Алексием, называя это “*медвежьими объятиями*”. Расцеловались каждый по три раза, что, как я узнала позже, символизировало *Отца, Сына и Святого Духа*. Кроме того, у них существует также выражение: *Бог любит Троицу*. Помню, что ее упорство представлять меня как “Гюльоя Константинопольская принцесса” я было отнесла на счет того, что она под шафе.

– Алексей и я нашли ее внизу, разглядывающую афиши Мужского балета. Она была в шоке! Ведь так, не правда ли, Гюльоя?

– Ну, увидев, что Эсмеральду исполняет мужчина, знаете ли..., – начала было я, но не смогла закончить.

Пожилая госпожа, с которой меня в тот момент знакомила Тереза, обернулась к молодой девушке рядом с ней и, будто нечто подтверждая, с неожиданной от хрупкого тела жесткостью, произнесла:

– Уродливое зрелище, которое спрятали под маской искусства! Однако содержание и форма – диалектические противоположности. Содержание определяет форму, искусство рождается из этого определения. Форму пролетарского искусства рождает содержание. Мы это понимаем так!

Я была привычна к подобным выходкам пожилых революционеров-семидесятников, но вдруг увидела, как учительница Алексия в средней школе, которой суждено было стать моим проводником в чтении русской литературы – пенсионерка Гали на Алексеевна Иванова, вытирает слезы! Оказывается, что еще до нашего приезда речь шла о том, что пребывание Валерия Михайловского в Москве было преподнесено как великое культурное событие, и говорили о препятствиях, из-за которых в России начиная с 1993 года были преданы огласке *внеполовые* элементы представления. Оказалось, мы попали как раз на самый разгар дискуссии.

– Гомосексуализм был и раньше, но он был ограничен закрытыми и изолированными пространствами типа голубых баров. Открытие его обществу началось с пьес Виктюка. Но балетная компания Михайловского превзошла всех как популизмом, так и наглостью! – говорила Галина Алексеевна. – Разве не слышите вы, как они орут, будто шайки казаков, грабящих квартал Red Light¹⁰²? Они ведь испошлили русский балет! Скажите, пожалуйста, ведь что у нас осталось, кроме балета, за что еще можно испытывать гордость? Мы утрачиваем все, что обладает культурной ценностью! Все смешалось в кучу! Черное с белым, еврей с христианином, аристократ с бур-

¹⁰² В Париже и Амстердаме, где разрешена проституция, специально отведенные для этого улицы и кварталы. – *Примеч. авт.*

жуазией, господин со слугой, мужчина с женщиной, все и все влилось одно в другое!

– Скажите, пожалуйста, – произнесла ее дочь, Наташа Иванова. – Мама, это лучший балет Союза, – пыталась она утихомирить мать. – У большинства из них звания заслуженных! Они стараются спасти, точнее, заново открыть балет. Они знают, что никоим иным образом не смогут конкурировать с западными балетными артистами. Ты знаешь ведь, в японском балете Кабуки женские партии также исполняют мужчины. То же самое и в китайском балете.

Галина Алексеевна даже не слушала.

– Мы импортировали определения *gay и lesbian* с Запада после перестройки! До этого ведь не было. А импортировав термин, вы же должны найти ему соответствие. Я вижу это повсюду.

– Но ты же говоришь, что *нет внутреннего наполнения*. А в таком случае, бояться нечего.

– Да как же нечего?! Здесь все заповолили люди с ненормальными связями. И опять-таки никто не поднимается и в открытую не заявляет, мол, *я голубой*, или, *я лесбиянка*. Превышаются границы сексуальности, все *внеполовые, все – транс-сексуалы!* Я говорю, что чистота ориентации утрачена, женское смешалось с мужским. Я видела, как он танцует. Видела его, когда он танцевал в Петербурге. И если бы кто-то мог сказать, что великий Михайловский будет танцевать на потеху люмпенам! Что вырядит семейных мужчин в дамские уборы!

Наташа Иванова попробовала еще раз.

– Но ведь он не покушается на классическую хореографию...

– Лучше б покушался! – промолвила пожилая женщина. – Лучше б покушался! Уж если ему хочется угнаться за американцами, пусть ступает основывать группу брейк-данс, а классический балет оставит нам!

Помню, что Наташа Иванова повернулась ко мне и рассказала, что в 1993 году брала у Михайловского интервью для журнала *Dans Magazine*, и мастер сказал тогда, что в день, когда они давали первое представление, у него дрожали колени.

– Не говоря уж о том, чтобы переодевание в женское платье было благосклонно встречено публикой, поскольку это было

запрещено, они вообще не подозревали, какую это вызовет зрительскую реакцию. Но их ожидала встреча с самым восторженным зрителем России!

Находящаяся рядом с сидящим во главе стола батюшкой Андреем Дмитриевичем профессор социологии университета Колумбия доктор Лори Эссиг вмешалась в разговор:

– Здесь есть момент, в котором Галя права. В этой стране те, кто имеет однополюе связи, не относят себя только и только к “меньшинствам”. В России будто бы гомосексуализм не имеет отношения к сексуальной практике. Я знаю живущие вместе гомосексуальные пары. И несмотря на то, что они живут с представителем своего же пола, эти люди не соглашаются со своею гомосексуальностью. Гомосексуальность есть некое обстоятельство, скорее чем сексуальное предпочтение, лежащее в плоскости вне – сексуальности. Я имею в виду, что даже если мужчина спит с другим мужчиной, то до тех пор, пока он исполняет изначально предписанные его полу супружеские обязанности, он считается нормальным *мужчиной*.

Американская женщина-ученый была одета в мужское платье, которое она называла “мой обманчивый облик”. Одетая в мешковатое бесформенное черное замшевое пальто с черными заклепками, которое поддерживал широкий пояс с большой металлической пряжкой, кроме того, черную рубашку-ковбойку и кожаные ботинки на каучуковой подошве, она спрятала волосы под широкополую черную фетровую шляпу и таким образом преобразилась в молодого юношу-франта. Она объяснила, что находится в Москве по причине исследования ею русских гомосексуалистов. Вопрос Наташи “Что подельываешь, тебя еще не поймали?” она смеясь встретила со словами: “К сожалению, мужские туалеты – не те места, куда может легко попасть женщина-исследователь!”

– Войти-то туда я вхожу, но привлекаю внимание тем, что не могу помочиться, спустив штаны, как они! Один раз пришел милиционер, слил и спрашивает: “*Чево ты ждвои?*” не “Кого ты ждешь?”, а именно “Чего?”, вы понимаете? Туалеты – это единственное место, где мужчины могут анонимно заняться сексом с

мужчинами. Гомосексуалисты наложили руку особенно на те из них, которые расположены поблизости туристических достопримечательностей. Мне еще не удавалось застать кого-либо прямо на месте действия и проинтервьюировать его, но я собираю надписи на стенах. Там тоже есть преинтереснейший материал.

Материалом она называла гомозротические послания типа: “*Мальчики, не бойтесь секса, член во рту – послаще кекса!*”¹⁰³

– Перед Большим театром неподалеку от *плешки*¹⁰⁴ есть туалет, так стены его используют в качестве билбордов: “Мне тридцать четыре, ищу активного партнера со своей квартирой, возраст не важен” и т. п. Неизвестно почему, но плешка перед Большим – самая популярная среди них в Москве. А здание театра – это икона гомосексуалов, оно манит их, как магнит.

– Наверное, оттого, что розового цвета, – сказала Наташа. – И потом, эти потрясающие статуи жеребцов перед театром не менее эротичны.

Госпожа профессорша нашла удовлетворительными эти объяснения молодой женщины. Она сказала, что бывала в Большом восемь – девять раз, и на одного пришедшего туда действительно из-за оперы зрителя приходился десяток молодых людей, находящихся там с целью найти себе богатого *любовника*-педераста, способного их содержать.

– Большинство из них – не москвичи, из провинции, села. Ты знаешь, наконец, основали Общество сексуальных меньшинств. У них и журнал есть – “Тема”...

В голову мне пришла наша народная: “...Он без мальчика не ляжет...” (“*Oğlansız yatmaz*”), и я спросила у Эсиг:

– Вы хотите сказать, ...покуда он является активной стороной?

Так и оказалось.

– Точно так же, покуда *женоподобная* женщина-феминин находится в связи с женщиной *мужеподобной*, она считается *нормальной*. Но, конечно, связь такого рода должна быть посто-

¹⁰³ Оставлено на русском без перевода на турецкий. Возможно, с целью не оскорблять ушей цензуры и стыдливого турецкого читателя. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁴ Места в Москве, куда приходят гомосексуалисты для поиска себе подобных. – *Примеч. авт.*

янной. Я хочу сказать, чтобы мужчина, спящий с другим мужчиной, являлся *маскулинным*, он должен всегда быть активным, никогда *не давать*. И наоборот, чтобы спящая с женщиной женщина оставалась женственной, она должна только отдаваться, то есть не выходить за рамки фемининной роли. Именно поэтому я утверждаю, что гомосексуальность в России есть понятие вне рамок сексуальных предпочтений. Здесь не действительны гомосексуальная идентичность и понятия культуры андеграунда, каковыми они являются в Америке. Живущие с представителями своего же пола в России не позиционируют себя как гомосексуалисты. Чтобы дать им номинацию, необходимо уловить их знаки. Они подают вам знаки. Подают знаки, символы, демонстрируют ритуалы и даже определенную *манеру*, которые собственно и не являются чем-то соотносимым с определенной группой или личностью. Это, скорее, как тога, не имеющая определенного края, в нее могут облечься как гомосексуалисты, так и те, кто ими не являются.

– Чтобы проникнуть в гей-клубы, достаточно вести себя, как гей, но совершенно необязательно им быть, – добавила тогда и Наташа Иванова. – Сексуальная *инаковость* – это акция, манифестация, представление и танец, но уж не во что бы то ни стало самоидентичность.

Дни спустя Тереза, а также Сэлли – лектор американских исследований в педагогическом институте Коми, Наташа Иванова, Шеннур ханым и я посмотрели под руководством и в сопровождении находящейся в тот вечер в России Лори Эссиг пьесу Жана Жене “Сестры”, поставленную Романом Виктюком, выведшим, по слухам, из подполья гомосексуальность. Пьеса рассказывала об инцестуальной связи якобы двух сестер, однако исполняли роли сестер мужчины. Два актера – волосатые груди нараспашку и яркий макияж на лицах, лишний раз подчеркивающий их мужественность, – демонстрировали величайшее плотское вождение. Было очевидно: преследуемой целью была не замена мужчинами женщин, но как раз наоборот, *не-замена*. Режиссер стремился опосредованно осуществить постановку на сцене сексуальной страсти, которую испытывали друг к другу

мужчины, и, судя по тому, что я с трудом дотянула до конца пьесы, он в этом преуспел.

Выказывать протест Галины Алексеевны было мне не свойственно. Быть иностранным зрителем в России – как минимум, быть таковым в те времена – охранило меня от отчаяния из-за того, что в этой стране извращенчество закусило удила и мчит во весь опор. С другой стороны, увидев, что я недостаточно аплодирую, профессор Эсиг надула губки и сказала, что мне следует признать Виктюка великим деятелем искусства.

– Люди идут на эту пьесу не потому, что она о гомосексуальности, а потому, что это произведение искусства.

– Хорошо, но как вы объясните то, что и режиссер, и абсолютное большинство зрителей здесь – гомосексуальны?

– Ибо пьеса говорит о любви. Сведенная к уровню определенного понятия сексуальность становится обыденностью. Театр же становится единственным путем эту обыденность преодолеть.

“Сестры” говорят о любви, не о гетеросексуальной или гомосексуальной любви. И в этой связи истолкование Виктюка для гомосексуалов важнее любого политического образования. Когда русские гомосексуалисты говорят: “Того, что сделал для нас Виктюк, не сделал ни один гомосексуалист ни одной акцией”, – они говорят правду.

– А, вот, пожалуйста! Это даже я заметила!

– Это еще ничего, – сказала и Наташа. – Вы должны еще увидеть “Рогатку” (*Sapan*) Николая Коляды. Это первая после семидесяти лет свободная русская гомосексуальная пьеса, написанная русским писателем. Рассказ о любви пожилого мужчины и молодого юноши. То, чего хочет пожилой мужчина, – совершенно ясно. Юноша же еще в первой сцене сообщает, что он девственен и никогда не знал ни одной женщины. Зрелый мужчина настойчив, и в конце концов находит взаимность, но прежде юноша испытывает угрызения совести, а затем начинает шантажировать своего старшего любовника, – и тот совершает самоубийство. Юноша оказывается способен выразить свою любовь, которую он почувствовал к стар-

—•••••—

шему другу, лишь у изголовья трупа возлюбленного. Зал встал, и зрители долго приветствовали постановку аплодисментами стоя.

Что я могла сказать?! Но они снова настаивали:

– Вы ведь не гомофоб, не правда ли?! Или вы все-таки гомофоб? В России тоже большинство бывших – гомофобы”.

Я тогда сказала, что, увидев гея или лесбиянку, не прыгаю от страха на стул, но этого было недостаточно.

– Но они вам неприятны?!

– Вопрос не в гомосексуальности, – сказала тогда я. И это была правда. Вопрос был и не в том, приятны они мне или нет. Но существовал *вопрос* и, по-моему, этот *вопрос* был *вопросом*, обладает ли общество ресурсами, способными совладать с низменными подзуживаниями в природе человеческой. То, где проходят границы территории, оставленной на произвол разрушительной и безответственной свободы, употребление свобод во зло, расстройство в юных душах, распространенность представлений, основанных на порно, ужасе и насилии, и оправдание им в искусстве. Я думала, что все это был серьезный вопрос.

– Даже узаконивание торговли рабами так легко, Наташа, – сказала я. – Так легко узаконить торговлю белыми женщинами, камеры пыток и энгизации! Так же, как легко аплодируют владельцам притонов, как солидным бизнесменам! Вот что заставляет меня задуматься!

И последующее предложение, которое не знаю каким образом слетело у меня с языка:

– Болит у меня душа за Россию.

И этот взгляд Алексия! В какой-то момент я подумала было, что превысила границы дозволенного в этой стране, где являюсь гостьей. Но только на мгновенье! Чувство воспоминания об увиденном в отеле “Россия” балете переодетых женщинами мужчин в ночь того первого дня, когда я впервые ступила на территорию России, и ощущение превышенных пределов дозволенного ушло, как пришло, но ушло оно, оставив место чувству обманутости.

Я не много-то понимала в балете, однако Анна Павлова с детства было для меня именем богини. Мерич Сюмер¹⁰⁵ говорил, что балет “Лебединое озеро” был поставлен специально под Анну Павлову, только чтоб та в нем станцевала. Как уж этот балет удался, не мне судить, но не надо было быть русской, чтобы понять, как должно ранить подобное прочтение роли, написанной специально для Анны Павловой. На сцене происходило поправление и низвержение одной из самых важных постановок русского балета, делавшего Россию Россией. Почувствовав, что понимаю Галину Алексеевну, я начала ощущать еще в тот вечер, насколько же глубоко недовольство этой страны по отношению к самой себе. И дискуссия, начатая словами Галины Алексеевны: “Испошлили русский балет!”, достигла апогея после того, как профессор Эссиг заявила о необходимости принять явный гомосексуализм в качестве побочного продукта демократизации.

Я увидела, как вознамерившийся было что-то сказать полковник в отставке с орденом Невского Иванов передумал и отвел взгляд, сосредоточив все внимание на своем бокале. Но в какой-то момент наши глаза встретились, и в ответ на лучащуюся из его глаз в обрамлении кроваво-красных глазных яблок боль я послала ему молниеносный взгляд понимания и поддержки.

Как странно, как же все было странно... еще не прошло и получаса, как мы познакомились с Алексием, я никогда до этого не слышала ни имени его великого дяди Петра Столыпина, ни об отношениях этого последнего премьера Романовых с Распутиным. Несмотря на это, это был человек, которого сидевший во главе стола отец Андрей Дмитриевич с Эссиг в мужском платье одесную и лауреатом Монреальского фестиваля Чотиненко ошую упрямо ассоциировал с типажом Распутина.

– Первыми, кто пробудил в моем сердце дурную славу русских православных попов, были русские литераторы во главе с Толстым. И, к тому же, просмотренный мною много лет тому назад фильм “*Распутин*” и крайне впечатляющая сцена его казни в фильме. Кто играл Распутина, вспомнить мне было поло-

¹⁰⁵ Мерич Сюмер – известный турецкий балетмейстр и преподаватель искусства бального танца в школе бального танца Йылдыз Алпар (1984–1992). – *Примеч. пер.*

жительно невозможно, однако это был актер, очень похожий на Распутина на виденных мною позднее изображениях, огромного роста, длинные сальные черные волосы, длинная борода, маленькие черные глазки с дурным бесовским взглядом. В фильме его сначала пытались отравить.

Устраивают пышное застолье, и во все кушанья, включая особо любимое им вино Мадера, добавляют в больших дозах яду. Распутин ел и пил, но ничего с ним не случилось. Увидели они – не получилось, и решили его порешить убийством. Но израненному Распутину, у которого места живого не было на теле, удастся спастись бегством в сад. На этот раз стража стреляет из ружей, но и тут он не умирает. Ему пытаются проломить голову топором – но напрасно. Я подумала было, что сценариста фильма вдохновляли легенды о вампирах, но это оказалось не так. Голову Распутина топор действительно не брал. Причину проводившие в Сибири исследования археологи объяснили аномалией строения черепа, встречающейся в данном регионе: кости черепной коробки Распутина были в пять – шесть раз толще обычного.

Череп его проломить не удалось, но он пал без сознания. Его тут же завернули в покрывало и бросили в пробитую в обледенелой Неве прорубь. Когда через несколько дней труп его всплыл на поверхность, легкие его оказались полны воды, что указывало на то, что под водой он был жив и пробовал дышать. Не убили его ни лошадиные дозы яду, ни град свинцовых пуль, ни удары топора по голове. Вот такая ужасающая, леденящая душу история, которая является при этом не фантазией, а правдой! Что же касается отношений Алексея и батюшки Андрея Дмитриевича! – к своему старшему дядьке, то первый премьер-министр последних Романовых, давших наконец в 1906 году высочайшее позволение на административные реформы, – Петр Столыпин – инициировал расследование дела Распутина. Составленного в результате следствия отчета было достаточно, чтоб навеки проклясть последнего. Глава Кабмина Столыпин подал отчет императору Николаю, однако государь был настолько очарован шарлатаном, что заявил: “Все это может быть и правдой, но прошу Вас, больше никогда ничего не говорите мне о Распутине.

Сделать ничего здесь я не могу”. И не мог, ибо Распутин полностью втерся в доверие государыни Александры и поддерживал наиболее консервативные круги Русской православной церкви.

Несмотря на это, Столыпин явился к Распутину и требовал от того покинуть Санкт-Петербург. Распутин поступил, как ему было велено, но вместо того, чтоб вернуться в свое село, в Сибирь, он едет в Святую Землю паломником. Осенью того же года он возвращается обратно в Киев, и по прошествии нескольких месяцев Петр Столыпин погибает жертвой покушения. Несмотря на отсутствие прямых улик, ходят слухи, что науськивал члена революционной социалистической партии и агента охранки, убившего главу Кабинета министров, именно Распутин.

Столыпина, который метался меж столь же феодальной, сколь и банальной государственной бюрократией и коммунистами-революционерами, и вместе с тем старался проводить коренные реформы, сравнивают с Путиным. Говорят, что Путин так же временами, как в старину Глава Кабмина, серчает, – и тогда повсюду по стране начинали строить лобные места казни, называвшиеся также *Столыпинскими галстуками – виселицами*; однако во времена Столыпина были отмечены серьезные продвижения в сельском хозяйстве, экономике и образовании; бытовало даже утверждение, что если бы не Первая мировая война, то быть бы царизму по прежнему у власти.

Однако государь Николай не полагался совершенно на Столыпина, он даже и не очень-то ему доверял. Столыпин же, которого убили в Киеве, на представлении в опере, в которой присутствовал и Его величество, прежде чем сомкнуть очи, обратил свой взор к Николаю и благословил его словами: “Да хранит Его Господь!” На что государь повелел похоронить своего слугу в монастыре Киево-Печерской Лавры. Когда я видела ту могилу, на ней все еще стоял возведенный с тех дней большой черный крест.

Алексий сказал, что оставшиеся представители той ветви их семьи эмигрировали в Америку. “На Столыпиных и раньше устраивали покушения со взрывчаткой в Санкт-Петербурге. Моя мать была там, она отправилась навестить своего дядюшку.

—•••••—

Погибло двадцать семь человек, из всей семьи только четырнадцатилетняя кузина матери Софья была тяжело ранена. После смерти дяди Петра та ветвь семьи уехала в Америку. В Чикаго у меня есть двоюродный брат – писатель по имени Даниэль Столыпин”.

“Распутин” по-русски обозначает “*мизерный, бедный*”. Причиной, по которой в тот вечер я отождествила *распутинство* с батюшкой Андреем Дмитриевичем, была схожесть священника черной как смоль длинной бородой и волосами со старцем Распутиным – или с Макариосом¹⁰⁶! – и стоящая перед ним бутылка вина!

Он был одет в черный кафтан, называющийся *рясой*, а на груди у него висел невообразимой величины крест. Как я потом узнала, на Руси существует выражение “истинный учитель”. *Истинные учителя* – батюшки, настоящие наставники, хлеб насущный которым обеспечивала община, и они были избавлены от насущной необходимости зарабатывать себе на пропитание, кроме денно-нощного служения Господу.

В отличие от других, *настоящие учителя* не могли носить гражданских костюмов. Для них существовали специальные обязательства к исполнению предписания касаясь одежды. Почтение, оказываемое церковной общиной священнику, становится понятным по его одежде, – и священник Андрей был очень уважаем.

Причиной вовсе не ожидаемого мною интереса, проявленного батюшкой Андреем Дмитриевичем к факту того, что я – из Стамбула, было потрясение Совета Представителей Российской Федерации в Москве, то есть Думы, испытываемое от обращения Главы Комитета по связям с религиозными организациями, архиепископа Вячеслава Полосина, в мусульманство! Это считалось столь же шокирующим событием, сколь бы, к примеру, было обращение в католичество нашего Главы по вопросам Религии Государства¹⁰⁷. Архиепископ вышел и сделал во все-

¹⁰⁶ Лидер греческой стороны в турецко-греческом этническом конфликте на Кипре в 1970-х годах. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁷ В Турции существует Фонд вопросов религии государства (Диянет Вакфы). – *Примеч. пер.*

услышание заявление для прессы, в котором “перед лицом общест-венности свидетельствовал, что как последователь истинной веры ойкуменических религий, носителями священной традиции которых были все пророки, начиная от Пророка Ибрагима, заяв-лял, что не является ни священнослужителем, ни по-слушником русской православной церкви”. Так заявил архиепископ и перед честным народом совершил устное свидетельство веры: “Eşhed – ü en la ilahe ill Allah”¹⁰⁸...

Когда я сказала, что в Турции о происшедшем и не слышали, отец Андрей Дмитриевич, помнитса, взглянул, не очень-то веря.

– В последние годы нельзя сказать, что мы очень уж при-стально следим за событиями в России, – была вынуждена пояс-нить я.

– Да собственно нельзя сказать, что вы что-то пропустили, – вмешался полковник Иван Петрович.

– Так мы даже наших архиепископов в мусульманство отда-ли, правда, батюшка?

Он был под шафе, и язык его заплетался: “Нормально!” – про-бурчал он себе под нос. – Жующие *нас* таджики оказались взве-шенные русских! Душанбе вошел Полозину в кровь, не так ли?

– Да, он работал в Душанбе, это правда.

Отец Андрей Дмитриевич потянулся было к своей бутылке вина.

– В наши дни практически все христианские институты пе-реживают проблемы, Иван Петрович. Однако вы правы, про-блемы православных могут быть серьезнее других.

Лори Эссиг обернулась ко мне и спросила, приходилось ли мне бывать в Таджикистане. Я сказала, что совершенно не знаю Средней Азии.

– Вам непременно следует туда съездить! На таджиков очень повлияли советы, особенно, русские.

В центре Душанбе – НИИ искусства, музеи, прекрасный современный театр оперы и балета. Кроме того, там есть очень внушительная библиотека, где хранятся средневековые ислам-

¹⁰⁸ Буквально – Я свидетельствую о том, что нет Бога кроме Аллаха. – *Примеч. пер.*

— — — — —

ские рукописи, – библиотека Фирдоуси. Она непременно вас заинтересует!

– А что такое *нас*, о котором говорил полковник?

– Зеленые пятна плевков на мостовых, – отвечала она смеясь. – Есть такое растение – нас, листики которого сушат и смешивают с гипсом. Добавляют еще что-то, и смесь приобретает консистенцию мелкого порошка. Вот этот порошок помещают под язык и сосут. А потом выплевывают на землю. Вот такой вот не нравящийся европейцам типично душанбинский обычай!

Помню, что так же, как я надулась на Терезу, сетующую на воткнувшийся прямо перед входом в старинную церковь Мак-Дональдс, так же обиделась я и на Лори Эссиг. На нее и на подвыпившего бывшего военного. Как я уже говорила, где-то в сознании у меня существовала *моя* Россия, и в этой России хор Красной Армии не выкручивался под “*Ой, мама, шыкыдым*”, не пьянел и не жаловался на свою родину американским леди. Я еще не подозревала, что та Русь, которая была мне дорога, существовала только в мечтах, и эти мечты ничем не отличались, к примеру, от эгоизма ориенталистов, самозабвенно, но абстрактно от живущих в нем народов, влюбленных в Древний Египет. Только через многие месяцы мне дано было признать, что у меня нет никакого права жаловаться на подход русских к своей стране.

Дни, в которые я и не подозревала о том, как попирают людей, Тереза еще не вернулась в Америку. Мы в квартире, в которой они вместе с Алексием жили на Октябрьской площади. Полковник Иванов рассказывает случаи из своей бурной жизни, которую он завершал в чине начальника Волгоградского объединения вооруженных сил. Я пристыжена, ибо полагаю, что чин начальника Волгоградского филиала не очень-то подходит размягченному алкоголем телу бывшего военного. Мне стыдно, и я хочу, чтоб он поскорее закончил рассказ, потому что в тот день должна выехать в Екатеринбург и не хочу опоздать на поезд.

– Не уходите же, не выслушав и этого!

Если бы Тереза не настояла, я упустила бы возможность выслушать из уст свидетеля рассказ об одном из, может быть, самых низменных случаев истории человечества 20 века – об

уничтожении около 50 лет назад по приказу Сталина пятнадцати тысяч польских офицеров. Советы, советское руководство утверждало, что преступление полувековой давности совершило не НКВД, а фашисты.

Калининград¹⁰⁹ был местом, где бесчестно был сломлен удостоенный ордена Невского полковник Иван Петрович. Наташа Иванова говорила раньше, что “коммунизм для моей мамы никогда не терял качества быть целью, во имя которой стоит жить и стоит умереть. Она всегда верила, что коммунизм существует только ради будущего и только ради счастья угнетенных трудящихся. Но отец, особенно после того, как в Калининграде были обнаружены коллективные могилы, полностью утратил веру и в коммунизм, и в Россию. По мере того, как мать толковала о том, что нельзя отказываться от безусловной и вечной революции во имя процветания угнетенного класса, отец начинал все больше и больше пить. Это и стало причиной, по которой после пятидесятилетнего брака мать приняла решение проживать отдельно.

– Коллективные кладбища находятся в двадцати милях от Калининграда, в глухом лесу. Практически на могилах КГБ построил ведомственную турбазу в селе Медное, и так сторожил кости польских детей и юношества. Раскопки возглавил полковник Александр Третецкий – мой *kanka*, *kum*¹¹⁰. Саша Третецкий служил в морских войсках, а потом изучал право в Киеве. Закончив университет, он поступил в сухопутные вооруженные силы и четыре года был офицером российских войск в Восточной Германии. А в 1968 году по собственному желанию был послан в Чехословакию.

Брови Терезы взметнулись вверх:

– Как, на подавление Пражской весны?!

Полковник только кивнул головой.

– Саша был готов отдать жизнь за Родину. Но впоследствии и он говорил: “Какой же я дурак из дураков! Верил во все, что мне говорили!” Он добровольцем попал в Афганистан и с 1987 по 1989 был там.

¹⁰⁹ Имеется в виду Катюнь. – *Примеч. лит. ред.*

¹¹⁰ В оригинале у автора – кумец. – *Примеч. пер.*

Он недобро усмехнулся.

– Там он узнал *настоящую* историю своей страны. Вы знаете, в те годы Прокуратура стремилась загладить свою вину, и миллионы дел были приняты к пересмотру. Когда полковник Третьцкий вернулся в Москву, он был назначен в Военную Прокуратуру СССР – и перед ним стали открываться самые грязные эпизоды российской истории. Ликвидации, чистки, убийство польских офицеров, расстрел 1961 года в Новочеркасске – если Вы вспомните, тогда военные открыли огонь по демонстрантам.

– Тирания длиною в семьдесят лет, – мне показалось, что глаза произнесшей это Терезы увлажнились, но когда, чтобы найти этому подтверждение, я посмотрела на Алексея, в его лице мне не удалось обнаружить ни малейшего ни на что намека.

– Когда встал вопрос о раскрытии групповых захоронений, Саша позвонил мне, сказал, куда получил назначение, и спросил, жив ли еще Владимир Токарев. Я еще пошутил: “*Ума набрался?!¹¹¹*” – потому что в свое время Володя говорил мне об этих захоронениях. Володя был моим командиром по Томскому артиллерийскому училищу. В НКВД он пришел позднее и был назначен в Калининград. Он был также среди тех, кто исполнял в 1940-м поступающие из Москвы приказы.

– В течение одного месяца каждую ночь мы убивали по двести пятьдесят офицеров, – говорил он. Когда он решил ехать в Афганистан, я сказал об этом Саше, и тот рассерчал так, что только обвинил меня в предательстве. Если бы дело было до 1985-го, то, может, он бы меня и выдал!

– Уж наверняка бы выдал. So, нашел он Токарева? Судя по всему, тот был уже достаточно пожилым, но еще жив?

Ему было восемьдесят девять. Глазами он был слаб, но ум его по-прежнему прозрачен, и он помнил все. Он указал Саше одно за другим места всех захоронений. Тогда, в те дни, приехали около тридцати кагэбэшников с чемоданом, полным пистолетов

¹¹¹ В турецком переводе русской идиомы – *Aklın başına geldi mi?* – полагаем, автор ошибочно употребил другой русский фразеологизм “Ум за разум зашел!” – *Примеч. неф.*

Вальтер 2. Советские пистолеты слишком быстро перегревались при таком интенсивном использовании, и для этого дела подходили мало, поэтому они использовали немецкий Вальтер. Володя рассказал, что был там в первую ночь. Во главе операции был некто Блохин, именно он наиболее усердствовал в расстреле. Саша записал все рассказанное Токаревым на видео. У Блохина была специально для этого дела изготовленная роба: колпак из коричневой кожи, кожаные перчатки длиной по локоть и кожаный передник до колен – костюм мясника.

Он потянулся к опустошенному стакану. Но Тереза оказалась проворнее и уже наполнила его стакан величиной с ликерную рюмку. Вспомнив, что этот пожилой мужчина питал особое пристрастие к особому сорту водки “*Пшеничная*”, я бросила было взгляд на стол – есть ли, додумались ли мы ее купить, но “*Пшеничной*” не было. Он пил что-то другое.

Все рассказанное полковником после этого оказалось для меня полным чудом. Это было настолько спасительным для моей души, настолько подробным, что в какой-то момент я поддалась чувству, будто он не пересказывает услышанное от другого лица о событиях под Калининградом, а пережил все сам. Судя по тому, что он был в составе первых советских отрядов, вошедших в Берлин, возраст его тоже был подходящим.

– Поляков по одному выводили в коридор, вели налево в комнату отдыха, которую тюремщики называли *Красный уголок*, – продолжал он свой рассказ. – У каждого спросили фамилию, имя и место рождения – паспортные данные. Затем их выводили в боковую комнату с плохой звукопроводимостью, пуля в затылок – и прощай, жизнь. В первую ночь – триста штук трупов. Володя говорил, что помнит, как водитель хвастался: “Ну и тяжелая же выдалась ночька!” В последующие ночи норму уменьшили до двухсот пятидесяти, потому что хотели все закончить до восхода солнца. Если вычесть субботу – воскресенье и праздники, значит, убийства продолжались больше месяца.

Так прошел апрель 1940 года. Володя ни разу не вошел в расстрельную комнату, но косвенно способствовал расстрелам, предоставляя в помощь НКВД своих людей. Он также помнил

—•••••—

некоторых из ликвидированных. Например, среди них был юноша с детским лицом. Когда его спросили, с каких пор он служит на границе, он посчитал на пальцах: шесть месяцев. Оказалось, он служил телефонистом.

Каждую ночь после расстрелов Блохин выставлял ликвидаторам водку. До дела пить запрещалось, после дела же каждый считал долгом опрокинуть по несколько стаканов и так возвращался домой. Однажды Володя спросил у Блохина, как они выкопают шесть тысяч могил, так над ним вовсю посмеялись. Из Москвы прислали бульдозер и двух бульдозеристов, которые, разумеется, тоже были людьми НКВД. Трупы вытаскивали из ликвидационной комнаты, валили в закрытые грузовики и отвозили в выбранные Блохиным места захоронений.

В места, где ныне находились наши дачи!

Могила восемь на десять вмещала двести пятьдесят тел. Когда дело было кончено, трое приехавших из Москвы человек устроили для ликвидаторов пышный обед. “Меня тоже приглашали, но я не пошел”, – сказал Володя. Но *Allab cezasını verir!*¹¹² – Блохин и трое его помощников впоследствии сошли с ума и покончили жизнь самоубийством.

Помню, что подумала: “Смотри-ка! Я даже не могла подумать, что НКВД могло оставить при жизни свидетелей подобной операции”. Но на что я на самом деле досадовала, – так это на то, что полковник мог выворачивать наизнанку – и мне казалось, с большим бессердечием! – перед иностранкой, американкой! – грязное белье своей страны. Признаю, в мозгу у меня пронеслось: “Те два слова, что я выучила в крошечной столовой Воркуты, – *kancık* и *gamtaş*¹¹³ – должно быть, есть неотъемлемой частью той криминальной стороны русской души”. Я взглянула на Алексея, будто говоря: “Почему он рассказывает этой женщине об этом?!” – но лицо его снова не дрогнуло.

Полковник продолжал:

– 19 августа 1991 года, в день путча, Саша был на раскопках. Они очищали черепа поляков, остатки позументов военных

¹¹² Бог накажет! – *Примеч. авт.*

¹¹³ Соответственно “сука” и “стукач” – лагерный жаргон. – *Примеч. пер.*

форм и подметок, как пришло сообщение об аресте Горбачева. Власть захватил ГКЧП, *обещавший демократию и порядок*. К вечеру из КГБ позвонил генерал Виктор Ланкоцев со словами: “Раскопки больше не нужны, бросайте!” – и приказал Третьякову срочно собираться и возвращаться в штаб. Саша старался не подавать виду, что испугался, но знал, что дело пахнет керосином. Он сказал Ланкоцеву, что прибудет после окончания рабочего дня. Погода в этот день тоже была дрянь, шел проливной дождь. Настолько сильный, что чтобы высушить останки поляков, они натягивали веревки в палатках и зажгли печурки. Двери палаток держали открытыми, чтоб сквозняком вытягивало трупную вонь.

Саша не сообщил своим сотрудникам о поступившем из КГБ приказе, но слух о ГКЧП уже распространился. Настолько, что рядовой состав получил сообщение о том, что их дивизия заняла улицы Москвы. Кантемировская дивизия. Москву заняла Кантемировская. Солдаты увидели по телевизору своих собратьев по оружию на бронетранспортерах подле Кремля, там, где укрылся Парламент. У них задрожали руки и ноги.

Он рассказывал страшные вещи, однако при словах “Кантемировская дивизия” в глазах полковника Ивана Петровича показалось совершенно иное выражение. Выражение лица, напомнившее мне лицо собственного отца, когда он говорил о 19-й дивизии.

Деятнадцатая дивизия, прославленное формирование в битве у Чанаккале, полностью, не исключая и командующего 56-м полком, погибла смертью храбрых под Арыбурну¹¹⁴. Кантемировская танковая дивизия воевала в Великой Отечественной войне так, что Гитлеру свет оказался не мил. На рукавах их шинелей было написано: “*Победа и честь*”.

О Кантемировской дивизии в те дни снова много говорили как о потерпевшей сокрушительное поражение в Чечне под Грозным.

¹¹⁴ Оборона в Первую мировую войну турецкой армией пролива Дарданеллы (Чанаккале – в турецкой традиции) от высадившегося английского десанта является символом героизма турецкого солдата. В этой битве впервые проявился гений Кемала Паши Ататюрка, будущего творца Турецкой республики. – *Примеч. лит. ред.*

—•••••—

Андрей Золотов, обозреватель газеты “The Moscow Times” и бойфренд Наташи Ивановой, говорил:

– Еще в 1991 году было ясно, что все так и случится. Во время путча 20 августа я говорил с одним майором из Кантемировской дивизии на площади Маяковского. Даже в центре Москвы солдатам не дали ни содержания, ни коммуникаций – ни туалета, ни воды. Этот мужчина говорил, что сорок восемь часов они простояли на ногах. Им до смерти надоела, опротивела отчаянная анархия. Живущие на Маяковской принесли весть о разгроме в Грозном, но отягченные погонами люди сочли, что три–пять танков Т-10 будет достаточно, чтоб остановить чеченцев. Однако у большинства танков не было даже запасных частей. Боеприпасов не хватало, а чеченцы напали не с коктейлями Молотова, как москвичи, а с гранатометами РПГ-7.

Иван Петрович рассказывал: “Под вечер из Калининградского штаба приехали люди генерала Ланкоцева и увезли Сашу”. А я думала о 19-й дивизии, позднее сериале телекомпании ВВС, выпущенном в 2000 году, про All King’s Man. Известный своей беспристрастностью ВВС снимал сериал в неплодородной степи, которую пытался выдать за Чанаккале, а мелкий пляж на берегу за пролив Дарданеллы. В конце сериала все из *Людей короля* погибали и, естественно, потому, что 56-й полк, названный английским лордом “*Азиатские иностранные орды*”, отказался брать их в плен и по одному пулями в затылок перестрелял несчастных!¹¹⁵

Старые солдаты никогда не умирают, они только увядают и исчезают. Слушая полковника Иванова, в голове у меня эхом прозвучала эта известная фраза генерала МакАртура. *Молчи же, Полковник! Молчи!* Помню, что внутри я обвиняла Ивана Петровича. *Самое плохое государство лучше, чем анархия! Молчи же, не выдавай тайн! К тому же, тем, кто называет вас “русскими медведями!”* Сейчас вот я думаю, скажи я это вслух, что бы он сделал?

¹¹⁵ Героиню оскорбляет английская интерпретация событий Первой мировой войны, где турецкие воины-герои показаны как дикие головорезы, убивающие беззащитных англичан. – *Примеч. лит. ред.*

Уверенное в успешном исходе антигорбачевского переворота КГБ приказало офицеру, стоящему во главе раскопок, прекратить свою деятельность, в противном случае им сказали, что не могут гарантировать безопасность ни самого Третьяцкого, ни его людей.

Иванов сказал:

– Они были смешны, ибо собственно во время раскопок приставленные к нам гэбисты ни на миг от нас не отходили. Они называли их *наблюдателями*, люди же Третьяцкого между собой в насмешку называли их *наблюдателями ООН*.

– Короче, Саша не сказал КГБ ни да, ни нет. Он уехал, вернулся в свою палатку, позвонил в свою часть в Москве и там узнал, что приказа прекращать раскопки никто не отдавал. Письменного приказа не было, вы понимаете? Лаконцев, отдавая устный приказ, пытался его запугать. И Саша принял решение продолжать раскопки до тех пор, пока не получит письменного приказа из своей части. Они снова приступили к раскопкам с утра, но КГБ их саботировал – ломали трактор, вырывали опознавательные обозначения и т. д. Те два дня прошли как страшный сон. Потом, 21 августа, пришло сообщение о том, что переворот не удался. Саша собрал своих людей и во всеуслышание провозгласил: “Расследование, начатое по приказу Президента Союза Советских Социалистических Республик Михаила Сергеевича Горбачева, продолжается! Продолжаем копать!” Он был так счастлив!

Полковник горько-горько усмехнулся, потянулся за водкой.

– Но, понятно, что переворота-то и не было! Горбачеву нужен был переворот, он сам его инсценировал, сам организовал, – вот и все!

Я не поверила своим ушам!

– Те танки на площади Маяковского, усилия Ельцина! Весь мир поднялся на ноги! И все это была игра?!!!

– Конечно, игра! – ответил Иван Петрович. – Игра, полностью отрежиссированная КГБ с информированности и согласия Горбачева!

Тереза сказала, что она думала, что Горбачев не стал бы так рисковать после известных событий в Румынии 1987 года.

– Он рискнул практически после Румынии 1987-го! Он боялся, что система рухнет, и он сам останется под ее развалинами.

Он боялся, что его постигнет участь Живкова. Подумайте сами!

Он постучал указательным пальцем у виска, подмигнул.

– Почему Бориса Ельцина не арестовали вечером 18 августа, когда тот вернулся в Москву? На следующее после переворота утро Ельцин находился на своей даче и говорил с командующими по телефону. Почему тогда он не был арестован? Организаторы переворота просто могли не дать ему пройти к зданию Парламента, так почему же позволили? Был ли приказ о нападении на *Белый дом*¹¹⁶? Если был, то кто – один или много – отказался подчиниться приказу и почему? Действительно ли во время путча Горбачеву перекрыли связь? Почему организаторы путча сразу после того, как он потерпел поражение, захотели говорить именно и только с Горбачевым? Подумайте обо всем этом, и найдете единственный ответ.

– Наше мистическое братство шиитского толка Джаффарийя проводит самоистязание цепями до крови в дни годовщины Кербелы¹¹⁷. Полковник Иванов мне сейчас их напомнил.

Я готовилась объяснять, кто были Джаффарийя, но Алексей снова удивил меня:

– Вся страна сейчас побивает себя кнутом. Мы все, как один в этой стране, терпим мучение. Яд памяти, шок прозрения правды.

Душа моя не вынесла.

– Я устала считать количество правд на Руси, Алексей. О которой из них Вы говорите на этот раз?

¹¹⁶ Русский Белый дом. – *Примеч. авт.*

¹¹⁷ Дата и место гибели в Ираке последнего потомка Пророка Мухаммада Имама Хусейна. – *Примеч. пер.*

ТОПОР И ПАМЯТЬ

Полковник Иван Петрович Иванов был родом из села. Он родился 7 ноября 1920 года в Липецкой области. Его отец в гражданскую войну был в царской армии, а в Белой гвардии – унтер-офицером.

– Он был командиром отряда кавалерийской горной разведки четырнадцатой пехотной части Первой Конной Армии. В 1931-м, в мае, когда я заканчивал четвертый класс, он был арестован как *“шпион, скрывавшийся под личиной офицера”* – тогда существовала такая формулировка – и брошен в тюрьму; меня же отдали в *исправительное* учреждение.

Исправительные – это были *светские* региональные школы *типа интерната*, точнее, воспитательные учреждения, основанные еще во время Екатерины Второй с целью *устранения предрассудков прошедших веков и предоставления народу нового типа образования, новой жизни – “порождения”*. Те же воспитательные заведения использовались и большевиками.

Я провел в исправительном два года, а оттуда меня отправили в профессиональное училище одной из фабрик. Потом я обращался в только что открывшееся политическое училище, чтоб учиться на комиссара, то есть учителя политической грамотности, но меня не взяли из-за прошлого отца. В то время, в 1937-м, была начата кампания *“Давайте подготовим для Родины 300 000 летчиков!”* – и я обратился в Ленинградскую летную школу Ленинского комсомола, – но меня и туда не брали. Куда бы я ни пошел – всюду мне говорили: прием документов окончен. Мне было и невдомек, что на мои документы наклеили ярлык, сообщающий, кем были мои родственники, и все, кто только его видел, мне отказывали. Так я остался без работы, без денег. Я прятался в Ленинграде, в беседке летнего парка на Марсовом Поле, и там спал ночами.

Потом в один день разразилась война, и я очутился в армии. “Ты знаешь тригонометрию?” – спросили у меня. “Да”, – отвечал я. “Хочешь быть артиллеристом АА?” АА называли противозенитные артиллерийские орудия тридцать седьмого калибра,

дававшие в час по сто семьдесят залпов; были еще семидесятипятимиллиметровые орудия, так те после ста залпов перегревались и выходили из строя. “Еще и как хочу”, – сказал я. Так меня отправили в противоздушную артиллерийскую часть. Командир батареи назначил меня наводчиком – то есть тем, кто определяет расстояние между орудием и целью. В батарее было четыре орудия. Представьте себе квадрат со сторонами по сто пятьдесят метров. В каждом углу его размещали по одному орудю. В центре приходилось выкапывать три окопа по пояс по одному для наблюдателя, наводчика и командующего батареей. Наблюдатель с биноклем в руках предпочтительно с расстояния не менее пяти километров сообщал о приближении и количестве самолетов; я определял расстояние от нас до цели и постоянно сообщал о всех изменениях его курса. Командир батареи решал, какому орудю как и когда открывать огонь – одним залпом, длинными или короткими залпами. Обыкновенно, когда самолеты приближались до двух тысяч–двух тысяч двухсот метров, мы отвечали короткими залпами. У командира для связи с находящимися по углам орудиями была рация, но вокруг гремело так, что пользоваться ею было невозможно, и мы обменивались специально ради этого придуманными знаками.

В то лето мы все время отступали вместе с пехотой. Линия фронта проходила по берегу Дона. До начала контратаки мы успели окопаться на берегу реки. Это были тяжкие времена. Боеприпасов не хватало, кормили хуже некуда. Два раза в день давали сваренную на этом ужасном узбекском хлопковом масле пшеничную похлебку или горох. Еда воняла ржавчиной, да и цвет у нее был ржавчины. Месяцами не было даже соли. С другой стороны, репрессии офицерского состава в 1937–1939 годах были такого размаха, что не могли найти ни одного офицера для обучения солдат. На какое-то время они были вынуждены поставить меня комсоргом.

Став комсоргом, я посещал другие батареи и пытался анализировать положение на фронте. Там я увидел, что абсолютное большинство солдат ни писать, ни читать не умеет. На всем фронте было лишь двое окончивших школу солдат. Поэтому,

чтобы поддерживать боевой дух, мне приходилось вести беседы. Ведь немцы не прекращали хорошо налаженную пропаганду. С воздуха разбрасывали листовки в две страницы формата А4. На первой странице листовки было вырезано круглое отверстие, в которое виднелся нарисованный на третьей странице советский герб. Когда вы раскрывали агитку, под гербом вы видели надпись: *“Хотите – беритесь за серп, хотите – за молот, все равно у вас выйдет только...”*. Вы не поняли, правда ведь?! Не поняли! В агитке рифму расположили таким образом, что, когда вы прочитываете выражение целиком, первое, что бросается вам в глаза, – мужской половой орган. *“Что бы вы ни делали, все равно мы вас вы...”*, – хотели сказать они. Это было унижительно. Понятно, им было известно, что у нас не было бумаги – не было даже во что завернуть табак! – и поэтому вторую агитку сделали из папиросной бумаги. В этой второй брошюрке было написано: *“Тимошенко и герои-жиды¹¹⁸ хотят войны. Вы все время отступаете, потому что Сталин уничтожил сто тридцать тысяч ваших лучших командиров и комиссаров”*. Моей обязанностью было ходить и повсюду рассказывать, что все это ложь. Но это не было ложью!

Через некоторое время после того, как мы удерживали линию фронта по берегу Дона, нашу часть отправили на финский фронт. Как только финны разгромили сорок четвертую бригаду, встал вопрос об отправке подкрепления триста тридцать седьмому полку. Мы прошли пешком из адской жары в смертельный мороз путь минимум в триста километров. Когда мы прибыли на место, от триста тридцать седьмого полка осталась лишь горстка людей.

Всему, чему мы научились на войне, нам приходилось учиться в процессе самой войны. Учиться в бою означало нести потери. И за это мы заплатили страшными жертвами. Пехота не умела ходить на лыжах, но даже у тех, кто умел, не было лыж, и чтобы наступать, нам приходилось продвигаться по проезжим дорогам. Мы не знали, что такое мины, и тут увидели, что финны все

¹¹⁸ Унижительное слово для обозначения евреев. – *Примеч. авт.*

густо вокруг заминировали противопехотными минами английского производства. Случалось, конечно, что нам помогало везение, но куда до нас начало доходить, что эти неясные холмики под снегом могут быть минами, многих разорвало на куски. Только в моей батарее погибло восемнадцать человек, и нам пришлось полностью обновить весь личный состав. В конце концов привезли лыжи, но привязывающиеся на веревках, и пока мы их привязывали и отвязывали, мы становились прекрасной мишенью. Тогда мы взяли и к подошве оставшихся от отца *валенок* – войлочных сапог из козьей шерсти – пришили шарики, сделав ледовые коньки. Но и груз у нас был очень тяжел – шинель, своего рода шлем под названием *буденовка*, сапоги, заплечный рюкзак, сумка с картой, пистолет, винтовка, противогаз! И мороз! И финнам, и нам приходилось на открытой местности разводить костры. Под Кухмониemi мы уж почти были готовы сдать, как привезли зимнюю одежду. Наши самолеты с воздуха сбросили нам короткие полушубки из овчины, но черные! Как вы будете воевать в снегу в черных полушубках! Идеальные мишени! Финны и так воевали прекрасно. В Великую Отечественную войну они воевали лучше немцев. И конечно, они знали местность и были подготовлены к такому климату. Орудия у них были не самые лучшие, но минометы – прекрасные.

На разведку мы выходили ночью. Нашей целью было взять языка, но финны вывели гражданское население из района боевых действий. Мы поняли, что двери сельских хат – ловушка, только после того, как десятки наших отрядов взлетели на воздух. Только однажды из одной из хижин открыли огонь, мужчина и молодая девушка.

Мы окружили дом, и при посредничестве переводчика предложили им сдать, в противном случае пообещав поджечь дом. Они сдались, мы взяли их и привели обратно. Потом я узнал, что девушка была членом *Лотты*. Их ликвидировали. Один раз на стене одного дома мы увидели портрет Ленина. Мы подумали, что в этом доме жили коммунисты. Но это оказалось не так, оказывается, они уважали Ленина за то, что он был сторонником независимости Финляндии от России, о чем я не знал.

Мы спустились в кладовую, там были и мясо, и спиртное, и овощи, но нам было запрещено брать хотя бы даже пару картофеля. Дни, когда четверо здоровых солдат делили в день один сухарь и довольствовались одним ломтиком конины. Вот уже четыре месяца, как нам и не снилась баня. На этой забытой Богом равнине был единственный источник, и обе воюющие стороны снабжали себя оттуда водой. Но потом комиссары обнаружили, что мы закрываем глаза на то, что финны тоже берут оттуда воду, и мы принялись за него сражаться. В результате чего и мы, и они остались без воды. Мы продолжали растапливать снег и пить талую воду, но, должно быть, в ней было что-то плохое, потому что у нас разболелись животы, и начался понос. Мы настолько завшивели, что, чтобы спастись от вшей, трясли наши шинели над раскаленными печами, пока те не начинали тлеть. Потом в один день нам сбросили с воздуха исподнее белье, выстиранное в дустовом мыле, которое мы называли *К-мылом*. Мы выкупались с ног до головы, надели это белье, и тело наше будто объял нестерпимый огонь! Уж не знали, как его и сбросить! А исподнее пришлось снова стирать.

– Я был ранен два раза. В первый – тяжело. Артиллерийский снаряд разорвался на дереве, и в левый бок мне вонзилась шrapнель. Медицинского материала также не хватало, но в госпитале у меня была очень хорошая медсестра, – лицо его приобрело полугрустное и полупроклинающее выражение ущербного в чем-то мужчины. – Моя супруга, Галина Алексеевна.

Женщинам, которым набили оскомину собственные мужья, когда они слышат их чрезвычайно редкие комплименты, свойственно так искривить губы, что показывает, насколько ничтошеньки не значит все им сказанное. Изгиб губ, заставляющий мужчину пожалеть о том, что он раскрыл было рот, и о том, что еще скажет.

Галина Алексеевна именно так выказала свое неприятие: мол, *ой, ну будет тебе!*

Пожилая женщина и сама была героиней войны, и фронтовые ее воспоминания были независимы от мужних и не менее захватывающи.

– Если война с Финляндией с политической точки зрения была поражением, то с военной точки зрения она была просто катастрофой, – не удержалась она. – Эта война оставила во всех нас неизгладимые следы. Мы видели много мучений и много натерпелись сами. Наши потери по сравнению с потерями противоположной стороны были несоизмеримо огромны. Погибших мы оставили лежать в чужой земле. Когда началась Великая Отечественная война, я была студенткой педагогической академии. Война началась в воскресенье, а в понедельник мы пошли на первый урок неотложной медицинской помощи, где нас учили накладывать повязки, гипсовать переломы, делать уколы. А через несколько месяцев мы отправились на фронт.

Наша санитарная часть состояла из девушек и пожилых людей, по возрасту к фронту не пригодных. В ночь на шестое июля мы вышли на марш и прошли пешком сорок километров. Когда мы пришли к лесу и поставили палатки, на ногах были кровавые раны от раздавленных мозолей. На следующий день мы надели форму и принесли присягу. Так как я умела стрелять из пулемета “Максим”, меня поставили в охрану санитарного отряда. Я также неплохо стреляла из ружья. Меня назначили на германский фронт. Но пожилые милиционеры – *ополченцы* – были смехотворно слабы. Большинство не умело и винтовку держать. Собственно, это были настолько уставшие от жизни люди, неспособные даже пошевелиться.

– Немцы навалились на нас стеной. Куча девчонок и стариков, мы пытались бежать, но нас взяли в окружение. Нас объел ужас. Разбросав оружие направо и налево, никто из нас не знал, ни что делать, ни куда нужно бежать, все вокруг нас горело, раненые стонали, и мы впали в панику! Так мы увидели, что значит быть крещенными огнем!

Среди нас был врач по фамилии Климов – точно современный Ашиль. “Девочки, не забывайте, меня бомбы не берут. Не отходите от меня и не бойтесь!” – повторял он. И удивительно, но помогло! Рядом с ним мы переставали бояться.

И, что более важно, смогли прорвать окружение и вынести раненых. Носилок не было, поэтому кляли на одеяла и тащили

по земле. У нас не было ничего, кроме заплечных сумок первой помощи с йодом, марлей, ватой и порошком стрептоцида. Поначалу не было даже перекиси водорода.

Какое-то время нас использовали и как гонцов. У меня была подружка Наталья, она была хорошей наездницей и научила меня. Мы вдвоем достаточно долго перевозили документы. Позже забрали в тыл, 63-й полк, 21-я рота. Я начала работать в лазарете. Двое врачей и четверо медсестер, мы принимали в день по триста раненых. Когда враг переходил в наступление, раненые валили комом. В их числе были и подстрелившие сами себя, особенно среди узбеков и таджиков. Они были совершенными неучами и не могли, кажется, отличить дуло от приклада винтовки. Помню, что мне искренне хотелось найти хоть капельку времени и хоть немного их поучить. Кроме того, целая куча симулянтов. Когда мы сообщали, мол, солдат заболел, врач приказывал: “Дайте ему немного того порошку. Если боль не пройдет, немного увеличьте дозу и скажите, что больше нету. Если заявит, что боль прошла, – знайте, симулирует. Если же боль останется по-прежнему, – надо искать причину болезни”.

Не проходило и дня, чтоб не обходилось без расстрелов. Один из них, я помню хорошо, молодой парень выстрелил себе в ногу, чтоб получить буханку хлеба, так нас всех собрали и у всех на глазах его расстреляли.

Из лазарета нас перевели в полковой госпиталь. Госпитали почти всегда ставили в лесах, но готовых помещений не было. Мы приезжали, рубили деревья, расчищали место и ставили палатку. В лесу было хорошо, мы собирали смородину, чернику и грибы для раненых, точили сок с березок. Бывало, что мы не спали по несколько дней, но самым страшным был мороз. Вместо печурок мы использовали наполненный горячей водой бидон. Покуда под ним горел костер, было еще неплохо, но когда огонь угасал, мы окоченевали. Одежда у нас была теплая, и мы болели нечасто, но пальцы рук обмерзали, потому что мы делали гипсовые повязки, гипс въедался в клеточную ткань и начинал сильно жечь на морозе.

Тогда не было, как сейчас, анестезии уколом, давали маски с хлороформом. Вместе с больными хлороформом приходилось дышать и нам, и мы ходили целый день, как пьяные. Но вы знаете, до нас даже не доходило, в каких ужасающих условиях нам приходилось находиться! Мы боролись за родину.

Через пять–шесть месяцев стали привозить перекись. Мы обрабатывали ею раны, а йод применяли только для обработки краев, затем накладывали реванол и бинтовали. Следили также за тем, чтобы марля, соприкасающаяся с открытой раной, была неиспользованной, и только поверх нее бинтовали выстиранными бинтами. Нам приходилось стирать бинты в ледяной воде, отжимать, сушить и стерилизовать. Тогда я обморозила кончики пальцев во второй раз.

На печке всегда стояло около четырех ведер горячей воды. Врач иногда позволял нам брать эту воду для мытья. Кроме того, у нас был уют, чтоб ликвидировать из одежды вшей. Мы старались поддерживать чистоту и санитарию, но вшей приносили раненые солдаты. Один раз мы заразились чесоткой. Как и всех солдат, нас тоже кормили два раза в день. На завтрак овсянка, тридцать пять граммов сахара, шестьсот граммов черного хлеба. Вечером – две тарелки горячего. Мы одевали форму, которую носили мужчины. У меня был 34-1 размер, и из формы я выпадала. На ногах огромные кирзаки, как кот в сапогах. Но нам еще везло, так как нас не ставили на дежурства.

Потом однажды доктор Климов переливал одному больному кровь, а я держала пробирку. Пролетая над нами, немецкие самолеты сбросили бомбу. Бомба не взорвалась, но за минуту перед тем Климов попросил у меня зажим. Зажим был в одном из сундучков первой помощи, стоящих прямо перед палаткой. Я вознамерилась было выйти взять, но Климов сказал: “Стой, я сам”, вышел на улицу и бабах! Его разорвало на клочки, а я и Наталья отделались несколькими царапинами. Когда пришли в себя, оказалось, что я вся в крови, но не в своей, а той, что мы собирались перелить раненому. Эту картину я видела во сне долгие годы.

А потом тот немец. Первый немец, которого я увидела в моей жизни. Полагаю, это был 1941-й, наши сбили один самолет. Пилот

был ранен, был взят в плен и доставлен к нам. Это был типаж, точь-в-точь как мы себе немцев представляем: рыжеволосый, крупно сложенный и высоченного роста. Он был ранен в мочевого пузырь, и ему была необходима операция. Вместо Климова пришла женщина-врач. Немец упорствовал: “Я не дам себя оперировать женщине!” Душу его в бога мать! Подняли со стола и отнесли в сторону! Надо было убить этого гада! Немцы всегда устраивали представление, всегда ныли, что ущемляют их законные права! В ту ночь я с профессором Покровским – был такой профессор истории из *ополченцев*, потом и он умер – привязали немца к его кровати. Целую ночь он бушевал и матерился. Слава Богу, на следующее утро он помер. Нам очень редко встречались ранения мочевого пузыря и брюшины. Чаще всего привозили с ранениями в грудную клетку и руку. Мне также ни разу не встретилось сумасшествия, но было много эпилептиков. А потом однажды привезли и этого вот, – она указывала на мужа. – У него были ранены руки и ноги, но не смертельно. Да он и поправился-то быстро, и вернулся в свою часть. На ногах у него были самые красивые, какие я тогда только видела, меховые носки.

– Мы нашли ту доху из меха в одном из финских домов, – объяснил полковник. – Взяли ее и принесли командиру. Командир целую бучу поднял: “Зачем вы притащили эту вещь? Сейчас как из особого отдела кто нагрянет, как вы будете отвечать?! Срочно отнесите откуда взяли!” Я сказал тогда, что солдатам нужны носки, и мы хотели порезать шубу и нашить носков. “Ну хорошо, режьте, Бог с вами”, – разрешил он. Но Галя права. Смертельными были не мои раны, а наш путь до госпиталя, ровно тридцать два километра. У финнов были легкие саночки под названием *ахкийос*. Они перевозили на них пулеметы, боеприпасы или своих раненых. Ахкийос скользили по снегу, как по воде. У нас ничего подобного не было. У нас были самодельные носилки, тот, кто тащил на них раненого, через сто метров задыхался от тяжести. Нам удалось заполучить и финские санки, но пользоваться ими запрещали. И мы начали делать свои, грубые бесформенные деревянные сани. Меня привезли на таких саях.

Несмотря на мои упорные расспросы, он так и не рассказал, как получил орден Невского. Еще один его рассказ, навеявший на меня наибольшую грусть, должно быть, оттого, что напомнил мне моего собственного отца, в пятидесятые годы в Догу-беязите¹¹⁹ настаивавшего на том, чтобы во что бы то ни стало отправиться на переговоры с русскими в той форме, в которой лучше всего сидели брюки. Это был рассказ о том, как солдаты наряжали своих командиров на переговоры о подписании перемирия с финнами. Форма командующего, о котором я едва-едва вспоминаю, что он, кажется, называл его фамилию как Вознесенский, была совершенно негодна, и солдаты не хотели, чтоб он появлялся в таком виде перед победившими финнами.

– Мы всем батальоном принялись за обмундирование нашего командира. Наши формы тоже поизносились, истерлись и были обожжены. Приносили что у кого было, в конце концов, нам удалось обрядить его сколь-нибудь сносно. Всего было три встречи, я присутствовал на второй. Нам следовало быть безоружными, но я припрятал под мое сиденье пистолет наган. Мы встретились, по трое от нас и от них. В руках мы несли белый флаг. На расстоянии в пять метров и мы, и они остановились. С помощью переводчика мы повторили, что война окончена, и после этого нельзя заниматься подстрекательством и открывать огонь. Финны пригласили нас на обед. До того времени мы и не замечали, что в руках у одного из них был покрытый чем-то поднос. Он раскрыл поднос, на нем были рыба, мясо, соленья и бутылка малинового ликера. Командующий выпил бокальчик с финнами, а я не притронулся. На второй и третьей встрече я не был, но знаю, что мы выменяли их заплечные сумки. Мы же им давали консервы, сухари и водку. Уходя, мы получили приказ закопать обратно окопы и разрушить дзоты. Финны убрались с дорог. Звучали песни, играли на аккордеоне. Они присоединились к нам со своими гармониками. Они махали нам руками, сжимали кулаки, мы отвечали им тем же.

¹¹⁹ Восточный Беязит турецкий город на турецко-советской границе времен холодной войны. Около него проходили кровавые русско-турецкие сражения во время Первой мировой войны. – *Примеч. лит. ред.*

—•••••
—•••••

Галина Алексеевна вмешалась со словами:

– А мы должны были перейти немецкую границу возле речки Нейзе, в Костшине. Была ночь, и мы проходили местами вчерашних сражений. Уставшие до смерти воины спали в кузовах грузовиков. Неожиданно я увидела над дорогой изготовленную из шперплата и фанеры вывеску, на одной из них черными буквами было написано: *“Внимание! Бандитская Германия!”*, – волосы у меня стали дыбом. Я позвала командира, мы разбудили солдат со словами: *“Въезжаем в логово фашистских зверей!”* Начиналось прекрасное августовское утро, вокруг было полно черничных кустов и на них – созревших ягод. Будто война никогда и не начиналась. Я решила собирать черники, пошла было к кустам, несколько шагов и увидела труп лежащей ниц меж кустов немецкой женщины. Мозг ей разнесло на части, на золотых волосах запеклась кровь. С одной стороны, потрясающая красота и тишина, с другой – смерть, и это противоречие, кажется, навеки выгравировано у меня в уме среди картин войны. Немного спустя приехал командир полка: *“Чем вы кормили сегодня утром солдат?”* И ответ: *“Как всегда, овсянкой”*. Обернулся ко мне: *“Старшина, что вы давали сегодня бойцам?”* – *“Овсяную кашу, товарищ полковник”*. – *“Овсяную кашу, овсяную кашу... вот я вчера у Теркова в отряде был, так они нашли свинью там и всякое такое. А сейчас возьмите отсюда грузовичок и поезжайте на ближайшую ферму. Наберите что там есть”*. По правде говоря, в двадцати километрах от того места, где мы находились, фермеры покинули на голодную смерть свой скот и сбежали. То есть, наше командование поощряло нас к грабежу. Но длилось это не долго. На фронт пришел приказ от командующего Жукова, который гласил: *“Мы есть армия, несущая свободу немецкому народу. Поэтому мы должны относиться к немецкому народу, как к своему собственному”*. А теперь ступайте, расскажите это тем, у кого фашистами были повешены или расстреляны родные, расскажите это русским солдатам, чьи дома фашисты сравняли с землей! Невозможно им было все забыть в одно мгновение! И они обиделись. Исполнились гнева. *“С чего бы это мне забывать все содеянное немцами моей земле, моей семье?!”* –

спрашивали они. Это возвращение было очень болезненным. Мы прошли от Сталинграда до германской границы под лозунгом: “Убей немца!”. У меня неотступно стояли перед глазами статьи Ильи Эренбурга. Более того, в последние годы войны место погибших в частях заполнили простыми уголовниками. Один из служивших со мною солдат был осужден за то, что изнасиловал на кладбище мать с дочерью. Я доложил, приехали из СМЕРШа, отдали его под военный трибунал, но кроме меня, никого это особо не волновало. Позже мы вошли вначале в Берлин, а потом в Магдебург. Перешли Эльбу. Дошли до Стендаля. Там я провел год. Женился. На застольях, как правило, бывает распорядитель стола, которого называют *тамадой*. *Тамада* назначает, кому говорить тост. Он объявляет также первую здравницу – *шефе, за здоровье!* Обычно обязанность его продолжается до конца застолья, но бывает, когда он передает полномочия и кому-то другому. Нужно быть готовым, потому что недостаточно сказать: *За здоровье!* Кроме того, надо еще рассказать анекдот, точнее, притчу и посвятить свой тост основной мысли сказанного. Например, в тот вечер одной из рассказанных и посвященных паре Алексей – Тереза притч была следующая:

– Один молодой человек, решив жениться, пришел за советом к отцу, считавшемуся мудрецом в селе. Выслушал его отец, рисуя на песке посохом какие-то знаки. “Отец, я познакомился с прекрасной молодой девушкой и хочу на ней жениться”, – сказал сын. Отец рисует на песке нуль. “Отец, – не унимается юноша, – это очень сообразительная девушка, и она хорошая хозяйка”. Старик вновь рисует на песке нуль. “Отец, мы любим друг друга!” На это мудрец впереди начертанных нулей пририсовал единицу. Так выпьем же за любовь, увеличивающую все добродетели в тысячу раз!

Поскольку я была гостя, мне освободили место подле тамады. Это был уважаемый мужчина сорока–сорока пяти лет, который мало говорил, когда не поднимал тост. Он спросил у меня, не почему я приехала в Россию в это время года, а какая сейчас погода в Стамбуле, – я спросила, кто он по профессии.

Тому, как он сказал, что он кинорежиссер, рассмеялись все и, прежде всего, Тереза, потому что это был *тот самый прославленный* кинорежиссер нового поколения, постановщик, актер, театральный режиссер и сценарист Владимир Чотиненко!

На его вопрос: “Вы имеете отношение к кино?” я почувствовала, как краснею.

– Если вы хотите откровенно, то нет, – сказала я и тут же добавила, – я очень редко могу найти для себя что-то в чувственности американской режиссуры. Наши еще не создали своего направления в кино. Русские же фильмы к нам с семидесятых годов совершенно не доходят. Что касается последнего просмотренного мною русского фильма, то я видела большинство фильмов Эйзенштейна. Полагаю, последний увиденный мною фильм о России – “Десять дней, которые потрясли мир” по книге Джона Рида.

– Фильм Уоррена Битти 1981 года, – вспомнил он. – Полное фиаско! Очень длинный, налито полно воды, и настолько прокоммунистический, что неправдоподобный. Не достаточно ему было романтизировать радикальную и готовую вспыхнуть атмосферу, так он еще и американизировал!

Услышавшая нас поневоле Ханя Ложко добавила: “Национальную русскую музыку исказили в угоду западному слуху. Диалоги пусты. “Из России с любовью” был гораздо лучше. И сильнее, и больше чувств, да и музыка там гораздо лучше”.

Они спросили, что я думаю об Эйзенштейне.

– Как я уже говорила, я не самый примерный зритель, – отвечала я. – Но при этом помню, что Эйзенштейн сам по себе был вызовом – я хочу сказать, вызовом и проклятием философским. Я всегда преклонялась перед тем, какую функцию он возлагал на кинематограф, но как по мне – он был слишком партизан, слишком сталинист.

Чотиненко пожал плечами.

– Кинематограф является единственной книгой, которую способны прочесть даже совершенно неграмотные. Победа машин, индустрии и электричества. Средство для нового взгляда на жизнь.

– В то же время это искусство, которым можно управлять из единого центра. Оно может стать оружием замедленного действия. Сегодня по дороге из Стамбула Тереза сказала мне в самолете, что литература в России для писателей является тяжким грузом, под которым они могут сломаться. Нельзя ли сказать, что также, как литература и искусство, и кинематограф является средством распространения миссии, возложенной на интеллигенцию? Возлагаете ли вы такую миссию на этот ваш получивший награду фильм “Мусульманин”?

– Вы должны сами увидеть, мадам, – отвечал Чотиненко голосом, показывающим, что тема ему надоела. – Сейчас идет в “Кодаке”.

Находящаяся рядом с ним очень красивая женщина, Ханя Ложко, вмешалась:

– Фильм Чотиненко – это самый лучший рассказ о том, что в лесной глуши не существует деления на хороших и плохих людей. В наши дни, когда мы вступаем в третье тысячелетие, он показывает, насколько бесполезно-пустым будет определять отличные от других верования словами *поганство и поганцы*. Одним словом, прекрасная работа.

Оказалось, что когда провозглашают тост в честь какой-либо женщины или *за родину*, предложивший тост должен стоять, остальные же гости сидят, и как только он произнесет заключительные слова, они должны чокаться бокалами куда только дотянутся. Единственное обстоятельство, когда бокалами не чокаются, – когда пьют за умерших. В тот вечер бокалы, не чокаясь, поднимали дважды. Первый – за отца Александра Меня, павшего жертвой убийства в тот же день 1990 года и приходившегося родственником Давиду Рабиновичу, которого я характеризовала госпоже Зеленской как *либерального масона – неодафвиниста тридцать третьей ступени*. Второй тост был поднят за убитого в тот же день известного телевизионного ведущего Владислава Листьева.

Отец Мень был священником, который даже в брежневские времена сумел отвергнуть сотрудничество с органами КГБ, смог обрести независимость и занять особое место среди свя-

щенников русской православной церкви. В советские времена он организовал подпольные курсы по изучению Библии, под вымышленным именем писал статьи на религиозные темы и печатал их за границей. Он подвергался давлению и бесконечным следствиям, самому ему и его семье много раз угрожали смертью, но Мень не покорился. Проповедовать по церквям и молеельным залам он смог только в последние годы. Звезда его моментально взошла, да так, что он стал появляться даже на радио и телевидении. В день убийства он вместе с рассветом вышел в путь из своего дома в поселке Семхоз к церкви поселка Новая Деревня, отдаленного от Москвы на сорок пять–пятьдесят километров. Чтобы дойти до железнодорожной станции, требовалось пройти по лесу. Это была безлюдная и опасная дорога, на которой ранее было совершено несколько изнасилований, и диакон даже умолял его не ходить одному, но пятидесятипятителетний отец Мень не послушал его, говоря, что чувствует уже, что дни его сочтены. И потом навстречу ему выскочил прятавшийся среди деревьев человек, и обрушил на голову священника находящийся у него в руках топор. Несмотря на то, что с тех пор прошло пять лет, убийца не был найден, но факт убийства Мень именно топором подтверждает политический характер казни.

Дело в том, что единственное орудие труда на Руси Великой – топор – имеет в русской культуре, кроме основного предназначения, еще одно значение. Толстой писал: “Русский мужик так умело пользуется топором, что топором он строит дом, им же он вырезает себе из полена ложку. Топором икону и тешут, и в куски разрубает”. Мужики-язычники веруют в то, что лежащие в лесу подле загоревшихся от удара молнии деревьев камни – это острие Перунового топора, и почитают те камни священными. Наличие также имени Гром, Громов – оттого, что его почитали как священное.

– Икона – это изображение, дающее ведущим в лесу борьбу за выживание людям неизменное чувство защищенности, ежесекундно напоминающее им о присутствии цели высшей, нежели видимое их существование. Топор же – вселенское орудие, при-

нуждающее лес покориться потребностям и нуждам человека. Именно поэтому в светлицах русских крестьян есть особое место, где бок о бок стоят икона и топор: Красный Угол – *Güzel Köşe*. Нет избы без Красного угла.

Топор в то же время – это оружие, сносящее головы немецким тевтонским рыцарям и монгольским ордам. Оно занимает место кинжала замков Западной Европы. У русских существует традиция проводить казнь без суда и следствия топором. Отсюда проистекает тот факт, что Льву Троцкому, о котором интеллигенты-коммунисты говорили как о *наиболее продуктивном и дальновидном мозге большевистской революции*, проломили и раскроили голову топором. На протяжении истории восстания подавляют топором. На Красной площади, которой я так восторгалась, топором рубили головы главарям бунтовщиков. Ритуальная казнь осуществляется *посредством отсечения одним ударом топора рук, одним ударом ног, и наконец, последним ударом отделили голову от тела*.

С наступлением девятнадцатого века в ход идет огнестрельное оружие, но топор продолжает жить как символ бунта. Существуют Общества топора, первое из которых было создано в 1860 году. В 1850-х годах интеллигенты умеренные обвиняют интеллигентов радикальных в том, что последние *подстрекают любителей топора*. Умеренный Добролюбов истолковывал социалистическую программу Чернышевского в произведении “*Что делать?*” как *призыв России к топору*. Раздающийся в финале последней пьесы Чехова “*Вишневый сад*” звук топора олицетворяет конец царской России. Хрущев, критикуя роман известного писателя Леонова, отождествляющий старую русскую культуру с лесом и намекающий на то, что советский режим похож на уничтожающий этот лес топор, заявлял: “Нет такого, чтоб всякое дерево было полезно, топором надо прорезывать лес, чтоб рос получше”.

Орудием Раскольникова в “Преступлении и наказании” тоже является топор. Это также и один из символов современной неофашистской группировки “*Память*”. Это же хотел сказать Рабинович, когда говорил: “Враги евреев из “Памяти”, религиоз-

ные фанатики из русской православной церкви, милиция, КГБ, – любой из них мог убить священника Меня”.

– В постсоветской России одна из сторон медали – очеловечивание, демократизация, другая сторона медали – убийства. Пока все мы старались спастись от жизни в постоянном страхе, они точили топоры, чтоб мы не забывали бояться. Цель – запугать отважившихся изменить устоявшийся порядок вещей. Они напоминают, насколько мы на самом деле беззащитны.

Я спросила у сидевшей рядом со мною Хани Ложко:

– Разве батюшка Мень не был православным священником, какое отношение он имеет к антисемитам?

Оказалось, что Александр Мень был еврейского происхождения. Ханя сказала, что отец покойного священника был атеистом, а мать – обращенной.

К счастью, национальность не написана на лбу у людей; черты лица Давида Рабиновича также не соответствовали типологии *огромный нос, лошадиные зубы, пучеглазые осиные глаза*, определенной для евреев русскими антисемитами.

Глава рекламного агентства Greatis USA был привлекательным молодым человеком лет тридцати – тридцати пяти, с вечной улыбкой, одетый согласно моде яппи¹²⁰ в тканевый жакет поверх светлых джинсов, рубашку и галстук. Как я уже говорила, таков был человек, ведущий в Москве дела Александра Коненикина, в свои неполные двадцать четыре года создавшего финансовую империю банков и недвижимости в триста миллионов долларов – и эмигрировавшего в Америку! Нашедший в Государственном архиве Российской Федерации рукопись батюшки Михаила Дмитриевича и сообщивший об этом Алексею Рабинович был одним из дальних родственников Терезы, не уехавших в Штаты и оставшихся в России, – то есть, он тоже был *евреем*. Дед Рабиновича же приходился близким другом отца-атеиста священника Александра Меня.

Давид Рабинович объяснил обращение матери убитого священника из иудаизма в Русскую православную церковь следую-

¹²⁰ “Молодой да ранний” – сокр. от Young Professional, обычно о студентах престижных университетов, детях богатых родителей. – *Примеч. пер.*

—•••••—

щим образом: “Очень многие евреи, принадлежащие к интеллигенции, желающей сохранить свою русскую идентичность, обратились к Церкви”.

– Это потому, что нападки, которым подверглись вера и культура иудеев, были даже тяжелее, чем нападки на Русскую православную церковь. Елена, мать священника Меня, восприняла церковь как совершенно особое место, как убежище. Мы называем это *Taht arayışı* – *богоискательство*. В советское время большинство людей, испытывавших омерзение от окружавшего их мира, старались обрести путь к спасению в религии. Их называли *международной церковью* – тайно ходивших от дома к дому священников, которые и учили детей Священному Евангелию.

– Елена хотела, чтобы дети ее выросли богобоязненными и высокоморальными людьми. Так если не Хохам, то пусть хотя бы поп научит их, думала она и так достигла желаемого. Александр еще в двенадцать лет принял решение посвятить себя служению Богу. В те годы религиозные книги прятали в хлеву, среди подстилаемой под свиней соломы. И он находил эти книги и читал их. В университете он выбрал специальность биология. Может, вы знаете, что мы, русские, можем быть чрезвычайно ленивы и прожорливы, как обезьяны. Но священник Мень был не таков. Даже изучая биологию, он не отрекся от приготовления себя к Церкви. Вместе с однокурсником Глебом Якуниным они образовали талантливейшую пару неразлучных друзей.

– Священник Якунин занимался религиозной политикой. Он был нестигаемым оппозиционером. Он писал письма в защиту прав вероисповедания православных в Кремль, высшим должностным лицам Русской православной церкви и устраивал акции. Был осужден на девять лет и смог вернуться только после смерти Сталина, в хрущевскую оттепель. Но священник Мень был другим. У него был дар от Бога открыть непостижимую, одержимую и охромевшую от гордыни Церковь народу, сделать ее доктрину общепонятной. Для Меня быть в оппозиции означало быть прямодушным и смиренным священником. Он поощрял людей к духовным, сокровенным исканиям. Тогда как Якунин шел по пути создания политической организации, спосо-

бной защитить права верующих, Мень стремился дать пастве независимость духа... Ой, что-то я заговорился, не так ли?! Я даже не знаю, имеет ли все сказанное для вас хоть какой-то смысл!

– Гораздо больше, чем вы могли предполагать, – отвечала я. – Смысл, гораздо больший, чем вы предполагали.

– Он был человек с верованиями, но при этом независим. И остался далек от таких обычных слабостей русского духовенства, как пресмыкательство перед авторитетами и обскурантизм. В последнем интервью, данном им перед смертью для газеты “Московский комсомолец”, он говорил: “Я думаю, что являюсь полезным для этого общества, у которого, чтобы остаться существовать, существует насущная потребность в духовных и моральных основах. Инакомыслие есть право человека воспринимать действительность так, как он ее понимает, вне зависимости от мнения массы. Если личность осуждает мнение массы, значит, она выражает свою индивидуальность, свободу и независимость. Там, где не существует личного мнения, становятся действительны законы толпы, и, следовательно, толпа превращается в объект, которым легко манипулировать”. Вот таким был человек, которого навеки заставили замолчать в лесопосадке под Семхозом. Священник Мень был гласом нас всех, от самого обычного человека с улицы вплоть до академика Сахарова. В этой стране, где господствовал режим, с помощью извращенной генной инженерии уничтожавший наилучшие умы и наиболее чистые сердца, батюшка Мень был образцом того, как следует жить. Студенты Юрия Афанасьева записывали на магнитофон его лекции в Институте исторического архивоведения и передавали записи из рук в руки. Останься Мень в живых, он мог бы достучаться до миллионов сердец. Достучаться до миллионов было очень важно. А вы знаете почему? Потому что лишенный на протяжении многих лет всего, во что мог верить и на что мог надеяться, русский народ постигло глубочайшее безверие. Никто уже не верит в то, что в стране что-либо можно исправить. Молодежь закрылась в собственной скорлупе. Они перестали интересоваться политикой. Однако наше время – это пора,

—•••••—

когда следует думать гораздо более о смысле жизни, нежели об еще одном гамбургере из Макдоналдса или о том, где достать джинсы-варенку. Наша потребность в пище духовной сегодня, наверное, гораздо больше, чем когда-либо еще.

– Убийство священника Александра Меня напоминает убийство священника Ежи Попелюшко в 84-м. Если вы вспомните, священник Попелюшко был сторонником Сопrotивления¹²¹. Когда он был ликвидирован польскими спецслужбами, народ там восстал. Но у нас никто и пальцем не пошевелил.

Подумайте только, насколько мы отстали от наших восточно-европейских братьев по социалистическому лагерю! Мы не то что не восстали, но даже не возмутились!

Что касается организации *Hafiza* – “Память”, подозреваемой в организации убийства батюшки Меня, то Андрей Золотов объяснил смысл этого слова: память, хранящий память, мощьность запоминания¹²².

Несмотря на то, что организация “Память” позиционировала себя как русское национальное движение, самостоятельно созданное в 1985 году, о ней говорили как об организованном в высших эшелонах власти политическом заговоре. Якобы собрались во главе с КГБ так называемые *силовые министерства* типа Министерства национальной обороны, Министерства иностранных дел, Общество охраны исторических и культурных памятников, любительские спортивные клубы и еще ряд полуофициальных структур и под эгидой *таинственно-романтического* русского идеала создали “Память”. Во главу организации поставили одного из маршалов Второй мировой войны Василия Чуйкова. С помощью таких газетчиков и романистов, как *боготоривший* Сталина Дмитрий Жуков, Феликс Чуев, Владимир Чивилихин – как известно, у Чивилихина есть роман под названием “Память”, – начали чрезвычайно успешную кампанию пиара организации у общественности. По словам Золотова, они доби-

¹²¹ Имеется в виду польская Солидарность. – *Примеч. авт.*

¹²² В оригинале турецкое слово *hafiza* имеет смысл несколько иной, нежели русское “память”. Поэтому мы привели семантику слова, вкладываемую турецким автором и читателем. – *Примеч. пер.*

лись *выхода в русской и западной прессе по одной статье каждого члена “Памяти”*. В мае 1987 года они организовали в Москве невероятно шумевший митинг, и впервые в советской истории оппозиционное националистское движение уселось за стол переговоров с чиновником в ранге секретаря Коммунистической партии Москвы, каковым был Борис Ельцин.

Это была беспрецедентная по силе демонстрация, но не прошло с тех пор и года, как Государственная прокуратура отправила лидерам националистского движения вердикт, где обвиняла “Память” в угрозе национальному единству и соответственно разжигании межнациональной розни. Известие об этом проникло в печать. Вердикт Прокуратуры был напечатан в газете “İddialar ve Geçekler” – “Аргументы и факты”. И, при всей резонансности этого националистического движения, оно распалось за одну ночь. При этом не было ни малейшего протеста ни передовых деятелей русского национализма, ни общественности.

Всего за один год “Память” распалась на десятки мелких конкурирующих между собой формирований, маргинализировалась и иссохла. Таким образом, все сложилось так, как было угодно номенклатуре¹²³, и русское национальное движение задохнулось, не начавшись, еще на корню.

Наверное, это был самый наивный вопрос того вечера: “Но почему бы номенклатуре желать распада русского национального движения?!” Самый наивный вопрос и соответственно ему воздающий по заслугам ответ, показывающий, насколько нужно быть щепетильным, вынося суждение о России: “Цель номенклатуры – не усилить русский национализм, но создать *disposable* оппозицию – которую можно было бы использовать и выбросить на помойку”.

– Как бумажную салфетку?

– Именно так. Трюк, к которому часто прибегали как во времена Горбачева, так и Ельцина, – *disposable* оппозиция.

Оказалось, что, намереваясь разрешить загадки политического расклада в России, следовало, прежде всего, смотреть на

¹²³ Правящие круги коммунистической партии / государственной бюрократии. – *Примеч. авт.*

то, что будет иметь с этого каждый из политических игроков: и в этом случае, прежде всего президент Горбачев.

Готовящему СССР к распаду Горбачеву не была нужна неуправляемая оппозиция. И особенно ему не была нужна оппозиция, способная объединиться на основе демократических принципов. Однако чтобы укрепить за собой имидж *политического лидера, всей душой борющегося за демократию*, он испытывал потребность в создании организации, подающей голос протеста по его команде. Поэтому он взял и собрал под одной крышей полуофициальные структуры, о которых знал, что те не посмеют егослушаться. Так он повесил на крючок общества подобно Обществу охраны исторических и культурных памятников, Обществу любителей книги, любительское спортивное общество ДОСААФ, которые держались на ногах исключительно благодаря государственной поддержке. Однако вследствие экономического кризиса финансирование их было уменьшено до минимума, и чем дальше, тем больше они теряли всякое уважение в народе. Итак, с одной стороны, он прозрачно намекает этим структурам на то, что дальнейшее их существование напрямую связано с их изобретательностью на стезе политики, с другой же стороны, указывает прямым адресом “Память”.

И консерваторы, сторонники порядка, возлагающие все надежды на то, что их существование будет надежно обеспечено под крылом президента, в свете его призыва вмиг поддерживают “Память”. Однако существует еще одно препятствие, кажущееся серьезным на пути русского национализма к своей цели, и это – оппозиционно настроенные либерал-демократы. К их сведению также доводят, что наиболее действенный путь уничтожения национального движения, возвышения которого они так боятся, – это перейти в поддержку “Памяти”, вопиющая ущербность личностей как лидеров, так и членов которой является совершенно очевидной. Специалисты из КГБ убеждают лидеров оппозиционной либерал-демократии в том, что “Память” с такой структурой будет скорее путями для русского национализма, нежели его поддержкой, и оставит под подозрением все консервативное крыло общества. Это называют *политикой пилы*:

Горбачев преследует цель не только подорвать веру в русский национализм, используя неуравновешенность и радикализм лидеров “Памяти”, но и посредством страшной *мести* в виде “Памяти” заставить выбрать *меньшее из двух зол* и подчинить своей власти народ.

Другой актер расклада – соперник Горбачева Ельцин, о котором говорят, что он *ничего не делает, не продумав заранее до мельчайших подробностей*, – в то время стремится позиционироваться как народный лидер. В надежде обрести искомую харизму в “Памяти” он поддерживает митинг в 87-м и отдает приказ Московскому горсовету смягчить закон о народных собраниях и митингах. Он также закладывает основы нового обычая, принимая у себя после митинга лидеров “Памяти”. Даже в период 1989–1992 гг., когда Ельцин был наиболее приближен к демократам-интернационалистам, он не выступал против “Памяти”. Он отвергал также и обвинения последних в *антисемитизме*. В ответ на это лидеры “Памяти” на Ельцина тоже не нападали. Они никогда не обмолвились ни словом ни о его роли в распаде Советского Союза, ни о проводимой шоковой терапии, и были вместе с Жириновским в рядах аплодирующих полуавторитарной конституции Ельцина, желающего роспуска Думы в 1993-м.

– Горбачев и Ельцин поддерживали “Память” до тех пор, пока она поддерживала режим, и, что более важно, образовала собой рычаг, уравновешивающий нарождающееся демократическое движение. Когда же из уравновешивающего рычага она стала фокусом объединенной демократии, вмиг разразилась буря обвинений в адрес “Памяти”.

Создание “Памяти” было делом таким же хлопотным, как и ее роспуск. Здесь снова возникает гений КГБ, на этот раз они снова убеждают и консерваторов, и либерал-демократов в том, что “Память” превратилась в постыдное расистско-сепаратистское движение. Буря обливания грязью “Памяти” с такой силой была обращена практически к каждому отважившемуся произносить слово “русский”, что, что бы там ни говорили интеллигенты и избалованные патриоты, они не могли уже найти путь к спасе-

нию от ярлыка принадлежности к “Памяти”. Как раз в это время вовсю поощряются митинги протеста против “Памяти” в национальных республиках СССР. Официальную главную артерию – масс-медиа – убеждают в том, что начинавшиеся в республиках Прибалтики, на Кавказе и других районах страны этнические конфликты являются множасьимся эхом выступлений против “Памяти”. Уже на этот раз средства массовой информации набрасываются на “Память”. И только когда в западной прессе статьи об антисемитизме “Памяти” начали отражать известия о реформах Горбачева, в Кремле было принято решение поставить точку.

Возможность, которую искал, Горбачев, наконец, нашел в официальных празднованиях тысячелетия православия на Руси 988–1988. Отдавая невиданные в советской истории почести Русской православной церкви, власть изгоняет из Коммунистической партии Советского Союза одного из активистов “Памяти” Кима Андреева. Распространяя слух о том, что другие лидеры “Памяти” арестованы, она дает понять – русское национальное движение будет обуздано. Но у нее отсутствуют основания для подведения под правовую базу Криминального Кодекса СССР, и поэтому прибегают к всегда до этого с успехом применяемой тактике – разделяй и, разделяя, отвлекай внимание прессы на другие вопросы. Нескольким из наиболее крутых лидеров “Памяти” за их *преданность* дали по земельному наделу, других же отправили в кибуцы в Ярославле.

– То есть, национальному движению в России пришел конец? Золотов пожал плечами.

– Оставленный “Памятью” радикально-национальный фронт заполонили микроскопические партии, движения и фронты, вечно дробящиеся многократно промеж собой, влияние которых может быть ощутимо лишь в далеком будущем.

Кроме того, вот как выразилась, говоря о “Памяти”, Тереза Д. Корнблатт: “Толпа одетых в черные футболки фанатиков-антисемитов, непонятно что производящих заводских русских рабочих, членов компартии, учителей, профессиональных военных и уличных бродяг и лоботрясов”.

– Да-да, одетых в черные футболки! В царское время уничтожившие десятки еврейских поселений антисемитски настроенные *Black Hundreds* – черносотенцы – надевали черные рубахи, чтоб присматривать за своими мародерами. Президент Ельцин, будучи еще Секретарем Московского Горсовета, познакомился с ними, чтоб установить, куда движется общество, и проникся ненавистью: “Память” началась как любопытное движение, но превратилась в чертовщину”, – заключил он и более никогда не встречался с ними лицом к лицу.

Не встречался, ибо член Политбюро Центрального Комитета Лигачев за закрытыми дверями смешал Ельцина с землей за то, что он дал разрешение на тот безобразный митинг в 1987-м! Они и так были с Ельциным в контрах за закрытый им его пивной завод в Москве. В какое-то время, когда мы уже вот-вот собирались подписать договор о перемирии с американцами, Лигачев страшно рассердился на то, что Ельцин разрешал невоздержанность “Памяти”. Ельцин испугался, что Лигачев навесит на него ярлык *русского националиста*. И если бы у Лигачева это вышло, Ельцин утратил бы всех своих сторонников-антикоммунистов.

– Здесь вы можете быть правы. Мой приятель, Дэвид Ремник, здесь, в Санкт-Петербурге, в Сибири, ходил на собрания “Памяти” и встречался с большинством ее лидеров. И говорит, что все они без исключения являются такими идиотами, каких редко встретишь. Он познакомился с одним экземпляром по имени Дмитрий Васильев, бросившим школу в восьмом классе, ранее фотографом, иногда играющим роли в кино. И этот человек часами с мегафоном в руке разглагольствовал о том, как сионисты унижают русский народ! Мало того, дескать, причиной алкоголизма российского юношества является то, что это все евреи добавляют спиртное в кефир! К тому же, жиды-архитекторы, проектировавшие площадь Пушкина, обернули статую поэта спиной к кинотеатру “Россия”, что символизирует пренебрежение ими Россией! У Васильева, однако, есть конкурент, так тот еще похуже будет. Придурок, отправленный в

—•••••—

психушку за убийство собственной жены и вышедший из нее после гласности!

Я услышала, как Давид Рабинович, который то ли оттого, что был более политичен, то ли оттого, что и вправду ощущал себя русским, ограничивался тем, что только слушал, спросил: – А вы видели их манифест?

– Я видел, – продолжал он. – Текст на двадцати четырех страницах. В нем говорится о том, что русский народ подвергается *геноциду* дьявольской западной культуры. О том, что за положение, в котором оказалась Россия, несут ответственность евреи, гомосексуалисты и масоны. Якобы именно они принесли на Русь рок-н-ролл, наркотики и СПИД. Более того, они воспринимают картины Шагала, роман Пастернака *о предателе родины* “*Доктор Живаго*” как черные пятна в отечественной истории.

Тереза глянула на меня и засмеялась.

– Было бы хорошо, если бы ваши с ними пути не пересекались, Гюльоя!

– Выходит, что так!

Манифест “Памяти” сообщал, что во Второй мировой войне евреев спасла русская армия, но невзирая на это, руководимые евреями западные средства массовой информации платят издевками над русскими и всячески их унижают.

Говорилось также о том, что в контролируемых евреями масс-медиа убивают тоже только евреев. Кроме того, они заново отпечатали и распространили *Протоколы сионских мудрецов*, заручившись поддержкой считающихся правыми журналов “Литературная Россия” и “Молодая гвардия”.

Я постеснялась спросить, что они подразумевают под Сионскими протоколами. Тереза продолжала:

– Короче говоря, за все, начиная с голода и заканчивая фильмами о сексе по телевизору и Чернобыльской аварией, спрашивают с евреев.

Пока русские за столом молчали, послышался голос Галины Алексеевны:

– У нас не было таких проблем, пока Советский Союз не распался. Не было ничего подобного жидоненавистничеству!

При режиме Керенского были сожжены все находящиеся в России экземпляры Сионских протоколов. Советы мигом расстреливали тех, у кого эти протоколы содержались. Начавшаяся после гласности неопределенность устрасила людей. Собственно, после этого и началась внешняя миграция. Сотни тысяч русских евреев обратились за паспортом.

– Украина потеряла пять тысяч ученых, – сказала Надя. – И в эту статистику не входят эмигрировавшие после 1997 года!

Надя Иванова или, как говорят на Руси, *Наденька Иванова* – младшая дочь супружеской пары Галины Алексеевны и Ивана Петровича 1969 года рождения, сестра Наташи. О ней рассказали, что поскольку как раз в то время учебное заведение, в котором она работала преподавателем, было закрыто из-за кризиса, она работала *kondüktör* – проводницей на линии Москва–Сыктывкар.

– Вы можете представить, что значит для любой страны потерять пять тысяч ученых? – говорила она. – Представьте на миг, что только дюжина самых лучших компьютерщиков Америки, таких как Билл Гейтс, Стив Джобс, согласятся работать на Украину! Как изменится положение вещей, не так ли? Представьте, что президенту Кучме удалось обманом притащить в Украину сотню лучших специалистов компьютерной промышленности Штатов – разве не станет Украина номером первым в мировой компьютерной индустрии?

Пять тысяч ученых означает для Украины, что место интеллектуальной компетенции в стране заняла отсталость. Означает разницу между конкурентоспособностью в области электроники, компьютеров и авиации и обратным превращением страны снова в аграрное общество. Это справедливо не только для Украины, но и для России и Белоруссии. Согласно прошлогодней статистике Американского общества физиков, три тысячи выращенных в России ученых, лучшие из лучших, работают в Штатах. Российская Академия Наук потеряла восемьдесят процентов своих математиков. Потери в физике свыше сорока процентов...

– Но, Наденька, демократия и свобода – это единое целое, – возразила профессор Лори Эссиг. Она говорила, будто пытаясь

успокоить свою разволновавшуюся студентку. – Человек должен иметь право самому решать, где он хочет жить.

– Правильно! Но есть разница между свободным принятием решения и принуждением к подобному выбору. В начале восьмидесятых годов количество советских ученых составляло три с половиной миллиона. Двадцать процентов общемирового числа. Поскольку программы МВФ сократили финансирование ученым на восемьдесят процентов, это число упало до одного миллиона. Мы не можем закрыть на это глаза!

– Какое счастье, что я не работаю на МВФ!

– А знаете ли вы, что американское правительство за последние десять лет выплатило Израилю ровно двадцать пять миллионов долларов для расселения эмигрировавших из Российской Федерации евреев? По подсчетам, фактические потери от научного отставания России составляют пятьсот–шестьсот миллиардов долларов? Обращаю Ваше внимание на то, что это подсчеты за один год! Потери России – прибыли Америки! И получается ситуация, что не Штаты помогают России, а Россия помогает Америке!

Когда на лице капиталиста-демократа Давида Рабиновича появилась насмешливая улыбка, Галина Алексеевна артикулировала свое мнение, которое я впоследствии часто слышала от нее на протяжении последующих лет: “Вот что мне сказал Лигачев лет пять–шесть назад”, – и эта ее оценка событий заставила меня задуматься, наверное, более всего за тот вечер.

– Когда академические ученые, журналисты и те, кто называют себя очевидцами событий, взялись записывать и создавать книги – собственные истолкования прошлого, написание истории ускользнуло из рук Коммунистической партии. Это обстоятельство создало в стране атмосферу пессимизма. Оказало влияние на чувства, состояние души и работу людей. Какая только гадость ни есть в нашем прошлом – с утра до вечера ее выливали нам на голову. Темы, касающиеся Родины, были отброшены на периферию. Люди хотят услышать что-нибудь позитивное, обещающее надежду, но наши деятели культуры произвели на свет

и распространили гораздо больше вранья, нежели наврали и напридумывали лжи и антисоветской чуши наши западные враги о нас за последние семьдесят лет. Люди перестали отличать правое от левого, черное от белого. Поле боя уступили шарлатанам типа Анатолия Кашпировского.

Егор Лигачев, о котором говорила Галина, – одно время член Политбюро Центрального Комитета партии, основной соперник Горбачева; коммунист-консерватор, обвинявший его в отступничестве от марксизма-ленинизма и обращении в социал-демократа, человек, очевидно обладавший совестью. Говорят, он критиковал слишком быстрое продвижение Горбачева на пути реформ. Что же касается Анатолия Кашпировского, то на самом деле истинным Распутиным был именно он.

Когда я смотрела телевизионную программу Кашпировского “Телесеанс”, я подумала: “Распутин хотя бы довольствовался дворцом, этот же заполучил в руки всю Россию”. Оказалось, я ошибалась. У него было триста миллионов зрителей, включая и страны Восточной Европы! *Его больные* с дракой заполняли концертные залы и футбольные стадионы до отказа! Он появлялся на экране одетый с ног до головы во все черное. Зачесывал на лоб коротко подстриженные волосы и делался похожим на римского императора Цезаря!

Вот он вперился гипнотическим, я бы сказала дурным, взглядом в камеру, и говоря утробным голосом и очень медленно, рассказывал о том, как больные его доберутся до находящихся у них внутри биокomпьютеров, как он спасает сотни тысяч, даже миллионы людей от раковых опухолей, грыж и болей в сердце. Он назвал один за другим случаи излеченных им *полового бессилия, простуды, слепоты, облысения, отеков, кисты яичников, камней в почках, экземы, варикозного расширения вен, туберкулеза, астмы, диабета, аллергии и астигматизма*, и добавил: “кроме того, четверо больных СПИДом”. Но и этого ему не хватило, он сказал, что внушением делает так, чтобы вырванные зубы вырастали вновь, поседевшие волосы обретали свой былой цвет и густоту, а у семидесятилетних женщин вновь начинались месячные. Но и этого

—•••••—

было мало, “Мать Михаила Горбачева благодаря мне избавилась от ревматизма суставов!”

– Yok, artik!¹²⁴ – сказала я тогда по-турецки! Он был настолько серьезен, что я не могла поверить в то, что мы сидели в квартире многоэтажного дома в нескольких километрах от мавзолея Ленина и смотрели все это! Помню, что несколько раз переспросила переводившую речь Кашпиоровского Галину: “Вы уверены? Он действительно так сказал?”

“Освободите свой разум! Откажитесь от ваших страстей и устремлений! Пусть каждый из вас закроет глаза! Что бы там ни было, не подавляйте ваших эмоций! Отпустите их течь свободно. Наше растворение в себе – это тишина, безмолвие, где нет слов. Слова не имеют значения. Вы не должны сосредотачиваться на словах. Не старайтесь понять. Жизнь человеческая так и проходит в стремлении понять. Забудьте обо всем. Отдайтесь на волю музыки. Пускай вас не пугает растущий в вас экстаз. Если что-то приходит в действие, позвольте ему двигаться. Не придавайте этому значения. Я знаю, некоторые из вас в данную минуту видят леса, раз, два, три... некоторые видят горы, четыре, пять, шесть... некоторые из вас погрузились в очень болезненные воспоминания, семь, восемь, девять... есть и такие, кто думает, что будет завтра, десять!”

Он сказал “десять!” и исчез с экрана!

– Что случилось, вот сейчас?!

– Сеанс окончен, – сказала тогда Галина. – Мы выздоровели!
Rah Rah Rasputin... Lover of the Russian queen...

Я посмотрела ошарашено.

– Или вы никогда не слышали “Rasputin” от Boney M?!

Она продолжала говорить, ударяя по коленям маленькими кулачками, высушенными возрастом.

– Here lived a certain man in Russia long ago / He was big and strong, in his eyes a flaming glow / Most people looked at him with terror and with fear / But to Moscow chicks he was such a lovely dear / He could preach the bible like a preacher / Full of ecstasy and

¹²⁴ Нет, это уже слишком! (тур.). – *Примеч. пер.*

fire / But he also was the kind of teacher / Women would desire / Ra Ra Rasputin / Lover of the Russian queen... big and strong но запах – big and strong. Не мылся потому что.

Она с прискорбием покачала головой.

– А через шестьдесят лет возникает играющий на грязных диско-танцующих ансамбль и удостаивает песни этого низкого негодяя! *Каш Каш Кашпировский!*

Кашпировский окончил факультет психологии в провинциальном городке Украины под названием Винница и проработал психологом в больнице двадцать восемь лет. Зарплата его была столь мала, что он, чтобы прокормить себя, подрабатывал после работы кем угодно – от грузчика до тренера по поднятию штанги. В это время он тяжело заболел панкреатитом и стал сам себе доктором, “излечил свое тело и душу”. В те же годы во главе советского телевидения находился человек по имени Михаил Ненашев, полагавший, что “обязанность телевидения – успокаивать обездоленные массы населения и внушать им уверенность”. Кашпировский оказался как раз тем, кого искал Ненашев, и тот взял и устроил ему телесеансы с трансляцией не только по всему Советскому Союзу, но и в Болгарии, Польше, Израиле, Чехословакии и Скандинавских странах.

Он говорил о том, что сам является свержвачом, *светским монахом души и тела*:

“То, что вы называете врачеванием, – детские игры. Медицина не лечит. У меня есть грандиозные мысли, но я не занимаюсь религиозной пропагандой. Что толку людям от того, что тысячу лет назад Иисус ходил по воде?! По всей вероятности, и во мне есть та великая сила, давшая Ему тогда такой дар! Не исполнится и мне пятидесяти лет, как меня будут поминать святым!”

Образовалось продолжительное молчание, в котором я не знала, что и сказать.

– И что, никто ему ничего не может сделать?

– Когда этот человек появился, Горбачев практически утратил нить руководства *перестройкой*, и система здравоохранения была практически в полном коллапсе. Не говоря уж о пенициллине, невозможно было найти даже аспирина. Врачи делали опе-

рации при свете свечей. Кашпировский возник в этой сумятице с черной магией, пророчествами и гаданиями. Какое-то время его программы шли одновременно по шести каналам. Он стал настолько популярен, что люди снимали портреты Ленина и вешали на стены Кашпировского. На Арбате рядом продавали постеры Джона Леннона, Иисуса Христа, царя Николая Второго и Анатолия Кашпировского. В 1990 году он был избран *Человеком года*. Однажды в “Литературной газете” вышла была статья о том, что он является опасным шарлатаном, так пришло столько писем протеста, что публикацию вынуждены были остановить. На Руси христианство поверхностно, Гюльбя. Русские в большинстве своем – шаманы. Они повторяют христианские ритуалы, не понимая сути. Политический климат наших дней еще ускоряет возвращение к суевериям, потому что сюда вмешалось еще и направление Нью-Эйдж. Течение Нью-Эйдж и битлы.

– Битлы?!

– Да, битлы, – сказала Галина. – Или вы считали “Битлз” только лишь музыкальной группой?

– Да, – должна была сказать я. – Признаю, что это так.

Оказалось, нет! Кашпировский, говорят, проводил сеансы и в Нью-Йорке, и в качестве фоновой музыки ставил “Битлз”! Тут вмешалась Тереза, заметив, насколько удачным было попадание продюсера Кашпировского Циммермана, который выбрал для сеансов именно эту музыку, она продолжала:

– Мне известно, что одна из участвовавших в его сеансе женщин произнесла: “Я верю в то, что ты подобен Богу. Враги твои должны быть уничтожены! Великая хвала Господу, что Он удостоил нас такого человека, как ты. Ты – Бог на земле!”

Я все еще не могла поверить.

– И никто не встал и не заявил: давай, проваливай?

– Ну что вы! – рассмеялась она. – Кашпировский провозгласил в Нью-Йорке культ и при этом сострил, мол, “Да, я – культ, но не бойтесь меня. Я не похож на тех, кто начнет требовать от своих учеников разбомбить атомную станцию! Сталина я тоже назад не верну!”

– Но это даже не смешно!

Помню, что Алексей молчал, а отвечала за него Тереза.

– Кашпировский говорит то же самое. Он говорит: “Человечество не готово к своему спасению. Представьте себе мир, в котором все будут здоровы, никто не будет умирать и все будут рожать и рожать – куда девать этих людей? Другие планеты еще не подготовлены к жизни на них людей!”

– И поэтому он дает задний ход в пророчестве?

– Именно!

– Бедный Горький! – сказала я тогда. – Бедный Горький! Начинаешь понимать, почему столь человеколюбивый человек, как он, несмотря на десятки зверств, поддерживает большевистскую революцию!

При этом я не сказала следующее: *“Когда вся страна сходит с ума подобным образом, совестливые люди не могут уйти в сторону, оставив народ пожинать плоды собственной глупости!”*

И снова тот взгляд Алексея, смысл которого я так и не могла разгадать!

День, в который Галина Алексеевна предложила взять на себя функцию моего учителя русской литературы, на что я с признательностью согласилась, был днем, когда мы смотрели Кашпировского.

Я не собираюсь анализировать факторы, по которым на ужине в отеле “Россия” она билась со словами: “Я не против религии”. Я только нашла тогда достойным внимания решительность женщины в таком возрасте и способность так волноваться. Она сказала, что родилась в 1932-м в Ленинграде, там же была крещена.

– У меня до сих пор в ушах стоит колокольный звон церковью на Пасху! Этот звон мне душу окрылял. Но *богоискательство* на Руси приводит к обращению не только к церкви, мечети или синагоге, но и к таким шарлатанам, как Кашпировский. Когда народ, сбежав от реалий жизни, приступает к духовным поискам, это значит, что что-то идет не так. Это справедливо и в России, и в Америке, и в Европе! Если религия оказывается в руках не тех людей, она превращается в сказку, говорящую о том, что если на этом свете мы претерпим страдания, наше завтра будет более светлым!

– Да ладно, Галина! Мы знаем, что Леонид Брежнев приказывал тайно привезти в Кремль Джуну Давиташвили, чтоб та ему колдовала! Даже в коммунистических газетах были уголки астрологии! Несправедливо, что вы представляете Кашпировского и священника Меня порождением одной и той же среды и условий! Разве это не К.Э. Циолковский, отец русских исследований космоса, говорил: *“Будет полезна даже вера в Перуна!”* Разве не он сказал: *“Даже он будет нужен нам для воссоздания общей картины мира”*?

И потом – те чрезвычайно удивившие меня слова.

– Очень немногие из нас смогут выдержать в мире, в котором отсутствует мифология. Даже Кеплер и Ньютон соединили свои учения с суевериями. Кеплер верил в колдовство. Количество книг о пророчествах у Ньютона числом гораздо больше превышало собственно научные.

Галину это не впечатлило.

– Упомянуть о Кашпировском в одном ряду, может, и не справедливо, но я знаю и то, что если бы священник Мень не был евреем по происхождению, смерть его не настолько бы разглашали, и мы не поднимали бы здесь о нем в память бокалы. С тех пор прошло пять лет, а сионисты до сих пор ни на день не оставляют его могилку без свежих цветов.

Цель – поддержать на повестке дня антисемитские настроения. Навредить заслуженному уважению России, спровоцировать и оставшихся еврейских ученых и инженеров на бегство в Израиль! Убийцу до сих пор не поймали, почему?

– Почему?

– Да бояться, что если поймают, может выясниться, что это простой уголовник! Им гораздо больше подходит представлять при каждой подвернувшейся возможности русских антисемитскими тварями! Они стараются воспрепятствовать налаживанию диалога между русскими и русскими же евреями. Ибо знают, что если такого диалога не будет, Россия продолжит терять своих самых одаренных граждан!

– Вы говорите, прямо как Нина Александровна!¹²⁵

¹²⁵ Нина Андреева – символ и идеолог сталинизма времен перестройки. – *Примеч. лит. ред.*

– Да не преувеличивайте! Я не антисемитка! Не то что не антисемитка, но настолько на стороне евреев, что хотела бы возвращения эмигрировавших из Российской Федерации десятков тысяч евреев, хотела бы, чтоб мы все вместе лицом к лицу встретились с прошлым страны!

– Вот за это стоит выпить!

Давид Рабинович, попросив разрешения у тамады, поднялся.

– Жил однажды в маленькой хижине пожилой человек. Однажды вечером, когда он одиноко сидел перед очагом, в дверь постучали. “Кто там?” – откликнулся старик. Снаружи послышался голос любви: “Это я пришла!” Старик не пошевелился. “Я уже стар, – откликнулся он любви. – Мне больше не нужна любовь!” Через некоторое время в дверь снова постучали. “Кто там?” – “Богатство!” – ответили из-за двери. “К Вам пришло богатство!” Старик снова не пошевелился. “Жизнь моя подходит к концу, мне не нужно богатство, – сказал он. – Не открою”. Прошло еще какое-то время, и в дверь постучали в третий раз. “Кто там?” – уже прокричал старик. “Дружба”, – ответили из-за двери. На это старик поднялся со своего места и со словами “Когда в дом входит дружба, любовь и богатство следуют за нею следом” открыл дверь.

Он пожал руки каждому из находящихся за столом.

– За то, чтоб нам всем вместе насладиться богатством, последующим за нашей с вами великой дружбой!

Тереза тут же поддержала его.

– *Sihhatınza!*¹²⁶

Наступила короткая тишина, во время которой каждый проглотил свой напиток, а затем Наташа Иванова спросила, чем я занимаюсь, “чтобы жить”.

– Я историк искусства, – отвечала я и обнаружила себя снова средоточием всеобщего интереса – или мне следовало сказать, спасительницей из неприятного положения?

– Триста пятьдесят лет тому назад Русская православная церковь провозгласила нового святого. Этот святой был из Кон-

¹²⁶ За здоровье! (тур.). – *Примеч. пер.*

стантинополя. Он был известным мастером искусства, работавшим над османскими бумагами, – каллиграфом. Этот всей душой преданный мусульманству человек был побежден любовью к Богу взятой им в свой гарем русской наложницы. Разве не была молодая девушка красива? Да, и еще как красива! Когда молодой каллиграф приближался к ней, он сходил с ума от красоты ее лица, голову его кружил аромат дыхания молодой красавицы, который был прекраснее самых изысканных благовоний. Но не красота телесная госпожи делала безумным мастера. Сводил его с ума сладчайший аромат из уст этой девушки, несмотря на то, что, кроме взятых ею из Константинополя антидора и воды, она ничего не пила и не ела...

Алексий повернулся ко мне.

– Должно быть, вам известна Великая Церковь?

– Думаю, что известна. Это должна быть Греческая патриархия, в Фенере. Но что такое антидор, этого я не знаю!

Оказалось, что это просфора.

– В Ахмеда вселилось любопытство, – продолжал Алексий. – Захотелось ему узнать тайну церковного хлеба. Он переоделся в христианские одежды и принял участие в обряде причащения вином и хлебом. И там Господь всего сущего, владеющий всеми таинствами человеческой души, продемонстрировал еще одно чудо! Ахмед увидел, что ноги патриарха, вышедшего, чтоб благословить общину, из Царских Врат и идущего к амвону, не касаются земли! Сияющее дивным светом тело Патриарха двигалось на пядь выше земли! Ахмед остался стоять пораженный. Затем последовало еще одно Чудо! Великий каллиграф уразумел, что когда струящиеся из пальцев батюшки, благословляющего благочестивую паству, пучки света прикасались к головам православных, они не касались его самого. И понял он, что свет Божий направляется лишь к тем, кто воистину предан и родился заново вместе со Святым Крещением... Так давайте же выпьем за соотечественницу каллиграфа св. Ахмеда, стамбульскую принцессу Гюльоя! Добро пожаловать в землю русскую!

Все подняли бокалы.

– В честь стамбульской принцессы Гюльоя!

Очередь была за мной.

– Прежде всего, я бесконечно благодарна моей попутчице профессору Терезе Корнблатт, познакомившей меня со столь избранной компанией, а также ее дорогому другу Алексею Зеленскому и вам всем, любезно принявшим меня за свой стол. Долгих и счастливых вам лет жизни!

Я дождалась, пока утихнут аплодисменты.

– Алексей сказал о том, что свет Божий направляется лишь к поистине преданным и заново родившимся. Я приехала на Русь всецело посвятить себя ей. Приехала, чтобы ваша величественная страна научила меня тому, что я – ничто. У меня есть проблема под названием тщета, и если я не разрешу для себя этой проблемы, то, чувствую, не смогу окончить своего естественного жизненного пути в этом мире. Я хочу сказать, что приехала изучить ваши тайны выживания, и ежели так мне написано судьбой, то и умереть, свернувшись где-нибудь под елью на этом самом прекрасном материке Земли.

Если посмотреть с высоты прошедших дней, то сказанное мною выглядело вызывающим. Но нет. Как минимум, это не была речь, которую осудила бы русская интеллигенция. Но, конечно же, быть турчанкой, говорить как турецкая женщина – это давало исключительное положение. Как правдой было и то, что это пробуждало иной, особенный интерес. С другой стороны, отношение русских к тюркам и мусульманам не хромало арабесковыми мотивами, присутствующими в европейско-американском подходе.

При произнесении слова “мусульманин” им в голову сначала приходит не Аравийский полуостров, а Средняя Азия. Разделять наследие шейха Шамиля, Исмаила Гаспринского пробуждает в человеке чувство если не родства, то общей родины, и вы ощущаете, что отношения устанавливаются на более рациональной основе. С другой стороны, я не могла знать, что vanity, моя проблема, которую я перевела как чувство тщетности, поразит в самое сердце находящихся за столом русских с Алексием во главе. Причиной того, что наше знакомство с ними всеми не ограничилось только одним застольем, что эти люди приняли меня в

свою среду и помогли не только узнать Россию, но и отождествить ее с собой, стало единение чувств, порожденное той речью. Но при этом это не была речь, продуманная мною заранее. Знаю, что тогда не могла взглянуть людям в глаза и, окончив речь, села и вперилась взглядом в тарелку. Спасла меня из затруднительного положения Ханя Ложко.

– Любопытно, что вы, чтобы умереть, выбрали подножие дерева. Вы что, тоже влюблены в природу?

Я сказала, что это так.

– Деревья и животные с тех пор, как я себя помню, стали главными моими друзьями. У нас как бы нет девственных лесов. Мы довольствуемся окружающими Стамбул рошицами, и когда мне приходится туго, я еду к ним. Первым моим долгом в России будет найти нетронутый топором лес!

– Архангельская область, – сказала молодая женщина. – Двадцать пять процентов Архангельской покрыты сосновыми и еловыми лесами.

Она указала на Галину Алексеевну и полковника Иванова.

– Ивановы должны свезти вас в свою избу поблизости Котласа. Там – одно из самых сильных мест психической энергии. Там можно пить энергию, если, конечно, приблизиться с почтением.

Она прикрыла глаза, будто погружаясь в транс, и несколько секунд так и замерла.

– Русскую культуру вскормили девственные леса, – усмехнулась она. – Во времена наших предков верили в то, что леса, поднимаясь с таким легким наклоном, достигают до небес. Впоследствии мы начали воспринимать леса как зеленую стену, охраняющую Русь от Запада и Византии, как живую Китайскую стену.

– Какая прекрасная мысль!

Она вобрала в себя воздух.

– Лес для русских – это все! – сказала она. – Он дает бревна для избы, дает лучину для огня, дает подошву для лаптей, дает мех для тулупа и теплую подушку для пупа! Леса в Архангельской покрыты мхом – ягелем, который у вас называется ликеном,

как цельный ковер от стены до стены. Мох ягель является прекрасным изолирующим материалом. Мы используем его и чтобы крыть крыши изб, и вместо ковра. То есть, мы раньше так делали! На высоте три – три с половиной сантиметра от пола, серо-белого цвета, если посмотрите издали, подумаете, что прошел снег. Настолько густой, что он прогибается у вас под ногами, будто ступаете по губке. Земля – под ним. Если вы закроете глаза и прислушаетесь к тому, что у вас под ногами, то услышите биение сердца Сырой Матери Земли. И поймете, что это – ваш духовный центр... и так далее.

– Вы отдадите себе отчет, что говорите с ведьмой, правда же?

Тереза Корнблатт отошла поговорить с выходящими на сцену новыми музыкантами, и, возвращаясь, бросила мне эти пару слов. На ее шутку я отвечала шуткой.

– Естественно, отдаю! Да и кем еще может быть такая красивая женщина!

– Но Ханя действительно ведьма. Wiccan. Попросите, чтобы она вам рассказала, как колдовать на кухне!

Я подумала, что это меткая метафора, не особо, впрочем, меткая. Но она уселась на свое место рядом с Алексием, положила голову на плечо возлюбленного и прикрыла глаза.

– Я попросила Боба, чтобы они сыграли нашу песню!

Это была смесь будто из фольклорной музыки, где тон задавала акустическая гитара, любовных романсов, кумбай¹²⁷, еврейской хава нагила и баллад Джона Беза.

Иногда мне казалось, будто я слышала Боба Дилана.

“Пока под проливным дождем затворены все двери и никогошеньки нет, если ты – затерявшийся бродяга-чужеземец в этом городе... Пожалуйста, постарайся найти меня, а я найду тебя! Ты знаешь, что ты мне нужен, так же, как я нужна тебе... Пожалуйста, не прекращай искать, ибо мы уже вот-вот должны друг друга найти! Держись, и увидишь, что мы победили! Даже

¹²⁷ Кумбай – из африканского англ., ломаное англ. “Come by here” (“Сойди к нам, Господи”), религиозная песня, появившаяся в 20-х годах XX века в Южной Каролине, завезенная в 30-х в Анголу американскими миссионерами, а затем в 50-х вернувшаяся обратно в Америку. – *Примеч. пер.*

когда никто не придет выслушать то, что ты хочешь сказать, когда ты утратишь надежду и расстроишься, когда, совсем как утренний скорый, не сможешь остановить свой бег, пожалуйста! Пожалуйста, постарайся найти меня, как я найду тебя!..”

Это была песня под названием “Try to Find Me” группы “Парк Горького” – любимая песня Алексея и Терезы. Пока они поднимались со своих мест танцевать, я старалась расслышать слова, когда в голове у меня начало стучать, а ладони вспотели. Я знала эти симптомы: приступ паники! Приступ паники, сообщающий мне о том, что я теряю ориентацию, и мое решение позиционировать себя в принципиально иных координатах, совершенно ином климате совершенно невозвратимым образом входит в силу.

KUMBAYA, MY LORD! KUMBAYA!

Не говоря уже о правильном произношении, я не была уверена в том, что мой мозг правильно фиксировал десятки русских имен, понятий, ощущений, цветов и звуков... Холодной зимней ночью, будто наткнувшись на вдруг возникшую перед вами стену тумана по дороге из Болу¹²⁸ в Анкару, когда вдруг исчезают из виду разметки на асфальте, глаза кошек и свет фар встречных грузовиков, бывает, вы перестаете различать наклон дороги, идете вы под откос или вниз, когда глубоко внутри вас подмывает накрепко вцепиться в руль... И к тому же при том, что на дорогах вашей жизни вы решительно никогда не заботились о том, чтобы поворачивать руль в свою сторону!

В такие моменты я искала руку Айтунча. Его кожа касалась моей, между нами пробежала искра доброжелательности, и его заверение “Сейчас пройдет, единственная моя” возвращало меня к реальности времени и пространства, я встряхивалась и приходила в себя. В ту ночь, в ресторане “Россия” произошло нечто

¹²⁸ Город на Черноморском побережье Турции, известный традиционностью и прекрасными поварами. – *Примеч. пер.*

еще более странное: в какой-то момент я восприняла отсутствие Айтунча как заслуженное наказание!

Заслуженное наказание за то, что за многие-многие годы я в первый, действительно, в первый раз более чем на целый час и не вспомнила об Айтунче!

Вот как раз в это время цвета огромного зала продолжали меркнуть, цветы, этот заполненный блюдами длинный стол, люди вокруг него, Ханя, Тереза, Алексей, батюшка Андрей... и я сама – мы отдалялись от меня все дальше и дальше. Будто погружением в этот ужасающий колодец *гайя*¹²⁹ по имени Россия я совершала проступок, которому нет прощения, – дезавуировала и обесценила Айтунча! Тогда как он был моею Меккой, и не смочь его причаститься было в тысячу раз лучше, чем видеть уничтоженной Каабу!

“Он – моя Мекка! И недостижимость причастия тысячекратно лучше, чем уничтоженный храм Каабы!”

Помню, что непрестанно только и повторяла одну и ту же фразу:

“Он – моя Мекка! И недостижимость причастия тысячекратно лучше, чем уничтоженный храм Каабы!.. Он – моя Мекка! И недостижимость причастия тысячекратно лучше, чем уничтоженный храм Каабы!..”

И уже с первого дня стало ясно, что даже упасть умирать для меня, свернувшись где-нибудь под елью на этом самом прекрасном материке Земли, будет связано с Айтунчем – даже если он совсем об этом и знать не будет, и никогда не услышит, и даже и в голову ему такое не придет. Ибо любовь моя навек – истина высшая, чем собственное мое существование, и нет у меня выхода иного, чем полностью ей покориться. И в таком случае все мои старания – впустую!

– *Are you all right?* – спрашивал меня заметивший, что я стала бледна как мел, Алексей.

Пока я говорила, что я в порядке, я пыталась собрать воедино все, что узнала об этом человеке до сих пор: инженер, дворян-

¹²⁹ Название ужасного колодца, находящегося в пятом круге ада. Страшное место, куда один раз попав, почти невозможно выбраться. – *Примеч. пер.*

ское происхождение, колдунья-мать, двоюродный брат – священник, girl friend – американка, в разгар экономического кризиса – празднование дня рождения в роскошном отеле. Кроме того, внимательность к чувствам и вежливость: его объяснения об ордене Невского, поднятый в мою честь бокал, стремление преодолеть межнациональную дистанцию рассказом о св. Ахмеде, гостеприимство.

– Когда вы только что говорили, вы не успели закончить историю об Ахмеде. После принятия крещения он отправился на Русь?

Он покачал головой.

– Нет, к сожалению. Легенда рассказывает, что однажды к Ахмеду пришло вдохновение в султанском диване, и он рассказал, что обратился в православие. Друзья его в гневе напали на него с обвинениями. Вмиг он очутился перед кадием, где был осужден на смертную казнь. 3 мая 1682 года в Константинополе, в месте, именуемом сад Каямбане¹³⁰, ему отрубили голову.

Не знаю почему, может оттого, что вместо “Стамбул” он сказал “Константинополь”, в меня бес вселился:

– Это что, предупреждение? Намеряете, чтобы я протягивала ножки по одежке!

Он вначале остолбенел, потом начал хохотать. Вспоминаю, что подумала – это был первый искренний смех за весь вечер.

– Нет, мадам! – сказал он. – Это не предупреждение. К тому же Русская православная церковь провозгласила Ахмеда святым. Тот день, третье мая, и до сегодняшнего дня – святки святого Ахмеда.

Пока Алексей говорил, я наблюдала за его лицом. Тонкое, длинное, грустное лицо. Лицо серьезного мужчины, успешно скрывающего свои чувства. На этом лице мне не удалось заметить ни выражения правоты оттого, что каллиграф Ахмед обратился в православие, ни разочарования оттого, что архиепископ Полосин избрал мусульманство, однако я пофантазировала, что могу прочесть в его голосе еле уловимое страдание, такое страдание, будто он сожалеет о муках человечества.

¹³⁰ Надсмотрщик за кошками (перс.). – *Примеч. пер.*

– А ставший мусульманином Полосин? Что с ним?

– Полосин, кроме прочих, исполнял обязанность главы Высшего комитета защиты свободы совести Советского Союза. У него много друзей во Всемирном Конгрессе Церквей.

Он повернулся в сторону Золотова, знаком попросив его подойти.

– Андрей брал интервью у Полосина для Moscow Times, он может ответить на Ваши вопросы.

Встав со своего места и подойдя к нам, Золотов взглянул сначала на меня, потом на него.

– What can i do for you?

Алексий сказал, что меня заботит судьба архиепископа Полосина.

– Мадам Гюрелли интересуется, не ждут ли его неприятности?

– Не думаю, – сказал Золотов. – Кроме того, ходит сплетня о том, что он может быть не совсем здоров душевно, но сам он сказал мне, что пришел к этому морально-философскому решению всецело по собственной воле, не испытывая на себе никакого влияния либо давления со стороны, однако, естественно, это его второе обращение. Он и раньше объявлял о том, что изменил свои взгляды на мир.

– То есть?

– Раньше он был атеистом, – объяснили мне. – Однако то, чего не нашел в философии, он обрел в религии. В 1979 году он окончил Высшую православную духовную семинарию и начал служить церкви. Он говорит, что Коран не впадает в ошибочное “уподобление Творца сотворенному”, и что “отождествлять Создателя и созданного, персонифицировать сотворенное есть тот же паганизм. У Церкви нет ни малейшего основания проводить обряды сатисфакции Господа, будто бы это – смертный правитель”.

Это были неожиданные для журналиста познания.

– Мне известен один аргумент. Это был один из аргументов Эриха Фромма, который он использовал, говоря об отчуждении на Западе. Он даже указал в качестве примера американца Билла Грэйама, проповедовавшего Священное Евангелие. Билла Гре-

йама, говорившего о том, что так же, как и всем остальным, Богу тоже необходим пиарщик.

Я заметила, как Золотов, едва услышав имя Грейама, бросил взгляд на Алексея, будто говоря: Слышал?

– Вы знаете Грейама?!

То, что они знали Грейама, – о чем речь! Что этот фанатичный проповедник переехал в Россию, мне предстояло понять уже на следующий день после моего приезда в Россию по его изображениям на билбордах. На них сообщалось, что священник Грейам, поддерживавший всех неоконсерваторов – американских политиков и президентов от Бэрри Голдуотера до Джорджа Буша, будет проводить собрания в Российской Федерации.

– Полосин говорит, что он отдает себе отчет в покаянии, которое воспоследует за его возможной ошибкой. Он говорит: “Все мы смертны, и рано или поздно покинем этот мир. И гораздо лучше, чем поклоняться домыслам человечества, уйти, посвятив себя Правде”. Единственной его проблемой является неумение свободно читать на арабском. В этом отношении ему якобы оказывают помощь его новые братья по вере. Патриарх придерживается того мнения, чтобы закрыть тему, но неизвестно, что выкинет “Память”.

Он развел руками с выражением беспомощности.

– Kumbaya my Lord, kumbaya!

Я настолько увлеклась стремлением понять все услышанное и верно истолковать все понятное, что, в конце концов, позабыла, что нахожусь на дне рождения. И только когда прислушалась к бардовскому ансамблю “Скоморохи”, о которых Тереза сказала: “Новые барды России, только вернулись из турне по Калифорнии”, пришла в себя.

“...Kumbaya my Lord, kumbaya! Oh, Lord, kumbaya!..”

Kumbaya на языке Анголы – слово, обозначающее “Зайди к нам!”; Lord – Иисус Христос. Пит Сигер – человек, благодаря которому молитву ангольских невольников “Посети нас, Господи, посети нас!” услышал Новый мир.

‘...*Someone’s prayin’*, Lord, kumbaya! *Someone’s cryin’*, Lord, kumbaya! *Someone’s singin’*, Lord, kumbaya! Oh, Lord, kumbaya!’

Я поняла, что в речи Андрея Золотова содержится аллюзия на досадные обстоятельства собственной страны.

Песню пел крепкий седоволосый *Красный* Боб Уинклер, у которого Тереза только что заказывала песню, человек, который в этот сорок первый день рождения Алексия пел: *'Don't pull the trigger/ Don't pull the trigger/ Don't pull the trigger/ It's life on your finger'*¹³¹, и который будет провожать гроб Алексия в последний путь тою же “Кумбаей”.

Сын Гарольда Уинклера, руководящего единственным бунтарским радио Америки KPFA, он же близкий друг известного американского исполнителя фолка Пита Сигера, говорившего: *"I never denied I was a goddamn communist. I tell people I became a communist at the age of seven. I read about the American Indians; they had no rich and no poor, and I decided then and there, that's the way human beings should live, and I still believe it!"*¹³², и его сестры Маргарет. Я не поверила тогда своим ушам, когда мне сказали, что он долгие годы работал вместе с Биллом Мэнделом!

– Билл, то есть Уильям Мэндел?! Тот, который заявил комитету Джо Маккарти: “Если вы думаете, что я буду каким-нибудь образом сотрудничать с этой группой предателей, попирающих американскую конституцию, вы, должно быть, сошли с ума”? Вы о нем говорите?!

– Уеар! – произнес Золотов с американским акцентом, которого я от него ну никак не ожидала. – Человек, сказавший: *Если вы думаете, что я буду сотрудничать с этим кенгуриным судом, вы наверно сошли с ума*. Боб – сын Гарольда Уинклера. Из вечных оппозиционеров. Близкий друг Нади. Они скоро сделают перерыв, и он придет.

– Переходя к Уильяму, или Биллу Мэнделу, то это – бунтарь-революционер, родившийся в 1917 году в Нью-Йорке. Еще в

¹³¹ Не жми на курок, не жми на курок, не жми, на кончиках твоих пальцев – чья-то жизнь. – *Примеч. авт.*

¹³² Я никогда не отрицал, что был проклятым коммунистом. Я говорю людям, что стал коммунистом в семь лет. Тогда я читал об американских индейцах; у них не было ни богатых, ни бедных, и там в тот момент я решил, что вот так должны жить все живые существа, и я до сих пор верю в это! – *Примеч. авт.*

десять лет он стал собирать деньги для умиравших с голоду детей шахтеров штата Аппалачи в Америке. В 1931 году он вместе со своим отцом – строительным инженером – приехал в Москву.

Проучившись один год на отделении генетики Московского университета, он перевелся в CCNY, Городской университет Нью-Йорка. На следующий год из университета его выгнали, так как он был против открытия военных кафедр в университетах и замены ими воинской службы. В семнадцать лет он познакомился с русской девушкой Таней, которой предстояло стать на шестьдесят шесть лет его супругой, и женился на ней. В восемнадцать лет он начал работать преподавателем марксизма в рабочей школе Коммунистической партии Нью-Йорка. Через некоторое время по заданию партии он переехал в штат Огайо на запад Америки, возглавил партийное издательство в Кливленде и начал издавать газету. В то же время он выдвинулся во главу Союза молодых коммунистов, большинство которых образовали афроамериканцы. В 1939 году он вернулся в Нью-Йорк и начал работать ассистентом исследователя Американского Русского Института. В 1944 году вышла его первая книга “Советский Дальний Восток и Средняя Азия” (The Soviet Far East and Central Asia). Во время Второй мировой войны он работал специалистом по Советам информационного агентства UPI. Несмотря на то, что он не имел высшего образования, он преподавал в университетах Стэнфорда и Сиракузы. Его перу принадлежали еще две книги, однако эти написанные не на заказ книги из-за того, что в них он с симпатией писал о Советском Союзе, после Второй мировой войны разрешены не были. Их не только не разрешили, но и к тому же, *вследствие деятельности, вести которую не пристало американцу (un-American)*, он предстал перед основанной в 1953 году Джо Маккарти и повторно созданной Сенатом в 1960-м Следственной Комиссией и был осужден.

Именно в те дни он воскликнул: “Если вы думаете, что я буду каким-нибудь образом сотрудничать с этой группой предателей, попирающих американскую конституцию, вы, должно быть, сошли с ума!”

Его речь, начинающаяся словами: “Любезнейшие господа – любители отвешивать детям пощечины, садисты в форме и в штатском...”, вошла в американскую историю как одно из наиболее смелых выступлений. Вместе с исполнителем фолка Питом Сиге-ром они нарушили запрет на концерты баритона Робсона, не скрывающего своих коммунистических настроений, и подверглись побитию камнями двумя тысячами *фашистов*.

Пол, известный русским как Пол Робсон, разделил в свое время с Назымом Хикметом и Пабло Нерудой Международную награду мира Советского Союза в 1950 году. Рассказывали, что никто не мог сравниться с искренностью исполнения гимна СССР, прозвучавшего в его альбоме ‘Songs of freemen’, который он выпустил в начале сороковых годов.

*“Навеки будут жить наши героические республики, объединенные дружбой и трудом, великий Советский Союз будет жить в столетиях... Да здравствует наша Советская Родина, которую построили сильные руки народа, да здравствует прошедшая сквозь огонь крепкая дружба народов, пусть красное знамя продолжает быть источником вдохновения человечества...”*¹³³

В 1951 году Мэндел положил начало первому маршу Свободы, устроенному еще до Мартина Лютера Кинга, чтобы спасти жизнь семи негров, несправедливо приговоренных к смерти на Юге. Американское правительство заносит его в черный список, на него налагается запрет на восемнадцать лет издавать книги, на двенадцать лет – преподавать, на двадцать два года – на оплачиваемый труд и до смерти – заниматься журналистикой. Несмотря на это, в 1958 году он основал радиостанцию КРФА (Pasifica), и невзирая на то, что ее то и дело закрывали, занимался радиовещанием в течение тридцати семи лет. Вот такой была традиция, идущая от сына Гарольда Уинклера, Боба Уинклера.

¹³³ Судя по всему, угадывается неточный перевод гимна СССР: Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь, Да здравствует созданный волей народной единый могучий Советский Союз. Славься, Отечество наше свободное, Дружбы народов надежный оплот, Партия Ленина – сила народная Нас к торжеству коммунизма ведет! – *Примеч. пер.*

В тот вечер за Кумбайей последовали We shall Overcome, Quantannamera, Where Have All the Flowers Gone. И в самом конце – спетая Уинклером в честь сорок первой годовщины Алексия “Don’t pull the trigger”¹³⁴.

Он завершил свою программу и подошел к столу. И прежде чем поздравить Алексия, поцеловал Надю Иванову. Затем он поприветствовал каждого в отдельности из сидящих за столом и был представлен мне – единственной, кого он до сих пор не знал. Как только он узнал, что я из Стамбула, лицо его прояснилось.

– Какой удивительный город! В последний свой приезд я сделал исключительные снимки! Больше всего мне понравились византийские цистерны¹³⁵. Такой впечатляющей статуи, как тамошня Минерва, я не видел больше нигде в мире!

Под *Цистернами* он подразумевал дворец Еребатан. Когда я спросила его, где он останавливался, он назвал маленький отель в районе Таксима¹³⁶, по его словам, он предпочитал это место, так как оттуда было близко до тюркю-баров¹³⁷ в Бейоглу¹³⁸. Судя по всему, я запнулась, когда он произнес “тюркю-бары”, так как он объяснил:

– Знаю, знаю! Звук включают слишком громко, и в большинстве играют музыку, пользующуюся спросом на рынке, но у меня в Стамбуле есть приятели-музыканты. После ухода клиентов мы устраиваем с ними специальные сейшны.

– Господин Золотов сказал мне, что вы знакомы с семейством Сигер, я так разволновалась! Так много времени прошло с тех пор, как я его не слышала, что я уж было начала думать, что он умер!

¹³⁴ Американские и латиноамериканские леворадикальные песни 1960–70-х годов. – *Примеч. лит. ред.*

¹³⁵ Тур. Sarnıç (Yerebatan Sarnıcı), подземное водохранилище и цистерны, используемые также для отдыха византийского двора. – *Примеч. пер.*

¹³⁶ Таксим – престижный район Стамбула застройки XIX в., где проходит городская достопримечательность – трамвай – и находится местный Бродвей – проспект Истикляля (Независимости). – *Примеч. пер.*

¹³⁷ Песенных баров. – *Примеч. пер.*

¹³⁸ Бейоглу – один из наиболее богемных районов Стамбула, где расположены улицы-музеи, кварталы художников и поэтов. – *Примеч. пер.*

– Ему восемьдесят шесть лет, но он – knock wood, – он постучал по столу, чтоб не сглазить. – Здоровье у него в порядке. Но вы правы, я видел в Стамбуле СД и Джоуна Беза, и Боба Дилана, но дисков Пита не встречал. То же и с Робсоном. А вы знали, что Робсон сочинил песню на стихи Назыма Хикмета? Может, это оттого, что они коммунисты?

Он шутил, засмеялась и я.

– Не думаю!

– Мы с Питом брали уроки у одного учителя, – продолжал он. – Алан Ломекс, он был другом отца Пита. Его знают как отца фолк-музыки, но мне не нравится определение *музыка – фолк*, я предпочитаю название *деревенская музыка*. Потому что в мире существует столько *фолк-музык*, сколько *народов*. Есть китайская фолк-музыка, венесуэльская фолк-музыка, тюркская фолк-музыка. Тем, кто говорит мне, что он фолк-музыкант, я напоминаю, что существуют сотни фолк-музык.

Около ста пятидесяти лет назад это называли *национальной музыкой*, в России ее до сих пор так называют. So! Вас интересует деревенская музыка, так?

– Очень, – ответила я. – Мы тоже говорим: *halk müziği – народная музыка*, но, боюсь, в Турции ею занимаются недостаточно.

– Это везде так, – сказал Уинклер. – Даже если некоторым она кажется грубой, народная музыка – это часть истории. Древняя и анонимная музыка крестьянства не похожа на музыку городскую. Городская музыка официозна, роскошна, иногда мастерски написана, соответствует моде дня. Дядя Чарльз, отец Пита, был музыковедом. В доме Сигеров вы могли услышать даже китайскую музыку, в те годы найти такие вещи было чрезвычайно сложно. Годы спустя я понял, что если вы хотите создать великие произведения, то будь вы афроамериканец или турок, вам придется исходить из ваших национальных музыкальных истоков. Чарльз говорил о *местном колорите*, если вы хотите достучаться до сердец людей, исходите из музыки, которую они знают!

Он рассказал о том, что городская музыка возникла вместе с урбанизацией, а в старину все мужчины знали одни и те же охот-

—•••••—

ничьи песни, а женщины убаюкивали своих детей одними и теми же колыбельными, и то, что называют классом крестьян, было изобретено с появлением классового общества.

— Когда в отличие от богатых владельцев имущества работающие на них бедняки-рабы, прикрепленные к земле крестьяне или кто бы там ни был, обнаружили, что, распевая по городским рынкам песни, они могут заработать несколько медяков, тогда возникло направление *поп-музыки*. Поп-музыка заполнила собой место между тысячелетиями существующей авторской музыкой замков и народной музыкой деревень. Отец Алана Ломекса, Джон Ломекс, около одного века тому назад начал изучать ковбойские песни. Именно Алан Ломекс был тем, кто убедил северян, таких как Бел Ивз, Джош Уайт или Лидбелли, спуститься на Юг изучать напевы рабов. Он же вселил смелость в Вуди Гасри, сказав ему: “Ты великий певец. Ни за что не бросай музыку”. Сейчас уже горожане стали им подражать и называть себя мастерами *народной музыки*.

Это был разговор, к пониманию которого за этот вечер мне впервые не нужно было прилагать никаких усилий. Я почувствовала тогда, что Красный Уинклер рассказывал с воодушевлением, а я с удовольствием слушала и даже расслабилась. Он рассказал о том, что его дед едва спасся от линчевания за то, что был *аболиционистом*¹³⁹, а его отца — лектора в университете Калифорнии Беркли — во время Второй мировой войны выгнали с работы за высказывание: “Постыдно, что люди хватаются за горло друг друга, чтобы лидеры их стран могли наживаться”.

— Он говорил правильно. Немцы делали все, что им приказывал кайзер. То же было и с французами, англичанами, которые тоже ждали, что скажут им вожди, и убивали друг друга. Мой отец отказался идти в армию. Во время кризиса 1929-го его заботила мысль, дескать, “пусть будет кто-то знающий эту экономику, или люди от голода перемрут”. Когда он искал человека, способного встать у руля, он решил сотрудни-

¹³⁹ Сторонник отмены рабства. — *Примеч. авт.*

чать с коммунистами по единству судеб. Вы знаете композитора Аарона Копланда, вместе с ним они создали маленькую группу и принялись сочинять песни, которые пролетарии могли бы петь на демонстрациях. В последующие годы, рассказывая об этих днях, он смеялся: “До нас не доходило, какой глупостью мы занимаемся. Как оказалось, вместо того, чтобы пытаться создать грохочущую музыку немецких групп, нам было бы сесть да народную музыку выучить!”

Впервые он приехал в Россию в 1987 году вместе с Уильямом Мэнделем. Мэндел приезжал и уезжал еще после этого самое меньшее раз двадцать. Они вместе посетили почти все бывшие советские республики. Однажды он пошел на концерт, где играли музыканты-любители, там познакомился с Надей Ивановой, которую он называл “вторым дыханием”, и не захотел больше возвращаться назад. Он присоединился к ансамблю бардовской музыки “Скоморохи”, который представил так: “Двое математиков, трое ученых”.

Когда у них начал играть Уинклер, они писали песни на стихи известных русских поэтов и даже на сонеты Шекспира и исполняли все, что можно исполнить на акустической гитаре.

– Вон там – Позен, компьютерный программист. У него нет собственных произведений, но wow! Какой голос! Он фантастически интерпретирует музыку других. Это не легко, вы ведь знаете, русская поэзия запутанная и в большинстве мистическая. В прошлом году в Киеве, Киев его родной город, на его концерт пришла тысяча человек. Это был как Вудсток, но без наркотиков и без электрогитары. Сергей, Сергей Зражевский, сорока двухлетний массажист. В последнее время занимается обработками всех стихов Бродского.

Он обернулся к слушающей нас Хане Ложко.

– В Советском Союзе музыка была чем-то другим, не так ли, юная леди?

– Верно, – сказала Ханя. – Мама все время пела мне песни. Мы пели песни в школе, на днях рождения. Очень любили акустическую гитару и всюду на ней играли. В старших классах школы, в лесу, в пионерских лагерях, возле костра мы пели

—•••••—

песни под гитару. Песни, протестующие против советской системы шестидесятых.

Песни, в шестидесятые годы протестующие против советской системы?

— Конечно, были такие, — сказала Ханя. — Бардовская музыка началась в те годы. А сейчас каждый год в первую неделю июля проводится фестиваль бардовской музыки. В прошлом году триста тысяч человек приехало, набрав с собой палаток и провизии. Мы провели потрясающий уикенд под сияющим солнцем. Что касалось ее самой, то она сама играть не умела, но очень любила слушать.

Я было собралась сказать, что мне показалось, что слышу Боба Дилана. “Неа, нет, — сразу вскинулась Ханя. — Дилан — это фолк, Вы не должны спутывать музыку “Скоморохов” с фолк-музыкой. У фолк-музыки есть свои правила, здесь же правил нету. В коммунистические времена, будь вы музыкант или поэт, чтобы получить выход на сцену в государственных концертных залах, все были должны получить государственный диплом института искусств.

Направлению бардовской музыки положили начало музыканты, у которых не было государственного диплома...

— Товарищи! Листьева застрелили!

НЕСКОНЧАЕМАЯ РАСПЛАТА

Андрей Золотов поднимается со своего места с белым, как мел, лицом, и сообщает об убийстве наиболее любимого ведущего и автора программ российского телевидения Владислава Листьева, Галина Алексеевна старается подавить вскрик, батюшка Андрей Дмитриевич осеняет себя крестным знамением, Чотиненко закрывает лицо руками, Наташа стонет: “Ой, ой, ой!”, весть в считанные минуты разносится от стола к столу, музыка умолкает, огромный зал поднимается на ноги, отовсюду лавиной все громче доносится русский... Все, все это произошло в один момент!

Совершенно естественным было бы, чтобы они сейчас позабыли обо мне и углубились в разговор между собой, впрочем, так и случилось. Из разговора Лори Эсиг с Терезой я уяснила, что расстрелянный наемными убийцами на лестнице собственного дома телевизионщик был директором Первого канала, в те годы имевшего наиболее широкое вещание на территории России, – позже изменившего название на ОРТ – *Российское общенародное телевидение*¹⁴⁰.

Тереза говорила:

– Что его убьют, знали и мы, знал и он сам. Пятнадцать дней назад он собрал близких друзей и сказал, что Березовский его в живых не оставит.

Борис Березовский – человек, которого Давид Рабинович охарактеризовал как *“самого решительного, самого хитрого олигарха России*. Мошенник, обманщик и хладнокровный злодей мирового масштаба, заставляющий вспомнить итальянских принцев эпохи Ренессанса. В последние шесть лет он действовал совместно с верхушкой власти и наносил бюрократии удар за ударом. Каким бы ни было положение экономики, Березовский все равно от этого выигрывал”.

Березовский – математик 1946 года рождения. Свою первую махинацию он провернул в 1991-м с главным центром продаж автомобилей марки “Жигули”. Ему удалось узнать от своих друзей в правительстве, что в соответствии с программой реформ МВФ будут введены свободные цены. Еще до антигорбачевского путча в августе 1991 года на полученный из банка кредит он купил у производителя – фирмы “Автоваз”, во главе которой стоял его давний приятель Владимир Каданников, автомобили по двести долларов за штуку. После отпуска цен он продал автомобили по пять тысяч долларов и за считанные месяцы стал обладателем ровно ста двадцати миллионов долларов! Обернувшись, часть этих денег он вложил в улучшение систем автомобильного завода “Автоваз”. *Закадычный его друг* Каданников в ответ на эту добродетель *оказал помощь* Березовскому в

¹⁴⁰ Здесь оставлен вариант перевода автора. – *Примеч. пер.*

таких вопросах, как снижение налога при строительстве нового автомобильного завода, всяческая поддержка и т. пр. Помощью назывались три миллиона долларов, положенных на имя Ельцина в банке Барклейз в Лондоне, и Ельцин из этой тайной *зачки* каждый месяц получал по шестнадцать тысяч долларов процентов по вкладу. И сверх этого на шару – уходящие к его дочери Татьяне драгоценности и спортивные автомобили. Когда в 1992 году подскочившая до около 1300 процентов инфляция, а в 1994-м практически полностью опустевшая государственная казна ускорили приватизацию, сорок процентов акций ОРТ были выставлены на продажу.

Березовский не ограничился тем, что выкупил на торгах шестнадцать процентов акций по смешной цене в триста двадцать тысяч долларов, но и сделал так, чтоб остальные выставленные на продажу акции выкупили его друзья также по низким ценам. Посредством такой сделки он стал исполняющим обязанности главы Совета редакторов ОРТ и начал контролировать вещание самого крупного телеканала страны от новостей до авторских передач. Но и этого было мало, и он наложил руку на доходы от рекламы. Однако это положение вещей настолько испугало Ельцина, опасавшегося, что олигарх может выступить против президента, что тот, чтобы уравновесить влияние Березовского, перевел на свою семью двадцать шесть процентов акций компании, принадлежавших государству.

– На это Березовский воспользовался именем Листьева. Имя Листьева было чисто, и он был сторонником частичной приватизации. Ельцин утвердил его, так как считал, что будет неплохо, если создастся видимость, что такой человек поддерживает президента. В начале 1995 года он подписал назначение Листьеву. Но Листьев не собирался плясать под общую дудку. Он принял решение очистить ОРТ от темных связей.

Номером первым среди темных связей ОРТ шел тридцатилетний рекламист Сергей Ликовский, владелец агентства “Премьер СВ”. Этот человек сколотил капитал на сети дискотек в Москве. Дискотеки Ликовского были гнездом русской мафии, в которых вращалось все, начиная от наркотиков и заканчивая

торговлей женским телом. Ликовский с дискотечного бизнеса перешел на рекламный и охватил все рекламные сети пяти каналов телевидения России. Таким образом, чтобы получить место для рекламы, необходимо было пройти через “Премьер СВ” и заплатить нешуточные комиссионные.

Выплаченные только в этом году Ликовскому за размещение рекламы на ОРТ комиссионные составили восемьдесят миллионов долларов. Хуже того, “Премьер СВ” получало все вырученные за рекламу деньги и производило выплаты телевизионным каналам.

– То есть, не платило?!

Рабинович взглянул мне в лицо, дескать, откуда вы знаете?

– Да, не платило. На этот год они снова удержали и не выплатили двести пятьдесят миллионов. Телеканалы пытались удержаться за счет государственного дотирования.

– И что, никто ничего не мог сделать этому мошеннику?

– Не могли, потому что бюрократы и сами криминализованы. К тому же, один компаньон Ликовского Сергей Антонов был осужден за рэкет и вымогательство, а другой – канцлер Александр Аверин, известный под кличкой *Малой Авера*. Старший брат Александра – Виктор – правая рука главаря известной солнцевской банды Михася. Михася недавно арестовали в Швейцарии по обвинению в отмывании денег. Вот какие люди противостояли Листьеву.

Владислав Листьев принял решение разрушить монополию Ликовского. Он приостановил размещение рекламы до тех пор, пока не будет установлено новых *моральных стандартов*. На это Ликовский потребовал возмещения убытков в сто миллионов долларов. Деньги нашли и передали наличными заместителю главы совета редакторов ОРТ Борису Березовскому, чтобы тот вручил их Ликовскому. Березовский получил деньги и залег на дно.

Несчастный Листьев оказался между двух преступников и погиб.

– Что теперь будет? – спросила я тогда. Рабинович пожал плечами.

— — — — —

– Будут пышные похороны. Сотни тысяч поклонников Владислава поднимут бучу. Березовский скажет, что не имеет ни малейшего отношения к убийству. Заведут дело, но не придут ни к какому результату. Не пройдет и года, как дело закроют. Может, найдут и посадят одного–двух уголовников. Если случайно попадет честный прокурор, заметут и его. Когда мы года через три–четыре снова соберемся вместе, то увидим, что Березовский как владел тридцатью шестью процентами акций ОРТ, так и продолжает ими владеть, а монополия Ликовского на рекламу продолжается. Вот уже на протяжении столетий в России вина утратила свой традиционный смысл.

В своей стране я избегала читать покойного Угура Мумджу¹⁴¹, и помню, что слушала Рабиновича, то ли не особо веря, то ли думая, что он сгущает краски. Оказалось, что Рабинович, и сам рекламист, говорил, основываясь на собственном опыте. Шеф Давида, Александр Коненикин был первым русским, обратившимся к Соединенным Штатам Америки за политическим убежищем из-за того, что его жизнь в опасности по причине демократических и капиталистических воззрений. В 1991 году, еще в двадцать четыре года, этот парень пожертвовал десять миллионов долларов наличными на избирательную кампанию Бориса Ельцина и взамен получил *армию из охраны в двести человек, состоящую из шпионов КГБ в отставке, а также старый лимузин и дачу Горбачева*. Говорили, что если бы не Коненикин, не было бы Ельцина. К тому же, это была публичная сделка, которую никто не скрывал. Коненикин в многочисленных интервью американской и российской прессе по этому поводу хвастался: “я получил лимузин Горбачева, но мои собственные автомобили были гораздо лучше его!”

¹⁴¹ Угур Мумджу (1942–1993) – турецкий журналист, писатель и исследователь. 23.01.1993 г. убит взрывом бомбы в Анкаре на пороге собственного дома, убийцы не найдены. Существует версия, что убийство совершено за журналистские расследования торговли оружием Курдской рабочей партией, ведущей корнями к иракскому политику Талабани. После смерти основан Фонд журналистских расследований имени Угура Мумджу. – *Примеч. пер.*

Коненикин, о котором Тереза сказала: *“Предтеча возрождения России, капиталист-демократ эпохи после железного занавеса”*.

– Чрезвычайно одаренный физик-студент, решивший работать на строительстве, чтоб заработать карманные деньги. Уже в первый день после поступления на работу его сделали прорабом. Прораб ведет документацию, отчитывается начальству, то есть руководит всем процессом. Коненикин сразу увидел, как идут дела, то есть, как они не идут. Помните советскую волокиту? Никто ни за что не отвечает и все перекалывают ответственность на другого. Парень увидел, что дисциплины нет, никому это триста лет не нужно, он взял на себя руководство, оптимизировал производительность, и дело пошло. На следующий год он создал свою фирму. Сам стал брать на работу, сам платить зарплату, заниматься поставками стройматериалов и нести ответственность. Захотел – рабочие работают, захотел – уволил. Своим рабочим он стал платить зарплату в три раза больше, чем в самых больших строительных компаниях. Если они хотят получать эти деньги, то обязаны работать с отдачей. Ему удалось достичь чрезвычайного успеха и получить много заказов от советского правительства.

Я спросила, будто зная ответ:

– Был у него кто-нибудь из родственников – номенклатурных чиновников, дядя или кто там?

– Его отец был чиновником высшего ранга в Министерстве образования, но не имел к этому никакого отношения, – сказали мне. – Коненикина даже выгнали из университета за действия, несоответствующие принципам советского гражданина, занятия капиталистической деятельностью, как-то частное предпринимательство и эксплуатация рабочих. Его занесли в черный список и запретили работать по специальности физика. В конце концов, он занимался делом, от которого всем была только польза, и не заслужил такого тяжелого наказания. Когда ему запретили заниматься строительством и в Москве, он взял и заключил договор на выполнение работ в ста километрах от Москвы. И тут ему на помощь подоспели реформы Горбачева.

Вы знаете, что строительный рынок был одной из первых областей, открывающихся частному предпринимательству. И тут вдруг парень обнаружил, что он играет на рынке без правил. Ему было девятнадцать лет, и в своей области он был один! Вы можете только представить, ни одного конкурента! Государственные кооперативы были слишком топорны и не были ориентированы на получение результата. Цены на недвижимость были смехотворно низкими. В жизни все – дело времени, Гюльоя. Коненикин как единственный владелец монополии, стал скупать земли. И конечно не остался незамеченным, коммунисты начали предъявлять претензии. Он же сделал то, что в его ситуации сделал бы каждый: нашел альтернативный политический голос: Бориса Ельцина. Он его финансировал. Ельцин был похож на человека, который, несмотря на то, что был членом Коммунистической партии, мог провести экономические и общественные реформы, о которых мечтал Коненикин. Для того, чтобы Ельцин выиграл выборы, Коненикин истратил десять миллионов долларов. Если бы не Коненикин, не было бы Ельцина.

Я подумала, что мне рассказывают историю о типичном политическом подкупе.

– Да он попросту купил Ельцина с потрохами. Это ничем не отличается от того, что творил Березовский!

– Демократический процесс! – отвечали мне. – Вам следовало бы понять, что для такого бизнесмена, как Коненикин, демократический процесс очень важен. Да, у него было много денег, но зачем нужны все эти деньги, если их нельзя использовать без соответствующих преобразований? Деньги – это сила, сила как *средство для осуществления задуманного*. Для того чтобы обрести демократическую силу, Коненикин постарался прикрыть несколько острых углов.

– Для осуществления *чего*, Тереза? *Сила для чего?*

На этот вопрос ответа не было.

– Когда его просьбу о политическом убежище удовлетворили, он начал там все с самого начала. С супругой Еленой они создали Интернет-компанию *KGM Studio*. Они превосхитили Интернет-рекламу и мультимедийные презентации, известные

как *веблам*. Веблам использовал полностью весь формат экрана монитора, точно так же, как телевизионная реклама, только интерактивно и отвечая на все вопросы потребителя. Молниеносная технология! И очень дешево! Реклама, обходящаяся на телевидении в несколько сот тысяч долларов, в Интернете выливалась максимум в двадцать тысяч. Более того, рекламодатель более не нуждался в тренингах персонала. Подумайте только, например, вы собираетесь продавать цифровую камеру, вначале вам надо обучить персонал по продажам. А это – деньги! Кроме того, вы никогда не знаете, смогли ли вы достаточно полно представить товар. Тогда как в вебламе вы можете успеть рассказать все. Благодаря этой технологии можно также вести учет клиентов. Экономия и в офисных расходах, и в рабочей силе. На Интернет-рынке лежат миллиарды долларов, и Коненкин претендовал на эти деньги. Похоже на то, что он снова оказался в нужное время в нужном месте! Я взял у него одно интервью в его доме в Уотергейте. На первый взгляд, чрезвычайно учтивый, открытый и внушающий доверие молодой человек, но стоит ему обратить на вас холодные, как лед, небесно-синие русские глаза, как вы понимаете, что за этой внешностью послушного студента вуза стоит еще много другого.

– Чего другого?

– Гений! В детские годы он получил первое место во Всесоюзной олимпиаде по физике. Он был одним из молодых студентов Московского физического института, кого выделили, чтобы готовить специалистов по ракетоведению. Кроме того, первоклассный игрок в шахматы.

– В России таких людей много!

– Да, но в России не много людей, затративших усилия на то, чтобы привести в порядок политическую, социальную и экономическую структуру и сделать Россию демократическим преемником Соединенных Штатов! Представьте себе гениального физика в девятнадцать лет. За несколько лет – триста миллионов долларов, да, ровно столько, триста миллионов долларов! Вы создаете империю недвижимости и банков. У вас шестьсот человек работающих, десятки автомобилей, дач и охрана из двухсот

вооруженных человек! И при этом вас похищают те, кому вы доверяли больше всего! Вас пытаются и угрожают смертью! Вашу империю уводят у вас из-под носа в одну будапештскую ночь! За вами охотятся КГБ и русская мафия, вы сбегаете из стран восточного блока и бросаетесь в Нью-Йорк, на этот раз против вас выступает американское правительство! Ваше имя стало известно всему международному криминалу! За вами охотятся ЦРУ, ФБР, КГБ, банды и погрязшие во всевозможных махинациях государственные чиновники. На руки вам надевают наручники, и свой двадцать девятый день рождения вы вынуждены встретить в тюрьме!

– Совсем как детектив Тома Кленси! – вымолвила я, не зная, что сказать.

Полагаю, что именно Рабинович заметил:

– Более правильным будет сравнение с Митчем МакДир из фильма “Компания” Джона Гришема. Коненикин тоже очутился в тисках между правительством и солнцевской бандой, с той разницей только, что он в то же время имел дело с двумя супергосударствами.

Солнцев, или Солнцевская, – зверски беспощадная банда, получившая название по имени района в Москве. По словам Рабиновича, в 1992 году она захватила Русский обменный банк и заменила всех бухгалтеров и финансистов на своих людей, отмывающих деньги за границей.

Русская банковская система настолько пригодна для отмывания денег, что в этом отношении переплюнула даже *печально известную* Панаму.

– А вы знали до этого, что мы были первыми, кому удалось впервые получить разрешение на открытие частного пункта обмена валюты? Это наше предприятие образовало ядро русского обменного банка. Мы также были первыми, кто основал в России первую сеть, основанную на передовых технологиях. Только мы могли наблюдать, на каком рынке по какой цене был доллар в продаже. Бывало, когда купленный по тридцать рублей доллар мы продавали по триста рублей. Позже мы перешли к метаторговле. Например, если лес в Москве был дешев, нам надо было только отдать один

приказ – *купить*, и один приказ – *продать*. Один из наших людей покупал лес в Москве, а другой, например, продавал в Алматы. За короткое время через нас стала проходить одна шестая мировых продаж. Когда Коненикину стукнуло двадцать пять, мы стали финансовой империей в три миллиона долларов. Практически непроницаемая монополия! Выглядит очень просто, неправда ли?

– Напротив, я очень впечатлена!

Но Рабинович не обратил внимания на мои слова.

– Это было не так просто, как выглядело. Это требовало определенного политического жонглирования. Требовало дальновидности, дипломатии, смелости. Коненикину на поле, на которое не попали другие игроки, требовалось мыслить и действовать, как играющему в одиночку американскому капиталисту. И впрямь, когда пришли другие игроки, им пришлось принять правила игры!

Под другими игроками он подразумевал *kanun hırsızları* – *воров в законе*, типов вроде Михася и Малого Аверы.

Рабинович рассказал, что Коненикин с семьей, распустив охрану, переехал в Будапешт, чтобы руководить делами. Потом, во время ужина в своем отеле, они были похищены переодетой в форму венгерской полиции русской мафией. Их привезли в какой-то дом, и там банда, к которой принадлежали и работавшие в банке Коненикина руководители и охрана высшего звена, приставив ко лбу Коненикина пистолет, потребовала от него подписать документы о передаче им его империи.

Он знал, что в тот момент, когда подпишет бумаги, будет убит. Несмотря на угрозы пыток, он не подписал, но прикинулся, что согласен. Он договорился с ними встретиться утром. В тот же вечер супруги бросились в свой автомобиль и перевели дух только в Чехословакии. К обеду они уже были в самолете, следующем в Нью-Йорк. Там Коненикин обратился к российским официальным лицам и Ельцину с просьбой расследовать случившееся. Оказалось, что лучше бы он этого не делал, так как после длившегося несколько месяцев молчания в республиканскую прокуратуру Штатов пришло письмо с требованием выдать Коненикина России с целью отдать его под суд российской

финансовой полиции. Его обвиняли в краже восьми миллионов долларов из собственного банка!

Из ФБР сообщили, что будут чрезвычайно рады оказать помощь, поскольку как раз в то время им был нужен профессионализм КГБ для решения проблемы действующей в Америке мафии. Они могли справиться с нею, только наладив хорошие отношения с бывшими противниками по холодной войне. Между этими двумя странами не существовало соглашения о взаимной выдаче преступников, но что им было до того?! В дело пустили Закон о миграции и гражданстве. Intelligence Service ворвалось в квартиру Коненикиных в Уотергейте, несмотря на то, что их сопровождала ФБР и русские службисты, обвинив русскую пару во въезде в США по фальшивой визе, надели на них наручники и бросили в тюрьму.

Я помню, как Красный Уинклер сказал: “Он почувствовал, что он дома!” Оказалось, Коненикин сказал тогда то же самое. Когда его арестовывали, он был удивлен и даже испытывал страшный шок, – ведь этот человек, всю жизнь мечтавший жить в стране свободных людей, становился свидетелем того, что и в Америке точно так же, как и в России, законы ни во что не ставят.

– Одним словом, Коненикин предъявил суду документы, свидетельствующие, что в последние три года он является главой Гритис США. Но, несмотря на это, Intelligence Service настаивало на выдаче его России. Ситуация еще более усугубилась, когда русские открыто обвинили Коненикина в хищении трехсот миллионов долларов.

Он проиграл первый раунд. Деньги закончились, так что он не мог нанять адвоката. Тогда он уселся и выучил в американской тюрьме все законы, и представил в суде защиту, которую подготовил сам! Это было предприятие, непосильное даже студенту, изучавшему прикладное американское право! Судья вначале не воспринял всерьез заявление Коненикина о том, что он является жертвой международного заговора, но затем стал склонен полагать, что, может быть, тот и говорит правду, и нашел Саше одного из лучших адвокатов.

– На июльское слушание в суд вызвали четырех свидетелей: бывшего адвоката Intelligence Service, готовившего иск в суд, кроме него, позвали бывшего члена Коммунистической партии, работавшего на ЦРУ, а также бывшего сотрудника КГБ, приказавшего исследовать бумаги Intelligence Service, и маститого разведчика из ФБР – специалиста по организованной преступности. Все четверо свидетелей заявили, что на Коненикина устроили травлю, Intelligence Service сознательно ввела в заблуждение суд, занималась сокрытием доказательств и заставила замолчать свидетелей, способных свидетельствовать в пользу обвиняемого.

– Это была типичная для КГБ операция, организованная с целью скрыть гораздо большие финансовые преступления; с помощью Коненикина они попытались выставить в дурацком положении американское правительство. Судья пришел к выводу, что Коненикина хотели покарать за то, что он вывел на чистую воду махинации российского правительства и их конкурентов по бизнесу, – и вынес решение об оправдании. Intelligence Service заставили выплатить все судебные издержки, которых набралось сто тысяч долларов. Кроме того, Министерство юстиции США подало в суд на Intelligence Service. И, что еще важнее, поскольку выяснилось, что российское правительство не пыталось воспрепятствовать желающим нанести вред обвиняемому, его просьба о предоставлении политического убежища была удовлетворена.

Уинклер заплодировал.

– И семья Коненикиных снова уверовала в американскую справедливость!

– Коненикин тоже говорил, что, дескать, и в Америке бывают законопреступления, но в принципе система работает. Как минимум, сработала в его случае. Количество честных людей, действующих согласно букве закона, больше тех, кто эти законы попирает. Этим обстоятельством Америка чрезвычайно отличается от России, где все преступили закон.

Он засмеялся.

– Собственно, у тех, кто выкрал Коненикина, не было также никакого опыта в этом деле! Коненикин был первой важной пер-

соной, кого похитили эти люди, вы понимаете? Им даже в голову не пришло, что он не носит все свои миллионы в карманах штанов! В бумажнике у него было около двух тысяч долларов, их и отняли! Они требовали у него отдать весь бизнес с раскаленным утюгом в руках! Коненикин говорил: ну, хорошо, я отдам вам все, но как, скажите, пожалуйста? Вымогатели настаивали, чтоб он перевел все деньги на такой-то счет.

– Но здесь нет ни печатной машинки, ни компьютера, как я вам их переведу?! На салфетке, что ли, нарисую?! И, кроме того, ночью все банки закрыты!

У нас было около сотни предприятий, и чтобы выполнить то, что требовали рэкетеры, нужно было заставить работать без передыху пятнадцать дней с дюжину адвокатов! Им были совершенно незнакомы логистические детали такого рода, можете себе представить? Коненикин убедил бандитов, что в случае, если он сам и Елена в течение часа не вернуться в отель, станет понятно, что с ним что-то случилось, и все производимые денежные переводы сочтут незаконными. И так они спаслись!

Именно идиотизм бандитов был причиной того, почему пленникам позволили вернуться в свой отель с тем, чтобы встретиться с ними поутру! А сейчас прислушайтесь к тому, что я вам скажу! Если дела пойдут, как он планировал, этот русский бунтарь вернется обратно в Россию. Он создаст совершенно новую бизнес-империю и станет лидером невиданной дотоле социальной революции!

– Атака исподволь! Но на этот раз мы атакуем по Интернету, – говорит он. – И доходы на этот раз будут столь высоки, что уворованное у меня российским правительством покажется подачкой по сравнению с этим!

Рабинович оказался прав. Под предлогом бурного расследования смерти Листьева Ельцин обвинил в бездарности своего главного политического соперника – главу московской мэрии, и осмелился снять с занимаемых должностей двух человек, которым Лужков наиболее доверял, – городского прокурора и главу *службы* безопасности. Лужков с гневной речью отверг отставку своих людей и заявил, что в случае, если Ельцин будет настаивать

вать, он сам подаст в отставку. Это испугало президента, боявшегося, что Лужков метит на его место, и все остались при своих постах. Впрочем, на выборах 1996 года Лужков снова одержал убедительную победу.

В то же время Березовский появился снова, как ни в чем не бывало. На этот раз прошла информация, что он стал партнером некоего Федорова – главы Национального спортивного фонда, организованного тренером Ельцина. В основанный с целью развития спорта фонд были перечислены миллиарды долларов от налогов на импортное спиртное и сигареты, – и эти деньги исчезли. Через несколько дней после того, как об этом стало известно, этот Федоров получил ножевые ранения, нанесенные *неизвестными убийцами*. Поговаривали, что он не умер, а сбежал в Европу. Вопрос на этом был закрыт. В 1997 году, через год, объявили, что Березовский назначен советником по безопасности Ельцина. Прошел слух, что это он отдал приказ убрать генерала Владимира Абрамовича Рохлина, которого обвиняли в том, что он готовился принять на себя руководство армией в случае возможного переворота в 1998 году. Проработав около двух лет с Ельциным, Березовский организовывал также избирательную кампанию Путина. В то же время объявили, что он спас взятых чеченцами в плен английских корреспондентов НТВ, заплатив тогдашнему главе Совмина Чечни Шамилю Басаеву два миллиона долларов. Пока английское правительство рассыпалось в похвалах Березовскому, произошло нечто дотоле в российской истории невиданное. В день посещения канцлером Германии Герхардом Шредером Бориса Ельцина в Москве группа офицеров Федерального Бюро Службы Безопасности – созданного вместо КГБ ФСБ – два подполковника, два капитана и один старший лейтенант – устроили пресс-конференцию, на которой разъяснили, что спецслужбы использовались для *организации убийств, похищения людей и вымогательства*.

Сотрудник тайной разведки подполковник Литвиненко, который был в охране Березовского, заявил, что получил от своего высокопоставленного начальства приказ убить Березов-

ского, однако не выполнил его, так как приказ был незаконен. Из-за этого он подвергся нападениям, получал угрозы смертью и тюремным заключением. Более того, в СМИ были опубликованы статьи, обвиняющие его самого и его товарищей в убийствах, пытках и грабежах. Подполковник Литвиненко рассказал, что его шеф обвинил его *в воспрепятствовании убийству патриотами одного еврея, обворовавшего полстраны*. Свое выступление он закончил такими словами:

– Тайные службы используют с целью убирать нежелательных людей и осуществить особые политические и нелегальные убийства за деньги. Мы хотели бы привлечь внимание общественности к извращениям, имеющим место в середине ФСБ, и тому, насколько опасной может оказаться данная организация. Мы не преследуем цель запятнать всю деятельность ФСБ или ее честных сотрудников.

Событие получило широкое освещение в западной прессе.

Она писала: “Еврейское происхождение господина Березовского важно, так как демонстрирует рост антисемитизма в России. Утечка мозгов, упадок морали и низкие зарплаты после развала большого КГБ опоздали организацию. Тысячи бывших разведчиков и служащих КГБ, герои войны в Афганистане, оставшиеся безработными военные нашли высокооплачиваемую работу в теневом русском бизнесе и банковском деле. Стало известно, что часть из них замешана в убийствах, подрывах и похищениях людей”.

Владимир Путин еще не был тогда президентом и возглавлял ФСБ. Прошел слух, что после этой пресс-конференции он приказал начать расследование. Выяснилось, что приказ об убийстве Березовского отдавал Николай Ковалев, и что он уволен с занимаемой должности, мол, “так уж настаивали англичане”. На некоторое время все притихло, но вдруг имя Березовского снова всплыло в связи с махинациями вокруг “Аэрофлота”.

Полагаю, в 1993 году сообщили, что он уехал в Лондон и потребовал политического убежища у англичан. Спустя какое-то время министр внутренних дел Великобритании объявил, что

требование Березовского удовлетворено. Эту новость передал по радио “Эхо Москвы” некий американский еврей по имени Алекс Голдфарб, глава основанного Березовским в Нью-Йорке Foundation for Civil Liberties, Фонда гражданских свобод.

“Это были дни, когда жестокость русской армии в Чечне достигла размеров, сокрыть которые было уже невозможно. Только по официальным данным, пятьсот русских солдат совершили самоубийство, не в силах более видеть зверств по отношению к местным жителям, и еще пятьдесят были расстреляны своими же товарищами”. Двое друзей Алексея, два корреспондента, не продавших совести, Андрей Бабицкий и Анна Политковская *стремились* донести миру правду о событиях в Грозном. В те же дни на выходе из метро на площади Пушкина произошел взрыв, в результате которого погибли семь человек и более пятидесяти пассажиров получили ранения. И мы стали свидетелями того, как, покуда ответственные лица во главе с Лужковым возлагали вину за происшедшее *на чеченских террористов*, Путину изящным маневром удалось заткнуть рот и Бабицкому, и Политковской. Президент избавился от газет, с которыми сотрудничали оба корреспондента, даже ни разу не сославшись на взрывы и поэтому разнесшееся возмущение, под предлогом *сломить монополию на СМИ Березовского и создать прозрачное общество*.

Таким образом, он культурненько заткнул рот своим оппонентам по войне в Чечне, не создавая впечатления, что происходящее – антидемократично.

Алексий в те дни назвал русскую политику политикой пилы, режущей взад и вперед. Я подумала, что лучшим сравнением была бы турецкая пословица “убить одним камнем двух птиц”¹⁴². Алексий заметил, что камень-то один, а вот сколько будет птиц, знать положительно невозможно. Никогда – ни сейчас, ни при большевиках, ни при царе невозможно было угадать, судя по действиям, истинных намерений ни одного русского политика.

¹⁴² Убить одним выстрелом двух зайцев. – *Примеч. пер.*

Для этого, как оказалось, нужно было читать между строк данные интервью и мотивации реальных поступков, видеть картину в целостности. Так же, как путч 19 августа был представлением, разыгранным КГБ с ведома и при согласии Горбачева.

Да, шутки в сторону. Но ведь невозможно же жить в обстановке, когда человек не может даже по делам понять, что за чем стоит!

Алексий посмотрел на меня как-то пристально и сказал:

– Да мы, собственно, и не живем.

– Want to go home now, if you will excuse me.

Брови Алексия удивленно взметнулись.

– Home?!

Я рассмеялась.

– Я хотела сказать вниз, к себе в номер! День был очень уж длинный, я чувствую себя уставшей.

– Да, да, конечно! Позвольте мне проводить вас, – отвечал он.

Благодарности, прощания, номера телефонов, обмен визитками, повторяющиеся пожелания встретиться вновь – и я на пороге номера 1826 гостиницы “Россия”.

– Помните, вы рассказывали легенду о св. Ахмете, Алексий?

– Да, мадам?

– Когда мой отец был маленьким ребенком, то, как только начинали звенеть колокола церкви окрестных греческих и болгарских кварталов, все турецкие соседские дети сбегались туда, и, если их некому было выгнать, столпившись в воротах церковного подворья, наблюдали, как одетые в свои самые чистые одежды христиане потоком направлялись внутрь церкви, к освещенным лампадами образам. Моя бабушка – мама отца – говорила, что если нога мусульманина коснется церковного камня, камень этот намертво приклеится к ноге правоверного и не захочет от нее оторваться, и если правоверный не страшнет его, то будет петь благодарственные молитвы до скончания века. Так мой отец, в какую бы ни ступил церковь, старался наступить на как можно большее число камней, куда только мог достать ногою, чтоб утащить из церкви как можно больше камней и заполнить побольше молитв.

Лицо его просветлело, и Алексей долго-долго смеялся.

– So! Так, оказалось, камни хотят сбежать из церкви!

– Из песни слов не выбросишь!

Он наклонился и поцеловал меня в щеку.

– Мы обязательно снова встретимся, – сказал он.

– Я знаю, – ответила я тогда.

ЭЙ, УХНЕМ! ЭЙ, УХНЕМ!

Мой номер 1826 показался мне еще более убогим и неприкаянным. Будто бы это была холостяцкая квартира, которую для своего наконец поступившего в университет сына оставила в душераздирающем порыве на одной из окраин Анкары семья средней руки из собранных то там, то сям по знакомым пожитков.

Я помню, что хотела задохнуться в свете всего услышанного мною на протяжении того вечера, и, присев на кровать, меня душит ненависть к мерцающей у изголовья в абажуре, словно глаз умирающего, лампочке в 40 ватт.

– Экономят там, где не надо.

И тут же вслед за этим:

– А тебе-то что до этого, эй, девушка? Ты-то чего лезешь?

Должно быть, я сделала резкое движение, потому что в глаза мне бросилась позолота лежавшей под абажуром книги: *The Collected Short Stories of Nikolai Vassilievich Gogol*. Поглядывая то на нее, то на обстановку комнаты, я сообщила себе, что Гоголь реален как минимум так же, как и гостиница “Россия”:

– Это еще не все, ты создай сама себе свою Русь!

И Русь, которую я создала себе сама, была примерно такой:

“По рассказам дьяка Диканьской церкви, за Фомой Григорьевичем водилась особенного рода странность: он до смерти не любил пересказывать одно и то же. Бывало, иногда если упросишь его рассказать что сызнова, то, смотри, что-нибудь да скинет новое или переиначит так, что узнать нельзя. Раз один из тех господ – нам, простым людям, мудрено и назвать

их – писаки они не писаки, а вот то самое, что барышники на наших ярмарках. Нахватают, попросят, накрадут всякой всячины, да и выпускают книжечки не толще букваря каждый месяц или неделю, – один из этих господ и выманил у Фомы Григорьевича эту самую историю, а он вовсе и позабыл о ней. Только приезжает из Полтавы тот самый панич в гороховом кафтане, про которого говорил я и которого одну повесть вы, думаю, уже прочли, – привозит с собою небольшую книжечку и, развернувши посередине, показывает нам. Фома Григорьевич готов уже был оседлать нос свой очками, но, вспомнив, что он забыл их подмотать нитками и облепить воском, передал мне. Я, так как грамоту кое-как разумею и не ношу очков, принялся читать. Не успел перевернуть двух страниц, как он вдруг остановил меня за руку.

– Постойте! Наперед скажите мне, что это вы читаете? Признаюсь, я немного пришел в тупик от такого вопроса. – Как что читаю, Фома Григорьевич? Вашу быль, ваши собственные слова.

– Кто вам сказал, что это мои слова?

– Да чего лучше, тут и напечатано: рассказанная таким-то дьячком.

– Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! Бреше, сучий москаль. Так ли я говорил? Що то вже, як у кого черт-ма клепки в голове! Слушайте, я вам расскажу ее сейчас.

Мы придвинулись к столу, и он начал.

Дед мой (царство ему небесное! чтоб ему на том свете елись одни только буханцы пшеничные да маковники в меду!) умел чудно рассказывать. Бывало, поведет речь – целый день не подвинулся бы с места и все бы слушал. Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагуру, который как начнет москаля везть, да еще и языком таким, будто ему три дня есть не давали, то хоть берись за шапку да из хаты... Но главное в рассказах деда было то, что в жизнь свою он никогда не лгал, и что, бывало, ни скажет, то именно так и было. Одну из его чудных историй перескажу теперь вам. Знаю, что много наберется таких умников, пописывающих по судам и читающих даже

гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой Часослов, не разобрали бы ни аза в нем, а показывать на позор свои зубы – есть уменье. Им все, что ни расскажешь, в смех.

Эдакое неверье разошлось по свету! Да чего, – вот не любил бог меня и пречистая дева! вы, может, даже не поверите: раз как-то заикнулся про ведьм – что ж? Нашелся сорвиголова, ведьмам не верит! Да, слава богу, вот я сколько живу уже на свете, видел таких иноверцев, которым провозить пона в решете было легче, нежели нашему брату понохать табаку; а и те отрецивались от ведьм. Но приснишь им... не хочется только выговорить, что такое, нечего и толковать об них.

Лет – куды! – более чем за сто, говорил покойник дед мой, нашего села и не узнал бы никто: хутор, самый бедный хутор! Избенки десять, не обмазанных, не укрытых, торчало то сям, то там, посередине поля. Ни плетня ни сарая порядочного, где бы поставить скотину или воз. Это ж еще богачи так жили; а досмотрели бы на нашу братью, на голь: вырытая в земле яма – вот вам и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живет там человек божий. Вы спросите, отчего они жили так? Бедность не бедность: потому что тогда козаковал почти всякий и набирал в чужих землях немало добра; а больше оттого, что незачем было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всем местам: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то, что и свои заедут кучами и обдирают своих же. Всего бывало.

В этом-то хуторе показывался часто человек, или, лучше, дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал. Гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь – снова будто с неба упал, рыскает по улицам села, которого теперь и следу нет и которое было, может, не дальше ста шагов от Диканьки. Понаберет встречных козаков: хохот, песни, деньги сыплются, водка – как вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам: подарит лент, серег, монист – девать некуда! Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: бог знает, может, в самом деле перешли они через нечистые руки.

Родная тетка моего деда, содержавшая в то время шинок по нынежней Опошнянской дороге, в котором часто разгульничал Басаврюк, – так называли этого бесовского человека, – именно говорила, что ни за какие благополучия в свете не согласилась бы принять от него подарков. Опять, как же и не взять: всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что, кажется, унес бы ноги бог знает куда; а возьмешь – так на другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душить за шею, когда на шее монисто, кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда влетена в нее лента. Бог с ними тогда, с этими подарками! Но вот беда – и отвязаться нельзя: бросишь в воду – плывет чертовский перстень или монисто поверх воды, и к тебе же в руки.

В селе была церковь, чуть ли еще, как вспомню, не святого Пантелея. Жил тогда при ней иерей, блаженной памяти отец Афанасий. Заметив, что Басаврюк и на светлое воскресенье не бывал в церкви, задумал было пожурить его – наложить церковное покаяние. Куды! Насилу ноги унес. “Слушай, паночка! – загремел он ему в ответ, – знай лучше свое дело, чем мешаться в чужие, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залеплено горячею кутьею!” Что делать с окаянным? Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто спознается с Басаврюком, станет считать за католика, врага Христовой церкви и всего человеческого рода.

В том селе был у одного козака, прозвищем Коржа, работник, которого люди звали Петром Безродным; может, оттого, что никто не помнил ни отца его, ни матери. Староста церкви говорил, правда, что они на другой же год померли от чумы; но тетка моего деда знать этого не хотела и всеми силами старалась наделить его родней, хотя бедному Петру было в ней столько нужды, сколько нам в прошлогоднем снеге. Она говорила, что отец его и теперь на Запорожье, был в плену у турок, натерпелся мук бог знает какие и каким-то чудом, переодевшись евнухом, дал тягу. Чернобровым дивчатам и молодичкам мало было нужды до родни его. Они говорили только, что если

бы одеть его в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек с щегольским синим верхом, привесить к боку турецкую саблю, дать в одну руку малахай, в другую люльку в красивой оправе, то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних. Но то беда, что у бедного Петруся всего-навсего была одна серая свитка, в которой было больше дыр, чем у иного жида в кармане золотых. И это бы еще не большая беда, а вот беда: у старого Коржа была дочка-красавица, какую, я думаю, вряд ли доставалось вам видывать. Тетка покойного деда рассказывала, — а женщине, сами знаете, легко поцеловаться с чертом, не во гнев будь сказано, нежели назвать кого красавицею, — что полненькие щеки козачки были свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета, когда, умывшись божьею росой, горит он, распрямляет листики и охорашивает перед только что поднявшимся солнышком; что брови словно черные шнурочки, какие покупают теперь для крестов и дукаатов девушки наши у проходящих по селам с коробками москалей, ровно нагнувшись, как будто гляделись в ясные очи; что ротик, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и создан был, чтобы выводить соловьиные песни; что волосы ее, черные, как крылья ворона, и мягкие, как молодой лен (тогда еще девушки наши не заплетали их в дрибушки, перебивая красивыми, ярких цветов синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш. Эх, не доведи господь возглашать мне больше на крылосе аллилуйя, если бы, вот тут же, не расцеловал ее, несмотря на то что седь пробирается по всему старому лесу, покрывающему мою макушку, и под боком моя старуха, как бельмо в глазу. Ну, если где парубок и девка живут близко один от другого... сами знаете, что выходит. Бывало, ни свет ни заря, подковы красных сапогов и приметны на том месте, где раздобавивала Пидорка с своим Петрусем. Но все бы Коржу и в ум не пришло что-нибудь недоброе, да раз — ну, это уже и видно, что никто другой, как лукавый дернул, — вздумалось Петрусю, не обсмотревшись хорошенько в сенях, влепить поцелуй, как говорят, от всей души, в розовые губки козачки, и тот же самый лукавый, — чтоб

ему, собачьему сыну, приснился крест святой! – настроил сдуру старого хрена отворить дверь хаты.

Одеревенел Корж, разинув рот и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцелуй, казалось, оглушил его совершенно. Ему почудился он громче, чем удар макогона об стену, которым обыкновенно в наше время мужик прогоняет кутью, за неимением фузеи и пороха.

Очнувшись, снял он со стены дедовскую нагайку и уже хотел было покропить ею спину бедного Петра, как откуда ни возьмись шестилетний брат Пидоркин, Ивась, прибежал и в испуге схватил ручонками его за ноги, закричав: “Тятя, тятя! не бей Петруся!” Что прикажешь делать? у отца сердце не каменное: повесивши нагайку на стену, вывел он его потихоньку из хаты: “Если ты мне когда-нибудь покажешься в хате или хоть только под окнами, то слушай, Петро: ей-богу, пропадут черные усы, да и оселедец твой, вот уже он два раза обматывается около уха, не будь я Терентий Корж, если не распроцаетя с твоею макушей!” Сказавши это, дал он ему легонькою рукою стусана в затылок, так что Петрусь, невзвидя земли, полетел стремглав. Вот тебе и доцеловались! Взяла кручина наших голубков; а тут и слух по селу, что к Коржу повадился ходить какой-то лях, обшитый золотом, с усами, с саблею, со шпорами, с карманами, бренчавшими, как звонок от мешочка, с которым пономарь наш, Тарас, отправляется каждый день по церкви. Ну, известно, зачем ходят к отцу, когда у него водится чернобровая дочка. Вот один раз Пидорка схватила, заливаясь слезами, на руки Ивася своего: “Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! беги к Петрусю, мое золотое дитя, как стрела из лука; расскажи ему все: любила б его кафеи очи, целовала бы его белое личико, да не велит судьба моя. Не один рушник вымочила горючими слезами. Тошно мне. Тяжело на сердце. И родной отец — враг мне: неволит идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовят, только не будет музыки на нашей свадьбе: будут дьяки петь вместо кобз и сополок. Не пойду я танцевать с женихом своим: понесут меня. Темная, темная моя будет хата: из кленового дерева, и вместо трубы крест будет стоять на крыше!”

Как будто окаменев, не сдвинувшись с места, слушал Петро, когда невинное дитя лепетало ему Пидоркины речи. “А я думал, несчастный, идти в Крым и Туречину, навоевать золота и с добром приехать к тебе, моя красавица. Да не быть тому. Недобрый глаз поглядел на нас. Будет же, моя дорогая рыбка, будет и у меня свадьба: только и дьяков не будет на той свадьбе; ворон черный прокрячет вместо попа надо мною; гладкое поле будет моя хата; сизая туча – моя крыша; орел выклюет мои карие очи; вымоют дожди козацкие косточки, и вихорь высушит их. Но что я? На кого? кому жаловаться? Так уже, видно, бог велел, – пропадать так пропадать!” – да прямехонько и побрел в шинок. Тетка покойного деда немного изумилась, увидевши Петруся в шинке, да еще в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене, и выпучила на него глаза, как будто спросонья, когда потребовал он кухоль сивухи мало не с полведра. Только напрасно думал бедняжка залить свое горе. Водка щипала его за язык, словно крапива, и казалась ему горше полыни. Кинул от себя кухоль на землю. “Полно горевать тебе, козак!” – загремело что-то басом над ним. Оглянулся: Басаврюк! у! какая образина! Волосы – щетина, очи – как у вола! “Знаю, чего недостает тебе: вот чего!” Тут брякнул он с бесовскою усмешкою кожа-ным, висевшим у него возле пояса, кошельком. Вздрогнул Петро. “Ге-ге-ге! Да как горит! – заревел он, пересыпая на руку червонцы. – Ге-ге-ге! Да как звенит! А ведь и дела только одного потребуую за целую гору таких цацек”. – “Дьявол! – закричал Петро. – Давай его! на все готов!” Хлопнули по рукам. “Смотри, Петро, ты поспел как раз в пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и цветет папоротник. Не прозевай! Я тебя буду ждать о полночи в Медвежьем овраге”.

Я думаю, курвы так не дожидаются той поры, когда баба вынесет им хлебных зерен, как дожидался Петрусь вечера. То и дело что смотрел, не становится ли тень от дерева длиннее, не румянится ли понизившееся солнышко, – и что далее, тем нетерпеливей. Экая долгота! видно, день божий потерял где-нибудь конец свой. Вот уже и солнца нет. Небо только краснеет на одной стороне. И оно уже тускнет. В поле становится

холодней. Примеркает, примеркает и – смерклось. Насилу! С сердцем, только что не хотевшим выскочить из груди, собрался он в дорогу и бережно спустился густым лесом в глубокий яр, называемый Медвежьим оврагом. Басаврюк уже поджидал там. Темно, хоть в глаза выстрели. Рука об руку пробивались они по топким болотам, цепляясь за густо разросшийся терновник и спотыкаясь почти на каждом шагу. Вот и ровное место. Огляделся Петро: никогда еще не случалось ему заходить сюда. Тут остановился и Басаврюк.

– Видишь ли ты, стоят перед тобою три пригорка? Много будет на них цветов разных; но сохрани тебя нездеишняя сила вырвать хоть один. Только же зацветет папоротник, хватай его и не оглядывайся, что бы тебе позади ни чудилось.

Петро хотел было спросить... глядь – и нет уже его. Подошел к трем пригоркам; где же цветы? Ничего не видать. Дикий бурьян чернел кругом и глушил все своею густотою. Но вот блеснула на небе зарница, и перед ним показалась целая гряда цветов, все чудных, все невиданных; тут же и простые листья папоротника. Поусомнился Петро и в раздумье стал перед ними, подпершись обеими руками в боки.

– Что тут за невидальщина? десять раз на день, случается, видишь это зелье; какое ж тут диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмеяться?

Глядь, краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая, движется. В самом деле, чудно! Двигается и становится все больше, больше и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя.

“Теперь пора!” – подумал Петро и протянул руку. Смотрит, тянутся из-за него сотни мохнатых рук также к цветку, а позади его что-то перебегает с места на место. Зажмурив глаза, дернул он за стебелек, и цветок остался в его руках. Все утихло. На пне показался сидящим Басаврюк, весь синий, как мертвец. Хоть бы пошевелился одним пальцем. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; рот вполонину разинут, и ни ответа. Вокруг не шелохнет. Ух, страши-

но!.. Но вот послышался свист, от которого захолонуло у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голоском тоненьким, будто серебряные колокольчики; деревья загремели сътучею бранью... Лицо Басаврюка вдруг ожило; очи сверкнули.” Насилу воротилась, яга! – проворчал он сквозь зубы. – Гляди, Петро, станет перед тобою сейчас красавица: делай все, что ни прикажет, не то пропал навеки!” Тут разделил он суковатую палкою куст терновника, и перед ними показалась избушка, как говорится, на курьих ножках. Басаврюк ударил кулаком, и стена зашаталась. Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им. “Не бесись, не бесись, старая черточка!” – проговорил Басаврюк, приправив таким словцом, что добрый человек и уши бы заткнул. Глядь, вместо кошки старуха, с лицом, сморщившимся, как печеное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком словно щипцы, которыми щелкают орехи. “Славная красавица!” – подумал Петро, и мурашки пошли по спине его. Ведьма вырвала у него цветок из рук, наклонилась и что-то долго шептала над ним, всфыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пена показалась на губах. “Бросай!” – сказала она, отдавая цветок ему. Петро подбросил, и, что за чудо? – цветок не упал прямо, но долго казался огненным шариком посреди мрака и, словно лодка, плывал по воздуху; наконец потихоньку начал спускаться ниже и упал так далеко, что едва приметна была звездочка, не больше макового зерна. “Здесь!” – глухо прохрипела старуха; а Басаврюк, подавая ему заступ, примолвил: “Копай здесь, Петро. Тут увидишь ты столько золота, сколько ни тебе, ни Коржу не снилось”. Петро, поплевав в руки, схватил заступ, надавил ногою и выворотил землю, в другой, в третий, еще раз... что-то твердое!.. Заступ звенит и нейдет далее. Тут глаза его ясно начали различать небольшой, окованный железом сундук. Уже хотел он было достать его рукою, но сундук стал уходить в землю, и все, чем далее, глубже, глубже; а позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипеньем. “Нет, не видать тебе золо-

та, покамест не достанешь крови человеческой!” – сказала ведьма и подвела к нему дитя лет шести, накрытое белой простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову. Остолбенел Петро. Малость, отрезать ни за что ни про что человеку голову, да еще и безвинному ребенку! В сердцах сдернул он простыню, накрывавшую его голову, и что же? Перед ним стоял Ивась. И ручонки сложило бедное дитя накрест, и голове повесило... Как бешеный подскочил с ножом к ведьме Петро и уже занес было руку...

– А что ты обещаешь за девушку?.. – грянул Басаврюк и слово пулю посадил ему в спину. Ведьма топнула ногою: синее пламя выхватилось из земли; середина ее вся осветилась и стала как будто из хрусталя вылита; и все, что ни было под землю, сделалось видимо как на ладони. Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, грудями были навалены под тем самым местом, где они стояли. Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи... Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. Ведьма, сцепившись руками в обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь... Все пошло кругом в голове его! Сбравши все силы, бросился бежать он. Все покрылось перед ним красным цветом. Деревья, все в крови, казалось, горели и стонали. Небо, распалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились в его глазах. Выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку и, как сноп, повалился на землю. Мертвый сон охватил его.

Два дни и две ночи спал Петро без просыпу. Очнувшись на третий день, долго осматривал он углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была как карман старого скряги, из которого полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышал он, что в ногахбрякнуло. Смотрит: два мешка с золотом. Тут только, будто сквозь сон, вспомнил он, что искал какого-то клада, что было ему одному страшно в лесу... Но за какую цену, как достался он, этого никаким образом не мог понять.

Увидел Корж мешки и разнежился: “Сякой, такой Петрусь, намазанный! да я ли не любил его? да не был ли у меня он как сын родной?” – и понес хрыч небывальщину, так что того до слез разобрало. Пидорка стала рассказывать ему, как проходившие мимо цыгане украли Ивася. Но Петро не мог даже вспомнить лица его: так обморочила проклятая бесовщина! Мешкать было незачем. Поляку дали под нос дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишек, нашили рушников и хусток, выкатили бочку горелки; посадили за стол молодых; разрежали коровай; брякнули в бандуры, цимбалы, сопилки, кобзы – и пошла потеха...

В старину свадьба водилась не в сравнение с нашей. Тетка моего деда, бывало, расскажет – люли только! Как дивчата, в нарядном головном уборе из желтых, синих и розовых стричек, на верх которых навязывался золотой галун, в тонких рубашках, вышитых по всему шву красным шелком и униженных мелкими серебряными цветочками, в сафьянных сапогах на высоких железных подковах, плавно, словно павы, и с шумом, что вихорь, скакали в горнице. Как молодницы, с корабlichem на голове, которого верх сделан был весь из сутозолотой парчи, с небольшим вырезом на затылке, откуда выглядывал золотой очипок, с двумя выдавшимися, один наперед, другой назад, рожками самого мелкого черного смушка; в синих, из лучшего полутабенеку, с красными клапанами кунтушах, важно подбоченившись, выступали поодиночке и мерно выбивали гопака. Как парубки, в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, затянутых шитыми серебром поясами, с люльками в зубах, рассыпались перед ними мелким бесом и подпускали турусы. Сам Корж не утерпел, глядя на молодых, чтобы не тряхнуть стариную. С бандурою в руках, потягивая люльку и вместе припевая, с чаркою на голове, пустился старичина, при громком крике гуляк, вприсядку. Чего не выдумают навеселе! Начнут, бывало, наряжаться в хари – боже ты мой, на человека не похожи! Уж не чета нынешним переодеваньям, что бывают на свадьбах наших. Что теперь? – только что корчат цыганок да москалей. Нет, вот, бывало, один оденется жидом, а другой чертом, начнут сперва целоваться, а после ухватятся за

чубы... Бог с вами! смех нападет такой, что за живот хвататься. Пооденутся в турецкие и татарские платья: все горит на них, как жар... А как начнут дуреть да строить штуки... ну, тогда хоть святых выноси. С теткой покойного деда, которая сама была на этой свадьбе, случилась забавная история: была она одета тогда в татарское широкое платье и с чаркою в руках угощала собрание. Вот одного дернул лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промах, высек в ту же минуту огня, да и поджег... пламя вспыхнуло, бедная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать с себя, при всех, платье... Шум, хохот, ералаш поднялся, как на ярмарке. Словом, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно пан с панею. Всего вдволей, все блестит... Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на житье их. “От черта не будет добра, – поговаривали все в один голос. – Откуда, как не от искуителя люда православного, пришло к нему богатство? Где ему было взять такую кучу золота? Отчего вдруг, в самый тот день, когда разбогател он, Басаврюк пропал, как в воду?” Говорите же, что люди выдумывают! Ведь в самом деле, не прошло месяца, Петрусь никто узнать не мог. Отчего, что с ним сделалось, бог знает. Сидит на одном месте, и хоть бы слово с кем. Все думает и как будто бы хочет что-то припомнить. Когда Пидорке удастся заставить его о чем-нибудь заговорить, как будто и забудется, и поведет речь, и развеселится даже; но ненароком посмотрит на мешки – “постой, постой, позабыл!” – кричит, и снова задумается, и снова силится про что-то вспомнить. Иной раз, когда долго сидит на одном месте, чудится ему, что вот-вот все съизнова приходит на ум... и опять все ушло. Кажется: сидит в шинке; несут ему водку; жжет его водка; противна ему водка. Кто-то подходит, бьет по плечу его... но далее все как будто туманом покрывается перед ним. Пот валит градом по лицу его, и он в изнеможении садится на свое место.

Чего ни делала Пидорка: и совещалась с знахарями, и переполох выливали, и соняшницу заваривали – ничто не помогало. Так прошло и лето. Много козаков обкосилось и обжалось;

много козаков, поразгульнее других, и в поход потянулось. Стаи уток еще толпились на болотах наших, но крапивянок уже и в помине не было. В степях закраснело. Скирды хлеба то сям, то там, словно козацкие шапки, пестрели по полю. Попадались по дороге и возы, наваленные хворостом и дровами. Земля сделалась крепче и местами стала прохватываться морозом. Уже и снег начал сеяться с неба, и ветви деревьев убралась инеем, будто заячьим мехом. Вот уже в ясный морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польский шляхтич, прогуливался по снеговым кучам, вытаскивая зерно, и дети огромными киями гоняли по льду деревянные кубари, между тем как отцы их спокойно вылеживались на печке, выходя по временам, с зажженной люлькою в зубах, ругнуть добрым порядком православный морозец или проветриться и промолотить в сенях залежалый хлеб. Наконец снега стали таять, и щука хвостом лед расколотила, а Петро все тот же, и чем далее, тем еще суровее. Как будто прикованный, сидит посередине хаты, поставив себе в ноги мешки с золотом. Одичал, оброс волосами, стал страшен; и все думает об одном, все силится припомнить что-то; и сердится и злится, что не может вспомнить. Часто дико подымается с своего места, поводит руками, вперяет во что-то глаза свои, как будто хочет уловить его; губы шевелятся, будто хотят произнести какое-то давно забытое слово, — и неподвижно останавливаются... Бешенство овладевает им; как полоумный, грызет и кусает себе руки и в досаде рвет клоками волоса, покамест, утихнув, не упадет, будто в забытии, и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука... Что это за напасть божия? Жизнь не в жизнь стала Пидорке. Страшно ей было оставаться сперва одной в хате, да после свыклась бедняжка с своим горем. Но прежней Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца, ни усмешки: изныла, исчахла, выплакались ясные очи. Раз кто-то уже, видно, сжалился над ней, посоветовал идти к колдунье, жившей в Медвежьем овраге, про которую ходила слава, что умеет лечить все на свете болезни. Решилась попробовать последнее средство; слово за слово, уговорила

старуху идти с собою. Это было ввечеру, как раз накануне Купала. Петро в беспмятстве лежал на лавке и не примечал вовсе новой гостви. Как вот мало-помалу стал приподниматься и всматриваться. Вдруг весь задрожал, как на плахе; волосы поднялись горою... и он засмеялся таким хохотом, что страх врезался в сердце Пидорки. “Вспомнил, вспомнил!” – закричал он в страшном веселье и, размахнувши топор, пустил им со всей силы в старуху. Топор на два вершка вбежал в дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лет семи, в белой рубашке, с накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетела. “Ивась!” – закричала Пидорка и бросилась к нему; но привидение все с ног до головы покрылось кровью и осветило всю хату красным светом... В испуге выбежала она в сени; но, опомнившись немного, хотела было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею так крепко, что не под силу было отпереть. Сбежались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна. Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев. Выпуча глаза и разинув рты, не смея пошевелинуть усом, стояли козаки, будто вкопанные в землю. Такой страх навело на них это диво. Что было далее, не вспомню. Пидорка дала обет идти на богомолье; собрала оставшееся после отца имущество, и через несколько дней ее точно уже не было на селе. Куда ушла она, никто не мог сказать. Услужливые старухи отправили ее было уже туда, куда и Петро потащился; но приехавший из Киева козак рассказал, что видел в лавре монахиню, всю высохшую, как скелет, и беспрестанно молящуюся, в которой земляки по всем приметам узнали Пидорку; что будто еще никто не слышал от нее ни одного слова; что пришла она пешком и принесла оклад к иконе божьей матери, исцвеченный такими яркими камнями, что все зажмуривались, на него глядя.

Позвольте, этим еще не все кончилось. В тот самый день, когда лукавый припрятал к себе Петруся, показался снова Басаврюк; только все бегом от него. Узнали, что это за птица:

никто другой, как сатана, принявший человеческий образ для того, чтобы отрывать клады; а как клады не даются нечистым рукам, так вот он и приманивает к себе молодцов. Того же году все побросали землянки свои и перебрались в село; но и там, однако ж, не было покою от проклятого Басаврюка. Тетка покойного деда говорила, что именно злился он более всего на нее за то, что оставила прежний шинок по Опошнянской дороге, и всеми силами старался выместить все на ней. Раз старшины села собрались в шинок и, как говорится, беседовали по чинам за столом, посередине которого поставлен был, грех сказать чтобы малый, жареный бафан. Калякали о сем и о том, было и про диковинки разные, и про чуда. Вот и померещилось, – еще бы ничего, если бы одному, а то именно всем, – что бафан поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих. Все тотчас узнали на бафаньей голове рожу Басаврюка; тетка деда моего даже думала уже, что вот-вот попросит водки... Честные старшины за шапки да скорей восвояси. В другой раз сам церковный староста, любивший по временам раздобаривать глаз на глаз с дедовскою чаркою, не успел еще раза два достать дна, как видит, что чарка кланяется ему в пояс. Черт с тобою! давай креститься!.. А тут с половиною его тоже диво: только что начала она замешивать тесто в огромной диже, вдруг дижа выпрыгнула. “Стой, стой!” – куды! подбоченившись важно, пустилась впрысядку по всей хате... Смейтесь; однако ж не до смеха было нашим дедом. И даром, что отец Афанасий ходил по всему селу со святою водою и гонял черта кропилом по всем улицам, а все еще тетка покойного деда долго жаловалась, что кто-то, как только вечер, стучит в крышу и царапается по стене.

Да чего! Вот теперя на этом самом месте, где стоит село наше, кажись, все спокойно; а ведь еще не так давно, еще покойный отец мой и я запомню, как мимо развалившегося шинка, который нечистое племя долго после того поправляло на свой счет, доброму человеку пройти нельзя было. Из закоптевшей трубы столбом валил дым и, поднявшись высоко, так,

что посмотреть – шапка валилась, рассыпался горячими угольями по всей степи, и черт, – нечего бы и вспоминать его, собачьего сына, – так всхлипывал жалобно в своей конуре, что испуганные гайвороны стаями подымались из ближнего дубового леса и с диким криком метались по небу...”

Будь я дома в Стамбуле – разве произвел бы на меня такое впечатление этот рассказ, написанный в 1831 году? Совсем не уверена. Но в ту ночь образ ребенка со сложенными на груди в молитве маленькими ручонками, с головою, завернутой в белый саван, и прозрачно-бледным, будто хрустальный шар, лицом, горящая, словно лучина, искрящаяся искрами свеча слились для меня с возвышающимся несколько часов тому во главе стола батюшкою Андреем Дмитриевичем, одетым во все черное, – и чувства мои пришли в совершенное расстройство. Рассказ открывал первое издание сборника Гоголя под названием “*Вечера на хуторе близ Диканьки*”. Пушкин писал одному своему другу: “Я только окончил читать книгу – и был поражен! Вот это юмор! Самый искренний, оригинальный, лишенный наименьшей вычурности, чрезмерности юмор! И более того – какова поэзия, как исполнена чувств манера рассказа! Все это черты столь невиданные дотоле в нашей литературе, что я до сих пор не могу прийти в себя...”

Галина сказал мне тогда:

– Хвалебный тон Пушкина может показаться вам несколько преувеличенным, но это были годы, в которые в русской литературе, кроме стихов самого Пушкина, не было видно ни одного произведения оригинального, свежего. По сравнению с дурными подражаниями английским и французским романам восемнадцатого века, которые проглатывали высокородные читатели, Гоголь был пророком, – воистину пищей духовной! Пушкин не дожил до Гоголевской “Шинели”, его “Мертвых душ”. Если бы мог он их прочесть, то увидел бы в писателе нечто большее, нежели лишенного наименьшей вычурности писателя-юмориста. Вместе с тем, существует история, по которой якобы Гоголь перед смертью прочел ему первую главу “Мертвых душ”. И Пушкин якобы вос-

кликнул: “Мой Боже, до чего ж несчастна Россия!” И такова она и поныне.

Тем утром месяц скрылся немного позднее пяти, но солнце и не думало вставать. Я не отважилась начать новый рассказ. Убийство Листьева отогнало пришедшую было ко мне мысль одеться и спуститься в холл гостиницы. Я не знала, что мне делать с собою. Когда стрелки часов подошли к шести, я все еще ходила взад-вперед между окном и постелью.

– Так этому не бывать!

Из чемодана я достала тетрадь с Микки-Маусом, купленную в лавке Тюркай, которую называла *склефозником*, и, начиная с Терезы, принялась записывать имена и характерные особенности тех, с кем познакомилась в тот день. Утром в самолете Тереза сказала мне, что литература на Руси является для писателя тяжким грузом, бремени которого он может не выдержать. По мере того как я записывала все, о чем говорили в тот вечер, я подумала, что эта же идея может быть истолкована и таким образом: “Угощения на Руси являются для собравшихся способом достичь добродетели, а не развлечься”. Эта фраза была справедлива как минимум для городских интеллектуалов. Они не умеют говорить ни о чем, беседа есть тяжкое бремя.

Другое замеченное мною впечатление – их глубокая связь с религиозной верой. Не говоря уже о том, что я не могла себе и представить, чтобы собравшаяся интеллигенция, в Стамбуле, в обстановке, соответствующей по статусу гостинице “Россия”, могла бы обсуждать тонкости какой-нибудь из Исламских конференций, я так же думала, что семидесятилетнее правление большевистского режима давно разобралось с этим вопросом.

И снова Айдемир! Единственная привезенная мною из Турции книга, которую я бросила в сумку просто так в последнюю минуту, “*Suyu Arayan Adam*¹⁴³”.

...бросила в сумку просто так, – просто так ли?! Оказалось, не так! И еще как не так!

¹⁴³ Ищущий воду человек. – *Примеч. пер.*

—•••••—

Уже первая страница книги, к которой в ту ночь в том гостиничном номере я с замираньем души протянула руку, было просочившееся сквозь десятки лет воодушевление покойного автора. От Рама Кришны...

“Жил себе человек. Он искал воду. Раскопал землю на три пяди, потом на пять. Но воды не нашел. Раскопал на десять пядей, на пятнадцать. И снова воды не нашел. Но затем в глубинах земли встретился ему слой черного срама”. Он впал в отчаяние, силы его истощились, и утратил он надежду найти Воду. Но сказал ему некий голос: “Копай еще, еще глубже!” Он спустился еще глубже и нашел воду”.

Опуститься даже ниже *уровня стыда*... Меня точно подбросило. Будто не я читала десятки раз эту книгу, создавая по ней телевизионный сценарий сериала в тринадцать серий, которому никогда не суждено было осуществиться!

Да, эти фосфоресцирующие знаки и слова по обе стороны дорог междугороднего сообщения. Стоят себе и ждут, пока коснутся их огни фар вашего автомобиля. В момент касания вы воскликнете: *Ах! Взгляните только, что здесь написано!* Ахнете и, не проехав и йоты пути, позабудете, что читали.

Ищущий Воду Человек говорил: “Все, что я видел в тот вечер, не замедлило явиться ко мне в сны.

Посредине снова сияло пламя. Позади этого пламени взволновались голодные на Волге, показались нефтяные месторождения на Каспии. А посреди всего этого был виден восставший в Сирии Абдулькерим, на белом коне размахивавший во все стороны своим мечом. И затем, склонившиеся перед английским тронном рабочие лидеры, забастовки, кули в Китае, парии в Индии, и т. д. ...

— Природа дает право на жизнь не всякому семени, упавшему на ее грудь, — говорил учитель. — Чтоб семя принялось и зазеленело, оно должно быть избранным среди тысяч и тысяч семян. Однако на этом дело не останавливается. Семя рождается к жизни и тут же вступает в борьбу за выживание в лесу. Да, ведь в лесу также существует межклассовая борьба. Сначала класс растений, плетущихся по земле, затем слой подлеска, то

есть растений, которые, хоть и не плетутся по земле, но и не могут вырваться на открытый воздух, к солнечному свету. Затем идут более высокие растения, то есть собственно лесные деревья, сражающиеся за место под солнцем, широко распространяясь корнями и разрастаясь ветвями и пробивая себе путь среди других растений.

Но и это еще не все. Существуют также растительные виды грибов, мхи и паразиты, которые впиваются в стволы других растений и живут за счет их жизненных соков. Одним словом, корни, стволы и ветви в лесу всегда находятся в состоянии вражды. Они постоянно бьются друг с другом за обладание солнечным светом, землей и водой.

Вот, например, не смотрите, что у этой приземистой, низкорослой сосны высота отнюдь не корабельная. Ей не менее сорока лет. Однако она так и осталась хилой и недоразвитой под гнетом своих буйных сородичей, закрывших ей доступ к солнцу, не дававших корням ее разрастаться в земле. Точно так же, как маленький земледелец в России, задыхающийся между крупными земельными магнатами и захватившими в свои руки рынок ростовщиками.

Учитель не был похож на революционера. Судя по всему, он был когда-то университетским профессором из бывших. Внешний вид его был не нов, одежда поношена, однако в лице его и костюме сохранились еще особенности, отличающие старого русского интеллигента. Не могу сказать, что было для него в нарисованной им лесной сцене на первом плане – свободное развитие жизни или наблюдение над классовой борьбой, но ясно, что он исполнял долг, возложенный на него новой эпохой. И действительно, урок ботаники закончился критикой политики партии социал-революционеров в старой России. Эта партия была наиболее сильной из упраздненных революцией.

– ...Однако что меня наиболее потрясло в лагере “Удельная”, так это лесная ширь, более впечатляющая, чем классовая борьба в лесном мире. До самого горизонта, куда хватало взгляда, простиралась яркая зелень. Собственно, Русь до некоторой степени и означает лес. Лес – исконная колыбель Руси. Прежде чем

рассеяться по степи, русские жили в лесах. В подсознании каждого русича лежит мистический страх и ощущение святости леса. Как тюрки есть порождение яйлы, как тюркская история является историей подъемов и спусков, подъемов и впадин от яйлы к яйле по оси от Желтого до Белого морей¹⁴⁴, так и история русского племени слагается из преданий о выходе из лесу и уходе в лес. Мы, тюрки, леса хорошо не знаем, а поэтому и не особо любим. Неизвестно, происходит ли это оттого, что не могли мы разогнаться вдоль и вширь на наших конях в лесистой местности, или оттого, что не могли мы вдоволь выпасать там свои стада. Русские же так же не понимают яйлы и степи. В их преданиях нет степных богов, сказок яйлы.

– Трое друзей, мы каждый день углублялись в лес в неизвестном нам направлении. И встречающиеся на нашем пути зеленые поляны, голубые озера и маленькие речушки казались нам будто впервые открытыми. Приближение вечера мы замечали по тому, как начинало смеркаться в лесу. В это время мы начинали бегать туда-сюда, охваченные, как страхом заблудиться, так и радостью. Нам внушало волнение ощущение потерянности в глубоком, безлюдном и бескрайнем лесном сумраке, в котором ветрам удавалось расшевелить лишь верхушки самых высоких деревьев.

Лес, что начинается от самого Балтийского моря, от Белого моря, и простирается на тысячи километров, одолевая материки за материками. Он покрывает, точно мехом, плечи земли. Слиться с бесконечностью, затеряться в этом своеволии, достичь состояния внеземного, превратившись в безвестную частицу леса... какой прекрасной казалась нам эта мечта. Была у ней и безусловная свобода, и дикий и влекущий вкус...

Вала Нуреттин, Назым Хикмет и Шевкет Сюрейя, студенты кафедры экономических и социальных этюдов университета КУТВ – Коммунистического университета трудящихся Востока. Лето 1922-го. Когда они приехали в Москву, занятия еще не начались, и совершеннолетних учеников до начала занятий принимали в созданных “от Дальнего Востока до границ Польши”

¹⁴⁴ “Белое” море – по-турецки Средиземное море. – *Примеч. пер.*

лагерях отдыха. Один из этих лагерей, о котором Айдемир говорил “на опушке леса или в селе”, был лагерь “Удельная”, находящийся в окрестностях Санкт-Петербурга. И трое друзей по вечерам разжигали из собранных в лесу сухих древесных бревен костер и углублялись в “довольно обстоятельную, серьезную дискуссию”.

Эти дискуссии вовсе не проходили гладко. Иногда крики заглушали треск костра и разносились по лесу. Проблемы истории, общества, экономика, философские построения – мы неумолимо нападали друг на друга в возраставшем с каждым мгновением порыве так, будто будущее всего человечества решали собравшиеся той ночью там у того костра три человека.

Дошло до того, что мы втроем даже создали подпольную организацию, членами которой были только мы сами, “Организацию 6 августа”. Иногда мы придавали нашим собраниям характер заседаний этой организации. Тогда на этих собраниях троих мы принимали чрезвычайно важные решения по русскому, среднеазиатскому, балканскому и пр. вопросам! Самым непримиримым в спорах был поэт¹⁴⁵. Если посмотреть на его социальное происхождение, то ему, казалось, делать здесь было нечего. В жилах его рода текла кровь всех стран бывшей Империи: от Польши и Венгрии до Стамбула и Анатолии. Его прадедами и родственниками были губернаторы, командующие, паши и даже один *сердар-и эфрем* (главнокомандующий). В линиях своего лица он нес черты всех своих предков. Он попал на революционный фронт не по пути классовой борьбы и не из мыслительного фронта. Он никогда не предавался жестким системам теорий. В голове его не было места проблемам смены структуры общества, вопросам труда, спасения и построения, одним словом, вещам, призывающим людей этого фронта не к сердечному воодушевлению, а к трудовой дисциплине. Приход его на этот фронт был результатом частично случая, а частично ощущений... когда поэта охватывал гнев, он сразу же набрасывался на меня. И лес стоном стонал от его разъяренного голоса.

¹⁴⁵ То есть Назым Хикмет. – *Примеч. лит. ред.*

– Ты селюк, – кричал он. – Да, селюк! То есть, отбросы общества! Раб собственности! А чем еще является класс крестьян?! Атавизм средневековья! Прилепленное к земле, окаменевшее, статическое существо! Тормоз всех революций! Пути на ногах... границы вашего, крестьянского, понимания ограничены межей собственных огородов! Головы у вас набиты глупыми предрассудками. Вся жизнь ваша в руках кулака, помещика либо спекулянта. Класс крестьян плетется в хвосте революции. Да-да, хвост, который предстоит отрубить и отбросить!.. Ваш класс обречен на чистку, товарищ! На чистку и выметание метлой!

– Не знаю, что там с классом крестьян, но в моем случае сказанное, судя по всему, правда, – так закончил рассказ о поэте Айдемир.

Я приняла решение не брать экскурсовода по городу и собиралась посмотреть Москву с моими соотечественниками. Мне предстояло начать с площади Пушкина, по словам Шевкета Сюрейя, переданной во введение КУТВ, и увидеть исторический отель “Люкс” на Тверском бульваре, куда, между прочим, поселили во время их первого приезда рабочих Востока и который “был скорее не отелем, а штабом, в столовой которого можно было встретить практически всех вождей революции”.

Солнце встало через несколько минут после того, как пробило восемь, а приблизительно через пятнадцать минут я была у лифта. Песня, грянувшая из невидного мне громкоговорителя, как только я раскрыла двери лифта...

*Эйй Ухнем Эйй Ухнем! Еще раз и, еще да раз! Bir kez daba, bir kez daba, Эй Ухнем! Широка и глубока Волга! Uzun geniş Volga, Эйй Ухнем! Мать родная, Волга русская река! Anamız, canımız, Rus nebri Volga! Ай да да, ай да, ай да да, ай да, Yaşıyın balatlara, akıntı ters!*¹⁴⁶ *Эйй, ухнем! Эйй, ухнем! Ah edelim, of diyelim!*¹⁴⁷ *Еще раз и, еще да раз! Bir kez daba, bir kez*

¹⁴⁶ Примерно: Хватайтесь за канаты, течение противоположное! И далее – фразы и аллюзии из нескольких популярных у иностранцев русских песен. – *Примеч. пер.*

¹⁴⁷ Сделаем Ах, и скажем оф! – Оф! – распространенное восклицание в турецком языке, обозначающее досаду, притесненность, отягчение, скуку, пресыщение, муку

daba! Эх, ты, Волга, мать река, широка и глубока! Ah, seni gidi uzun geniş Volga¹⁴⁸, ай, да да, ай да, ай, да да, ай, да, Мать родная, Волга русская река!..

Эту народную песню пели волжские корабельщики. Волга-река, делающая Россию Азиатской. “Так же, как Днепр делает Византийской, а Нева – Европейской”, – сказал как-то Алексей. В те времена корабли везли с севера на юг пшеницу. Поскольку хозяева земли не хотели морочиться с доставкой по суше отправляемой в чужестранные земли дешевой, обильной пшеницы, то крепостные рабы-крестьяне привязывали канаты к нагруженным пшеницей кораблям в реке, и, дергая за канаты, тащили их вдоль Волги.

В 1920-е годы в грудях Волги-матери иссякло молоко. И полноводна она была, словно море. И земли ее были те же плодородные черноземы. И люди ее оставались теми же наибольшими страдальцами на земле, но небо не пролило ни капли дождя.

Тридцать миллионов волжан остались голодными. Царский режим не сделал ничего, чтоб провести речные воды на поля. Потрескавшаяся от засухи земля была обширна настолько, что могла пожрать бегущих от нее ссохшихся от голода людей. Умиравшие от голода стали появляться даже на улицах Тифлиса. *Эй, ухнем! Эй, ухнем!* При виде этого любой лучше понимал смысл нанизанных строк песни Волга! Волга!: Сделаем Ах, и скажем оф!

Эй, ухнем! Эй, ухнем!

На регистрации отеля мне в руки всучили оставленную для меня с вечера Шеннур ханым записку. Она писала, что ее планы изменились, и если я свободна, то она хотела бы нанести мне визит. Я написала ответ, сообщающий, что буду на площади Пушкина, подле статуи поэта, попросила передать записку ей и вышла.

Площадь Пушкина находится в месте пересечения второго из бульваров, окружающих крепость Кремль в виде колец по направлению изнутри вовне, Бульварного Кольца, с Тверской

или горесть. – *Примеч. пер.*

¹⁴⁸ Ах, твою мать, длинна и широка Волга. – *Примеч. пер.*

улицей. На полтора километра отстоит от Красной площади. Главная улица города – Тверская. Она берет свое начало от Кремля, тянется, пересекая весь город из конца в конец на север, далее продолжаясь через Тверь до удаленного на расстояние семьсот километров Санкт-Петербурга. Лагерь “Удельная”, о котором говорил Айдемир, – на въезде в Санкт-Петербург. Сегодня на месте, где был лагерь, находится станция метро “Удельная”.

Пространство, на котором стоит статуя Пушкина, приходится по левую сторону Тверского бульвара. По правую сторону – упомянутый Терезой МакДональдс. Ближе к концу проспекта – прекрасная настолько, что захватывает дух, белокаменная церковь с куполами, как языки пламени, покрашенными в самый прекрасный оттенок густого синего цвета; монастырь, о котором говорил Айдемир, – Страстной монастырь. Здесь в 1831 году венчался Пушкин. Тверская, когда-то район русского дворянства, несет также следы как России царской, так и советской. Айтунч говорил, что архитектура является основным средством донести какую-либо идею до народных масс.

Если посмотреть на нее с этой точки зрения, то общая черта хоть царской, хоть советской эпохи – надменность. Надменность, говорящая, что в этих глядящих на человека свысока зданиях можно жить лишь только с позволения. Надменность, которую не смогли прикрыть даже рекламные вывески Нестле, Кока-колы и Самсунг, выписанные кириллическим алфавитом. Я помню, что подумала, что если бы эти здания не были столь ободраны, то никто бы не осмелился размещать на них эти вывески. В большевистскую революцию часть из национализируемых сооружений была разрушена, а на их месте построены монументальные здания. А неснесенные здания раздвинули с помощью размещаемых в фундамент зданий огромных шайб. И в 1920-х годах довольно узкая улица Тверская обрела свою сегодняшнюю ширину.

В конце 1700-х годов Москва была городом, в котором жизнь строилась вокруг деревянных церквей, окруженных узкими улочками. Наибольшая столица Европы, центр внутренней тор-

говли России, космополит с населением, приближающимся к тремстам тысячам в 1780 году. Французы, немцы, греки, итальянцы, англичане и, судя по всему, азиаты из Средней Азии; у каждой народности – свой храм, все говорят на своем языке. Несмотря на это, при сравнении с Санкт-Петербургом город считают оплотом русского национализма и *полуазиатским*. Когда царица Екатерина Великая взошла на трон, в Москве было около пятисот церквей и более ста деревянных дворцов. Пожар являлся самым большим устрашением старой Москвы. Царица, желающая, как и ее предшественницы Анна и Елизавета, “привнести в русскую архитектуру свет, а в русскую мысль – интеллигентность”, подвизается над тем, чтоб “темный, деревянный город Москоф заставить золотом сиять”. Она разрушает деревянные церкви, сооружая на их месте неоклассические каменные дворцы с дорическими колоннами. Таким образом ей удается в великой мере устранить опасность пожаров, однако и лишить город чувства домашности, вывернуть наизнанку философское и физическое содержание русской культуры.

– Похожие на языки пламени купола с указующими в небо острыми концами, возвышающиеся в поднебесье со змееподобными изгибами башенки заставляли глаза обращаться к Богу. Как их не стало – головы склонились, место вертикальных поисков заняли горизонтальные наблюдения, – так собиралась начать свой рассказ профессор истории деревянной русской архитектуры Елена Старовойтовна Заплаткина.

– Русские дворяне, будучи обречены на подобную протезу оторванную от сути жизнь в искусственных городах, подверглись сжимающей сердце внутренней тоске по бескрайности и целостности безлюдья.

Определение “внутренняя тоска” показалось мне странным.

– Глубокая депрессия, – объяснила она. – Смертельный упадок. Первый Ленин уничтожил Москву.

– Первый Ленин?!

– Царица Екатерина Вторая. Екатерина Великая известна как *Первый Ленин*. А Петр Великий – как *Первый Большевик*. Вы разве не знали?

– *I had no idea!*

И в связи с этим, еще одно поражающее открытие – что первая *perestrojka* осуществилась за двести лет до Горбачева, в восемнадцатом веке.

В феврале Москва – город совсем не легкий. Обмораживающий холод и снег делают много мест недоступными. Я полагаю, что Советы заботились о своих инвалидах, но сейчас это не так. Я видела, как пока какой-то безногий посреди спешащих броситься куда-нибудь в тепло людей старался управлять своим утонувшим в ледяной воде деревянным ящиком на колесах, на который он был усажен, он пытался спасти свое лицо от пролетающих над ним полных картошки и брюквы авосек. Потом – пожилую попрошайку у дверей одного из этих огромных зданий. На ней было надето оборванное в клочья коричневое пальто, она протягивала руки к ногам проходящих, почти их касаясь, и чтобы было отчетливо видно, что она просит, положила на ладонь пятикопеечную монету. Не в тот день, но со временем я начала все более чувствовать масштабы нищеты в стране.

Айтунч, побывавший в Москве в конце восьмидесятых, рассказывал тогда: “Нет особо шикарных районов, но также нет и трущоб. Одеваются не хоть куда, но и оборванцев не встретишь. Я не видел ни груд мусора, ни копающихся в мусорниках и попрошайничающих людей”. Мне же, не прошло еще и десяти минут с момента моего выхода из гостиницы “Москва”, довелось увидеть нищету. Новогодние украшения, надувные Деды Морозы, гирлянды из позолоченной бумаги, пластмассовые елки еще не были убраны. На фоне выстроенных по обе стороны Тверского бульвара бутиков, арт-кафе, ресторанов, пятизвездочных отелей от Шератон до Мерриот, шикарно одетых в джинсы от Гуччи русских манекенщиц – продающие домовязанные мочалки старенькие бабушки...

Эй, ухнем! Эй, ухнем! Какая по счету эта *европеизация*, ты, вычурный мой сосед!

Никто не вспомнил либо не захотел вспомнить гостиницу “Люкс”, которая принимала летом 1921 года таких людей, как “Радек, Рыков, Бухарин, Каменев, Зиновьев, имена которых

были известны во всех концах мира”, и которых Айдемир видел в столовой евшими с тихой безучастностью поставленную перед ними просяную кашу. Я почувствовала себя взбалмошным иностранцем, разыскивающим дворец Ататюрка в Харбие или, к примеру, могилу Кязыма Карабекира¹⁴⁹, и устыдилась.

Пловдивчанка Шеннур ханым объяснила это так: “Людям осточертела история. Русские живут слишком слитно с историей, Гюльоя ханым. Вы не должны осуждать наплевательскую психологию людей, борющихся с этой с каждым днем растущей сумасшедшей инфляцией, этой новой экономической системой, в которой богатый становится еще богаче, а бедный – еще беднее. Большинство осознает, что их сегодняшние несчастья каким-то образом связаны с Партией, но у них нет ни силы разобраться в прошлом, ни ощущения пользы от этого”.

Она указала на Русские силы спецназначения в голубых беретах, называемые ОМОН.

– Хорошо бы нам убраться с их пути подальше!

Одетые в серо-голубую пятнистую форму коммандос – *городской камуфляж*, вооруженные автоматами военные проверяли паспорта у всех, на кого падал их взгляд.

Нельзя сказать, чтобы подобная сцена была мне вновь, паспорт был при мне, и я не забеспокоилась, но опыта у Шеннур ханым было больше.

– Вы голодны? Я проголодалась, давайте зайдём вот сюда.

Местом, на которое она указывала, был МакДональдс, перед дверями которого в столь ранний час и страшный мороз тянулась, пожалуй, километровая очередь. Помню, что всеми нервами почувствовала раздражение от огромной окрашенной в сверкающий желтый цвет буквы “М”, будто воткнутой здесь, дабы исполнить свою цивилизаторскую миссию.

– Я туда не пойду!

Шеннур ханым рассмеялась.

¹⁴⁹ Муса Казым Карабекир (1882-1948) – потомственный турецкий политик и генерал, командовавший восточной группой войск Османской империи к концу Первой мировой войны. Командовал армией во время армяно-турецкого конфликта, позднее спикер Национального парламента Турции. – *Примеч. пер.*

– На улице Горького есть одно кафе, идите туда.

Это было заведение на улице Горького¹⁵⁰, сразу рядом с газетой *Moscow Times*, в которой работал Андрей Золотов, деревянный барак, своими беспорядочными собранными отовсюду длинными столами напоминающий трапезную. Я заказала себе единственное известное мне на те дни блюдо – борщ, и официантка с покрытыми серым металлом зубами – наверное, стальными – спросила, нужна ли мне будет ложка. Принесенная-таки в ответ на вмешательство Шеннур ханым тонкая, как жезл, ложка была настолько грязной, что не очищалась и бумажными салфетками.

– Я говорила вам идти в МакДональдс!

Я показала на военных на площади, количество которых сейчас еще более увеличилось.

– Это всегда так?

– Наверняка что-то случилось!

Она повернулась к официантке и спросила что-то.

– Вчера вечером убили известного телевизионщика. Его очень любили.

– Листьев.

Она взглянула пораженная.

– Ничего себе! Как скоро узнали!

Я рассказала, что была на дне рождения у Алексея. В то время официантка пришла снова и начала говорить с Шеннур ханым.

Звали ее Мария, вот уже восемь лет как она была бездомной и спала на железнодорожных вокзалах, в аэропортах, а летом – в отдаленных парках. Иногда на вокзалах, где она ночевала, появлялась работа убирать в поездах, и тогда она могла подзаработать в день по пять рублей, но в последнее время, из-за того, что вся вода замерзла, работы не было. Шеннур ханым перевела, что женщина сказала – все ее пожитки состоят из надетой на ней одежды.

Бездомный, *evsiz*, было вторым словом после слова “джинсы” – *blucin*, – которое я выучила за мои первые двадцать четыре часа в России. Увидев, что беседа затягивается, подошел еще

¹⁵⁰ Здесь автор, видимо, не зная, употребляет старое советское название Тверской – улица Горького и Тверская, как две различные улицы. – *Примеч. пер.*

один *бездомный*, Иван, рассказавший, что писал письма всем от Ельцина до Лужкова.

– Я требую моего конституционного права – права на труд! В моем положении находятся тысячи людей, тогда как Конституция Советского Союза гарантирует право на труд.

Мы с Шеннур ханым переглянулись.

– Какой еще Советский Союз?

– Вместо того, чтоб работать на стройке, я заработаю больше денег, сдавая найденные на Тверской улице бутылки. Но вот спать на мусорнике в коробке – это проблема. Да и милиция, – он указал на военных на площади. – В Москве у нас нет никаких прав. Нам и идти-то некуда. Нет прав, нет разрешения на проживание, нет ничего. Ты – гражданин третьего сорта, никому ты не нужен. Мне хватило бы работы на триста рублей в месяц да места, где голову преклонить, но и этого нет. Двадцать четыре часа в сутки скрываемся от прописки.

– А прописка кто?

Оказалось, мне следовало спросить не “кто”, а “что”.

– Все регистрационные процедуры в комплексе, применяемые к приезжающим из сельской местности с целью предупредить приток безработных в города, называют *пропиской*, – сказала Шеннур ханым. – До сих пор еще в действии оставшееся от Сталина постановление номер 637. Их называют бомжами, *aylak*. Бомжам не предоставляется никакой социальной помощи. Время от времени проводят процедуру их *зачистки*.

Людей грузят в поезда и вывозят за черту города. Во время Московских Олимпийских игр мер погрузил в поезда тысячи бомжей и вывез за черту города. Большинство – черномазых.

– Черномазых?

Приезжающих с Северного Кавказа, Дагестана, Чечни, Ингушетии или Балкарии, грузины, азербайджанцы, армяне, узбеки, – ответила она. – Смуглолицых. Развал советской экономики более всего сделал несчастными этих людей. Прежде всего – чеченцев. На чеченцев смотрят, как на врагов, за ними охотится полиция. Так как большинство московских чеченцев – это военные беженцы, регистрации у них нет. Полиция их забирает, бьет

и обкрадывает. А иногда и рвет их регистрации, чтоб иметь возможность депортировать. Кроме того, деяния русской мафии списывают на чеченцев. В прошлом году в метро был взрыв, так Лужков выступил по телевидению и заявил о необходимости экстрадиции всех живущих в Москве чеченцев. Чеченцам устраивают ловушки. Например, проводят известие о том, что чеченцы собираются устроить саботаж на такой-то электростанции, и начинаются аресты. А сейчас и бритоголовые добавились. На юге Москвы, в районе Ясенево, у выходцев с Кавказа есть свой рынок, на котором они пытаются продать пару кило свеклы да моркови. Так в апреле прошлого года, в день рождения Гитлера, появились двести-триста бритоголовых с дубинками – и один таджик был убит, а двадцать – тяжело ранены. Оттуда нападающие перебежали к отелю “Севастополь” и пустили кровь переселенцам – афганцам. Но и этого им было мало, и они убили чеченского ребенка.

– Это то, что называют формированием “Память”?

– Кто знает? – отвечала Шеннур ханым. – Говорят, они были в униформе, на рукавах с нашивками праворадикального Русского Национального Единства. Мы по Болгарии знаем, что в России никто сам от себя ничего сделать не способен. За спиной у них непременно будет стоять кто-то из госсистемы.

То, что раньше творили с евреями, сейчас творят с чеченцами. Если вы чеченец – вы не сможете, например, снять жилье в любом месте Российской Федерации. Вам не позволят под предлогом антитеррористического законодательства. “Память” не признают себя фашистами, но Баркашов открыто говорит, что является фашистом. Несколько лет назад прямо вон там, в Терлецком парке, стоял лагерь обучения бритоголовых. И каждый день у всех на глазах тысячи бритоголовых проходили подготовку.

Она указала на пятизвездочный отель на площади.

– Вы не смотрите на то, как выглядит Москва. Здесь идет гражданская война. Идет война между такими, как я, чернобровыми и черноглазыми с белокурыми русскими. Черномазые, иногда, извините, нас называют черножопыми, здесь в роли мальчика для битья. Если ты сейчас не имеешь в Москве офици-

альной регистрации, то не можешь здесь оставаться более трех дней. Если у вас есть жилье или вы можете доказать, что останавливались в отеле, – регистрацию вам могут продлить. Но смуглокожие не могут и этого. Сейчас идет война, чеченцев ведь называют *террористами*, так даже Путин сказал, дескать, “достанем террористов по нужникам, куда они попрятались”, – полицию уже не остановит никто.

– И вы делаете бизнес с чеченцами? Большая храбрость, не так ли?

– Ну, в *Союзе* состоялась революция, к власти пришли *воры в законе*, – улыбнулась она. – В Москве есть двадцать группировок, на них работает шесть тысяч вооруженных головорезов. Не все группировки – русские, некоторые из них – из бывших союзных республик, этнические группировки, вы понимаете? Каждая из группировок создала свою бизнес-специализацию. Есть *Люберецкие*, они держат торговлю белыми женщинами. Здесь проституток называют *ночными бабочками*. Как только наступит темнота, вы увидите их сотнями на Тверском бульваре. Отельные сутенеры пополам с милицией занимаются их продажей. В прошлом году уволили отделение милиции на Тверской в полном составе. *Солнцевские* держат весь игорный бизнес. Азербайджанцы возглавляют наркобизнес. Ингуши занимаются контрабандой. Чеченцы говорят, что у них шестьсот наемных убийц.

Самая храбрая банда в Москве – чеченцы, но самые богатые – *Долгопрудная*. Они берут мзду со всех торговых точек, что есть в Москве. Все те роскошные машины, что вы видите на площади, принадлежат им. Знаете, есть такие “Вольво” с сидениями с подогревом, – так они ездят на них.

БЛАТНОЙ МИР

Я впервые услышала выражение “воры в законе” от госпожи Шеннур из Пловдива, которое она перевела тогда как *sabıksız hırsızlar*¹⁵¹. Несудимость их происходила не от их непойманости, а от беспрекословного исполнения “подпольных законов”. Она поведала о том, что их организация была устроена в виде пирамиды, на самой верхушке которой находились лица, называемые канцлерами, из них около семисот были известны поименно. Канцлеры собирались в определенное время и решали проблемы внутренней и внешней политики криминальной империи. Госпожа Шеннур сказала, что у них есть также совет безопасности. Совет этот состоит из уважаемых людей, как-то журналистов, банкиров, деятелей искусства, спортсменов и политиков, обеспечивающих канцлерам разведку, защиту политики, закона и даже общества. Я тогда было подумала, что она преувеличивает, но оказалось, что нет!

– Они решают, как управлять экономикой, – сказала она. – Например, в 1991-м премьер Павлов вознамерился вывести из оборота пятидесяти- и сторублевые бумажные купюры, потому что их подделывали, понимаете? Мафия печатала фальшивые деньги, на них собирала настоящие деньги и переправляла за границу. Так они за одну ночь организовались и перевезли фальшивые купюры из Москвы в удаленные области Союза и там их сбыли с рук. Миллионы фальшивых рублей за один день подменили настоящими.

Помню, что смотрела на госпожу Шеннур, увидь которую на улице – не приписала бы никаких иных черт, как бдительной домохозяйки! – с удивлением, в котором содержался, должна признать, и восторг.

– Откуда вы все это узнали?!

– От моего любовника! – рассмеялась она. – Помните, я говорила вчера в самолете, что у меня был мужчина по имени Андрей, он бросил работу на стекольной фабрике и занимался

¹⁵¹ Буквально: несудимые воры. – *Примеч. пер.*

контрабандой сигарет из Турции. Андрею заплатили этими фальшивыми деньгами. За одну ночь пропали все накопленные им деньги! Потом, вы знаете, была программа Горбачева перехода к свободной рыночной экономике. Канцлеры собрались через несколько месяцев, чтоб обсудить эту программу. Программа им понравилась, понимаете, потому что свободный рынок означал смягчение границ между республиками Союза. Границ как между республиками, так с заграницей. Таким образом, становилось легче ввозить доллары из-за границы. А как только у тебя появляются доллары – в России ты можешь купить все, хоть саму страну целиком. Если когда-то раньше воры в законе пробавлялись остатками экономики, то после Горбачева они стали главными хозяевами страны. С началом приватизации они осознали, что ссориться между собой им никак нельзя. До этого они никак не мирились. Когда они съехались в 1988-м у нас в причерноморском Дагомысе, началась настоящая война и было пролито много крови. Так, помня об этом, на сходе в 1992-м они поделили сферы влияния. Как будет проводиться приватизация, было неизвестно, знаете, все чиновники и так – взяточники, а кроме них, больше ни у кого денег не было.

И что они сделали? – так с легкостью прихватизировали восемьдесят процентов вот этих московских, что вы видите, магазинов, отелей и складов!

Примерно в то же время год спустя мы были с Алексием в Воркуте. Когда я взглянула при свете солнца на город, унесший миллионы жизней, то увиденное мною оказалось живым монументом советской эпохе: разбросанные по бескрайней снежной пустыне, возвышающиеся, будто ледяные призраки, сооружения размеров казармы Селимие¹⁵², проспекты, ширина которых позволяла пройти в один ряд дюжине танков, дорийские колонны в древнегреческом стиле и громадные статуи. Мне тогда не

¹⁵² Иначе: Селимие Кышласы, казармы прямоугольной формы, построенные в 18 веке на холмах Ускудар при Селиме 3-м и поражающие своим дворцовым величием. До сих пор используются армией, так и остались символом военной мощи Константинополя. – *Примеч. пер.*

—•••••—

поверилось, что в 1930-х здесь еще не было города; оказалось, однако, что дата его основания еще более поздняя – 1953.

Основатель Воркуты, *отец народов* Сталин, умер в 1953-м, и пришедший на его место Хрущев амнистировал осужденных Воркутлага, однако следуя принципу преемственности государства и в честь годовщины его преемника – 3 марта 1953 – производят амнистию заключенных, однако вернуться домой им не позволяют. Им предстоит остаться и *продолжать трудиться во имя развития Воркуты*. То есть, строителями этого города призраков были тоже узники Воркутлага. После этого Воркута превращается в многоэтнический конгломерат, образуемый бывшими заключенными и ссыльными. В связи с этим ее иногда уподобляют Австралии, но всеобщее мнение рисует ее послегорбачевской империей со своими незаконными законами. Несмотря на это, еще при нас там все еще висели свежеевыкрашенные вывески из жести и тканые лозунги типа: “Больше угля Родине!” или “Да здравствует дружба советских народов!”. Тогда я заключила: “Сюда будто бы и не заходили либеральные реформы Горбачева/Ельцина!”. Алексей пробурчал тогда: Когда немцы захватили Донбасс, воркутинские металлурги сочинили прям-таки героическую сагу. Говорят, что пытаться подсчитать, сколько в Воркутлаге положено душ, – это как считать, сколько душ загублено в сталинский период в СССР. Если не полностью пустое занятие, то уж точно никогда нельзя быть уверенным в точности результата”.

Борис Тулеев уже окончил рассказывать историю Кацо. У меня волосы стояли дыбом. Пожилой узник счел меня замерзшей, позвал невестку, чтоб та принесла водки. Из последовавших криков становилось понятно, что молодая женщина приносит отказывалась. Тулеев настоял, в конце концов пришел его сын Женя с бутылкой, которую он спрятал за креслом, и четырьмя стаканами в руке, и бросил об стол, будто желая разбить. Я уж подумала было, что он протестует против действий собственного отца, когда оказалось, что парень и сам под шафе. Он сказал Алексею, что на кухне этого полным полно, и мы можем пить, пока хватит сил. Из глубины другой комнаты, по телевизору, звук

которого усилила его жена Лена с животом до носа, доносился голос звезды мексиканского сериала “Просто Мария” Виктории Руффо, находящейся в те дни в Москве по приглашению МММ. Выяснилось, что Виктория Руффо наносила визит своим партнерам по сериалу Лене и Марине. Заметивший, что я навестила уши, Женя объяснил, что в Воркуте единственным развлечением является телевидение, водка и секс:

– Если вы работаете на самом Северном полюсе, на проклятых рудниках, то у вас не остается ни силы, ни ума заниматься чем-то еще! Вот когда я был военным...

Тогда желающий сменить тему Тулеев, помнится, перебил его:

– А сейчас ты кто?!

– Пьянь number one, – отвечал ему Женя, вынув вдруг спрятанную в вороте рубашки булавку и вонзая ее себе в правую руку.

– Гляди, не чувствую! – он несколько раз кряду вонзил и вытянул булавку. – Ну, нисколько не чувствую!

Я могла наблюдать, как тут и там сквозь ткань рубашки просочилась кровь, должно быть, это заметили и Тулеев с Алексием, однако не предприняли ни малейшей попытки остановить Женю. Наконец молодому человеку самому это надоело, и он воскликнул: “Онемело!”, тогда как из глаз его текли две слезы: “У меня рука больше не движется!”

Калеку – сына Тулеева Женю сократили, когда он был электротехником в армии в звании старшего сержанта, в связи со сложным материальным положением после экономического кризиса 1992 года. На полученную компенсацию по выслуге лет он попытался было заняться коммерцией в Санкт-Петербурге, у него не вышло, он вернулся домой к отцу в Воркуту и принялся за таежную охоту. Оленины в области было предостаточно, однако, чтобы удержать покупателей, ему приходилось продавать мясо по ценам ниже установленных главарями воркутинской мафии. Его несколько раз предупреждали, а увидев, что он не слушает, однажды ночью устроили налет на квартиру Тулеева и отвезли бывшего старшего сержанта в тайгу. Когда на следующее утро его нашел другой охотник, он был почти мертв от обмо-

—•••••—

рожений. Тулеев считал чудом Божиим то, что сын его не потерял руку полностью, и говорил: “Единственное возможное лечение для Жени – лечение душевное”. Кабы не Лена, Женя постригся б в монастырь, но была Лена. Юная девушка клялась и божилась, что они поженятся, и что она не позволит, чтоб ее мужчина пополнил ряды *evsiz* – бездомных – калек России.

Мы так и сидели, не зная, что сказать, и продолжали пить в полном молчании, как Тулеев, будто только что вспомнив, сказал, что сегодня закладывают фундамент первой церкви в Воркуте. Он не хотел пропустить события, так не хотели ли бы взглянуть и мы? Мысль подышать свежим воздухом пришла по нраву как Алексею, так и мне, мы быстренько собрались и отправились прямо на городскую площадь.

Торжество закладки фундамента должно было состояться прямо на городской площади, в одном углу которой стояло изваяние рабочего забоя, поднявшего над головой *Udu – Спутник* – так, будто вот-вот шархнет его об землю, а в другом – статуя *охранителя Руси, детей и моряков* святого Николая. Мы прошли туда под гнетом густого запаха угля, осевшего на город. Оказалось, что мы пропустили главный момент, но собрание продолжалось. Это было исполненное воодушевления действие, на котором распевали песни и пили спиртное. Взрослые плясали, дети, взявшись за руки, водили хороводы вокруг статуи святого Николая: *Kolya, Kolya Nikolay, sokağa çıkta, evde otur, kızlar gelecek, sana öpücük verecekler!*¹⁵³

Мое внимание привлекло то, что здесь не было ни кожаных курток происхождения с Капалы Чарши¹⁵⁴, ни кепок-бейсболок с надписью USA, California, часто встречаемых в Москве либо в Киеве. Женщины были одеты в синие, зеленые или цвета перезревшего помидора шерстяные зимние пальто до пят с меховыми воротниками, а мужчины – в тулупы из овечьих шкур и войлоч-

¹⁵³ Коля, Коля, Николай! Сиди дома, не гуляй! А то девушки придут! Поцелуют и уйдут! (тур.). – *Примеч. пер.*

¹⁵⁴ *Karalı çarşı* – второй по величине после Измирского крытый рынок в Стамбуле, с которого прежде всего стали возить кожаные изделия для продажи на пространстве развалившегося СССР наши “челноки”. – *Примеч. пер.*

ные валенки. Остановившись с краю, мы наблюдали, как на установленную в центре площади платформу поднялся щуплый молодой человек с ввалившимися щеками. Он взял микрофон, проверил звук и трубным голосом возвестил что-то в адрес джаз-бенда. Музыка стихла, он тут же засунул руки в карманы и, вытащив оттуда свернутую в трубочку бумагу, принялся читать текст, который, как я поняла, был стихом.

Так как я не хотела отвлекать от своих мыслей Алексея, с момента выхода из дому не проронившего ни слова, то обратилась с вопросом к Тулееву.

– Что он говорит?

– Ведет речь о задохнувшейся перестройке и великольном возрождении, – отвечал он с отвращением. – Кадр из тех, кто тоскует по временам, когда стихоплеты делали нехилые деньги на разглагольствовании о политике. Да и стихи его ужасны! Ладно, оставьте, гляньте-ка лучше вон на них! Пытаются взобраться на умащенный маслом столб!

Он указывал на группу раздетых по пояс мужчин немного поодаль. Пока я думала о том, что в тридцатиградусный мороз намазываемое на столб масло должно было примерзнуть, Тулеев успел раздражиться от ряженых в кафтаны молодцов, появившихся на площади со стороны статуи Спутника.

– Что я, казаков не знаю? Это ведь не настоящие! Да и папахи эти у них на головах – враки сплошные, а не каракуль!

– Если ты поведаешь мне, что ты думаешь, то я тебе расскажу о том, как мы празднуем наш день независимости. Там, о бюсте Ататюрка на джипе и так далее? А, Алексей? Как тебе?

Он рассмеялся тогда.

– Я думал о том, что, возможно, попытался сказать батюшка Михаил Дмитриевич Борису. То есть, об апостоле Петре.

– То есть?

– По словам святого Петра, Господь указал: *“Ибо Я есмь выведший Вас из земель египетских Господь, и вы также будете святы, ибо я свят. Ибо очистите грязное от скверны. Ибо таков закон для животных, и для птиц, и всякого живого существа, в воде обитающего и влекущегося по земле”*.

– Это из Евангелия?

Собственно, у меня не было ни малейшего сомнения в том, что это именно из Евангелия, но меня на самом деле впечатлило и поразило, что Алексей, по профессии инженер, мог цитировать его буквально.

– Полковника спасли далеко не бранные вещи!

Он продолжал с воодушевлением, которое, как я заметила, чем дальше, тем больше возрастало:

– Полковник был спасен искуплением кровью дорогого нашего Христа, безгрешного и незапятнанного, аки агнец Божий. Кацо надобно воспринимать как посланника Христова в Воркутлаге. *“Да не оскверните вы души свои ни одним из паразитов, ползающих по земле, ни одним из влекущихся поверх живота своего, и ни одним из тех о четырех ногах. Ибо Я Ваш Господь Бог, так чтите же свято себя, и будьте святы, так как Я сам свят”*.

То, что среди всех слышимых мною десятков звуков раздалось рыдание, я поняла, взглянув в увлажнившиеся глаза Бориса Тулеева. Старик кинулся к Алексею, будто стремясь поцеловать тому руку.

– Батюшка Михаил Дмитриевич! Да святится ваша душа!

Алексий отпрянул одним прыжком. Я, оставшись помеж их двоих, с отстраненным видом, раздумывала о том, что обычай целовать руку перешел к русским от монголо-татар; целовать руку и бить челом оземь перед уважаемым человеком – ибо этот обычай ввел в свое время Чингиз-хан “девятикратно преклонив колена, девятикратно положить поклон земной у подножия священной горы Хантайской”.

Алексий быстро справился с поступком опьяневшего старика, вызванного, должно быть, его духовным горением.

– Как человек, рожденный под гнетом режима, и которому суждено под этим гнетом помереть, я могу сказать тебе, что общество, чаша весов справедливости которого лжива, является очень страшным обществом, – сказал он, выговаривая каждое слово сдавленным голосом. – Но так же и общество, состоящее только лишь из единственно справедливых секуляризированных

законов, не достойно человечества. Вот релятивная мораль и радикальный индивидуализм, если они собраны вместе, то человек получает освобождение от установок собственной совести, он забывает о своей ответственности перед Богом и людьми. Нет, *sevgilim*¹⁵⁵, общество, построенное по букве законов общества, либо бандитов, либо *Просвещения*, и ни за что не смеющее подняться выше этого, – никогда не получит должного от тех высших особенностей, присущих роду человеческому.

Он еще продолжал бы говорить, но произошло какое-то волнение, площадь разволновалась, и я увидела на этот раз ОМОН вблизи перед собой. Они прорвались на площадь со стороны статуи святого Николая. Это было формирование в полной экипировке, которых, как мы слышали впоследствии, было ровно пятьсот человек. В считанные минуты они разделились, и в то время как большая их часть устремилась по улицам, оставшиеся на площади принялись проверять паспорта у всех, кто попадался им на глаза. Вдруг немного поодаль от нас послышались истошные вопли американца. Размахивая водительским удостоверением, он пытался втолковать милиционеру начальнику, что это единственное его удостоверение личности. Молодой милиционер со съехавшей на затылок каской долго таращился то в права, то в лицо американцу, наконец произнес: “*Git başımdan!*¹⁵⁶”. Когда я спросила, что же будет, и когда Алексей указал мне на стоящие рядом практически дотла сгоревшие две забегаловки в начале одного из выходящих на площадь проспектов, – я поняла.

– Поджигателей ищут. Снова кто-то дань не заплатил.

Я почувствовала у себя на спине ладонь Тулеева – он подталкивал нас к находящейся немного впереди столовке, в которой, кроме чая, подавали суп и рагу, и которую здесь называли *aşevi*¹⁵⁷.

– Давайте присядем там, покада все подуспокоится.

¹⁵⁵ Тут: “любимая” (*sevgilim*) – в значении “дорогая”, употребляемое по отношению к младшим по возрасту. – *Примеч. пер.*

¹⁵⁶ Уйди с глаз моих долой! (тур.). – *Примеч. пер.*

¹⁵⁷ Столовка (тур.). – *Примеч. пер.*

Это была крошечная забегаловка, и когда сразу вслед за нами туда вошли препиравшийся с милицией американец с товарищем, получилось так, будто мы вошли и уселись все вместе. Так в России было всегда. Даже в самых отдаленных уголках России вы находили то американца, то англичанина, то немца. Журналисты, исследователи, экологи, преподаватели, спортсмены, музыковеды, фольклористы... Будто обрушилась плотина, и вправду произошло так, что чужие хлынули к вам в душу. Но что больше всего произвело на меня впечатление, так это то, что практически все иностранцы, которых я встречала, могли удобно говорить по-русски. А с теми, кто говорить не мог, были необыкновенно одаренные переводчики. Например, Израиль Исаия, с которым мы познакомились в тот день, был врачом-хирургом и преподавателем одного из московских вузов. В то же время он был владельцем турбюро и подработывал гидом-переводчиком. Мы, English speakers, находили друг друга в самых неожиданных местах и объединялись в группы. У сотрудников МИДов, дипломатов есть такая отделяющая их от народа, который они представляют и который представляет их самих, презрительно-высокомерная манера держаться, будто они – создания, находящиеся по ту сторону собственной нации. Мне приходилось точно также наблюдать, как мы, в этих образованных нами группах, осваивали такую же манеру обхождения. И впрямь, американец, которого, как мы узнали, звали Алан Кимбалл, не замедлил, исходя из случая с нападением на забегаловки, пуститься в рассуждения о том, что *мафия является главным препятствием на пути демократизации России.*

– Сто тысяч человек, собранных в восемь тысяч отдельных банд, контролируют от семидесяти до восьмидесяти процентов русского бизнеса. Это означает сорок процентов национального богатства страны!

Собственно, он говорил правду. Только в 1993-м взявшие под свой контроль Москву наемные убийцы из восьми бандформирований убили пять тысяч человек, в том числе десять банкиров.

Среднегодовое количество убийств на момент 2000-х составило десять тысяч, шестьсот из которых были заказные убий-

ства. Но по лицу Алексия, которым тот владел необычайно, даже, я сказала бы, каменному лицу, я увидела, что в нем все протестует.

– Кто это сказал?! Мафия, Sir, есть наиболее организованное выражение анархистско-свободолюбивого духа русской истории! Русская мафия есть противодействие интеллигентствующему упорству. Сопротивление неискреннему и незаконному, несправедливому упорству, именуемому прогрессом!

В глаза его вселилось выражение, которое можно встретить у уличной шантрапы, отразившее одновременно невинность и безжалостность, и которое я бы классифицировала как криминальное. Отчуждающее выражение, за бархатной мягкостью которого стоит железо, говорящее человеку о том, что его подстерегают. Пока я оборачивалась в изумлении, Кимбалл с усмешкой произнес:

– Uluçennu bit! Улучшенный быт! Вы полагаете, что причиной всему этому является отмена Александром Вторым в 1861 году *крепостного права*?

Помню, что позавидовала тогда им, подумав, что они когда-то очень хорошо учили уроки.

Кимбалл назвал *krepostnoe pravo* законом, фактически привязавшим *тшјіков* к земле. Закон, в той или иной форме бывший в действии со времен, когда победивший к концу 1400-х годов монголо-татар Иван Третий принялся расширять границы Руси в направлении на восток и на юг. До тех пор свободные в выборе, на которого из землевладельцев работать, русичи-испольщики желали переселяться на новоосваиваемые земли и пробовать создать собственные хозяйства. Однако как только оказалось, что такое переселение приводит к опустошению внутренних русских угодий, падению производства и, что еще хуже, объема податей, – царь Иван Грозный провозгласил в 1497 году указ, ограничивающий право переселения одним днем в году – 26 ноября, в день святого Георгия. Да и то при условии мирного споразумения, отсутствия долгов и расписок *испольщика* к землевладельцу.

В щекотливых ситуациях *испольщики* должны были ждать еще год, чтоб покинуть поместье. Несмотря на это, придуман-

ный царем способ способствовал прикреплению крестьянина к земле. Но и этого показалось мало. Мобильность земельных рабочих и в 1500-е годы продолжала представлять опасность. Ровно через столетие после Ивана Грозного, в 1597-м, вновь на святого Георгия, в силу вступил закон, вовсе запрещавший исполщикам переходить из поместья в поместье. Начиная с 1650 года, число прикрепленных к земле рабов возросло прямо пропорционально землям, которые царь раздавал дворянам, независимо от того, кому они принадлежали. Таким образом, класс крепостных во времена Екатерины II пополнился на восемьсот, а во времена Павла I – на шестьсот тысяч человек.

Прошло еще сто лет, наступил 1861. И царь Александр Второй одним росчерком пера и в одну ночь отпускает на волю двадцать один миллион *душ*. Цель – направляя крестьян на рынок рабочей силы в городах, вызвать *промышленную революцию*. Однако на этот раз только еще становящиеся на ноги промышленные центры не способны вобрать эту гигантскую массу рабочих, и голодная и безработная их толпа волей-неволей обращается к злодеяниям.

Воровство, грабеж, присвоение чужого еще во времена Петра Великого (1695–1725) были большой проблемой. В то время как междугородние пути кишели разбойниками, только лишь в Москве обитало тридцать тысяч уголовников, при всем-то населении в неполных двести пятьдесят тыщ. И почали полниться тюрьмы да строиться сибирские высылки да каторги. На это поначалу действующие в одиночку злодеи со временем собирались в шайки. Уплатившим вступительный взнос членам шайки давались кодовые имена. Руководящее ядро создало исполнительное подразделение, определились первые подпольные *канцлеры*. И те когда-то угнетенные мужики создали самую сильную криминальную державу, существовавшую когда-либо на земном шаре, *Blatnoy mir*, который цесаревич Алексей назвал “сопротивлением незаконному, несправедливому, неискреннему интеллигентствующему упорству”.

Blatnoy mir не найти на картах мира, он не представлен ни в одном международном товариществе, – но это такая держава с

как минимум двухсотпятидесятилетним прошлым – “постарше, чем у США”, сказали нам, – что не только не ограничилась тем, что с тех пор, как были отпущены на волю крепостные и до наших дней, выказывала правыми Bazarov-ых, поднявших на смех *высокородных* реформистов, но и подготовила моральную почву для невиданного в мировой истории обдирательства – обдирательства в СССР. *Bazarovщина* есть взгляд на мир по имени *Базарова*, одного из главных персонажей романа “*Отцы и дети*”, или, по-нашему, *Babalar ve Oğullar*, написанного за два года Тургеневым до того, как Александр Второй выгнал крестьян на улицу. В романе *отцов* представляют аристократы-реформисты, отстаивающие идею отпуска крестьян на волю, *детей* – молодежь, протестующую как против традиционного господства аристократов, так и их романтического реформизма. Базаров, смешавший с грязью пустой идеализм родовитой знати, дарующей из гуманных соображений свободу своим крепостным еще до выхода указа Александра, со временем из просто героя романа превратился в типичного представителя образа мысли своей эпохи. Тургенев указал на великое притворщичество, приставшее намертво к интеллигентам после 1850-х, и даже дал ему наименование: nihilizm.

Нигилизм – отрицание любых моральных, религиозных, эстетических ценностей и идеалов, утверждение, что все, что стоит за пределами дважды два – четыре, – пустопорожне; и поколение 1860-х принялось чернить любые потуги государства к совершенствованию. И нигилисты-базаровцы обрели такую силу, что не оставили лидерам народа, желающим хоть что-то сделать во имя улучшения положения народа, ни малейшей лазейки, а руководители боялись и пошевелиться. В результате чего реформисты, те, кто стремился превратить государство в более способное к совершенствованию, более сообразительное существо, пали побежденными радикалами, полагающими это излишним и неуместным, только и глядящими, как перехватить их основные функции.

Одним из побежденных был и самый старший дядя Алексия Петр Столыпин. Премьерские *реформы* 1907–1911 годов стали

—•••••—

причиной дальнейшего роста преступности, когда жить в городах стало вовсе невыносимо.

Лозунг “*Бог, Царь, Отечество*”, который и сегодня не сходит с уст “Памяти”, утверждает, что иерархия на земле дозволена небом, и в то же время уведомляет, что *причиною существования государства Российского есть перенесение царствия Божьего на Землю и охранение сифых*. Имена царей упоминаемы на одном дыхании с именем Господним, однако ответом такого царя-батюшки, каков Петр Первый, детям голодным, умолявшим: “Эти аспиды даже хлеб наш насущный к рукам прибрали! Пусти, батюшка, поколотим еще чуток тиранов!” было: “Ежели бы руки самого Христа не были ко кресту прибиты, – так и Он бы крал”. И если одним синонимом Руси был голод, то другим – неправые барыши. И когда государство Российское – говорят, не менее “двухсот пятидесяти лет тому назад” – так вот утратило свое конституционное правление, традиционное понятие преступления претерпело преобразование. Пришла Русь царская, пришел СССР, а разницы между набиваемыми на протяжении поколений, колено за коленом, по сибирским тюрьмам и гулагам людьми, так, что света белого не видать! – не делали никакой. Государство и законы в глазах этих людей, так же, как эти длинные, темные и безжалостные зимы, на которые они были обречены, оставались *всецело непонятными, аморальными, провинциальными и вражьими*.

Есть один путь остаться в живых в сибирских гулагах: бороться с законами природы и государства. Красть у законов, и, делая это, по-братски солидаризироваться. Их называют *sabikasiz hirsizlar*, воры в законе. *Vop v zakone*, ни за что не верящие в то, что русское государство может быть исправлено, нашли выход в построении в России государства в государстве. И имя этому государству в государстве со своею табелью о рангах, манерой обхождения, ритуалами, финансами, казной, законами, судами, системой управления, даже своим языком, – *Vlatnoy mir*.

Для *воров в законе* преступник – *рецидивист* – не подчинившийся законам их собственного государства, русское государство никто и не вспоминает. Центральный Комитет *блатного мира* – *Yadro* – организовывало для переводимых из лагеря в

лагерь гугаговских заключенных “*справку о безупречности*”, называемую *блатом*. Blat указывал на то, что привезенный заключенный был чист перед криминальным законом, и для того чтобы его приняли воры в законе в новой тюрьме либо в гугаге, ему следовало предъявить данную бумагу.

С другой стороны, Борис Тулеев говорил, что “хотели мы того или нет, но все мы – отец Михаил Димитриевич, Кацо, Ленин, Крупская, Полковник или Саша Солженицын – все мы были гражданами блатного мира. Для каждого из нас было важно заполучить *блат*”. В противном случае, их неминуемо ожидала судьбина полковника из рассказа Кацо.

Сосланная в гугаги интеллигенция близко была знакома с *ворами в законе*. Гугаг в Шушенском находится в Восточной Сибири, в Абакане, в Минусинской котловине. У Ленина с Крупской за спиной – три года гугага еще подалее Воркуты, две тысячи пятьсот двадцать пять километров восточнее Сыктывкара. Отец *большевизма* оттуда так хорошо знал *блатную культуру*. Утопия, запланированная Лениным, была очищенной от моральности утопией, и воры в законе радикальных большевиков не отвергли.

Алексий рассказал:

– В противовес распространенной точке зрения, подпольная знать – это вполне образованные люди. Канцлеры дискутировали с Лениным и сотоварищами по поводу Маркса. Предпочтения свои они сосредоточили не на Марксе, а на анархистах, и особенно на Бакуanine и Кропоткине, но при этом не уклонились от сотрудничества с большевиками в достижении общей цели свергнуть самодержавие. И впрямь, не абстрактные статьи Прудона вдохновили большевиков слоганом “Грабь награбленное!”, а блатная культура. Чтоб осуществить свою утопию, им пришлось задействовать миллионы людей; а в неграмотные массы ходить с учением Маркса было не с руки.

Именно поэтому в России и не смогли провести четкой границы между политическим теоретизированием и практическими потребностями. Вы увидите влияние воров в законе в том, какую жестокость применяли профессиональные революционеры в продразверстках либо добыче денег.

– So! Never were the revolutionaries we loved. Каких революционеров мы любили, таких и без того уж нет!¹⁵⁸ Это адаптированный перевод одного из турецких поэтов, – прокомментировала я. – На самом деле, это не так. Когда вы говорили, я думала о том, что у нас и в мыслях никогда не было предположить, что закваской революционного духа может стать культура подполья. Я думала о том, что в Турции революционерам нам было жалко даже отсыревший пистолет, мы проклинали акции, в которых так или иначе были замешаны деньги. Для нас единственно возможной в революционерстве была жертвенность в еде, питье, любви. Включая и голодные забастовки насмерть.

Тогда как основное развитие *воры в законе* получили после революции 1917 года. Кто-то из них вступил в сотрудничество с контрреволюционерами, стремящимися к созданию нестабильности, паники либо хаоса, кто-то же сделал впечатляющую карьеру в советских органах типа НКВД.

– Сталин часто использовал их умение, например, печатать фальшивые купюры. Советский строй впервые рассорился с ворами, когда те перестали удовлетворять его требованиям касаясь анархистско-коммунистических мотиваций. Они рассорились, когда номенклатура не то что не исправила скверного состояния в распределении доходов, но обратилась к тактикам, еще более усугублявшим пропасть. За короткий срок были организованы шайки жиганов из молодых преступников, во главе которых оказались политические начальники. Жиганы приспособили к новой ситуации извечные традиции и обычаи подпольного мира, установив принципы идеологической оппозиции и упорядочив их законы. По этим законам вору в законе запрещалось работать на общество либо кооперироваться с кем-то на него работающего; иметь семью; братья за оружие в защиту государства; иметь дело с жандармерией как обвиняемый и как свидетель; а также совершать любые денежные операции.

¹⁵⁸ Здесь не буквальный перевод с английского на турецкий. Мы подаем турецкий эквивалент. – *Примеч. пер.*

Однако другие элементы традиции *блатного мира* остались неприкосновенны: татуировки, стиль речи, клички, все было оставлено как есть. То же и с тюремными песнями, частушками и поговорками. Так что объединение политических заключенных и уголовников привело к тому, что ныне вечные диссиденты власти – политические – усвоили тактику и подход подпольного мира.

Но и жизнь жиганов была недолгой, еще в конце 1920-х годов началась борьба за власть. Восставшая часть *воров в законе*, находящихся на невысоких должностях, еще в начале 1930-х годов пошла по пути избрания своих начальников – *урков*. Последовавшая за этим борьба между *урками* и *жиганами* окончилась принятием нового и еще более подробного закона, основанного на принципах подпольного мира, существовавших до большевистской революции. Новый закон канцлеры принимают в качестве *единственного*. Условием получения блата является следование этому подробному закону. И он остается в действии до конца *Великой Отечественной войны*, как русские называют Вторую мировую войну. Оказывается, *блатной мир* после Второй мировой войны был разделен. Но разделение это произошло не в смысле утраты силы, а в смысле рождения новых “княжеств”. Как известно, канцлеры собирались, начиная с 1955 года, в Москве, Казани, Краснодаре, и заново подвергали пересмотру такие вопросы, как отношения с государственной властью, принципы приведения к власти новых канцлеров, испытание молодых преступников, использование кассы взаимопомощи. В 70-е годы они начинают готовить своих представителей – политиков, способных защитить их *доходы*. Наибольшими их союзниками стало поколение шестидесятников. Разделенный поколением шестидесятников Советский Союз определили тогда так: “поколение, которое, вместо того чтоб тратить время на то, чтоб изменить порядок, в достаточное и гуманное улучшение которого оно не верит, предпочитает этот порядок обманывать, а в ситуациях, когда это невозможно, – пренебречь им. С одной стороны, оно – либеральное, всеми силами поддерживающее переход к свободной рыночной экономике, а с другой – анархическое”.

Воры в законе сумели договориться с этим поколением, ведущим Российскую Федерацию в 21 век. К концу брежневской эпохи, воспользовавшись отсутствием лидера в Кремле, они сумели усилить свое влияние. В 1979 году на сходке в Кисловодске дань, взимаемая с дельцов черной биржи, была установлена на уровне 10 %. В 1982 году сход снова собрался в Грузии и принял решение усилить свою активность в политике. После вступления в силу законов, позволяющих *сукам* сотрудничать *в нужных ситуациях* с государственной властью, связь воров в законе с бюрократами настолько укрепилась, что ускорила и так идущий процесс перехода, в первую очередь, местной власти под власть мафиозных формирований. И когда наступил 1986 год, то речь шла уже о том, *не пришло ли время взять в свои руки политическую деятельность в общенациональном масштабе*. В эти годы появляются первые признаки скорого развала СССР. Канцлеры, придерживающиеся идеи целостности Союза, выступили против вмешательства в политику *воров в законе*. Несмотря на это, с ними не согласились канцлеры на Кавказе, и в первую очередь занимающиеся бизнесом на черной бирже грузины.

В тот первый день, когда мы обедали на площади Пушкина, госпожа Шеннур упомянула, что, когда они в 1988-м собирались у нас на Черном море, в Дагомысе, то возникла разборка, и пролилось много крови. В конце концов, сильный канцлер из русских, известный под кличкой *Васька Блестящий*, пал жертвой настолько сильного грузинского авторитета Джабы Иоселиани, что Иоселиани стал правой рукой Эдуарда Шеварднадзе. Таким образом, воры в законе перестали довольствоваться перепавшим им остатками от экономики и предприняли первые шаги на пути к тому, чтоб стать ее хозяевами. Они поддержали 500-дневную программу Горбачева по переходу к свободной рыночной экономике. Когда грянула приватизация, уже было распределено, какой группировке что предстоит прибрать к рукам. При этом этническая конкуренция не прекратилась.

Возвращаясь из Воркуты, Надя Иванова похвасталась, мол, воры в законе русского происхождения всегда поддерживали

своих грузинских братьев. Но грузины – нет, грузины – феодалы. Связанным законами блатного мира русским братьям-уголовникам они предпочли работать со своими сородичами и приятелями. И потом, у грузин статус канцлера чаще не заслуживают, а покупают за деньги. Поэтому ни милиция, ни подпольные формирования не считали грузин настоящими *ворами в законе*. Уважение, которое оказывали у русских до последних лет ворам в законе, возрастало пропорционально сроку заключения *вора*. В то же время грузины предпочитали напечатать денег и откупиться от тюрьмы; потому были среди них и канцлеры двадцати лет от роду, каковых среди русских не сыщешь. Несмотря на это, обе группировки были сильны в одинаковой мере. Соотношение русских по всему Союзу было 33 % при 31 % грузин – практически поровну.

Молодая женщина рассказывала с такой компетентностью, которой можно ожидать лишь от главы госбезопасности, что я изумилась:

– Надя, как вам может быть все это известно?! Вы что, работали на КГБ или что-то подобное?

– Нет, – рассмеялась тогда она. – Мой муж был канцлером, в 1992-м его ликвидировали его же братья.

– Я полагала, что *ворам* запрещается создавать семью...

– Мы были *sevgili*, – сказала Надя. – *Liubovniki*. Семьи мы не создавали. Сережа был настоящим хозяином своего слова, свято чтящим букву закона *блатного мира*. Домом ему была тюрьма. Там у него была своя комната, телевизор, *banуа*. Он даже по международному говорил, по стоящему у изголовья его постели телефону. Для настоящего *vora* заключение есть естественный образ жизни, Гюльоя, не бесчестие. Раньше для вора в законе проведенный не на зоне день считался потерянным. После Горбачева все изменилось. Современный вор делает все для того, чтобы откинуться. Бритые, одетые из самых дорогих магазинов, ездят на иномарках. По закону вор не может купить дом, а они разъезжают на машинах.

По закону, вор не может купить квартиры, а они покупают квартиры в самых престижных районах Москвы. У меня есть

знакомый грузин, он себе костюмы в Париже заказывает. Ему привозят несколько десятков, так он выбирает понравившиеся. На теле Сережи не было ни сантиметра свободного места, а эти уже и татуировок не делают.

Тема татуировок была затронута и ранее.

– Это традиционная книга записей для *вора*. Жизнь вора записывается в виде татуировок на его теле. Я в Воркуте купила энциклопедии гулаговской культуры. В них есть статьи, разъясняющие смысл татуировок. Если вас интересует, я могу продать.

Я сказала, что меня интересует. Особенно, законы. Надя сказала, что в энциклопедиях есть статьи из законов, но действуют ли они на сегодняшний день, она не знает. Я отвечала, чтоб она не беспокоилась, что я не воспользуюсь ими для защиты, а только хочу увидеть, чтоб составить себе представление. Я пыталась пошутить, она странно так на меня посмотрела, не понимая. Впоследствии закон мне нашла госпожа Шеннур из Пловдива:

– Вы ищете *Hırsızlar Yasası*? Воровской закон? Я вам его быстренько найду.

И нашла. Оказалось следующее: кандидат в члены *blatnogo miga* обязан отказаться от семьи, может иметь любовницу, но своего очага создавать не должен; не может зарабатывать себе на жизнь ничем, кроме воровства, не должен пренебрегать материальной и духовной помощью других преступников. Он также обязан не выдавать никому мест явок, тайников, когда будет надо, возьмет на себя вину, будет требовать схода для разрешения возникающих между ворами споров. Он должен принимать участие в следственных комиссиях, приводить в исполнение их решения, беспрекословно карать виновных, блестяще знать и пользоваться воровским жаргоном, называемый *феней*. Он никогда не будет играть в азартные игры, если у него не будет для этого дурных денег; мастерство свое передаст молодым; обеспечит шайку осведомителями, пить будет по уму, чтоб не терять способности соображать. Он не должен иметь дела никаким образом с государством – ни как свидетель, ни как обвиняемый; не должен быть членом никаких общественных организаций, не

возьмет в руки оружия от государства, не должен служить в армии и должен держать данное другим ворами слово.

Сегодня, глядя с высоты этих дней, я до сих пор поражаюсь. Как я уже говорила, я, которая была неспособна смотреть Угура Мумджу в своей собственной стране, сейчас сидела в малюсеньком купе Нади Ивановой и слушала о разнице между русскими и грузинскими ворами в законе! И при этом с интересом! Она рассказала, что это время от времени приводило в ярость Коммунистическую партию, и даже что Центральный Комитет Коммунистической партии Грузии объявил, что жизненно важным является свергнуть *воров в законе*. Но арестованные отделялись возможно более легким сроком, потому что, помимо продажности судей, в СССР отсутствовали законы, предусматривающие наказание за организованную преступность.

– Им давали сроки по *propiske*, за то, что жили как *asalak* – тунеядцы – и они выходили через несколько месяцев. Да, собственно, ничто не препятствовало им и в тюрьме продолжать свою деятельность. Более того, их аресты далеко от места преступления побочным эффектом имели повсеместное распространение традиций *блатного мира* по всему Союзу. Так канцлер, чувствуя, что вот-вот будет арестован в Грузии, например, срывался с места и отправлялся, например, в Казахстан, и продолжал там свою деятельность до тех пор, пока все не утихало. Милиция попросила подмоги, чтоб отвратить от улицы и *воров в законе* склонную к криминалу молодежь. Мелкие криминальные сошки в этом отношении и опытнее, и эффективнее ОМОНа. И особенно Министерство внутренних дел открыто для всяческой помощи *воров в законе*. Совсем недавно силы безопасности подписали с канцлерами Договор Избранных.

– Договор этот был упразднен вместе с Великой криминальной революцией.

Горький, как яд, голос Алексея и сегодня еще стоит у меня в ушах.

Он говорил о том, что анархистски-свободолюбивый дух, нашедший в *ворах в законе* выражение русской истории, то возникшее как реакция на неискреннее и незаконное, несправедли-

—•••••—

вое упорство, именуемое прогрессом, великое поднятие духа, окончилось с Горбачевым и последующими за ним *реформами*. Пока канцлеры со стажем превращались в бизнесменов – капиталистов-демократов, *блатной мир* был низвергнут, а воры в законе утратили как свой устрашающий имидж, так и уважение перед народом.

– Насколько успешными были реформы во главе с МВФ, видно уже по тому, что *блатной жаргон* вошел в речь интеллигенции. Сегодня никто уже не воспринимает блатной мир как преступную сеть. Воры в законе переживают золотое время в качестве *дающих деньги связей* или *бюрократической надстройки*. И поэтому нельзя сравнить канцлеров, действующих вместе с Березовским, таких, как Александр Аверин, Михась, Васька Блестящий, и даже правое крыло Эдуарда Шеварднадзе Джабе Иоселиани, с *донами* или *капо* итальянской мафии.

Они были такими жалкими, что полушутя, полувсерьез я попыталась утешить: прямо-таки оказывается, что Российская Федерация вошла в *тренд* возвышения. У нас есть выражение: много слов без лжи, много денег без бандитизма не бывает. На какой западный картель вы ни посмотрите, за ним вылезет бандит, ведь так, нет?

Я помню также слова Тулеева, который, ударяя рукой по столу, говорил:

– Vorkutlag was not and it is not a ‘Thieves’ world! Сибирским заключенным зарабатывать потом чела своего на хлеб запрещено. Все богатство в забытом Богом Воркутулаге состояло из того, что переходило из кармана одного заключенного в карман к другому. Единственный путь выжить в несправедливой жизни состоит в том, чтоб отобрать обратно отобранное у тебя.

И прикрытую издевку Кимбалла:

– И до сих пор должно быть так, но на этот раз *заключенные* – северные корейцы. Президент Путин эксплуатирует по гулагам тридцать тысяч северных корейцев.

Я тогда было не поверила.

– Да разве ж может такое быть?!

– Year! В 1993-м объявили, что лагеря закрываются, но Международной организации по амнистии стало известно, что здесь, в Сибири, по ГУЛАГам, все еще принудительно трудятся около тридцати тысяч северных корейцев. Никакой зарплаты, еды только, чтоб не подохнуть с голоду...

Помню, что наши глаза с Тулеевым встретились... *“и плавающие в тарелке несколько зерен синей перловки...”*

– Первобытные бараки, одежда зеков, кандалы, пытки. Организация по амнистии сопровождала отчет показаниями одного заключенного, тело которого загипсовали от кончиков ног до челюсти, несчастное существо, ему в таком состоянии иголкой пробивали дырки для дышанья...

– Но за что?!

– У Северной Кореи перед Россией долг в пять с половиной миллиардов долларов, леди, – отвечал Кимбалл, делая в то же время знак хозяину заведения принести водки. – У Ким Чен Ира нет другого товара на экспорт, кроме мускульной силы. А взамен на рабов Путин списывает по тридцать пять миллионов корейского долга в год. На прошлой неделе оба лидера встречались в Москве. Ким пообещал отложить на два года проект ракет большой дальности полета взамен на постройку русскими новой атомной станции.

Я сказала было, что в прессу это не просочилось, но он сказал, что оба правительства от комментариев по данной теме отказались. И так товарищ Ким не то что разговаривать с западными журналистами, даже фотографировать себя не разрешал. Говорят, что Президент Кореи был единственным лидером государства, кто после падения Советского Союза посещал мавзолей Ленина и возлагал венки. Что касается самого Кимбалла, то он был журналист, пытающийся вместе с др. Исайей, “который был одной ногой в Комитете по правам человека”, установить места новых ГУЛАГов, в которых содержат северных корейцев. Поднимая свой бокал, он вопросительно вперил свои глаза в Тулеева и произнес:

– С большой вероятностью, попираются статьи Европейской Конвенции о правах человека, касающиеся борьбы с рабством.

—•••••—

Следует полагать, кто-то из местного населения должен был что-либо видеть.

Тулеев был из местного населения.

— Когда немцы захватили Донбасс, шахтеры Воркуты написали прямо эпос какой-то, — так сказал Алексей. — Членам *blatno-go mira* было запрещено брать в руки оружие во имя России.

В тот вечер в Воркуте, не успел Кимбалл откланяться, я спросила, что они делали в Великую Отечественную войну.

— Некоторые из нас поспешили на спасение Родины, некоторые же остались верны данной клятве, — ответил Тулеев. — Как только война закончилась, начались взаимные разборки. Мы называем их *kancık*, в смысле *суки*, когда *von v zakone* не приняли обратно принявших участие в войне *сук*, началась война. *Kancıklar savaşı*, “сучья война”, длилась много лет. Она распространилась по всем тюрьмам Советского Союза, погибли тысячи заключенных. В конце концов суки создали свой закон. Закон этот утверждал, что в необходимых ситуациях можно вступать в сотрудничество с государственными должностными лицами. Они пытались получить обратно власть, которую утратили во время войны, понимаете?

— И что вы делали? Были на войне?

— Я не был. Оставил Сталина наедине со своей войной.

— Хорошо, что вас не слышит полковник Иванов, сказала я. — *Da hoş ol on k çörtü*, этот полковник Иванов, — выругался старый заключенный. — *Пусть заберут черти полковника Иванова!* Даже, правильнее, пусть идет к черту! Оказалось, что муж Галины Алексеевны с орденом Невского — полковник и был причиной ареста Александра Солженицына! Он прочел письма писателя с фронта и выдал НКВД! А поводом было использование Солженицыным целого ряда *неуважительных* выражений в отношении Сталина. Солженицын был осужден заочно и был приговорен к восьми годам лагеря строгого наблюдения, что считалось легким сроком.

— Саша в те дни был извозчиком. Поскольку здоровье его было не в порядке, в начале войны его определили в тыл. Потом отправили в школу артиллерии, потому что он был силен в мате-

матике. Вы же знаете, он закончил физико-математический Ростовского университета. Год спустя он был командиром артиллерийского батальона. А через несколько лет после того собственно и был арестован. В феврале 1945-го в Восточной Пруссии.

На вопрос, сделало ли Тулеева то, что он не ходил на войну, достойным доверия человеком, – по тому, что вместо ответа он повернул голову и погрузился в созерцание улицы, я поняла, что да, сделало. Позже я узнала, что благодаря таким образом выросшему уважению к Тулееву была создана подпольная сеть, и сотни заключенных, среди которых был и основатель Американской Коммунистической партии Джей Лавстоун, были спасены из сталинских застенков. Что же касалось Кацо, то я почему-то не удивилась тому факту, что он ушел на фронт. Удивило меня лишь то, что после войны он вернулся во все тот же гулаг. Тулеев сказал, что оповещательная сеть лагеря вмиг объявила, что Кацо возвращается с медалями. На следующий день комитет, в который входил и Тулеев, уже стоял перед грузинским печником.

– Ну и что случилось?! Естественно, я получил медаль, – будто бы сказал Кацо. – То, что вы называете медалью, документально подтверждает участие человека в войне. Практически вся мощь армии Рокоссовского состояла из таких же заключенных, как я. Нет, братцы, я не сука.

Тулеев рассказал:

– Там был один простой уголовник, с вот так вот выпирающим вперед лбом и лысой головой, за лысину его прозвали *Лениным*. Этот Ленин вмешался:

– Кацо, если не ты сука, то кто же?

Кацо сказал, что суками зовут предателей своих, а он никого не предавал, а только воевал с врагом. Как Вы можете предполагать, ответ его Ленина не удовлетворил, и он потупил глаза:

– С чьим *врагом*?

– Что значит с чьим врагом? С врагом Родины, Союза!

– Это *Государство* – тебе что, приятель?

Кацо попытался было объяснить, что он думает, но это было не то что Евангелие читать.

– Слушай, сучий сын, – отрезал Ленин, – вот уже третий раз ты оказываешься здесь из-за этого государства! До твоей тупой башки еще не доходит?

Кацо не нарушил молчания.

– Что не доходит?

– Разница, дурень! Разница между нами и ними! Если на груди у тебя полный комплект орденов – значит, ты не из наших! В любой момент тебе могут приказать контролировать заключенных, а ты подчинишься!

Надо было видеть, как Кацо рукою счистил себе плечи:

– Я уже не на войне, без погонов!

– Это не важно! Если поставят тебя в наряд склад сторожить, а ночью залезут несколько воров и попробуют стирбить что-нибудь, что ты будешь делать? Тебе придется стрелять, так ведь? Положено ведь так, правда же? Придется стрелять?

– Теоретически положено.

– А практически невозможно, ну так же?

– Практически я делал то, что должен был делать. И не думаю, что делал неправильно, – сказал Кацо, – а сейчас оставьте меня в покое, дайте мою книгу почитать.

Он показал новое Евангелие, принесенное им с фронта, но на Ленина это воздействия не возымело.

– Ты думай, что хочешь, а мы говорим тебе, что ты сука, – заорал он. – Никто из наших, кто бы он ни был, не будет служить государству!

Он повернулся к нам:

– Я прав, пацаны?

Мы все в один голос подтвердили: Ты прав! Такой закон!

– Об остальном не рассказывай, – сказала я. – Могу себе представить, что произошло!

– Его перевели в лагерь, где задавали тон *суки*, – ответил Тулеев.

– No, blat?

– No, blat. Тюремные надзиратели особенно использовали *сучью войну* для того, чтобы избавиться от политических. Воюющие стороны помещали в тот же лагерь и не вмешивались в их разборки. Но лилось такое количество крови, что в конце концов они были вынуждены пойти на компромисс.

– Канцлерам было позволено защищать и добывать на хлеб своим сотоварищам. К тому же, им разрешили цирюльничать, – засмеялся он. – Режущие ж предметы, ножницы там, нож, были запрещены, – так цирюльникам позволили.

– Но Кацо предпочел печничество?

– Совершенно верно!

Госпожа Шеннур в то время отложила сделку, в которой она должна была расплачиваться турецким текстилем за излишки партии товара на оружейном заводе в Саратове.

– В прошлом году из-за Андрея у меня накрылись пять тысяч долларов в МММ, вы знаете, вчера, после того, как я оставила вас в “России”, я говорила с ним. Так он сказал, что появилась возможность получить обратно. Я ответила, что пробуду в Москве еще несколько дней, там и поглядим. Господь велик, может, что-то и получится. А раз уж все равно ждать, решила вот и вас повидать, посмотреть, довольны ли вы отелем.

МММ, которой я вменяла в вину незаслуженное впутывание в скандал и сына Набокова, была *пирамидой успеха*, до которой додумался еще в 1988 году некий Сергей Мавроди. По выражению Красного Винклера, “этот вездесущий знак МММ для понимающих, что Россию в дамской сумочке посылают в ад, был символом, указующим, что уровень вкусов народных становился все более и более низкопробным”.

Я не поняла.

– То есть как это?

– До прошлого лета МММ было у всех на устах, – рассказал он. – Все, начиная с не верящих ни в бога, ни в черта школьников, и до их выдавших виды бабушек ни о чем другом, кроме МММ, не говорили. Оно было, как заклинание, на зданиях государственных учреждений, на стенах станций метро, в газетах и на государственном телевидении. С тех пор, как дети Руси-матери вос-

—•••••—

стали воедино против фашистов, ни под каким больше флагом не были они объединены такую верую! Проклятье, оно было как икона, перед которой всяк коленопреклонно молился, икона Матери Сырой Земли!

Рекламная компания рекламиста по имени Бахит Кылыбаев, невиданная во всемирной истории рекламного бизнеса! Бразильскими сериалами облапошили миллионы человек! Даже после того как компания в 1994 году лопнула, а Мавроди попал за решетку, они смогли убедить десятки сотен таких же пострадавших, как госпожа Шеннур, продолжать инвестировать деньги!

Сергей Мавроди окончил в 1979 году Московский институт электронного машиностроения, и в 1981 году, несмотря на отсутствие официального разрешения, у него уже был свой производственный цех. В том же году он занялся махинациями на черной бирже, сначала с джинсов, а затем перешел и на рынок компьютеров, а оттуда – на товары эксклюзивного потребления. Пока он этим занимался, то, чтобы не быть обвиненным в тунеядстве и высланным из Москвы, числился лифтером, санитаром, сторожем. МММ начинает таинственную рекламу своего бренда в начале девяностых. Божественный мужской голос произносит: *Bizi tantıyau yok! Nas znayut vse!* – и ничего более. На невиданной дотоле в России красоты билбордах эмблема бабочки, внизу под которой надпись: *Полет из ночи в день*, – символизирует в то же время вознесение МММ.

Рабинович говорил:

– Они воспользовались эффектом зикра¹⁵⁹: настолько часто повторяли утверждение “*Нас знают все!*”, что оно превратилось в “*Да кто же нас не знает!*” Они использовали всю символику Советского Союза: *мы, народы, массы*, все элементы пролетарской культуры, сплоченность, коллективный романтизм. Все услышали зов, будто Мусу¹⁶⁰, зывающего с Синая, и все бросились искать спасенья в этом зове. Через значительное

¹⁵⁹ Зикр – мусульманское коллективное радение дервишей, во время которого многократным ритмичным повторением речений достигается медитативное воздействие на психику. – *Примеч. пер.*

¹⁶⁰ Пророк Моисей. Муса – в исламе. – *Примеч. пер.*

время после этого МММ представили как компанию вкладчиков. Но такую компанию вкладчиков, как вы знаете. *Вкладчики* МММ получали не акции компании, а сертификаты, указывающие, что они являются вкладчиками МММ. А сейчас послушайте: людям, не привыкшим к взлетам и падениям на бирже, не только давали гарантию, что они всегда смогут обменять сертификаты МММ на наличные по цене выше уровня инфляции, но и цены – по методу Госплана! – объявляли за несколько дней заранее. 3000 процентов чистого годового дохода! Доход, с которым не могли сравниться ни валютные махинации на черной бирже, ни наркоторговля!

На самом деле, модель была проста: если вы можете убедить достаточное число человек купить бумаги по тысяче рублей каждая, то это значит, что так же можно убедить купить и по тысяче двести. И так поднимайте цены, пока не упадут продажи, чтобы мочь оплатить старым вкладчикам деньгами от новых поступлений.

Был такой мексиканский сериал, *Los ricos lloran tambien*, “Богатые тоже плачут”. И сейчас есть. В том сериале есть уличная девка по имени Марианна, вышедшая замуж за богатого. МММ взяло этот формат и обрусил его. С одной стороны, безжалостная правда жизни, с другой – рабочий на стройке по имени Леня Голубков, мечтающий купить жене пару сапог. У них все началось с этого, потом сапоги, потом дача, потом билет на чемпионат футбола 1993 года в Калифорнии. Леня, как герой сказки об *Иване Дураке*, разбогател за одну ночь. А вслед за строительным рабочим Леней – еле-еле сводящие концы с концами пенсионер Николай с женой Елизаветой, за ними – история молодой пары, мечтающей открыть маленькую закусочную. Одиноко живущая пожилая вдова Марина, при том что не верит в этой жизни никому, верит МММ. Точно так же, как Жириновский обещал всем одиноким женщинам России сексуальное благополучие, так же и эти не только удовлетворяют потребности Марины в деньгах, но и мужа ей находят: Володю.

Однако заработок без труда противоречит русской социалистической этике. Почувствовав, что вызывает злость людей,

МММ на сей раз изобретает для Лени брата – Ивана. Иван обвиняет своего старшого, дескать, тот *bedavaci, халявщик*, “разве этому учили нас мать и отец!” Леня призадумался да и говорит:

– Нет, братец, я не халявщик. Я купил себе экскаватор, и зарабатываю себе на жизнь, управляя экскаватором. Ты же тоже хотел построить завод. Самому тебе не справиться, а вот если мы все вместе внесем вклад в общее дело, то мечту нашу осуществим. Завод приносит в дом хлеб. Нет, братец, не халявщик я, я – акционер.

И это стало их новым слоганом:

– Я – не халявщик, я – акционер.

Уинклер сказал как-то:

– И пока мы, старые винтовки, в ужасе наблюдали, как один за другим закрываются заводы и фабрики, а со всех сторон наваливались шоколадки Сникерс, МММ застала нас на дрейфе! Казалось, что в России наступил конец поры, когда деньги зарабатывали в поте лица. Но не все думали так, как мы. Спросите у Давида – не изменилось ничего. Он скажет: при Союзе мы делали вид, что работаем, а они делали вид, что платят нам зарплату, ведь так же, Давид?

Одна из причин, по которой государство вмешалось в дела МММ, была все время откладываемая задолженность по налогам, достигшая пятидесяти миллиардов рублей. Но Мавроди был ушлый настолько, что появился на телевидении с угрожающим заявлением, дескать, будете нас принуждать к платежам, мы закроем точки продаж МММ и напустим на вас наших акционеров. То, что последовало за этим, было трагикомично, ибо компетентные в расследовании лица оказались в неведении, что им делать со структурой, зиждящейся всецело только лишь на *имидже*. Дело дошло до того, что премьер Черномырдин оказался на национальном телевидении предупреждающим от имени героев рекламы МММ Лени и Марины: будьте осторожны, выбирая, куда вкладывать ваши деньги! Ответ на это Мавроди – “Значит, государственные чиновники Леню и Марину не любят. Хорошо, но любят ли Леня и Марина государственных чиновников? Никто их об этом не спрашивает. Как минимум пока не спрашивает”.

– Это было нечто невероятное! – говорил Красный Уинклер. – Обычно, когда центральная власть сталкивается с авантюрой, подобной МММ, всегда ясно, кто победит. Но здесь Черномырдин проигрывал драку. МММ удалось показать виртуальных героев, на которых напал премьер, в виде бедных и униженных! И сверх того, угроза, что акционеры МММ от Мавроди расквитаются с Черномырдиным возле избирательных урн!

Когда правительство от безысходности отправило на них ОМОН, на этот раз они обвинили государство в том, что оно ставит под угрозу деньги народа.

А когда ОМОН разогнал собравшихся под дверями компании, то ситуация и вовсе сменила окраску, мол, государство подавляет бедный народ. Но и того было мало, начали поговаривать о том, что Сергей Мавроди выставит свою кандидатуру против ельцинской. 19 августа на площадях Москвы состоялось два празднования, на одно собралась старая коммунистическая гвардия отмечать день антигорбачевского путча, на другое – желающие видеть Мавроди президентом. Уинклер сказал, что “последних было значительно больше”. МММ обвинила телевидение в *несправедливости* оттого, что оно более предметно освещало антигорбачевские митинги. На следующий день в газете “Комсомольская правда” было опубликовано объявление за подписью “вкладчики МММ”, где значилось: “Государство не сделало для нас, простых смертных, и десятой доли того, что сделало МММ. В тот же день появилась статья некоего экономиста по фамилии Духневич¹⁶¹, призывающая МММ обзавестись собственной газетой, банком капиталовложений, а также заняться такими социальными вопросами, как нехватка жилья, помощь в поиске рабочих мест для ветеранов боевых действий, покупке для них театральных билетов со скидкой. Автор требовал, чтобы компания переняла на себя функции государства, которыми оно пренебрегало после распада СССР.

– Боюсь, этого человека, как вы его, Мавроди назвали, и в депутаты выбрали?

¹⁶¹ Очередная мистификация – Духневич. – *Примеч. пер.*

– Он был в Думе созыва 31 октября 1994 года, – сказал Уинклер. – Он откинулся примерно за две недели до начала выборов, и ему надо было обеспечить себе неприкосновенность, чтоб не сесть снова. Он пошел на эти выборы и выиграл: Партия народного капитала. И это стало его концом.

– То есть, получил срок?

– О, это была еще одна комедия! Представьте себе, что финансовая полиция Лос-Анджелеса с целью обезглавить американскую мафию устраивает нападение на студию “Коламбия фильм”, арестовывает играющего в фильме “*Крестный отец*” Марлона Брандо, а операцию показывают в прямом эфире! Настолько это было абсурдно! Но этого хватило, чтоб выставить Мавроди мучеником, святым!

Из тюрьмы опубликовали его биографию. Оказалось, что в восьмилетнем возрасте он изучил высшую математику, а когда учитель заболел, вел за него уроки. И еще письмо, начинающееся: “В свете моей совести...”. “Мне не тяжело пострадать ради отечества. Так не отступайте же и вы! Вместе мы победим. Мы вместе”.

Несмотря на это, понадеявшийся на неприкосновенность Мавроди совершил две смертельные для него ошибки. Первая из них – не успев стать депутатом, объявил год перерыва в деятельности МММ и отказал в выплатах владельцам сертификатов. Вторая – провозгласить, что выплаты будут производить только вкладчикам – членам Партии народного капитала. А когда это второе объявление завершилось запретом Центрального Избирательного Комитета участвовать его партии в выборах, оно же отвернуло от него и вкладчиков МММ.

– У меня пять тысяч долларов ушли без возврата!

Причиной того, что я ориентировала мою соплеменницу-пловдивчанку, задержавшуюся тут в надежде спасти свои деньги, поговорить по этому поводу еще разок с Давидом Рабиновичем, была моя надежда на то, что он разбирается в этих делах как владелец рекламного агентства Greatis. Он и впрямь разбирался.

– Подождите следующего года, – сказал он госпоже Шеннур.
– Говорят о новом плане выплат в 1996-м. Может, что-то и

можно будет сделать. Но смотрите, не вкладывайте больше ни одной копейки!

Так начавшееся их приятельство в последующие годы завершилось тем, что неразлучная двойка партнеров Шеннур–Давид отправилась в Болгарию разыскивать принадлежащий некогда белой гвардии клад, о котором поговаривали, что был он зарыт в каком-то турецком болгарском селе.

ОДИН РУССКИЙ, ТРИ ЕВРЕЯ

– Вчера за ужином говорили, вроде “Память” утверждала, якобы из-за того, что проектировавшие площадь Пушкина архитекторы-евреи, чтобы показать, как они не ценят Россию, обратили статую Пушкина спиной к кинотеатру “Россия”. Где тут у вас кинотеатр?

– Вон там, позади статуи, – отвечала госпожа Шеннур. – Кинотеатр “Россия”.

Она указала на находящийся у нее в руках журнал *Moscow Life Style*.

– Там идет фильм “Кавказская ловушка”, показ начат и в Нью-Йорке. События происходят в Чечне, говорят, претендент на “лучший зарубежный фильм” “Золотого глобуса”. Может, сходим, посмотрим?

– Это уж не фильм ли Чотиненко?

Так мне пришлось сказать госпоже Шеннур, что я познакомилась с Чотиненко вчера вечером.

– Ну, молодец! – восхитилась она не особо верящим голосом. – Уже со всеми из московских *intelligentov* перезнакомилась! – она еще раз взглянула в журнал. – Нет, это не фильм Чотиненко. Да, сейчас посмотрим, а этот где идет.

Попутно она читала и заголовки журнальных страниц. ‘Taking Your sweetie out on Valentine’s Day’, автор Дмитрий Дон Жуан. Как вам имечко? “Увенчает День влюбленных ужин на двоих в каком-нибудь романтическом месте. Хорошего вина,

изысканной еды и щекочущей сердце вашего Ромео или Джульетты беседы будет достаточно, чтоб сделать ваш вечер идеальным". Затем, "Ломоносов" принимает вас в День влюбленных в ресторане с танцами. Царский фуршет в чрезвычайно романтической атмосфере и каждой паре по маленькой бутылочке *Moet et Chardon...*"

- Можно мне взглянуть на этот журнал?
- Но он за прошлую неделю...
- Ничего.

Заголовок увиденной мною страницы – *Shaking your tail feather on Valentine's Day!* Что "развевающийся край фаты" обозначает танец, стало понятно из перечисленных *dancing*-ов в конце статьи. Сразу же после этой статьи были перечислены *пять самых романтических пар* Москвы: "бесспорно заслужившая право называться культурным наследием России" поэтесса в стиле нашей Гюльриз Сурури¹⁶², Белла Ахмадулина, и ее художник – супруг Борис Мессенер. "...Как бы ни казались они несколько старомодными... она посвящает ему стихи, а он делает иллюстрации к ее сборникам стихов..." За ними – юная поп-дива в блестящей одежке с открытым пупом, Анжелика Варум и ее длинноволосый возлюбленный Леонид Агутин. Затем – один чрезвычайно успешный бизнесмен и его супруга – модель, о которой утверждалось, что вышла за него она не из-за денег. После них – основательно пожилой кинорежиссер и чрезвычайно молоденькая его кинозвезда – жена, пара Андрей Кончаловский и Юлия Высоцкая...

Госпожа Шеннур хохотала.

- Точно так же, как бомондные журналы в Турции, правда?
- Оказалось, что фильм Чотиненко идет в "Кодак Киномире", в каком-то месте под названием Пушкинская. Если уж смотреть что-то, то давайте посмотрим его. Если не очень далеко, конечно.
- Не далеко, – сказала она. – Заодно и увидите *American House*, тоже неплохо.

¹⁶² Гюльриз Сурури – потомственная театральная актриса и примадонна, ученица легендарного режиссера Мухсина Эргугрула. Вместе с тем, известная писательница, автор нескольких сборников рассказов, пьес, воспоминаний, романов и даже поваренных книг, телевизионная ведущая, известная своим эпатажным видом. – *Примеч. пер.*

То, что она называла *American House*, – первый комплекс киносооружений, равный которому, по слухам, был в Голливуде. Кафетерий, сувенирные магазины, лотерейные кассы, газетные киоски и *veni Ruslari*, *ovie russkie*. Образчики постсоветской молодежи, которых называли *modniki*, известные у нас как *trendy*, одетые в брендовую одежду, с завязанными в хвост волосами или без, но с эпатажной прической, с броскими аксессуарами. Обладающие свойственным только этому кругу исполненным английских словечек сленгом, одеждой, блядами, *таблетками для приведения в порядок головы*. Госпожа Шеннур рассказала, что они составляют новую субкультуру, отличную от всех: от дизайна помещений до образа жизни и общественных отношений.

– В советские времена жизнь была так скучна, так безвкусна, знаете ли. Вечером вообще не было куда пойти. Поэтому мы собирались либо на кухнях у кого-нибудь из ребят-интеллектуалов с хорошо подвешенным языком и с абсурдной бессмысленностью пили водку либо танцевали в уголке крошечной кооперативной квартиры, набросив свитер на абажур для придания романтической атмосферы. Сегодня же у молодежи одна проблема: выбрать, куда пойти этим вечером. Сейчас они выходят из кино и направляются продолжать до утра по ночным техноклубам. Если у тебя есть немного денег и немного энергии, если можешь выдержать без сна – тебе открыт весь мир! Как во всех нормальных странах, хочешь – пей, хочешь – не пей. Помню, что раньше иностранцам, спрашивающим в Москве, как найти ночной клуб, отвечали, мол, ближайший ночной клуб – в Хельсинки... Полушутя–полувсерьез, но это было действительно так... Вы любите попкорн? Здесь делают совсем как в Америке, на сливочном масле, выходит потрясающе, купить? И от уровня звука вы останетесь в восторге, Долби.

Я узнала Красного Уинклера по буйной седой шевелюре. Он сидел с каким-то чернокожим тридцати-сорока лет в одном из кафе известной американской сети *Chuck-full-of-nuts*. По его словам, причиной появления его здесь была неловкость, испы-

—•••••—

танная им прежним вечером оттого, что он до сих пор не посмотрел фильма Чотиненко.

– Я не знал, что мне сказать человеку!

Сидящий рядом с ним мужчина был доктором медицины из Нигерии. Они познакомились во время его последнего визита в Москву, по дороге, во Франкфурте.

– До отправления самолета в Москву было еще несколько часов. Я оставил вещи в камере хранения и отправился в центр города. Я люблю Франкфурт. Я прогулялся берегом реки, еще раз полюбовался старинными соборами, что-то перекусил. Возвращаясь, заблудился в метро. Спросил у первого встречного, и оказалось, что Юлиус тоже ехал в Москву на международную конференцию. Юлиус Ихонвбер, врач. Говорит, что я должен отдать на следующих выборах мой голос за Буша.

– Мне кажется, что Бушу надо дать шанс, – сказал врач из Африки. – Буш – хороший политик. Чего не скажешь о Горе.

– Я сказал ему, что собираюсь голосовать за Ала Гора, Ал Гор хоть занимается проблемами окружающей среды. Но он меня отговаривает. Верит в то, что США должны стать мировым жандармом.

– Что, на самом деле?!

Помню, как нигериец улыбнулся в манере, напоминающей счастливых негров американских телесериалов.

– Ну этот парень, видали идеалиста?! Ха-ха-ха, да он коммунист! Говорит мне, что против американского империализма! А я ему и говорю: смотри, парень дорогой, в мире всегда было неравенство! И всегда будет! Если ты богат, а твой сосед беден, ты переедешь в более богатый район или возведешь стену вокруг своей собственности! Это всегда так. И чувствовать по этому поводу беспокойство – идеализм.

Уинклер повернулся к нам с госпожой Шеннур:

– У доктора Ихонвбера нет ни малейшей капли нравственного переживания! Что ему до того, что Америка, несмотря на то, что население ее составляет четыре процента от мирового, потребляет двадцать пять процентов природных источников! Ему нет

дела и до того, что для того, чтобы удержать эту незаслуженную позицию, она может применить силу!

– Аллах, Аллах! – на этот раз не удержалась от вопроса и я. – Хорошо, доктор, но как вы объясняете то, что при такой бедности стран Африки Америка и Западная Европа так богаты?

Парень улыбнулся еще шире.

– Большинство людей в Африке – феодалы, в современную жизнь они не лезут. И лезть отказываются. Если получают образование, находят там работу, то могут разбогатеть, но это не является их целью. Но взгляните на Америку, там каждый, кто умен, трудолюбив и законопослушен, достигает успеха. Смотрите, я чернокожий. Я уехал в Америку и окончил Джон Хопкинс. Но к тому же, я подрабатывал, стриг газоны, мыл окна, не гнушался ничем. В Америке успешным может быть любой. Не важно, кто твой отец. Важно, что сделал ты.

– А как же те, кто не очень умен? Кто не очень умен или кто не способен набраться достаточно энергии или решительности? В чьих семьях нет возможности отправить в университет, дать образование?

– Кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, – ответил Ихонбер, – и не на что тут жаловаться. Таков порядок мира.

Мне захотелось сменить тему.

– Вы часто встречаетесь с Манделой?

– О, да! – воскликнул Уинклер. – Я даже взял у него интервью для Наташи Ивановой. Он в Окленде занят редактированием своей последней книги, *No to Power!* Мы беседовали с ним о войне в Заливе.

– И что он говорит?

– Говорит, что с 1950 года, когда Сталин заключил союз с Мао, и по наш день не сбылось ни одно из его пророчеств! – рассмеялся он. – Говорит также, что в течение десяти последующих лет Америка ко всему накопленному капиталу добавит еще новый, свободная рыночная система в мире может, как в 1929-м, снова рухнуть.

Если будет нападение на Ирак, то возможна интифада, восстания и даже нападения на американские города. Он посмотрел

“Прошлым летом в друг” Тенесси Уильямса. Пьеса, в которой голодные дети на Галапагоссах съедают богатого американца...

– Я знаю эту пьесу.

– Так он говорит, что пусть Вашингтон и далее продолжает так действовать – его ждет именно это.

– Деланный коммунист, – пробормотала себе под нос пловдивчанка Шеннур по-турецки.

– Что вы хотите сказать?!

Она превесело улыбалась.

– В Болгарии таких, как он, мы называли *деланными коммунистами*.

– Аллах Аллах! Почему же?

– Потому что они совершенно не знают нашей русской истории. Весь их коммунизм происходит из песен, да из гражданской войны в Испании. Знаете, есть такие хорошенькие акварели испанской гражданской войны. No Pasaran!

Она ошибалась. Что Уинклер не был *романтиком*, выяснилось в поезде, на обратном пути в Москву из Воркуты, куда мы ездили повидаться с Тулеевым, чтоб найти рукопись Гринько. Поездом ехать захотела я. Причины – во первых, самолеты внутреннего сообщения слишком уж были похожи на военные бобики эпохи пятидесятых, а во-вторых, охота мне было увидеть русскую тайгу. Ко всему прочему, нас воодушевила и новая проводница на маршруте Воркута–Котлас–Москва, Надя, когда-то преподаватель физики и математики в старших классах школы.

Встретившая нас на станции в форменной железнодорожной шинельке, из-под которой выглядывали разноцветные колготки в цветочек, Надя указала нам на второе купе слева.

– Посмотрите, кто тут есть!

Это был Красный Уинклер. Они расцеловались с Алексием, а уже немного спустя стало понятно, что причиной, по которой он очутился в Воркуте, было очень похожее на предпринятое Алексием расследование, – и я познакомилась с иным обличьем нашего северного соседа, о котором и не подозревала: пожалуй, не менее острый, чем палестинский вопрос, еврейским вопросом.

Выяснилось, что Уинклер был членом *ревизионистского* движения, направленного на создание в Украине комиссии, подобной *Комиссии по установлению истины и примирению с истиной* Южноафриканского Правительства национального единства, занимавшейся расследованием преступлений времен апартеида. Он говорил о том, что в Украине, так же, как и в ЮАР, конфликт между двумя расами, то есть семитами и славянами, завершился насилием и грубым попранием прав человека, а за резню несли ответственность обе части общества. Он объяснил также, что цель комиссии, которую они пытались создать, – *подготовить почву для того, чтоб жители Украины могли с этических позиций и беспристрастно взглянуть в лицо своему прошлому и примириться с истиной*. Предполагалось образование трех комитетов – *Нарушения прав человека, Исправления и совершенствования, и наконец Прощения*. Первый комитет должен был провести изыскания нарушений прав человека в Украине, начиная с 1936 года, установить личность потерпевших и обстоятельства совершения преступлений, а также выяснить, совершались ли притеснения систематично, государством либо отдельной группой лиц. После окончания своих изысканий комитет должен был передать дело *Комитету по исправлению и совершенствованию*, который собирался заниматься восстановлением чести и достоинства убиенных, лечением оставшихся в живых и исполнением долга по улучшению их условий существования. По завершении же и этих мероприятий должна была наступить очередь начать все с чистого листа, то есть *Прощения*.

Во мне очень свежа еще была горечь узников Воркутлага. Ни Кацо, ни Полковник не выходили у меня из головы. Я произнесла “Поздравляю” таким тоном, будто хотела сказать: *только евреев еще не хватало*.

– Пусть вам Бог помогает. И счастливого пути!

Я было чуть не прибавила: *brother*, но посчитала, что больше подойдет *tovariç*, поняв, что и это не то, передумала. Эх, думаю я теперь, надо-таки было сказать *tovariç*, потому что в конце концов так и вышло.

Оказалось, что мы оба пошли хоть и не путем коммунизма, но все же одним путем.

– Конечно, пока все это только мечты, – говорил он, а причину объяснила Надя.

– Международное еврейское лобби делает все возможное, чтобы им помешать.

– Allah Allah! А им-то какое дело?

– Не желают, чтоб всплыло, что большевистская революция на славянских землях означала *покорение славян евреями*.

Не желают, чтоб всплыло, что большевистская революция на славянских землях означала покорение славян евреями! И тот мой вопрос, который я задала, оцепенев от изумления:

– То есть как это?

Это был момент, когда я впервые услышала, что советские органы ГБ, то есть Чека, ГПУ и НКВД преимущественно были сформированы из евреев! Отождествление еврейского вопроса с Палестиной, должно быть по привычке, нагнало на меня основательную оторопь, а затем я подумала, что в мире, где невозможно и пискнуть неугодным евреям словом, утверждение о покорении славян евреями было чрезвычайно смелой выходкой, разве что не параноидальной.

Я попыталась было зацепиться за это изумление.

– Да вы богохульствуете!

Надо было видеть взгляд Уинклера прямо мне в лицо, одним махом отвергающий описание его госпожой Шеннур как романтика!

– Революция, прежде всего и с огромным аппетитом сожрала своих еврейских отцов-основателей!

Судя по всему, я еще не уразумела серьезности ситуации, ибо пробормотала: “Шоколад!”, и тут же схватившая, к чему я веду, Надя постаралась спасти положение.

– К тому же марки Cailler! Я вам чаю принесу!

“...Пускай рядовое и мизерное имя Зудина отпечатается в вашем мозгу, и пускай отныне этот недостойный поступок будет символом низости, зла и предательства на продвижении по пути окончательной и бесконечной революции, наиболее

чистой и искренней целью которой является счастье бесправных! Коммунизм существует только для будущего и только для счастья угнетенных! Эта цель достойна того, чтоб во имя ее жить и умереть!...” Мысли эти делали Зудина гордым и счастливым. И где-то вдалеке, с уст бесконечных отрядов рабочих, марширующих на фронт для защиты родных городов, слетел и вознесся “Интернационал”. А вслед за ним – та песня, которую пел нам, проходя по Красной площади, Уинклер в тот день, когда Шеннур назвала его “деланным коммунистом”: “Город безмолвствует... На башнях Невского – ни души... Полночный свет, освещающий штывки наших сто-рожевых...”¹⁶³

А помнишь строки из Аттилы Ильхана, упокой Господи его душу?¹⁶⁴:

– Ne devrimciler sevdik zaten yoktular!¹⁶⁵

Так ведь?

Помню, что поймала себя на том, что эдак сомневаясь смотрю на американца. И не оттого, что до того влекли меня Чека или евреи, чтобы ввязываться в дискуссию об их роли в большевистской революции, – но оттого, что полюбился мне типаж Зудина. От внутреннего протеста против тех, кто несколькими предложениями может обесценить, попать этого человека, по собственному желанию принизить либо возвысить! его до какой-либо идеи. От страха даже допустить возможность уничтожения высших целей, именуемых *идеалом*.

Это был второй момент, в который, надо признать, Россия показала мне невыносимой.

¹⁶³ Искаженное – “На Невской заставе”. – *Примеч. пер.*

¹⁶⁴ Аттила Ильхан – турецкий писатель, автор серии романов, посвященных подготовке и осуществлению переворота 1960 г. (“Пир волков”, “Лезвие ножа”, “Добыча гиены” и “Соль на рану”). В романе “Соль на рану” социалист старой гвардии Ахмед Зия, выразитель авторской концепции, предлагает отказаться от стандартных рассуждений о прогрессивности европейски образованной интеллигенции. Он утверждает, что ни одно движение не может считаться подлинно революционным, если в нем не участвует народ. Автор писала свой текст, когда поэт был еще жив. – *Примеч. пер.*

¹⁶⁵ Каких революционеров мы бы ни любили – их ведь не было! (букв.). – *Примеч. пер.*

– Милый, милый Зудин, на этот раз его ликвидируют за то, что он был знаком с евреями, – сказала я Уинклеру, не имеющему ни малейшего понятия, о чем я веду речь.

Надя дернула меня за рукав.

– Давай, пошли, поможешь мне сделать чай!

В русских спальных вагонах классом выше общего в конце вагона в нише подле купе проводника обычно стоит самовар, желающий может сам налить себе чаю, а может заказать у проводника.

Оставив Алексея с Уинклером наедине, мы прошли туда с Надей налить чаю. Точнее, наливала Надя, а я стояла рядом и смотрела.

Поскольку железная дорога была единственным средством сообщения в данной местности, практически каждые двадцать–тридцать минут мы проезжали новую станцию. А над станциями – уже виденные мною в Воркуте слоганы, вывешенные плакаты с надписями “Да здравствует класс рабочих! Работаем ради родины!”, за которыми стоял протест, который я только-только начинала понимать... а перед станционными домишками стояли, как вкопанные, и ждали, пока пройдет поезд, с сигналом “Проезд разрешен” в руках, пожилые дородные женщины в железнодорожных комбинезонах ярко-апельсинового цвета... Еще немного – и показав вам спину, они удалялись в свои времянки без окон, переоборудованные из стальных танков с цилиндрической верхушкой. Я забылась, погрузившись в раздумья о том, каким лихим врагом является холод, как почувствовала, что меня дергают за рукав. Это была достаточно пожилая женщина с окрашенными в изумительно рыжий, как апельсиновые железнодорожные комбинезоны, волосами – я подумала, что она покрасила хной седину. От нее так пахло водкой, будто она конденсировалась в пар и была ключом от ее кожи.

– Когда весной тают снега и воды размывают землю, здесь показываются человеческие кости, – проворчала она, показав золотые зубы. В полях полным-полно человеческих костей.

– Что она говорит?

Надя перевела.

Женщина будто не обращала внимания на то, что я ее не понимаю, дернула еще раз и указала впереди на дюжину деревянных, похожих на конуру лачуг, прижавшихся друг к дружке, будто чтоб спастись от ярости полярной тундры:

– Октябрьский.

Вдохновленный Октябрьской революцией *Oktyabrski*, воодушевленный индустрией *Promısleni*, побужденный Советами *Sovyetski* – выстроились в ряд совхозы с промежутком в пятьдесят километров. Составляющие эти совхозы лачуги ютились по обе стороны главной улицы так, как описывал Гоголь.

Из окна поезда мне были видны скользящие с тротуара на тротуар мужчины, карабкающиеся на верхушки сугробов ребятишки, выскочившие на крыши до половины вросших в землю лачуг и усевшиеся там, будто несут стражу, полярные собаки мингрельской породы.

Надо всем и каждому, пробиваясь из длинных труб угольных шахт, лился черный дым. Все, что было видно глазу, дети, люди, собаки, снежные сугробы были вымазаны в угольной пыли. На горизонте с востока то скрывались, то появлялись вновь Уральские горы, словно дельфины, некогда следовавшие за рейсовыми парходиками на Босфоре. Говорили, что на вершине Урала гигантские радарные установки следят за американскими самолетами-шпионами, пролетающими через Северный полюс. Мне было любопытно, как никто не приделал ноги поваленным вдоль колеи телефонным столбам, смутно напоминающим линии электропередач толстым кабелям, цепям и оставленным гнить металлическим приспособлениям, назначения которых я так и не поняла. Апельсиноволосая женщина дернула за рукав снова.

– Я вижу, что вы все люди образованные. Я тоже училась в Ленинградском политехническом. У нас на курсе были студенты из Вьетнама, Болгарии. А я говорю, что Родину спасти может только Вольф Адольфович.

Надя объяснила:

– Жириновский. Фашист, любящий, когда его сравнивают с Гитлером. Божится, что присоединит Финляндию и Аляску к *Новой и улучшенной Российской империи*.

Она обернулась, убеждая огненноволосую вернуться в свое купе, и даже предложила взятку:

– Я принесу вам чай, госпожа, а вы ступайте в свое купе.

– Я хочу не чай, а суп!

Апельсиноволосая запнулась, сделав вид, будто что-то вспомнила.

– Это ты повесила в мое купе ту надпись, что еда вредна для здоровья?

И не ожидая ответа от Нади, она устремилась ко мне.

– Это дело рук демократ-коммунистов! – заныла она. – Предатели делают так, чтобы отвлечь внимание людей от цен на продукты!

Чтоб не упасть, она оперлась руками на обе стены коридора и попыталась идти. Увидев, что это ей не удастся, на помощь пришел моряк, по ящику из шести бутылок пива в руках которого было ясно, что он в увольнении.

– Что, неужели правда есть надпись: *еда вредна для здоровья?*!

Надя подтверждающе кивнула головой и взглянула слегка выпученными блекло-синими глазами в окнѣ поезда, указав на крошечные населенные пункты, рассыпанные по снежной пустыне, которой не было конца-краю:

– Ни единого фрукта, овоща, ни деревца! Что остается этим несчастным для жизни? Только бутылка. Всего-навсего бутылка.

Она втянула воздух.

– Мы останавливаемся.

– Останавливаемся?!

Со времени последней остановки не прошло и часу. Помню, что это вызвало смутную ассоциацию с рейсовыми автобусами, которые у нас называли *кланяющимися каждому столбу колымагами*. Должно быть, в силу избирательного восприятия, но на той же станции я увидела продающего шоколад парализованного хромого. Это был одноглазый старик, закутавшийся в овечью шкуру поверх затвердевших от грязи одежд. Он сидел в деревянной коробке, которую таскали, как санки, пятеро собак. Он поприветствовал открывшую двери

вагона Надю, размахивая оленьими рогами, которые держал в руке.

– Здорово, *babacık!*¹⁶⁶ Почем рога-то продаешь?

Мужчина назвал цену, Надя назвала свою, в конце концов, сошлись на двух бутылках водки.

Когда Надя вернулась в свое купе, чтоб принести бутылки, старик склонился в коробку, вытянул завернутый в газетную бумагу пакет и принялся его разворачивать.

– Шоколад! Шоколаду хочешь?

В руке он держал американский шоколад марки Snicker's!

– Где он его мог найти?!

Надя спросила, а дедушка указал на киоск номер 18.

Надя объяснила:

– Мафия, чтобы найти рынок сбыта для своих товаров, использует государственную розничную сеть.

Я представила себе контрабандные французские духи в моем детстве, припрятанные на полках, и даже не на полках, а под прилавком магазинов Сюмербанка¹⁶⁷. И затем американские шоколадки с жидкой начинкой в Неделю отечественного производителя, позабытые подле тарелок с изюмом и фундуком. А потом – мою единственную подружку в начальной школе, Сюлюн, в доме которой был морозильник. И то чувство бессмысленности, которое было уже близко мне знакомо, усугубилось, лишь Надя сказала, что совершила выгодный торг со стариком и сможет продать рога на юге вдесятеро дороже. Помню, что обрадовалась тому, что остаюсь одна, когда молодая женщина извинилась и ушла варить нам суп.

Я смотрела на шагающих вверх-вниз по платформе военных в длинных мышиноного цвета шерстяных шинелях; на пытающихся продать завернутый в старую газетную бумагу отварной картофель бабушек; на выкрашенные в яркие цвета гербы Советского Союза, висящие на рушащихся от отсутствия ухода станционных зданиях, и думала о безусловной вере и обрекающих на смерть

¹⁶⁶ В оригинале: папочка. Тут, вероятно, ошибочно, автор имел в виду: отец! – *Примеч. пер.*

¹⁶⁷ Сюмербанк – Банку принадлежала также сеть магазинов. – *Примеч. пер.*

процессах над такими людьми, как глава местного Чека Зудин и печник Кацо, как передо мной проплыл силуэт Ленина высотой с трехэтажный дом: нет, не все еще памятники на Руси были разрушены. Я поймала себя, спрашивая: “Или только ты был один такой придурок?!”

Затем мне бросилась в глаза афиша собрания известного американского проповедника Билли Грейема, наклеенная на постамент памятника. Оказалось, что в эти места добрались не только миссионеры Священного Евангелия, с которыми мы познакомились в Сыктывкаре, но и этот мерзкий делец от религии! Говорят, что в ситуациях, когда он не мог сам лично приехать, он проповедовал при посредничестве громадных телеэкранов, которые устанавливали в каждом населенном пункте в здании театра, имеющемся в России практически повсюду!

Когда я вернулась в купе, Уинклер говорил:

– Мука, сахар и вода! По своду еврейских религиозных правил, потребление этих трех веществ не требует специального позволения раввина. Несмотря на это, например, на этикетке природной минеральной воды марки *NAUA* вы можете увидеть штамп *Montreal Kosher*. На около шести тысячах продаваемых в США и Канаде продуктах питания стоит: *одобряю* того или другого раввина. Налагаемая как на иудеев, так и гоев своего рода подушная подать, точнее дань.

Сейчас нигде не видано, чтоб уплачивающий дань человек, чтоб не побили ему окна, а в офисе не пустили красного петуха, открыто признавался о поборах, взимаемых из его кармана, но дело дошло до того, что даже на этикетке “Столичной”, продаваемой как истинная русская водка, стоит кошерный логотип Союза Ортодоксальных Еврейских Общин: U. К тому же, скрывают, что “Столичная” на самом деле является продуктом компании *Pepsi Cola Wines & Spirits International*. Здесь идет речь о миллионах долларов. Также и в Северной Америке кошерная индустрия растет как снежный ком. Из более десяти миллионов производителей кошера – только два миллиона евреев. Все остальные – люди, требующие кошера по религиозным, как мусульмане, идеалистическим, как вегетарианцы, или другим

причинам вроде здоровья. Фальшивка на миллионы долларов. Мы писали главе Еврейского Конгресса Канады Моше Ронену, писали дочери короля прессы Дейвида Рэдлера Мелиссе, писали кандидату на парламентских выборах Джозефу Бен-Ами. Все прикидываются глухонемыми, мы не получили никакого результата.

Кошерная водка, кошерный виски, кошерный отбеливатель для белья – что бы ни пришло вам на ум, за каждый продаваемый товар раввинам платят дань. Неевреями владеет такое чувство, будто они искупают свои грехи за *геноцид*. Геноцид становится оправданием мошенничества. Вот именно поэтому чего только ни делают, чтобы не допустить осуждения *геноцида* Голливудской версии, включая поджоги зданий IHR (Institute for Historical Revision) и расстрел его сотрудников.

– Главным оружием, приготовленным евреями-сионистами, является Геноцид. Его хватает, чтоб вытягивать большие деньги как с американцев, так и с европейцев. Миллионы долларов, и эти деньги уходят на то, чтоб заткнуть рот организациям вроде IHR. На каждый истраченный ревизионистами доллар противоположная сторона тратит сто.

– Мы находимся в такой не имеющей равных экономической и политической осаде, Алеша! И эту осаду своими силами нам не пробить. Мы нуждаемся в вашей помощи. Все, что мы хотим, – это сделать так, чтобы в Украине, кроме голословных утверждений, были заново переоценены исторические события в свете судебной медицины, современной науки и письменных доказательств. Мы хотим, чтобы свет правды растопил замороженный лед нашей истории, и истинные события были выведены на свет Божий.

Он говорил о том, что евреи были *одной из непосредственных сторон* кровавой истории Советского Союза и особенно Украины, путь его страны к примирению с этим прошлым лежит через исследование еврейских операций, а это в свою очередь представляется невозможным без осуществления независимого осуждения *голливудской версии* геноцида. Но при этом исследование геноцида и выявление истинной сути вещей не устраивает

—•••••—

американских евреев, так как ставит под угрозу их имидж *притесняемых*.

– Нам всем каждодневно рассыпают угрозы, по телефону или в письмах, – говорил он. – Один раз из автомобиля открыли огонь, и один ревизионист был тяжело ранен.

Трое наших товарищей подверглись нападению. Еврейские террористы пять раз забрасывали здание IHR коктейлем Молотова. 4 июля 1984 года они подожгли наш склад, и у нас сгорело более десяти тысяч книг. Кроме того, исчезли редкостные документы, незаменимые ничем иным дела. Ущерб четыреста тысяч долларов. А потом, как соль на рану, Государственный Генпрокурор США и Антиклеветнический Союз сели и вместе подготовили закон 1994 года¹⁶⁸, увеличивающий наказание за преступления на почве ненависти. Стало наказуемым даже вести речь о том, что в Соединенных Штатах выявление врагов еврейства само по себе уже превратилось в сектор услуг. Где уж перечислить политические, материальные и социальные выгоды упорствующих в абсолютизации геноцида, которые они получают с этой априорной догмы!

Он обернулся к Алексею.

– А вы знали, что именно сенатор Либерманн был тем, кто внес в сенат поправки по гомосексуалистам?

И не ожидая ответа Алексея, рассмеялся:

– Но на этот раз он попал пальцем в небо. Чтобы подпасть под закон о преступлениях на почве ненависти и способствовать тому, чтоб критикующие *их образ жизни* высказывания стали считать наказуемыми, армейские гомосексуалисты поддерживали Либерманна. Он же выступил с речью в смысле того, что, дескать, “Гомосексуалисты тоже рабы Божьи, но поддержка этого закона не означает согласия с тем, что гомосексуализм является высокоморальным”. Еврейская община восстала: “Тора открыто пишет о том, что Господь проклял гомосексуализм. Что теперь, вы признаете Господа виновным в преступлении на почве

¹⁶⁸ Hate Crime Sentencing Enhancement Act (28 U.S.C. 994). – *Примеч. авт.*

ненависти?! Пересажаете за решетку всех верующих, судящих в соответствии с Божьими заповедями?!”

Глава Еврейской Ассоциации по Обеспечению Моральности раввин Ицхак Леви вопрошал:

– Меня и других моих друзей раввинов, неужели подвергнут нас помыкательствам и наказаниям за то, что несем мы в народ глас Божий?!

Сенатор Либерманн, о котором он вел речь, еврей, которого выставивший свою кандидатуру на президентский пост после Клинтона Ал Гор рекомендовал на пост вице-президента, был близким другом Терезы, и насколько мне было известно, именно он помог ей связаться с Давидом Рабиновичем.

Краем глаза я взглянула было на Алексия, он молвил тогда “Да”, отвел взгляд.

В момент, когда я наконец покорилась мысли, что у меня нет иного выхода, кроме как согласиться: все напрасно, – я говорила о том, что Палестина была одной из двух стран, куда я думала ехать для образования. По мере того, как Уинклер говорил, мне казалось, что я будто не в России, а в Иордании или в Тунисе. Говорившим же напротив меня был Абу Фирас либо Файез Халиль! И я бы не удивилась, услышь, что сказанное Эдвардом Саидом о Палестине Уинклер применяет к Украине: *“Определяющей особенностью украинской истории является несущая характер катастрофы общенациональная встреча с сионизмом. Вероятно, по целому ряду критериев мы представляем собой обыкновенный народ; национальная наша история в основе своей является европейской и есть свидетельством нашего поражения против обуреваемой страстями идеологии и практики. Нам также не удалось привлечь внимание Запада к своим законным претензиям. Несмотря на это, я полагаю, что мы уже начали создавать свойственную нам самим политическую идентичность и волю”*.

Помню, что вмешалась:

– Мне известно, что значит не суметь привлечь внимания Запада к законным претензиям. По-моему, двуличность за-

—•••••—

падной прессы и интеллектуалов горше империализма. Вам не удастся дать им сказать и слова о сионистском терроре. Угодничать с осторожными интеллектуалами – все равно, что угодничать с Симоном Визенталем¹⁶⁹. Даже проведение расследования влечет за собой обвинение в антисемитизме. Я потому только что сказала, что, критикуя *святой* народ, вы богохульствуете, и гореть вам в адском пламени!

Помню, что Уинклер смотрел на Алексию, будто только по прошествии такого количества времени впервые постиг, что я – турчанка. Должно быть, думая, что как мусульманка, я неизбежно должна быть антисемиткой, он поспешно перешел в защиту.

– Мы не являемся антисемитами. Институт ревизии истории не отрицает факт геноцида, однако исследует его истинные размеры и ряд его сторон. Ибо существует также *Голливудская версия истории*, и прежде всего – история геноцида.

– Как мне не знать?!

– В наши дни культурную и политическую жизнь большей части Америки и всего мира определяет Голливудская версия геноцида. Вот то, что мы исследуем. В ответ на это наши противники представляют нас как организацию, *отрицающую факт геноцида*. Цель – нанести ущерб нашей репутации, выказать нашу деятельность бесполезной. Между тем как мы хотим укрепить добрые отношения меж украинцами и евреями. Кто желает разжечь в Российской Федерации пламя антисемитизма и постоянно поддерживает на повестке дня вражду к евреям? Сионисты, желающие вывезти в Израиль всех оставшихся еврейских ученых и инженеров украинского происхождения. Именно это является причиной, почему при каждой подвернувшейся возможности украинцев выдают за враждебных евреям животных. Чтобы остановить этих людей, недостаточно ни логики, ни исторических документов, ни совести. Мы стоим перед одним из величайших грабежей, промываний мозга в человеческой истории. Если не удастся наладить диалог, чего как раз стараются не допустить, то украинцы потеряют всех своих наиболее талантливых соотече-

¹⁶⁹ Еврейский идеолог борьбы с антисемитизмом, занимается поиском нацистских преступников, виноватых в Голокосте. – *Примеч. лит. ред.*

—•••••—

ственников. А это в свою очередь означает для Руси проигрыш экономической войны и даже утрату независимости. Мы хотим, чтоб евреи вернулись назад и вместе со всеми встретились лицом к лицу с историческим прошлым страны. А на этот раз против нас выступают *Положения о преступлениях на почве ненависти*.

Он втянул в себя воздух.

– Пойду куплю себе пива, вы будете?

– Да, пожалуйста, – сказала я. – Если можно, *Stari Melnik*.

– Конечно.

Алексий поднялся:

– Я возьму.

Госпожа Шеннур говорила когда-то раньше о том, что в поездах транслируют музыку.

Я уже свыклась с *Подмосковными вечерами*, звучащими в купе. *Moskova geceleri* рассказывали об абсолютной тишине в лесах, застывших до первых утренних лучей: *Ne slišm v sadu daje šörobi... Vsyo zdes zamerlo do utra... Yesli b znali vi...*

– Хоть это и коммерциализированная песня, я все еще нахожу ее очень красивой, – сказала я.

Уинклер одобрил кивком головы:

– Не правда ли, чрезвычайно интересно то, что из культуры, где музыка считалась грехом, смог пробиться столь зычный ее источник?

– *Грехом?! Я не ослышалась?*

– Да, я сказал – *грехом*, правда. В семнадцатом веке инструменты русских *скоморохов* разбивали им на головах, а самих бросали в темницы. В старой Руси божья служба состоит лишь из песнопений, а песнопения сопровождают лишь только звоны колоколов. Дьявольским надувательством считалась музыка. Ей не позволялось конкурировать с великолепием богослужения.

Он наблюдал из окна пространство бескрайней снежной пустыни, растянувшейся и простирающейся до подножия безоблачного, как лед, небосвода. В который раз я осознала единственную жизненную важность поезда в этой стране, который я могла сравнить только со спасательным кругом. Это не была узкоколейка, подобная курсирующей между Балыкесиром и

Эдремитом, – и выйдешь, и цветочков насобираешь, и снова заберешься, – а поезд посреди ледовой пустыни. Будто суденышко в океане. Абсолютная зависимость, порожденная вашим знанием того, что не сойти вам и не сбежать, превращается в безысходность. В моей личной ситуации может дойти до приступов паники.

Однажды ночью в одной ледяной пустыне были звезды и черный поезд.

Однажды ночью в одной ледяной пустыне черный поезд был один-одинешенек со звездами.

Звезды были несметны.

Паровоз задышался.

Ледяная пустыня была во тьме и совершенно ровной, покуда достигал взор.

Он посмотрел с интересом.

– Это из Назыма Хикмета, – сказала я, указывая за окно. – Но не об этом!

The night when only the stars and the sailboat were on the sea

The night when the sailboat was all alone with the stars

The stars were countless.

The sails were windless.

The water was dark and flat as far as the eye could see¹⁷⁰.

Он отлично знал Назыма. Слегка усмехнулся.

– So, I see.

Мы довольно долго стояли, ни говоря ни слова. А затем...

– Тишина была высшим идеалом, достичь которого стремились в монастырях, вся Русь стояла в глубокой тишине на протяжении веков... Конечно, если мы не будем считать невеликое число иноземцев, играющих для петербургских аристократов в восемнадцатом столетии.

Мне пришел в голову тот поднимающий дыбом волосы мотив, который начал исполнять оркестр, когда мы в день рожденья

¹⁷⁰ Перевод автора на турецкий: Однажды ночью в море были одинокие звезды и парус / Однажды ночью в море парус был один-одинешенек со звездами / Звезды были несметны / Паруса были тусклы / Вода была темна и тиха, покуда хватит взгляда. – *Примеч. пер.*

входили вместе с Алексием и Терезой в двери ресторана “Россия”. Это была мелодия, показавшаяся мне будто выходявшей из хрустальных колокольчиков, которую я могла бы определить как *хрупкую*, но при этом такая прозрачная, духовная, однако что-то в ней удержало меня от мысли, что это – музыка церковная. В ней были даже фразы из народных русских мотивов, которые было под силу узнать даже иностранке, подобно вашей покорной слуге, – фразы, которые очень уж напоминали мне вечерние собрания близ Диканьки, рассказанные Гоголем.

– *Сколь прекрасен наш Господь!* – вспомнилось Уинклеру. – Гимны царей. В октябре 1917-го каждый день меж трема и шестью часами после полудня колокола Кремлевской башни звонили этот мотив. В 1918-м его запретили, и он уступил место *Интернационалу*. В начале этого года он был реабилитирован. Тогда вечером оркестр сыграл его впервые в честь Алексия.

– Быть князем приятно, не правда ли?

По моему разумению, я шутила.

– Не потому, что князь, а потому, что масон, – отвечал Красный Уинклер. – *Сколь прекрасен наш Господь*, светский гимн господень. Бортнянский¹⁷¹ написал к нему музыку для брата-масона. Он известен также как гимн русских масонов. Слова – Державина.

Державин Гаврила Романович – один из величайших русских поэтов за всю историю Руси, создатель светской русской литературы и русского классицизма. До того, как его запретили большевики, гимн исполняли в масонских ложах на *Празднестве братской любви* и на выпускных балах военных школ.

– На русской масонской традиции всходило тесто круга городской интеллигенции. Масонство оформило круг интеллигентов не только царской России и Советов, но и восприятие жизни современной нам русской интеллигенции.

Он прислушался к голосу, раздающемуся из динамиков.

“*Podmoskovnye večera...* Абсолютная тишь лесов... Да, слышные, когда их выслали в вековечную глушь Сибири, заводили

¹⁷¹ Бортнянский – основоположник российской классической музыки конца XVIII века, украинского происхождения. – *Примеч. пер.*

похоронные плачи – причитания. Эти похоронные плачи – мелодии, обжалующие тишину, на которую обрекали несчастных...
“*Город безмолвствует... На башнях Невского – ни души...
Полуночный свет, освещающий штыки наших сторожевых...*”

Он отвел взгляд от снежной пустыни.

– Из великих цивилизаций человечества одна только американская цивилизация моложе России, – продолжал он. – Русскую цивилизацию как таковую оформили тяжелые условия жизни и религиозные верования. То же положение действительно и для эмигрировавших в Северную Америку. Еще более тяжелые материальные условия на Руси стали причиной развития необычайно интенсивной духовности в русском человеке. Пронизывающий холод, компенсируемый теплотой человеческих отношений... – кивком головы он указал наружу, – бесконечная, нескончаемая горизонтальная равнина углубили желание человека построить вертикальную связь с Господом и встретиться с Ним в высшем будущем. Русская православная духовность, жизнь в тесном соприкосновении с силами природы и подражание Западу – вот три столпа, на которых возвысилась русская культура.

Один из лучших примеров этого процесса – музыка Мусоргского. Композитор взял за образец все сразу произведения западных композиторов и разработал совершенно оригинальную русскую их вариацию. Делая это, он надеялся, что в произведении воплотит всю боль и устремления Руси, внесет свой вклад в усовершенствование общества. На Руси музыку творят, чтоб обрести гармонию, Гюльоя, а не ради забавы.

– Вы очень любите эту страну, ведь так?

Он закивал головой.

– *Yes! Very much, yes!* Смотрите, я припоминаю, как в конце восьмидесятых *Yo Yo Ma* исполняли в Санкт-Петербурге соло для виолончели Баха. Глубочайшее внимание русских слушателей, их восприимчивость, понимание... Я помню, как во время антракта подумал, что не встречал такого охватившего их лица глубинного познания даже на самых серьезных церковных богослужениях на Западе.

– Я знаю, что вы имеете в виду. Я видела, как декламируют поэзию на свадьбе в Екатеринбурге. Тогда меня чрезвычайно впечатлило, с какой почтительностью приглашенные умели ее слушать.

– Преклонение перед doskonaльным, почитание как недостижимого знающего более глубоко, умеющего исполнить лучше, являющегося более содержательным... В Америке уже такого не встретить. Я знаком в Калифорнии с одной необычайной американкой, посвятившей всю себя истории искусства. Когда она читала лекции, самые большие залы штата набивались так, что яблоку негде было упасть. Сейчас все это уж меняется. Восемнадцатилетний студент университета не только отваживается говорить, что его мысли о Ван Гоге отличны от мнения его Учителя по истории искусства, но и способен притязать на то, что его собственное мнение как минимум столь же ценно, как и мнение Учителя. В этом содержится скрытый намек на возможное укоренение идеи о том, что всякое суждение обладает равной *ценностностью и содержанием*, а мнение восьмидесятилетнего историка искусства может казаться ей самой столь же верным, как и мнение восемнадцатилетнего студента – ему самому. Рассказавшая об этом маленьком инциденте историк искусства обратила тогда внимание на то, что ход событий отразил в себе настолько же тенденции американской образовательной системы, насколько и культурный уровень современности.

И вы знаете, как ни прискорбно, но она была права...

– Тенденция в Соединенных Штатах, и особенно в классических гуманитарных науках, склонна принимать все суждения как в равной мере ценные. Американское общество охватила склонность агрессивным образом отрицать оценку знаний, приобретенных умений, оценок либо же предчувствий одних как более достойных по отношению к таковым других. Стало невозможным сказать, что что-то лучше чего-то другого. Тогда как на Руси не так. В России вы еще можете увидеть уважение и почитание doskonaльного, знающих лучше и глубже, исполняющих на практике лучше и основательнее.

Он умолк, глубоко вздохнул.

– Когда я думаю о том, чем могла бы стать великая русская культура, меня до самых глубин, до самых печенок берет за живое!

– *What is might have been*, произнес Уинклер, – *что могло бы случиться, но не может быть*, – в смысле, не может быть при том, что имеются все возможности для того, чтобы было. В тот вечер только что поступившая весть об убийстве по привычке ассоциировалась с кличкой Kızıl – красный, и я приписала скорбь старого штыка-коммуниста разочарованию.

– Вы говорите о явлении, называемом Великой криминальной революцией?

Он пожал плечами.

– Я никогда в моей жизни не выступал адвокатом Советского Союза. Я стал хорошим его *учеником*, хорошо усвоил урок под названием Советский Союз, урок, которому не отдал должного практически никто в Американской Коммунистической партии. Сейчас вот здесь у меня спрашивают, как, мол, это получилось, что парень, настолько же, насколько и Вы, защищавший свободумыслие, не выступил против такого режима – душителя оппозиционеров, как Советское правительство? Спрашивающим об этом следует понять то, чего они так и не поняли, – что существуют исторические условия как для того, чтобы Советские правительства душили своих противников, так и для сопротивления таких людей, как Борис Тулеев и я, деятельности правительств.

Смотрите, когда в 1918–1920-е годы четырнадцать самых сильных держав мира, среди которых была и Америка, перешли в вооруженное наступление, чтоб уничтожить Советское правительство, то поддерживавшие СССР смеялись над нашими требованиями демократии, – то же, что в наши дни делает большая часть выступающих против войны в Заливе. Когда в 1931–1932-м Мандель еще был здесь, люди – будь-то сторонники находящихся при власти или нет – еще могли говорить всюду, где только желали, с кем только желали и о том, о чем только желали. Поскольку они не только не ощущали давления, но и лично сами

были свидетелями распространяемой об СССР лжи за границей, то не поверили в слухи о начавшихся в 1935 году чистках. А когда умер Сталин, и российская печать начала публиковать статьи, которые большинство зарубежных коммунистов читать не могло, мы о происходившем узнали только тогда. Возьмите Лавстоуна¹⁷². Лавстоун продолжал верить в то, что СССР является государством рабочих и поддерживать Союз до тех пор, пока Сталин в 1938 году не ликвидировал Бухарина, – включая и оказание помощи Советской разведке. После Бухарина – и до самой своей смерти в 1989 году – он работал на распад Советской империи. Все опубликованное начиная с 1958 года в КРФА Pasifica также было факсимиле с новостей из советской печати. И впрямь, радиопрограмма называлась *Советские журналы и печать*. А в разведку в большинстве своем шли такие же, как Тулеев, люди.

Мне следовало убедиться, что я не ослышалась.

– *Boris Tuleyev?!*

– Он самый, – отвечал Уинклер. – Благодаря Тулееву удалось спасти от *чисток* сотни людей, в том числе и основателя Американской коммунистической партии Джея Лавстоуна.

– Он же тоже должно быть еврей, не так ли? Джей Лавстоун?

– Да, Яков Либштейн. Литовский хасид. Когда семья его в 1907 году эмигрировала в Нью-Йорк, ему было десять лет.

Он был золотоволосым и голубоглазым ребенком, очень скоро американизировался. Он полностью порвал все свои религиозные либо общественные связи с еврейством, сменил имя. Когда в 1919 году он выпускался из Сити Колледжа, то был одним из передовых социалистических лидеров в школе. В том же году он записался в только что созданную коммунистическую партию и за короткий срок поднялся до поста заместителя главы, Чарльза Рутенберга,

¹⁷² Лавстоун, Джей – (Lovestone, Jay) (1898-1989) – еврей-марксист, эмигрант из Литвы в Нью-Йорк, примкнул к Социалистической партии, затем член Центрального комитета, лидер американской Компартии (1928), организатор коммунистической оппозиции. Закончил жизнь советником президента США и ярким антикоммунистом. – *Примеч. пер.*

который и сам был евреем. В 1925 году они с отцом Манделя впервые приехали в СССР. Господин Мандель с целью построения социализма проследовал в Сибирь, а Лавстоун остался в Москве, и в ситуации, когда умер Рутен-берг, получил поддержку Коминтерна на пост главы. Однако вскоре он узнал, что Москва так же скоро может забрать то, что скоро дает. Находясь здесь, он подружился с Бухариным. Когда же дружба эта, несмотря на смертельное соперничество в Кремле, продлилась и дальше, в 1929 году Коминтерн потребовал от Лавстоуна уступить пост главы партии верному сталинисту Уильяму Фостеру. Лавстоун не только отверг предложение подчиниться приказу, но и приехал со своей делегацией в Россию. Предстал пред очи Сталина. Тогда Коминтерн отклонил фракцию Лавстоуна и потребовал их отставки. Когда же Лавстоун отверг и требование отставки, Сталин запретил ему выезд из России. Тулеев, используя свой авторитет перед советскими тайными службами, помог ему бежать.

– Вы хотите сказать, Тулеев был из НКВД?

– Должно быть, из ОГПУ, – ответил Уинклер. – Общее Государственное Политическое Управление. Бывшее ГПУ. В 1924 году со сменой конституции в СССР его забрали у НКВД и напрямую переподчинили Центральному Комитету партии. Как минимум, это то, что мне известно. Точно знает Алексей.

– Что точно знаю?

Он стоял в дверях купе, в руке “Старый Мельник” с зеленой этикеткой – и черные очи жителя Эгейского региона – юноши из самолета!

– Был ли Борис Тулеев из НКВД!

– Может быть, – сказал Алексей. – А почему?

– Так ведь? Разве не так?

Я не знала почему, но будто меня предали. Голос мой прозвучал жестче, чем я намеревалась это сказать. Алексей сделал то, что делал всегда в подобных ситуациях, не ответил. Его взгляд ускользнул от нас, он ушел в себя. И я оставила их наедине с пивом, выйдя из купе.

Но история Лавстоуна на этом не окончилась. Она стала также причиной выливания на поверхность моей скрытой до

того года вражды с его подругой Терезой. Итак, 1999-й стал годом шестидесятилетней годовщины Американской социалистической партии, семидесятой годовщины их коммунистического издательства *Militant & Pathfinder* (Борец и пионер) и восьмидесятой годовщины коммунистического движения в США. Видеозапись одной из программ, отснятых по этому поводу телеканалом CBS, привезенную Игнатом Солженицыным из Филадельфии, мы посмотрели в квартире Алексия и Терезы на Октябрьской площади. Она длилась шестьдесят минут. И была отснята во Львове – я подумала, самом красивом, самом изысканном городе мира, включая Рим, Париж, Будапешт, Санкт-Петербург.

Львив, или Львов, город в Украине, на запад от Киева, ближе к польской границе, к которому я прониклась такой завистью, какой не завидовала в жизни ни одному городу! Должно быть, не ошибусь, если скажу, что ни один город не выпячивал мне в лицо так явно, как Львив, безалаберность, неряшливость городов моей собственной страны! Это была такая необъяснимая никакими ценностями и деньгами, дешевой рабочей силой или империализмом глубина архитектуры, что, когда я узнала о том, что город внесен в Список мирового архитектурного наследия ЮНЕСКО, то, помню, подумала, что это – самое лучшее из всего, что могло сделать ООН.

Говорят же, ах, если бы камни умели говорить – но камни молчат. Площади и дворцы не расскажут увиденного. Неправда то, что лучше один раз увидеть, чем сто раз прочесть, нет. Ибо увидевший видит *мгновенье*, не *процесс*. И на этот раз отраженное объективом операторов CBS было не только не ценнее, чем один из безосновательных комментариев, столь же бесконечных, сколь бесконечно *мгновенье*, но совершенно откровенно опасно.

Камеры включились на одной из напоминающих цветник площадей Львова, и на изображение наложился голос ведущего по имени Моли Сейфер, который, как я впоследствии узнала, был одним из важных имен еврейского лобби.

“... Каждый божий день недели в городе Львове вы можете услышать призывы к свободе. Все, и мужчины, и женщины,

выказывают свои соображения о том, как следует управлять молодой независимой Украиной. И пусть они не могут еще достичь согласия по многим вопросам, однако существует два пункта, по которым полное согласие достигнуто: давний враг украинцев – русский коммунизм и еще гораздо более давний – евреи...”

Камера приблизилась к неизвестной личности из проходящих по площади, и стало слышно, как человек произнес: “*Моего брата убил русский!*”. Приблизилась к другому: “*Мы, украинцы, не обязаны покорно склоняться перед Америкой или евреями!*”

А после слова “евреями” – голос ведущего поверх изображенный молящихся в синагоге евреев.

– *Иаков Блайх пять лет тому назад покинул Соединенные Штаты Америки, чтоб стать главным раввином Украины,* – продолжала Галина Алексеевна. – И началась великая ложь! – она выругалась. – На минуточку, Блайх – не главный раввин, он представляет не всех украинских евреев, а хасидов!

Тереза пила пиво. Она пожала плечами, будто возразив: “Да какая собственно разница?” Поведение ее, заставляющее припомнить пренебрежительные гримасы секуляристов в Турции по отношению к чересчур чувствительным в вопросах тонкостей религии раздражило Наташу Иванову.

– Разница – это разница между отвращением, двуличностью, эксплуатацией – и любовью, искренностью и солидарностью, – вступилась она. – Разница между причинением боли, разделением, копанием ловушки – и залечиванием ран, единением и воодушевлением! Блайх был воспитан в Бруклине...

– So?!

– So, Любавичский раввин, ученик Шнейерзона...

– So?! – произнесла Тереза вновь.

– Шнейерзон, предводитель хасидов *Хаббада!* Человек, полагавший *святым* то злое евангелие, названное *Хатана!* Человек, руководивший Хаббадом из своего штаба в Нью-Йорке!

Я было подумала, что Тереза позволила себе немного лишнего в пиве, и поэтому не могла заметить свою излишнюю настой-

чивость в вопросе, по которому принимающая нас всех сторона выказывала совершенно явное неравнодушие, – и посчитала своим долгом в данной ситуации компромисс.

– Где Киев, а где Бруклин, Нью-Йорк! К чему готовить киевских раввинов в Нью-Йорке! Что это за система?

Это был совершенно невинный вопрос, я совсем не ожидала, что Тереза рассердится на меня за то, что мне не по душе пришелся факт получения образования киевскими раввинами в Нью-Йорке. Она обернулась ко мне с заставляющей предположить что-то личное, и от этого обескураживающей яростью.

– Да что вы вообще знаете об иудаизме?!

– Мне известно немного, Тереза. Знаю только, что существует страна под названием Израиль, что там живут люди, говорящие, что они иудеи. Ну и, конечно же, знаю Палестину, знаю Сабру и Шатиллу¹⁷³.

И пока Тереза держала паузу, как будто готовясь что-то сказать, еще одна примиряющая сторона, Надя Иванова, объяснила то, что должно было быть общеизвестно:

– Этот Шнейерзон известен как фюрер Хаббада, Тереза. По Хатане, все неевреи без исключения есть дьявольские создания; в природе их от сотворения нет ничего благого. Шнейерзон следует Хатане буква в букву. Он верит, что нееврейский эмбрион есть качественно различный от эмбриона еврейского. По мнению хасидов Хаббада, Творение было осуществлено исключительно для иудеев, и в этом мире существование неевреев излишне и неуместно. Заявления любавичского раввина в адрес неиудеев затыкают за пояс нацистов!

– Кроме того, бытует распространенная вера в то, что он – мессия, помазанник божий.

Я знавала в Нью-Йорке ожидающих осуществления не сегодня-завтра сверхъестественных событий, которые бы подтвердили, что Шнейерзон – помазанник божий.

Игнат покачал пультом от телевизора в руке.

– Ну что, продолжим?

¹⁷³ Два лагеря палестинских беженцев в Бейруте, вырезанные израильской армией и их ливанскими союзниками в 1970-х годах. – *Примеч. лит. ред.*

На этот раз на экране появился сам главный раввин Киева Йаков Блайх. Он распорядился:

– Совершенно ясно, что люди, говорившие: *“Мы, украинцы, не обязаны покорно склоняться перед Америкой или евреями!”*, – исполнены ненависти. Я хочу сказать, что если здесь еще водятся те, кто кричит: *“Давайте утопим русских в еврейской крови!”*, то в этой стране не может быть и речи о какой-либо любви.

И пока, повторяясь, мелькали знакомые сцены, показывающие молящихся иудеев, идущие колонны иудеев, изображения времен второй мировой войны, фотографии нищих детей, горы еврейских трупов в снегу, диктор говорил: *“Львовские евреи, выражая свою обеспокоенность, правы. В последнее время можно часто встретить сцены, подобные этим. После развала советского коммунизма все чаще стали раздаваться голоса украинских ультранационалистских партий”*. Слова диктора сопровождало изображение якобы лидера УНА-УНСО, выкрикивающего лозунг: *Слава нации! Слава нации!* И далее: *“Их выкрики и флаги напоминают ужасающие дни прошлого”*.

Пока камера свободно плавала по площади, голос продолжал: *“Одно время площадь, на которой они проводят манифестацию, называлась имени Адольфа Гитлера. Около пятидесяти лет назад украинцы встречали гитлеровские части на этой же площади как избавителей. Тысячи их присоединились к СС и ушли воевать в рядах нацистов. В это время они также помогали ловить львовских евреев. Приблизительно сто сорок тысяч евреев, а это практически все львовские евреи, было уничтожено. Среди наблюдавших в ужасе за происходящим был юноша, впоследствии охотник за нацистами номер один в мире, Симон Визенталь. Визенталь, что и поныне проживает в Вене, вспоминает, что зверства украинской полиции начались за три дня до прихода немцев”*.

Здесь речь оборвалась, и началось интервью с человеком по имени Симон Визенталь.

Визенталь: *Только за те три дня количество убитых евреев составило около пяти-шести тысяч.*

Корреспондент: *Насколько я понял, украинцы, как оказалось, были хуже немцев.*

Визенталь: *Я не стану этого говорить о гражданском населении, но да, украинская полиция была гораздо хуже.*

Корреспондент: *Да, это правда! В третью неделю июня 1941 года, немногим раньше прихода германских войск на Украину, они пришли в тюрьмы. Прямо на месте они уничтожили заключенных, осужденных более чем на три года. Ровно десять тысяч заключенных! И это лишь официально зарегистрированные! Более пяти тысяч пропавших без вести! Число убитых украинцев, большинство из которых было людьми интеллигентными, и вовсе неизвестно. Когда немцы 29 июня пришли, во Львове стоял запах скотобойни. Золочив, Ривне, Дубно, Луцк, Станиславив...*

Я увидела, как терзался и сыпал проклятьями полковник Иван Петрович!

– Операция ЧК – ГПУ – НКВД по проведению чисток на территории Украины состояла в ликвидации евреями евреев! – попытался разъяснить он. – Каждые шесть из десяти уполномоченных в зверствах тройки ЧК – ГПУ – НКВД – были евреи! Из четырех оставшихся двое – русские, один – украинец и один – литовец! Кроме того, евреи и по стажу зверств оставляли русских позади! Та же пропорция была справедлива и в отношении ликвидированных. Каждые семь из десяти уничтоженных были евреи, двое русских и один литовец!

– Это правда?

Надя горько покачала головой.

– Правда. А если подумать о том, что в эту статистику не включены славянизированные имена немецких и польских евреев, то число евреев в треугольнике ЧК – ГПУ – НКВД непременно окажется еще большим.

– Голованивский Бернард Вольфович стал *Козельским Борисом Володимировичем*; Израиль Моисейович стал *Радзивиловским Олександром Павловичем*. Я таких сотни знал...

Краем глаза я взглянула на Терезу, но она углубилась в телевизор и будто не слышала.

Корреспондент говорил: *“Большинство из ушедших в СС украинских мужчин назад не вернулось. Они погибли, сражаясь за Гитлера. Однако прошлым летом некоторые из оставшихся в живых, ветераны дивизии СС Галиция¹⁷⁴, собрались по приглашению Львовского городского совета. Украинцы – ветераны СС все еще проживают в Канаде, Америке и Украине. С другой стороны, нигде в мире, включая Германию, так открыто не праздновали СС. Так же, как и его предшественник пятьдесят лет назад, глава украинской католической церкви кардинал Любачивский приветствовал церемонию”*.

На экране появилось интервью с кардиналом.

Корреспондент: *Разве вы не проводили торжества для отрядов СС Галиция?*

Кардинал: *Проводил.*

Корреспондент: *И шо, торжество для воевавших в рядах немцев?!*

Кардинал: *Да.*

Корреспондент: *А потом вы еще и службу для них провели!*

Кардинал: *Нет. Видите ли, мы не воевали в Украине ни с кем. Мы боролись против русских в Австрии и Югославии. Мы воевали под командованием немцев, и были вынуждены подчиняться их приказам. Мы не могли действовать, как нам вздумается. Действительно не могли.*

Корреспондент: *Но еще до того, как фашисты вошли во Львов, украинская милиция, полиция, уничтожила здесь за два дня три тысячи человек.*

Кардинал: *Это ложь!*

Корреспондент: *А для Симона Визенталя это-таки до жути правда! Так же, как тысячи львовских евреев, его маму тоже увезла на смерть украинская полиция. Этот фильм о зверствах на Украине сняли немцы.*

Немецкая правительственная делегация с похвалой отзывалась об украинцах.

¹⁷⁴ Автор имела в виду, безусловно, знаменитую украинскую дивизию СС “Галичина”. – *Примеч. пер.*

Камера обернулась к охотнику за нацистами по имени Визенталь.

Визенталь: Так как мать моей жены не могла быстро идти, ее убили.

Корреспондент: Потому что она не могла поспеть за другими обреченными...

Визенталь: Да! Поскольку она не могла идти быстрее, то была убита украинской полицией.

Корреспондент: Что заставило Визенталья найти виновных и поставить их перед судом пережитое во Львове...

Визенталь: Да, потому что я чувствую себя виноватым за то, что сумел выжить. Почему живешь ты, а другие не живут? Те люди были лучше тебя, смысленнее тебя, нужнее тебя кагалу. И этот комплекс был таким комплексом, что я был вынужден заговорить. Я был вынужден заговорить ради тех, кто не говорит, потому что те были перебиты.

Корреспондент: Гораздо больше известны такие названия, как Аушвиц, Бельсен, Бухенвальд, но это место, дорожный лагерь Янивский во Львове, так этот лагерь всего в километре от здания Оперы, как минимум не лучше тех. Здесь было убито двести тысяч евреев, привезенных из центра города и окрестных предместий. Сейчас Янивский – это тюрьма, где содержатся заключенные-уголовники. Там нет даже ни малейшего указания, напоминающего о происходившем. Вплотную к дверям лагеря примыкает скала. Это площадка смерти. Там был обрыв, куда было сброшено двести тысяч тел, а потом он оказался заполнен. А сейчас его используют как площадку для дрессировки полицейских собак... Мечта Гитлера по крайней мере сбылась в Западной Украине. Западная Украина уже таки “Judenfrei” – земля без жидов. За прошедшие пятьдесят лет живущие в других областях Советского Союза евреи снова сюда переехали. Сегодня во Львове живет семь тысяч евреев. Для некоторых украинцев даже и эти семь тысяч таки слишком!

К объективу рванул выдаваемый за главного раввина Украины житель Нью-Йорка Блайх:

—•••••—

– Да! И это-таки не тайна. Они говорят, шо хотят, шоб евреи ушли. Они не хотят евреев, они не хотят русских, не хотят никого, хто не этнический украинец.

Снова возвращение камеры на площадь, и внешний голос Корреспондента, наложенный на возглас лидера УНА-УНСО “Слава нации!”:

“Все то, шо вы щас видите, от УНА-УНСО. УНА-УНСО политическая партия. Их лозунг – “сила и порядок”.

Я знала, что *natsiua* всегда означало “народ”. Я обернулась к Алексию.

– А перевод правильный?

– Нет, конечно, неправильный. Они говорят: *Glory to the nation!*¹⁷⁵, но не: *force and order*.

Корреспондент продолжал: *“Трое из этих людей, включая раздающего команды на площади, – избранные члены украинского национального парламента. Их братская партия – социал-националистов – ведет речь о необходимости чистки целого ряда народов. У большинства их этих партий есть свои газеты. Самая продаваемая из них – “Украина Незалежна”. “Украина Незалежна” держит в ответе за экономическое положение страны евреев. Главный редактор говорит, что газета антисемитской не является, но и не гнушается заявлять следующее...”*

На экране появился якобы главный редактор газеты “Украина Незалежна”. Мы услышали, как он говорил: *“Репрезентирующие душу Украины украинские крестьяне на протяжении веков считали, что евреи являются главными угнетателями Украины. Эти чувства украинских крестьян отражены в их анекдотах и воспоминаниях. Аббревиатура Советского Союза – СССР, что означает – один русский, три еврея...”*

– То есть как это?

– СССР – это аббревиатура буквами кириллицы названия “Союз Советских Социалистических Республик”. С – заглавная

¹⁷⁵ Соответственно на турецком: “Yaşasın milletimiz!”, но не “Güç ve düzen!”. – *Примеч. авт.*

буква слова, в унижительном смысле обозначающего еврей – *Жид*¹⁷⁶, а Р – *Русский*.

СССР обозначает таким образом *Еврей – Еврей – Еврей – Русский*, – заключила Тереза.

Я вспомнила, как в “*Человеке, ищущем воду*” было написано: “Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин, Радек. Все они – живые, подвижные люди и горячие борцы. Вместе с тем, что, возможно, это и не имело для них особого смысла, но по национальности все они были евреями...”

“Все они ранее жили в иностранных государствах. Знали же понаслышке Америку и Европу. Основными европейскими языками владели как родным языком культуры – русским. Они получали удовольствие оттого, что водили душевную дружбу с европейскими и американскими коммунистическими лидерами, занимались проблемами этих стран, всегда полемизировали в выступлениях, газетах, на конференциях по этим проблемам и вопросам общемирового порядка. Во главе коммунистических партий иностранных держав и их печатных органов стояли их друзья и приятели. Именно поэтому слава их за пределами России была так же велика, как в России. Казалось, они связали свои судьбы большею частью с мировой революцией. Им казалось, что не будь мировой революции, не смогла бы существовать и Россия. Все они были ликвидированы во времена Сталина и для них революция в России была лишь ступенькой на пути к мировой революции. И пока они проводили годы царской тирании и жестокостей в Америке и Европе, большинство таких ранее упомянутых деятелей, как Сталин, Орджоникидзе, Микоян, Каганович, Караян, Енукидзе, Саркисян, Теосян, Берия закалялись под гнетом царской полиции на Кавказе. Они, так же, как и Сталин, вышли из многочисленных народов Кавказа. Это были грузины и армяне. В полицейских участках, тюрьмах, Сибири они сдали жесточайшие экзамены. Они умирали, их убивали, покушения, облавы, корчились от публичных избиений. Между тем как даже ссылки в

¹⁷⁶ Эмигрантский юмор: и турецкая буква С читается как аффриката [дж], и англ. slang Yid – также [jid]. – *Примеч. пер.*

Сибирь интеллигентов этим уличным бунтарям казались имевшими совсем иное обхождение”.

“Уличные бунтари не знали ни заграниц, ни иностранных языков. Вышедшие из своих социальных истоков, то есть с улицы, однако державшие в руках всю внутреннюю организацию, они отождествляли природу, язык и общественные формации с подобными их родным российскими или местными элементами. Их судьбы были связаны с судьбой революции российской. Можно сказать, что Россия и советское правительство были для них прежде всего. Для этих людей проблема состояла уже в построении России. Революция состоялась и закончилась. Сейчас на фундаменте, который еще предстояло сравнять, надо было срочно строить новый порядок. И они отдали себя после революции не столько беседам на иностранных языках с зарубежными представителями и не столько бесконечным теоретическим спорам о марксизме, но таким вопросам, как упразднение царизма и организационная структура, таким сложным делам, как организация производства, партийная дисциплина и строительство”.

Главный раввин Блаих продолжал: *“Две недели тому назад была опубликована статья, утверждавшая, что и Ленин по происхождению был евреем. Его настоящее имя было, оказывается, Каин Голдман¹⁷⁷. Кроме того, была статья Щербатюка, где он просил дать русским и евреям определенный срок для того, чтоб они покинули страну, в противном случае их надо ликвидировать. Людям здесь вменено в привычку верить во все выходящее в прессе. Даже если вы докажете обратное, они поверят тому, что было напечатано, ничему другому! То есть, они страшные люди”*.

Снова – изображение молящихся евреев и внешний комментарий ведущего:

Адресованное львовским евреям послание совершенно ясно! От них требуют в возможно более короткий срок покинуть страну. Действия уже начаты. В квартиру главного раввина Блаиха бросали коктейль Молотова.

¹⁷⁷ На самом деле, имя отца матери, дедушки Володи Ульянова – Бланк. Он был выкрестом. – *Примеч. пер.*

Блайх: *Был ряд нападений. В маленьком поселке на двух пожилых евреев устроили нападение с ножами, они были ранены. Потому что широко распространено мнение, что евреи держат у себя дома деньги. То же случилось в Западной Украине в районе Карпат. Это-таки страшные, очень страшные вещи. Потому что они показывают, что старые банальные идеи продолжают жить, – так старых людей режут ножами и так там и кидают. И это значит, что на Украине серьезные проблемы.*

Корреспондент: *Еще одно, что оскорбляет евреев так же, как те события, – символы, что выбирает этот народ. Изменены названия улиц. Одному проспекту присвоено имя Петлюры. Сейчас для украинцев этот Симон Петлюра – великий командир, но это человек, ответственный за убийство шестидесяти тысяч евреев в 1919-м. Начали почитать также Романа Шухевича. Шухевич был командующим полком СС “Соловей”¹⁷⁸. Бандера, по мнению украинцев, создатель современного государства. Бывший проспект “Миру” стал проспектом Бандеры. Он известен как великий патриот, но по мнению евреев – главнокомандующий армии убийц.*

Блайх: *Когда они провозглашают героем кого-то из тех, кого мы знаем как убийцу, то есть когда уважают кого-то, кто убийца, – у человека-таки все волосы становятся дыбом и по спине ползут мурашки.*

Корреспондент: *Западная Украина – это-таки плодородная почва для того, чтоб тут прижилась ненависть. Независимость выявила отсталость Украины: необразованные сельские, суеверия и ядерное оружие массового поражения, способное поражать на расстояние миль – вот вам наследство Советов! – во вставленных кадрах – марширующие стройным шагом учащиеся украинских военных училищ – Украина имеет длинную и темную историю, историю перекалывания на других вины за свою нищету и свои проблемы.*

– Нет, вы это слышали?! И он говорит: *независимость выявила отсталость Украины!* И это говорит телевизионщик страны,

¹⁷⁸ Имелся в виду батальон “Нахтигаль”, сформированный из украинцев под эгидой немецкой военной разведки. – *Примеч. пер.*

обманом выманившей из Украины пять тысяч первоклассных ученых!

И пока я ощущала всем своим сердцем Надин бунт, *главный редактор* с несообщенным именем говорил: *Евреи здесь всегда были более удачливы, чем местные.*

Корреспондент: *Вы хотите сказать, шо им таки больше везло, чем украинцам?!*

Главный редактор: *Да. Наша газета верит в то, что главным долгом правительства есть прежде других обеспечить процветание своего украинского народа.*

Ведущий: *Помощник кардинала, мсье Дацко, с одной стороны, отрицает существование в Украине традиционной антиеврейской вражды, но тут же старается объяснить ее причины.*

Помощник кардинала мсье Дацко: *на протяжении нашей истории евреи всегда были вместе с господствующими классами. Например, до 1939 года в городе Львове одна треть населения была еврейской. Вся торговля была полностью в их руках. В глазах крестьян евреи были частью эксплуататоров, которые их эксплуатируют. Несмотря на это у украинцев никогда не было политической силы не то чтобы жестоко угнетать евреев, но и чтобы с ними состязаться. События, происшедшие во время второй мировой войны, прискорбны. В отрядах, уничтожавших евреев, были и украинцы. Однако утверждать, что все украинцы являются антисемитами, — это произвол.*

Корреспондент: *Церковь и украинское правительство приложили усилия к тому, чтоб уменьшить страхи людей. Они говорили, что события не столь серьезны, как они выглядели на первый взгляд, и, в отличие от бытующих слухов, украинцы генетически антисемитами не являются. Но для живущего здесь еврея либо для еврея, с ужасом вспоминающего Украину, эти слова не уменьшают страха, порожденного заревом львовских пожарниц.*

Обернувшись к Визенталю, он спросил:

— *Шо вы на это можете сказать?*

Визенталь: *Хмм. Словам кардинала верить нельзя! Люди не изменились!*

Запись на этой фразе завершилась.

Визенталь стал причиной поездки Красного Уинклера в Воркуту. Он рассказал, что у них появилось такое новое ощущение, способное доказать, что Симон Визенталь, давший свое имя одной из двух организаций, которые, по его словам, являются главным врагом IHR – Института ревизии истории: Simon Wiesenthal Center (и второй – Anti – Defamation League of B'nai B'rith – с центром в Нью-Йорке), – является фальшивкой, и они вместе с Надей отправились за ними по следу:

– Симон Визенталь вот уже более сорока лет как работает в находящемся в Вене и принадлежащем ему самому *Еврейском документационном центре*. Он способствовал поимке сотен *нацистских преступников*. Он многократно награждался в качестве самого главного в мире охотника за нацистами и получал звание почетного доктора университетов. Германия задобрила его самой высокой почетной медалью. На официальной церемонии в августе 1980 года в Белом Доме прослезившийся президент Картер вручил ему специальную золотую медаль Американского Конгресса. В ноябре 1988 года президент Рейган провозгласил его *одним из истинных героев* двадцатого века. Великий актер Лоуренс Оливье в 1978 году сыграл роль Визенталя, называемого *живой легендой*, в фильме *The boys from Brazil*. В 1989 году Бен Кингсли снял телесериал под названием: *“Убийцы среди нас: рассказ Симона Визенталя”*. Его именем назвали один из самых передовых в мире центров по расследованию геноцида – Simon Wiesenthal Center of Los Angeles. И все это так и продолжается, несмотря на то, что Визенталь неоднократно доказал, что этого почета совершенно не достоин. Этот человек, названный газетой Washington Post *ангелом мщенья за геноцид*, человек, в жизни не обращавший никакого внимания на правду! И это его качество от общественного мнения упорно скрывают!

– Визенталь лжет о том, что приходилось им пережить во второй мировой войне. Он лжет о своем *преуспевании* после войны как *охотника за нацистами*. Распространяет грубую ложь о немецкой тирании!

Его настоящее имя – Шимон Визенталь. Сын богатого сахарозаводчика, 31 декабря 1908 г. рождения, место рождения – Бучач, Украина. Бучач был в те времена в составе Галичины – восточного продолжения Австро-Венгерской империи. Неизвестно, чем занимался этот человек во время немецкой оккупации. Существуют три отличные одна от другой байки, рассказанные им в разное время. Показания, данные им под присягой на Нюрнбергском процессе в 1948-м, рассказанное в автобиографии в 1967-м и в документальном фильме в 1976-м, противоречат одно другому.

Период 1943–1944 годов – самый темный период. Его собственные свидетельства также противоречивы. Он якобы партизанил в районе Тернополь – Каменец-Подольский, сражался в переданной Польской коммунистической партией под командованием Советов Армии Людовой, *Narodnoj Armii*, с украинскими силами и отрядами СС Галичина. И якобы в 1944 году он попался в руки Немецкой тайной региональной полиции¹⁷⁹, однако почему-то его не тронули, хотя немцы, когда ловили партизан, их казнили! В 1967 году в своей автобиографии он рассказывает историю совершенно иначе, ни слова о присоединении к партизанам и сражениях! Либо он измышляет героическую партизанскую легенду, либо такая история существует, и он хочет утаить, что воевал за коммунистов, либо же настоящая правда – совершенно иная и постыдна до неопишваемости!

– Канцлер Австрии и глава Социалистической партии, еврей по происхождению Бруно Крайски считает, что последнее сказанное мною – правда. Крайски говорит, что Визенталь работал на немцев по собственному желанию. В интервью, данном иностранным журналистам в 1975-м, он вменил Визенталю в вину использование *мафиозных приемов* и сказал, что его позиционирование как *памятника морали* является насквозь фальшивым. Он утверждал, что тот шпионил на немцев. В руках канцлера на Визенталю имеются тайные донесения. Он говорит, что “донесения эти нехороши, ой как нехороши”. Это говорит австрийский

¹⁷⁹ Гестапо. – *Примеч. пер.*

канцлер. “Визенталь был связан с гестапо, и я могу это доказать в суде”, – говорит он. К тому же, не обязательно доказывать то, что Визенталь работал агентом гестапо. Были и другие структуры, работавшие на гестапо. Да и Визенталь забрал свой иск на Крайски из суда обратно.

– Прежде чем получить известность как прославленный *охотник за нацистами*, он и так сделал себе имя как идеолог пропаганды. Существует альбом фотографий в восемьдесят пять страниц под названием *KZ Mauthausen*, опубликованный им еще в 1946 году. Там он расписывает насилие, которое якобы видал в лагере. Одно из изображений – сцена ужасного убийства трех привязанных к столбу заключенных, всецело подделка.

Выяснилось, что набросок с мельчайшими изменениями скопирован с другой фотографии, опубликованной в журнале *Life* в 1945 году. Фотография в *Life* показывала расстрел трех немецких солдат, схваченных за шпионаж в битве при Арденнах¹⁸⁰ в 1944 году. Визенталь ее скопировал. Ложью является также его утверждение, что командующий Маутгаузенем Франц Цайрайс на смертном одре признался, дав показания о *четыре-х миллионах евреев, пущенных в расход в лагере Гартляйм угарным газом*. Ложь также и то, что Цайрайс *признался* в убийствах немцами в Польше, Литве и Латвии десяти миллионов людей. Истиной является то, что он признал: показания, полученные под пытками, – *фальшивы*. С тех пор прошли годы, но Визенталь се еще лжет о Маутгаузене! В заявлении, данном им в 1983 году ежедневной газете *USA Today*, он говорил: “Я – один из тридцати четырех человек оставшихся в живых из ста пятидесяти тысяч брошенных в лагерь заключенных”. Это грубейшая ложь! Число спасшихся из Маутгаузена по одному источнику – шестьдесят четыре, по другому – двести двенадцать тысяч.

– Единственная правда состоит в том, что наш охотник за нацистами после войны действительно начал работать в преддверии СІА – ЦРУ – *Офисе американских специальных служб*, и СІС – Американских сухопутных силах – разведке. Кроме того,

¹⁸⁰ Англ. Battle for the Bulge. – “Битва за выступ”, между Францией и Бельгией, немецкое контрнаступление. – *Примеч. пер.*

—•••••—

он принял на себя пост заместителя директора еврейского центрального комитета в американской оккупационной зоне в Австрии.

Визенталь был также тем, кто распространял и подтверждал одну из наиболее отвратительных историй о геноциде, историю о производстве мыла из трупов евреев. Эта клевета утверждала, что штамп RIF на марках немецкого мыла обозначал *Pure Jewish Fat*. Однако RIF – это *Reichsstelle für industrielle Fettversorgung*, то есть Национальный заготовочный центр промышленных жиров. Впервые Визенталь бросил свою клевету в 1946 году на наживу газете еврейской общины Австрии *Der Neue Weg*. В своей статье под названием “RIF” он написал: “Тот ужасающий приказ, дескать, распорядиться для производства мыла, был впервые издан в 1942 году. Во главе стояли польские власти, фабрика же находилась в Галиции, Бельзеке. С апреля 1942 по май 1943 года на этой фабрике в качестве сырья было использовано девятьсот тысяч евреев. После того как трупы расщепляли на разные составляющие вещества, из остающейся жировой ткани производили мыло”. И более того: “После 1942 года состоящие при власти очень хорошо знали, что обозначает мыло RIF, – предложил он идею. – Цивилизованный мир может не поверить, что находящимся в правительстве нацистам и их супругам уж очень по душе пришла идея мыла RIF. Тем не менее, они в каждом мыле видели по еврею и думали, что таким образом избавлялись от нового Фрейда, Эрлиха либо Эйнштейна”.

– В еще одной фантастически изобретательной статье, опубликованной в 1946 году под заголовком “Бельзекская мыловарня”, описывается убийство евреев в электрических душевых: “СС, латвийцы и украинцы набивали жертв битком в баню. За раз баня вмещала пятьсот человек. Полы были покрыты железом, и душевые свешивались с потолка. Когда комната наполнялась, эсэсовцы давали на пол напряжение в пять тысяч вольт и в тот же миг открывали душевые под потолком. Короткий вопль – и в одно мгновение все было кончено. После того как врач-эсэовец по фамилии Шмидт через отверстие в двери констатировал смерть,

открывалась вторая дверь, и входящие в нее гробовые команды быстро поднимали трупы, готовя *баню* для следующих пятисот человек”.

– Сегодня ни один серьезный историк не признает факт производства мыла из еврейских трупов либо убийства евреев электричеством в Бельзекской либо каких-либо других банях. Вместе с тем, свойственное Визенталю столь изобретательное видение истории не ограничивается только двадцатым веком. В написанной им в 1973 году книге “Паруса надежды” он поведал о том, что Христофор Колумб на самом деле являлся евреем и отправился в плавание 1492 года с тем, чтоб помочь обрести иудеям Европы новую родину. С другой стороны, в 1975 и затем повторно в 1993 году он объяснил, что “на территории Германии концентрационных лагерей не обнаружено”, таким образом, признавая, что, как он утверждал на Нюрнбергском и других процессах, Бухенвальд, Дахау и другие лагеря лагерями смерти не были.

– Однако вершину более чем сорокалетней карьеры Визенталю как охотника за нацистами составляет его якобы роль в поимке Адольфа Эйхманна. Как известно, Эйхманн был главой департамента СС по делам евреев. Он был обнаружен в 1960 году в Аргентине израильскими шпионами. Его судили на вызвавшем широкий резонанс в мировой прессе процессе в Палестине и повесили. Визенталь не имел к этой операции ни малейшего отношения. Израильский глава команды по поимке Эйхманна Иссер Харел, который был главой Моссада и Шин Бета, говорит о том, что книга Визенталю в двух томах об Эйхманне полна измышлений, а в поимке Эйхманна Визенталь не только не сыграл ни малейшей роли, но и поставил операцию под угрозу срыва. Харел написал об этом книгу на двухстах семидесяти восьми страницах, и слово за словом опроверг все заявления Визенталю о раскрытии им личности Эйхманна и его вкладе в операцию поимки преступника. Он объяснил, что Визенталь – оппортунист первой степени: “Информация, которую он предоставил нам по Эйхманну, не представляла никакой ценности, и даже в большинстве случаев, поскольку цель была запутанной, – опасна”, – сделал он заявление.

– Еще один из самых ничтожных успехов в карьере этого человека – операция 1974 года по обвинению в “сдаче гестапо евреев” уроженца Польши жителя Чикаго Франка Валюса. Это чудовищное обвинение привело в движение американское правительство и завершилось осуждением несчастного. Истину в данном вопросе прояснило Общество американской коллегии адвокатов в опубликованной через семь лет после в *The Washington Post* статье под названием “Нацист, что не был нацистом: как охота на ведьм судей, прессы и детективов заклеимила невинного как военного преступника”.

– Валюс – заводской рабочий на пенсии. Несчастный, чтобы компенсировать расходы на адвоката, был вынужден искать шестьдесят тысяч долларов. Оказавшись на скамье подсудимых, ему пришлось выслушать рассказы ровно одиннадцати свидетелей по геноциду, видевших, как он убивал разных детей, пожилую женщину, молодую девушку и горбатого старика. Однако Валюс не только не оказался военным нацистским преступником, но и в те годы не был в Польше. Статья в *Post* оканчивалась так: “Американское правительство хотело военного преступника, и оно его получило при помощи Симона Визенталя, израильской полиции, местной прессы и судьи Юлиуса Хофманна”. В руках у Симона Визенталя не было никаких улик, но это не удержало его от обвинений Валюса. Процесс передавали в прямом эфире телевидения. Визенталь выхвалял по телевидению внесенную им в дело Валюса лепту. Он поведал прессе о том, что никогда не ошибался в том, что касалось выявления военных преступников. Что же до Валюса, то только человек, подвергшийся к тому же физическому нападению как *Квьельценский мясник*, после длительного судебного разбирательства смог доказать, что Валюс невиновен, и в указанные годы работал рабочим на ферме в Германии. Он умер в 1994 году разобитым на весь мир человеком. Однако всего, что Визенталь сотворил с Валюсом, ему было мало. Он продолжал жить созданной о нем легендой.

– Еще одна история – это преследование доктора Йозефа Менгеле, известного в Аушвице под именем *ангела смерти*. Визенталь на протяжении многих лет распространял информа-

цию о том, что Менгеле *видели* либо *упустили из рук* в Перу, Чили, Бразилии, Испании или Греции. Летом 1960 года он поведал в подробностях, как его нашли на маленьком греческом острове, однако *уже за несколько часов* упустили из рук. Он продолжал лгать даже и после того, как выяснилось, что вся история – с начала и до конца выдумка! В другой своей истории он рассказал, как Менгеле встретила в 1960 году в аргентинском отеле одна женщина, которую он сделал а лагере бесплодной, он узнал женщину по наколке у нее на запястье и убил ее. Истина же в данной истории состояла в том, что женщина, о которой шла речь, никогда не пребывала в лагере, на запястье у нее не было никаких наколок, Менгеле она никогда не знала, действительно, она умерла, но в результате несчастного случая, занимаясь горным альпинизмом!

Визенталь сообщал, что в 1977 году ангел смерти ужинал в лучших ресторанах столицы Парагвая Асунсьона, что у него была вооруженная охрана и он водил черный Мерседес. В 1985 году он заявил, что на все сто процентов уверен, что Менгеле живет в Парагвае! Однако Менгеле умер в 1979 году в Бразилии, и умер в нищете. Посол Израиля в Парагвае Бенджамин Варон в 1983 году сказал: “Заявления Визенталья то и дело о том, что он вот-вот поймают Менгеля, обеспечивали создание надлежащего фона. В этом смысле Менгеле был отличной приманкой”. Харел также тогда предупреждал: “Ложь Визенталья достигает размеров уголовщины”. Но никто из них услышан не был!

– И пусть себе директор израильского центра по расследованию геноцида Яд Вашем продолжает обращаться с жалобами и на Лос-Анджелесский центр Визенталья, и на то, что тот превратил геноцид в предмет выкачивания денег и попирает его, Лос-Анджелесский Центр Визенталья платит 75 000 долларов в год за использование имени венского *охотника за нацистами!*

– Измышлением является также и утверждение Визенталья о том, что во время геноцида было уничтожено шесть миллионов евреев и пять миллионов неевреев, всего одиннадцать миллионов. Когда его самого спросили, откуда он вывел эти цифры, ответом Визенталья было: “Чтобы привлечь внимание неевреев, надо было

—•••••—

говорить и о нееврейских трупах. Число пять миллионов было дипломатичным вариантом. Одновременно и очень большим, и не таким большим, как число жертв евреев...”

– Не могли бы вы перекрутить эту кассету немного вперед? – попросила я тогда Игната Солженицына. – Мне хочется еще раз посмотреть на этого красавца по имени Визенталь.

– So! – глаза Терезы бегали, а голос был насмешлив. – So! То, что вы называете СССР, – три *jida* один русский!

Наверное, ее спровоцировало мое желание еще раз лицезреть Визенталья, но она выбрала адресатом меня.

– Подавляющее большинство евреев мира взяло сторону пролетариата! Коммунисты в России и евреи были не разлей вода! Если бы не поддержка евреев, революция 17-го года в России бы не состоялась.

– Выходит так.

– При слове еврей первое, что приходит в голову, – это такие занятия, как ростовщичество и торгашество. Однако главой американской коммунистической партии также был еврей. Лавстоун мог выдержать и давление Сталина, и партии, и американского правительства.

– Сильная американская коммунистическая партия действительно могла бы изменить судьбу мира, да, – сказала я. – Огромной неудачей стало то, что Лавстоун не смог противостоять ЦРУ.

– Американские левые обвинили его в пользовании такими приемами, которым он выучился в коммунистической партии, как сектантство, раскольниковство и использование скрытых доходов, – но люди, боровшиеся с Лавстоуном, сами пользовались теми же, если не худшими, приемами. Более того, карманы их были набиты золотом КГБ!

– Плохой пример примером не является, – оказалось, я дала маху, и Тереза взорвалась!

– Да кто вы такая, вы знаете?! Вы, обиженная Богом *пуристка*! Я за вами два года наблюдаю! И вижу, какой вы на себя нацепили *cool*!¹⁸¹ Типа знаете что-то, чего не знаем мы, и не говорите,

¹⁸¹ Прикидываться чайником, иметь безразличное видение мира. – *Примеч. пер.*

прибегаете для себя! Это поведение не этично! И поэтому я вас презираю!

Пурист означает “приверженец чистоты и строгости нравов”. В самом худшем смысле, наивный, не имеющий понятия о человеческом мире идеалист, а как по мне, нехватка реальных знаний есть не только серьезное лишение, но может считаться и качеством, заслуживающим пренебрежения. К тому же, не являлось секретом, что спасшийся из рук Сталина Лавстоун с помощью поддерживавшего социал-демократию ЦРУ не только боролся против распространения коммунизма за то, чтобы в руки коммунистов не попали профсоюзы вначале в США, потом в Европе, Франции и Италии, а затем и в Азии, Африке и Латинской Америке. Но при этом он был известен как друг и как *идеологический духовный близнец* легендарного Джеймса Энглтона, возглавившего в 1954-м контрразведку ЦРУ.

– Of, fuck it! – выругалась она. – Видали мы в России, во что обошлась коммунистическо-пуристическая утопия – планированное экономическое развитие, сильная держава и все остальное прочее! Парочка Лавстоун – Энглтон были либералами, они оставили пуристические утопии там, где им надлежало быть, – то есть в сказках! В те годы американское правительство не понимало ни при-роды сталинизма, ни необходимости борьбы со сталинизмом. В конце концов, мы видим, что основанные Лавстоуном рабочие профсоюзы взяли на себя обязанность фундамента демократии хотите в Европе, хотите в Азии и бывших африканских колониях. Жизнь человека может оставаться покрытой тайной, но успехи его – явнее явного!

Надо было видеть, как полковник-артиллерист в отставке посмотрел так тяжело на Терезу и, выпрямив свое огромное туловище, повернулся ко мне! Будто в один миг испарилось и улетучилось потребленное им такое количество водки!

– Белая гвардия была решительно настроена оккупировать Россию. Япония и Америка напали с востока, со стороны Тихого океана. Французы вошли с Украины, а англичане – с Кавказа. Английский флот, в сопровождении французской и американской флотилий появился на севере в Белом море, куда впадает

Двина, и высадил десант на Карельском полуострове. У нас ничего не было. Мы воевали со всем миром. Вам надо знать следующее, моя константинопольская принцесса, что если бы на самом деле народ не был охвачен революционным порывом, мы никогда бы не могли победить.

– Я знаю, мой полковник.

– У реакционеров были деньги, боеприпасы, всевозможная поддержка тыла. Царские войска обучали англичане.

Вы знаете, что англичане им дали и танки? А вы слышали, что один раз они использовали такой вид отравляющего газа, что ослепили восемьсот солдат? Точно, не слышали. Но мы все равно победили. Потому что если каждый освобожденный нами населенный пункт добавлял нам силы, каждый пункт, захваченный белой гвардией, их ослаблял. Потому что они были там против воли народа, и это означало, чтоб защитить завоеванные земли, создание гарнизонов. Гражданская война продлилась ровно четыре года. С 1918 по 1922 год. Мы победили, но снова вышло по-ихнему. Гражданская война ослабила *Sovety*, вы понимаете? Условия были такие сложные, что к концу 1920-х годов руководство Коммунистической партии было вынуждено взять правление непосредственно в свои руки. Качество советов-*şur'a* изменилось, и они превратились в дочернюю иерархическую структуру партии. Но до 1930-х годов в стране царил истинная демократия.

Если я предпочитаю переводить *Sovety* полковника Иванова как *şur'a*, то причиной этого является мое стремление как следует передать навеянную старым воякой в тот вечер в доме атмосферу. Определение *контрреволюция*, которое сегодня мы воспринимаем с сожалением, смешанным с насмешкой, в те дни обозначало созданную монархистами исполинскую оккупационную силу в полмиллиона военных вместе с французскими, английскими, американскими и японскими подразделениями, – *Белую гвардию*. Советы-*şur'a*, поставленные перед такою силой,

—•••••—

будто Кува-и Миллийе¹⁸², либо Мюдафаи Хукук Джемиет-лери¹⁸³, будили похожие чувства.

В революцию 1917 года было ровно девятьсот *şur'a*, *sovet* либо *консультационных собраний*, в русских городах образованных рабочими и солдатами, а в сельской местности – солдатами и крестьянами. Стержнем державного управления и были эти местные или районные собрания. Собирающиеся дважды в год на Конгресс Советов эти *şur'a* избирали Центральный исполнительный комитет, а он в свою очередь – *Совет народных комиссаров*. Когда эта созданная на востоке новейшая модель управления, это правительство *Şur'a*, образованное по вертикали снизу вверх из полностью демократических советов на местах принялось раздавать крестьянам землю, выдающиеся лица на Западе не запоздали почуять опасность. И пускай европейцы сколько им вздумается грызутся на фронтах первой мировой войны, волосы у либералов – сторонников частной собственности стали дыбом.

Они оторвались от потонувших в крови полей сражений дряхлой Европы и навалились на этих людей, провозгласивших служение *только во имя счастья угнетенных*.

Я вспомнила большевистский марш, о котором начальник патруля Махмуд эфенди, мой самый старший дядька, говорил, что слышал, как его в двадцатые годы пели в училищах Турции:

Пусть живет в Анатолии правительство Советов!

Путь труд рабочих будет в пользу им самим за это!

Проснись, трудящийся в мучениях оборванный земляк,

Участвуй в революции во всем мире, свободный батрак!

Через столько лет это был словно плач по Зудину!

Полковник Иванов говорил: власть Советов сделала все возможное, чтобы предупредить интервенцию, выплатить задолже-

¹⁸² “Национальные (вооруженные) силы”. Созданное во время национально-революционной войны турецкого народа за независимость в Анатолии правительство и вооруженные силы этого правительства, боровшиеся против интервенции стран Антанты. – *Примеч. пер.*

¹⁸³ “Общество защиты права”. – *Примеч. пер.*

ности царизма, не лишая западных жителей источников сырья, включая репарации земель.

– Я знаю, мой полковник. Даже у нас там, в Стамбуле, на Бююкада, собрали мирную конференцию. Я согласна с вами в том отношении, что не осталось усилий, которых бы не приложили. Не осталось уступок, на которые бы не пошли они, чтобы построить без свар и без шума демократическое правление, о котором они так мечтали. К сожалению... – Я указала на замершее на экране изображение Визенталя, – европейцы победили по всем фронтам.

– Не европейцы, *они*, – сказал полковник Иван Петрович. – Подлецы. *Podlets* – хоть европеец, хоть китаец, без разницы. Во Владивостоке японцы были безжалостнее всех. Горше даже американцев, пытающихся заполучить транссибирскую магистраль. Не важно, форму какого народа наденет дьявол, но до тех пор, пока вы будете считать, что ничего не происходит, считать события несуществующими, вы неизбежно будете терпеть поражение.

Podlets – до неописуемости отвратительные жулики – негодяи, о которых Набоков рассказывал, что Гоголь воспринимал их как злобных коротышек – духов, в чьих жилах течет зеленая кровь. Глядя на Визенталя, я думала, как говорил писатель: *“Одержатъ верх над чертом с одной стороны дает огромное удовольствие, с другой вызывает тошноту. Он настолько склизок, что никакая сила не заставит вас давить его рукой! Даже если отважитесь вы давить его лопатой, то и тогда мерзость его электрическим током пронизет лопату и, пройдя сквозь нее, зацепит и ваше тело”*. И все же, мне показалось странным, что офицер советской армии говорил о черте. Я никогда не слышала раньше, чтоб мой собственный отец – военный сваливал свое поражение на дьявола. Он вел речь о чем-то вроде тылового обеспечения или ошибочного сосредоточения войск.

Должно быть, я усмехнулась. Полковник спросил: ваш отец воевал? Он имел военное звание?

– Нет.

– Вот и ответ. Главный враг на войне – *podlets*.

– И неизвестно, когда и на каких фронтах он сражается.

– Неизвестно, – повторил и Полковник.

В коридоре женщина с апельсиновыми волосами сидела на табурете в глубине подле дверей купе проводника и рыдала навзрыд. Над нею были Надя и матрос, которого я видела раньше оказывающим ей помощь. По их поглаживанию ее сотрясающихся плеч я поняла, что они стараются ее утешить. Помню, что подумала сказать, что несчастная женщина голодна, и я заплачу сколько надо Наде, чтоб она приготовила чего-нибудь питательного поесть.

– Дочь, – сказала Надя. – Вот уже много недель как ничего не слышно от ее заключенной в израильской тюрьме в Рамале дочери.

Причиной того, что заметившая мое приближение женщина принялась рассказывать свою историю еще и мне, была ее надежда на помощь от меня – американки, мне же это было соль на раны.

– Ирина была ребенком, всегда полагавшим, что ее красота каким-то образом, но спасет ее от нищеты, – рассказывала она. – После того, как железный занавес рухнул, условия жизни в селе стали очень тяжелыми. Райцентры и так помирали, и люди набросились на все, что можно, лишь бы выжить. Семьи распадались. Демократия принесла молодежи свободу, но не принесла работы. Ту работу, которая имелась, отдавали мужчинам. А девушки, насмотревшись западных фильмов типа *Pretty Woman*, бросились искать богатеньких мужчин, способных спасти их от бедности. Шесть месяцев назад в одной газете с маленьким тиражом Ирина увидела объявление о наборе танцовщиц в ночной клуб в Хайфе. Украине ничего пристойного не светит. Израиль богат. Девочке двадцать один год. Однажды вечером она, ничего нам не сказав, вышла из дому и уехала. Через неделю позволила из Хайфы и сообщила, что приступила к работе. Сказала, что дела идут хорошо. После этого никаких вестей. Проходили недели, а после того, как прошло много времени, мы узнали, что Ирина в публичном доме. Оказалось, что хозяин клуба взял ее и другую девушку, Ольгу, и отвез в публичный дом. И на их собственных глазах спалил их паспорта, сказав: “Вы –

моя собственность”, и вытаскив девять тысяч долларов: “Пока не выплатите мне свой долг, будете работать там, где я захочу. Попробуете бежать – вас поймают полиция, а у вас нет паспортов. Вас депортируют, но мы вас снова отыщем и привезем обратно”.

– В Израиле проституция официально не запрещена, там даже нет законов, запрещающих рабство, но запрещено держать публичные дома. При этом у них двести пятьдесят тысяч заезжих рабочих, большинство из которых – холосты либо вдалеке от своих жен. Спрос – нарасхват, – объяснила Надя. – За последние три года Израиль депортировал тысячу пятьсот таких, как Ирина, украинских и русских женщин. Таких, как Ирина, существуют десятки тысяч женщин. Есть они и в Стамбуле. В прошлом году в Стамбуле двух украинок, отказавшихся стать проститутками, сбросили с балкона и убили. Это видели находящиеся в комнате шесть россиянок. Опять-таки в минувшем октябре месяце в Сербии украинке, отказавшейся продавать тело и честь, у всех на глазах отрезали голову.

Так как тем, кто заговорит, грозит смерть, свидетели-очевидцы молчат. Никто ничего не скажет.

Слово *Стамбул* на тот момент не возымело на женщину с оранжевыми волосами никакого эффекта:

– Как только Ирина отказалась стать проституткой, ее исколотили чуть не до смерти, – простонала она. – Потом изнасиловали. Ровно три месяца ее заставляли обслуживать клиентов по пятнадцать центов с каждого. Потом полиция устроила облаву, забрала девушек и бросила в женскую тюрьму Неве Тирца. Через несколько дней Ольгу освободили, она вернулась, позволила нам из Кишинева, но от Ирины ничего нет. Может, она уже умерла.

– Вы связывались с Ла Страда?

– Кто, Ла Страда?

Надя начала: их центр в Киеве, – а я пошла дальше.

Ла Страда – полуофициальная организация, созданная Ольгой Швед для того, чтоб предупредить распространение торговли женщинами в Восточной Европе и странах бывшего Советского

Союза. Помню ее отчаяние в ответ на призыв о помощи из Донецка, когда, возвращаясь с расследования пожара в лачуге “Приют”, мы посетили ее в Киеве. Донецк – угольный бассейн с низким уровнем жизни на юго-востоке Украины. Мы могли слышать из дальнего угла большого рабочего кабинета Швед, как криком кричит звонящая по телефону женщина. Она говорила, что ее младшая сестре с ее подругой была насильно схвачена в баре поблизости Рима. Девушки не знали итальянского и не могли выйти из бара. Они позвонили с мобильного телефона хозяина бара, который тот забыл, выходя. Ольга спросила у звонившей, знают ли они точный адрес, они не знали. Они также не знали, как далеко они находятся от Рима. Не знала, находился ли бар по трассе, была ли поблизости стоянка, автозаправка, озеро, река, любой опознавательный знак. Швед из кожи вон лезла, чтоб найти хоть какую-то подсказку: “Полиция поможет, но мы должны им хоть что-нибудь сказать! Хоть что-нибудь! Хоть самую малую ниточку!” Ниточки не было. Когда ничего не оказалось ни в документах, ни в визитках, у нее не осталось никакого выхода, кроме как подать донесение в Министерство внутренних дел.

– Господи, ну пусть еще хоть раз позвонят! Хоть что-то подскажут!

Москва и Киев – два центра сети, охватывающей на востоке Японию и Таиланд, на западе Адриатическое море и далее. Дороги контролирует банда *Люберецких*. Они обеспечивают охрану, материальное обеспечение, связи с хозяевами публичных домов за границей.

– Международная торговля женщинами, конечно, явление не новое. Раньше главным товаром на этом рынке были нигерийки и азиатки. Но безнадежность славянской экономики породила сектор проституции, который, как установили специалисты, *стал самым высокодоходным бизнесом с момента крушения коммунизма и по наш день*. Предполагают, что годовой оборот колеблется в пределах около пяти миллиардов долларов. Не только в Израиле, но и в любой стране мира сексуальное рабство является наиболее быстро развивающимся сектором мировой экономики. Торговцы проститутками, полиция, организации

спасения – все говорят одно и то же: сегодня самым ходовым товаром стали россиянки и украинки. По данным Министерства внутренних дел Украины, за последние десять лет количество выехавших за рубеж женщин в возрасте до тридцати лет составило более четырехсот тысяч человек. В посольство Таиланда в Москве ежедневно обращаются за визой более тысячи человек. Так как это нелегалы, число их точно неизвестно, но ООН сообщает общую цифру около четырех миллионов. Западная Европа потребляет в год около пятисот тысяч проституток. Национальная безопасность Российской Федерации также – под угрозой. Вы знаете – уровень рождаемости стал отрицательным, численность населения падает. Мафия отправляет в Штаты беременных женщин по пятнадцати тысяч долларов за штуку. Агентство под названием Special Delivery только в прошлом году переправило девять беременных.

Я услышала, как увидевшая, что я ухожу, женщина с оранжевыми волосами послала меня по матушке. Надя сказала женщине, что я не американка. Женщина еще больше разъярилась: “Русская нация умирает, а великие и талантливые турки будут продолжать жить на этих прекрасных землях, так получается? – прошипела она. – Так и будет дальше в истории? Нет, этому не бывать! Вольф Адольфович это не позволит! Если турков полностью стереть с лица земли, мир ничего не потеряет!

Надя вмешалась, остального я не слышала, но мне известна речь главы Либерально-демократической партии Владимира Жириновского на конгрессе в 1993 году. Сказал он буквально следующее: “Я не хочу, чтобы с ними что-то такое случилось, но если вся турецкая нация исчезнет, с миром ничего не случится. Пускай турки вспомнят, как они пришли в Малую Азию. Пускай вспомнят, как варварски они захватили и разграбили Константинополь, как брали в плен все народы Малой Азии. Пусть вспомнят, как в апреле 1915 года перебили полтора миллиона армян. А вспоминая это, пусть человечество подумает о том, как можно вырезать за три ночи весь народ, и пусть у них поджилки трясутся. Есть миллионы стонущих под турецким игом курдов, которые не могут жить в своем курдском государстве. Кто,

кроме русских, может дать им их национальную независимость? Вы не можете положить на одну чашу весов жертву и убийцу жертвы! Нам надо понять наконец, кто принес в мир цивилизацию. Пришло время научиться отличать первооткрывателей космоса от захватчиков чужих земель, грабителей чужих богатств, поработителей человечества, поджигающих христианские церкви и превращающие их в мечети. Какую цивилизацию принесли турки в Малую Азию? Даже сегодня приезжающим в Турцию европейским туристам показывают останки Византийской цивилизации. Турецкой культуры не существует – с мечом наперевес культуры не бывает. Кто составил ядро турецкой армии? Янычары. А кто они были? Взятые вместе с родителями в плен славянские юноши. Старших убили, а младших воспитали в тюркском духе и создали из них ядро тюркского воинства. Есть что-то дикое в том, что сражавшиеся под турецким стягом славянские дети убивали славянские народы. Кто заплатит за эту дикость? Кто заплатит за уничтожение византийской культуры, славянских народов? Тогда не было Нюрнбергских процессов, чтобы спросить с турков за армянский геноцид. А какая разница между турками и немцами?

Турки навредили человечеству не меньше, чем немцы. Немцев осудили, но ни один турок не был осужден. Почему, потому что армяне – малый народ. И сегодня еще один тюркский народ, азербайджанцы, убивают армян. Азербайджанцы и турки – одно и то же. Турки справились за три ночи, азербайджанцы справятся за пятнадцать лет. Они сметут с лица земли армянское государство. Почему? Потому что армяне – христиане. И мешают объединению двух тюркских народов – турков и азербайджанцев. Но Армения была там с незапамятных времен. Это было огромное государство, выходящее к Каспийскому, Черному и Средиземному морям. Расположенное на территории современной России, первое рабовладельческое государство в мире и великая культура...”

Что именно смог услышать Алексей из всего сказанного женщиной, я не знаю. Почувствовав, что он собирается просить за нее прощения, я поспешила сказать:

– Бедная женщина!..

Он уже принес оставленную мною в купе Уинклера бутылку пива.

– За здоровье!

– Спасибо!

Некоторое время мы наблюдали бескрайнее небо со звездами, будто натянутое поверх снежной пустыни.

– Мой отец никогда не брал к нам на дачу часов, – промолвил Алексей. – Он хотел, чтоб мы определяли время, глядя на звезды. Сам он в этом разбирался прекрасно, мог определить время по звездам до минуты.

Я подумала, что до этого дня он никогда не рассказывал об отце, но голова моя была занята гонимыми по Стамбулу хуже собак *Наташам*¹⁸⁴. Я думала о безгливости, которую вызывали проститутки – орудие неотъемлемого удовольствия мужчин. “С одной стороны – дающее страшное удовольствие, с другой – вызывающее приступ тошноты создание, – пробормотала я. – Существо, чья склизкая мерзость, как электрический ток, пронизывает лопату и, пройдя сквозь нее, обоснуется в теле мужчины, – *podlets*.”

Тогда как женщина чувствует по отношению к давшему ей пережить оргазм мужчине смешанное с обожанием уважение и даже считает себя ему обязанной”.

– Даже если это мужчина, занимающийся любовью за деньги? – спросил он тогда.

– Думаю, что да, – сказала я. – Потому что даваемые мужчине деньги даются ему на существование. Обратная сторона жизни. Деньги с сексуальным инстинктом связаны непосредственно напрямую, Алексей. Разве не так и у зарегистрированных пар? Казалось бы, какая связь между бюджетом семьи и сексуальным удовольствием? И впрямь, ради долга в девять тысяч долларов человека не станут выбрасывать с балкона, не правда? Ему навязжут рассрочку, возьмут долговую расписку, даже дадут кредит, чтобы он поправил свои дела и мог уплатить долг. Однако в той

¹⁸⁴ В литературном турецком языке – синоним проституток. – *Примеч. пер.*

ситуации девять тысяч долларов стали рациональным обоснованием для того, чтоб сбросить проститутку с балкона и избавиться от нее.

– *Рациональным?*

– Рациональным, – ответила я. – Женщину казнят не за то, что она *не блюла целомудрие*, а за то, что она *должна*. *Целомудрие* – относительная моральная ценность. Она не имеет никакого отношения к сфере общества, приспособляющейся к потребностям рыночной экономики и соответственно обездвиженному государству. В такой ситуации рациональное обоснование казни составит не моральная ущербность женщины, но невозможность получить долг обратно. Похоже на то, как неспособность Северной Кореи выплатить свой долг составила для Путина повод обновить гулаги. Ультралиберальное поведение, единственным мерилom которого являются деньги, что, боюсь, следующим шагом которого будет легализация торговли наркотиками, порнографии, проституции, оставленные на поверку рыночной экономики. Они станут легальными, но будут ли *хеляльными*¹⁸⁵? Это другой вопрос!

– Вы знали, что мер Саратова Дмитрий Аяцков хотел легализовать проституцию? Они подсчитали, что это принесет четырехста тысяч долларов доходу.

Я знала. Мне сказала Ольга Швед. Министерство внутренних дел Америки в августе собрало политический форум и предложило легализовать проституцию и подвергнуть заново переоценке определение проституции как *сексуальной деятельности*. Таким образом, в духе принципов свободной рыночной экономики “в соответствии с образовавшимся спросом на трудящихся сексуальной сферы услуг возможность их легализации сможет привнести в повестку дня внесение изменений в миграционное законодательство в том ключе, чтобы облегчить международный оборот данной услуги”.

Министерство пояснило причину привлекательности для женщин сектора проституции в таких странах, как Россия,

¹⁸⁵ Тур. (ар.) helâl – дозволенное Аллахом. Не являющееся запретным. Дозволенный / разрешённый шариатом; законный; оправданный религией. – *Примеч. пер.*

“стремлением экономической независимости и волевым желанием освободиться из-под власти мужчин”. Оказалось, что за предложениями губернаторов Санкт-Петербургской и Калининградской областей легализовать проституцию стоят рекомендации Госдепартамента Соединенных Штатов.

Выступление церкви против легализации было вполне естественным, удивительным мне показалось страшной силы противодействие не принимавшей никаких законов против проституции в советское время Коммунистической партии. Алексей рассказал, что Советы видели в проституции зло, свойственное только капиталистическим обществам, и думали, что в коммунистическом обществе оно не способно к распространению.

“Женщины – рабочие фабрик приходили к этому пути, поскольку выплачиваемой зарплаты не хватало на прокормление. Эксплуатация направила тысячи девушек и женщин к разврату”, – таковым было разъяснение, какового не мог не принять Госдепартамент.

– Тогда как цель социализма – не только в экономических отношениях, но и в биологических функциях человека насколько это возможно утвердить главенство логики. Правда, что русские не являются воплощением добродетели, но моральные их стандарты не ниже чем, скажем, у немцев. Нет также доказательств, что в России шире, чем в иных странах, распространены такие патологические случаи, как, к примеру, инцест. Несмотря на это, я убежден, что решиться на урегулирование данных сфер законодательным путем принесет более вреда, чем пользы. “Например, если бы английское правосудие бросило Байрона в темницу за то, что он был гомосексуалистом, человечеству было бы лучше”, – думала я.

– То есть, вы говорите, что там, где разветвляются моральные ценности, законы неуместны, и их применение невозможно. Собственно, главное, что защитит детей и юношество, – здоровое воспитание, которое даст им общество, умение отличить черное от белого в мире, где царит зло. Это – либерализм.

Оказывается, у Троицкого спросили: “С умыслом и по желанию ли большевизм ломает семейные устои?” Троицкий ответил:

“Если вы под понятием *семья* подразумеваете объединение, в котором господство родителей над детьми является неограниченным, а женщины лишены своих законных прав, то, к сожалению, большевизм еще не смог полностью очистить остатки эпохи варварства в обществе. Если под понятием *семья* вы понимаете не официальное, но в истинном смысле слова единобрачие, то большевики никогда и не могли-то собственно уничтожить того, чего в этом мире никогда не существовало и не будет существовать. Но если понимать под понятием *семьи* созданное по брачному контракту, освященное церковью и единым паспортом единство имущества, то да, большевизм с головы до ног очистил это насильственное объединение. Связь между мужчиной и женщиной, очищенная от оков, попов и полиции и которой предстоит с течением времени очиститься от неизбежностей экономического порядка, обретет свое русло ввиду потребностей физиологии, психологии и здоровья нации. Наряду с тем, что советский режим еще находится далеко от того, чтоб разрешить эти фундаментальные вопросы, однако проблема брака перестала быть лишь закрытой к дознанию традицией и фактическим положением вещей, но подверглась изучению и как вопрос, решение которого требует общего совета”.

Тогда у Троцкого спросили вновь: “Правда ли, желающий развестись может в тот же миг получить развод?” Троцкий ответил: “Конечно же, правда! Остались ли во всем мире страны, где развод запрещен?!” “Хорошо, но правда ли, что в понятие *вины* не входит инцест?” Троцкий ответил: “Я должен признать, что я никогда не занимался проблемой инцеста в связи с проблемой преступления или вины. Вместе с этим, я полагаю, что вопрос входит в сферу не криминологии, а патологии и образования. Инцест угрожает расовой чистоте и способности выживания, поэтому здоровыми людьми считается аномальным”. “А то, что советы не почитают целомудрие женщины и мужчины? Это правда?” Он ответил: “В этой области отвергаемо не почитание, а двуличность. Позвольте мне напомнить спичечного короля Ивара Кройгера, почитаемого за образец добродетели. Этот неустрашимый враг советов проклинал аморальное поведение

русской молодежи – комсомольцев, а после его смерти оказалось, что он повсюду в мире имел бесчисленное число любовниц. Французские, английские и американские романы описывают, что двойные и тройные любовные связи являются правилом. Поведение молодежи, встреченной мною в Нью-Йорке в феврале 1917 года, показывало, что они вовсе не преданы единобрачию. С другой стороны, как снятие американцами запрета на алкоголь не означает, что они поощряют алкоголизм, так же упразднение Советским правительством ряда законов, якобы охраняющих семейный очаг и девственность, не означает ликвидации института семьи или поощрения легкого поведения. Вопрос состоит в том, чтобы, повышая материальный и культурный уровень, улучшать ситуации, которые не исправить запретом либо проповедью.

Что же касается проституции, то “недавно в Лондоне был собран Пятый Международный Конгресс по предотвращению торговли белыми женщинами. На конгрессе отметились всякого рода герцогини, княгини, епископы, священники, раввины, шефы полиции и всевозможные буржуа-благожелатели. Вместе с нескончаемым потоком банкетов и официальных приемов нескончаемыми были также речи о вреде и постыдном положении проституции. Долго ли коротко ли, но сливки буржуазии нашли наконец два предусмотренных ими средства для борьбы с развратом: религия и полиция. Приняли решение, постановляющее, что именно это – наиболее надежные и безопасные средства предотвратить проституцию. Один из делегатов съезда от Англии похвалялся представленным в парламент законопроектом о смертной казни за сводничество”.

Вот вам современный и *цивилизованный* чемпион в борьбе с проституцией! Затем *леди* из Канады пожелала, чтоб полиция брала под наблюдение *падших женщин*. Когда дело дошло до поднятия зарплат, то все утверждали, что работающие женщины на прибавку к жалованью не заслуживают. Один немецкий священник говорил все, что ему взбрело в голову и бесился по поводу современного утилитаризма, жалуясь на распространение половой распущенности. Когда австрийский участник по фами-

лии Гертнер попытался рассказать о таких социальных причинах проституции, как нищета рабочего класса, эксплуатация детского труда и нехватка жилья, его освистали и заставили умолкнуть. Вместо этого, собранию поведали о том, как во время визита немецкой императрицы в один из берлинских родильных домов, дабы та не испытывала шока, матерям незаконнорожденных детей надевали на пальцы фальшивые обручальные кольца. Все это указывает на то, что на этих аристократически-буржуазных конгрессах царит отвратительная буржуазная двуличность. Собрались памятки доброжелательству и глумящиеся над нищетой органы безопасности и объявили *войну* проституции, причиной продолжения которой есть аристократия и буржуазия!”

И это был Ленин!

– Дотеле, доколе в мире будет царствовать убеждение в том, что человек по сути своей *прекрасен*, и в природе его нет зла, неизбежно свобода будет склоняться перед злом. До тех пор, пока будут в ходу вера в то, что мир принадлежит человеку, вера в то, что ответственность за зло лежит на неправильных общественных институтах, – неизбежно свободы будут гнуть шею перед злом. Пока правила будут нарушать и шириться секты, будет возрастать вероятность того, что попирающие законы будут превозносимы, и даже останутся безнаказанными. Против правительств, отважившихся соблюдать закон, восстанут и станут противостоять им тысячи адвокатов, утверждающих, что *права человека* в отношении преступников нарушаются.

День, когда я всей глубиной души почувствовала, что хотел сказать этим Солженицын, – тот день, тот коридор вагона. Когда годы спустя я в морге набросилась на Набокова, – за моим истощенным криком сердца, воплем, мол: “Быть американским писателем – значит перевалить свою ответственность перед обществом на традиционно-обычайное право и спасти шкуру” – стояла боль той женщины с оранжевого цвета волосами.

Как в секуляризованных обществах невозможно запретить “*Лолиту*”, так как оппозиция в них имеет религиозную окраску, так невозможно запретить и *проституцию*. Но ее можно обло-

жить налогом. И впрямь, прославленного гангстера Аль Капоне в свое время посадили за уклонение от налогов, а не за совершенные им преступления.

– В сферах, регламентируемых моральными ценностями, государство не правомочно устанавливать законы. Кто хочет, становится проституткой, кто не хочет – не становится. Существует такая же свобода, как покупать сексуальные услуги, как и не покупать их. Но как только мы произносим: *кто хочет – купит, кто не хочет – нет, но покупающий заплатит налоги*, – становится неизбежным, что свобода покупать покорится злу. Заметим здесь, что Ленин, выдворивший мораль за пределы общественного, был столь же двуличен, как и буржуазия. Ему следовало бы принять в расчет, что последующим шагом будет возникновение торговли наркотиками, проституции, гомосексуализма и порнографии как *священных* прав, каковые следует охранять. Но что странно, знаете, Алексей? Самое странное – что так уж рьяно защищающие свои свободы либералы являются при этом самыми пламенными приверженцами таких организаций мировой государственности, как ООН, ЕС, Всемирная организация торговли и Совет Церквей!

Впервые мне довелось услышать адресованное мне Терезой после программы CBS обвинение в *пуризме* от Алексея. С той только разницей, что в устах Алексея оно не содержало злости, а походило более на кручину по вышедшей из употребления ценности.

– То, что в наше время вы умудрились остаться пуристкой, внушает восхищение! – сказал он.

Приверженец чистоты нравов. Я остановилась и задумалась. Должно быть, период *чистоты, наивности и простодушия*, по которому хоть время от времени, но затоскует душа у русского человека, каким-то образом отождествлял меня с той эпохой. Хорошо, но какая это эпоха? Абстрагированная от всего жизнь без женщин, налаженная в соответствии с проповедями апостола Павла по полям, монастырям и гарнизонам, ведь одно из значений слова – чистый, наивный, не имеющий посторонних примесей? Монголы, о которых говорят, что поскреби их немно-

го – и выпадет наружу, – бесподобны в плане женского и мужского равенства; так, может, чистота нравов, по которой так истосковалось сердце, – жизнь под монголо-татарским игом?

Вольтер называл *Первого Ленина Семирамидой Севера*. Так, может, душа истосковалась по эпохе Екатерины Великой, имеющей двадцать одного официального, то есть *прошедшего лекарский осмотр*, любовника, а по сути – их бессчетное число, – да так, что двое сыновей, оставленных ею в наследство династии Романовых, прижиты были от разных отцов? Либо же эпоха большевизма, упорствующая в своем видении русского Золотого века¹⁸⁶ как в материальном процветании аки панацее от всех бед, включая проституцию? И почему же я, не имеющая ни малейшего отношения ни к чему из этого всего, – почему же я стала *пуристкой*?

Я смотрела и смотрела в лицо моего сердечного друга.

– Беспардонность! – сказала я. – Вы хоть осознаете, Алексей, что *Просвещение* распоясалось?! До вас дошла вся спесивость Просвещения?!

Все остальное до сих пор, кажется, было будто во сне.

– Образ мужчины, обрушившего дубину на голову женщины и волокущего ее в свою пещеру, дабы изнасиловать, – это самая большая, самая распространенная и вызывающая чувство наибольшего сострадания ложь агрессивного сознания! *Доведенный до безумия похотью мужчина* – есть умышленно и преднамеренно спроектированный, повторяемый, усиливаемый, воодушевляемый, стимулируемый, подстегиваемый, награждаемый, вызывающий страшную ревность и поток интенсивного слюноотделения, пользующийся сумасшедшим спросом и обоготворяемый монтаж, вымысел, ролевая модель. Вы знаете, мы, турки, не переживали этого безумия. В памяти нашей нет ни сатрапов типа Дурного Петра¹⁸⁷, заставлявшего супругу свою привселюдно лобызать статую члена, ни Екатерину, ни безответственных голов вроде Вольтера, ни Распутиных, ни маркизов де

¹⁸⁶ В оригинале – Asr-i Saâdet – эпоха нахождения на земле с пророческой миссией Пророка Мухаммеда. – *Примеч. пер.*

¹⁸⁷ Турецкое прозвище Петра I. – *Примеч. пер.*

Сад'ов. Мы не знаем также ни античных греческих домов разврата, ни *Декамерона*. Если турецкая литература даже сегодня не порождает своей *Лолиты*, наши порнофильмы – один большой фарс, а фильмы ужасов – комичны, то причина этому, должно быть, в строках выше. Наши двоюродные братья – монголы – пожалуй, единственное общество среди азиатских культур, где женщины обладали одинаковыми правами с мужчинами. В мусульманских обществах у женщины есть иммунитет к нищете, ибо все средства на пропитание семьи обеспечивает мужчина. И пускай себе Эмма Голдман сколько хочет связывает проституцию с недостаточностью заработных плат женщин-рабочих заводов, – у нас и заводов-то, на которых можно бы было работать, не было, но мы не видели разврат в таких масштабах до тех пор, пока не прошли сквозь коварный жернов *Просвещения*.

У нас существовало понимание на манер: *голодной буду, но из дому не выйду*, – что урезало рабочую силу, но женщин на панель не вывело.

“*Saldım çayıra, Mevlâm kayıra!*”¹⁸⁸

Вот это – *Просвещение*. Вот – *либерализм*. Так как социализм оставил сущность либерализма, но занялся формами раздела собственности, он так и не создал той желанной эпохи. Другого объяснения легализации проституции и “отправки женщин в луга” быть не может, Алексей. Я знаю книгу той американской проститутки по имени Хайди Флейсс¹⁸⁹. Отец ее был детским врачом, и она не нуждалась в деньгах, но она хотела этим заняться, так как торговля сексом была слишком уж прибыльной. Ее клиенты были самыми зажиточными и солидными людьми в обществе, и девушки не только не подхватывали болезней, но и в тот же миг получали все деньги наличными. Оказалось, что Госдепартамент, выйдя на госпожу Флейсс, дошел до губернатора Саратова!

– Навязывать свои условия другим! Мой Боже, что за беспардонность!

¹⁸⁸ Пустилась я в луга, да только мой хозяин – в пески (тур). – Из народной песни. – *Примеч. пер.*

¹⁸⁹ Хайди Флейсс – американская проститутка, автор бульварных мемуаров про ее отношения с сильными сего мира. – *Примеч. пер.*

– Если поставить на одну доску капиталы украинской Оксаны и калифорнийской мадам Флейсс, то разве женщины Руси не томятся в гулагах секса?! Нет, Алексей, не пристало роду Человеческому то общество, что единственным мерилom имеет лишь одну букву традиционного права! Скажите мне, из-за чего большевики так испугались веры и религии? Как дошли вы до этого от монастырей, икон с ликом Божьим и оком Божьим, отрекшихся от всего монахов и *skoptsov*?!

– Как раз оттуда и дошли, – подхватил Алексей. – От русских монастырей. Вы помните *Китеж? Невидимый* град староверов?

УТРАЧЕННОЕ ЗВЕНО

Как я могу не помнить!

Легендарный город на юго-восток от Москвы, в Нижегородской области, между Нижним Новгородом и Казанью, в месте, где Ветлуга впадает в большую Волгу, поблизости *Волжской жемчужины* – *замка Шереметьевых*, в глуши непроходимых чащ, на дне Светлоярова озера.

– Смотрите хорошенько, и если ваше сердце чисто, то этой ночью вы сможете увидеть, как из воды покажется славный город Китеж, – сказали мне. – Настолько прозрачны, настолько чисты эти воды Светлоярова озера, что “не утратив вкуса, хранится она в сосудах десятками лет”.

Староверы, восставшие против введенного Никоном греческого православного троеперстного вероучения, построили свои закрытые для чужого глаза крошечные монастыри на берегу этого озера. Со временем к ним присоединились и *стрельцы* – восставшая стража царя. На восток от Волги – земли соленые, неплодородные.

Лес стал единственным источником обеспечения существования для общины. Все – от саней до веретена, от стрелы до лука, от лопаты до тарелки и стакана – все для себя делают они из дерева. Оказалось, что самую премудрую, самую искусную резь-

бу по дереву делают в Новом Китеже. Я видела украшенные тончайшей резьбой деревянные формы для пирогов и деревянные куколки, коснуться которых я не посмела. Каждая из оконных ставенок, дверок деревянных избушек сама по себе была произведением искусства. Расписные сказочные райские птицы Сирины, тысяча и один листочек и цветочек, родники, львы с имитирующими стебельки тюльпанов хвостами заставляли вас припомнить невинность вашего детства. Староверы сохранили на берегу этого озера наиболее прекрасные образчики древнерусского искусства – иконы, исполненные света тексты, сокровища, ткани и орнаменты. Здесь жил живописец Прохор, так же, как и русский историк четырнадцатого века, монах Лаврентий. Здесь же находится маленький храм *Иконы Казанской Божьей Матери*.

Около года тому назад мы поехали туда 6 июля, в ночь на Ивана Купала. *День Ивана Купала*, купальское празднество волго-уральских язычников, объединили с *Празднованием Явления* Св. Иоанна Крестителя, так что мне это напомнило, как кельтский Самхейн превратили в День всех святых. Прекрасный лес, в котором сосны сливаются с небом, ягоды в богатстве, никогда мною в жизни невиданном, разноцветные заросли кустарников, согнувшихся под тяжестью красной смородины, грибы, куропатки, фазаны, дичь. Волга ведь впадает в Каспий, и оторвавшись от косяков, оттуда идет такая рыба, филе которой и правда уместно назвать мясом. В добавок ко всему этому еще и снующие с песнями необычайно красивые женщины в ромашковых венках. Я подумала, может, из-за уличных торговцев и прилавков с едой, напоминающих Султанахмет в Рамазан¹⁹⁰, что Светлояр я бы могла назвать раем на земле.

¹⁹⁰ Султанахмет – исторический центр Стамбула, на площади которого друг напротив друга находятся Св. София и Голубая мечеть. В дни Великого поста Рамазана традиционное место народных гуляний и коллективного ифтара – вечернего разговления мусульман. Воспоминания об ифтаре в Султанахмете остаются одними из самых теплых воспоминаний детства турков, как новогодняя елка у нас. – *Примеч. пер.*

Легенда гласит, что в 1230-х годах на берегу озера жила прекрасная, как фея, писаная красавица по имени Февронья. Долго ли коротко ли, но увидел сын князя Китежа, как Февронья возносит Господу благодарственные молитвы за то, что даровал лесные богатства, и полюбил ее.

Февронья тоже не осталась безучастной, состоялась помолвка, был назначен день свадьбы. Но покуда шли приготовления к веселью, пришла весть о том, что с востока движутся полчища татарские под предводительством хана Батыя. Свадьбу отложили, а молодцы Китежа во главе с их князем, опоясавшись мечом, выступили супротив татар. Но ничтожный грешник по прозвищу Гришка Кутерьма предал общину, татары убили князя и похитили Февронью. Но Китеж все же выстоял, потому что безгрешная Февронья всем сердцем молилась во спасенье града. И услышал Господь девичьи молитвы, и уже когда вот-вот было изготовились татары сокрушить последние укрепления и ворваться в город, свершилось чудо: Светлояр раскололся надвое и ушел в прозрачные воды Китежского озера. Когда же пришел враг, то не нашел он ничего, кроме отражающихся в водах озера китежских теней. Но все же слышатся звоны колоколов соборов на дне озера, и как в тот день, и ныне продолжают бить те колокола. Монахини находящегося поблизости Макарьевского монастыря говорили, мол, ежели припасть ухом к земле, то можно слышать, как колокола их монастыря вторят колоколам самого Китежа.

Вслед за погребением Китежа в воды озера Февронья бежала из рук врага. Она нашла убежище в лесу вместе с уже раскаявшимся и давшим зарок Кутерьмою. В лесу повстречалась красавице душа князя в сопровождении райских птиц. Февронья вкусила предложенного ей любимым *хлеба вечной благодати*, и вот когда уже душа ее отлетала с этой грешной земли с Его душою, свершилось еще одно чудо. Народ Китежа сменил обличье.

Чудо смены обличья – ссылка на сказание об Иисусе из Евангелия от Матфея.

“Иисус по прошествии шести дней позвал к себе Петра, Иакова и брата его Иоанна, и вывел их на высокую гору. И изменилось перед ними его обличье; лицо его засияло подобно солн-

цу, одежды его стали белы, как свет. И вот показались им Моисей с Ильєю; говорили они с Иисусом. И сказал Петр, отвечая Иисусу: “О Господи, великое блаженство нам пребывать здесь. Если хочешь, я поставлю здесь по увитой плющом беседке для Тебя, для Моисея и для Ильи”.

И покуда говорил еще все это Петр, нашло на них тенью светящееся облако, и раздался из облака глас: Вот Мой Сын Возлюбленный, Признаю Я его; слушайтесь же Его. Услышав это, ученики Его пали наземь, и охватил их смертный страх. Иисус же подошед коснулся их и молвил: встаньте, не бойтесь же. Они же, подняв очи, не увидели никого, кроме Иисуса¹⁹¹...”

Говорят, что когда Китеж превратился в невидимый рай, народ его обрел вечную благодать.

Композитор Римский–Корсаков, которого называли *духовным близнецом* Александра Солженицына, вместе с либреттистом Владимиром Бельским в 1903 году написал оперу “Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронье”. Он показал затонувший город как библейский *рай земной* Иерусалим (Сион), в виде возвышающегося в русских землях рая, места, неразрывного с природой, где любовь не кончается со смертью, а побеждает смерть, где Бог милостив к достигшим святости. Музыка Римского-Корсакова называют богатой, блистательной, полной взлетов и падений, звонами хрустальных колокольчиков будто обращенной к иному миру. А рефрены из *Тайного Огня*, повторяемые композитором каждые пятнадцать минут, отсылают нас к *языкам алых костров*.

Галина Алексеевна когда-то привлекла мое внимание к стихотворению прославленной русской поэтессы Анны Ахматовой “Все пути земные”, в котором она изобразила *обительницу Китежа*, ищущую вечного покоя. После перестройки сказание о Китеже легло в основу фильма под названием “Застой души”. Ту же тему я нашла в фильме Чотиненко 1996 г.

Я вперилась взглядом в глаза Алексея.

– Называя *пуристом*, он отсылает меня к китежанкам?

¹⁹¹ Матфея 17:1-8. – *Примеч. пер.*

В тот день мы, выйдя с госпожой Шеннур из кинотеатра “American House”, отправились в “Кодак Киномир” смотреть “Мусульманина” Чотиненко. Как и “Кавказский пленник”, “Мусульманин” также делал акцент на *болоте грехов*, прежде всего алкоголизме и проституции, в которых погрязла Россия. И если в “Кавказском пленнике” это был протухший город, с несуразными толпами, пьяными бомжами, тесными, неухоженными, похожими на камеры квартирами многоэтажек и горами мусора, то в фильме Чотиненко это было утонувшее в грязи, убогое и неотесанное, склочное и легковверное, как малое дитя, русское село. Оба режиссера, с одной стороны, подчеркивали эту действительность, с другой – особо выделяли достойную благоговения природу матери-Руси и, несмотря на столь страшное падение морали, доходящую до обожания привязанность русского человека к своему селу.

“Мусульманин” – рассказ о попавшем в афганский плен русском герое войны. Солдат Коля, которого все считали погибшим, через семь лет вдруг появляется принявшим мусульманство. Село Коли демонстрирует все проявления послеперестроечного падения нравов: ошалелые от потребления водки полными стаканами, нищие крестьяне, подлабузничающие к мафиозному голове сельсовета – псевдедемократу, который таскает в папке для бумаг пачками американские доллары, жестяные банки из-под “Кока-Колы”, символ потребительской экономики, украшающие окна их жалких лачуг, и т. п.

В селе Коли есть запретный пруд, о котором говорят, что тащит он к себе и топит всех проходящих. По старинному верованию, те, кто сможет коснуться алтаря затонувшей на дне пруда церкви, обретают рождение заново, очистившись ото всех грехов. Чотиненко показывает нам Колю как одну-единешеньку душу, коленопреклоненную на молитвенном коврикe и молящуюся среди этой необыкновенной красоты природы, на берегу пруда, в развеваемом легким ветерком плаще. Вместе с тем, попытки солдата Коли, что своими волосами цвета льна и невинными синими глазами символизирует русскую кровь, жить, как велит ему Аллах, в атмосфере села современного

Содома и Гоморры, напоминает его односельчанам, насколько они деградировали, и становится причиной того, что очень в скором времени они выкажут Мусульманину свою ненависть.

И когда старший брат-алкоголик набрасывается на Мусульманина, преданная мать умоляет его покинуть село:

– Что воровать нехорошо, это мы и сами знаем, можешь нам не напоминать!

Ситуация накаляется с приездом в село Колиных сослуживцев. Они также думают, что Коля – предатель родины. В конце концов ветераны-афганцы и односельчане объединяются и убивают Мусульманина.

Предыдущий фильм – “*Kafkas Tutsađı*”, “*Кавказский Пленник*” Сергея Бодрова, снова история другого солдата, Вани, попавшего в плен к чеченцам. Ваня и его полностью утративший доверие к России комвзвода Саша попадают в плен к повстанцам. Один чеченский деревенский богачей, чей сын также находится в плену у русских, выкупает ребят у повстанцев в надежде обменять на своего сына и привозит в свою деревню. События развиваются вокруг отношений пленных между собой и с жителями села. В фильме обращает на себя внимание симпатия режиссера к образу жизни чеченцев. Бодров показал его простодушным, чистым и страстным, каким он остался со времен средневековья, но суровым и ограничивающим, как сами кавказцы. Несмотря на это, это такой образ жизни, в котором честь семьи и кровные узы не утратили своего значения, а пролитая однажды кровь не остается неотплаченной. И сравнивая этот образ жизни с грубым, захватническим поведением и опущенчеством российских военных, дает понять, что истинными бандитами являются именно они.

В тот день я не только не могла прочесть *послания*, переданного Чотиненко в символе затонувшего храма, но и не смогла оценить по достоинству ту тоску по добрым старым временам, стоящую за симпатией Чотиненко к чеченцам. Но я сделала следующее. Через месяцы после просмотра фильма я сказала Чотиненко, что думаю, что столь отважного режиссера не было

не только среди турков, но и американцев. Сказала об этом и о том, что я в восторге от русской интеллигенции.

– Появления такого фильма следовало ждать от Турции.

– Видите ли, пояснил он, – у нас у русских испокон век присутствует чувство, что *в мире существует незавершенность*. И это такое чувство, будто если вот это вот не хватающее *что-то*, если его найти и изложить миру, кажется, будто можно все изменить, что ли, исправить. Это нескончаемое искание, и это чувство есть и во мне. Будто бы случится чудо, либо кто-то придет, и мы, русские, как-то, но будем непременно жить жизнь так, как ее надобно прожить.

Оказывается, что “*Мусульманин*” Чотиненко – это прямая аллюзия к постмодернистской реинкарнации исполненного любви, всепрощающего, терпевшего муки за других и ими же убиенного Христа!

– Но вы убиваете Колю, – сказала я. – Крестьянам не очень-то есть дело ни до жизни, ни до смерти парня. Содом – Гоморра продолжается. С одной только разницей, что уже устранен человек, напоминавший им о болоте, в котором они погрязли.

– Знаете, есть свиньи, – отвечал Чотиненко, – есть такие в полнолуние высовывающие головы из вод пруда и щерящиеся свиньи, вот они и напоминают! Свиньи – голос совести!

Я тоже рассмеялась.

– Ну вы и даете, мил человек! Но я вас понимаю, не могли же вы из мусульманина скроить *Мессию*! Коля всех обращал бы в мусульманство, и они б, возведя вокруг села крепостную стену, ездили бы добровольцами в Боснию, например!

– Из *Мусульманина*, по вашему выражению, *Мессии* я бы не выкроил, – отвечал Чотиненко. – И не потому, что это не было бы правдоподобно, но потому, что я не верил, что односельчане его обладают достаточной волей, чтоб быть мусульманами. Мне кажется, что религия – прежде всего, вопрос силы воли, *my lady*. Верить в Господа и быть ответственным человеком требует специальной энергетике. Это дело сложное, и большинство людей на полпути начинают задыхаться. Но если вы

—•••••—

достаточно стойки, в конце концов вы сами обретете своего Господа.

– Именно поэтому Коля то и дело повторял: Господь Един, только имена у него разные...

– *“Неужто не видишь ты, что все пути, ведущие к Мекке, отличны друг от друга? Пути отличны, цель же одна... Когда путники достигнут цели, ссоры, конфликты, отличия в путях обретут конец... И когда придут туда кричавшие на протяжении пути друг другу: “ты делаешь ошибку” или “ты гяур”¹⁹², позабудут они все свои отличия, ибо сердца там сольются воедино”*. Ваш же Мевляна.¹⁹³ Что, вспомнили?

Пока я смотрела на него в изумлении, он продолжал:

– Но я должен признать, что если б среди односельчан оказался кто-нибудь обладающий такой силой воли, – я бы не знал, что мне с ними делать. Я хочу сказать, что в ситуации, когда Колины односельчане обернулись бы в мусульманство, я бы не взял на себя смелость предугадать, что их ждет. Я убиваю Колю, дабы была спасена мусульманская честь. Вы же это понимаете, не так ли? Как человек, обретший Бога, он и без того уже был обречен на погибель.

Это последнее предложение Чотиненко: *Как человек, обретший Бога, он и без того уже был обречен на погибель*, через годы покажется мне сутью пророчества Хантингтона о *столкновении цивилизаций*. Помню, что в тот день я сказала: “Как прекрасно видеть, что на Руси до сих пор спор идет между провидением и человеком. Не между провидением и словом”.

Говорят, в начале двадцатого века верующие трижды обходили кругом берега Светлояра и возносили молитвы. В Великую Отечественную войну женщины молили здесь Господа о возвращении в добром здравии своих мужей и сынов. Русские и поныне приходят в Китеж. Когда смеркалось в ночь с 6 июля, то около двух тысяч человек со свечами в руках распевали там старинные

¹⁹² Неверный, немусульманин. – *Примеч. лит. ред.*

¹⁹³ Мевляна (букв. Учитель) – Мевляна Джалаледдин Мухаммед Руми, выдающийся персоязычный поэт-суфий. Автор “Дивана” поэзий, а также грандиозной эпико-дидактической поэмы — “Месневи” (Двустипшия). – *Примеч. пер.*

народные песни. А затем, соорудив из подручного материала нечто наподобие маленьких плотов, ставили на них свои свечи и отпускали их плавать в неподвижные воды озера.

“Если возожжете вы свечу и пустите на воду, то услышите колокола затонувшего города”.

Разделись они и вошли в воду, и купались промеж свечей, и слушали колокола затонувших китежских храмов. Затем одни из них, удалившись в леса, развели костры. И прыгали они через огонь, и прошли ритуальное омовение, и очищение огнем, и углубились в лесные чащобы.

– Здесь мы все в поиске идеала. Идеала, в основе которого лежит наша история. Этот идеал пребывает в гармонии с нами и природой.

– Yes, I remember Kitej!

– Китеж для верующих – священен, для думающих же, что это милая легенда, – своего рода пароль, – отвечал Алексей. – Старый, как сама история Руси, духовный коммунизм нес веру в возможность построения такого, как Китеж, коммунистического рая на земле со всеобъемлющею братскою любовью, где царили бы справедливость, равенство и *pravda*.

– Духовный коммунизм?!

Он осекся, затем сказал: *Pravda!*

– *Pravda!* Когда бы я ни употребил это слово, меня всякий раз потрясает его тайная красота. В европейских языках нет такого слова. И только в русском *istina*¹⁹⁴ и *spravedlivost*¹⁹⁵ выражены одним словом, будто вложены одно в одно в едином целом. *Pravda* – и суть, основа всех *вещей*, и высшая справедливость. В день, когда Россия обернется обличьем к истинному Мессии, Китеж снова выйдет на земную поверхность.

– Повторите, пожалуйста, что-что Вы сказали?

– Я сказал, что только в русском *istina* и *spravedlivost* выражаются одним словом. *Pravda* означает и суть, основу всех вещей, и более высокую справедливость...

¹⁹⁴ В турецком переводе – gerçek. Истинный, реальный, действительный. Настоящий, натуральный. Правдивый, достоверный. – *Примеч. пер.*

¹⁹⁵ В турецком переводе – adalet. Справедливость, правосудие. – *Примеч. пер.*

— — — — —

– У меня для вас, мой друг, есть сюрприз! Может, и не в европейских языках, но в турецком это так же. Все становится на свои места, когда я переведу *Pravdu* вместо *gerçek* как *hakikat*¹⁹⁶. *Hakikat* – суть и основа всех вещей, то есть ваша *istina*. Но *hakikat* – это в то же время *bak*, то есть ваша *spravedlivost*, то есть *adalet*! Очень занятно, не правда ли?!

Должно быть, он был удивлен, но виду не подал, и продолжал:

– Посвящение: я *ищу Кутеж* – означает: я *ищу Pravdu*. Русские узнают друг друга по этому паролю. Те, кто организуют режим, Гюльоя, никогда не проговорятся, что основу, как марксизма, так и ленинского большевизма составляет, собственно, структурное повторение растянутой по первым годам христианства древней гностической парадигмы. Между тем, за светской историей Руси стоят сотни отвергающих личную собственность, не ведающих, что есть война и преступление, эзотерических сект. Объединенное братство духоборов, Правая рука Братства, Белые Голуби, В Христа уверовавшие, Друзья Господа, Общая Надежда, Безумные ...В их глазах государство и церковь – злованная клоака, вместилище всевозможных нечистот. Эти впавшие к концу правления Екатерины в глубокое отчаяние люди покинули свои монастыри и отправились бродить по свету. В глухих пустошах, что мы еще называем *pustyn'*, обосновались они в обителях и кельях. В восемнадцатом и девятнадцатом веках старавшиеся жить поодаль от скорого гнева центральных авторитетов духовные коммунисты объединились в едином духовном подполье. Они разделили меж собою тяготы далекого от производства коллективного образа жизни. Детям своим они рассказали, сколь мало важны действующие в брэнном мире традиционные, религиозные, нравственные либо общественные нормы, и о священном своем долге по их устранению. Они создали по всей стране революционную инфраструктуру, отрицающую государство, Русскую православную церковь и даже уста-

¹⁹⁶ Правда, истина. Неоспоримая достоверность. Основа и суть всех вещей. Сущность, свойство, характер. Истинный, действительный, настоящий. Стабильный, происходящий. Знание цены, умение ценить. Верность, преданность (из: Османско-турецкого словаря Ф. Девеллиоглу). – *Примеч. пер.*

новки официальной религии. Такие легенды, как *Skazanie o Nevedomom Grade Kiteje*, и *Belovodye, или Царство Беловодья*, рассказывающая о живущих в затерявшихся по ту сторону воды землях босоногих староверов, стали топливом, воспламенявшим надежды начала двадцатого века.

– Большевизм есть начисто русское образование, он глубоко связан с русской душой, и не мог быть перенесен во всемирные масштабы, Гюльоя. Геббельс был прав, говоря: “Ни один царь не понял так русского человека, как Ленин, давший ему две вещи, наиболее им желаемые, – свободу и землю”.

Корни *гностической парадигмы*, которая, по словам Алексия, и возродилась в большевизме, – в философии Платона. Платон, классифицировавший судьбы человечества, разделяет мир на две части: мир познаваемых лишь разумом либо с помощью прозрения абстрактных *идей*, либо *смыслов*, и материальный мир вещественных *предметов*, воспринимаемых чувствами. Вещественные *предметы* есть несовершенные копии неизменных и идеальных абстрактных *идей*. Неизменный и идеальный Господь принадлежит к миру абстрактных *идей*.

Вместе с этим представляется сложным увязать безупречность Господа с изъянами материального мира. Неоплатоники видят поэтому выход в высвобождении Господа, называемого ими Непознаваемым Единым, от занятий материальным миром. Плотин отстаивает идею о том, что *Непознаваемое Единое* оставило материальный мир на попечение богу-создателю – Демиургу, что сам по себе творит функцию созидания и поэтому более неопределенен. Демиург есть, кроме того, то обожествление первопричины творения Господа в бренном мире, что перешло в исламское богословие из древнегреческого слова *arkon* в *Hâkim*¹⁹⁷. Еще один неоплатоник, философ Ямблик, ставит сотни богов меж *Непознаваемым Единым* и родом человеческим. И таким образом расчищает дорогу язычеству и культам современности типа Нью-Эйдж.

¹⁹⁷ 1. Победитель. 2. Правящий по праву и справедливости, отделяющий правое от неправого. Судящий, не позволяя чужого вмешательства, Аллах (С.А.) В священной Коране 86 раз упоминаются такие свойства Аллаха, как: *Hâkim -i Nakik, Hâkim -i Ezel, Hâkim -i Mutlak, Hâkim -i Lemyezel* и др. – *Примеч. пер.*

Гносис – вновь древнегреческое понятие и обозначает “знание сердца” либо “внутреннее видение”. Для того чтоб человечество миновало несовершенного Демиурга и достигло неизменного и идеального Господа, ему следует овладеть *гносисом* – слово, которому в мусульманском суфизме соответствует понятие *marifet*¹⁹⁸.

Древние христианские богословы воспринимали *Непознаваемое Единое* как *Абсолют*. *Абсолют*, будучи их *Безымянным Отцом*, не только не является лишенным любви и свирепым ветхозаветным Богом, которому поклоняется Церковь, но и есть главный Его враг.

Мир, в котором мы живем, вся совокупность образованных людьми инстанций есть марифет – ловкачество этого именуемого Хакимом фальшивого творца. И Хаким держит вдалеке от божественного света и истины человечество, заключенное им в темницу ложного мира, состоящего все из внешних оболочек.

Каждый оборот речи, касающийся человеческой истории, есть кривое отражение *pravdi*.

Существуют два пути, по которым могли пойти русские гностики: первый – отрицая ложный мир Демиурга, в возможно короткий срок приобщиться к Абсолюту. Второй же – развивать имеющиеся в них самих сокровенные силы, *марифет*, вспомогать Безымянному Отцу в изменении обличья жизни на земле, и таким образом избавиться от кошмара, – это был выбор известного философа-гностика русских – Владимира Соловьева.

Те, кто воспринимают этот мир как западню греха, и стремящиеся вместо того, чтоб пачкаться в стыд и срам, что окончится их вечным проклятием, достичь блага *Абсолюта*, разрабатывают методы истязания плоти, чтобы заслужить прощение Господа. Именно об этом говорилось в “*Ищущем воду человеку*”:

– Кризис чувства вины, желание причинить страдание плоти нигде не является настолько искренним, как на Руси. Горький в этой своей книге рассказывает нам историю о человеке на одном

¹⁹⁸ Мастерство, искусство, ловкость, сноровка. – *Примеч. пер.*

из волжских пароходов, который во всеобщей давке в попытке войти или сойти с парохода растянулся на лестничном трапе парохода и, вцепившись намертво, умолял: “Давите же меня, добрые христиане, топчите меня! Ибо грешен я!” И добрые христиане его действительно растопчут. И молит он не о деньгах, но о страданье. А собственно и греха-то на нем никакого нет...

И если духоворы бичуют себя хлыстом, то мужчины секты *skoptsov* подвергают себя кастрации и более полувека во всех уголках Руси проповедуют добродетель *самоочищения путем оскотления*; среди их послушников – сам маршал Суконов и царь Александр I. Как шедшие на огонь староверы, так и *скопцы* считают, что искупают грехи грешного человечества путями самоистязания, называемыми ими *креститься заново*.

Должно быть, из-за того, какое выражение приняло мое лицо, Алексей произнес:

– Если вы думаете, что они лишились рассудка, то вам следует знать, что в этом отношении они были не одиноки. Идущие на огонь появились в период, когда они не могли избежать самых безжалостных, самых жестоких пыток властей. Самый первый большевик, Петр I, казнил первого лидера староверов, изжарив его, как поросенка, на вертеле на медленном огне. Также и возникновение скопцов приходится на периоды наибольшего распутства, наибольшего мотовства господствующих классов. Вы сами говорили мне раньше, что сексуальная пресыщенность может превратить человека в евнуха. Я хочу сказать, способы выражения протеста духовных коммунистов, как бы то ни было, были определены насилием в обществе, против которого они протестовали.

И опять-таки, первые знаки на другом пути, которому суждено было завершиться образованием революционного характера по всей стране, подают *skoptsy*. Во 2-й половине XIX века скопцы, исходя из того, что император Александр Третий был бездетен, развивают идею, что оскотленный царь явлен в этот мир, чтоб стать вождем. И идея эта со временем была развита так, что будто бы *истинные дворяне* – не рабы порока – придворные, но кастрированные *скопцы*; и доходит до веры лидера

скопцов Селиванова в то, что бездетные должны повелевать миром.

Избранным, которых готовил Селиванов с тем, чтоб они сменили предрержащих власть над миром, ампутировали половые органы, и процедуре этой дали название *çarın mübrü*, царская печать.

Алексий говорил, что особенно на этом поприще расстарались состоятельные купцы и офицеры высших чинов, не жалующиеся при дворе, и среди них был даже бывший привратник польского короля.

– И они называли себя *христианами!*

И самыми лучшими. Обращаясь друг к другу “голубь”, “белый голубь”.

К концу XIX столетия гностические воззрения заняли важное место во всех слоях русского общества. Когда один из отцов русского социализма Александр Герцен изучал староверов, то близкий друг его, француз Прудон, назвал его христианским социалистом.

С другой стороны, отрицающие действующий порядок и стремящиеся *разделить все поровну* в соответствии с учениями апостолов духовные коммунисты понимали также, что конец света близок. Они полагали неслучайным условием повторный приход небесного огня, способного очистить землю, когда жизнь была унижена до невыносимости, а разврат приобрел немыслимый размах. Содом и Гоморру следовало в который раз извести, а на месте их построить Царство Божье. Главный *разжигатель революции*, Михаил Бакунин, говаривал, что дескать боги спустятся на *языки пламени* и сожгут Европу, да так, что “как бы это ни выглядело со стороны, но большевистскую революцию восприняли как исполнение данного пророчества”.

Николай Чернышевский – одно из самых важных имен, поддерживающих эзотерическую структуру, намеревающуюся вспомоществовать Неизвестному Отцу в преобразовании жизни на земле. Автор романа-утопии “*Что делать?*”, бывшего источником вдохновения молодых радикалов-идеалистов на протяжении двух поколений, *боготворящий силу разума*. Основы его

философии составляет материалистическое видение мира и степенный утилитаризм, однако в личной жизни Чернышевский оказался воплощением жертвенности не меньшей, нежели таковая у христианских святых. Когда жаждавшего ничего для себя и всего для остальных Чернышевского отправляли в ссылку, конвоирующие его жандармы говорили: “Нам приказали привезти преступника – а мы возем святого”. Чернышевский, вмещавший в себе в равной мере такие несовместимые черты, как набожность и светскость, идеализм и расчетливость, очень тяжело переживавший всю напряженность этих противоречий, несмотря ни на что, верил, что общественная революция может быть осуществлена только самыми лучшими, кто может личностью своей быть поставленным в пример массам. Еще один важный мыслитель, поддержавший духовных коммунистов, – Николай Бердяев, по упоминанию Чернышевского, говорил: “Лучшие из русских революционеров, воспротивившись земным тяготам, бедности, заключению, ссылкам и казни, не питали ни малейшей надежды на то, что воздастся им в мире ином. Соответственно, они возложили на себя груз, много более тяжкий, нежели христианские коммунисты их времени”.

– Но если так, поведайте всем следующее: вот то, что мы оставим в наследство будущему, этому сияющему и столь прекрасному грядущему. Любите будущее, старайтесь во имя его, трудитесь, чтоб грядущее свершилось, приближайте грядущее все ближе и ближе, перенося будущее в нынешнюю нашу жизнь. И сколь сумеете вы из будущего привнести в нашу жизнь, столь прекрасной и сияющей будет она, и столь обогатится счастье ваше и душевное равновесие.

Что делать? – это и призыв, и руководство к действию революционерам, что станут строить общество будущего. И один из воспринявших призыв – любимый старший брат Ленина, Александр Ульянов, казненный по обвинению в причастности к покушению на царя Александра III в 1887 году. Владимир Ленин, рассказывая, как “*Что делать?*” Чернышевского повлиял на него самого и его старшего брата, говорил: “Он изменил меня полностью. Я понял, что у верно мыслящих и действительно

порядочных людей нет иного выбора, как становиться революционером, и что более важно, понял, каким должен быть революционер, все его принципы, то, к чему он должен стремиться, и как и с помощью каких инструментов достигать этих целей”.

– Корни приверженцев большевистского движения тянутся к таким добродетельным древнерусским ценностям, как-то жертвование личности собою, Гюльоя. Испытание болью, мученичество, скромность, жертвенность Мессии. На этом тесте замешана религиозная мысль и культуры русских.

– Зудин.

– Зудин. Жития русских святых – учебник мучений. Ленин сам был сектантом-мистиком, радикалом – суфием. Аскеза его, в смысле удаленности от мирских благ, была не меньшей его самонадеянности.

Он повенчал диалектический материализм Маркса с эзотеризмом, фаталистическими и мессианскими элементами глубинного русского социализма. Ленин объединил призывы марксистов к мировой революции и пролетарскому интернационализму с идеалом вселенского братства так, что русские всегда верили в извечную миссию вселенского братства. И он примирил нашу веру в Pravdu, справедливость, необходимость личности жертвовать собою во имя здоровья всех, с преданностью материалистов знанию, атеизму, техническому прогрессу. Атеистический большевизм стал самой религиозной из всех религий.

Пока Крупская начинала революционную деятельность, распространяя несущую идеи неогностицизма книгу Льва Толстого “Царство Божье – в вас самих”, Ленин с Бонч-Бруевичем издавал журнал *Şafak, Rassvet*.

Бонч-Бруевич – известный духобор, сбежавший в 1899 году при помощи Толстого в Канаду и присоединившийся в этой стране к русским коммунистам-гностикам, и эти живущие в Канаде русские коммунисты напечатали первый английский перевод *Манифеста Коммунистической Партии*, о котором Красный Уинклер говорил, что один его экземпляр хранится у него в семье. Бруевич в 1904 году возвращается в Россию и становится во главе *Rassveta*, считающегося продолжением марксистского

журнала *Hayat* – ‘Жизнь’, так выведившего из себя Плеханова, дескать, “там же нет ни единой страницы, где бы ни шла речь об Иисусе и религии”, но “он всем говорил при этом, что это журнал христиан-социалистов”.

Журнал был адресован религиозно настроенным массам, ненавидевшим царское правительство. С одной стороны, развенчивая правительство за притеснения староверов и сектантов, с другой стороны он распространял информацию о сектах из самых отдаленных уголков Российской империи и других концов земли, прежде всего Северной Америки. Используя символы, которые были понятны и не оставили безучастным эзотерическое подполье, журнал разрабатывал воедино темы коммунизма и конца света. Под предлогом того, что якобы русский человек пробуждается и обнаруживает в себе сокрытые сокровенные силы, он радостно предвозвещал уже скорый приход уличных сражений.

В первые годы двадцатого века Россия была заражена мятежным духом, и молодые радикалы – верные ученики Чернышевского взбудоражились, дабы основательно реформировать Россию, секты и заводы, которыми они владели. И тогда как один из наиболее передовых мыслителей гностических сект, лидер столичного, Санкт-Петербургского рыцарского ордена говорил о создании новой веры, *веры общечеловеческой*, члены *секты богочеловечества* делали акцент на сокрытом в человеческой природе *божественном* характере. Бонч-Бруевич старался убедить своих сотоварищей использовать язык эзотерического подполья. Он говорил: “Сектантство есть отвергаемое знание. Поэтому сектант есть оппозиционер силе общества, в котором он живет, и именно эта оппозиционность позволяет нам объединиться. Коль уж сектанты-пролетарии пользуются словом *Нечистый*, давайте и мы определим капитализм этим старинным понятием *нечисти*, чтоб имя *Христово* аки символ счастья и свободы слилось воедино с понятием социализма”.

Анатолий Луначарский, первый *Komissar Просвещения* Советского государства, думал точно так же, как Бонч-Бруевич. Несмотря на то что Луначарский полагал, что христианство

даже в самых своих чистых и передовых формах есть “идеология попираемых, безнадежно инертных, не верящих в свои силы людей”, и говорил, что “христианство в то же время есть средство эксплуатации”, – в написанных им самим дореволюционных политических пропагандистских брошюрах он уделял Иисусу места самое малое столько же, сколько Марксу. Он требовал от своих читателей, дабы те не платили налогов, не шли служить в войско, а предлагая народу создавать советы из своих представителей и требовать права на землю, ликвидировать автократию и на месте ее созидать социалистическое братское общество, всюю пользовался языком и образностью подпольной эзотерической традиции.

– Агрессивным образом привязанный к атеизму и научному материализму марксизм характеризовал все религии как *опиум для народа*. Вместе с тем, это не помешало лидерам большевиков использовать в своих целях всех радикально настроенных гностиков и не удержало круги, составляющие духовный базис России, от поддержки материалистов, – говорил Алексей.

– Тогда как секты, провозгласив “Пред Господом все люди – братья, а правительство – Нечистый”, начертали на своих крестах “*свобода, равенство и братство*”, русские революционеры довели ряд до трех: Христос, Святой Иоанн и Чернышевский, и стали сотрудничать.

Утраченное звено... Это было не просто превращение из глубокой духовности в жажду высоких технологий, но переход от ультранационалистической русской гностической традиции к очищенной от всякой веры и национализма интернациональной утопии Ленина; цепь, не доступная для постижения ее моим разумом, – и оказалось, что звено, которое я в ней считала утерянным, – славянский шаманизм. Возвысившееся с большевистской революцией эзотерическое подполье, тесно связанное со славянским шаманизмом, и эзотерики были теми людьми, что поддерживали древние верования в то, что “человеческий разум обладает влиянием на окружающие его физические и биологические системы”. Это и было причиной, по которой солидные русские университеты внесли столь весомый вклад в поддержку

исследований психокинеза – области специализации доктора наук Оксаны Дмитриевны Зеленской. К примеру, близкий Ленину практически настолько же, как и Луначарский, Горький, прекрасно разбиравшийся в древних мистических сектах, гностицизме, парапсихологии и лечении самовнушением, был полон веры в то, что “при условии совместных действий народ эскалирует интенсивную человеческую энергетику” и что “эта энергетика будет творить чудеса, равные чудесам, творимым сверхъестественными силами”. И действительно, в “*Признаниях*” он рассказывает, как совместная энергия толпы подняла на ноги парализованную девушку. Его близкий интерес к телепатии приводит к акцентированию *чудотворной силы мысли*.

Надежду на то, что “*логика и знание однажды уничтожат страх смерти*”, которую он поднимал практически в каждой своей книге, он продолжает и в своих “*Детях солнца*”. “Мы – люди, сияющий источник жизни. Мы рождены из солнца и уничтожим темный страх смерти”.

Человек, уничтожающий страх смерти, – это ставший единым целым с Богом, обожествленный человек, ведущий речь, прежде всего, о создании новой, *общечеловеческой религии*, Богочеловеческой конфессии, – и это была не прихоть, отторгаемая гностическими сектами.

И впрямь, предвозвестником пророчества Горького: “Придет время, и коллективная воля людей снова сконденсируется в одной точке, из нее возникнет непобедимая, чудесная сила, и Господь воскреснет снова”, – был Достоевский. Достоевский годами раньше Горького в “*Бесах*” определил Господа как “образованную из всей целостности народа синтетическую личность”. *Народ* в “*Признаниях*” Горького всецело компетентен в знании истинной религии. Человек творит чудеса, становится Богом и получает бессмертие.

– Идеи Горького были впоследствии названы *богостроительством*, – говорил Алексей. – Боготворцы, одним из которых и был Луначарский, полагали, что ранние христиане сообща создавали Господа. По Горькому, боготворчество есть, прежде всего, определенного рода деятельность. Достичь Господа воз-

можно в результате коллективной деятельности. Коллективная деятельность, за которую брались с любовной страстью, уничтожает эго и обожествляет человека. Луначарский говорит, что как христианство изменило историю человечества коллективным молением, так и марксизм изменит обличье природы коллективным трудом. Но на этот раз место коллективного моления займет производство, и общим духом человечества станет бог этой новой религии, *Господь всего сущего*.

Определить дальнейшее было несложно. И впрямь, одно марксистское писание печати 1917 года, которое затем впоследствии было переиздано советским правительством, открывало дорогу начавшимся со спутника исследованиям космоса и высоким технологиям: “Судьба человечества – исследовать Вселенную, перенести свой вид в дальние районы космоса, овладеть солнечной системой. Человек станет бессмертным”.

– Церковь, должно быть, с ума сходила от ярости, – сказала я, думая в том числе и о бедствиях, свалившихся на голову говорившего *Я емь Бог Халладж Мансура*¹⁹⁹.

Алексий усмехнулся:

– Самое значительное противление выразил Гитлер. Гитлер в 1932 году предупреждал: “Weltanschauung²⁰⁰ завладел государством. Прорастая из этого государства, понемногу охватит оно весь мир и сровняет его с землей. Если не суметь взять его под контроль, то большевизм совершенно изменит весь мир, как изменило его христианство”.

Я понимала немецкий настолько, чтобы извлечь из Weltanschauung смысл “мировоззрение”, но не знала в тот день, что Гитлер подчеркивал разницу между упорядочивающей мир религией и видением мира. Алексий объяснил:

¹⁹⁹ Халладж Мансур (858–922) – исламский богослов и мистик из южного Ирана (Фарс), представитель суфизма. Подвергался преследованиям как правоверных богословов, обвинявших его в несоблюдении ритуала, претензиях на самообожествление, так и суфиев, ставивших в вину проповеднику разглашение божественных тайн. Провозгласил путь экстатического единения с Богом, не нуждающегося во внешнем обрядовом благочестии. – *Примеч. пер.*

²⁰⁰ Weltanschauung – мировоззрение (нем.). – *Примеч. пер.*

– Религия есть вера в Господа и служба Господу, тогда как Weltanschauung означает знание всех сценариев касаясь мира, и религиозные сценарии являются только одним элементом всей их совокупности. В этом отношении в отличие от религии Weltanschauung как открыт для обсуждений и изменений, так и всякий желающий может строить и совершенствовать такой Weltanschauung, какой будет ему угодно. Говоря: “Через триста лет станет понятно, что вопрос состоит не в ином способе организации производства. Если это движение окажется успешным, то через триста лет Ленин будет упоминаться не столько как один из революционеров 1917 года, но как основатель новой мировой доктрины и, возможно, станет объектом поклонения, как Будда”, Гитлер говорил о том, что мировой порядок будет перевернут с ног на голову.

Какой мне следовало сделать из этого вывод? Для праведного христианина счастье состоит в том, чтоб жить в лучах мира, превращенного в Царство Божие; в таком случае все усилия и сражения следует приспособлять к достижению этой цели. Нет ни одного царя либо короля, который бы не утверждал, что объявленные им война либо реформы не проводятся, дабы исполнить / продлить режим, указанный Господом Богом. Но в Weltanschauung-е царство Божие на земле – это лишь один из сценариев. Страх Гитлера, дескать, Weltanschauung завладел государством, должно быть, проистекал от предвидения того, что в дальнейшем Божьи указания больше не будут нести определяющего характера, – и нельзя сказать, что время не доказало его правоту.

– Гитлер ведь был католиком, не правда ли? Я смутно припоминаю, что в Австрии он обучался в католических школах.

– Он и жил, как монах, – сказал Алексей, снова с той кривой усмешкой на лице. – Он держался вдалеке от мирских благ, чтоб по праву исполнить свой *священный* долг, врученный ему Господом, – уничтожения евреев. Мучивший себя, жертвующий собой во благо арийцев *святой* – вывернутый наизнанку Иисус. Вы знали, что кодовым названием последней большой наступательной операции немцев после вывода из Нормандии было Christosen, или “Рождественская (христианская) роза”?

– То есть?

– То есть, аллюзия к Христу. По легенде, живущая в Иерусалиме сельская девочка по имени Маделон захотела подарить ребенку-Иисусу подарок, но она была так бедна, что так и не нашла, что бы можно было подарить. Увидев, что девочка очень огорчилась, прилетел ангел и коснулся обледеневшей земли. В месте, которого коснулся ангел, и находится первая в мире *Christosen*. А девочка подарила розу Христу.

– Нацисты не могли смириться с еврейским происхождением Христа, и приложили немало усилий, чтоб доказать его нееврейское происхождение. *Christosen* в каком-то смысле есть свидетельство и декларация того, что Иисус Христос не был евреем.

Он долго смотрел в коридор, в котором исчезла женщина с волосами апельсинового цвета.

– Нисхождение Господа на землю не привело к вечному блаженству, дорогая. События после Первой мировой войны повергли нас в шок. Мы ожидали совершенствования мира, но не войны; нового переустройства общества в спокойствии, но не кровавых переворотов; гуманизма, но не массовых убийств; рафинированных демократий, но не автократической диктатуры; научного прогресса, но не занявших место истины авторитарных лозунгов и пропаганды; прогресса на всех фронтах, но не возврата обратно к варварству!

Он запнулся, будто заметив, что слишком много говорит.

– So! Созидательного начала внушить так и не удалось. Ни созидательного начала, ни... А казалось, что *мы были к сердцу Господа ближе самой аорты...*

– Это из Корана...

– Да вы что?! Я полагал, из Мевляны!

Пришла очередь изумляться мне:

– Вы знаете Мевляну? – спросила я и вспомнила: Алексей масон, и Галина Алексеевна говаривала мне о том, что русские масоны Мевляну знали.

МЕЖ РАЗУМОМ И СЕРДЦЕМ

Первое идеологическое движение русского дворянства – масонство. В поисках Правды между рационализмом и идеализмом русская интеллигенция по большинству своему сталкивается с масштабами смертельной разобщенности. Корни традиции уходят во времена *Екатерины Великой*. В последующие ее правлению годы рационализм отождествляется с европеизаторскими, а идеализм – с прорусски настроенными кругами.

Взошедшая на трон приблизительно через сорок лет после *первого Большевика*, в 1762 году, императрица безжалостно продолжает начатое ею движение по *европеизации Руси*. Она преуспевает в отрыве русской культуры от ее религиозных корней и насаживании в стране новой официальной культуры настолько, что о ней говорят, как о заслужившей титул *первого Ленина* России. *Первый Большевик* и *первый Ленин* – между жизнью этих *великих* людей не прошло и промежутка в сорок лет.

Основным наследником Петра Великого являлся его десятилетний сын. Однако его любовница, с которой он обвенчался перед смертью, литовская служанка Марфа Скавронская – женщина, с которой на Пруте встречался Балтаджи Мехмед Паша²⁰¹, – привязала к себе стражу, *стрельцов*, выплатой им жалованья, которого довольно долго они не видели. Стрельцы вместо законного наследника трона провозглашают ее *Императрицею Всея Руси*. Но Марфа Скавронская – алкоголичка, во дворце не осталось никого, кто бы не видел ее падения, и кроме того, она неграмотна. Внутренние дела империи она оставляет на попечение своего бывшего возлюбленного князя Меншикова, иностранные дела – немцу по имени граф Андрей Остерман. Граф Остерман видит будущее России в продвижении вместе с Германией. Чтобы окончательно закрепить эту идею, он способствует браку и отправке в Киль дочери Катерины от Петра с принцем Брунсвикским немцем Антоном Ульрихом.

²⁰¹ Во время катастрофического поражения Петра I в Прутском походе против Османской империи в 1711 г. – *Примеч. пер.*

Около двух лет спустя прихода на трон Марфа Скавронская умирает от *излишеств*. В это время под сенью имени Петра коронуют собственно престолонаследника, которому исполнилось двенадцать лет, но вскоре после этого и его забирает эпидемия оспы. И в России на шестьдесят шесть лет наступает султанат цариц.

Первая из них – проживающая в Германии Анна Иоановна. Взшедшая на трон в 1730 году Анна, по причине недоверия русскому дворянству приглашала в Россию полюбившихся ей принцев, с которыми она знакомилась в Германии, и поручала им правление державой, так же, как это делала ее предшественница. Один из двух ее любовников, Эрнст фон Бирон, возглавил правительство, другой же, Лёвенвольде, счел своим долгом дела внутренние. Граф фон Миних становится во главе армии, Кейсерлинг – во главе финансов. В то время как немецкая серьезность завоевывает державу, завоевывают и Польшу. В это время французы, уступившие немцам господство над Россией, берутся отомстить им, насылая на Россию османов. Предупреждая о важности установления власти в Санкт-Петербурге и на Черном море, они подстрекают турков против московской угрозы.

Османское и русско-австрийское войска встречаются в 1737 году под Бая Лукой. Не вынесшая последовавшего поражения и умершая от скорби императрица Анна при последнем дыхании назначает престолонаследником еще одного немца: сына дочери Марфы Скавронской Анны от брака с Брунсвикским принцем. Однако претендент на императорскую корону еще совсем ребенок; императрица желала, чтоб до достижения означенным семнадцатилетнего возраста дела государственные вел фон Бирон, но стоящий во главе русских войск граф фон Миних и иные немцы под его командованием предпочитают выставить премьера ответственным в поражении под Бая Лукой и отправить его в ссылку.

Отставка фон Бирона не удовлетворила исполненную решимости вывести Россию из-под немецкого влияния Францию и ее союзника Швецию, и они нашли выход в подстрекательстве русского дворянства. Они занимаются организацией и финансиро-

ванием заговора. Выставленная французами новая претендентка на престол – дочь литовки и Петра Первого Елизавета Петровна. Она практически не знает русского, но очень хороша во французском, получила очень скудное образование, но великолепная гимнастка, тренирующаяся ежедневно целыми часами. Как и прочие, Елизавета также стремится получить поддержку военных, с тою только разницей, что эта претендентка в императрицы под предлогом финской войны однажды в полночь надевает униформу и устремляется в стрелецкие казармы. Она будит спящих стрельцов и просит их поддержки. На следующее утро она на троне. История указывает, что французы были на седьмом небе от счастья, 1741 год.

Похожая на портретах на отца, огромная, но очень изысканная женщина Елизавета Петровна. Другая черта ее, делающая похожей на Первого Большевика, – доходящее до атеизма безверие, но народу об этом знать не дают. Перед народом она имеет репутацию совершенно традиционной православной. Она не выходит замуж, ибо это, дескать, помешает государственным делам, и удовлетворяется любовниками. Она высокомерна и необычайно ослепительна, после ее смерти при подсчете выясняется наличие в ее гардеробе пятнадцати тысяч (пятнадцати тысяч!) платьев и двух тысяч пятисот пар обуви. И также, как и ее отец, она и пьяница, и матерщинница.

Елизавета ссылает в Сибирь Миниха и других под его командованием немцев, а на их место ставит русское дворянство. Впервые за долгие годы происходит первое усилие к развитию русской цивилизации, но развитию этому суждено происходить под недремлющим оком французского Просвещения. И действительно, первой, кто вступает в контакт с сыгравшим определяющую роль в создании русской интеллигенции Вольтером, становится Елизавета. Но она не забывает также и утихомирить народников. Она также привязывает к себе церковь, основав в Москве университет, закрыв мечети татар и отправив в ссылку в Дикое Поле тридцать пять тысяч евреев. Но у нее нехорошо со здоровьем, она начинает искать наследника престола и снова находит уроженца Германии из Килья, Петра Федоровича, внука

Петра Великого и в то же время шведского короля Карла XII, и по этой причине приходящегося также наследником шведского трона. Этот мальчик тоже болен, болен настолько, что не может выходить из дому, образован поэтому домашними преподавателями-немцами и даже обращен в лютеранство как протестант. Императрица Елизавета привозит мальчика в Россию и обращает в православие, но видя, что тот безалаберен и ненадежен настолько, что бремени царствования ему не поднять, берет и женит его на известной своим интеллектом немецкой принцессе Софье Фредерике Августе, которой суждено войти в историю как *Екатерина Великая*. Таким образом Софья Фредерика Августа в пятнадцать лет приезжает невестой в Россию, которой ни языка, ни религии она не знала и до конца жизни так толком и не выучила. В тридцать три года она вступает в заговор со старшим братом своего любовника Григория Орлова, военным Алексеем Орловым, который по ее наказу и убивает мужа ее Петра Федоровича, и восходит на трон под именем Екатерины Второй. Ее правление длится тридцать четыре года.

Императрица воспитана и возвращена лютеранскими священниками и французскими гувернантками, одна из наиболее образованных женщин своего времени, знает Корнеля, Расина и Мольера. О ней говорили, что к Вольтеру она была подготовлена.

Уроженец Парижа, 1694 года, Вольтер по возрасту приходит к Екатерине дедушкой. Он не дворянин, но ум его матери и финансовая прозорливость отца помогают ему войти в круг, близкий к Людовика XIV. Еще ребенком тот знакомится с язычеством и сходится с теми, кто утверждает, что религия более, нежели вера во Всевышнего Господа, есть используемое правящей верхушкой средство для манипуляции низшими классами. Он посещает лучшие школы своего времени, и еще в возрасте двенадцати лет пишет пьесу; в которой говорит, что не верит в ад, а рай находит *на земле*. “Я хочу возлюбить Бога, ищу в Нем Отца”. Однако Бог, подаваемый нам христианским духовенством, “...есть тиран, которого нам надо ненавидеть. Он создает сына человеческого по подобию своему, чтоб унизились мы; создает нас грешными, чтоб было у него право карать; созда-

ет нас падкими до удовольствий, чтоб быть вольным причинять страданья...”

Бог Вольтера еще до рождения обрекает человека на смерть. Он посылает сына своего, чтоб тот искупил грехи человеческие. Иисус умирает, но, как известно, понапрасну, потому что до сих пор людям говорят о том, что они все еще несут на себе пятно первородного греха Адама и Евы. Не достаточно и этого, им рассказывают, что всех, даже тех, кто не знает и имени сына его, называемого милосердным, поджидает он, потирая от удовольствия руки, чтоб спалить в геенне огненной. “В этом непривлекательном портрете я не вижу Господа, которому вынужден поклоняться; а если бы мог я увидеть, то это было бы Ему оскорбленьем!”

Еще в те годы учителя Вольтера видят в нем будущего *предводителя французского деизма*. Деизм, то есть направление философской мысли, признающее существование Бога и факт Его творения Природы, но отрицающее любое религиозное внушение, ибо полагает, что ответственность за сотворенное положена на самого человека, – не так уж далеко ушло от демиургических взглядов русского гностицизма. Еще студентом юридического факультета Вольтер знакомится с *рыцарями-тамплиерами*, среди которых были и известные священники. Один из наиболее именитых тамплиеров, наставник монастыря Шолье, говорил: “*Женщины и вино – наиболее изысканные благоденствия, оказанные человечеству разумной и добродетельной Природой*”, что по-турецки звучит как: “*İç bade, sev güzel, varsa akli şuurun, dünya var imiş ya da yoğ imiş, ne umurun?*²⁰²”.

Остроумный, чувствительный, не лезущий за словом в карман и не заикливающийся ни на каких рамках Вольтер проводит жизнь в осмеянии особенно попов. При этом он ловок и одарен в умении делать деньги, искусно отыскивает лазейки в законах и не пренебрегает также ростовщичеством. Поскольку за короткое время он становится миллионером, о нем говорят, что, дескать, “кроме религии, его ни в чем нельзя назвать революционе-

²⁰² Пей вино, люби красавиц, покуда есть ум в сознании, что тебе до того, существует ли мир?! (букв. перевод). – *Примеч. пер.*

ром”, однако “финансист Вольтер спонсирует Вольтера-философа”.

Он призывает людей самих принимать свои решения по поводу религии, но с условием не терять их веры в Бога: “Бог, разместивший в сердце вашем природную веру, никогда не отвергнет простой и искренней души. Верьте, что душа честного человека всегда и при любых условиях пред лицом Его всегда будет ценна; верьте, что смиренный буддистский монах либо деликатный мусульманский дервиш в глазах Его будет более приемлем, чем нещадный янсенист либо алчный папа”.

Он проезжает по Европе и знакомится с наиболее выдающимися литераторами Европы: полки его библиотеки заполняют книги Рабле, Монтеня, Гассенди, Фортенелля, Байля и Локка – необходимо помнить, что в ту пору литературу изучали в кругу философских и богословских дисциплин.

В Англии его внимание привлекают естественные науки. Он читает Ньютона, сравнивая его с Декартом. Он остается в восторге от той всемерной толерантности англиканской церкви, оказываемой ученым. Он видит, что практически никто из “неисправимых еретиков”, переполняющих полки его библиотеки, не был заточен в тюрьму за свои взгляды. “Я обожаю англичан, – пишет Вольтер. – Обожаю этих людей, которые говорят то, что думают... Смотрите, что удалось английскому законодательству: природные права, отобранные у людей монархиями, были им возвращены. Эти права таковы: свобода существования и обладания имуществом, свобода письменно излагать народу свои воззрения, право быть судимым свободным независимым судом, право исполнения буквы закона и, наконец, право веровать в ту религию, в которую пожелаешь, с тем ограничением только, что англичанам нельзя работать на государственных постах”.

Он в восторге от религиозной терпимости англичан, существующей еще с 1689 года: “Даже квакеры живут в мире, они основали свои колонии в Пенсильвании и занимаются торговлей”. Квакерами называли секту, основанную англичанином по имени Джордж Фокс в 1659-х годах и считающуюся одной из самых нетерпимых сект в христианстве.

“Мне были отвратительны попы, они мне отвратительны сейчас и так же будут отвратительны в будущем”, – заявлял Вольтер, но, конечно, был не настолько отчаян, чтобы додуматься, что религию-то и изобрели попы. И действительно, в статье, написанной им для *Философского Словаря*, он напишет: “Божественная мысль проглядывает в ощущениях и в природной логике, что даже у самых неотесанных людей развивается с возрастом. В удивительных явлениях природы, в урожаях и неурожаях, в вёдро и ненастье, в везеньях и бедствиях – всюду ощущается рука сверхъестественного владыки... Сильные же мира сего используют эти наблюдения с тем, чтоб закрепить свою власть”.

Но Вольтер боготворит Христа – не как Бога, но моральный закон, и с наступлением возраста еще более приближается к Святому Христу, называя его *брат мой, господь мой*. Он верует, что человечество достигнет вечного блаженства, если усвоит добродетели, кои воплощает Христос.

И был Вольтеру сон, будто представляет он себя в пустыне, где в гору собраны кучи человеческих костей. Кости эти принадлежат будто сотням тысяч евреев и такому же количеству христиан, придушенных за их метафизические споры. Будто позади той горы костей поверх наваленных золотых и серебряных дирхемов свалены короны и кубки живших когда бы то ни было королей. Ангел-хранитель Вольтера ведет его немного поодаль, в зеленую долину, населенную великими прорицателями. Вольтер видит там всех мужей ума, вошедших в историю человечества, от Сократа до Заратустры.

“Мы поднялись по агоре, на которой было принято отдыхать у мужей ума в древние времена, там я увидел простого и смиренного человека на вид лет тридцати-тридцати пяти от роду, с опухшими, сочащимися кровью со сквозных ран руками и ногами и исполосованною кожей от ударов бича. И не было разницы меж мукою этого виденного мною пророка и мукой, причиненною Сократу”.

Вольтер спросил Иисуса, кто причина его смерти, и тот отвечал ему: “Судьи и попы”. Когда же тот спросил его, намеревался

ли он создать новую веру, Иисус ответил: “Нет”. “Хорошо, но в ответе ли тот за наваленные здесь кости и золотые монеты?” Иисус снова ответил: “Нет. Я и те, кто со мною, мы жили в самой смиренной бедности”. “Хорошо, но, в таком случае, какова же истинная религия?” И Христос изумился: “Да разве же не говорил я вам?! Любите Господа и ближнего вашего так, как любите сами себя”. “Но если дело обстоит так, – сказал Вольтер, – то признаю я тебя как единственного Господа”. Христос совершил движение, будто благословляя Вольтера. “И видение исчезло, а я остался наедине сам с собой с чувством успокоения в душе”, – говорит Вольтер.

Вот таким человеком был советчик Екатерины Великой. Говорят, что причиной того, почему он возился с русскими, было желание проследить, “как человечество из варварства переходит к цивилизации”. У императрицы есть письмо, которое она послала ему в 1763 году и в котором пишет: “Впервые в жизни я скорблю о том, что я не поэт, и на строфы Ваши вынуждена отвечать прозою. Но если позволите, я должна сказать, что чрезвычайно многим Вам обязана, начиная с 1746 года. До Вас я не читала ничего иного, кроме любовных романов. Поскольку творения Ваши попали ко мне в руки по чистой случайности, то и до сих пор я ничего, кроме них, не читаю; я не могу вынести не настолько хорошо написанных, как Ваши, либо не поучительных книг...

Я возвращаюсь к Вам снова и снова, перечитывая Вас, сформировавшего мои вкусы. Мсье, заверяю Вас, что если и есть у меня малейшая толика знания, то ею я обязана Вам. У меня до сих пор в руках – *Essai sur l’histoire générale...*”

Их отношения наилучшим образом раскрывает письмо Вольтера своему другу из высшего света, д’Арженталю, об императрице: “Я знаю, что целый ряд пустых людей осуждают Катерину за ее мужа, но это дела внутрисемейные, и я в них не вмешиваюсь, – начинает он. – Я хочу, чтоб ты сделал мне доброе дело для моей Катерины, – мы должны сделать так, чтоб ей оказали почет уважаемые люди Парижа. У меня есть веские причины, чтобы верить, что особенно дюк Праслин и князь Шуасель не видят в ней самой моральной женщины мира. Несмотря на это, я знаю,

что... она не имеет никакого отношения к смерти того пропойного пьяницы... К тому же, он был самым большим клоуном из всех, кому на этой земле удавалось захватить трон... мы должны быть обязаны Екатерине за то, что она осмелилась свергнуть своего мужа с трона, потому что она прозорливо и успешно продолжает правление, и на нас лежит груз почитать как святую ценную особу, которая намерена распространить религиозную толерантность по самую 135 параллель... Я прошу Вас оказать благодетельствования Екатерине”.

Религиозная веротерпимость, даже в случае с Вольтером, была веротерпимость междухристианская, и на ислам не распространялась. И впрямь, когда императрица вступила в войну с Османской империей, Вольтер аплодирует Екатерине за поход, предпринятый с целью “оградить христиан от мохаммедан”.

Пожилой советник наградил также императрицу кличкой, *Северная Семирамида*. Как известно, Семирамида была ассирийской царицей, жившей, по преданию, в 800-х годах до н. э. Кроме своего ума и красоты, она была также известна своей сексуальностью, так что я подумала, что не стоило бы так сильно порицать это сравнение, если вспомнить бурные романы Екатерины, ее двадцать одного только официального, то есть прошедшего врачебный контроль, любовника. Собственно, и сыновья ее, Александры, были от разных отцов.

Другим советчиком первого Ленина был ведущий автор *L'Encyclopedie*, считающейся одним из наиболее выдающихся литературных памятников эпохи Просвещения, Дени Дидро, которого называли библиотекой об одной ноге в полном смысле этого слова. Французская энциклопедия, состоявшая всего из двадцати пяти томов, семнадцать из которых составляли тексты, претендовала на то, чтобы “представить прошлое и настоящее всего человечества в едином произведении”. Помимо того, что в *L'Encyclopedie* были представлены в сжатом виде теоретические данные обо всем от биологии до философии, ее статьи в радикально-революционном духе подвергали критике все полномочия католической церкви и разжигали пламя Французской революции:

“Первейшими целями всех правительств должно быть процветание человечества. Способность власть предержащих черпать силы в этой благой цели обусловлена законами природы и логики. Наибольшим благом человечества являются свободы. Чем для отдельного человека является здоровье, тем для государства должны стать свободы”.

У Дидро, кроме L’Encyclopedie, есть и другие книги. La religieuse, либо “Религиозный”, одну из наиболее *фривольных* книг, смогли напечатать только после Великой Французской революции. Это история постригшейся в монахини молодой девушки Сюзанн, которая подвергается изнасилованию любвеобильной настоятельницы монастыря. Манера описания Дидро не отстает от Набоковской “Лолиты”: “Ко мне в келью вошла монахиня-настоятельница. Ее сопровождали еще три монашки. Одна из них несла посуду со священной водой, другая – крест, а третья – моток веревки. Громким и устрашающим голосом настоятельница промолвила: “Встань же... склонись и предай душу свою в руки Господа!” Впрочем, со временем нравственность Сюзанн также падает, и на этот раз уже она влюбляется в женщину по имени Мадам де Шелле. Показ снятого в шестидесятые годы по книге фильма был запрещен даже во Франции.

Еще одна книга Дидро, *Supplement au Voyage de Bougainville*, “Дополнения к путешествию Бугенвилля”, выступает против рабства и империализма. Герою романа, молодому человеку по имени Бугенвиль, уезжающему с острова Таити, туземец говорит следующее: “Мы – свободный народ, вы же сейчас посеяли зерно будущего рабства в наших землях. Вы – не бог и не дьявол. Кто вы такие, чтоб нас поработать? Ты понимаешь языки этих людей, так скажи же нам, как сказал мне, что они написали на этих табличках: “Эта страна – наша”, написали они. Эта страна – ваша? Почему же ваша? Потому только, что вы аж сюда добрались? Что вы скажете, если однажды один из таитян спустится на ваш берег и нацарапает на одной из ваших скал или деревьев: “Эта страна принадлежит таитянам”?”

Как большинство книг Дидро, это его произведение также смогли напечатать только после его смерти. *Энциклопедия* его

вызывает не меньше споров. На какое-то время ее запрещают, а издателя бросают в тюрьму. Когда в последний момент тексты Дидро были спасены из рук цензуры, о них становится известно Екатерине Великой, – в чем, вероятно, не обошлось без участия Вольтера, принявшего участие в написании *Энциклопедии*, – и он предлагает запрещенное французским правительством произведение Дидро напечатать в Санкт-Петербурге.

Не такой изобретательный в финансовых вопросах, как Вольтер, Дидро едва сводит концы с концами. Екатерина, прослышавшая, что Дидро, чтоб собрать приданое своей дочери, вынужден выставить на торги собственную библиотеку, приказывает своему поверенному в Париже выплатить Дидро желаемую им сумму. Однако прикасаться к книгам Дидро до самой его смерти запрещает. Но и этим императрица не ограничивается, она устанавливает философу жалованье как *хранителю* уже принадлежащей ей библиотеки, и за одну ночь делает Дидро богачом, постановляя выплату ему предоплатой суммы за двадцать пять лет. Таким образом, Дидро уже не может отказать в последовавшем за тем приглашении. Он говорит: “Человек, пускай хотя бы раз в жизни, должен познакомиться с такою женщиной” и отправляется в путь прямо в Санкт-Петербург. Екатерина и Дидро проводят вместе каждый день в течение пяти месяцев.

Дидро рассказывает императрице, в какую утопию может быть превращена Россия. Императрица слушает его, но впоследствии напишет, что слушала “Более от любопытства, чем от возможности воспользоваться этим... Если бы поверила ему, то в царствии моем все – правовой порядок, дела внутренние и финансовые – было бы перевернуто вверх дном ради неосуществимых его теорий... потом я искренне с ним поговорила: “Мсье Дидро, я с огромным удовлетворением выслушала все, вдохновленное Вашим блестящим умом. На всех этих Ваших высоких принципах могут быть написаны прекраснейшие книги, однако из этого получится очень плохая экономика... А как императрица со странностями я тружусь о плоти людской, щекотать же и раздражать людскую плоть – это совсем другое”.

После этих слов императрицы они стали говорить только о литературе. Но Дидро все же подготовил и поднес лист под заголовком “Что надобно делать?”, в котором излагалось, какими быть законам, которые следовало бы принять Екатерине. Мнение же императрицы о них таково: “Сплошное пустословие, я не встретила во всем Вашем писании ни отражающих действительность знаний, ни дальновидности, ни прозорливости”.

С сегодняшней точки зрения видится, что Екатерина не пошла на поводу у мечты Вольтера о *просвещенном деспоте* и не сделала всего от нее зависящего на этом пути. От совместного пребывания философа и императрицы не получилось политической пользы, однако тесная дружба императрицы с французскими философами вразумила Россию на развитие в русле *Просвещения*.

Государство Екатерины с населением в тридцать – тридцать пять миллионов человек могло сравняться с Францией либо Германией того времени, но по территории оно представляло собою гиганта, протянувшегося на десятки тысяч километров от Финляндии до Сибири. Девяносто процентов ее населения – крестьяне; более чем половина их – крепостные рабы сотни тысяч дворян, предержавших более половины всей земли. Общий процент среднего класса, выживающего торговлей промеж крепостных и дворян, не составляет и трех процентов. Как я и раньше говорила, Москва была наибольшей столицей Европы, центром внутренней торговли России и городом – космополитом с населением в 1780 году около трехсот тысяч человек.

Французы, немцы, греки, итальянцы, англичане и, вероятно, азиаты; у каждого народа – свой молельный дом, каждый говорит на своем языке. Несмотря на это, при сравнении с Санкт-Петербургом город считают оплотом русского шовинизма и полуазиатским. С легкой руки императрицы Екатерины Великой в Москве существовало около пятисот церквей и более ста деревянных дворцов и теремов. Огонь был также главной опасностью старой Москвы. Императрица, желавшая также, как и ее предшественницы Анна и Елизавета, принести свет в исто-

рию русской архитектуры и просвещенность в историю русской мысли, закатав рукава принимается за то, чтоб *расцветить и позолотить, как золотом, сумрачный деревянный город московитов*. Она рушит деревянные церкви, а на их месте ставит каменные дворцы в духе неоклассицизма с дорическими колоннами. Таким образом, страх пожара в большей мере побежден, но домашний облик города был уничтожен, а философская и физическая атмосфера русской культуры перевернута с ног на голову. Поэтому говорили: “Русское дворянство было обречено жить в искусственных городах временной, протезной жизнью”, и во главе таких искусственных городов – Санкт-Петербург.

В то время как дворяне Санкт-Петербурга, украшенного, словно опочивальни трех императриц, и превращенного в декор театра под открытым небом, наследовали во всем – от шелковых чулок до кружев, бритья бороды, укладки усов воском и парфюмов – образ жизни французской аристократии, отправленная на учебу Петром I за границу молодежь начала по возвращении домой насмехаться над московским шовинизмом. Среди них был привлечший своим именем Искендер мое внимание князь, одна из поэзий которого со всею очевидностью передает состояние его души:

“Незрелый мой разум, продукт всего того нового, что я изучил, молчи же и не вынуждай брать в руки перо... Тогда как люди бегут от тебя, словно от заразной хвори, и винят тебя, тобою брезгуя, тебе следует работать и бороться. С четками в руках попы бурчат себе, что “углубляющийся в книги станет атеистом”, и разглагольствуют о том, сколь опасны рассеваемые в нашей среде семена науки... Церковь, впадшая в ужас от того, что наши дети начали читать Евангелие... Но они читают, спорят, хотят уразуметь причину всего и не доверяют попам, не жгут перед иконами свечей, не празднуют святок... Эй, Разум мой, я предлагаю тебе не быть разумным даже ни на йоту размером с кусочек теста... Не жалуйся на то, что ты не признан... Если милостивая Мудрость и научила тебя чему... то оставь это при себе, не открывай другим”.

Я не смогла позабыть эти сроки Искендера Кантемира²⁰³ по причине того последнего предложения: *“Если милостивая Мудрость и научила тебя чему... то оставь это при себе, не открывай другим”*.

Ведь причиной того, что *Христа загнали в рай и заставили там замолчать*, причиной ухода масонов в подземелье была тоже невозможность поделиться их знанием со своим народом... Русский народ настолько ненавидит власть предержавших, что не протягивает руки к деньгам с имперской эмблемой двуглавого орла, которую они полагают за символ нечистого. Того двуглавого орла, чью гигантских размеров статую итальянский архитектор Бартоломео Растрелли воздвиг в Санкт-Петербурге на самой видной площади города.

Екатерина приступила к работе по европеизации державы с того, что позакрывала монастыри, и монахи оказались на улице. Впрочем, Просвещение, прежде всего, обозначает веру в освобождающую и облагораживающую силу светского образования. Императрица предпринимает невиданную дотоле просветительскую мобилизацию всех сил, чтоб спасти русских от вековых предрассудков и *создать тип нового человека*. Определение дословно именно такое: *тип нового человека*. Целью просветительской мобилизации является не новое видение мира, не новое русское поколение, но *миссия по спасению современных европейских обществ от неестественности, созданию более приближенного к земле образа жизни* и по сотворению *типа нового человека*. Основной гипотезой этого потрясающего по своему замыслу проекта была вера в то, что душа человеческая является чистым листом бумаги, и образование на этой *tabula rasa* может начертать все, что только может быть угодно. Акцент же на природе и на всем природном и составил фундамент Просвещения.

При воспоминании об образовании первое приходящее на ум имя – Руссо. Практически во всех своих произведениях, и прежде всего в романе “Эмил”, Руссо рассказывает о том, какое

²⁰³ Искандер (Александр) Кантемир – молдавский князь тюркского происхождения, потомок политических эмигрантов из Османской империи, один из первых русских поэтов XVIII в. – *Примеч. лит. ред.*

образование надлежит давать детям. Как и другие просветители, он также верит в то, что человек не рождается грешником и по природе своей есть добродетелен и от рожденья свободен. Он отстаивает то положение, что в случае же, если цивилизация будет развивать человека соответственно его природным склонностям, тот будет жить в благоденствии. Однако общество не отображает природы и изобретает человеку искусственные потребности. Эти искусственные потребности становятся причиной неравенства в обществе и ужесточают жизнь. Поскольку зло рождается в городах, как раз и изобретающих эти искусственные потребности, детей следует воспитывать в селе, им надо научиться законам природы и своему месту в миропорядке вселенной.

Екатерина не очень-то любила романтического Руссо, о котором считала, что он придает слишком уж большое значение ощущениям. Она находила гораздо более близкими ей Вольтера и Дидро благодаря их, хотя и до некоторой степени, но приверженности рационализму. Несмотря на это, она пригласила Руссо в Санкт-Петербург. Приглашение ее было принято, один дворянин из династии Потемкиных принимает на себя функцию переводчика, и в сорабничестве они принимаются за реконструкцию русской души.

Во главу проекта поставлен главный дворцовый советник, уроженец Стокгольма и получивший образование в Копенгагене Бецкой. Бецкой, так же как и все приближенные к императрице дворяне, – человек, жизнь которого прошла за границей, который был обучен мыслить абстрактными и вселенскими понятиями и совершенно не имеющий понятия о русской культуре; более того, это незаконный сын придворного по имени князь Трубецкой.

Но ведь в России Екатерины внебрачные дети дворян брали фамилии своих отцов в сокращении, так из Трубецкой вышло Бецкой, так же, как из Воронцов – Ронцов, а из Голицына – Лицын, и т. д.

Полковник Иванов говорил: “Бецкой был не единственным, кто не позволял позабыть безродность унижения дворянства,

но, возвысившись до главного советника Екатерины, этот человек отомстил за всех таких же байстрюков, как он. Отчуждение было навеки впечатано в его имени”.

Бецкой принял решение начать невиданный до тех пор *проект педагогической реконструкции с отвергнутых обществом байстрюков и сирот*. Проект предполагал собрать незаконно рожденных детей, предложить им *порождение*, новую жизнь, предполагающую образование их душ, по меньшей мере, в такой же степени, как и умов, не пренебрегая при этом и телесной гимнастикой, которое должны были дать монахи специально создаваемых *светских монастырей*, или же *жертвенников Человечеству*.

От светских монахов ожидалось, что они создадут новое меж крестьянами и дворянством и способное послужить государству третье сословие. С этой целью были предприняты ознакомительные поездки по приютам Франции и Англии, и с полученным там вдохновением в Москве и Санкт-Петербурге были основаны *воспитательные*, в которых предстояло расцвести русскому Просвещению, и воспитательный интернат, в который был отправлен полковник Иванов, и был одним из таких заведений.

В воспитательных ученики возрастом от пяти–шести до около двадцати лет от роду должны были жить всецело изолированными от религиозных и моральных внушений русской действительности и, следовательно, культуры, в которой они были рождены и которая неизбежно должна была испортить их нравы; это должно было уберечь их от зла, потому что, как отмечал и Руссо, “Господь все создал прекрасным. Зло возникает, когда в дело вмешиваются люди”.

Однако все получилось не так, как задумывалось; оказалось, что за короткое время состав учащихся изменился, и большинство детей составляли не байстрюки и не сироты, как планировалось изначально, но двух-, трехлетние законные чада русских дворян. И дворяне не согласятся на то, чтоб дети их во имя службы родине были воспитываемы в русской либо византийской традиции. Упорство в необходимости получения ими западной культуры обозначал отказ от русского как языка образования. Так и случилось. И таким образом, в то время как родо-

витая русская молодежь была направляема в сторону нового идеала, названного моральной деятельностью, она еще более отдалила их от духовной атмосферы их страны и государства.

Со временем место икон в их домах заняли бюсты философов, а место священных молебнов в церквях – светские проповеди. Они и так, собственно, были достаточно оторваны от России, и поэтому в душе ненадежной русской аристократии открываются еще более глубокие раны. Стратегия, по которой, чтобы привить в школах любовь к учению, проведенное время стали упорно считать *службой отечеству*, привела к тому, что обучение молодых дворян как можно более затягивалось, а технические училища всячески отвергались, уделяя внимание поверхностному образованию в области изящных искусств либо философии.

Пропась между ними и средним классом и классом ниже среднего, не выносящих на дух душ поэтов и художников, возрастала. Тогда как *мещанство* не могло постичь умом и не разделяло беспокойства интеллигенции, родовитая интеллигенция осталась безучастна к классовым распрям в экономике. Притом что политические и экономические интересы аристократии почти что вовсе на повестке дня не появлялись, возникший под влиянием вдохновенного восхищения Екатерины Францией *новый образ жизни* стал темой пристрастных обвинений. Интеллигенция безмерно критиковала подражательство и достигающий невоспитанности гедонизм, но делала это только в своей среде.

– Они начали ненавидеть самих себя, – говорила о них Галина Алексеевна. – И со временем эта ненависть принесла с собою отрицание всего чуждого. А еще позже это создало чрезвычайно чувствительное национальное сознание. Однако наша интеллигенция, вместо того чтобы расследовать причины все возрастающего национализма, принялась за поиск виноватых извне и нашла: любимого советчика Екатерины, Вольтера!

О Вольтере начинают говорить, что “он определил человеку единственной целью жизни скотскую жизнь”. Развивается такое понятие, как *вольтерианство*, которое приравнивается к аморальности. Его начинают видеть воплощением порочного гедонизма, поверхностности и космополитизма. “Но уже поздно!”

И действительно, испытываемого от гедонизма, поверхностности и космополитизма неудовольствия недостаточно для того, чтоб выработать альтернативный образ жизни. Все, что может сделать интеллигенция, – это осмеивать общество в большинстве своем при посредничестве театра. Например, у писателя немецкого происхождения по фамилии Фонвизин есть пьеса “Недоросль”, высмеивающая образование аристократии. Это была наиболее популярная пьеса своего времени, она даже стала первой русской пьесой, поставленной за границей. Я прочла ее по тексту английского перевода, врученному мне Галиной. В ней идет речь об обучении живущего в *селе Дураков*, то есть в сельской местности, шестнадцатилетнего местного неуча – ребенка-аристократа тремя фальшивыми учителями, никуда не годным отцом, влюбленным в собственную свинью дядюшкой и вздорной и самых грубых нравов матерью. Точнее, в пьесе рассказывается о том, что западное образование никуда не годилось для просвещения недоросли – России. В пьесе дворянские идеалы и добродетели Руссо проповедуют столь тупые и вздорные люди, само село настолько дико и отстало, что даже по прошествии многих лет ясно как на ладони, как предприятия Екатерины по просвещению превратились в посмешище. Все, что было достигнуто после стольких усилий, – “не розарий без шипов, но, напротив, дикий терновый кустарник”. По словам Галины, принцип русской театральной традиции “смех сквозь слезы” был начат именно этой пьесой, и от Гоголя до Чехова, включая сюда и постсталинскую эпоху, все гиганты русской литературы использовали сатиру в борьбе против деспотизма.

Впрочем, несмотря на все беспокойства, Просвещение вошло на русской почве. Когда умер Бецкой, он был похоронен по светской разновидности православного обряда, – мне это напомнило нововведение в Турции аплодировать, провожая гроб покойника²⁰⁴. Под предлогом того, что почивший был

²⁰⁴ Бытующая в последние десять-пятнадцать лет в Турции немусульманская политическая традиция в основном атеистов, кемалистов и оппозиции, по которой гроб убиенного после мечети по дороге на кладбище сопровождают хлопками в ладоши, клеймя его убийц. – *Примеч. пер.*

Свечом добра, впервые в русской истории понятия *рая*, *правды* и *мудрости* были спущены на землю и в открытую отождествлены со смертным. Более того, произошло укрепление в мысли, что рай может быть гарантирован при неуклонном совершении добра, тогда как от блаженного Августина и до наших дней веровали в то, что человечество по свободной воле не сможет сотворить добра, а кому вершить добро – о том порешит Господь.

Впрочем, в литературе Просвещения добро есть *естественным результатом человеческого ума*.

Итак, погребение Бецкого стало одним из первых явлений течения *богочеловечества*.

С другой стороны, наибольшим *благом*, которое просвещенная интеллигенция могла сделать на пути просвещения своих народов, были реформы. Екатерина таким образом полностью посвятила себя преобразованию России с головы до пят и боролась за честь стать создательницей нового светского интеллектуального класса. Однако класс этот не смог двинуться в одном русле ни со всею правящей аристократией, ни с обладающими, как о них говорили, *душою слуги* крестьянами, и даже внутри своего класса он не смог продвинуться на пути к солидарности, остался парцелированным душой и нерешительным и беспокойным классом практически полностью за пределами колеса государственности. Русская интеллигенция не смогла обрести покой в душе ни Библией, ни научными методологиями, но опять-таки не отказалась от поисков *Истины*. Участие их в масонских ложах, выход на пыльные пути причинными иноками, чтение с особенным вниманием выходящих на Западе книг – все это для того, чтоб найти *Правду*. Читать не для того, чтоб наполнить чем-то время, но неотъемлемая составляющая часть внедряемой по отношению к себе программы духовного и морального роста. Качество, которому во времена Екатерины Великой посвятившие себя нахождению Истины дворяне придавали наибольшую ценность: существование любви, ощущаемой к Истине, *Hakikat' e duyulan aşk – правдолюбю*.

Правдолюбец – таковым было прозвище Николая Новикова, броскость намогильного камня той эпохи и традицию которого, как утверждали, продолжил дорогой наш Алексей.

Николай Новиков был одним из трех наиболее блестящих умов 1700-х годов. Двое остальных – Григорий Савич Сковорода и Александр Радищев. Глубина этих троих мыслителей, масштабность их духовного поиска показывает, насколько бесчестным было отчуждение, переживаемое интеллигенцией времен Екатерины. Это были люди, всем сердцем верившие в существование Господа и сотворение Им природы.

Но эти люди не смогли принять учения церкви, которую они считали ответственной за то, что на Руси установилась и бытовала духовная традиция возвышать добровольное страдание и непротивление злу и считать ничем человека, внушая ему, что все добро и зло происходит единственно от Создателя. И этим своим состоянием духа они, с одной стороны, навлекли на себя ярость не признающих Бога олигархов светской политики, видящих выход в закрытии монастырей, а с другой стороны – местных попов и священников. И новое гнездо, в котором они укрываются от резкого отвержения их власть предержавшими и духовенством, становится ложа братства живущей в 1700-х годах европейской аристократии – масонство.

Масонство по сути своей было кругом деистическим, то есть полагавшим, что Природа сотворена Господом Богом, только ответственность за сотворенное возложена на человека. Эта идея налагала на братьев-масонов невиданную в ортодоксальном христианстве невероятную ответственность и труд. Этот труд предполагал открытие *предусмотренного* Господом для *Природы естественного и морального порядка*, то есть *Мудрости*, разумение его подробностей и верное ему следование на протяжении всей жизни.

Так же, как масоны не принимали в свой круг атеистов, равно там не было места *не разумеющим* существования Мудрого предопределения. Ищущие пути подвергали традиционные церковные процессы избавления от грехов высшей мере критики. Они верили, что человек в силу своего создания устроен так,

что способен постичь основную истину, и отсюда проистекает их близость к гностикам или суфизму. И вера их в то, что это дарованное нам Господом устройство может быть путем самообразования доведено до совершенства, было причиной их занятий образованием и особого значения, предаваемого меценатской деятельности.

Русское дворянство познакомили с масонством ведущие с Россией дела английские торговцы. Английские масоны, создающие начиная с 1700-х годов свои ложи в России, глубочайшим образом повлияли на русское масонство и русскую аристократическую культуру.

Их Великий Мастер – лорд Джеймс Кит, шотландский дворянин, о котором говорили, что он вылеплен из теста Николая Новикова. Лорд Кит за поддержку революции Стюартов 1715 года был выслан из Англии и до приезда в Россию служил в испанском войске, далее был военным губернатором Украины, в начале 1740-х годов возглавил русское масонство. Любимый всеми и необычайно культурный человек, о котором говорили: как *солнце в зените*. Существовала даже песня:

После Него, лучась светом, Кит пришел на Русь
И возжег священный огонь со всем человеколюбием,
Воздвиг памятник мудрости,
Он исправил наши помыслы и сердца
И укрепил наше братство.

Упомянутый в песне Он – Царь Петр Великий! Первый Большевик, воспламенивший умы, но никогда – сердца.

Николай Новиков был из охранников Екатерины прославленного Измайловского полка. Настолько же, насколько серьезный мыслитель, прекрасный организатор, сам по себе Средоточие Мудрости и издатель. Он издавал юмористические журналы, предметом насмешек которых было подражательство Екатерины Франции и ее действия, не принимающие ко вниманию социальную несправедливость. Эти журналы были первыми независимыми общественными критическими журналами в

России, и традиция их была продолжена в восьмидесятые годы известным журналом “*Крокодил*”. Вслед за закрытием одного за другим журналов Новиков уезжает из Санкт-Петербурга и становится во главе типографии Московского университета. Меж 1781–1784 годами он публикует книг более, чем было опубликовано университетом за последние двадцать четыре года. Он также основывает интеллектуальный клуб и печатает Университетскую газету, тираж которой за короткое время достигает четырех тысяч – при населении Москвы в то время в четыреста тысяч. Новиков также был первым, кто основал первые частные типографии в России и первые страховые общества от голода.

Появившийся впервые в конце 1770-х годов в издательской жизни журнал “*Утреннее солнце*” впервые в русской истории без комментариев публикует работы древних философов, начиная от Платона и Сенеки. Публикуются также детские книги и собрания по древней русской истории. Он также собирает все по древней русской литературе и создает библиотеку. И таким или иным образом он проявляет заботу о русской традиции, которую преуменьшала императрица; возвышая моральные ценности старой Московии, он целит в Екатерину. Русские сказки, песни и легенды, которые считались ничем у петербургских вольтерянцев, предстают у него глубинным культурным океаном.

Он помогает сделать языком преподавания в Московском университете русский, и таким образом настроенные против Екатерины интеллигенты обретают там себе духовное прибежище, а Московский университет становится культурной Меккой выступающих против французского космополитизма. И здесь насаждаются зерна великорусского шовинизма. По одному из рассказов, именно воссозданному там настроению духа обязаны русские и победой их в Урской битве с османами, и в разгроме Запорожской Сечи.

Помимо Московского интеллектуального климата, Николаем Новиковым сделано “русское масонство, катализировавшее все его действия”. Когда к масонам примкнул Новиков, количество их насчитывало около двух сотен. Впрочем, Новикова не устраивало то, что эта аристократическая публика была в большин-

стве своем Петербургской; он говорит, что *играют в масонство*, и отказывается проходить традиционные обряды посвящения. Около года спустя он переходит в новую ложу, близкую больше к немецкому мистицизму, чем к английскому, и принявшую за духовный центр Москву. Именно эта ложа преобразит русскую культуру.

Немецкая эзотерика занимает особое место в европейской культуре. Проповеди посвященных христиан, живущих в Кельне, Страсбурге, Базеле и Констанце, – их называли *Рейнландскими мистиками*, – содержали идеи, которые было невозможно встретить ни в каком другом месте Старого Материка.

Рейнландские ученые-мистики толковали теории Высшего судьбы, происходящие из идеи не обозначаемого Единого неоплатоников, на христианской основе: мир и человечество не происходят от Бога, но Им созданы. Обоожествление человека происходит в момент рождения Бога в человеческой душе или рождения души человеческой в Боге. Постижение же Господа Бога происходит посредством Христа.

С другой стороны, корни немецкого масонства тянутся еще к ложам, основанным мастерами-каменщиками во времена Священной Римской империи: *Баухюттен*. Так как мастера-каменщики работали на архитекторов, возводящих храмы Божьи, то они были гораздо более уважаемы, чем другие рабочие, и, что самое главное, *свободны*. Они не были обязаны ни работать на своих феодалов либо принцев, ни подгонять законы и уставы своих лож под соответствие с таковыми других или другими законами. Чтоб не утратить тех привилегий, которыми были они наделены указом Священной Римской империи, они чрезвычайно тщательно избирают новых членов своих лож, присматриваясь столько же к способностям кандидатов на звание *мастера-каменщика*, сколько и к их моральному облику, и не принимают в члены ложи не имеющих страха Господнего. Знания о резьбе и выделке камня сохраняются в строжайшей тайне, не передаются на письме, но только шепчутся на ухо членам ложи. Когда экономический кризис и застой в сфере строительства церквей в начале восемнадцатого века стали причиной упадка в поступле-

нии членских взносов в ложу, они, чтобы не дать пропасть своим кружкам, начинают принимать в члены ложи не только резчиков по камню. Этими новыми членами стали интеллектуалы, находящиеся в поиске аудитории, в которой без страха они могли бы озвучить идеи века Просвещения. Ложа таким образом претерпевает модификацию и открывает новые ложи, притом что традиция во что бы то ни стало хранить в тайне проводимые в ложе разговоры, систему знаков, разработанную с тем, чтоб посвященные в тайну мастера-каменщики могли узнавать друг друга, их пароли, способы рукопожатия остается неизменной и передается новым членам. В то же время ложи демонстрируют поворот от физического труда к труду мыслительному.

Сразу же вслед за основанной в 1717 году в Лондоне Большой масонской ложей основывают Гамбургскую великую ложу масонов. Масоны принимаются за труд, чтобы всем вместе достичь общей цели. И цель эта – преобразуя физические законы архитектуры, применить их на практике, обращая в принципы метафизики, и возвести *Памятник Человечеству*, взяв человека материалом, толерантность и братство – цементом, Библию – чертежом, а Господа Бога – *Вселенским Архитектором Природы*.

Исходящие из тех же верований французские масоны в первой четверти 18 века подвергаются нападкам атеистов-просветителей. Духовная сторона и символы их лож подвергаются осмеянию, а сами они отвергаются интеллектуальными кругами. Впрочем, Просвещению удалось войти и в масонские кружки. Французские масоны в своих ложах вынуждены в 1877 году признать, что с 1840-х годов их учением было “нет Бога, кроме человека”. В ответ на это немецкое масонство, ставящее во главу угла своего учения веру в Бога, в один момент отрицает всякие сношения со своими французскими братьями и прерывает отношения с *Гранд Ориент*, Большой Восточной ложей.

Русское масонство, также и под влиянием масонства немецкого, становится под флаг своего святого, который, по преданию, первым принес христианство на Русь, – святого Андрея. Таким образом, сотни русских аристократов, чувствующих, что

они порвали с христианством, называемым ими религией племса, однако не удовлетворенных вольтерианством правительства Екатерины, обращаются к масонству, чтоб очиститься от морального упадка, агностицизма и поверхностности дворцовой жизни. В этой связи, русское масонство рождается в противопоставлении себя как вольтерианскому легкомыслию, так и французскому рационализму и светскости.

Первое из предпринятых ими мероприятий было создание тайного общества и переустройство университетского устава в соответствии с их идеалами. Созданное в 1780 году тайное общество называлось “Гармония”. Гармония было научным обществом, “саентифическим”, однако преследовало целью объединение науки и религии.

Говорят, что *“наука, отвергающая христианские ценности, становится злом, подобным ядовитой змею”*. Новиков пишет: *“наука и религия являются двумя сторонами одной основной истины... вера и разум... меж философией и религиозностью не должно быть противостояния... вера никогда не противоречит разуму... она не нарушит здравой логики жизни, а только способствует искоренению суеверных заблуждений”*.

Галина Алексеевна говорила, что и Новиков прилагал усилия к тому, чтоб, как Циолковский, обернуть русских мыслителей лицом к исследованиям космических вопросов. В свое время Циолковский говорил: “даже вера в Перуна тут будет полезной; в деле воссоздания общей картины мира мы будем нуждаться даже в Перуне”.

При взгляде из Турции этого может быть и не видно, но интеллектуальный мир России того времени слит воедино с таковым Германии, Швеции, Англии либо Франции, одним словом, Европы. Еще до наступления 1800-х годов были прочтены от корки до корки практически все выдающиеся западные мыслители от Эдисона до Стила, от Бюньяна до Мильтона. Присутствие в ложе, в формирование которой значительный вклад внес Николай Новиков, розенкрейцеров (*Rosikrusiyan*) и Короля Прусского Фридриха Великого, демонстрирует определяющую роль, которую масонский деизм сыграл в духовном формировании Европы.

Розенкрейцеры – это тайный орден, столь же секретный, сколько и легендарный. По преданию, она была основана в 1407 году немцем по имени Кристиан Розенкройц, учеником христианских гностиков-теологов, живущих в Святой Земле. Вместе со смертью Розенкройца в 1484 году орден распался, чтобы вновь *воскреснуть* в семнадцатом веке.

Великие Святилища членов ордена Розенкрейцеров – это сам мир как он есть. Наиболее приближенные к Мудрости полагают, что они обязаны своим положением тем, что спаслись не только от рационализма русского Просвещения, но и от ошибочных либо притворных знаний, накопленных от Адама до наших дней человечеством. Но даже если *свет Адама* и уменьшился до искры, она продолжает жить в душе человека.

Все, что нужно сделать, чтобы она засияла вновь, – это духовное очищение и разгадывание знаков природы. Изучать древнюю историю полезно, так как масоны полагали, будто следы потерянного Адамова света можно найти именно там.

Близкий друг Новикова, немец Йоганн Георг Шварц, насчитывал три пути, ведущих к свету: разум, ощущения и божественное откровение. Самый слабый из них – логика. Ощущение идет после и ассоциируется с красотой розы. Откровение же – сокровенное знание. Мудрец достигает Света, проходя через эти три стадии.

Эти двое друзей пишут статью за статьей, чтобы наставить на путь истинный захваченные вольтерианством *незрелые умы*. Страдания на пути к совершенству и знанию убивают Шварца в молодости, но мысли его продолжают шириться в полусекретных философских обществах. Масоны принимают участие в этих полутайных обществах под кодовыми именами; в обычае входит братство, взаимопомощь, дискуссии за закрытыми дверями, взаимообоюдная критика и обязательная исповедь и очищение от грехов раз в четыре месяца перед Великим Мастером. Со временем они укрепляются в мысли, что рай может быть осуществлен и на земле, если святые мыслители достаточно станут прилагать к тому усилий. Распространяется вера в то, что интеллигенция может бесконечно влиять и преобразовывать все

интеллектуальные сокровища, очищенные от всей преходящей и смертной материальности. На интеллигентов как класс возлагается особая миссия: *преобразовать* Европу. И русские масоны принимают клятву занять в этом преобразовании первые ряды.

Литература и искусство – средства распространения этой возложенной на интеллигенцию миссии. Поэтому появление и первой, и второго связано с огромной ответственностью, воспринимаются как пророчество и по этой причине ассоциируются с *Божьим Словом* и *Честью*. И слова Терезы “На Руси литература для писателя – тяжкое бремя. Под тяжестью этого бремени можно согнуться” были именно об этом.

Именно в это время о России начинают говорить как о *верблюде, который не понимает ценности несомых им во вьюках сокровищ*. Тогда как сотни русских молодых людей под покровительством взошедшего на трон в 1786 году Фридриха уезжают в Берлин, в Европу, чтоб изучить, каким должен быть создаваемый новый порядок, и открыть тайны всяческого благополучия и благоденствия, десятки религиозных орденов и сект устремляются в Россию, чтоб перенять опыт русского масонства. Все эти происходящие процессы не замедлили раздражить Екатерину, которой пришлось совершенно не по нраву вся эта таинственность и которая полагала, что тщиться раскрыть тайны Природы лишь *отвлекает человечество от его мирских дел*. Ее бесит видеть религию, каковую посредством закрытия монастырей она уничтожила в сельской местности, в салонах дворянских гостиных. Новое вхождение в цену сельско-религиозной культуры старых московитов, явно видимая в городской литературе буколическая ностальгия по селу как бы нивелирует труд стольких усилий императрицы, чтоб обернуть Русь лицом на Запад. Новиков же, опасаящийся, что русское масонство отклоняется к праздности, возродил значение христианских ценностей, оказал поддержку монахам закрытых Екатериной монастырей и наконец занялся публикацией и распространением священных текстов староверов; это переполнило чашу терпения императрицы, и указ об аресте оно не замедлил воспоследовать. Впрочем, этот приказ и положил край эпохе Просвещения

Первого Ленина. Ибо Новиков был человеком, объединяющим воедино прагматическое западничество Санкт-Петербурга и духовную провосточную ориентацию Москвы. В этой связи вспоминают метафору двуглавого орла, живущего одним сердцем, но с глазами, глядящими в противоположных направлениях, – и этот двуглавый орел есть символ России.

Новиков объединил разум и ощущения, он пребывал в поисках *Конечной Гармонии*, стоящей за видимыми им в нынешнем мировом устройстве непоследовательностями и горестями. Утрата его Россией означала утрату его учеников, то есть отчуждение от себя собственной интеллигенции. Говорили, что “конец Новикова был концом России”.

Приказ об аресте исполняет целый громадный полк. “На несчастного старика напал огромный, как город, отряд!”

Его высылают вначале в Ярославль, а затем в Сибирь, где он и умирает.

У Алексея были еще два духовных отца, два безбожника-учителя: Григорий Сковорода и Александр Радищев, которых называли двумя гигантскими цунами, захватившими и выбросившими на гребень современную русскую мысль. Сковорода – отвергнутый аристократической Россией, не имеющий титулов бездомный романтик. Предтеча поэтов-гностиков от Тютчева до Пастернака и отчаянных романтиков от Лермонтова до Достоевского. Об этом правоверном, но не верящем в то, что можно жить в рамках какой бы то ни было устоявшейся системы верований, рассказывали, что “это был человек, настолько отдалившийся от смертного мира, что смог остаться равнодушным к общественно-политическому злу, стремящийся в тоске к тайным источникам и запретным плодам *гораздо более богатого* Потустороннего Мира и подвешенный меж святостью и безусловным эгоцентризмом”. Второй, “заклятый аристократ”, Радищев, получивший европейское образование исключительных качеств дворянин, который вместе с тем относился с неприятием к искусственности отношения к нему других, и породивший тип тургеневских героев. Несчастья других не дают покоя совести Радищева. В отличие от Сковороды, он не может остаться безучастным

к мировому злу и желает построения более справедливого общественного порядка. Он верит в то, что *мужество* обессмертит человечество. “Если люди будут меньше бояться смерти, они не падут в плен предрассудков; они найдут себе истинных и более человеколюбивых друзей, способных их охранить”.

Галина говорила: “Практически все из русских революционеров почерпнули для себя что-то в этих двух мыслителях. Нам известно, что Ленин с восторгом читал Сковороду и даже планировал поставить ему памятник. Что касается Радищева, то его музей находится в Саратове”.

Сковорода и Радищев заходят с диаметрально противоположных концов, но точка, их объединяющая, – *премудрость*, то есть “вера в божественную цель природы и создания, стоящую за видимым”. *Мудрость* они воспринимают как “*правду, высшую, чем высочайшие указы Екатерины*”.

Они питают отвращение к поверхностной дворцовой культуре и отвергают подражательство. Сковорода – украинский козак, отрицающий Просвещение всей своей сущностью. Будучи главным капельмейстером Киевской консерватории, он покидает свой пост и закрывается в монастыре. Некоторое время он преподает в духовных семинариях Киева, Санкт-Петербурга, Харькова и Москвы. Но все что-то не так. Ему не по нраву не только тогочасная Русь, но и весь мир.словно Фауст, он бежит от всего официального и явного в знании. Он обрывает связь с церковными организациями. Со временем и монастыри кажутся ему тесны, и он полностью порывает с церковью. И вот он уже – одинокий холм в степи, и, перекинув через плечо торбу, в которой только Ветхий Завет и книги на различных языках, он отправляется в дорогу. Ровно тридцать лет он бродит по Руси, в поисках Мудрости и полном одиночестве:

“Счастье – познать себя, познание же себя проходит через прямое общение с Богом. Оно не принимает противоречия меж духовным и материальным миром. Телесность и мирские страсти – первейшие искушения Дьявола”.

Когда же умер он (1794), то завещал написать на своем надгробном камне следующее: “*Мир ловил меня, но не поймал*”.

Он пишет в большинстве своем стихи, письма и философские беседы, непонятные, но поднимающие волосы дыбом. Более чем все им написанное, уважение людей ему приносят его искренность и последовательность. На родине своей, в Украине, он становится легендой, произведения его переходят из рук в руки как священные тексты, а лик его изображают на иконах. Реакция на него Екатерины – запретить все, с ним связанное. Произведения его публикуют лишь через сто лет после его смерти, но и то не полностью, ибо и тогда его подвергают цензуре. Я тогда было очень хотела бы хоть глазком взглянуть хотя бы на частичку из всего им написанного, чего-то, способного дать понять, отчего же существовал такой страх перед этим человеком. Галина принесла мне несколько строк из его *“Диалогов с Мудростью”*:

“Человек: Скажи мне имя свое, сам скажи свое имя! Скажи, ибо в отсутствие Твое мысли наши все гнилы и испорчены.

Мудрость: В старое время меня греки называли София. Русские же зовут Мудрость. Римляне дали когда-то имя Минерва. Добрые христиане зовут Иисусом Христом”.

София – значит мудрость, и неотъемлемая часть мудрости – умение. Минерва – богиня мудрости языческого Рима. Не говоря уж о том, чтоб от этих двух богинь одним взмахом крыла достичь Христа, но чтоб понять, что для Церкви не может быть и речи о принятии отождествления языческих идолов со Спасителем, не нужно было быть и христианином!

– Вы правы, – сказала тогда Галина. – Сковорода был адептом более высокой, синкретической религии.

Это был второй раз, когда я услышала слово *синкретический*. Термин, обозначающий согласование разных религиозных или философских верований, она употребляла в определение усилий Сковороды объединить те верования, которые, по его разумению, исходили из одного источника.

– Должно быть, он находился в этом смысле под влиянием Джеяледина Руми, – сказала она. – Руми был гуру синкретиков.

Должно быть, она отнесла мое удивление к тому, что я не поверила, не поленилась, встала и вынула из книжного шкафа

старинный английский перевод “Диван – и Шемс²⁰⁵”. Она перелистала страницы привычными движениями.

– Вот, читайте сами.

Что делать нам, о мусульмане? Я перестал узнавать себя.

Не христианин я и не еврей, не неверный, но и не мусульманин.

Не с Востока я – и не с Запада, ни с моря, но и ни с земли.

Не детище Природы, но и не возвращающегося в семикратном зикре²⁰⁶ неба,

Не земли, не воды, не воздуха, но и не огня.

Не из эфира, но и не из пыли, не из живущих в мире этом, но и не из мира призраков.

Не из Индии я пришел, и не из Китая, не из Болгарии, Ирана, Хорасана,

Не из этого мира и не из потустороннего, не израя и не из ада,

Не от Адама я и Евы, и не от Адена и Рызвана²⁰⁷,

Место мое – Без места, и имя мне – Безымянный.

Не тело и не душа – я принадлежу душе Возлюбленного.

Удалившись от двойственности, узрел я, что два мира – единый,

Тот, Кого искал я – Един, кого познал – Один, кого видел – Один, кого звал – Один.

Он первичен, Он конечен, Он снаружи, Он внутри.

Не признаю я иного, чем “О Господи”, “О удивительный Господь²⁰⁸”!

Переходя к тому, где могли они *познакомиться*, – Мевляна родился в Таджикистане в 207 году. Семья его за год перед захватом родного города Чингисханом спасается бегством в Конью. Он знаком с идеями не только Будды, но и гностиков и

²⁰⁵ Джалаледдин Руми Мевляна, и его собрание поэзий “Диван – и Шемс” (Диван Солнца). – *Примеч. пер.*

²⁰⁶ Здесь – условный перевод. В оригинале – не зикр (дервишский обряд), а таваф (обряд семикратного обхождения паломниками в Мекке Каабы). – *Примеч. пер.*

²⁰⁷ Рызван / Рыдван – страж райских врат, самый большой ангел в мусульманстве. – *Примеч. пер.*

²⁰⁸ Ху – местоимение, обозначающее “Он”, выражающее в Священном Коране, что нет иного Бога, кроме Аллаха, упомянуто 26 раз. – *Примеч. пер.*

неоплатоников. По словам Галины, в Конье до сих пор существует вера в то, что усыпальница во дворе церкви св. Амфилохия, епископа Ионийского, в те времена еще пребывающей под влиянием христианства, а позднее обращенной в мечеть, принадлежит Платону. Конийские мусульмане будто бы питают чрезвычайное уважение к Платону, и даже встречаются таковые, кто считает его Пророком. Ионийский епископ также важен для истории русской православной церкви, так как он был близким другом святого Василия (329-379), уроженца Кайсери, защищавшего православную веру от католиков.

“Из стихов его мы понимаем, что и Руми, и даже его сын прекрасно знали греческий. Оба они кроме фарси и турецкого писали также по-гречески. В “*Рабаб – наме*” Султана Веледа²⁰⁹ есть двадцать два стихотворения на греческом”.

Радищев был плодом Просвещения Екатерины до такой степени, что еще в возрасте четырнадцати лет был в числе сорока детей, удостоенных чести посещения обряда возложения короны на императрицу, и из каковых был в числе двенадцати избранных, которых отправили на обучение в Лейпциг. Этим карьера его напоминает мне батюшку Гринько. Он находится на высоких постах государственной службы, последним из которых было начальствование над таможей в Санкт-Петербурге.

И при этом это человек, со всею силою выступающий против правления в свое удовольствие своей же аристократии.

Он – из Саратовской области, находящейся на юго-востоке нижнего течения Волги. Саратовская область площадью в сто тысяч квадратных километров – одна из самых больших в России. Древняя ее столица – *Сары-тау*, то есть искаженное “*Сарыдаг*”²¹⁰. Саратов отстоит от Москвы на восемьсот пятьдесят километров. Область соединяет Среднюю Русь с Уралом.

²⁰⁹ Султан Велед Мухаммед Бехаэддин (1226–1312), один из основателей средневековой турецкой литературы, писал на фарси. Лирические стихи; поэма “Книга Веледа” включает фрагменты на тюркском диалекте – первые точно датированные (1301) турецкие стихи. Сын Джеляледина Руми и основатель дервишского ордена Мевлевийя. – *Примеч. пер.*

²¹⁰ Желтая гора (тюрк.). – *Примеч. пер.*

Сегодня в Саратове есть галерея современных искусств имени Радищева и перед галереей – огромный ему же памятник.

Саратовская область в то же время является зерновым хранилищем, самостоятельно производящим сорок процентов сельскохозяйственной продукции России. Во времена Екатерины этот показатель был еще выше. Здесь должно быть были пережиты самые страшные трагедии в системе земельного крепостничества. Радищев, выступая против крепостного права, с самого начала своего пребывания на посту в Санкт-Петербурге, пишет: “Пару раз в неделю по Российской империи разносится весть, что такой-то Н.Н. либо Б.Б. не может или не желает выплатить требуемый либо силою изымаемый от него долг. Взятые им в заем деньги он проиграл в карты, прогулял в путешествии, пропил либо промотался, либо же позволил кому-то себя ободрать, как липку, или же потерял в пожаре или наводнении. Или же Н.Н. или Б.Б. влез в другой долг и оказался лицом к лицу с иными тратами, которые необходимо тотчас выплатить”.

“Сегодня утром по решению такого-то имущественного управляющего или суда, будут пущены с торгов в находящемся в такой-то области поместье капитана в отставке Т. в доме его номер Х. шесть душ женского и мужского роду. Торги пройдут по указанному адресу. Все интересующиеся могут заранее повидать товар”.

“Все хотят найти что-то по бесценке. Приходит день и час торгов. Отовсюду собираются покупатели. В зале, где быть торгам, недвижимо ожидают обреченные. Опершись на клюку из карагача, семидесятипятилетний старик ожидает с любопытством, к кому в руки отдаст его судьба, кто в последний раз закроет ему очи.

Вместе с отцом своего барина он воевал в Крымскую войну под предводительством маршала Миниха. Во франкфуртской битве он вынес своего раненого хозяина на плечах, а когда они вернулись домой, был учителем его сыну. Когда малыш упал с лодки, то, спасая тонущего ребенка, он, рискуя ценою собственной жизни, бросался в реку, а когда юноша был офицером нижних чинов, выплатил его долг и спас от позора тюрьмы.

Восьмидесятилетняя его супруга – кормилица матери молодого господина и его же няня. До выставления ее на аукционе на торги она ведала всем хозяйством в доме. За все это время она следила, чтоб хозяину дома ни в чем никогда не было отказа, никогда не помышляла о собственной выгоде, ни разу не соврала и, если когда-нибудь и причиняла людям беспокойство, то лишь по доброте душевной. Рядом с нею стоит сорокалетняя вдова, кормилица самого барина. До сих пор она относится к нему с нежностью. В крови ее господина течет ее собственная кровь. Это его вторая мать: барин жизнью своей обязан ей более, чем родной матери. Матушка его в минуту страсти осталась им беременна и не сделала ничего, чтоб его вырастить. Растили его все нянюшки. Она расстается со своими хозяевами, как с родными сыновьями. Восемнадцатилетняя дочь этой женщины приходится внучкой старикам, это дикий звереныш, немилосердная гордочка!”

“Взгляните на эти розовые щеки, слезы, текущие из чарующих вас глаз! Разве не вы были тем, кто запугивал, обманывал эту невинность, лестью и ложью бросая ее в вашу ловушку? Разве не вы были тем, кто обманул ее невинность и затем выдал за приятеля, но занял его место и вступил с нею в сношение? Она отвергала вас, но муж ее к ней больше не притронулся. Поскольку она не отдалась вам по своей воле, вы надругались над нею силой. Четверо бесчестных подлецов держали ее за руки и за ноги – нет! О дальнейшем я не могу и говорить. Лицо, измученное болью, глаза, исполненные страха. Младенец на ее руках – плод вашей фальши и шантажа, преданный разврату, копия отца. После рождения ребенка женщина сделала все, чтоб позабыть дикость его отца и в сердце ее начали пробуждаться чувства нежности к младенцу. Она боится, чтоб он не попал в руки таких, как его отец”.

“Ребенок... это же твой сын, о дикий варвар! Это твоя кровь! Или же ты думаешь, что без церковного обряда нет и ответственности? Или ты считаешь, что когда за деньги, уплаченные тобой за Божье покровительство, поп крестит по твоему повелению младенца, то он освящен Божьим присутствием? Ты думаешь,

что брак через силу есть *бракосочетание* в церкви Божьей? Всенепременный и Всесильный Господь ненавидит насилие и возрадуется желанием сердца, потому что не деградирует только одно – сердце”.

“Проклятье, сколько падшей продажности, обмана, совершающихся во имя удовольствий и наркотика от боли, и на виду у всех тех, кто не подобает Его алтарю. Молодой двадцатипятилетний юноша, венчанный пред Богом муж, подвижник и соучастник тайн своего господина, раскаивается в сделанном барину добре. В кармане он держится за рукоятку ножа. Мысли его угадать нетрудно. Но впустую! И тебя тоже отошлют другим людям. Рука не устающего гнуть тебя к земле помещика согнет твою шею и перед другим барином. Голод, холод, боль и огонь – вот что тебя ждет. Твоему уму чужды благородные мысли.

Для вас не существует справедливости. Если же мучитель твой не хочет покарать тебя собственноручно, он предает тебя законам. Ох, законы! Те законы, что не позволяют обвиняемому защищать самих себя! Но давайте вернемся с другим несчастным, выставленным на торги.

Еще не ударил молоток, еще четверо других узнали, что уготовано им судьбой – их рыдания, стоны и слезы разрывали сердца там собравшихся. Расчувствовались даже самые черствые. Окаменевшие сердца! Бессмысленная демонстрация симпатий?

Если бы мы хотели, мы могли бы вместе собраться деньгами, выкупить этих людей и вернуть им свободу!

Эти прожившие годы вместе, как сбившиеся в кучу овцы, несчастные будут терпеть боль разлуки из-за этого отвратительнейшего аукциона! Даже если этот неписанный закон, которому нет места среди писаных законов, точнее, этот дикий варварский обычай позволяет настолько унижать людей, какое у кого есть право продавать этого младенца? Ребенок незаконный; и закон его не предусматривает. Стойте, я и это обстоятельство отвергаю: я спасу ребенка. Но спасу, если только с ним смогут спастись и другие.

Эх, судьба! Почему же ко мне ты так жестока и так скупа? И впервые в жизни я почувствовал невыносимое желание стать

—•••••—

богатым! И сердце мое так пронзительно сжалось, что я вскакиваю со своего места на глазах у всех, всучиваю несчастным последние мои копейки из сумки и бегу оттуда. На ступеньках лестницы встречаю одного из приятелей, иностранца.

– Что с тобою? Ты плачешь?

– Уходи отсюда, – отвечаю я ему. – Уходи, чтоб ты не видел этого постыдного позора! Ты, человек, клеймящий в своей стране продажу черных рабов в далеких колониях, ступай отсюда, чтоб не быть очевидцем нашей темноты, пусть весь позор останется при нас!

– Но я не верю, – отвечал мой друг. – Тут, где прибежище человеческих свобод и верования, и мысли, невозможно бытование таких позорящих традиций!

– Здесь нечему удивляться, – отвечаю я. – Свободу верований ущемляют только лишь попы, но и они даже стараются держать агнцев в стаде не для Христа, но для самих себя. Но свободы крестьян означают ущемление имущественных прав. Впрочем, те, кто способен бороться за свободы, сами являются крупными землевладельцами. Поэтому нельзя ожидать от их сенатов получения свободы. Свобода придет к нам от самого бремени рабства”²¹¹.

Радищев пишет сотни текстов, повествующих об ослаблении силы аристократии и необходимости принимать на себя ответственность. Вот результат, к которому он приходит в своих статьях в стиле европейского Возрождения: *“Зло находится внутри человека, и причина его по большинству – в людском невежестве и неумении правильно оценить увиденное”*.

Он отстаивает мысль, что причиной невежества являются классовые ограничения, разделяющие людей одних от других, тогда как личность ценна настолько, что этого невозможно отрицать. Это причина, по которой он поддерживает образование, которое позволило бы научить прикованных к земле рабов-крепостных использовать свой ум. Но ему не везет больше, чем другим, потому что оппозиция его приходится на Французскую революцию 1789 года, в которой терпит поражение ближайшая

²¹¹ Медное, 1790. – *Примеч. авт.*

подруга Екатерины Мария Антуанетта. Он навлекает на себя гнев императрицы, его обвиняют в предательстве и приказывают отрубить голову. Екатерина впоследствии заменит приговор пожизненной ссылкой в Сибирь. Но и на этот раз Радищев восклицает из Сибири:

“Чем я был все время, тем есть и поныне, и тем же буду всегда; я не баран, не дерево и не раб – я человек! Да человек же я!”

Перед смертью Екатерины он возвращается назад, с подготовленной им для России новой республиканской конституцией в сумке и с надеждами на социальные и экономические реформы нового самодержца Александра I в сердце. Но не тут-то было. Он видит, что и этому не суждено быть. И в одно осеннее утро 1802 года оканчивает жизнь самоубийством.

Сегодня уже на место Александра I я ставила Горбачева и думала о шагнувшем в огонь Алексии. Но в том возвращающемся из Воркуты поезде я так и не поняла, что цитирующий из Мевляны мой дорогой друг невозвратимым образом утратил надежду на этот мир!

– Алексей, Ленин был масоном?

– Он сам говорил, что очень многое взял из духовной жизни подполья, – сказал Алексий.

В одной из своих статей он пишет следующее: “Снова-таки, мы поработали немного над марксизмом, обрисовав в этюде, как могут быть сведены в целое противоположности, и для чего их следует сводить воедино. Основным является следующее: мы совершили революцию, сводя к единству полные противоположности”. Годы тому на то же указывал ваш великий учитель – гностик Джелаледдин Руми: “Кажущимся противоположностям должно быть известно, что они пребывают в совместном действии”.

Источник цитаты я нашла только месяцы спустя! Я заказала его из Стамбула, и мне прислали перевод *Месневи*²¹² Шефика Джана. Мы вместе с Алексием прочитали раздел 2341 тома четвертого:

“Быть сотворенным – быть разрушенным; сообщество – разобщенность.

²¹² Месневи – крупнейшее произведение Джелаледдина Руми. Мевляны. – *Примеч. пер.*

Основательное – в разбитом; цель – в бесцельности; присутствие – в отсутствии.

Все на это похоже; все другие противоположности и подобия – точно как эти”.

Кто-то пришел и взялся копать землю. Один из блаженных дураков не выдержал и стал кричать: “И зачем ты копаешь эту землю, к чему раскаеши и разбрасываешь во все стороны почву?” Тот человек же отвечал ему: “Эй ты, дурень! Не трать на меня сил, но в разрушении узнай созидание! Если бы земной шар не перекапывали, не переворачивали вверх дном и не поганили, ежели бы не разрушали его, то разве стал бы он в конце цветущим садом и плодоносной пшеничной нивой? Если бы не разрушали мы порядку, то как было бы возможно, чтоб цветущий сад превращался в плодородную ниву, а нива – в бахчу? Как заживет и затянется рана с нарывом внутри, куда не проколоть ее скальпелем? Как найти средство от заболевания крови, мокроты и желчи, если не очищать их принимаемым лекарством? Портной, чтоб сделать платье, режет ткань. Разве кто-то может возразить ему: зачем ты режешь? Зачем порезал на куски этот ценный атлас? Что мне делать с этой рваной тканью? Чтоб перестроить заново всякое старое здание, его вначале разрушают! Итак, первейшим делом и столяра, и кузнеца, и мясника – прежде чем сделать новое, разрушить старое! И просо, и пшено сначала дробят в ступке, размельчая до муки. От прежнего ее вида не остается и следа, но она восстанавливает тело, изгоняя напроочь недуг запора.

Если бы пшеницу не мололи и не давили на мельницах, то как бы получали мы хлеб, чтоб наслаждаться им за трапезным столом?”

Должно быть, именно это знание и убедило Зудина.

– Хорошо, но был ли Маркс масоном?

То, чего он не сказал в поезде, он произнес, прочитав этот раздел из *Месневи*.

– Великая Восточная Французская ложа. Карл Маркс был масоном тридцать второй ступени. Энгельс, Ленин, Сталин, Герцен, Троцкий – тоже из Гранд Ориента.

– И ты? Ты – масон, Алеша?

Он остановился, и долго так посмотрел мне в лицо.

– Постарайся понять, какую есть моя жизнь, моя константинопольская принцесса, – промолвил он. – Поверь мне, разделить с тобою убеждения было бы для меня большим счастьем. Я простой человек – и в моей жизни нет блестящих успехов, как-то состояние, почет или прославленное имя. Друзья мои и даже моя семья начали от меня отдаляться. Либерал-демократы, коммунисты и русские националисты считают меня если не сумасшедшим, то слабой личностью, – как Гоголя. Прозападные интеллигенты обвиняют в мистицизме, православные называют самим чертом. Я должен признать, что выдержать это, гордо расправив плечи, мне нелегко. So! Пожалуйста, воспринимай меня как своеобразного мусульманина, да и все!

НА СТРАЖЕ МИРА

Правда является более удивительной, нежели фантазия, ибо фантазии должно наблюдать за тем, что может возникнуть; у правды же подобного принуждения нет.

Марк Твен

Должно быть, небо, пока я на него не смотрела, покрылось облаками, прекрасные звезды померкли, а ледяная пустыня погрузилась в крошечную тьму. Снаружи не было видно ни одного огня, свидетельствующего о прозрачности вагонных стекол. И когда лишь слабое освещение купе превратило в одностороннее зеркало заледеневшее окно, оттенив его, будто амальгамой, темнотою ночи, вся наша связь с этим миром оборвалась окончательно. И в ту ночь в том поезде нам стало казаться, что, кроме пассажиров скорого Котлас–Москва, на земной поверхности не существует ни одной живой души.

В купе Нади и Красного Уинклера было темно и не доносилось ни звука. Апельсинокосая женщина, матрос, др. Исая, другие пассажиры – все оставили меня с Алексием сторожить,

выключили свет и уснули. “На страже Мира, – смеялись мы с ним. – Будто, если вдруг мы уснем, с человечеством что-то случится!” Смех смехом, но мы были из тех людей, что знали цену ночных бдений; нет, мы никак не могли отказаться от того, чтоб ночи напролет до самого утра сидеть и поджидать Бога, и знание, и дух, и жизнь, и любовь.

Бывало и так, что мы оставляли эту вахту друг на друга. По большей части я бросала ее на Алексея, из-за того, что в глухой, не знающей усталости и не ведающей границ России часто бывало, что меня охватывало чувство пустоты и бессмысленности, что я пугалась, и мне хотелось свернуться назад в эмбрион, зарыться с головой в жар одеяла, не быть, не играть всюду и нигде. Однако мне было и не по плечу обрести покой в сплошной темноте. Помню, что за тонкими чертами лица моего дорогого друга, отражающимися в черном зеркале окна, я оглядывалась в поисках чего-то, какого-то знака, что не за горами наше спасение от этой пустоты.

– Хорошо, ты? Ты – масон, Алеша?

– Воспринимай меня как своеобразного мусульманина, и дело с концом.

На горизонте не было ни намека на облака. В какой-то момент меня поглотил страх, что что-то случится, и до скончания века нам не выбраться из этой пустоты.

– Разве здесь не проходит ни один другой поезд? Разве нет ни одного товарняка, эшелона, которому мы могли бы хоть помахать рукой?!

Даже если он и ответил, я не слышала. Я думала: *О ты, что превыше всего ценишь христианские идеалы и учение Христа...*

– Вы в курсе, что задолжали мне разъяснение, не правда ли?

Неопределенным кивком головы он выдал, что признает мою правоту, но так и продолжал прислушиваться к стуку и металлическому скрежету поезда, будто слышал их впервые. После значительного промежутка он, наконец, промолвил:

– Я пересчитал, они присоединили шесть плацкартных и три купейных вагонов. Такой длинный, что на станциях нам прихо-

дится останавливаться дважды. Один раз – для вагонов во главе, второй раз – в хвосте поезда...

– So?

– So! – улыбнулся он. – Я не сомневаюсь в том, что мусульманство, как минимум в его внешнем облике, стоит выше православной церкви. Я с пониманием отношусь к тому, что человек в здравом уме, оказавшийся перед выбором меж мусульманством и христианством, выбирает ислам. Вместо путанного и непонятного богословия с его троицей, искуплением грехов, обрядом святого причастия, крещением, святыми и иконами – единая доктрина, одна догма, единый Боже и Пророк Его... в любом случае это был бы более рациональный выбор.

Не знаю, откуда мне пришло в голову, как я вспомнила историю о человеке, похваляющегося тем, что на него взглянул конь падишаха, и сравнила себя с тем человеком, а Алексея – с падишахом, образ же *падишаха* в моем сознании – одержимый гордыней западный интеллигент!

– Вас одолело пренебрежительное превосходство, Алексей? Это не по моему адресу!

Позволить ему перейти в оборону означало бы спровоцировать поляризацию взглядов, я же хотела видеть Алексея не в качестве интеллектуального противника, но духовного близнеца, при котором я могла бы размышлять вслух, не испытывая ни малейшего стеснения, – и поэтому, по выражению мадам Зеленской, *дала по тормозам*.

– Насколько христиане довольствовались священной книгой – Библией, настолько и мусульмане довольствовались Кораном, – отвечала я. – Насколько же, насколько *монолитной* религией является *христианство*, настолько же *монолитным* является *ислам*. Ислам может быть настолько же индивидуалистическим, как буддизм, и так же общественен, и даже обездушевлен, как большевизм. Заверяю Вас, друг мой, убийца святой Айше Муавия бин Хинд был не большим атеистом, чем Сталин. So! Ежели я была бы на Вашем месте, Алексей, то советовала бы быть более тщательным в том, у кого перенимать претензию на кажущееся превосходство. Ибо, то, что

было упущено отцом Андреем Дмитриевичем, может попасть к молле Азам Тарыку.

Упомянутый мною *молла Азам Тарык* – человек – глава анти-шиитской ваххабитской организации “Воины сахабов²¹³” в Пакистане, давший своему сыну имя Муавия. В те дни его имя не сходило со страниц русской прессы как виновного в расправах в Панджабе, в которых было убито семьдесят трое и ранено более трехсот шиитов.

– Вам не мешает этот беспорядок?

Его вопрос пришелся как раз на момент, когда мигнули и на миг погасли вагонные лампы, и я не могла видеть выражения его лица. Я не могла оценить тогда и возникшей будто шепчущей интонации его голоса. Это сейчас уже я думаю, что, пожалуй, можно было бы и не напоминать о Муавии человеку, достигшего той точки, где пути его расходились с миром, в котором условия для существования так и не были созданы. Тогда я не знала.

Я кивнула головой:

– Увидим, что готовит Провиденье, но что б ни уготовано – все к лучшему.

Если бы мы не были так близки друг другу, либо же если бы Алексей не был так предан *правдоискательству*, он мог бы подумать, что я не придаю значения массовым убийствам вроде тех, совершенных “Воинами...”, во главу которых поставлены верования, и даже, может быть, обвинив меня, так же, как и все эти Морли и Анкерберги, в *страстях по шахидству*, он мог встать и уйти. Но Алексей, дорогой мой Алексей, предпочел понимание.

– Это сказанное Вами ведь не означает, что Вы самоустранились от жизни насущной, не так ли?

– Нет, что вы! Как раз напротив, означает, что я грудью противостою сущему. Капитуляция присутствует, конечно, но не перед сущим – перед Аллахом. И яко представители Господа на земле, мы повинны что есть силы бороться со злом. Однако при

²¹³ Сахабы – правоверные, присутствовавшие во время проповеди пророка Мухаммада. – *Примеч. пер.*

этом не следует и забываться, ведь мы смертны, обладаем лишь пригоршней души, что имеет свой конец, ведь так, не правда ли?

– Вот вы говорите – *что есть силы*. А что по-вашему есть мерило *силы*, *сколько ее есть*, Гюльоя?

– Это человек должен знать сам, Зеленский. И вы сами должны будете знать, на что поспешили, чего не сделали – а ведь могли бы! – чем пренебрегли, от чего воздержались, где повели себя скаредным скупердям. Должны будете знать лишь вы да еще Аллах.

Он сделал паузу, будто шел по следам всего, что было мною сказано.

– So! – промолвил он снова, – So, неужели наблюдаемое вами в мире зло не влияет на ваши личные отношения с Господом?

– С чего бы вдруг?! Рассчитываться с Аллахом за всяких разных там Муавий... до чего странная мысль! Борьба со злом в этом мире – наш удел. То, что мы можем сделать, – это надеяться на Его нам вспомоществование – и Он поможет. Естественно, ежели это отвечает Его Божьему промыслу.

– Ах, ну вы что же, до сих пор на ногах?!

Проводница, Надя Иванова, вышла из купе Красного Уинклера и взглянула на часы.

– Да ведь утро уже! И о чем только можно так говорить?

Надя – дочь Галины Алексеевны, школьной учительницы английского языка Алексия, и наш хороший друг. Но вместе с этим мне не хотелось, чтобы она знала, что я близка Алексию настолько, что была вправе спросить: “Ты – масон, Алеша?”. Но также не хотелось и лгать.

– Я спрашивала у Зеленского, был ли Маркс масоном.

Она прервала на половине зевок:

– Of course, he is! Тридцать второй степени, Великая Восточная ложа. Дед его был раввином, дядька раввином, мать его – из колена Мейера Кацелленбогена, весь род его был раввины. Маркс написал ту книгу с целью подведения научного фундамента под реформы Франка. Я пойду умоюсь.

Я уже снова обернулась к Алексию.

– Кто такой *Франк*?

– Якоб Франк. Основатель шабетаистской франкистской секты.

– Тот Шабетай, который из Измира?!

Все остальное пришло со временем. Год 1665. Рожденный в Палестине в 1643 или 1644 году и живший в Палестине, в Газе, почтенный еврейский богослов, известный как *Натан из Газы*, провозглашает скорый приход конца света и провозглашает *Мессией* рожденного в 1626 году в Смирне Шабетая Цви. Ложные мессии – это, конечно, не некая невидаль, однако на этот раз, точь в точь как в случае с Терезой, еврейство и Европы, и Анатолии взбудоражено дотоле почти невиданным вне интеллектуальных кругов воодушевлением.

– Шабетай сделал так, чтоб евреи, проживающие в городе А, писали евреям из города Б длинющие письма, повествующие о невиданных чудесах Шабетая в городе С, и таким образом приобрел себе в короткое время множество последователей в Измире, и даже в один прекрасный момент захватил синаногу тех, которые в него не верили. Последователи его веровали в то, что Цви свергнет падишаха и сам станет на его место. Однако султан Мехмед Авджи был не из тех, кто отступал перед угрозами, и наказал Цви в случае, если тот не отречется и не обратится в мусульманство, отрубить голову.

– Иисус отдал предпочтение смерти на кресте; Шабтай Цви же предпочел принять ислам и спасти шкуру, – тогда еще сказала, помню Тереза Д. Корнблатт, подруга Алексия. – Но, несмотря на это, ожидания мессии не прекратились. Шабетаисты, несмотря на то, что были прокляты ортодоксальными евреями, продолжали находить последователей в гетто. Отражением этого стало распространившееся в местах еврейских поселений мнение в эпоху европейского Просветительства о необходимости повторного толкования Торы. Былые запреты стали дозволенными и даже предписанными верой. А сами они начали воспринимать себя провозвестниками совершенного нового мира, избавленного от вериг проповедуемых вселенскими религиями ценностей.

Я тогда думала, что Шабетай оскорбил своих последователей обращением в мусульманство, а оказалось, что нет. Тереза сказала, что он “развил новую религиозную доктрину, более соответствующую обстоятельствам”.

– В Салониках они создали секту *дёнме*, шли по стопам своих учителей и принимали ислам, молясь днем в мечетях, а по ночам тайно в своих синагогах. Дома они говорили по-испански, на улице – по-турецки, при этом сохраняя знание иврита. При этом они питали ненависть к исламу и не допускали браков с турками. По словам Шолема, именно они стояли у истоков движения младотуркизма, и более того, трое из министров первого республиканского правительства Турции были из дёнме.

Я попробовала было пояснить, что употребленное нею слово происходит от турецкого *dönme* – производного от глагола *dönmek* – обращаться в значении turn-coat “ренегат, перебежчик”, но не успела. Я явно не нравилась Терезе, и она не упустила возможности меня поддеть.

– И в конце концов, ведь Шабетаю Цви Вашего султана свергнуть с трона таки удалось, что скажете?

– Скажу: О мой Боже, – пробормотала я тогда – по-турецки...

Смотри продолжение во второй книге

СОДЕРЖАНИЕ

Отзывы о книге.....	5
Предисловие переводчика.....	8
От автора.....	13
Языки алого пламени.....	20
Язычница	106
Молочный туман	144
Последнее обращение ко Христу	160
Масон без фартука.....	180
С самого начала.....	187
Топор и память.....	260
Kumbaya, my Lord! Kumbaya!.....	299
Нескончаемая расплата	311
Эй, ухнем! Эй, ухнем!	328
Блатной мир.....	359
Один русский, три еврея.....	390
Утраченное звено.....	454
Меж разумом и сердцем.....	476
На страже мира.....	514

Литературно-художественное издание

Алев Алатлы

ПО СЛЕДАМ ГОГОЛЯ

Книга 1

Не просвещением, но сердцем

Перевод с турецкого Ирины Дриги

Літературний редактор Анатолій Момрик
Комп'ютерна верстка Анжела Корженівська
Коректори Ірина Чубко, Людмила Сідько

Підписано до друку 15.03.2010
Формат 60х84 1/16. Гарн. MyslC
Зам. № 59. Наклад 1000

Видруковано ТОВ «Четверта хвиля»,
01042, м. Київ, бульв. Дружби Народів, 19, оф. 509
тел. 529-14-02